Полное собрание сочинений. Том II священномученик Иоанн Восторгов

Том I * Том III * Том IV * Том V

Проповеди и поучительные статьи на регилиозно-нравственные темы.

1901–1905 гг.

В настоящий том вошли проповеднические труды о. Иоанна Восторгова периода его пастырского служения в г. Тифлисе (с 1901 г. по 1905 г. вкл.) в должности Окружного Наблюдателя церковных школ в епархиях Грузинского экзархата.

1901 г.

Новый год и новый век[1]

За длинной вереницей минувших столетий уходит теперь в вечность вместе со старым годом и старый XIX век. Но столетия в жизни человечества не отделяются одно от другого механически; между ними остается органическая связь, хотя, конечно, на протяжении ста лет, при смене нескольких поколений, всегда можно выделить одно или несколько влияний века, которые можно назвать его характеристическим признаком. Последнее из них есть как бы завет отходящего в невозвратную вечность столетия его юному преемнику.

Минувший век по справедливости можно назвать много пожившим и много испытавшим, в смысле разнообразных направлений и течений мысли; слишком сложна была его духовная жизнь, слишком много разнообразных наслоений заключает она в себе, чтобы возможно было легко и безошибочно подвести их под одно всеобъемлющее начало. Основные запросы человеческого духа не изменяются с переменой столетий; все те же они, эти вопросы высшего порядка, вопросы о смысле и цели бытия, нередко затеняемые ежедневною сутолокою жизни, но никогда не умирающие: так, среди калейдоскопических перемен в окружающей природе, среди явлений временных, иногда мгновенных, существуют длительные, вековые, относительно вечные процессы жизни. И как в природе во все века, возвышаясь над всеми переменами ее жизни, неизменно действует вложенный Богом закон всемирного тяготения, так в человеческом богоподобном духе, не умирая, действует всечеловеческое и всемирное тяготение его к бесконечному центру мира…

Отшедший от нас XIX век в движениях мысли не дал окончательного разрешения великих вопросов о смысле и цели бытия. И к нему приложимо слово поэта: «Стараясь в сомнениях о великих тайнах, идут невозвратно века за веками; у каждого века вечность вопрошает: чем кончилось дело? Вопроси другого, каждый отвечает». Но справедливость требует сказать, что минувший век нельзя упрекнуть в недостатке

пытливости и энергии в этой вековечной работе. И нужно отказаться совсем от веры в обладание истиной и осудить, таким образом, дух человека на невозможное для него самоубийство, нужно совсем отказаться от веры в человека, чтобы не видеть глубоко важного значения в этой тяжелой духовной работе века. Плоды ее не сразу вместимы в разум и не сразу могут броситься в глаза, но во всяком случае эта сложная духовная работа не прошла даром.

Не станем ни скрывать, ни умалять самих ошибок века: они были, и были ошибки действительно горькие и печальные, но и они послужат, да уже и послужили к концу столетия к оздоровлению мысли.

В наследие от своего предшественника истекший век получил разложившийся рационализм философии энциклопедистов, быстро облетевшей Европу и затем выродившейся в мистический пиэтизм. Отклонение маятника вправо дает затем такое же отклонение влево: и мистицизм, как реакция против недавних увлечений вольномыслием энциклопедистов, получил сильное распространение в Европе: захватил он и высшие слои нашего отечества, и в лице г-жи Крюднер, г-жи Гюйон, фран-масонов отразился в умственных течениях и русского общества.

Следующая, особенно заметная ступень в направлении умственной жизни века, – это идеализм Гегеля. В крайностях гегельянства все бытие низведено было на чистую идею, и между духом и материей, Творцом и творением, идеей и действительностью исчезли все отличия. Но реальные запросы мысли и жизни не могли быть подавлены отвлеченною теорией, и вот, как это странно, с одной стороны, под влиянием этих запросов, с другой стороны, в логическом развитии самого гегельянства – его крайняя левая, как выражаются историки философии, неожиданно вырождается в грубый материализм… Можно сказать, это последнее миросозерцание, упростившееся до крайности и спустившееся с верхов философии в самые низины толпы. Прошумело в Европе более всех других. Временно оно связало себя с успехами естествознания, получившего в наш век небывалое развитие, и, опираясь на

открытия и изобретения в области материальной культуры, горделиво и самоуверенно предъявило претензию сказать последнее слово в области мысли. Необыкновенное, невиданное увлечение наукою охватило всю мыслящую Европу; но под влиянием материализма самая наука, приняв форму позитивизма, слишком сузила свою сферу и предъявила попытку совсем выбросить из своей области все вопросы, касавшиеся собственно духа человеческого; поколение, выросшее и воспитавшееся под влиянием этого миросозерцания, считало себя в праве безнаказанно отрицать все недоступное нашим внешним чувствам – религию, совесть, нравственность и проч.; уничтожение вопросов оно считало их разрешением, и свои ограниченные стремления и свои смелые верования оно резюмировало в спесивой фразе, которая свидетельствовала только об ограниченности: «В мире нет более тайн"… Трудно представить, какие чудовищные для нравственной и религиозной жизни человечества выводы были сделаны из открытий биологии и физиологии – из закона сохранения вещества, естественного подбора и борьбы за существование… Казалось, наступает крушение всех идеалов, и материализм, потворствуя чувственности, потакая низменным стремлениям толпы, будучи «дешевым миросозерцанием», доступным самой обыкновенной ограниченности, подорвет все высшие идеальные стремления. Действительно, никогда не совершалось столько преступлений, никогда не было такого разлива чувственности как во время господства этого жалкого мировоззрения; конечно, эти явления преступности бывали и бывают при всех условиях жизни, но теперь они не скрывались, открыто показывались на свет, не стыдились себя, а находили себе оправдания в господствующих теориях и ложных ссылках на науку. К счастью, духовную жизнь человека нельзя подавить в конец. Как теория, материализм скоро начал терять свое обаяние, обнаруживая свою несостоятельность, и истинная наука скоро открыто и бесповоротно отказалась от услуг этого мнимого союзника. Невероятною становилась после всех этих огульных отрицаний всего сверхъестественного та жажда неведомого и таинственного, которая стала замечаться

повсюду. Но не сразу она нашла себе исход и удовлетворение там, где она давным – давно указана Тем, Кто вложил нам в душу эту жажду… В «Плодах просвещения» нарисована картина этого искания… В мрачных сеансах спиритизма, в постукиваниях и движениях бездушного стола, часто бессмысленных и смешных, в бесцельных вызываниях умерших, в письменных сношениях с духами – вот где искали удовлетворения требованиям проснувшегося духа… Чувственная сторона оказалась далеко не единственной в человеке, но долговременное удовлетворение одной чувственности и забвения о другой стороне человеческого существа естественно произвело утомление, разочарование в тех светлых надеждах, которые возлагались на науку, принесло уныние, – и на испещренной физиономии нашего века появилась еще глубокая и резкая морщина… Мы говорим о пессимизме. Культурный человек, способный наблюдать и оценивать явления жизни и мысли, действительно терялся в безвыходных противоречиях века.

Укажем на некоторые из этих противоречий.

Горячая вера в науку окрылила мыслителей нашего века светлою надеждою устроить рай на земле, создать путем естественного гуманизма общение народов, в общей дружной культурной работе имеющих вступить в вечный мир. Известный Бокль уже смело объявляет крымскую войну последним остатком отживавшего варварства. И как бы в насмешку над всеми этими чаяниями, тягостный милитаризм, «вооруженный мир», – вот что служило ответом смелому пророчеству. Милитаризм обращает Германию, эту страну философов и поэтов, в сплошную казарму, истощает экономическую жизнь народов; войны следуют за войнами, человеческая изобретательность и самые выводы науки обращают на измышление новых орудий истребления людей, и в настоящие минуты, когда мы пишем строки, Европа находится в полном напряжении военных сил и ведет брань в двух отдаленных местностях земного шара.

Ряд открытий и изобретений, открывших человеку возможность пользоваться такими силами, как пар и

электричество, развитие промышленности, усиленное производство всех предметов мировой торговли, – все это, по-видимому, обещало целый переворот в области социально-экономической жизни народов, в смысле смягчения и даже полного уничтожения бедности. Мечтателям рисовались заманчивые картины всеобщего материального довольства, – и, как бы в насмешку, никогда не бросалась в глаза так резко разница между богатством и бедностью, никогда капитал не был таким всесильным господином, никогда плутократия не обособлялась так от бедноты и нищеты. По-видимому, весь культурный прогресс оказался выгодным только ничтожной горсти миллионеров, и промышленность, железные дороги, пароходство, электрическая и паровые машины, – все это сделало жизнь рабочих классов гораздо бедственнее, чем была она прежде.

Как бы усиливая это противоречие, капиталистическая промышленность создала из рабочих целое царство своих подданных, над которыми она господствует страхом голодной смерти, – и это в тот век, когда более, чем когда-либо, возглашались идеи о всеобщем равенстве, о правах демократии и проч., когда старательно разбивали все стеснения, идущие от традиции веры, государственной и церковной жизни минувших веков, традиции, называемые рабством, несоответствующим свободу духу человека XIX столетия. Власть денег захватила не одни рабочие классы: она поработила газету, книгу, подчинила себе и учителя, и чиновника, и общественного деятеля…

Сумма знаний увеличилась в минувшем столетии, и наука сделалась общедоступной; множество учебных заведений, бесчисленные газеты, особые просветительные учреждения расширили круг распространения и первоначальной грамотности и научных сведений. Казалось, что под влиянием просвещения жизнь людей будет, если не совершенно, то во всяком случае более, чем в прежнее время, свободна от проявлений дикости, жестокости и преступлений. И вот, опять как бы в насмешку, раздается возглас, что Европа «одичала» в нравственном отношении. Коварство в политике, подлоги,

обманы, измены характеризовали международные отношения (стоит вспомнить только Бисмарка); множество самых диких преступлений, жестоких и бессмысленных убийств, случаев воровства целых миллионов рублей, принадлежащих бедноте, злостных банкротств, небывалые проявления наглого до циничности эгоизма, – все это омрачало жизнь нашу в последние десятилетия.

Удлинять ли эти параллели противоречий? Говорит ли о том, что, несмотря на всеобщее стремление к удовольствиям, на ненависть ко всякому виду аскетизма, несмотря на то, что места увеселений увеличились до возможной степени, что доступ к ним открыт самый широкий, так что явилась даже так называемая «увеселительная благотворительность», – несмотря на все это, истинная жизнерадостность нисколько не повысилась, людям стало жить печальней и скучнее. Здесь одно из самых резких противоречий истекшего века, дающего, по статистическим сведениям, до 50.000 самоубийств в год в одной Европе и до 500 самоубийств в год *среди учащихся детей* только в одном из учебных округов Франции…

Немудрено, что под влиянием этих бросающихся в глаза противоречий, возник и развился мрачный пессимизм, и представители его в философии и в литературе стали пользоваться заметным влиянием. Небытие лучше бытия, и самый мир есть нечто такое, что не должно бы быть совсем, – таково последнее слово этого мировоззрения. Но если бы пессимизм удержал за собою господствующее положение среди настроений века, это бы значило, что человечество истощило свои жизненные силы. К счастью, пессимизм всегда был явлением временным. И к концу века европейское человечество возвратилось снова к более отрадному миросозерцанию, которое в состоянии удовлетворить никогда не умирающие в человеке высшие духовно-нравственные потребности. Мы разумеем тот благотворный дух религиозно-нравственного возрождения, который в последнее десятилетие минувшего века наложил такую заметную печать на все стороны жизни. Необыкновенно возрос интерес к истории религии; необыкновенно возрос интерес к христианству, к его

Основателю, к истории его Церкви, к разрешению нравственных вопросов. Это явление замечено всюду, как «возрождение спиритуализма» и, к чести нашей сказать, во Франции, например, в значительной степени приписывается влиянию «русского романа». Правда, под влиянием все указанных противоречий века, в современном культурном человеке остались осадки пережитого и перечувствованного; он потерял цельность своего существа, непосредственность отношений к вопросам высшего порядка, и даже более: эти осадки нередко затемняют в нем самые простые истины. Море, взволнованное бурею, не сразу успокоится, хоть буря и перекатится; экипаж, выбитый из колеи бешеною скачкою, не сразу опять попадет в колею: так и в религиозных исканиях современности, например, и у нашего «учителя» графа Толстого, даже при добром желании осмыслить для себя и для других жизнь человечества, обнаруживается иногда чудовищное непонимание христианства в его основных истинах. Отрешенные от исторической живой связи с христианством, эти искатели видят вдали свет его, но усталость духовного зрения, с одной стороны, мешает им найти к нему дорогу; с другой стороны, гордость, как наследие прошлого увлечения рационализмом, мешает им взять протянутую руку помощи от Церкви, которая одна хранила и хранит живое, не умиравшее и не умирающее христианство.

Мы глубоко верим, что это отмеченное шатание религиозной мысли есть явление временное и скоропреходящее. Мы глубоко верим, и теперь уж видим, что лучшие представители мысли и жизни предостерегают человечество от неразумного увлечения механическим мировоззрением и стараются уяснить себе и другим взгляд на жизнь человека и на смысл исторических судеб с высшей точки зрения нравственного мироправления. Недаром одно научное общество в Гааге недавно назначило премию за лучшее сочинение по вопросу о «нравственном мироправлении» в смысле его научно-философского оправдания.

Поворот к религиозному миросозерцанию есть как бы завет минувшего века новому XX столетию, и смиренное усвоение, правильное развитие и осмысленное, здоровое направление

его по руслу вековой религиозной жизни в недрах Церкви составляет обязанность тех, кому дано жить и мыслить и действовать в наступающем новом веке.

Священство – первородство духовное[2]

«В законе сени и писаний образ видим, вернии: всяк мужеский пол, ложесна развнерзаяй, свят Богу"…

(9 песнь канона праздн.)

Если всем верным в ветхозаветном законе сени и писаний дается особо поучительный образ, то тем более это касается вас, духовные юноши. Припомните обстоятельства, послужившие в Ветхом Завете ближайшим поводом появления того закона, по которому ныне Богочеловек Иисус Христос Материю приносится в храм Господень.

По закону Моисея (Лев. 12:2–8), каждая мать родившая ребенка, в 40-й день после рождения должна была явиться в храм и принести жертву очищения. Но если младенец был перворожденным мужеского пола, то, кроме обряда очищения матери, совершался еще другой знаменательный обряд посвящения младенца Господу Богу, обращавший мысли народа к первым временам его самостоятельной жизни, – жизни, всецело протекшей под водительством Божиим. Вчера читалось в первой вечерней паремии: в воспоминание чудесного события, когда в ночь пред выходом Израиля из Египта ангел-истребитель избил первенцев египетских, оставив еврейских невредимыми, закон Моисеев повелел посвящать Богу всех первородных в Израиле. Посвященные (евр. *кадош*, что значит: выделенный, отданный в полную и безусловную собственность) становились полною собственностью Божиею и могли быть употреблены на служение в скинии и храме (Исх. 13:2,15, 22:29; Числ. 3:13, 8:17). Впоследствии вместо этих первенцев было избрано для особого служения Богу *священство* Израилево – колено Левиино (Числ. 3:12, 8:18), а за первенцев должны были родители давать особый выкуп, который, как видим в евангелии, был внесен и Иосифом с Мариею за Младенца Иисуса.

Итак, что же прежде всего мы видим в законе сени и писаний?

Видим, что в древнем Израиле, по повелению Божию, священство заменило первенцев по плоти и сделалось само духовным первородством и духовною всенародною жертвою перед Богом; так велико было это служение священства, что Сам воплотившийся Богочеловек благоволил исполнить закон этой замены и, таким образом, освятил и подтвердил духовное первородство священства.

Судите же теперь сами, мои юные слушатели, – судите, неправда ли, что в законе сени и писаний сегодня вы, как подготовляемые к священству и рождением и воспитанием, должны видеть для себя особо поучительный и знаменательный образ?

Да, возлюбленные юноши, священство есть собственность Господа по преимуществу, Его клир – удел и достояние; священство есть духовное первородство в народе, – и к этому первородству готовитесь вы в завете новом, высшем и совершеннейшем, в котором и священство, как слышали вы сегодня в апостольском чтении, настолько выше ветхозаветного, насколько тело выше тени, исполнение выше ожидания… Да не подумает кто, что в наших словах звучит обыкновенная, мирская, так называемая сословная гордость. Нет, возлюбленные, священство подобно царству и пророчеству, не есть сословие; оно выше этого обычного деления общественной жизни. Если же мы, носители священства, говорим о нем, как о духовном первородстве, то, как видите, говорим на основании слова Божия, и говорим с чувством трепетного смирения и сознания своего недостоинства. С другой стороны, да не смутится кто-либо при этом определении священства и тем бедным, часто убогим, а то и презираемым и забитым положением, которое оно нередко занимает в мире и которое многих малодушных и мелкодушных духовных юношей отвращает от дороги их отцов и праотцов. Мысли и пути Божии – не то, что мысли и пути человеческие… Дух выше тела и духовное выше плотского – это основная истина христианства. Но и в законе сени и писания найдем мы в этом отношении руководственное указание. Издревле, на заре жизни человечества, святые патриархи одному из сыновей своих

давали права первородства. Но в то время, как у всех народов языческих права первенства заключились в обладании нажитым богатством отца и властью над своим родом, – в племени богоизбранном эти права прежде всего заключались в обладании духовным сокровищем – в обетовании Спасителя мира. Ной, вдохновленный свыше, Иафету, младшему сыну своему, обещает многолюдное потомство и расширение пределов обитания, – то, что обычно завещал бы отец сыну старшему; а Симу, первенцу своему, обещает он то, что непонятно плотскому уму, но что выше всего: обещает его потомству рождение Спасителя мира, истинное боговедение и чрез это, после подчинения внешней силе иафетидов, – духовное господство над ними истиною веры. Исаву достается в обладание не большая часть, а решительно все имущество отца его Исаака, и он, некогда продавший первородство свое за чечевичную похлебку, усвоив себе чувственные воззрения хананеян, вполне успокоился, получив стада и серебро отцовские. Благословение Иакова, однако, чрез это не умалилось. Иакову, и одинокому и гонимому братом, обещано было духовное первородство в рождении от него Спасителя, и обещание сбылось с изумительною точностью и соделало потомство Иакова славою мира, светом для язычников, как ныне торжественно вещает о том св. Симеон Богоприимец. Так духовное первородство у Бога выше, чем земное первенство в возрениях людей мира. То же нужно сказать и о священстве.

И доныне, и до конца времен, и на вечные веки священство в Христовой Церкви имеет значение, подобное первородству Иакова: оно есть первенец духовный, оно есть залог жизни духа, оно есть семя святое, которым обусловлено самое стояние мира; оно есть жертва Богу всенародная, всемирная, хотя бы, подобно изгнаннику – Иакову в пустыне, и не высоко и не знатно было положение его в так называемой мирской жизни. Ведь и сам Спаситель, родившись, благоволил записаться в число подданных Августа, принесен в храм и жертвою выкуплен, как сын бедных родителей. Но какой же другой младенец, в час сретения Иисуса Симеоном, вместе с Ним принесенный в храм, мог сравняться с Богомладенцем Христом,

хотя бы за него, как выкуп, даны были в храм горы золота и священных сиклей, тысячи жертв и всесожжений?

Окончательная цель жизни народов и человечества есть *богоправление*, вселенская теократия, в высшем смысле этого слова, как осуществление божественного закона в мире человеческом, воплощение небесного в земном, – все то, чему начало пророческими очами увидел старец Симеон, нося на руку Христа-Богомладенца, увидел и возрадовался…

Этот союз неба и земли, этот новый завет Бога с творением, этот совершенный круг и венец всемирного дела, называемый *царством Божиим*, – все это есть создание Божие вековечное, и никаким силам зла не поколебать того, что утверждено и наздано кровью Бога-Искупителя. К слиянию с этим царством Божиим стремиться должна и жизнь царств человеческих, и всякая вообще личная или общественная жизнь. И вот здесь-то и велик и незаменим священник Божий, в широком значении этого слова, – священник, как учитель и проповедник богопреданной истины, священнодействователь и молитвенник в посредстве божественного с человеческим, духовный управитель жизни верующих на пути к соединению земного с небесным. Не блестяща, может быть, его деятельность по внешнему виду, но русло жизни нам не дано видеть телесными очами, как не дано видеть и заметить в настоящий момент, каким образом, когда я говорю, а вы слушаете, совершается духовный обмен мыслей и чувств наших, каким образом в нас и вне нас неуклонно действует законы природы, вращается земля около своей оси и вокруг солнца. Но несомненно, эти явления невидимые устойчивее, постояннее и важнее много из видимого.

К чему говорим мы вам обо всем этом? А к тому говорим, возлюбленные юноши, чтобы и поучать, просить, и умолять вас проникнуться сознанием вашего духовного первородства, вашего будущего высокого призвания. Народ вас ждет, юноши, – ваш родной, близкий вам народ, это дитя Божие, еще малое, еще часто неразумное, ждет к себе вас, своих первенцев, ждет и в храм, и в школу, и в свою темную жизнь, на духовную ниву свою, ждет с простертыми руками, ища духовной милостыни и

участия. Неужели положите вы в эти с мольбою простертые руки камень вместо хлеба? Неужели подадите вместо рыбы змию, вместо яйца скорпиона?

Увы, увы! Дух мирских мечтаний, прикрываемых громкими фразами, убаюкивающими совесть, отвращает многих духовных юношей от этой службы народу, – и мчатся эти юноши, одни в мечтах, а другие уже в действительности, мчатся мимо коленопреклоненных младших по духу братьев своих, мчатся далеко-далеко, созидая личное благо, к тысячным окладам, к обогащению, к власти и чинам, любя народ свой только на словах, а не на деле, готовые быть в среде этого народа хотя бы врачами скотов, оставляя на гибель и обрекая на тьму человеческие души… Повторяется старая история Исавовой продажи первородства за чечевичную похлебку…

В ветхом завете священство соединено было, как неизбежная обязанность, с рождением от колена Левиина, и таким образом являлось принудительным. Закон нового завета есть закон свободы: но помните, что по закону свободы мы и судимы будем (Иак. 2:12).

В законе сени и писаний образ видим, вернии… Пусть же эти многоговорящие образы, то устрашающие, то поучающие, вдохнут в вас, наши родные, духовные юноши, любовь к вашему будущему званию, решимость отдаться ему всецело и безраздельно, чтобы не изменив позорно призванию своему, не продавшись за чечевичную похлебку мирских выгод, напротив, *тщанием не лениви, духом горяще, Господеви работающе* (Римл. 12:11), послужили вы каждый своему народу и вместе всему миру в духовном первородстве священства Божия! Аминь.

Союз пасомых с Архипастырем[3]

Сия вера апостольская, сия вера отеческая, Сия вера православная, сия вера вселенную утверди. (Из «Чина Православия».)

В жизни мирской, обычной нередко наблюдается печальное явление: во дни торжества и радости, во дни силы и благосостояния общества забывают те давно умершие лица, заслугам, а иногда и страданиям которых общество обязано своим процветанием. Часто ли, например, при восхвалениях современной цивилизации и успехов Европы воспоминают о том, чем она обязана христианству и его проповедникам? Часто ли в патриотической гордости при виде шири и мощи нашего отечества сознают и признают неизмеримые заслуги Православной Церкви, этой силы зиждительной России, и ее служителей? Чувство личной радости так увлекает человека, что он чаще всего в минуты удачи и благополучия, удовлетворения своему самолюбию, готов все приписать себе самому, забывая о других.

Не то мы видим в Церкви Божией. Священное достояние ее – Божественная истина хранится в ней нерушимо, как богодарованное сокровище; не люди создали его и не от людей мы его получили. Однако, истина эта дана была *людям*, и хотя и при высшей, Божественной помощи, но хранилась она людьми и людям же передавалась из рода в род. Тьма всегда вооружалась на свет, злоба и нечестие всегда возрастали противу правды, – и людям, носителям истины христианства, суждено было, суждено и теперь и навеки охранять эту истину и личным, и целокупным подвигом, твердым стоянием в вере, каких бы это усилий и страданий ни стоило. И как не забыта пред Богом ни единая капля слезная, ниже капли часть некая, так не забыта в Церкви ни единая капля ревности к вере и усердия, ни единая душа, ревновавшая по правде Божией, в меру сил и разумения. Память в Церкви есть воистину *вечная память*, – и как радостно, как отрадно сознавать, что жить и действовать в среде церковной – значит найти в ней и вечную

жизнь с удовлетворением вековечных запросов духа нашего в духовном общении с Творцом и с Главою Церкви – Христом Иисусом, и вечную память молитвы и ходатайства, непрестающей любви и участия в материнском лоне Церкви! Можно сказать, что не только каждый член, а каждое слово нашего священного символа веры выстрадано в упорной борьбе с врагами истины, каждая черта церковной жизни вошла в мир путем страдания и мученической стойкости верных сынов Церкви. Не забыто все, что они отстояли кровью, слезами и горестью душ; не забыто это выстраданное дорогое учение, не забыты и эти страдальцы, подвижники, верные сыны Церкви! В торжественный праздник православия, в первое воскресенье Великого поста, Церковь ежегодно, возглашая устрашающую анафему лжеучениям и лжеучителям не из мести, конечно, а в ограждение чад своих от пагубных ошибок и заблуждений, в то же время ублажает вечною памятью всех ревнителей веры и благочестия[4]. В этот день, оглядываясь на прошлые судьбы свои, видит Церковь, как возникали и воздымались враждебные ее течения, шумели, грозили, нарушали всеобщий мир, колебали спокойствие Церкви, силились все затопить грязными волнами своими, казались страшными, всесокрушающими, но, как иней от веяния животворного тепла, как туман пред лучами солнца, таяли и гибли они пред лучами животворной истины. Оглядываясь назад, Церковь с утешением видит, что из великих испытаний и страданий она вышла, как золото из горнила, чище, дороже, достойнее. Оглядываясь назад на прошлые судьбы свои, видит Церковь ясно торжество свое над неверием, зловерием, неправоверием, и благодарная Богу и Его водительству, благодарна она и тем великим сынам своим, которые не пали духом в годину искушений и, насколько дано действовать в истории Церкви силам людей, подготовили ей торжество православия. Среди них, как духовные светила, сияют на тверди церковной великие отцы Церкви, пастыри душ, прославленные дарованиями духа и личною святостью жизни. Благословен Господь, воздвигавший от времен апостолов эти великие светильники! Они светили для верных душ среди тьмы язычества и всякого лжемудрования, они согревали холодные

сердца огнем своей любви и ревности, они истолковывали слово истины, они возвещали ее во всем мире, они на вселенских соборах навеки изложили ее в удобоприемлемых и незыблемых символах и вероопределениях, они же и отстояли истину от всех на нее нападений. И благодарная им, почитающая память их Церковь, воздвигая ныне широко-веющую хоругвь православия над миром, да видима будет и просветится пред человеками, во всеуслышание вещает: *сия вера отеческая!*

Это не значит, что православие сводит истину к формулам, изобретенным человеками; это не значит, чтобы наша вера, так сказать, очеловечившись, потеряла свой высший авторитет, или чтобы Церковь из учреждения неизменного, вековечного и божественного обратилась в человеческое. Отцы Церкви не заслоняли и не заслоняют от верующих Христа, как заслоняет Его собою на Западе в католическом христианском мире обоженный земной первосвященник; с другой стороны, Церковь наша не кончает своего бытия, своей истории и устройства только временем апостолов, оставаясь после них в состоянии анархии верований и управления, как это мы видим в другой – протестантской части западного христианства. Истина в средине: Церковь православная сильна взаимным союзом пастырей и пасомых, их взаимоподвигом веры, сильна своею *народностью*, – и дай Бог ей оставаться народною во веки веков! По словам представителей восточной православной Церкви, «у нас ни патриархи, ни соборы не могли ввести что-либо новое, потому что хранитель благочестия у нас есть самое тело Церкви, т.е. народ церковный, который всегда желает содержать веру свою неизменно и согласно с верою отцов своих[5]». Древние пастыри, светила Церкви, и были сильны любовью паствы и союзом с нею. Эта любовь ограждала их нередко от смерти и мучений; она же давала им и мужество в страданиях, когда они, эти страдания, становились неизбежными, и надежду, что не тщетно будет и самое их мученичество. Эта любовь делала и учение пастырей доступным для паствы и охраняла православие народа, который, не всегда ясно понимая и различая истину в тонких

диалектических спорах востока или в хитросплетенных умствованиях еретиков, объединялся около любимых пастырей и держался православия из доверия и любви к его носителям.

Наглядное подтверждение сказанному находим в жизни и деятельности одного из святителей-пастырей, память которого, в порядке годичного церковного круга воспоминаний, совпадает с нынешним торжеством православия, именно святителя Флавиана, патриарха Константинопольского († 449 г.). «Муж православия», «по духу пастырскому достойный заместитель престола великого Иоанна Златоуста»[6], он в годину смуты церковной, в борьбе православия против лжеучений несторианства и монофизитства, с великою ревностью и мужеством отстаивал истину, и избитый, оскорбленный, неправедно осужденный неправедным собором, по справедливости получившим в истории название «разбойничьяго», предал дух свой Пастыреначальнику Христу, удержав в православии и вверенную ему паству. Всего два года он не дожил до радости IV вселенского собора, оправдавшего и его учение и подвиг его пастырства, приветствовавшего его святость на радость всему православному народу. Достойно ныне восхваляется блаженный сей пастырь в числе святых и великих отцов Церкви, сохранивших нам ту веру, о которой ныне мы возглашаем: сия вера *отеческая*, вера православная, *сия вера вселенную утверди*.

Но, братие мои, уважение к древним отцам налагает на нас священную обязанность и ныне жить в общении любви, преданности и послушании отцам современным, пастырям Церкви. По воле Божией, они суть носители неумирающего предания церковного, неумирающей связи прошлого с настоящим и будущим, значит, носители самой жизни Церкви. Оттого великая сила, величайшая сила в общении пастыря и паствы и в их взаимной любви; эта сила любви и в наше время, полное искушений веры, равнодушия, колебаний, сомнений, отрицаний, полное религиозного разномыслия и сектантства, сохранит народ наш от блуждания по распутиям лжи и религиозных шатаний. Образ пастыря, только и исключительно чиновника-администратора, и образ отношений пасомых к

пастырю только внешних, административных – совершенно чужд представлениям восточной православной Церкви, которая усвоила своим верховным пастырям не жесткое название «князей церкви», а трогательное наименование отцов… Один из ученейших епископов нашей Церкви поучительно рассуждает об этом таким образом: «Что такое епископ-пастырь Церкви в истинном смысле слова? Не учитель только в предметах веры и благочестия, не совершитель только торжественного богослужения и рукоположитель священства, не судия только главный дел совести и дел церковных, наконец, не начальник только духовного сословия. Пастырь-епископ есть высший руководитель народа на всем пути духовной жизни; блюститель общественной нравственности, хранитель и защитник высших духовных потребностей и пользы народа, – предстатель за его душу и совесть и благо вечное пред Богом и человеками, на небе и земле; это, наконец, представитель Церкви православно-католической в данном месте, ее законов, ее прав, ее сил, ее целей. Что такое и паства? Не определенный только круг населения, подчиненного в церковном отношении местному пастырю, не собрание только молящихся людей в церкви, не просто – стадо овец, безмолвно слушающих своего пастыря, когда он научает, и так же молча принимающих от него благословение, когда того сами захотят, вообще же безгласных в делах веры и Церкви и только в случаях особенной надобности относящихся к нему со своими просьбами. Нет! и паства должна быть союз – союз, нераздельное множество душ, духовно-управляемых по одной нравственно-религиозной идее, которую они не в отдельности только, каждая сама про себя, но и в целостном соединении своем должны сознать, осуществить и проявить соответственным ей направлением своей частной и общей жизни; паства – это живое тело Церкви, это также деятель в Церкви, которого нравственная сила должна воздействовать не к одному внешнему благоустроению Церкви, но и ко внутреннему утверждению религиозных начал и стремлений в целом народе; это почва, в которой должны внедриться и оплодотвориться жизнь и сила Церкви в ее истинном духе и деятельных, спасительных для человечества

стремлениях; паства – это, наконец, крепость, которая должна быть оплотом для самой религии и Церкви противу разнообразных враждебных ей сил и влияний в мире»[7].

Дай Бог, чтобы такие отношения пастыря и паствы остались навеки в нашей Церкви не только как отвлеченные добрые пожелания, но и в живой действительности! Ныне, в день памяти святителя Флавиана, страдальца за веру, сильного любовью народною, празднуем мы тезоименитство и нашего богоданного архипастыря и отца высокопреосвященнейшего архиепископа Флавиана. Да не оскорбится глубокое смирение нашего владыки, если мы, в дерзновении любви, здесь засвидетельствуем, что имя благостного архипастыря нашего пребывает в благословениях у сопастырей его и паствы, что любовь народная прозрела духовную красоту его и окружила его высоким почитанием. Да не смутится смирение нашего владыки, если мы в день торжества православия засвидетельствуем здесь об его великих трудах на пользу православия, понесенных им на широком пространстве святой Руси и даже далеко за ее пределами: от страны еще нехристианской – от языческого Китая, еще так недавно удивившего мир своею ненавистью к имени Христову, где требовалось столько мужества и уменья в деле служения Церкви и где архипастырь наш, однако, пользовался любовью и почитанием, – и до страны, хотя и христианской, но известной исконною фанатическою ненавистью к православию, на западе России, где наш архипастырь силою кроткого духа и благодатной мудрости хранил наше дорогое православие в мире и благостоянии вверенной ему Божией Церкви. Пусть же здесь, в древлеправославной Грузии, среди заветных святынь седой христианской древности, среди народа, напоенного от лет древних духом православия и в нем находившего спасение свое и духовное и телесное, пусть здесь маститый архипастырь наш, утрудившись от долгого подвига многотрудного делания на ниве Божией, увидит дни радости и спокойствия душевного, любовь к Церкви, к ее уставам и богослужению, верность православию; пусть порадуется и нашею любовью к нему и усердною о нем молитвою. А любовь имеет дерзновение; во

имя этого дерзновения любви к тебе, архипастырь наш, обращаемся мы ныне с нашими сердечными приветствиями и горячими благопожеланиями: да хранит Христос-Пастыреначальник дни твоего горения на свещнице Церкви во здравии и крепости сил; да живешь ты в любви твоей паствы, храня святыню веры нашей; да пошлет тебе Господь в богохранимой пастве твоей много часов радости и утешения и да видим мы тебя в предстоянии молитвы и в управлениии Церкви нашей яко отца о чадех веселящася! Аминь.

Нравственный облик Царя-Миротворца[8]

Некогда царственный пророк древнего Израиля в порыве священного вдохновения, созерцая будущие судьбы своего народа, рисовал для него образ желанного царя в одном из псалмов своих. «Он сойдет, – говорил он, – как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю… И будет жить… и будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его… и будет имя его благословенно во веке; доколе пребывает солнце, будет передаваться имя его» (Пс. 71:6, 15, 17).

Не находите ли, достопочтенное собрание, в этих чертах царя древнего Израиля поразительное сходство с Царем Израиля нового – народа святорусского, с Царем, которого сейчас, в день его земного рождения, мы помянули заупокойного молитвою? Отошли теперь от нас на расстояние дни жгучей скорби, охватившей всю Русь и весь мир при вести о смерти Царя-Миротворца, смягчилась и самая жгучесть скорби, но на расстоянии же и самый образ Государя Александра III становится еще целостнее, величавее, прекраснее и обаятельнее, и чувствуется при воспоминании о нем та же тихая, бодрящая радость, радость за то, что жил в наши дни такой человек на земле, и человек этот был нам родной, был наш, был Царь на Руси…

И теперь, в собрании членов Общества, которое существует в его память и имя его выставляет своим знаменем, естественно чувствуется потребность воскресить в душе его образ, остановиться на нем мыслью, отдохнуть сердцем, оживиться нравственно от духовного прикосновения к этому дивному Царю и человеку нашего времени. Нравственный образ поминаемого Царя не напрасно называют удивительно целостным, потому что он действительно сливается со всеми проявлениями его жизни и деятельности. Не в искусной политике и дипломатии, не во внешних условиях и пособиях объяснение его успехов и его мирового значения, не здесь первоисточник всего, что так или иначе привлекает нас в деятельности почившего Царя: великое дело его, дело

умиротворения Европы, подъема русского самосознания, расцвета внутренней мощи России, – это всецело есть плод высоко-христианской личности Государя и прекрасных качеств его русской души. Поэтому и неудивительно, если и наше Общество, по существу назначенное к тому, чтобы содействовать изучению и уяснению отечественной истории в духе русских начал, проявленных в славное царствование покойного Государя, не может отнестись к этим началам только отвлеченно и теоретически, но неразрывно хранить связь с самою личностью покойного Государя, и изучение его жизни, его характера, его верований и взглядов, его дум и надежд ставить одною из первых задач своих.

Покойный Государь жил, как умер, и умер так же, как жил, – и здесь сказалась та же целостность его духовного склада. Помнится, когда впервые огласились несложные, но глубоко трогательные подробности его кончины, когда в час смерти, как от последнего удара резца гениального мастера-художника, окончательно вырос пред нами во всей духовной красоте его величавый образ, – тогда-то под живыми впечатлениями сказано было меткое слово о нем в правительственном извещении его народа: «Кончина Государя Александра Александровича была праведная, как праведна была жизнь Его, исполненная *веры, любви и смирения*». Этими словами, действительно, кратко и ярко охарактеризована вся жизнь покойного Государя.

Воистину глубока и трогательна была его религиозная вера, чистая, ясная, цельная, как у ребенка; по выражению одного из близко знавших покойного Царя иностранцев, «вера была основным фондом его души»[9]. Нашему Обществу мы обязаны тем, что в его изданиях недавно напечатаны выдержки из переписки покойного Государя с его Супругой во время прошлой войны с Турцией. Письма писаны к самому близкому лицу и не были назначены для оглашения: тем более они дороги для характеристики Государя. Вот что мы читаем в одном из писем: «Во всем, что делается на земле, есть воля Божия, а Господь, без сомнения, ведет судьбы народов к лучшему, а не худшему, если они, конечно, не заслужили полного Его гнева. Поэтому да

будет воля Господня над Россией, и что ей следует исполнить и что ей делать, будет указано самим Господом. Аминь». Вот с этим-то несокрушимым и мощным «Аминь» во святилище своего сердца он и провел всю свою жизнь и как человек, и как Царь. Глубоко он был проникнут сознанием иного, высшего, незримого мира, который нас окружает; можно сказать, он жил в предощущении этого мира и всегда был к нему готов[10], – и действительно, в последний раз сказалась эта вера в час его кончины величавой и торжественной, в предсмертных словах этого Царя – богатыря по духу – к его Супруге: «Чувствую конец. Будь спокойна, Я же совершенно спокоен». Как Государь верил он в Россию, в свое Богом врученное ему дело – в свою Царскую власть, как в религиозный долг, в самодержавие, как Божье посланничество. И так глубока, так искренння, так проникновенна и всепокоряюща была его вера, что в годину тяжкой смуты, когда, казалось, заколебался Царский престол, когда будущее России представлялось безнадежно-беспросветным, когда все металось в отчаянии, он не поник главою, но перелил эту свою могучую веру и в нас, в своих подданных, и – дивное дело – в короткое время упрочил древний Царский престол в самом сердце, в твердынях самой души своего народа, умиротворил Россию и, подняв ее высоко-высоко в глазах всего света, поднял ее и в ее собственных глазах, в ее собственном самоуважении…

«В том царская Его заслуга пред Россией,
Что – Царь – Он верил Сам в устои вековые,
На коих зиждется Российская земля;
Их громко высказал, – и как с высот Кремля
Иванов колокол ударит, и во мгновенье
Все сорок сороков в Христово Воскресенье
О светлом празднике по Руси возвестят, –
Так слово Царское, летя из града в град,
Откликнулось везде народных сил подъемом, –
И как живительным, весенним первым громом
Вдруг к жизни призваны, очнутся дол и лес, –
Воскресла Русь, сомнений мрак исчез,
И то, что было в ней лишь чувством и преданьем,

Как кованой броней, закреплено сознаньем».

(А. Майков).

Такая живая и мощная вера всегда бывает, по апостолу, любовью споспешествуема… Только в этом святом чувстве веры и любви мог Царь почерпнуть силы для своего колоссального, непрерывного труда, который свел его в раннюю могилу, надломив, наконец, его богатырскую натуру. Сломленный уже тяжелым недугом, прикованный к одру болезни, среди мучительных бессонных ночей, среди тягостных дней не оставлял он своих державных трудов, и Россия, одна его возлюбленная Россия была предметом его предсмертных забот и мыслей. А в годы правления не было решительно ни одной области государственного хозяйства, куда бы не взглянул он любящим и заботливым оком. И везде он хочет облегчить жизнь, утешить, отереть слезы. Самодержец всесильный, вступивший на престол среди таких тяжелых обстоятельств, ни разу не проявился он в гневе или мстительности, но всегда являлся народу своему в ласке, милости и привете: прокормил миллионы голодных, облегчил бедствия холеры, каждому сословию даровал какие-либо облегчения, льготы, милости. Говорить ли о любвеобильной, чистой и безупречной его семейной жизни, в которой явил он идеальный образ любящего отца и мужа? Говорить ли о том, как много раз мелкие и крупные интриги, кровные обиды и от врагов и от облагодетельствованных лиц и народов как бы искушали и силились поколебать это величие и долготерпение любви, взывали о мщении, готовом разразиться кровавыми войнами, – и как любовь же побеждала в нем естественное самолюбие, подавляла личные чувства, торжествовала над ними во имя христианского долга и общего блага?

Здесь любовь граничит со смирением. Смирение на троне Самодержца, повелителя величайшей в мире Империи, – это ли не диво нравственного мужества и самообладания?! Не любил он проявлять свое Царское величие внешним великолепием и повелительностью, удалялся пышных выходов и парадов, – зато без счета провел он часов в уединении своего рабочего кабинета. В век всеобщего стремления к роскоши и излишеству

поражал он всех своею простотою и довольством малым. Он не выдавался речами, не рисовался подвигами, не бряцал оружием, не шумел вызывающими горделиво-витиеватыми речами, грозя миру всего мира, как это видим мы и слышим иногда на недалеком Западе... В нем не было ничего приподнятого, ничего кричащего, не было того картинного, показного героизма, который всецело занят и любуется собою, занят мыслью о произведенном им впечатлении, о том, что подумают и скажут о нем другие. Его жизнь была исполнена другого героизма: русского, народного, смиренного и неблестящего, но бесценного нравственно, героизма труда и подвига от дня мученической смерти его благороднейшего отца, когда он взошел на окровавленный престол посреди смуты умов, уныния сердец и ужаса народного и взял тяжкое бремя правления, воспрянув оживить надежды народа, – и до дня смерти, когда он оставил сыну своему царство в таком порядке, в каком не оставлял его своему преемнику ни один из венценосцев русских. Но это был особый героизм, близкий и понятный сердцу народа, как родственный его духовному складу и христианским идеалам, молча и твердо исполняющий свой долг и не подозревающий даже своего величия.

В наших народно-мистических представлениях святая Русь рисуется, как край великого долготерпения; по народным верованиям, всю родимую землю нашу «с крестной ношей Царь вселенной исходил, благословляя»... По народному воззрению, в жизни христианина непременно должна проходить черта аскетизма. И жизнь *народного* Царя нашего, в котором отразились лучшие свойства русской души, была жизнью крестоносца, жизнью подвижническою, путем трудовым и тернистым. По своему положению, как никто другой, мог он избрать себе путь жизни широкий и пространный, себялюбиво-беспечальный, ведущий, по слову евангелия, в пагубу; но вольною волею, хотением верующего и любящего сердца избрал он себе путь узкий и прискорбный: подъяв крест царственного долга, он нес его до могилы в смирении и самоотречении. В торжественную минуту смерти, когда созерцал он оба мира, на рубеже которых находился, вдруг

оживился потухающий взор, забилось ослабевшее сердце… Что увидел он тогда пред собою? Велико и неизъяснимо священное таинство смерти, но верим с дерзновением и отрадою, что не мимо его прошло слово Божественного призыва в молитве церковной: «В путь узкий ходший прискорбный, все в житии крест свой, яко ярем вземшии и Мне последовавшие верою, приидите, насладитеся ихже уготовах вам почестей и венцев небесных!»

Да будет же благословен покой твой, боголюбивая, чистая душа! Наш родимый, наш незабвенный, милый сердцу народному русский Царь! Ты сошел, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю! Пока будут биться наши сердца, доколе будет стоять твоя святая Русь, за которую ты в труде и подвиге любви положил свою душу, и доколе будет сиять на земле святая Божия Церковь, которой ты служил, как добрый сын, в смирении на высоте царства, – дотоле будешь ты жить в благодарных сердцах; дотоле имя твое будет в благословениях и дотоле будет возглашаться тебе и о тебе вечная, вечная память!

Гефсиманский подвиг Господа Иисуса Христа[11]

Св. апостол Павел в послании к ученику своему Тимофею, как предсмертный завет, дает ему такое наставление: *«Поминай Господа Иисуса»* (2Тим. 2:8).

Св. Церковь православная всегда старалась и старается, как можно чаще вводить чад своих в исполнение этой апостольской заповеди. Но если каждый день и в каждое молитвенное собрание она поставляет пред духовным взором верующих образ Господа Иисуса, то во дни Великого поста она прилагает к этому особое усердие. В эти дни она обращает внимание наше по преимуществу на образ Иисуса Христа *Страждущего*. Мысль о Святейшем Искупителе нашем, пострадавшем и умершем в несказанных муках за грехи человечества, способна и сильна и каменное сердце обратить к размышлению о гибельности грехов и расположить к покаянию, к которому и призываемся мы во дни поста. Совершая ныне течение св. поста, считаем сегодня уместным и благовременным остановить внимание ваше, благочестивые слушатели, на одном из скорбных событий последних, скорбных дней жизни Господа Иисуса, именно на Его Гефсиманской молитве. Событие это всегда особенно привлекало благоговейные взоры верующих и любящих Господа Иисуса Христа: христианское сердце не может без трепета и умиления представить себе в Гефсиманском саду, в сумраке ночи, Божественного Страдальца, одинокого, скорбного, изнемогающего под страшною тяготою каких-то непостижимых внутренних мук духа.

С другой стороны, Гефсиманский подвиг Спасителя по своей таинственности и непостижимости вызывал не раз и недоумения, а иногда, как это ни скорбно, и возражения врагов христианства. В собрании верующих не будем повторять и смущать себя этими возражениями маловерия; будем смотреть на молящегося в Гефсимании Господа Иисуса не очами соглядатая иудейского, так сказать, из-за деревьев Гефсиманского сада, а очами веры и любви, преданности и

благоговения, очами апостолов, в свете Божественного Откровения, в свете христианской тайны искупления. Тогда многое станет нам и ближе, и понятнее, и поучительнее.

И если страдания всегда поучительны, всегда имеют неотъемлемое право на внимание, то не особенно ли нужно сказать это о страданиях безгрешного Сына Человеческого и в то же время Сына Божия Иисуса Христа? Ведь страдания Его составляют сущность искупления, сущность христианства, основу Церкви, основу спасения и, вследствие этого, совершили, так сказать, перелом в жизни всего мира.

Что же это за страдания?

Евангелисты рассказывают о них с необыкновенною простотою и краткостью, но с величайшим благоговением, которое невольно приковывает внимание всякого читающего евангелие: чувствуется, что совершается пред нами что-то действительно великое, что было однажды и никогда не повторится.

Сопоставляя сказания всех четырех евангелистов, дополняющие одно другое, получим следующее повествование. (Матф. 26 гл.; Марк. 14 гл.; Лук. 22 гл.; Иоан. 18 гл.; ниже будут указываться только стихи.)

«После тайной вечери и прощальной беседы с учениками, ночью (Ин. 13:30) пришел с учениками Иисус (Мф. ст. 39) за поток Кедрон, где был сад (Иоанн. ст. 1), на место, называемое Гефсиманией, и сказал ученикам: посидите здесь, пока Я пойду, помолюсь там. И взяв с собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых (т.е. Иоанна и Иакова), начал скорбеть и тосковать (Матф. ст. 36, 37) и ужасаться (Марк. ст. 33). Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно, побудьте здесь и бодрствуйте со Мною (Матф. ст. 38); молитесь, чтобы не впасть в искушение (Лук. ст. 40). И отошед немного (Матф. ст. 39), на вержение камня (Лук. ст. 41), пал на лицо Свое (Матф. ст. 39), на землю (Марк. ст. 35), молился и говорил (Матф. ст. 39): Отче Мой! все возможно Тебе (Марк. ст. 36); о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня (Лук. ст. 42) впрочем, не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один

час бодрствовать со мною? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение. Дух бодр, плоть же немощна. Еще отошед, в другой раз молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ея, да будет воля Твоя! И пришедши, опять находит их спящими, ибо у них глаза отяжелели. И оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово (Матф. ст. 39–44).Явился же Ему ангел с небес, укрепляя Его; и, находясь *в борении* (factus in agonia, т.е. почти при смерти), прилежнее молился, и был пот Его, как капли крови, падающие на землю. Встав от молитвы, Он пришел к ученикам и нашел их спящими *от печали* (Лук. ст. 43–45) и говорит им: вы все еще спите и почиваете (Матф. ст. 45); кончено (Марк. ст. 41); вот приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников. Встаньте, пойдем; вот приблизился предающей Меня» (Матф. ст. 46).

Так повествуют евангелисты о Гефсиманской молитве. Несомненно, они сохранили для нас только основной смысл ее и не передали нам ее в буквальной точности и полноте содержания. Это видно из упрека Спасителя, обращенного к Петру: «так и *одного часа* вы не могли побыть со Мною» (Матф. XXVI, 40), тогда как для произнесения слов молитвы, приведенных в евангелии, требовалось гораздо меньше времени[12]. Согласимся, что в этом упреке Спасителя слово: «час» нужно понимать не буквально. Во всяком случае, объятые непонятною сонливостью, предоставив Учителя полному и страшному, более страшному, чем когда-либо, одиночеству, апостолы, конечно, могли слышать только начальные или более громкие возгласы молитвы. Впрочем, Дух Святой, обещанный ученикам Христовым для наставления их «на всякую истину» (Ин. 14:16, 17–26, 15:26, 16:13), несомненно, сообщил бы нам их устами и более подробностей о Гефсиманском молении, если бы это было для нас нужно. Но и краткое повествование, дошедшее до нас, рисует пред нами событие во всем его поражающем и таинственном величии.

Господь Иисус, по Его собственным словам, для того и пришел на землю, чтобы спасти людей *путем страданий* (Ин. 3:17, ср. 15 и 16; Мк. 10:45). Еще в начале служения Своего Он

встретил в одиночестве пустыни искусителя, который предлагал Ему войти в мир не путем унижения и смирения, а путем славы и властительства. Тогда Сын Человеческий мужественно и решительно противопоставил искусительным речам повиновение воле Отца и отверг соблазн (Мф. 4:1–11; Лк. 4:1–13). Диавол отошелот Него *«до времени»*, как сказано в евангелии (Лк. 4:13). Затем в беседе с Никодимом, когда Спаситель выяснил сущность Своего мессианского служения, Он указал на крест, как на орудие Его искупительного подвига: *«как Моисей вознес змия в пустыне»*, сказал Он, отвечая на тайныя мысли Никодима о Мессии, как о земном царе-завоевателе, *«так подобает вознесену быть и Сыну Человеческому»* (Ин. 3:14). Много раз потом в течение последующего времени Своего открытого служения говорил Он и апостолам наедине, и всем слушателям Своим открыто о предстоящих Своих страданиях, и говорил всегда уверенно, спокойно, как о решении бесповоротном (например, Мф. 16:21; Мк. 8:31, 9:12 и друг.): Иногда Спаситель прямо называет предстоящие Свои страдания «чашею» (Мк. 10:38; Мф. 20:23) и высказывает желание скорее испить ее (Ин. 18:11, ср. Лк. 12:50). Наконец, мы видим Спасителя на тайной вечери всего за несколько часов до Гефсиманской молитвы. Здесь, по словам евангелиста Иоанна, *«ведый Иисус, яко прииде Ему час, да прейдет от мира сего ко Отцу»* (Ин. 13:1), прямо заявляет ученикам о скором предательстве, о том, что время Его близко (Мф. 26:21, 18), что Он желанием возжелал сию пасху ясти с ними, *«дондеже не приимет мук»* (Лк. 22:15) в последний раз вкушает здесь, на земле, хлеб и вино *«от плода лозного»* (ст. 18). Когда Он говорит об этом, какое спокойствие чувствуется во всех словах Его, какая готовность идти на страдание, какая уверенность в их необходимости!

«Приимите, ядите, сиеесть тело мое...»; «пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя...», – эти слова сказаны с таким Божественным спокойствием, что, может быть, вследствие этого-то спокойствия ученики не представляли себе ясно, какой несказанно тяжкий подвиг предстоит их Учителю. Мысль о скорой смерти не оставляет Спасителя и после вечери. *"Дети"*,

слышится Его голос в прощальной беседе, *«дети уже не долго мне быть с вами. Заповедь новую даю вам, да любите друг друга»* (Ин. 13:33–34). *«Все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь»*, предсказывает Он ученикам, уже вышедши к горе Елеонской после вечери (Мф. 26:31); *«ты трижды отречешься от Меня»*, говорит Он любимому апостолу в ответ на уверения в преданности и готовности положить за Него свою жизнь (Ин. 13:38). Таким образом, не подлежит сомнению, что Спаситель после тайной вечери шел в Гефсиманию, зная вполне и совершенно ясно, что там совершится Его предание врагам. Но страдания Иисуса Христа, как вольные и сознательные, должны были начаться не насилием врагов, не позорным преданием Иуды, а возвышенным *самопреданием* Сына Человеческого в волю Божию. После всего, что Он Сам говорил о Своем призвании, после тайной вечери, где Он с таким спокойствием предрекал события грядущей страшной ночи, можно было бы ожидать, говоря по-человечески, что это *самопредание* совершится без вопля, без слез, без кровавого пота… Случилось не так. Последуем мысленно, слушатели, за нашим Спасителем в сад Гефсиманский.

На восточной стороне Иерусалима, по склонам горы Елеонской, за городом расположены были виноградные и масличные сады. В одном из них, так называемом «Гефсимания», что с еврейского языка значит „масличный дом», или точило для маслин (т.е. место, где из маслин выжимают масло), Спаситель любил уединяться и молиться во время Своих посещений Иерусалима (Ин. 18:2)[13]. Место это невольно располагало к сосредоточенности и религиозному настроению. С западной стороны ничего не видно, кроме высоких стен Иерусалима и верхушек священных зданий храма, да мрачной башни Антония. Направо печально высится лишенная растительности гора (Скопус); налево стелется долина Иосафатова с ее могилами и надгробными памятниками[14].

Здесь, вдали от города, среди полного безмолвия, в таинственном сумраке тенистого сада захотел провести Иисус последнюю ночь, здесь «восхотел Он пережить весь гнет охватившей Его скорби, подобно плоду маслины под гнетом

точила Гефсимании» (Дидон). Вместе с одиннадцатью учениками Он вошел в ограду сада. Ночь покрыла землю; затихла природа. После дневных трудов и забот является потребность отдыха и успокоения. Но успокоительный сон не смежает очей Иисуса. Он знает, что грядущая ночь должна совершить перелом в Его жизни... Завтрашний день принесет Ему беззаконный суд и осуждение, оплевание, осмеяние, всевозможный пытки и издевательства, бичевание, позор креста, мучительную смерть и гроб. Готовится страшное беспримерное злодеяние. «Тьма вооружится против света, беззаконие посмеется над добродетелью, лицемерие и коварство восторжествуют над правдою; черная неблагодарность, низкая измена покроют многочисленные и великие дела любви и милосердия»... (арх. Иннокентий). Христос Спаситель стоит здесь пред завершением того дела, для которого Он пришел на землю, и был здесь *во днях плоти* (Евр. 5:7), во глубине искупительного уничижения.

И вот наступило время, когда ученикам Иисуса можно было, по предречению Учителя, *соблазниться о Нем*, и не только ученикам, еще не видевшим воскресения и вознесения, но и многим позднейшим последователям Его, уже видевшим славу Распятого: Богочеловек скорбит, и мучится, и ужасается... Ученики никогда не видели таким своего Учителя. Спокойствие, которое только перед этим наполняло все существо Иисуса, вдруг оставило Его; взор омрачился и наполнился слезами, Он весь тужит, тоскует, трепещет. По Его собственным словам, душа Его прискорбна до смерти... В таком состоянии духа Он восхотел молитвы, общения с Отцом Своим. Но вместе с тем никогда, быть может, человеческая душа Иисуса, возжаждавшая теперь общения с Богом, не нуждалась также и в общении с людьми. Здесь во всей силе сказалась истинно-человеческая природа Иисуса Христа. *«Показуя человеческое»*, как выражается нередко св. Церковь (см. кан. Андр. Критск.), Иисус страшится одиночества, просит дружественной поддержки и участия учеников: «побудьте со Мною»; мало этого,– Он просит: «молитесь со Мною», ибо ни в чем так не проявляется взаимно укрепляющее действие любви, как в совместной молитве.

Затем Он избирает трех любимых учеников и с ними идет в глубь сада на молитвенный вопль, на внутренние терзания духа: они были некогда свидетелями славы Его на Фаворе, они видели Его владыкою смерти при воскрешении дочери Иаира, – они и теперь более других способны были видеть, не соблазняясь, Его муки в Гефсимании. Попросив их участливой молитвы, Иисус, страшась полного одиночества, в то же время не захотел быть и в непосредственном общении с учениками и, углубившись в чащу деревьев на вержение камня, так что мог видеть Своих апостолов, здесь отдался первому порыву молитвы. Глубокая скорбь объяла душу Страдальца. «Царила страшная сугубая ночь: одна в окружающей природе, другая – в душе Иисуса; эта ночь как бы вышла из бездны мрака со всеми своими ужасами, и страхом облегла малое стадо Христово в Гефсимании совместно с Ним, Божественным Пастырем» (Иннокентий). В молитве они должны были проглянуть мрак этой ночи и в горнем мире найти укрепление и помощь. Но, увы! ученики засыпали *от печали*, по меткому и психически глубоко верному замечанию евангелиста[15]. Молится один Иисус. То повергаясь лицом на землю (Мф. 26:39; Мк. 14:35), то стоя на коленах (Лк. 22:41), Он всецело отдается молитвенному обращению к Отцу, с воплем крепким и слезами (Евр. 5:7), ища успокоения мук душевных. Но какое-то неизмеримое бремя пало на дух Его, и Он не может успокоиться: и раз, и другой, и, наконец, в третий раз обращается Он к молитве, доходит до последних пределов изнеможения, доходит, наконец, до кровавого пота, явления чрезвычайно редкого, предсмертного, так что, по выражению одного из евангелистов, Он был в агонии, – но и в этом состоянии Он только прилежнее молился, и тогда, наконец, просветлел духом, разогнал обложившую Его тьму и получил то ясное спокойствие, которым Он поражает нас на суде и на кресте.

Что же за тайна Его смертельной скорби, что привлекла Его к этой молитве? Что за причина Его мук душевных, Его ужаса и скорби и туги сердечной? Враги еще не коснулись Его тела, чтобы пригвоздить Его ко кресту. Неужели же Он так страдал от одного представления смерти? Неужели Он боялся ее? Вот

здесь-то и является возможным и для нас предреченное Господом *соблазнение* о Нем (Мф. 11:6, 26:31; Ин. 14:1). История ведь знает тысячи примеров, когда люди невинные, встречая смерть лицом к лицу, благословляли свои страдания, бодро шли на истязания палача, когда, зная предстоящие муки, они спокойно, иногда даже с радостью, ждали рокового удара. Сами ученики Христа, – Стефан, побитый камнями, Петр, распятый вниз головою, Андрей, Иаков, Павел и много, много других, – разве не удивили мир своим бесстрашием в виду смерти? А тысячи мучеников? тысячи героев не одного только христианского мира? Язычники считали презрение к смерти особенным геройством, и Нерон, может быть, не столько своими злодеяниями, сколько малодушием пред смертью внушил к себе презрение современников.

Две мысли мы постоянно должны иметь в виду при рассмотрении Гефсиманского подвига: первая из них – та, что Иисус Христос есть не только совершенный Бог, но *и совершенный, истинный человек*, как это ясно исповедала всегда Церковь, притом человек, пречистый по телу, безгрешный по духу «во всем нам подобный, кроме греха»[16]; вторая мысль – та, что Христос Иисус есть Искупитель человеков, взявший на Себя наши грехи, а за них и наказания – наши болезни (Ис. 53:4; чит. всю главу); следовательно, кроме представления мук грядущей смерти, было на душе Иисуса другое, несравненно большее бремя, – бремя Искупителя, которое подавляло Его своею тяжестью до кровавого пота, до крайнего изнеможения.

Как человек, Спаситель не мог быть совершенно равнодушным к смерти. Он был совершеннейшим человеком; но если для грешника мысль о смерти является всегда страшною и противоестественною, то тем более она должна была казаться такою для безгрешного Иисуса. *«Бог смерти не сотворил»* и человек создан *«в неистление»* (Прем. 3:23); смерть явилась, как наказание, явилась насильственно через грех в род человеческий (Римл. 5:12–15). Древний толкователь евангелия св. Иоанн Златоустый и потом другой толкователь, широко пользовавшийся трудами первого, св. Феофилакт, архиеп. Болгарский, так рассуждают об этом: «Смерть вошла в

человеческий род не по природе, и потому природа человеческая боится ее и бежит от нее». Новейший толкователь евангелий, известный богослов еп. Михаил, разъясняет эту мысль по отношению к лицу Иисуса Христа: «Смерть», говорит он, «есть следствие греха; посему безгрешная природа, какова природа Богочеловека, не должна бы подлежать смерти; смерть для нее – явление, так сказать, неестественное. Оттого чистая природа Христова естественно возмущается против смерти, скорбит и тоскует при виде ее»[17]. Эту особенность полной безгрешности и непорочности Иисуса нельзя забывать, рассматривая Его тоску смертельную. Не нужно забывать, что здесь Он не может быть приравниваем ни к одному из людей, среди которых нет безгрешного, а из грешных всякий, во-первых, должен умереть по смертности своей природы, во-вторых, в силу греховности, никто не может быть назван в полном смысле невинно страдающим. Только страдания Иисуса были вполне и в собственном смысле невинными: только Он, по слову древнего пророка, *беззакония не сотворил и не обретеся лесть во устех Его* (Ис. 53:9; ср. 1Петр. 2:22). Больше того: вся Его жизнь и деятельность, Его чудеса, Его учение, Его любовь к людям – все вызывало и к Нему Самому одну любовь, одну преданность, одно благоговение, а не позор, не бичевание, не крест. Можно ли после этого приравнивать страдания кого-либо из людей, хотя бы и невинно осужденных, к силе горечи и мук Спасителя? Самые страдания, наконец, становятся привычными нашей греховной природе, для безгрешной же и чистейшей плоти Иисуса они, конечно, были совершенно чужды и, так сказать, несказанно отвратительны. Не легко страдать за действительные преступления; не легко, слушатели, посмотреть в глубину ненависти других к нам, если даже мы ее вполне заслужили, тяжело сознавать, что нас презирают, ненавидят, желают всякого зла; но никто из нас не может сказать, что сами мы неповинны в зложелательстве, а иногда правда заставляет нас признать и то, что окружающие в своих отношениях к нам лучше, чем мы к ним… Но вот Иисус в предчувствии близкого будущего: Он видит и знает, что Его хотят убить, над Ним будут издеваться, оплевывать, заушать,

бичевать немилосердно, с адскою изобретательностью придумают насмешки над Ним и издевательства. Ирод, первосвященники, книжники, народ, воины, разбойники и этот Иуда… что сделал всем им Божественный Страдалец? За что к Нему такая злоба? За что измена и предательство? За что крест и смерть? И вот пред взором Иисуса рисуется и переживается эта недалекая картина ужасного завтра: каково Ему было взглянуть в эту бездну: каково Ему было взглянуть в эту бездну ненависти, которою Он, невинный и непорочный, был окружен отовсюду?! Так, если принять во внимание только человеческую природу Иисуса, то и в этом случае, страдания Его представляются в буквальном смысле беспримерными, невиданными, настолько тяжкими, что представить их во всей ужасающей горечи мы не можем: для этого нужно быть совершенным человеком, каким был Иисус Христос. «Иисус разоблачился здесь от всех сверхестественных сил» (Иннокентий) и приблизился к последним пределам человеческой немощи. Иначе быть не могло. Если бы Его самопредание совершилось иначе, – мог ли Иисус, совершеннейший человек, быть образцом для всех человеков? Бесстрастный мог ли быть примером для страстных, Сильный мог ли быть образцом для слабых? Тогда все, у кого не хватает мужества исполнить до конца долг, все, у кого нет решимости подчинить свою волю иной, высшей Божественной воле, разве могли бы в своем подвиге смотреть на Иисуса, как на Начальника подвига? В ответ на убеждение последовать Его примеру не сказали ли бы они, что Ему подвиг обошелся без борьбы, достался легко? Не легко, слушатели, не легко! Потому-то и глаголет Писание, заповедуя вековечный урок: *«Христос, пострадав, оставил нам образ, да последуем стопам Его»* (1Петр. 2:21). Какой глубокий смысл получают после этого вдохновенные слова ап. Павла о Христе: *«Видим, что за претерпение смерти увенчан славою и честию Иисус… ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, Вождя спасения их – совершил чрез страдания… Он принял тело и кровь, чтобы смертью лишить имущего державу смерти, т.е. диавола, и*

избавить тех, которые от страха смерти чрез всю жизнь были подвержены рабству... Посему Он должен был во всем уподобиться братьям, чтобы быть милостивым и верным Первосвященником пред Богом, для умилостивления за грехи народа, ибо как там Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь» (Евр. 2:9–10, 14–15, 17–18).

Но мы жестоко бы ошиблись, если бы Гефсиманские страдания Спасителя объясняли исключительно одним представлением и ожиданием Голгофы, если бы имели в виду Иисуса Христа только как человека, забывая о Нем, как об Искупителе. Мало того, что одна мысль об этом недостойна Иисуса, – такое объяснение слишком недостаточно и непонятно: Тот, Кто от одного представления смерти приходил в такой страх, мог ли проявить то Божественное спокойствие, которое не оставило Иисуса и во время суда, и в унижениях, и на самом кресте, когда Он отказался от напитка, затемняющего сознание и притупляющего ощущение боли. Один богослов, рассказывая о жизни Спасителя и останавливаясь на Его Гефсиманской молитве, говорит: «Находились люди, которые по странной привычке оскорблять все святое, усматривали в Гефсиманском страдании малодушие и робость... Малодушие и робость! Мог ли в такой мере устрашиться смерти Тот, Кто проповедовал жизнь и бессмертие, терпение и мужество среди всяких злоключений и с первых шагов Своей общественной деятельности говорил о Своей смерти, как о неизбежной необходимости? Мог ли в такой мере устрашиться смерти Тот, Кто в продолжение 15 часов последующих страданий сохранил невозмутимое спокойствие духа, величественно молчал во время беззаконного суда, без малейшего ропота и жалоб переносил издевательства врагов, позор и муки креста, с небесною благостью сердца молился о своих мучителях и открыл врата рая покаявшемуся разбойнику? Мог ли в такой мере устрашиться смерти Тот, во имя Которого шли безбоязненно на казнь девяностолетние старцы, слабые женщины и юные отроки? Смерть не так страшна и для людей, которые правильно смотрят на жизнь, как на преддверие неба, как на ступень к вечности» (Фаррар). Но бывают состояния

мучительнее смерти. И такое состояние испытал Спаситель в саду Гефсиманском. Чтобы уразуметь его, насколько это для нас возможно, нужно вспомнить ту мысль, которую мы поставили выше рядом с мыслью о человечестве Иисуса Христа. Мысль эта заключается в том, что Христос Иисус есть наш Искупитель. Безгрешный должен был за грешных понести весь гнев Божий, все наказания, которые заслужило греховное человечество. То, что должен был потерпеть за грехи весь мир, все наказания, весь гнев небесный, – все это должен был вынести на себе один Искупитель человеков… Древний пророк за 700 лет до Христа говорит об Его искупительном служении: *«наказание мира нашего было на Нем»* (Ис. 53:5), т.е. то наказание, которое должно было возвратить и принести нам потерянный людьми мир с Богом, было на Нем. А мир был нарушен грехом Адама первозданного, увеличенным и повторенным потом личными грехами миллионов людей. Правда Божия требовала наказания за грехи, и это наказание принял на Себя Искупитель, Сын Божий. Наказание же за грех бывает двоякое: одно внутреннее, в совести грешника, другое – внешнее, в физических муках. Внутреннее страдание, ужаснейшее и мучительнейшее, и претерпел Христос в Гефсимании. Вся совокупность грехов от всех времен, от всех людей неизмеримо и несказанно тяжким бременем отяготела на совести Иисуса, и в муках совести Он должен был пережить все, как будто в грехах этих Он Сам был повинен. По слову апостола, *«Бог Его, не видевшего греха, по нас грех сотвори, да мы будем правда Вождя о Нем»* (2Кор. 5:21). Все безбожие и неверие, вся гордость и злоба, все коварство и черная неблагодарность, ложь и обман, чувственность и отвратительнейшее себялюбие во всех его видах, – все, что есть в грехе мерзкого и отталкивающего, в прошлом, настоящем и будущем, от падения Адама до последнего момента существования мира, – все это легло на безгрешную душу Богочеловека. Несомненно, Он видел и впредь гонение добра, преследование Его учеников, реки крови мучеников, издевательство над верующими, вражду против Его Церкви; Он видел всю бездну злобы, страсти и пороки, которые до конца

времен будут безобразить и искажать богозданную и искупленную душу человеческую, будут *«второе распинать Сына Божия и ругаться Ему»* (Евр. 5:16). Вот горькая и ужасная чаша, которую нужно было испить, которую уготовали Сыну Божию все зло, все грехи человечества. Это – нечто «бесконечно высшее, чем все, что могут представить нам самые напряженные усилия нашего воображения. Это было нечто смертельнее смерти» (Фаррар). «Это, говоря без всякого преувеличения, совмещение всех страданий, всех смертей всех людей. Одни страдания совести должны были иметь лютость страданий адских. Ибо, если самый грубый человек изнемогает нередко под страданием совести (Каин, Иуда), мучимый представлением *своей только* греховной жизни, то какое мучение должно быть для пречистой души Богочеловека, когда она покрыта была грехами всего мира, и в таком виде со всею тяжестью их должна была идти для искупления их своею кровию на крест?» (Иннокентий).

Но грех тяжел не одними муками совести: грех породил *проклятие*, отвержение от Бога, к Которому, однако, человек всегда стремился и стремится. И это отвержение, оставление Отцом перенес Гефсиманский Страдалец, и для Его безгрешной души, которая привыкла к постоянному единению с Богом, вкусила и познала всю сладость, всю красоту и полноту этого единения, такое отвержение было, конечно, невыразимо тяжело; оно было тем адом, которым угрожает Господь нечестию, и который состоит, главным образом, в удалении от жизни Божией; тем адом, которого мук во всей их тяжести представить мы себе не можем; оно, это отвержение, вырвало у Страдальца на кресте душу потрясающий крик: *«Боже мой, Боже мой! вскую Мя еси оставил!»* (Мф. 27:46). Так Христос *искупил нас от клятвы, быв по нас клятва...* (Гал. 3:13).

Итак, Иисус, как бы последний и тягчайший из грешников (2Кор. 5:21), оставлен Отцом; как новый Израиль, один Он на подвиге, подобно Израилю древнему. Горькая чаша Его растворена, наконец, проклятием Божиим, тяготевшим над человечеством.

Иисус один... С воплем крепким, по слову апостола (Евр. 5:7), прибегает Он к Отцу, покрытый воспринятыми на Себя грехами человечества, изнемогающий под нравственными муками за эти грехи...; а вокруг – наводящие страх и ужас темнота сада и безмолвие ночи, а около спят апостолы, общения с которыми просила и жаждала душа Его; они спят, как бы знаменуя немощь человеческой природы. Иисус один… Слышатся Его глубочайшие, тоскливые вздохи, Его ослабевший от душевной борьбы голос, и горит, пламенеет Его молитва. Опять и опять Он взывает: «Отче! Отче!» – Нет ответа... «Симон! спишь ли?» (Мк. 14:37). Нет отклика... Как до конца исполнились предречения пророка: *«Один истоптал Я точило гнева Божия, от язык не бе мужа со Мною»* (Ис. 63:3). *«Ждах соскорбящаго и не бе, и утешающих – и не обретох!»* (Пс. 68:21).

И среди этого ужаса страданий, здесь-то, в этом уединении сада и произошла вероятная встреча Христа, как нового Адама, с древним искусителем. Говорим: встреча вероятная, потому что евангельские повествования не упоминают о ней прямо; но, сопоставив различные места евангелия, можно говорить о возможности искушения в Гефсимании почти с уверенностью. После первого искушения в пустыне диавол, как сказано в евангелии, оставил Иисуса *до времени* (Лк. 4:13), а в беседе Своей непосредственно пред самыми Гефсиманскими страданиями Иисус Христос говорить ученикам Своим прямо: *«идет мира сего князь, и во Мне не имеет ничего»*, и затем указывает, в чем именно будет состоять и искушение и, соответственно с ним, победа: «чтобы мир знал», продолжает Свою речь Спаситель, «чтобы мир знал, что Я люблю Отца *и, как заповедал Мне Отец, так и творю»*(Ин. 14:30–31). Где же, как не здесь, в Гефсимании, князь греховного мира – диавол встретил Иисуса, искушая Его, и был побежден Его любовью и преданностью воле Отца? Здесь, в этом ужасном положении и искушение могло быть особенно сильным…

Два вида искушений человеческих: слава и страдания. Первое Сын Человеческий отверг в пустыне, второе надлежало победить в Гефсимании. Горька, несказанно горька чаша...

Всеми силами отвращается Богочеловек и от этого совершенно противоестественного для Него позорища смерти, и от этого непривычного, но взятого на Себя греховного бремени, невыносимого для чистой и безгрешной души. И вот, молнией могла проноситься в человеческом сознании Его мысль: «В премудрости и всемогуществе Отца неужели же нет и не может быть средства спасти людей, не вознося на крест Сына? Неужели нельзя отсрочить час этих лютых мук, если уже невозможно совсем пронести мимо чашу?» Эта мысль в уединении Гефсиманском в Сыне Человеческом, изнемогающем под бременем неописуемых мук, могла произвести намерение оставить подвиг: она слышится в первом, самом тяжком молении: Отче, *все, все возможно Тебе!..* Возможно, значит, и избавление Сына от этих ужасных мук: «о, если бы Ты благоволил пронести чашу эту мимо Меня!» Во втором молении мысль эта ослабляется: „Отче, если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ея, – буди воля Твоя!» Третье моление, произнесенное теми же словами, окончательно укрепило Иисуса в Его духе, хотя привело тело Его в состояние, близкое к смерти, выражающееся в самых редких случаях кровавым потом[18]. Он мог умереть от такого напряжения духа еще до суда и креста, – и вот является к Нему, уже победившему искушение, укрепляющий ангел. Но духом Иисус был бодр, и восстал от молитвы, уверенный в необходимости и благотворности того, что надлежало Ему испить. Дух бодр, плоть же немощна... Где же источник этой бодрости?

Мысли о всемогуществе противопоставлена другая мысль, которая яснее всего, как гром, слышится во всех трех молениях: *«буди воля Твоя»*. «Чаша, угодная Отцу, как единственно предопределенная чаша спасения людей, стала угодна теперь и Сыну» (Иннокентий). Осуществилось то, о чем Иисус говорил всю жизнь: что Он пришел творить волю не Свою, а волю Пославшего Его Отца. Свободно, непоколебимо и безвозвратно Он приносит Себя в жертву. «Буди воля Твоя», – этого именно не исполнил Адам первый, подвергнув за свое преслушание страданию весь род человеческий; теперь выполнил это Адам второй, и послушанием Своим спас людей, открыв им двери

заключенного рая. Гефсиманский подвиг кончился. Но кто измерит его глубину? Кто постигнет всю его потрясающую безграничную муку? Выше было сказано, что для понимания его с одной только стороны, нужно быть самому совершенным человеком; чтобы понять его во всецелости, этого мало: нужно быть Богочеловеком. Много слез, много стонов и бедствий видел мир, но все они вместе не составят той чаши, которую испил Иисус. Чаша эта была выпита однажды, и уже более не повторится.

Гефсиманский подвиг кончился. Предатель приблизился. Сын Человеческий отдается в руки грешников. Начинается подвиг Голгофский, который кончится для Иисуса вкушением смерти. И теперь, в Голгофском подвиге, Он – тот же представитель грешного человечества; и теперь Он будет страдать духом и телом за грехи мира, как бы за Свои собственные; но, выражаясь по-человечески, можно быть вполне уверенным за исход подвига: после Гефсимании Страдалец все перенесет, все исполнит и все до конца совершит...

«Теперь ваше время и господство тьмы», сказал Он, предаваясь в руки врагов (Лк. 22:53). Но среди этой ужасной тьмы до нашего времени и до скончания веков светит и будет светить образ Страждущего Иисуса... «Се человек!» Се образ того, чем должен быть человек. В Его страдании нет деланного презрения к смерти, нет ожесточенной ненависти к мучителям, нет холодной, застывшей гордыни стоика, нет и слабости, отрекающейся от долга, нет экзальтации, восторженных порывов и самозабвения, похожих на фанатизм... Все такое было бы или неестественно или недостойно Его. «Бесчувствие всегда ниже самоотвержения» (Августин). Иисус, напротив, является нам в образе истинно страждущего *человека*: Он видит, что чаша Его горька, и прямо говорить об этом; Он всецело чувствует весь ужас ее, но в молитве и единении с Отцом почерпает мужество и твердую решимость испить до дна эту чашу, исполнить до конца высшую волю. Его страдания были беспримерными и невиданными в мире, как великое, таинственное священнодействие, как чудо безмерной любви

Божией и сострадания к человечеству; они более и не повторятся; но всем другим страдальцам Он служит поддержкою, утешением и образцом верности долгу, своей задаче и Богу, образцом самоотречения и любви. Слабости Своих учеников Он не осуждает, и в ней не укоряет их, сострадательно относится к этой немощи плоти, но тем настойчивее напоминает им и нам, что бодрствование духа, молитва и преданность Богу и воле Его никогда не должны оставлять человека. Все это Он, как Начальник и Вождь, прежде всего показал на Себе Самом. Гефсиманские страдания – это апогей нравственного величия человечества в Иисусе, это и вершина Его личной заслуги и совершенства, и основание Его права спасать грешников (Евр. 2:17–18). В нем мы имеем Ходатая к Богу и Первосвященника, Который может сострадать нам в немощах наших (Евр. 4:15). Восшедши чрез страдания к славе (Ин. 17:1–5), Он показал путь к ней Своим последователям (Римл. 8:11, 34, 37). Апостол Павел, особенно разумевший силу креста, т.е. смысл страдания Спасителя, так говорит о Нем: *«Он во дни плоти Своей с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти, и услышан был за Свое благоговение; хотя Он и Сын, однако, страданиями навык послушанию, и совершившись, сделался для всех, послушных Ему, виновником спасения вечного»* (Евр. 5:7–9).

Россия и Восток[19]

И придут от востока и запада, и севера и юга и возлягут в царствии Божием (Лк. 13:29).

Говорить о Востоке, о восточном вопросе, о движении на Восток, по общему понятию, значит – непременно вторгаться в область сложных вопросов политических, неуместных в устах служителя Церкви. Говорить же о Востоке, как священнику, значить, по установившемуся мнению, поднимать вопросы религиозные, входить в рассмотрение и разрешение старых, неоконченных счетов христианства и мусульманства в их прошлом и настоящем, переходя, таким образом, на почву споров и взаимного раздражения.

И то и другое, и политические виды, и религиозные счеты, не имеются в виду Обществом, действия которого открываются в настоящие минуты в нашем крае и которое в первом пункте своего устава говорит нам, что оно имеет целью *содействовать сближению России с восточными странами*.

Но не говоря уже о том, что всякое сближение стран и народов между собою на почве мирных отношений, взаимной любви и уважения не может не входить в задачи и не может не вызывать благословения той Церкви, которая ежедневно воссылает моления о мире всего мира и соединении всех, – не говоря уже об этом, к счастью, в самом историческом призвании и географическом положении России самим Промыслом указаны ей особые отношения к Востоку, отношения мира, согласия, сближения и соединения.

В поздний, сравнительно, час истории Россия призвана к историческому бытию. Но с тех пор, как восточные славянские племена – поляне, вятичи, древляне и проч., отрешившись от племенного определения, под влиянием христианства, получают форму бытия более широкую, возводящую племенные виды к высшему единству и, по замечанию летописца, прозываются Русью, сливаясь, таким образом, в один народ – русский, слагая одну землю русскую; с тех пор, как на берегах Днепра и Ильменя образовалось русское

княжество и после принятия христианства от одряхлевшей и умирающей Византии сделалось наследником ее исторической задачи и мирового призвания, – с этих пор пред новым народившимся членом семьи исторических народов – пред Русью и в даль времен, и в ширь беспредельного на Востоке простора развернулась перспектива величайшей мировой исторической роли: естественного посредничества между искони враждебными Западом и Востоком и высшего их синтеза в области религиозной, культурно-социальной, политической... Эта задача России не может быть названа ни искусственно-придуманной, ни намеренно, с какими-либо тайными, себялюбиво-государственными целями созданною. Она, как естественная и неизбежная, властно толкалась в двери нашего исторического сознания в те моменты, когда мы о ней, под влиянием неблагоприятных условий жизни, забывали; она жила в культурных формах жизни нашего народа, в которых сохранилось много остатков когда-то бывшей непосредственной близости нашей с Востоком, этою колыбелью религий и удивительно живучих в связи с религией культур, от времен доисторического переселения наших индо-европейских предков из таинственных восточных стран; она жила и мощно проявлялась в смутных порываниях наших старинных удальцов сначала к восточной Европе – к Волге, Оке, Каме, к Хлынову, Уралу, к морю Хвалынскому, потом к странам сопредельной Азии в такой шири и просторе, что этому не помешали ни великий океан-море, ни далекая и неведомая Америка... И всему этому стихийному движению нашего народа к Востоку как бы вторило присущее всем странам и народам Востока сознание обаятельного величия Белаго Царя…

Географическая сопредельность, историческое призвание дают России такое положение по отношению к Востоку, что здесь ей место по самому положению вещей, по самой истине ее исторического бытия, по переданным заветам древней Византии, которой она преемствовала в мировом делании. На Западе России делать нечего: на своем поле он поработал для человечества довольно, совершил ряд величайших подвигов в области мышления, знания, жизненного опыта, благодеяниями

которых и мы пользуемся, да и должны воспользоваться во всей полноте, как общечеловеческим достоянием. Притязания наши к Западу только в том и заключаются, чтоб он сам признал наши права на историческое существование и мировую деятельность. Россия не всегда встречала и встречает это признание, оттого и положение наше по отношению к Западу есть положение оборонительное; ни для кого не тайна, – и это особенно нужно подчеркнуть в настоящие минуты для выяснения отношений России к Востоку, – ни для кого не тайна, что, конечно, не ради азиатских народов Востока мы содержим нашу громадную армию, а ради отпора притязаниям Запада…

Но если на Западе нам собственно искать нечего и мы стоим к нему силою вещей в положении оборонительном, то по отношению к Востоку мы искони находились и находимся в положении наступательном, не в страшном воинственном смысле, нет, – мы воевали только поневоле, – но в смысле культурного воздействия, всестороннего возвышения жизни, в смысле мирного посредничества и мирных сношений. Здесь с Востока, действительно, открывалось широкое поприще для зиждительства нашему национальному духу. И потянуло нас сюда давным-давно. Сначала, конечно, цели и побуждения были исключительно религиозные, которые сказались в многочисленных хождениях наших древних предков на Востоке ко святым местам, давших сильный толчок древне-русской письменности[20]. Но с течением времени, уже с XIV века, русские люди ходят на Восток не по одним религиозным побуждениям, стараются и знакомиться с ним более подробно. В XV-XVI вв. такие путешествия все более и более учащаются. Здесь мы уже видим знакомство наших путешественников и с Кавказом, и с Персией, и с Малой Азией. Но сведения, доставляемые ими о Востоке, отличаются характером басен, представляя иногда собрание непостижимых нелепостей, – и это отсутствие точных и верных сведений было обоюдно невыгодно и для России, и для Востока[21]. В XV веке, однако, мы видим путешествие на Восток замечательного русского человека Афанасия Никитина, имя которого должно быть дорого для нашего Общества. Нужно заметить, что он совершил свое путешествие на Восток чрез

Персию, к Персидскому заливу, в Индию до о. Цейлона и обратно чрез Персию и Турцию до Трапезунда за 25 лет до открытия пути в Индию европейцами, а записки его, по обстоятельности, по точности и верности сведений, могут с полным правом быть поставлены если не выше, то во всяком случай наряду с отчетами знаменитейших европейских путешественников[22]. Но и этот наблюдательный, необыкновенно умный и энергичный русский человек потерпел в своем путешествии много невзгод и полное разорение в торговых делах от причины, которая и доныне тяготеет над нами в наших отношениях к Востоку: *«Меня залгали»*, говорит он в объяснение своих неудач. Вот это-то «залгали» не покончилось и до настоящего времени, и разорять тьму всякого рода «залганья», которое нередко является средостением между Россией и Востоком, и призвано «Общество Востоковедения». Смутные времена нашей истории, домашние тяжкие заботы государственного строения на некоторое время отдалили нас от Востока. Государственный гений Петра Великого, прозревая историческое призвание России, вновь обратил ее внимание на Восток, но последующие поколения более занялись Западом, и надолго невежество и косность сделали то, что мы мало знали Восток, и Восток мало знал нас, а враги воспользовались всем этим, чтобы сгустить еще больше эту тьму неведения посредством всякого рода «залганья», с которым боролся еще Афанасий Никитин. В наше время мировые события властно и решительно вдвинули Восток и ближний и дальний в сферу интересов России и западной Европы. Кому из них ближе по праву и обязанности, кому естественнее стать лицом к лицу к Востоку, кому исторически суждено послужить естественным мостом между Востоком и Западом и отношения их направить не к разрушению, а к созиданию всемирного спокойствия, – в этом не может быть сомнения ни у одного благоразумного и беспристрастного человека. И деятельность России в китайских событиях воочию убедила мир, что не захваты, не корысть, не порабощение, не разбойничьи инстинкты руководили здесь Россией, а мир и благожелательность и сознание своего

исторического призвания в деле мирного объединения Востока и Запада.

То же, конечно, нужно сказать и по отношению к ближнему Востоку – мусульманскому. Здесь, в Тифлисе, в Закавказье, которое непосредственно граничит с этим Востоком, Отделению Общества Востоковедения как нельзя более подходящее место для плодотворной деятельности: здесь именно нужно дать восточным народам точные и правильные сведения о России, об ее желаниях и стремлениях, с другой стороны, нужно ознакомить и русское общество с материальными нуждами и духовною жизнью Востока; тогда сама собою обрисуется правдивая картина жизни Востока в ее многообразных проявлениях, правдиво определится и роль России на азиатском Востоке и ее общечеловеческое призвание, вместе с тем определятся нужды, потребности и задачи деятельности русского общества на окраине. А в правде великая сила: *стоить ее только показать*, и облако всякого «залганья» рассеется само собою. Смутным порываниям русского народа к Востоку и смутным влечениям Востока навстречу России, не погибшим в течение веков, при всякого рода враждебных влияниях сознательной клеветы и бессознательного невежества, нужно теперь дать укрепиться в разуме, нужно дать освещение и прояснение в добросовестной научной работе, посвященной взаимному всестороннему и правдивому знакомству России и Востока. И мы верим и надеемся, что указанный России Промыслом исторический долг будет ею выполнен. Тому порукою многовековая, исполненная бескорыстия и высокого благородства работа ее на Востоке, которая в наши дни не только не умалилась, но в трудах Венценосного Вождя России приобрела новый блеск и явилась пред миром в полной красоте и обаятельности. Мы сильны историческою правдою.

Не будем скрывать, что с точки зрения некоторых односторонних учений граничащего с нами Востока мы представляем собой так называемый *«дар-уль-харб»*, т.е. мир вражды, – мир, с которым нужно воевать... Но и самый враждебный человек опустит руки при виде ближнего, который

долгим путем, правдивою и благожелательною деятельностью ясно, как Божий день, показал и доказал свои мирные и добрые намерения. Обратить этот *«дар-уль-харб»* из мира вражды в мир благоволения и согласия, это – задача «Общества Востоковедения», достойная благословенья Церкви и сочувствия всех добрых и мыслящих людей.

Дух народный[23]

«Духа не угашайте!» (1Фес. 5:19).

В светлый день благодатной весны, при светлых пасхальных воспоминаниях, с радостными пасхальными песнями, в ожидании праздника излияния Св. Духа на новозаветных чад Божиих, совершаем мы ныне знаменательное торжество среди этих русских новопоселенцев. По-видимому, нет у нас сейчас особенных причин предаваться отрадным и светлым надеждам: все здесь только в зачаточном состоянии, все только устраивается; не собрались еще все новоселы, не привыкли к условиям местной жизни вновь прибывшие; много здесь недостатков и бедности и предстоит много труда, много терпеливых усилий, может быть, неудач и разочарований, предстоит, может быть, получить немало горьких уроков… И вот, смотря на эту устраивающуюся жизнь, на этот усиленный здесь труд, пред смутным и неизвестным будущим, хочется призвать всех вас к светлым пасхальным чувствам надежды и радости и, в виду грядущего праздника в честь Духа Святого, обратиться ко всем вам с великими апостольскими наставлениями: *«Исполняйтеся Духом»* (Еф. 5:18) и *«Духа не угашайте»* (1Фес. 5:19).

Вспомним, что было и что случилось, когда впервые «исполнились духа» ученики Христовы. Их было малое стадо, но малому стаду благоизволил Отец Небесный даровать царство. Их было всего двенадцать простецов, робких, бедных и неизвестных поселян Галилеи, а перед ними, как поприще деятельности, расстилался огромный, необъятный мир, богатый и сильный… И все в мире казалось, так сказать, *духоборным…* все как будто клонилось к тому, чтобы побороть и угасить дух новых проповедников новой истины. Кровавыми гонениями, страшными преследованиями, всеми усилиями злобы и издыхающего жречества, и грубого народа, и утонченной науки, и могучей, привыкшей к победам государственной власти, вооруженной не одним мечем, но и знаниями, и искусством, – вот чем встретил мир появление новых вестников евангельской

истины. Казалось, задавит он малое стадо Божие; казалось, не было никакой надежды на торжество дела Христова... Но *дух животворит*, плоть же не пользует ни мало... (Ин. 6:63). В этом мире, ополчившемся на малое стадо Божие, не было уже духа, а проповедники царства Божия были именно сильны тем, чего не было у древнего мира: они были исполнены духа, духа крепкого, убежденного, духа просвещенного и окрыленного верою, духа, союзного с Духом Божиим... И вот гордый мир склонился пред этими скромными служителями Христа; мрежи рыбарей исполнились ловитвы, и возвещенное ими царство Божие широким разливом захватило вселенную в свободный и святой плен веры. Склонились цари и царства, замолкли вражда и озлобленные крики, – и гонимый, и поруганный Крест Иисуса Христа засиял всюду от драгоценной короны царя до убогой хижины крестьянина...

Пришла пора, и могучая волны царства Божия всколыхнули наших отдаленных предков. Мал и неустроен был в то время русский народ; разделялся он на несколько отдельных, враждебных между собою, племен; кругом его жило множество врагов; топкие непроходимые болота, разливные реки, широкие степи, дремучие леса, огромные пространства, суровая природа, малоплодная земля, редкое население, отсутствие путей сообщения, при внутренних раздорах, при множестве врагов, – все это мешало правильному устройству жизни наших предков. Казалось, погибнет народ наш под ударами врагов; казалось, никогда не выйти ему из состояния неустройства, мрака и дикости.

Но воистину – дух животворить... Вера Христова принесла нашему народу этот *дух животворящий.* Исполненный Духа, совершил он многовековой и многотрудный подвиг своей истории, и пред крепостью и величием этого духа таяло, как снег под солнцем, все духоборное, – все, что боролось против духа русского народа, все препятствия, все невзгоды нашей исторической жизни. Славянские разрозненные племена силою единой православной веры слились в единый могучий народ; окружавшие нас мелкие инородческие племена делались родными с нами по вере и едиными по отечеству. Были и тяжкие

времена, – были нашествия врагов, страшный жестокости войн, избиения тысяч людей, разорения сел и городов; были засухи, голод, мор, болезни, бедность страшная, но все вынес крепкий дух русского народа. Слезами, скорбью, трудом, и многими страданиями, и многою молитвою строилась русская земля.

Подобно тому, как вы теперь здесь, наши новопереселенцы, так и прежде, в старину, и на дальнем севере, и на юге, и на востоке, и западе русского государства являлись исполненные духа русские люди и везде без блеска, без крика, постепенно, понемногу, по-видимому, медленно, но прочно устраивали русскую жизнь, русскую государственность на основе евангельской любви, справедливости и порядка. Это было нашей мировой задачей, указанной России Промыслом. Бывали времена чрезвычайно опасные; но сильный дух постоянно неизменно оживлял народное тело – государство; посреди опасностей оно восставало в новой силе; исполненное духа, вдруг изумляло мир своею мощью и властно и громко говорило ему свое слово. Пережитые опасности делали его еще более крепким. То же ведь видим и в жизни отдельных лиц: для души мелкой испытания служат к унынию, к слабости и падению; для души твердой, для духа сильного всякое страдание, перенесенное терпеливо и вдумчиво, является драгоценнейшим вкладом в душевный капитал и силою укрепляющею и созидающею. Тяжелый молот дробит и уничтожает хрупкое стекло, но кует и делает более прочным и твердым крепкое железо…

Наследниками живого дела живого русского народа явились сюда и мы, русские люди, на далекой окраине. Что же? Будем ли обижать других, будем ли отнимать что-либо чужое, будем ли жить на чужой счет, будем ли преследовать другие народы? Нет, это нерусское дело! Этим никогда не занималось наше царство! Опасаются этого только те, кто мерит народ наш на собственный аршин. Нет, Промысл Божий призвал сюда нас, в этот разноязычный край, еще недавно раздираемый кровавыми смутами, не для захватов и корысти, а для того, чтобы внести сюда свет и жизнь: одним сообщить свет христианства, другим – блага государственности, а всем – обеспечить порядок и тихое и

мирное житие во всяком благочестии и честности. Не смущайтесь, что мало нас, что кругом видим скудость: не эта скудость страшна, *ужасна скудость духа.* Наши предки совершили великий, мировой подвиг, *исполненные духа*. Заброшенные сюда, мы должны, как ветка с деревом, оставаться в неразрывной связи с нашим великим русским народом, с его могучим духом… Итак, братие мои, *духа не угашайте!*

Дух угашается унынием, малодушием: будьте же, поселенцы, бодры и мужественны; верьте, братья, в лучше дни, в лучшее будущее; верьте, что не оставит вас помощью Бог и Царь и добрые люди; смотрите, Сам Государь дает жертву на ваш храм: Государев полномочный правитель всего нашего края здесь, среди вас, прибыл сюда утешить и поддержать вас; здесь и представитель Царя в этой губернии, и другие начальствующие лица. При их помощи, при поддержки и сочувствия добрых людей, да при вашем собственном труде и старании, малое семя, посеянное здесь в виде вашего скромного поселка, разрастется, даст Бог, в большое дерево.

Дух угашается раздорами, несогласиями, ссорами, завистью, взаимною неприязнью. Будьте же мирны, будьте единодушны, живите ладно, любовно, помогайте друг другу, живите мирно и любовно с окружающими вас иноверцами и инородцами. Где мир и лад, там и клад; где мир и лад, там и Божья благодать.

Дух угашается грехами и пороками. Будьте же трезвы, будьте честны, будьте трудолюбивы. Берегитесь гибельного пьянства, берегитесь всякого вида разврата. Не давайте никому повода осудить вас, посмеяться над вами и, в вашем лице, над русским человеком. И без того являлось сюда немало таких, которые позорили русское имя и нашу дорогую родину.

Дух угашается, когда сыны родины разобщаются с нею и забывают ее. Помните же, братья, Русь святую; помните, что вы – русские люди; помните и любите русского Царя-Батюшку. Пусть имя Его у вас будет честно и славно; пусть и молитва ваша будет возноситься о Нем непрестанно, чтобы Господь

подал Ему силу и премудрость в нелегком деле вести народ наш к славе и счастью.

Дух угашается, дух гибнет, исчезает у русского человека, когда он теряет свою святую православную веру и отделяется от родимой матери-Церкви. Лишить его веры и Церкви – все равно, что подрубить ему обе ноги; это значит сделать его слабым, бессильным, беспомощным. О, храните здесь, в стране разноверия и всякого вида сектантства, храните, братья, нерушимо наше чистое и святое православие, завещанное дедами и прадедами! Вот совершаем закладку вашего будущего храма. Еще немного времени – и здесь, среди этих хаток, зажжется новая свеча Господу Богу – дом молитвы, а около него пусть растет и крепнет и школа для ваших деток, чтобы церковью и школою созидался и укреплялся дух ваш. Храните святые наши церковные обычаи; не забывайте молитв и праздников; не забывайте поста и говения и святых таин причастия; учите детей вере и благочестию; не слушайте ничего, противного православию. Помните и не забывайте: кому Церковь не мать, тому Бог не Отец! Помните: как песчинка на речном берегу, как былинка в поле, затеряетесь вы здесь без веры и Церкви; и, как яркая звездочка, будете сиять и светить, и светиться здесь, если будете хранить веру, как бы густа ни была кругом вас тьма, как бы ни силился поглотить вас мрак вражды, или преследований, или бедности, или жизненных испытаний. *Духа не угашайте!*

Позвольте обратить слово и к вам, представители власти и почетные гости! Мне нечего напоминать вам, что мы присутствуем здесь при скромном торжестве русской идеи... Но в этой местности, как бы заброшенной и затерявшейся среди гор, в этом убогом поселении, где все говорит о бедности, о недостатках, уместно ли это высокое слово о русской идее? Братие мои, *духа не угашайте!* Да не смущается сердце ваше! Не в силе Бог, а в правде, и дух животворит, плоть же не пользует нимало (Ин. 6:13). Русская идея никогда не выступала ярко, крикливо, картинно и показно. Это свойство не наше... И даже в таких случаях, как нынешнее торжество, когда естественны были бы и ликования, и шумные возгласы радости,

– когда уместно было бы видеть хоть некоторое возмещение вековой исторической неправды в жизни народа-крестоносца, своею кровию стяжавшего землю – для других, – наша Церковь призывает нас только к тихой молитве. *Но блажени кроткие, они наследят землю!* Кто видел и кто записал о том, как среди финнов, Чуди, Меря и Весь, среди вогул и мордвы, перми и других инородцев возникали такие же вот поселки, такия же маленькие ячейки государственной жизни, которая от берегов Ильменя и Днепра докатилась до Великого океана? Кто подметил и кто подсмотрел, как некогда инородческая Ока и Волга обратились в реки, воспеваемые в наших народных песнях, и до того русские, до того родные, что теперь и представить их трудно иными? А юг России, Приазовье, Дон, Кубань и Северный Кавказ при каких кликах русской идеи, при каких торжественных и картинных проявлениях ее сделались русскими и упорядоченными?

К тебе, Сиятельный князь, полномочный представитель возлюбленного Государя, наше последнее слово. Ты прибыл сюда, пожертвовав дорогим временем среди многосложных трудов, – прибыл невзирая на дальний и неудобный путь, чтобы утешить, обласкать русских людей на рубеже Русской земли, чтобы поднять и ободрить унывающие души и сердца, чтобы они не угашали духа… От имени этих поселян и, в праве сказать, от русского имени бьем тебе челом на привете и ласке! Поклон тебе благодарный до сырой земли! Благословение тебе от Господа, Его же имени созидаешь ты здесь дом молитвы!

Пусть же и в этот тихий час молитвы соединит всех нас с этими простыми сердцами наших поселян единый дух веры и надежды на светлое будущее, на успех нового дела русского переселения, и да будет здесь над нашими склоненными главами и сильно и действенно слово царя-пророка: *«Призри с небесе, Боже, и виждь и посети виноград сей, охрани то, что насадила десница Твоя»* (Пс. 79:15–16); и утверди, и укрепи, и плодотворным сотвори до века! Аминь.

Единение России и Грузии[24]

Во имя Отца в Сына и Святого Духа. Аминь.

Мы стоим у порога великого и знаменательного праздника нашего края и открытием этой выставки предначинаем юбилейное торжество… Итак, в эти торжественные минуты да будут прежде всего повторены и устами, и сердцами нашими только что сказанные молитвенные слова благословения начала всякого доброго дела: Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

«Хваляйся о Господе да хвалится» (1Кор. 1:31). Так заповедует нам слово Божие. Да будет же благословен Господь, умаливший человека малым чем от ангелов, венчавший его славою и честию и мощи духа его покоривший природу (Пс. 8); эту победную мощь, это торжество человека над природой мы и видим прежде всего в собранных здесь на выставке разнообразных произведениях труда, знания и искусства человека. Да будет благословен Господь, сто лет назад призвавший на дружную и совместную жизнь и работу два родные по вере и духу народа – русский и грузинский и соединивший их неразрывными узами братства; плоды этого единения не только русских и грузин, но и тех народностей Кавказа в общей мирной культурной работе под охраною великой России мы также воочию видим на нашей юбилейной выставке.

Сто лет назад намечен и указан был Кавказу этот путь жизни словом приснопамятного Государя, возвестившего подданным о присоединении Грузии к России в знаменательном и вечно памятном для Кавказа манифесте 12-го сентября 1801 года: «Не для приращения сил, не для корысти, не для распространения пределов и без того обширнейшей в свете Империи приемлем Мы на Себя бремя управления царства Грузинского. Единое достоинство, единая честь и человечество налагают на Нас священный долг, вняв молению страждущих, в отвращение их скорбей, учредить в Грузии правление, которое могло бы утвердить правосудие, безопасность и каждому дать

защиту закона». И вот, чрез сто лет мы видим теперь, что великодушное решение Царя и русского народа принесло больше, чем предполагалось: оно принесло не одно правосудие и защиту закона, но и расцвет просвещения и промышленности, успехи знаний и искусств и общий подъем во всех областях внутренней жизни края, как наглядно свидетельствует об этом наша выставка.

Чтоб иметь справедливую меру для оценки этих успехов, нужно считаться с условиями жизни нашего края, как о них говорит нам беспристрастная история. А история говорит нам, что появление России в пределах Закавказья на призыв изнемогавшей в геройской, но неравной борьбе Грузии не простили ей враги ее и Грузии, и много десятков лет раздавались здесь громы войны, жизнь текла в непрерывных бранных тревогах, много крови, много материальных средств и без того небогатой России, у которой были и свои неотложные дела и нужды, ушло на защиту Грузии и борьбу из-за нее, так что только вторая и притом далеко не полная половина истекшего столетия соединенной жизни России и Грузии могла быть всецело посвящена делу внутреннего упорядочения нашего края, его мирному и успешному культурному развитию. Нельзя не принимать этого во внимание при суждении о представляемой на выставке картине современной внутренней жизни Кавказа. Всего 37 лет прошло с тех пор, как закончилась совершенно геройская кавказская война при незабвенном для Кавказа Августейшем Наместнике Великом Князе Михаиле Николаевиче; еще меньше – всего 25 лет – прошло со времени русско-турецкой войны, когда подавлены были последние вспышки и восстания горцев против России, обеспечены были береговые границы Закавказья и оно приняло в территориальном отношении современный вид; в эти сравнительно недолгие протекшие после того мирные годы сколько сделано успехов во всех отраслях внутренней жизни Кавказа! Выставка наглядно покажет это и вместе с тем даст нам вразумительные и ясные уроки.

И прежде всего, как бы ни высоки были указанные успехи в развитии внутренней жизни нашего края за последние

десятилетия мира и спокойствия, однако, не чувства гордыни и самодовольного превозношения они должны будить и питать в нас. Время должно не умалять, а увеличивать владычество человека над природой, дарованное ему Богом при самом сотворении, как неотъемлемое право и как царственное отличие среди прочих тварей мира; с каждым годом должны расширяться пределы этого владычества человека и успехи его в употреблении сил и тайн природы, как средства удовлетворения разнообразных его нужд и потребностей. Всякая гордыня, в какой бы сфере она ни была, несет с собою ограничение жизни и задержку в ее развитии: и самодовольное превозношение достигнутыми результатами в разнообразных областях жизни, представляемых выставкою, может послужить только к задержке этой жизни. Но выставка есть не только показатель того, что сделано, но и практический живой и наглядный урок народу и вместе с тем непременное поощрение дальнейшего роста производительности, как условие постепенного и правильного развития народного богатства, – этого важнейшего источника силы народной и государственного могущества.

Не отрицая за человеком права владычества над природою не как самодовлеющей цели, но как средства для развития и свободы человеческого духа, христианская Церковь указывает нам и условие, при котором единственно возможны и успехи в этом деле, и самое пользование достигнутыми успехами, ежедневно, за каждым богослужением учит она нас молиться *о благорастворении воздухов, о изобилии плодов земных*, но вместе с тем она как бы с усиленною настойчивостью прибавляет сюда и моление *о временах мирных…* Путь злобы, вражды и взаимного недоверия еще никогда не давал положительных результатов в жизни. И прошлая история нашего края заповедует настоящему и будущему в этом отношении великие заветы. Смотря на картину жизни, представляемую нашей выставкой, вдумываясь в причины и условия успешного развития внутренней жизни нашего края, невольно вспоминаешь слова древнего царя-пророка, с горячею любовью отдававшегося заботам о благосостоянии своего народа: *«Се*

что добро и что красно, но еже жити братии вкупе». «Как хорошо и как приятно жить братьям вместе! Это – как драгоценный елей на главе, стекающий на браду, браду Аарона, стекающий на края одежды его, – как роса Ермонская, сходящая на горы Сионския, ибо там заповедал Господь благословение и жизнь до века» (Пс. 132).

«Жить братьям вместе!» Вот завет и народностям Кавказа, – завет мирной жизни, взаимного доверия, взаимной поддержки, объединения в мирном труде, – могучего внутреннего объединения при благодетельном объединении и внешнем под скипетром великого Русского Царя! И все прошлое нашего края и эта юбилейная наша выставка говорит нам яснее Божьего дня: все, что способствовало разъединению нашего края с Россией, губило его, и все, что способствовало миру, любви и доверию народностей Кавказа к России, было благодетельно для него и приносило великие плоды изумительно быстро.

Да будет же это и впредь основою жизни нашего края! Бог наш не есть Бог вражды и неустройства, но Бог мира (1Кор. 14:33); Господь крепость людям Своим даст, Господь благословит люди Своя миром (Пс. 28:11). Посему, послушные наставлениям слова Божия, будем хранить единение духа в союзе мира (Еф. 4:3), будем искать мира и стремиться к нему (1Петр. 3:11), будем держаться правды, любви и мира со всеми (2Тим. 2:22).

Более ста лет назад, когда между Россией и Грузией еще не было полного политического слияния, Императрица Екатерина II, в знак покровительства Грузии и благоволения к ее царю Ираклию, в честь его приказала приготовить особую медаль с надписью: «Вера и Верность». Вера и верность по отношению к России, действительно, спасли Грузию от полного порабощения злобными врагами и окончательной погибели и привели ее к полному слиянию с Россией. Теперь, по истечении столетия нашего народного единения, при виде этой расстилающейся перед нами на выставке картины мирной жизни и расцвета нашего края, смотря в грядущие века, ища для них основы будущего счастья и благоденствия на Кавказе, – к этим великим

словам о вере и верности мы должны присоединить другие, не менее великие слова: *взаимная любовь, благодатный мир и полное взаимное доверие народов Кавказа и великой России*. Аминь.

Грузия и Россия[25]

История знает и помнит много союзов между народами. Бывали союзы, основанные на интересах минуты, не скрепленные искренностью, вызванные своекорыстными намерениями той или другой стороны: все они носили в себе семена разложения и гибели и, действительно, скоро распадались. Знаем союзы племен и народов во имя родства по крови, ради объединения, как средства для приобретения большей силы и господства над другими народами; на наших глазах совершилось такое именно объединение Германии, Италии. Принято считать, что здесь-то, в таких союзах, и заключается самая прочная основа взаимного единения народов.

В нынешний день воспоминаем мы иной союз, – союз двух православных народностей, подобный которому трудно найти в истории. Основною чертою православия, несомненно, служить то, что оно всякому обществу человеческому, а потому и государству, силится придать значение нравственного союза и указывает его деятельности цели этические. И вот сто лет назад соединились два православные народа на основе именно этой особенности православия. Нравственные идеи преобладали в единении двух народов. Россия прямо в известном манифесте Императора Александра I 12 сентября 1801 года заявляла, что она присоединила Грузию «не для корысти»: она сознавала, что ей предстоит тяжелая борьба за Грузию в течение многих десятков лет, сопряженная с величайшими народными жертвами. Понятно, почему вопрос о присоединении Грузии так заботил Императора Александра I и при обсуждении в Государственном Совете прошел и решен был не единогласно. Восторжествовали, однако, не соображения государственной пользы и исключительности, а другие интересы: «достоинство», «честь и человечество», «священный долг». Грузия, присоединяясь к России добровольно, правда, многое приобрела, но не надо забывать, что она теряла: она теряла самостоятельность существования, как отдельного государства,

– то, что служило и служит предметом горячих желаний и кровавой борьбы и доселе у многих народов и что сама Грузия с высоким геройством, которое может быть поставлено в доблесть любому народу, известному в истории, отстаивала в течение длинного ряда веков, как неоцененное сокровище. Почему она теперь добровольно отдала это сокровище в чужие руки, передала его не могущественным в то время Персии и Турции, а России? Где глубочайшая причина этого союза?

Признаем ли мы или не признаем провиденциальное значение народов в истории, мы во всяком случае должны согласиться, что по крайней мере историческия и географические условия поставляют пред тем или другим народом те или другие *мировые задачи*. Только с этой точки зрения получают смысл и высшее оправдание горячие порывы патриотизма, горячие желания и заботы доставить своей родине величие и могущество: ее величие и могущество суть не цель, а средство служения всемирному, всечеловеческому благу. Что же суждено России на всемирно-историческом поприще? Не будет ни преувеличением, ни искусственною выдумкою указать на то, что ей, как стоящей на рубеже Востока и Запада, суждено посредствовать между ними и для начал жизни Востока и Запада, часто противоречивых, враждебных, толкающих их на путь озлобленной борьбы, выработать в своей истории высший синтез, примирив их в единстве высшего, объединяющего культурного типа. Эта задача – великая, колоссальная, единственная – получена Россией в наследие от умершей Византии, которая в свою очередь наследовала древней Греции с ее восточно-персидскими войнами, с ее могучим эллинизмом, победоносно занесенным еще при Александре Великом в самое сердце Востока.

Но гораздо раньше России эту великую задачу сознала и приняла Грузия… В дни борьбы древней Греции и Персии в духовном складе Запад характеризовался религиями антропоморфизма, Восток – парсизмом. Грузия, равно как и Армения, стояла в то время всецело на стороне последнего. Персы наложили доселе заметную печать на одежду, нравы, обычаи грузин, на их царские династии, на язык, на их религию,

потому что в глубокой древности вытеснили народное грузинское язычество почитанием Армазда, в названии которого, несомненно, слышится имя персидского Ормузда. Новое, могучее веяние прошло по миру, когда Запад принял христианство и поставил его на знамени своего исторического бытия. И ранее появления христианства, при Цезаре и Помпее, мы видим в Грузии начало тяготения к Западу, но окончательно опознала она свое мировое назначение только при свете христианства: при императоре Адриане это сказывается еще нерешительно и носит характер некоторого принуждения, но при Константине Великом это сознается окончательно и бесповоротно.

Недаром год победы Константина Великого под Адрианополем (323 г.) и объявления христианства не только дозволенною (как это было в 312 и 313 гг.), но и господствующею в Римской империи религией есть вместе с тем и год крещения грузин в Мцхете... Совпадение знаменательное! Царь Мириан, родом из персидской династии, немало колебался, пока решился, побуждаемый историческим призванием своего народа, вопреки родственным связям с Персией сделать этот шаг, бесповоротно определивший судьбу Грузии. Скоро и Восток, в свою очередь, заменит древний парсизм исламом, – и начался великий поединок двух миров. Отзывалась, и мощно отзывалась на этот поединок и Западная Европа своими крестовыми походами. Но жизнь и история Грузии, можно сказать, были сплошным крестовым походом, сплошным геройством и мученическим подвигом! Арена великой борьбы все расширялась, поднимаясь к северу: от древней Греции к Византии, к Грузии, к южно-славянским народам. Когда же Византия стала клониться к упадку, на поприще мирового подвига с X века, еще дальше к северу, призван был молодой народ русский с печатью великих сил и великой судьбы. Но пока он возрастал, выбиваясь из множества пут, которыми связаны были его младенчество и юность, пока он проходил воспитательное страдание в борьбе с дикими ордами, с инородцами, в горниле татарщины, в домашних неурядицах, – Грузия была одинока. Трудно представить и описать ее

неизмеримые страдания, ее верность Кресту, ее достойное вечной памяти геройство, ее заслуги пред христианским миром.

Скоро татарщина сделалась синонимом ислама; Россия, сбросив татарское иго, все более и более надвигалась на мусульманский мир, все более и более усиливалась, и вот, наконец, пробил час воли Божией: она подала руку помощи и полного единения изнемогающей Иверии, дошедшей до последних пределов изнеможения в неравной борьбе. Народы, имевшие одинаковую мировую задачу, естественно, слились во едино и в государственном отношении. По словам поэта,

«…Божья благодать сошла на Грузию:
Она цвела с тех пор в тени своих садов,
За гранью дружеских штыков,
Не опасаяся врагов».

Но этого мало: сразу же изменилось положение мировой борьбы ислама и христианства, Востока и Запада. Россия, укрепившись в Закавказье, немедленно же стала грозою Персии и Турции; с небывалою силою и быстротою она отбросила знамя ислама далеко от пределов истерзанной Грузии. Прошло только одно столетие со времени соединения России и Грузии, а между тем какой огромный, невиданный пробег совершился в росте христианской России и, обратно, в падении мусульманских Турции и Персии! Это очевидно для всякого, и вместе очевидно, сколько добра в истории мира принесло сто лет назад исполненное решение двух народов слиться воедино на основе общности мировых задач.

Понимали ли и понимают ли эти задачи оба народа?

Если бы и не понимали ясно, они стремились бы к ним полусознательно: если народ есть организм, то в нем должны быть и инстинкты, по которым, и помимо сознания, целесообразно и безошибочно направляется жизнь, имеющая впереди жизнь же, а не смерть. Но есть сила, которая и тому и другому народу дала и понимание своих мировых задач, и средств их осуществления. Эта сила – *православие*. Оно единственно, заключая в себе начала истинной кафоличности, и не подавляет народностей, предоставляя каждой духовную свободу, не привязывая духовной жизни к лицу, месту или

внешней дисциплине, и в то же время оно стоит и выше народностей. Путем неумирающего предания оно предохраняет вместе с тем человека от смешения свободы с произволом, от гибельной духовной анархии, и обусловливает в нем постоянную жизненность и непрерывность роста, как духовного организма. Не привязанное к месту и времени, заключая в себе начала истинной демократии и здравого доброго космополитизма (в православном понимании Церкви), православие – и только одно православие – служит религией имеющей вечное и мировое значение, объединяющей человечество внутренне, а не внешне. Не подавляя национальностей, оно может в то же время сделаться и религией общенародной в полном смысли слова. И, действительно, оно сделалось зиждительной силою и народною религией одинаково и для русского, и для грузина. Вне православия и русский, и грузин перестают быть самими собою, а в нем они находят верный залог сохранения своей духовной личности при всех враждебных нападениях. Оттого оно стало бесконечно дорого сердцу того и другого народа; оттого же оно так скоро и так прочно соединило оба народа неразрывным, невиданным в истории союзом, государственным и церковным, несмотря на отсутствие племенного родства, ибо родство по вере выше родства по крови, единение по духу выше единения племенного, прочнее союзов с государственными своекорыстными целями. Это – союз на жизнь и смерть, на настоящее и будущее, как покоящийся на основаниях духовных, вековечных. А вечное и духовное осмысливает временное и делает его истинно-плодотворным. Оттого и союз народов, которому ныне мы празднуем столетие, явился таким крепким и таким плодотворным. И дай Бог ему расти и крепнуть и успешно выполнить свою мировую задачу ко благу народов, к осуществлению единого царства Божия на земле.

Еже буди, буди!

1902 г.

Служение родному народу[26]

От избытка сердца уста глаголют.

И только во имя этой, неистребимой потребности человеческого сердца вылиться в слове от преизбытка чувств, только во имя этого присущего природе души нашей свойства и стремления поделиться полнотою жизни своей с окружающими, – только во имя этого я осмеливаюсь в настоящие минуты занять место на церковном амвоне.

Вчера поздним вечером возвратился я в город из служебной поездки моей по школам, – и вот сегодня, под влиянием прочитанного апостольского чтения, в котором апостол горячо призывает пастырей к усердному деланию на ниве Христовой (1Тим. 4:12–16), под влиянием евангельского чтения нынешнего воскресного дня (Лк. 19:1–10), мне хочется пред вами, духовные питомцы, будущие сопастыри и сослужители, сказать несколько слов, поделиться мыслями и чувствами, сейчас только навеянными на меня словом Божиим… Поэтому не будьте строги ко внешней форме моей неожиданной и непосредственной речи, а примите ее за исповедание сердца, простое, чуждое витийства и искусственности.

Я возвратился из той страны нашего края, а вашей родины, где, можно сказать, земля спорит с небом в избытке желания удивить человека красотою и безмолвною проповедью о Боге. Благословенная Кахетия предстает пред лицом человека, впервые увидевшего ее, действительно, в полном и величайшем благолепии Божьего творения, как Божьего рая. В виду этих воздымающихся снежных гор, уходящих в высь небесную, в виду этих лежащих у подножия гор прекрасных равнин, покрытых лесами и садами, прорезанных излучистыми речками и ручьями, в виду этой чудной красоты, этого чудного края, народ, его населяющий, должен был *искать Бога* и, действительно, искал Его.

А так как это народ христианский, от лет древних принявший слово о Христе из уст равноапостольной девы,

преславной Нины, в том же краю и почившей и доныне мощами своими почивающей во благоухании святыни, – то о нем с полным правом можно сказать словами нынешнего евангельского чтения, что он *искаше видети Иисуса*. И воистину, искал он и ищет Иисуса; можно сказать, Им одним он жил и живет, служил и служит, и в защиту Его имени, Его Церкви он отдал в борьбе противу врагов Креста Христова все, что имел, все свои дарования, все свои богатства, все силы духовные и физические. Искал он Иисуса... Дух поднимается, дух загорается восторгом, когда с какой-либо возвышенности видишь пред собою эти расстилающиеся без конца села и деревни – и храмы, храмы без конца, которые белеют и сверкают на этой чудной равнине, как чистые и светлые звезды на чудном небе. И какие это храмы! Один, как храм Алавердский, привлекает своею величавою красотою, своею грандиозностью, и говорит о том подвиге изумительного труда, который некогда понесли грузины ради прославления Бога, знаменуя свое искание Иисуса; другой храм удивляет тем глубоким благоговением, которое он и доселе внушает народу; иной храм и теперь, как во времена былые, и по дням, и по ночам, во исполнение священного обычая, собирает под кров свой сотни и тысячи богомольцев… В одном месте выстроен храм новый, а в старом поместили школу; но вся алтарная стена старого храма и доселе испещрена следами и уставлена налепками свечей: то приходят сюда молиться те, которые в этом храме крестились и венчались... Такова удивительная любовь народа к своим святыням. Это ли не искание Иисуса? Это ли не стремление к небу и вечности? Народ, ищущий неба, достоин жить на земле!

Но, возлюбленные, в этом искании своем народ тысячелетний часто бывает ребенком, и о нем, об его духовном состоянии также словами нынешнего евангелия можно сказать: *яко возрастом мал бе*. Наряду с трогательными христианскими обычаями, держится он обычаев, напоминающих язычество; вместе с прекрасными свойствами чистой и духовной молитвы удерживает он нередко стороны и свойства жизни мирской и ее вносит в священную тишину своих древних храмов; многое в

религии хранит он только, как обряд, не придавая ему осмысленного значения; многое исполняет он, как воспоминание старины, не согревая и не осмысливая его жизни настоящей; часто эти взрослые дети не знают первоначальных молитв, не имеют понятия о слове Божием, не разумеют самого главного в совершаемом богослужении.

Надобно просветить этого взрослого ребенка во имя глубокой любви, которую он невольно вызывает к себе. Да, нельзя не любить его за его прекрасные душевные свойства – общие черты народной души: за его добродушие, гостеприимство, способность к доброму порыву, к самоотречению, за неизменную доброту, за постоянную религиозность. Надобно в просвещении указать ему средства к улучшению и житейского положения, к его материальному обеспечению, в наш век, при современных условиях, немыслимому без образования.

И благодарение Господу! Видел я и свидетельствую, что есть среди вашего родного вам народа, есть пастыри, тщанием не ленивы, духом горяще, Господеви работающе, не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся (Римл. 12:11, 16); они служат народу, в тишине и во смирении совершая свой великий, но незаметный подвиг. Благодарение Богу! Видел я и свидетельствую, что начала доброго обучения и воспитания, истинно-христианского просвещения прочно прививаются в наших церковных школах, которые выдвинули многих таких тружеников и тружениц, что пред ними нужно почтительно встать в глубоком благоговении и благодарности.

Но наряду с этим, как мало еще сделано, и как много остается сделать; как много еще людей, стоящих у кормила духовной жизни народа, способных и обязанных внести лучи света в его темную среду, – и остающихся еще в спячке, небрежении и бездеятельности!

К вам, духовные питомцы, к вам ваша чудная родина от всех стран духовного искания Иисуса и духовного маловозрастия безмолвно простирает молящие руки! О, если бы вы видели эти школы, наполненные детьми; если бы вы слышали их ответы, говорящие о раскрывающемся разуме, о

горящей вере, – эти стройные возглашения и пение молитв, эти ответы о Боге, Его делах, Его воле, Его заповедях!.. О, если бы вы видели эту радость отцов и матерей, когда они хоть одним ухом услышат в открытое окно разумные ответы их детей! «Зачем я не теперь родился», сказал мне один старик-крестьянин, которого я пригласил зайти в школу. «Зачем меня не учили всему этому», говорил он и прибавил: «но слава Богу за детей наших!» Если бы видели вы и слышали все это, каким бы восторгом и упованием на будущее забились бы ваши молодые сердца, и с какою любовию лобызали бы вы духовно это высокое, и чистое, и святое дело служения народу!

Туда направьте ваши помыслы, туда понесите для умножения и приращения богоданные вам таланты образования, полученные от Церкви и ей принадлежащие! Туда понесите весь священный огонь молодых душ, весь запас юной энергии, жаждущей осмысленного труда; туда обратите благородные порывы молодости, жаждущей не только труда, но и осмысленного подвига! Кроме вас, никто другой этого сделать не может. Да, повторяем, что, кроме вас, некому пойти на служение народу! Не оставьте его одиноким в святом искании Иисуса, Его воли, закона и заповедей; не оставьте его беспомощным в его духовном маловозрастании! Об этом и просим, и молим вас и повелеваем и любовью пастырскою, и властью Божией Церкви, и заветами прошлого и вопиющими нуждами настоящего. И если вы пойдете этим путем служения народу, можем мы вам обещать одно: глубокое нравственное удовлетворение в настоящем и отрадное право сказать в будущем, в неотступный час разлучения с земным бытием, словами апостола: *не вотще трудихся, не вотще текох*(Флп. 2:16). А выше и радостнее этого сознания нет ничего на свете! Аминь.

Святые заветы детям[27]

В жизни святых имеем мы неизживаемое духовное наследство, которое ежедневно в церковных воспоминаниях, в церковном богослужении раскрывается пред нами во всем его дивном богатстве. Бесчисленные сонмы этих святых украшают небо церковное и сияют на нем, как звезды небесные. Взирая на них, освещаем мы ими свой путь земной жизни, направляя его к небу и вечности; взирая на них, мы и сами заимствуемся от света их.

Такова же и жизнь святителя Алексея, митрополита Московского, память которого, ради небесного его покровительства архипастырю нашему, собрала нас сегодня во святой храм.

Воистину, память праведного с похвалами… Имя святого Алексия известно всей России; можно сказать, оно вспоминается за всеми важнейшими богослужениями церковными в ряду тех великих имен великих деятелей, Михаила, Петра, Ионы, Филиппа и друг., которым Церковь русская и народ русский обязаны вечною благодарностью.

Благодетели и друзья оцениваются, главным образом, в тяжкие годины жизни, во времена горестей и несчастий. В такое именно время, в тяжкое для России время, жил и действовал святитель Алексий; оттого, конечно, он особенно дорог русскому народу. Это было более 500 лет тому назад. Нашествия татар, разорявших и грабивших землю русскую; разделения и распри в среде князей; церковное неустройство и раздоры и, в довершение всего, губительная зараза, известная под именем «черной смерти», от которой вымирали целые города, обращались в безлюдные пустыни целые области, – вот каковы были обстоятельства того далекого времени.

Неудивительно, что в такое тяжкое время даже детство, этот возраст жизни, обыкновенно беспечальный и радостный, омрачалось заботами и тревогами. Святой Алексий, называвшийся до принятия монашества Елевферием, был сын богатых и знатных родителей; юные годы его могли протекать,

как один сплошной непрерывный праздник. Но с детства он упреждал мыслью будущий подвиг жизни; задумывался не о радостях и забавах настоящего, но о трудах будущего; пытливая душа его неотступно размышляла, какой избрать ему путь для служения Богу, ближним и родине, страдающей от несчастий и бедствий. Над детской вдумчивой душою никогда не дремлет всесильная предваряющая благодать Божия… И вот однажды, когда отроком, на 12 году жизни, Елевферий расставил сети для ловли птиц и в ожидании добычи, задремал, вдруг он услышал невидимый таинственный голос, назвавший его новым именем; голос говорил: «Алексий, что напрасно трудишься? Тебе предстоит ловить человеков». Отрок проснулся, и в этих словах, которыми некогда Спаситель призвал апостолов к пастырскому служению в Церкви Христовой, он увидел призвание своей жизни, то призвание, над которым не раз останавливалось в тревожном размышлении его пытливое сердце. С тех пор произошла большая перемена в душе отрока; он сделался задумчивым, молчаливым, стал уединяться, предался молитве и чтению слова Божия, посещению церкви. На 15 году жизни он решил принять монашество, а чрез 5 лет уже был пострижен в одном из Московских монастырей, получив ранее указанное ему в таинственном ведении имя: Алексий. Благочестием, умом и ревностью ко славе Божией и служению ближним он скоро обратил на себя внимание митрополита всея Руси св. Феогноста, и был избран им себе в помощники по управлению Церковью. Алексий не имел тогда и 40 лет жизни: но, несмотря на молодость, ни высокое положение, ни почести, ни власть, ни окружающая его шипящая злоба и зависть к нему не смутили и не озлобили его кроткой и боголюбивой души, не ослабили его трудов, которым он отдавался день и ночь. Когда же умер св. Феогност, то, по завещанию усопшего архипастыря и по воле великого князя, Алексий был возведен в звание митрополита Московского и всея Руси. В этом высочайшем служении он показал все величие святой души своей, все богатство дарований естественных и благодатных: ради устройства дел Церкви два раза, с опасностью жизни в пути, ездил он в далекий

Константинополь[28], дважды путешествовал в Орду к диким татарам, испрашивая милостей у ханов для земли русской; в личной своей жизни, по выражению песни церковной, он был «питателем вдов, отцом сирот, помощником скорбящих, утешителем плачущих, для всех – пастырем и наставником» (Седален 12 февраля). Во дворце князей он пользовался почетом, и слово его останавливало княжеские, гибельные для России, распри. В своей церковной и государственной деятельности поистине он был ангелом-хранителем России. При всем том он находил время и строить церкви и монастыри, и уединяться для подвигов иноческих и молитвы, и исправлять священные книги, и рассылать поучения своей обширной пастве по всей России. Имя его было славно в родной земле, славно было далеко и за пределами ее, даже у татар, поработителей России.

У татарского хана заболела любимая жена Тайдула и потеряла зрение. Хан послал в Москву к князю и приказал ему прислать в Орду святого митрополита русского. «Мы слышали, – писал хан, – что есть у вас служитель Божий, который если о чем попросит Бога, Бог слушает его. Пришли его, пусть он исцелит жену мою. Если не пришлешь, пойду я опустошать землю вашу».

Смутился смиренный Алексий, когда ему князь передал волю хана. Но вера в Бога, любовь к Церкви и отечеству превозмогли все, дали ему силу совершить чудо. В смущении духа, пред отправлением из Москвы к хану, пошел он молиться во храм ко гробу святого митрополита Московского Петра; здесь во время молитвы, в знамение свыше, в руках св. Алексия сама зажглась церковная свеча. Подкрепленный этим знамением, святитель отправился в далекое и опасное путешествие. Прибыв в Орду, он отслужил молебен над болящей Тайдулой, совершил водоосвящение и окропил святой водой потухшие очи царицы. И внял Господь его молитве: Тайдула прозрела и с тех пор неизменно покровительствовала земле русской. Святитель возвратился со славою, с богатыми милостями хана к России[29] и отвратил от родины грозящую беду.

Св. Алексий почил от тяжких трудов жизни в глубокой старости, имея около 80 лет от роду. Чрез 50 лет открылись нетленными святые мощи его и источают доселе чудеса милости Божией всем притекающим к ним с верою и молитвою. Пред ними, отправляясь сюда экзархом Грузии, и наш архипастырь, высокопреосвященнейший Алексий, склонившись в молитве до праха земного, просил себе небесной помощи в делах своего служения. Да поможет ему Господь утре и заутра.

От обстоятельств детства и юности святителя Алексия возьмите себе уроки вы, юноши и дети, питомцы школ церковных. Да будут радостны и беспечальны ваши детские годы, да будет светла и полна веселием ваша юность! Но в пору нежной весны вашей жизни помните, дорогие, что наступит лето – время труда и жатвы. Ленивый земледелец, не посеявший весною ничего на своей пашне, останется без жатвы летом и без хлеба зимой. Жалким и ничтожным тунеядцем, лишним и никому не нужным человеком, общею тяготою для всех останется он в жизни. Берегитесь, дети, этой печальной судьбы! Растите, трудитесь, богатейте верою, молитвою, познаниями и, как отрок Елевферий, вдумывайтесь в будущее призвание жизни. Жизнь – не беспечальный праздник, не сплошное веселье: она есть путь приготовления к вечности, она – время нашего созревания духовного для неба; она есть время труда и подвига и искупляющего страдания. Блажен, кто, по слову пророка, возьмет ярем свой от юности своей! Блажен, кто в годы молодые верой, молитвой и трудом привлек к себе благодать Божию. С ним будет то, что мы наблюдаем в знойных странах юга: хозяин весною, пользуясь обилием воды, старательно собирает и сберегает ее, чтобы летом, в знойные дни, в дни засухи и бездождия, оросить жаждущие нивы живительной влагой. Забирайте же теперь дары естественные и благодатные, забирайте во дни детства и юности: после не поднимете.

Вы – дети Церкви, вы, ею воспитываемые и обучаемые, имеете и теперь тех руководителей на этом пути, в число которых некогда таинственным голосом призван был отрок Елевферий. «Духовные ловцы человеков» – пастыри и учители

церковные остаются в Церкви и ныне, останутся в ней и до скончания века. Они своими трудами поддерживают школы, в которых вы учитесь; они являются хранителями вашего детства; да будут они хранителями и руководителями всей вашей жизни, чтобы уловить вас в сети Царства Божия! И никто из них сам себе приемлет честь, токмо званный от Бога, якоже Аарон (Евр. 5:4). Святитель Алексий любил повторять слова святого Григория Богослова: *«не легко украсть овцу, на которой положен знак»*. Знаки же для овец стада Божия суть знаки церковности: святые таинства, священные обряды, посты и молитвы, Тело и Кровь Христовы…

Такая отмеченная овца не затеряется в мире, такую овцу не украдет враг спасения. А если эта овца не отходит и от пастыря, то она вдвойне безопасна. Храните же, дорогие, вашу связь с Церковью Христовой, храните на всю жизнь связь с пастырями и служителями Церкви. «Повинуйтеся наставникам вашим и покоряйтеся», слышали вы сегодня в апостольском чтении. Над ними же, над пастырями и учителями, – архипастыри Церкви, к которым обыкли православные люди относиться с благоговейною любовью, поминать их ежедневною молитвою. Сегодня – день нарочитой и особливой молитвы о нашем архипастыре. Вы видели, как сегодня в молитве за вас изливалась в слезах умиления душа архипастыря в тот миг, когда он молил Господа призреть с небесе и посетить вас – виноград, который насадила десница Божия. Помолимся и мы о нем Пастыреначальнику Иисусу Христу, будем просить ему небесной помощи святителя Алексия, его небесного покровителя. Так поступая, мы исполним завет святителя: в дни своей жизни он в поучениях своих придавал великое значение взаимным церковным молитвам. «Оставив все дела свои, – писал святитель Алексий, – без лености собирайтесь на церковную молитву. Не говорите: помолимся дома. Как комната без огня от одного дыма не может нагреться, так и домашняя молитва без церковной. Если так будете делать, то и молитва церковная за вас дойдет к Богу».

Да вознесется же ныне наша молитва за архипастыря, да услышит ее Господь предстательством святителя Алексия и да

видим мы нашего владыку – архипастыря среди вас, дорогие дети, воистину *яко отца о чадех веселящася!* Аминь.

Усердие ученья и твердость веры[30]

Когда вы, дети, несколько дней тому назад были в церкви в день ангела нашего архипастыря, то, помните, в проповеди церковной вам было указано, какое великое духовное богатство мы имеем в жизни святых. Что это значит? Это значит, что святые на все века для всех христиан оставили вечные уроки и примеры для подражания, образцы святой, богоугодной жизни; они самым делом показали, что можно исполнить учение Спасителя, заповеди Божии. И сами святые, когда жили на земле и еще не были прославлены, учились всему доброму и высокому у тех праведных людей, которые жили раньше их. Так, о преподобном Антонии, который жил более 1500 лет тому назад и за подвиги святости назван Великим, известно, что он любил изучать жизнь святых: у одного он учился вере и молитве, у другого любви и терпению, у иного кротости и незлобию, у иного трудолюбию и послушанию и т.д.

То же самое, дети, можем и должны делать и мы; для этого вас и учат в школах, чтобы вы читали добрые, хорошие книги, в которых описывается жизнь святых; для того и предлагают вам здесь нередко слово поучения церковного. Каждый день Церковь творит память какого-либо священного события, какого-либо святого угодника! Если вы захотите посмотреть в церковные книги, то вы увидите, что сегодня, например, Церковь празднует память святого священномученика Памфила. Расскажу вам об его жизни; вместе и поучимся у него. Св. Памфил жил 1500 лет тому назад, в то тяжелое время, когда христиан за веру всячески преследовали. Родиною его была Палестина, – та страна, в которой жил Иисус Христос. С детства Памфил много трудился над своим образованием, много и прилежно учился.

Так полюбил он учение, что мало ему показалось знаний, приобретенных в школах и у людей ученых на родине, и он для продолжения образования ездил в далекие страны (Александрия). Вернувшись потом на родину, он сделался священником. Но, исполняя пастырский долг, по-прежнему не

оставлял он ученых занятий: переписывал книги, читал усердно Священное Писание. Книг тогда было мало, потому что печатать их не умели: приходилось переписывать каждую отдельно; нередко при этом допускались невольные ошибки, и вот св. Памфил, пользуясь своими познаниями, проверял книги, исправляя места, испорченные переписчиками, рассылал правильные рукописи по церквам, раздавал их всем желающим. Так делал он потому, что, получив образование, он хотел передать блага этого образования и своим ближним. После него в родном городе осталась очень большая библиотека книг, а это в древности было очень, очень редко. В то же время, отличаясь искренним благочестием, Памфил все свое имение роздал нищим и всецело посвятил себя служению ближним.

Понятно, такой ученый и благочестивый священник, как св. Памфил, имел большое влияние на христиан, поэтому и язычники, гонители христиан, знали его, как одного из главных христианских учителей. Вот почему злобный царь языческий (Диоклетиан) обратил на него внимание, потребовал к суду и предал его страшным истязаниям, заставляя отказаться от веры во Христа. Ужасные это были истязания: христиан били палками, сдирая с них кожу, строгали живое тело ножами и острыми орудиями, ломали руки и ноги и искалеченных, с выколотыми глазами и с подрезанными жилами на ногах, гнали на казнь, сжигали живыми или отправляли на тяжелые каторжные работы... Два года мучился так св. Памфил, но он остался тверд и непоколебим в вере. Тогда его присудили к смерти, и он претерпел казнь вместе с другими двенадцатью мужественными христианами. Так как он был священником и мучеником, то и называется священномучеником. Вот вам, дети, короткое сказание о жизни св. Памфила.

Чему же он учит вас, дети, этою святою своею жизнью? Он учит вас *усердию в ученьи и твердости в вере.*

Не для нас нужно ваше ученье, а для вас самих; не нам оно полезно и нужно, а прежде всего и главнее всего – вам. И ученье ваше особенное: вас учат знать Бога, Его дела, Его волю и заповеди; вам говорят о том, что такое человек на земле, как он явился, кем создан, для чего назначен и как он должен жить

на земле, чтобы угодить Богу, чтобы исполнить свое назначение, чтобы быть достойным звания человека, а не быть похожим на животное. Вам внушают, что за исполнение Божественной воли и заповедей человека ожидает добро на земле, и главное – счастье на небе и оправдание на страшном суде Божием, о котором завтра вы услышите за литургией во святом евангелии.

Всему этому учить нас святая вера наша. Как же нам не любить ее? Как не быть твердым в вере? Помните, милые, что вера есть самое великое наше сокровище; помните, и подобно великомученику Памфилу, будьте тверды и непоколебимы в вере Христовой. Может быть кто скажет: «но ведь теперь нет таких гонений за веру, как прежде». Это правда, но и равнодушие к вере еще опаснее гонений и преследований. Да кроме того, и теперь можно слышать насмешки над верою, соблазны от разных врагов Церкви, например, от сектантов, иноверцев, которых и в нашем крае очень много; не имейте против них зла, любите и их, но пусть никто и ничто не поколеблет вас в вере. Она принесена Христом, проповедана апостолами, утверждена кровью бесчисленных мучеников: если от таких свидетелей мы откажемся, то воистину отвратится от нас Сам Бог на страшном суде Его. Так и сказал Сам Спаситель: кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем грешном, того и Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей со ангелами святыми. Завтра, когда вы будете слушать в евангельском чтении изображение суда Божия, попомните об этом.

Вот какие мысли и чувства внушает нам жизнь ныне поминаемого Церковью святого священномученика Памфила! Аминь.

Любовь к ближнему – один из путей богообщения[31]

Когда придет Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы. И скажет им Царь; «истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:31, 40)

В постепенном подготовлении верующих к покаянному настроению и к подвигам приближающегося Великого поста св. Церковь, после трогательных уверений в Божественной благости в евангельских чтениях двух предыдущих воскресных дней, в нынешнее воскресенье напоминает нам о будущем отчете пред Богом и страшном суде. Без конца глубоко, без конца поучительно, и страшно, и в то же время отрадно образное сказание евангелия об этом грядущем суде Христовом, имеющем завершить мировую историю человечества. Но среди всего этого сказания, как солнце, немеркнущим блеском сияют двукратно повторяемые и как бы с особою силою, намеренно подчеркиваемые слова Судии-Христа: *понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе...* На основании слов этих совершится суд, решится и участь подсудимых.

Вдумаемся в эти слова все мы, здесь предстоящие, люди различных возрастов, званий и положений; вдумаемся, с точки зрения общих всем душевных запросов и стремлений, мировых и всеобъемлющих. *Человек ищет Бога* – вот самое главное, всем сродное истинно человеческое стремление. *Человек ищет Бога*: это изречение можно надписать на истории мира, потому что искание Бога составляет ее основу и сокровенный смысл. В тайнах древних басен и мифов, под покровом народных сказаний, в повестях о таинственных боговоплощениях, в глубине лесов, которые воображение человека населяло божествами, на вершинах гор, которые украшаемы были жертвенниками, в величественных храмах, в драгоценных изваяниях, в грубых кумирах, в омовениях и очищениях, в тысячах жертв, которые курились по лицу всей земли, –

воздымая руки к небу и падая ниц, обливаясь слезами и радуясь духом, без конца многообразно, без конца многократно древний и новый человек высказал одно свое стремление, одно заветное желание: искать и найти Бога. Сама Божественная Премудрость засвидетельствовала об этом устами великого апостола народов: Бог от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитании, *дабы они искали Бога, не ощутят ли Его, не найдут ли Его, хотя Он и недалек от каждого из нас* (Деян. 27:26–27).

На этом исконном и сродном духу человеческому искании Бога вековечными и незыблемыми основами утверждается религия вообще – Божественное откровение, промысл, искупление, Церковь, молитва, священные таинства, вера в бессмертие, в будущий суд и в блаженную вечность.

На этих же основах утверждаются и истинно-нравственная жизнь, истинно-нравственные отношения людей между собою.

Человек ищет Бога. Представьте же себе, даже в области чисто человеческих отношений, как должно быть тягостно не иметь возможности вступить в общение с тем, кого любишь и уважаешь, к кому стремишься всею душою, как должно быть тягостно не иметь возможности поделиться беседою и мыслью, выразить чувства любви и преданности любимому и уважаемому существу, и как, напротив, радостно найти выход к этому общению, даже и не непосредственному. Понятна радость сына, радость дочери, разлученных долго от близких, милых и любимых, если к ним на чужбину с родной стороны даже кто-либо посторонний придет вестником из отчего дома, вестником ласки и привета родителей. При свете этого примера представьте себе истинное состояние человечества по отношению к его вечному дому Отчему – к дому Отца Небесного. На всех ступенях жизни, на всяком уровне образования, под различными формами и обнаружениями, от самых возвышенных до самых простых и даже наивных и грубых, человек ищет Бога, желает единения и общения с Ним, хочет выразить Ему свои чувства. Тому свидетели древнейшие книги древнейших народов от «Книги мертвых» Египта до «Вед»

Индии, «Кинг» Китая, религиозных гимнов вавилонян, «Зендавесты» Персии… Нужно ли упоминать еще и о священных книгах богоизбранного Израиля? Бывают моменты, когда эти желания приобретают такую властную силу, что подавляют и захватывают все существо человека. В избранных людях они вырывали вопль Давида: *когда явлюся лицу Божию?* (Пс. 41) или душевное стенание Иеремии: *был во мне как бы некоторый огонь, и я истомился, удерживая его* (Иер. 20:9). Но и в рядовых людях эти желания сказываются с силою многою…

Ищет человек Бога. Но Бог в существе Своем непостижим для человека; природа Божества не допускает непосредственного, как мы понимаем его на земле, общения с человеком: так глаз наш, хотя и созданный для света, тем не менее не может прямо и непосредственно смотреть на солнце… *«Яви мне славу Твою»*, – просил сам Моисей Господа на Синае, и эта просьба его по всей справедливости может быть названа мировою, общечеловеческою. Господь отвечал: *не может человек видеть Меня и не умереть*… (Исх. 33:18–20).

Подумайте же, что было бы с человечеством, если бы оно, действительно, при всем желании, при всех усилиях и стараниях, никаким образом не могло войти в общение с Богом, не могло бы служить Ему своею жизнью и деятельностью, и так бы и оставалось с бесплодными запросами, с неудовлетворенными порывами, с желаниями захватывающими, неистребимыми, но вместе с тем и невыполнимыми! Древний мир выразительно воплотил его гнетущее, скорбное состояние в известном баснословии относительно мук Тантала, вошедших в поговорку.

Но вот Сам Господь идет навстречу желанию человека, и в ряду других средств богообщения, в богооткровенной религии указывает еще одно, всем доступное и для всех равно обязательное. Он говорить: «Что вы сделали одному из братий Моих меньших, *то вы сделали Мне»*. Так Господь Сам снисходить к нашему ограниченному естеству и дает нам возможность в ближних наших видеть Его образ, Его подобие и Его достояние; дает нам право и возможность любовь нашу к

Нему выразить посредством любви к человеку, и даже чашу холодной воды, поданную во имя Христа или ученика Христова, считает поданною Ему, Самому Богу, и обещает не оставить без награды, *т.е. богообщения.* Как отрадно, как осмысленно и возвышенно становится служение наше людям! Как отрадно, например, отцу или матери в своих трудах, в своих лишениях и горестях из-за детей видеть служение Богу и знать, что потаенные вздохи, не видные жертвы, незримые слезы, невидимые лишения, ежедневные, ежечасные, приняты Богом, как жертва Ему Самому в этих малых детях! Как отрадно и осмысленно служить церковному собранию людей, или семье, или школе, или обществу, – служить и знать, что в этих ближних просвечивает образ Божества, что чрез труд и старание, чрез подвиг в пользу меньших братий ты служишь Самому Богу и Ему чрез это несешь свою любовь, свою преданность, свои святые чувства! Как радостно благотворить несчастному – и знать, что твое благотворение примет Сам Бог, одною рукою примет, другою благословит! Благодарение Божественному милосердию за то, что немощному и тварному, ограниченному и конечному естеству нашему чрез подвиги деятельной любви к ближним указан путь к возвышенному и возвышающему общению с Совершеннейшим и Бесконечным и тем исполнены вечные порывы нашего духа, заветные желания нашего сердца!

И какой широкий путь открывается пред вами! Везде и всегда мы можем сделаться друзьями человечества, даже если бы мы оказались полезны только одному человеку; везде и всегда мы можем послужить благу ближнего – и чрез это послужить Самому Богу. Ибо много, братие, много на свете страдания, много нужд, много горя. Тяжкая бедность, горькое сиротство, слезы беззащитного страдания невыплаканные, неотертые, неисходное горе, непроходимая умственная и нравственная темнота, – все взывает о помощи, везде здесь – младшая братия Христова.

И не рассудочной благотворительности, а только горячей ревностной веры дано будет способствовать уменьшению зла и страдания на земле; не рассудочной мирской благотворительности, которая часто наивно веселится «в пользу

несчастных», а только горячей религиозной вере даны средства указать людям самые могучие и чисто нравственные побуждения к тому, чтобы служить бескорыстно и беззаветно меньшей братии, потому что только эта религиозная вера может с полным правом сказать: что вы сделали одному из меньших братий Христа, то сделали Самому Христу. Отсюда вековое слово народное: подайте милостыню *Христа ради.*

Братие возлюбленные! Подайте милостыню Христа ради! Пред нами ныне стоит меньшая братия, многочисленная, скорбная, и в беспомощности протягивает к вам с мольбою руки. Дыхание смерти пронеслось над нашим краем; страшное предзнаменование суда Божия грозно предстало пред нами. Погиб от землетрясения целый многолюдный город, сравнялись с землею дома и улицы, пострадали более 30 селений; разрушены тысячи домов, остались без крова и пристанища десятки тысяч человек; многие разорились, многие лишились близких, осиротели дети… Сколько голодных и бесприютных, сколько раненых и больных посреди этого города, в котором то, что не успело разрушить землетрясение, истребил огонь. Среди несчастных большинство мусульман; но евангелие в деле благотворения велит нам различать только нуждающегося и нуждающегося… Правда, уже оказывается помощь несчастным; во главе благотворителей стоят Государь с Государыней и членами Царского Дома. Но как ни велика помощь, однако, неизмеримо бедствие. Ведь пострадали более всего люди бедные, у которых погибло буквально все, что они имели: нужны и хлеб, и одежда, и теплый кров, и лекарства, и перевязочные средства, и пособие на выезд с семьями… Нужда воистину вопиющая!

Поможем бедным Христа ради! И блаженны будем мы и в радостном сознании нашего духа, и во славе возлюбленного нашего Иисуса – Господа, если в день оный, в день страшный, когда дела наши пойдут вслед за нами, егда книги разгнутся и судитися имут человецы, егда тварь вострепещет от лица Седящего на престоле, – за любовь, за добро, за труд, за подвиги и жертву во благо ближнего, как брата Христова, мы

услышим отрадное слово: *понеже сотвористе единому братий сих меньших – Мне сотвористе*. Аминь.

Детям – о Н.В. Гоголе[32]

Сейчас, дети, мы будем молиться об упокоении души умершего 50 лет назад, вечной памяти достойного, знаменитого русского писателя Николая Васильевича Гоголя. Он был достойным учеником другого знаменитого писателя – А.С. Пушкина, который задачу и деятельность поэта и писателя на земле сравнивал со служением пророка. Глубоко воспринял эту мысль Николай Васильевич Гоголь. Он, действительно, смотрел на свое призвание, как на служение Богу и людям. Подобно пророку, он призывал людей следовать добру и воле Божией. И дан ему был от Бога среди других дарований талант – изобличать зло, бичевать его, представлять порок в отталкивающем, отвратительном виде. Он смеялся над злом в своих произведениях, смеялся так, что и других заставлял смеяться над пороком и видеть все его безобразие. Но он сам говорил, что он «смеялся сквозь слезы»; он страдал, видя пороки людские; он плакал, видя, что люди не таковы, какими они должны быть, и он вместе с тем верил, глубоко верил, что в самом закоренелом злодее, в самом дурном человеке сохраняется «искра Божия», остается голос совести, остаются стремления к Богу, к добру и к вечности. Вот почему его обличения имели целью не унизить, не озлоблять человека, а вести его к исправлению. Вот почему обличения Гоголя были особыми обличениями: это не пустая болтовня, это не пустое смехотворство, это не гордость своим превосходством пред людьми. Напротив, великий писатель наш отличался искренним смирением, и смирение считал «лучшим украшением человека».

Над могилою Н.В. Гоголя написаны слова пророка Иеремии: «Горьким смехом моим посмеюся». Это горе, при виде зла в окружающей жизни, это смирение, заставлявшее его видеть в себе одни недостатки, так усилились к концу его жизни, что последние дни его были сплошною скорбью, преувеличенным самоукорением и самобичеванием. Однако, он был чужд греховного отчаяния. Гоголь был человеком глубоко верующим

и был истинным христианином и покорным сыном Церкви: в числе его произведений есть «Размышление о Божественной литургии». Как истинный христианин, он верил в Божие милосердие, верил в молитвы и предстательство святой Церкви, просил о себе молитв пастырей Церковных, к котором относился с великим уважением. Так он жил, так он и умер. Это был писатель-христианин, писатель-подвижник, писатель-страдалец за людей. Хорошо, хорошо, дети, что вас учат наряду с великими деятелями мира помнить и любить писателей земли русской, почитать их и следовать тому доброму, чему они учили нас в своей жизни и главное – в своих произведениях. Помолимся же о приснопамятном рабе Божием Николае да пошлет ему Господь прощение грехов, мир и отраду душе его и блаженную вечность! Аминь.

Палестина для России и Грузии[33]

С настоящего дня св. Церковь начинает поставлять пред духовными очами верующих последние дни жизни вашего Спасителя. Трудно, невозможно оторваться христианскому сердцу от этих священных воспоминаний. Пред нами проходят и ежегодно повторяются, обновляясь в нашем сознании, величайшие и единственный в мировой истории события; с детства сроднились мы с ними, и как только помним себя, вместе с тем помним и священные для нас слова: Иерусалим, Вифания, Елеон, Гефсимания, Голгофа… Можно сказать, гораздо ранее знакомства с городами и местностями своей родины мы уже знакомы по наслышке с названиями городов, селений и местностей Святой Земли, где родился, жил, учил, страдал и умер Богочеловек, где совершилась тайна спасения человечества, где была матерь всех церквей – Церковь Иерусалимская, откуда свет христианства воссиял над землею. И по естественному, неистребимому влечению, всегда христианам хотелось не только слухом услышать о Святой Земле, но и очами созерцать ее, побывать в ней, поклониться святыне. Велико, неизмеримо велико всегда было для христиан значение этого непосредственного знакомства со Св. Землею. Здесь благочестивый поклонник обновлял в духе образ Христа Спасителя *«и Сего распята»* (1Кор. 2:2), по вечной и сладостной для христианина заповеди апостола: *«поминай Господа Иисуса»* (2Тим. 2:8); здесь все непосредственно говорило поклоннику о том, как тяжек грех падшего человека, если за него потребовалась необычная и единственная жертва – смерть Сына Божия; здесь при неизбежной мысли о собственной греховности, отрешенный от обычной, часто греховной обстановки и житейской суеты, весь отдавшись мысли о спасении, поклонник обновлялся духом, перерождался нравственно, очищался и омывался слезами покаяния на месте, где милосердый Спаситель изрек прощение и обещал рай покаявшемуся разбойнику. Не одна Мария Египетская здесь нашла спасение и из величайшей грешницы сделалась

равноангельною подвижницею: неисчислимые сонмы святых и праведных отсюда, из земного Иерусалима, под влиянием священных воспоминание, начали свое восхождение к Иерусалиму небесному, – восхождение духовное к нравственному совершенству.

Поэтому нет ничего удивительного, что от лет древнейших, тотчас же после прекращения гонений на христианство, Палестина стала привлекать к себе великое множество христиан-поклонников; она сделалась обетованною землею христиан, а Иерусалим – их духовною родиною, увидеть которую составляло заветное желание каждого верующего. Пока не постигло Св. Землю иго мусульманское, она была как бы одним великим всехристианским храмом: по свидетельству древних писателей, звон колоколов и гимны христианские раздавались немолчно от Синая до Ливана, по всей шири Святой Земли Палестинской. Царственные Константин и Елена, ученейший Иероним, люди знатные и простые, богатые и бедные, монахи и мирские, люди всех возрастов, званий и состояний, – все стремились сюда из Испании, Рима, Африки, Греции, Малой Азии, из Аравии и Индии, со всех концов мира. Как бы вновь сбывалось слово священного дееписателя о дне сошествия Св. Духа на апостолов, когда в Иерусалиме были «парфяне, и мидяне, и еламиты, и живущие в Месопотамии, во Иудее же и Каппадокии, в Понте и Асии, во Фригии же и Памфилии, во Египте и странах Ливии… и римляне, и критяне, и аравляне» (Деян. 2:9–11). Можно было сказать словами песни церковной:

„Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь: се бо приидоша к тебе, яко богосветлая светила, от запада и севера и моря и востока чада твоя, в тебе благословляще Христа во веки».

И сынам священной церкви Иверской памятны Иерусалим и Палестина с первых дней их христианской жизни: туда отправились, ища спасения, Завулон и Сусанна, родители св. Нины; там святительствовал св. патриарх Ювеналий, дядя св. Нины по плоти и отец ее по духу; там и воспиталась при храме Иерусалимском равноапостольная просветительница Грузии…

И как только ее устами проповедана была святая вера в Грузии, от дней первого грузинского царя-христианина – Мириана, началось отсюда, из Грузии, беспрерывное стремление народа к Палестине и Иерусалиму: обители Святой Земли наполняются иноками-грузинами, подвиги которых далеко по Востоку разносят славу о благолюбивом народе грузинском; благочестивые грузинские цари посылают богатые вклады в церкви и монастыри Палестины, считаются «защитниками и ктиторами Св. и Живоносного Гроба и прочих пречестных поклонений»[34], строят свои собственные обители, путешествуют туда сами[35], посылают туда своих подданных. Около двадцати грузинских монастырей сияли во Св. Земле; среди них, как звезда, блистала обитель св. Креста (Цмида-Джварис) в соседстве знаменитой лавры Саввы освященного, основанная еще царем Мирианом (IV в.) и затем украшенная и благоустроенная царями Вахтангом Горгославом (VII в.) и Багратом III (X в.); грузины поселились около самого Иерусалима (сел. Малхи, вблизи монастыря Цмида-Джварис) и составляли охранную стражу Гроба Господня; им долго принадлежала высокая честь обладания Святейшею Голгофою, где и совершали они свое богослужение. От времен святых подвижников Палестины знаменитых Иллариона и Харитона, Евфимия Великого и Феоктиста, Саввы освященного и Феодосия, Герасима Иорданского, Иоанна Молчальника, от времен вечно памятного Иоанна Дамаскина грузины-богомольцы, грузины-иноки постоянно посещали Св. Землю и были там в почете даже и после порабощения ее неверными. Оттуда приходили они на родину и здесь знакомили своих единоплеменников со святынями Палестины. И, видно, хорошо ведома была древним грузинам Святая Земля, если и храмы свои они любили называть Сионами, по образу Иерусалима, как и этот древнейший Сионский собор, в котором мы сейчас молимся, и монастыри свои они называли то Вифанским (Бетания) в память Палестины, то Кобивским, в память сопредельной с Палестиной Сирии, и т.п. Нет никакого сомнения, что эта живая связь церкви грузинской с Матерью церквей – Иерусалимом питала благочестие народа, роднила

его духовно со Христом, поддерживала в нем общение с христианским Востоком, сохраняла в тяжкие годины страданий, постигавших землю Иверскую. Одни были эти страдания у Грузии с Палестиной; один враг – мусульманство черною тучею обложило небо и Грузии и Палестины. Общность страданий сроднила и соединила их между собою неразрывными духовными связями. Грузия нашла теперь спасение, покой и процветание в полном слиянии с православною Россией, но Палестина и доныне во власти неверных. Это не умаляет, а еще более возбуждает дух сочувствия к порабощенной мусульманами Святой Земле.

Нужно ли говорить о постоянных порываниях и русского благочестивого сердца ко Св. Земле? Со времен св. Ольги и князья и народ постоянно и мысленно, и самым делом обращались к Иерусалиму. Сюда, несмотря на неизмеримые трудности пути, направлялись благочестивые русские богомольцы «святому граду поклонитися». Так певалось в старинных Духовных стихах. С первых дней христианства на Руси образовались целые общества паломников, «калик перехожих», которые ходили в Иерусалим и составляли потом по возвращении песни и сказания о Св. Земле.

Эти песни, духовные стихи и сказания сделались любимыми в народе; ими доселе заняты ученые люди, изучающие древнюю русскую письменность. Преподобный Феодосий, как видно из его жития, в детстве пошел за паломниками, шедшими в Иерусалим (1022 г.). Преподобная Евфросиния, княжна Полоцкая, путешествовала во Св. Землю; игумен Даниил (в 1106 г.) описал свое путешествие в Иерусалим, и трогательно и доныне читать, как он там молился за всех, оставшихся на святой Руси, и как он у Гроба Господня возжег лампаду «за землю русскую». Любили русские люди в Иерусалиме и «камение разоренное, и персть, раскопанную ратными, ради содеянных в нем великих тайн и благодатей»[36]…

И доныне русский народ, удивляющий весь мир необыкновенною любовью своею к святыням, склонностью к паломничествам стремится к Иерусалиму. Возвратятся поклонники из Палестины и разойдутся по всему широкому

простору родной русской земли. В долгие зимние вечера тихо и мирно, благоговейно и вдохновенно в кругу близких льются их рассказы о виденном и слышанном; часто из дома в дом, из села в село переходят эти рассказчики и принимаются всюду, как самые желанные гости: и наполняют эти рассказы души слушателей благочестивыми образами, знакомят и роднят их со Христом и Его жизнью, обновляют в душах память об Его искупительных страданиях, согревают религиозное чувство, зовут к подвигу и покаянию, воспитывают слушателей в чувстве братства христианских народов, делают близкими для русского народа интересы православия, возбуждают сочувствие к страдающим на Востоке единоверцам.

Так неизмеримо важно значение, так высока духовная польза этих благочестивых путешествий во Св. Землю. Но если так, то можно ли им не сочувствовать, можно ли отказаться от помощи богомольцам, идущим во Св. Землю, можно ли не заботиться о том, чтобы облегчить им труд путешествия, чтобы привлечь больше поклонников, чтобы дать им как можно более возможности и способов получить духовное утешение и назидание во Св. Земле? Неудивительно, что издавна у нас заведен святой обычай подавать таким поклонникам милостыню, оказывать помощь материальную. Но эта помощь была единичной, разрозненной. Нужна была помощь упорядоченная, – сильная общественная помощь. И вот державною волею покойного незабвенного Царя – Праведника Александра Александровича образовалось Православное Палестинское Общество (в 1882 году), председателем которого и доныне состоит брат покойного Государя Великий Князь Сергий Александрович, сам побывавший богомольцем в Иерусалиме[37].

Всего 20 лет назад возникло это Общество и начало свое дело только с 50 рублями. За это короткое время как много сделано! Общество прежде всего удешевило проезд во Св. Землю до последней степени: трудно поверить, что за несколько десятков рублей можно теперь проехать из России в Палестину и обратно с удобствами; Общество построило русские церкви, воздвигло миллионные здания для приюта

1.500 богомольцев, оно поит и кормит их, оказывает им медицинскую помощь, дает им надежных проводников, содержит духовенство, открывает религиозные чтения, – одним словом, делает все, чтобы облегчить поклонникам путь во Св. Землю и сделать пребывание их там и удобным, и полезным для души. Вместе с тем много сделано им и для научной разработки древностей Палестины: произведены дорого стоящие раскопки, сделаны важные открытия, доказавшие подлинность чтимых святых мест в Иерусалиме и успокоившие христианское чувство, смущенное клеветою, сомнениями и насмешками неверующих, нередко отвергавших, якобы по научным основаниям, подлинность того или другого священного места. Все это сделало Общество на сборную копейку со всей России, и сборы свои оно производит в нынешний праздник, когда духовные взоры верующих устремлены на Господа, входящего во Иерусалим. И сегодня будет произведен такой сбор, к которому мы и приглашаем всех вас, возлюбленные братие, – приглашаем потому, что нужд у Общества много, и еще много-много ему нужно сделать, чтобы помочь русским богомольцам в Палестине, которых там к одному дню Пасхи набирается более 5.000, тогда как приют устроен только на 1.500 человек.

Но сказанного мало, чтобы оценить по достоинству деятельность Православного Палестинского Общества. Не одни турки наложили свое иго на Св. Землю, и не одно мусульманское нашествие заставляет нас и ныне продолжать плач об Иерусалиме, – плач, предначатый Спасителем в день торжественного входа Его во святой град (Лк. 19:41). Турецкое иго – иго внешнее. Есть иго другое, безошибочно скажем, – худшее, опаснейшее, чем все зверства турок. Мусульмане убивали только тело; есть враги, которые губят самую душу православных. Более ста лет назад появились в Святой Земле инославные миссионеры-латиняне, протестанты и друг. Подкупом, обманом, лестью, хитросплетенными проповедями расхищают они достояние православной Церкви и переманивают простодушных и бедных православных туземцев в свои общества. Задавленные двойным и тройным игом – и

турками, и инославными миссионерами, похожими на тех обличаемых Спасителем фарисеев, которые обходят море и сушу, чтобы обратить единого пришельца на его духовную погибель (Мф. 23:15), – задавленные и бедностью и невежеством, забитые и беспомощные православные туземцы Палестины; эти потомки некогда славнейшей Церкви, сами, без посторонней помощи, не могут избавиться от опасностей и тают в числе под напором врагов.

Стыд и позор христианскому миру, что Иерусалим доселе «попираем языки!» (Лк. 21:24). Стыд и позор будет православным народам, если православие будет поглощено в Святой Земле отпавшими от истинного христианства и от единой святой Церкви православной инославными обществами, враждебными православию не меньше турок. Стыд и позор будет нам, если по нашей небрежности и бездеятельности от древней, святейшей и православной Церкви иерусалимской останется одно воспоминание. А между тем, горько сказать и признаться, за последние 50 лет число православных туземцев в Палестине уменьшилось почти вдвое![38].

Взоры христианского Востока обращены к России, вековой защитнице православных народностей. Не раз проносился и отдавался в сердцах могучий клич по земле русской: «Идем за страдающих православных! идем за греков, болгар, сербов! идем за Гроб Господень!» В исторических восточных войнах русско-турецких, когда с мусульманами не постыдились вступить в союз против России и против Креста Господня западные инославные народы, святая Русь шла на бой не ради злобной жестокости, не ради воинской славы или своекорыстия, а именно за Гроб Господень, за православие, ради торжества Креста Господня над полумесяцем.

И теперь, в бескровной борьбе западного инославия против православия, Россия же явиться должна защитницею его в Св. Земле. Это дело русское, православное и взяло на себя Палестинское Общество. Оно устраивает церкви и приходы для православных туземцев, содержит их духовенство, дает ему образование; оно открывает школы, и еще недавно мы были порадованы ободряющим известием, что турецкое

правительство признало и утвердило, наконец, законность 85 русских школ в Палестине и Сирии. То, что судил Господь России и Грузии – защиту православия на Востоке, – это дело, этот подвиг и совершает Палестинское Общество: его дело – общецерковное, общеправославное, всенародное, всероссийское дело. Можно сказать, что оно, подобно древнему паломнику игумену Даниилу, зажгло и поддерживает в Палестине и у Гроба Господня неугасаемую лампаду за великое царство Русское… Помочь ему, – значит показать любовь ко Христу, любовь к православной Церкви, – значит показать любовь к России и понимать ее задачу на православном Востоке и ее мировое призвание. Сейчас начнется сбор в пользу этого Общества.

Рука просящего, братие, к вам протянута: да не оскудеет рука дающего! Аминь.

Праздник света и радости[39]

Да, это воистину праздник света и радости, праздник праздников и торжество из торжеств. Отчего же такое значение придано этому дню? Отчего слово церковного красноречия в песнопениях богослужебных, достигая высшего и, можно сказать, единственного воодушевления и вдохновления, все-таки как бы истощается и чувствует себя бессильным выразить все величие радости? Отчего служба этого дня так торжественна и вместе проста, так радостна, что нет ни единого человека в мире, верующего или неверующего, чтобы он, увидав ее, не тронулся сердцем? Отчего ныне вся исполнишася света: небо же и земля и преисподняя? Отчего именно народности православно-восточные, повинуясь какому-то бессознательному влечению, общим голосом нарекли этот день торжеством из торжеств, в то время как на христианском Западе предпочтение отдается празднику Рождества Христова?

Чтобы понять все величие нынешнего всемирного торжества, приведем одну историческую, весьма вразумительную параллель. Никто не станет отрицать, что жизнь христианской Европы отмечена в истории печатью особенной энергии, бодрости и силы и оставила в веках минувших ряд величайших побед человеческого гения, касающихся решительно всех областей жизни. Беспристрастный исследователь, не отрицающий значения религии в жизни людей вообще, не может поэтому отрицать значения и христианства в определении и направлении жизни христианской Европы. Учение христианской религии так глубоко проникает собою все формы этой жизни, что европеец, даже отказавшийся теоретически от христианства, тем не менее мыслит, живет, действует в семье, в обществе и государстве, как христианин; в этом случае, по меткому выражению Джона Стюарта Милля, случается то же, что мы видим вечером, по заходе солнца: оно зашло, но светит отраженным светом… Что же в содержании христианства имело такое огромное влияние на жизнь его последователей? В наше время не редкость встретить мнение,

что здесь все зависело от морального учения Христа, которое и положило такой неизгладимый отпечаток на жизнь народов: разумеем чудные предписания любви, смирения, милосердия и справедливости, заповеди братства, духовного равенства людей и их духовной свободы. Не редкость встретить мнение, что это и есть не только главное, но исключительно ценное в христианстве, все же прочее в нем будто бы не существенно и не важно. И вот факт Воскресения Христова разрушает это одностороннее объяснение.

Есть далеко от нас страна, – страна чудная, богатая естественными дарами, драгоценная жемчужина мира; с незапамятных времен истории она густо населена народами – способными, духовно одаренными и в свое время имевшими огромное значение в мировой жизни. Гораздо раньше Иисуса Христа в среде этих народностей, в этом чудном крае, которому сказочная роскошь природы судила только долгие века расцвета, оживления и кипучей жизни, явился учитель, проповедовавший, – по признанию современных ученых, – высокое нравственное учение. Его слова так были непохожи на воззрения самых образованных народов древности, что могли казаться как бы чудною белою лилией, выросшею на грязном болоте. В век жестокостей, насилий и несправедливости, в век господства одной грубой физической силы он проповедовал покорность, милосердие, смирение; он предписывал любовь, терпение и прощение обид. Глубоко он проникся скорбью мира... Будучи богатым, добровольно он сделался бедняком; будучи правителем, захотел он обратиться в невольника, чтобы спасти своих братьев. Это был Будда, основатель религии, носящей его имя.

И, однако, что произвело его учение везде, где только оно было принято?

Потерю энергии, утрату надежды, какое-то неистребимое желание уничтожения, медленное самоубийство и самое страшное рабство, которое когда-либо тяготело над человечеством. Точно дыхание смерти пронеслось над всею страною и обратило ее в огромное духовное кладбище; под влиянием учения Будды, как это ни странно, остановилась и

замерла жизнь сотен миллионов людей, обитавших в прекрасном крае, который мог обещать безграничный расцвет сил и способностей богато одаренному племени. Где причина такого удивительного явления? Отчего такая страшная роковая печать мертвенности?

Оттого, что учению этому недоставало истинно-религиозной основы и высшего Божественного авторитета; оттого, что мораль его не основывалась ни на какой догме; оттого, наконец, что ему недоставало слова, объясняющего зло, недоставало и слова победы над злом. А последнее зло – есть смерть; если не побеждена смерть, если она царствует во всей силе, если она есть единственный и неумолимый владыка жизни, – то не остается уже места ни бодрости, ни радости. К чему энергия? Зачем труд? Зачем борьба? Впереди смерть, конец всего, потеря сознания навеки... Самый мир и земная жизнь есть мираж и обман, нелепое и лживое сновиденье... Так было в буддизме: его окончательным словом было уничтожение в смерти, а не жизнь в воскресении.

Недоставало, значит, всей высокой моральной системе одного слова: *воскресение.*

Приведем замечательный и характерный рассказ, который мы находим в одном из литературных памятников буддизма.

Молодой человек по имени Пурна, горячий неофит буддизма, решается идти проповедовать новую веру диким народам. Отправляясь в путь, он ведет такую беседу со своим учителем в вере:

– Жители Хронопаранта, в котором ты идешь, – говорит учитель, – вспыльчивы, жестоки, бешены и наглы. Что, если эти люди, о, Пурна, встретят тебя злыми, грубыми и наглыми словами? Что, если они придут в ярость и оскорбят тебя?

– Если жители Хронопаранта, – отвечает Пурна, – обратятся ко мне с такими словами, придут в ярость против меня и оскорбят меня, то я подумаю: значит, эти люди добры и кротки, когда они не поднимают на меня рук и не бросают в меня камнями.

– Но если жители Хронопаранта поднимут на тебя руки и возьмутся за каменья, тогда что подумаешь ты о них?

– Я подумаю: значит, они добры и кротки, когда они не трогают меня ни жезлом, ни мечем.

– Но если… тогда что подумаешь о них?

– И тогда подумаю, что они добры и кротки, потому что не лишают меня совершенно жизни.

– Но если бы твоя жизнь была в полной опасности от них, что тогда подумал бы ты?

– Я подумал бы: все-таки эти люди добры и кротки, освобождая меня с такою легкою скорбию от этого тела, исполненного нечистоты.

– Хорошо, Пурна; ты благочестив; с таким совершенным терпением ты можешь идти в страну Хронопаранта. Иди, Пурна; освобожденный, освобождай; достигший другого берега, помогай достигнуть его другим; утешенный, утешай; достигший нирваны, веди к ней и других[40].

Не правда ли, нельзя отказать молодому миссионеру и в любви к людям, и в терпении, и в самоотвержении? Но что же он несет своим слушателям? Только одно убеждение, что жизнь есть бремя, а смерть и нирвана, небытие и потеря сознания есть счастье; что небытие – выше бытия. И мысль буддизма была по-своему и права, и последовательна, потому что впереди жизни стоит смерть, тайну которой мог изъяснить только Бог воплощенный, и Он только один мог указать, что за смертью будет жизнь. Эта жизнь и указана в христианстве и основывается она на воскресении Христа.

Воскресение Христа есть *факт*; без него все христианство падает и как религия, и как мораль. Ибо если бы Христос не воскрес, если бы Каиафа был правым, и Ирод и Пилат мудрыми, то мир оказался бы бессмыслицею, царством зла, обмана и смерти[41]. Дело шло не о прекращении чьей-то жизни, а о том, прекратится ли *истинная жизнь* в ее полном воплощении, жизнь Совершенного Праведника. Если бы *такая* жизнь не могла одолеть врага, то какая же оставалась надежда в будущем? Если бы Христос не воскрес, то кто бы мог воскреснуть?

Но Он воскрес – и разрушена страшная тайна смерти; мало того, по выразительному слову апостола, «последний враг

упразднен – смерть». За смертью видна жизнь, видно небо, видно бесконечное общение с Богом: и добро оказалось победоносным, и уныние удалено из сердец верующих навеки, и жизнь человека стала полна смысла. Все ясно; зло не победит и не победило добра: можно жить, можно трудиться, можно и должно следовать за Тем, Кто победил зло – смерть, Кто сущим во гробех живот даровал. И можно другим проповедовать Его учение, потому что это значит – *давать им жизнь*, а не смерть, как в буддизме. Оттого бодрит, живит, поднимает дух этот праздник праздников; оттого столько бодрости в христианских народах и столько духовной мощи в их жизни; оттого ныне вся исполнишася света – небо же и земля и преисподняя. Но это потому, что Христос *воистину* воскрес. Отнимите у христианства *факт* Христова воскресения, и вы отнимете у него все: мораль христианская, как она ни высока, одна сама по себе останется и беспочвенною, и бесплодною, как в буддизме, и не спасет человечества от разъедающего пессимизма. Сердцем познал это верующий народ, и поэтому так радостен он в нынешний праздник. Да, это воистину торжество из торжеств, праздник света, радости и бодрости душевной, ибо Христос воскресе, *воистину* воскресе! Аминь.

Церковь[42]

Уже неделю мы слышим радостный привет Церкви, торжествующей Воскресение Христово, и вместе с тем внимаем радостному ответному возгласу верующих сердец: воистину, воистину Христос воскресе!

Да, братие, воистину Христос воскресе, и в этой светлой радости нашей, в этой светлой нашей вере сегодня убеждает нас самое неверие Фомы, одного из ближайших учеников Господних.

Я прошу вас припомнить читанное сегодня за литургией евангельское сказание в связи с предшествующими событию Воскресения Христова обстоятельствами. Всего за три дня до Своего Воскресения молил Сын Божий Отца Небесного об апостолах и о тех, кто уверует по слову их, т.е. о Церкви Своей, – *да вси едино будут* (Ин. 17:20–21). Но в первые же минуты испытания человеческая слабость, страх и уныние рассеяли апостолов: по сказанию евангелия, когда враги схватили Господа и повели на суд и смерть, ученики, оставив Его, все бежали.… (Мк. 14:50). И пока были они разъединены, они испытывали только чувства страха, робости и смущения. Но вот воскрес Господь. Приходит первою Мария Магдалина, прибегают поспешно жены-мироносицы возвестить о сем апостолам; приходят и апостолы: один – из сада Иосифа, другие – поочередно от гроба Христова, из Эммауса, приходит Петр, приходит Иаков (1Кор. 15:7), – все несут одну весть о воскресении, все объединяются, собираются вместе: и апостолы, и жены-мироносицы, и другие верующие (Лк. 24:33), – и чем более они составляют из себя *едино*, тем более сердца их становятся доступными и вере, и упованию, так что, когда путники эммаусские с радостною поспешностью предстали пред собранием *апостолов и бывших с ними* (Лк. 24:33) и возвестили, что видели Господа, они в ответ услышали то самое слово, которое и доныне, потрясая сердца, оглашает весь мир христианский также в ответ на привет пасхальный: *Воистину воскресе* Господь (ст. 34). Однако, еще не было

полного мира и полной радости в их сердцах, потому что не было среди этого собрания верующих Самого Главы их, Главы этой малой первенствующей Церкви, которой Отец Небесный благоизволил дать царство (Лк. 12:32). Еще в страхе, *страха ради Иудейска*, собрались они *дверем затворенным* (Ин. 20:19). И вот сущу позде, к ним прииде Иисус и ста посреди... Кто способен изъяснить, кто может выразить словом, что почувствовали ученики, увидев Господа?! Великие дары принес Он им с Собою: Он принес им *мир* (ст. 19, 20), мир глубокий и неотъемлемый принес мятущимся и сумнящимся душам; Он принес им радость неизглаголанную: возрадовашася же ученицы, видевши Господа (ст. 20); Он принес им обетование Духа Святого и ведшая, величайшая, невиданные на земли, единственные полномочия и обязанности, – скажем дерзновенно, – полномочия высшие, чем ангельские: *«Рече им Иисус паки: мир вам: якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы. И сие рек, дуну и глагола им: приимите Дух Свят. Имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся»* (Ин. 20:21–23). Так обрадована была эта первая Церковь Христова в день Воскресения Господа.

Не разделял с нею мира и радости только один ученик Фома, и не разделял потому, что быль в разъединении с обществом верующих: *«не бы ту с ними, егда прииде Иисус»* (ст. 24), – замечено в евангелие. Радостные проводили апостолы первую неделю Пасхальную, и только Фома среди них был в скорби, унынии и сомнении, переживая тяжкие томительные дни, еще более тяжкие и скорбные потому, что для других, ему близких, они были исполнены несказанной радости. Но это был Фома, тот самый, который некогда выразил любовь ко Христу до готовности умереть за Него (Ин. 11:16). Это не был озлобленный невер; он искал веры, он страдал без нее; его любовь ко Христу только пламенела желанием удостовериться в воскресении Возлюбленного. Прошла так неделя; опять апостолы были все вместе в память Воскресения их Учителя, на этот раз и Фома не отчуждил себя от их собрания. И как только он вошел в это единение верующих – и он обрел их мир, приобщился к их радости. Опять явился Господь, опять

преподать мир Своей Церкви (Ин. 20:26). Милосердый, Он снизошел к сомнению ученика, искавшего не неверия, а веры, дал ему осязать перстом и «любопытною десницею» язвы гвоздинные, уверил его в Своем восстании из мертвых. Радостным возгласом: «Господь мой и Бог мой!» – засвидетельствовал Фома свою веру, которую нашел он в единении со всеми верующими (ст. 28–29). Позднее и он с другими апостолами получил повеление идти в мир весь, учить, священнодействовать и духовно управлять Церковью, вместе с другими получив и дары Св. Духа.

Апостольское чтение нынешнего дня (Деян. 5:12–20) изображает нам учеников Христовых уже в трудах их великого посланничества в мире: руками их совершаются дивные знамения и чудеса, умножается с каждым днем число верующих, растет и ширится Церковь Христова, посрамляются ее враги. Но во главе чтения указано опять обстоятельство, которое является исполнением первосвященнической молитвы Главы Церкви (Ин. 17:21) и обусловливает ее силу и расцветание: *бяху единодушно вси* (Деян. 5:13). Такова сила единения церковного.

Братие возлюбленные! *Христос Иисус*, по слову апостола (Евр. 13:8), – *вчера и днесь той же и во веки*, и Церковь Христова пребывает во все роды века (Еф. 3:21); она устоит до самого дня судного, до второго пришествия Господня. Не иссякнет в ней никогда могучее чувство веры, не прекратится Божественная благодать спасения, не прекратится и великое служение апостольства, – служение тех, кому говорит Христос: «Примите Дух Свят. Якоже посла Мя Отец, и Аз посылаю вы».

Сегодня на наших глазах торжественно совершается это преподание Духа Святого одному из преемников апостольского служения в нашей местной церкви, на днях и еще повторится это редкое тайнодействие. Что же, неужели одно праздное любопытство привлекло это множество народа на торжество редкого священнодействия? Неужели только внешняя обстановка его занимает нашу мысль и чувство? Неужели мы не унесем отсюда уроков важных, размышлений глубоких?

Нет, возлюбленные! Здесь, в этом видимом торжестве церковного священнодействия, в совершении тайны хиротонии епископов местной Церкви, – для нас побуждение вдуматься и сердцем проникнуть в великий смысл существования Церкви Божией на земле и епископства, как величайшего в ней служения, – служения *примирения л*юдей с Богом (2Кор. 5:18) и духовного водительства их от земли к небу, от Церкви земной к Церкви небесной. При виде этого многочисленного сонма иерархов Церкви, при этом их величавом и благолепном священнослужении, сам собою напрашивается вопрос о значении Церкви в прошлом человечества, и в его настоящем, и будущем.

Припомните, о чем мы только что говорили: о единодушии апостолов в их вере, в их деятельности. И вот, от первых дней Церкви, представьте себе, что в одну мысль, в один голос, в одни уста, в одну душу, в одно существо, в одно исповедание на пространстве 19-ти минувших веков христианских сливались и сливаются в Церкви миллионы мыслящих существ от всех стран, от всех времен, от всех народов мира, от всех возрастов, званий, полов и состояний верующих. О, какое это великое, могучее, несокрушимое единство! Представьте себе, далее, что выше этого слияния во Христе, в Его Церкви, верующие не знают и не хотят никакого другого счастья ни на земле, ни на небе, и скорее согласны вынести, как и действительно выносили целые миллионы из них, всякого рода пытки, истязания и мучительные, позорные казни и смерть, чем изменить этому религиозно-нравственному союзу, называемому Церковью, этому великому и вечному соединению всех и всего в религиозное единство веры, любви, упования и жизни. О, какой прекрасный союз!

И было время, когда, действительно, все, что было лучшего среди людей, служило так или иначе Церкви. Ей поэты посвящали свои вдохновения и сложили и оставили навеки в ней свои чудные и дивные молитвословия; ей мыслители отдавали богатые силы своего ума и оставили сокровища христианской письменности, изъяснившей и исчерпавшей учение Церкви со всех сторон и до возможной глубины; ей

служили литература, искусство, архитектура, художество, музыка, пение, облачившие Церковь чудными произведениями учительного слова, прекрасными, горе возносящими дух, храмами, художественными изображениями, сладостью и красотою песнопений, неподражаемою и дивною ризою священных обрядов церковного богослужения. Ей, наконец, отдавались мощные силы воли, и в подвигах святости, в деятельном служении добру, в устроении и управлении Церковью известные и безвестные труженики угождали Христу и были истинными благодетелями человечества.

Пока было это «любодружное и благое единство, спешное во изящных», Церковь действовала в мире с изумительно-победоносною силою: целые страны, целые народы и царства во всех концах мира присоединились ко Христу, – среди них и благословенная Грузия; каждое новое христианское столетие расширяло пределы Церкви настолько, что, казалось, близится время, когда евангелие будет проповедано всем языкам. За это время сколько света внесла Церковь в жизнь людей! Сколько дарований вызвала к жизни! Сколько разбитых сердец и унылых душ возвратила она к миру и радости; скольким бездомным духовным скитальцам указала смысл и назначение жизни и направила их к плодотворной деятельности во славу Бога, во благо ближних; скольких людей соединила она с Богом и Христом Его вечными и неразрывными узами! Процвела прежняя пустыня язычества, яко крин – прекрасный цветок, утучнила богатыми плодами. Ни один самый заклятый враг Церкви не дерзнет отрицать этого ее великого действия в мире.

Сила Церкви ослабела при первом в ней разделении, при первом от нее *отделении*. Лукавый ум, злая воля человека, земные расчеты, самолюбие и страсти толкали многих в ереси и отступничества; отпадали от единения церковного отдельные партии, племена, государства, – в Армении, Египте, Сирии, Месопотамии, отпал целый запад Европы, – и прежде победоносная Церковь, попущением Божиим, ослабела; две трети человечества, к стыду христиан, доселе коснеет вне Христа и Его Искупления; пята лжепророка, несмотря на

внутреннюю очевидную несостоятельность его учения, доселе занесена над православным Востоком…

Всякое зло, по Божественному закону возмездия, в себе самом носит семена разрушения и идет к саморазложению и погибели. Испытал это на себе и разделившийся мир христианский. Как в Ветхом Завете человек, гордынею отпадший от союза с Богом, горьким опытом в течение 5.000 лет должен был убедиться, как тяжело быть без Бога, и, уразумев это, возжелал Его, наконец, в смирении и молитве, – так, по-видимому, и в новозаветном христианском мире нужен горький опыт, который убедил бы верующих, как безусловно нужно единство церковное, о котором в тягчайший час жизни, в виду Гефсимании и Голгофы, умолял Отца Небесного Единородный Сын Божий.

Изменилось ли ныне положение вещей? Не ослабело ли даже самое религиозное чувство в людях, не грозит ли опасность его полного вырождения?

Нет, оно во веки живо и несокрушимо; оно неотделимо от человеческой природы, которая в духовной первооснове своей останется всегда одна и та же: человек всегда будет существом, способным и стремящимся к религии и нравственности. Но нужно помнить, что религиозное чувство глохнет и извращается в одиночку. Как здоровая и правильная жизнь общественная возможна только в государстве, а вне его – одно бродяжничество и дикость, так здоровая и правильная религиозная жизнь возможна только в Церкви, а вне ее – извращение религии, шатание в сектах, пока не наступит религиозное вырождение и одичание… Церковь – это символ единения верующих и самое это единение; Церковь – это воплощенная совесть народов; Церковь – это сосуд любви Бога к людям и людей к Богу. Церкви поэтому вверена охрана всего возвышенного, чистого и истинного в религиозных исканиях и стремлениях человека. Во всех смыслах она есть *столп и утверждение истины* (1Тим. 3:15). Служить Церкви и быть в единении с нею – это значит служить Богу, свету, добру и счастью человечества, это значит способствовать расцвету духовной жизни, осуществлению Царства Божия и

Божественного плана мироправления. Отступить от Церкви, – как бы ни были благовидны причины и поводы отступления, – это значит служить не добру, а злу, не свету, а тьме, не Христу, а диаволу; это значит враждовать на Бога, это значить препятствовать осуществлению на земле воли Божией и спасению людей.

Многим думается, однако, что усложнившаяся жизнь переживаемого нами времени выдвинула такие вопросы, указала такие нужды, с которыми Церкви не справиться…

Но если Церкви не справиться с ее Богоучрежденным строем, с ее благодатными сверхъестественными силами, с ее опытом двух тысячелетий, – то кому же под силу справиться? *Вся могу о укрепляющем мя Иисусе*, – может сказать она словами апостола (Фил. 4:13), и в веках минувших, в том глубоком и всесторонне-полном перевороте, который она некогда внесла в древний языческий мир, в том исцелении язв общественных, которым сопровождались первые века жизни Церкви, она имеет подтверждение и вечное свидетельство своей Богодарованной силы. Но благодать не дается насильно и внешне; как лекарство не помогает мертвому, а живому, хотя и больному, так и Божия сила идет навстречу живым стремлениям людей, хотя и бессильных в отделении от Божества. И наше единство в Церкви, наша жизнь в ней, наше ей доверие скажутся величайшими благодатными плодами. Сколько язв в современной нашей жизни! Этот разлив зла, падение семьи, множество преступлений, часто бессмысленных по жестокости, эти бунты, жаждущие крови, эти бессмысленные противогосударственные учения, убийства общественных и государственных деятелей и прочая и прочая, – все говорит, что радость и мир оставили современное человечество. Но каковы бы ни были наши язвы, – будет ли это капитализм, возникший в новом мире на место издохшего рабства, будет ли анархия в государствах и одичание нравов в людях, жестокости, войны и мятежи, – везде и всюду только Церковь явится благодетельною и исцеляющею силою. При условии полного единения верующих она победит все препятствия; она, подобно Своей Главе – Христу, пройдет *дверем затворенным*; пройдет

затворенные двери неверия и сомнения, как Христос у Фомы; пройдет затворенные двери гонения и ожесточения, как Господь у Савла; пройдет затворенные двери всех нестроений, как и пробила их в древнем языческом мире. Да и все язвы современной жизни – они и явились именно потому, что передовые классы общества в наш век в деле устроения жизни народов стали сторониться от Церкви, а иногда и прямо враждовать с нею, захотели обойтись без нравственной помощи религии и своими силами возмечтали устроить человеческое счастье. *И се – оправдися премудрость в чадех ея!* (Мф. 11:19; Лк. 7:35).

Мы же, служители Церкви, не престанем проповедовать, – и за нас голос веков позади, и, верим, за нас же и голос веков грядущих; не престанем проповедовать, что умственное образование, которым кичится наше время и на которое возлагает все упования, без религии в нравственности есть острый нож в руках сумасшедшего; что благотворительность без христианства и религии есть бессмыслица; что нравственность вне религии есть обман, пусто-слово; что жизнь общественная и государственная, исключающая руководство религии и не поставляющая себе религиозно-нравственных целей, есть путь к погибели; что братство людей, свобода и духовное равенство их возможны только в Церкви; что мир мира может быть только на религиозно-нравственной основе; что обновление нашей общественности, – мечта современности, – и исцеление язв, разъедающих нашу жизнь, принесет по-прежнему только Церковь – и она одна, и что над всеми союзами, над всеми обществами, превыше их, не по силе внешнего властительства, а по силе и высоте и ценности нравственной, стоит и будет стоять Церковь Христова, как единый союз всех верующих с великим Кормчим – Христом во главе.

О, верьте, братие, в Церковь Божию! Храните нерушимо благодатный союз с нею паче зеницы ока! С детской доверчивостью приникните любовно к ее материнскому лону! Тверже держитесь за ее спасительную руку! Отдайтесь беззаветно ее водительству! О, не за Церковь страшимся мы, когда горячо призываем вас к полному единению с нею!

Церковь – неодоленна вратами ада; устоит она до окончания веков и не останется без сынов и дщерей. Свято место пусто не будет, и Господь наполнит Свою Божественную вечерю. Но за наш народ, за нашу родину, за себя самих страшимся мы: мы погибнем временно и вечно, на земле и на небе, погибнем без Церкви.

К ней прильнем, ища спасения!

Взирая на этот величественный сонм епископов, который еще восполнится на наших глазах двумя носителями высшей благодати; слушая эти трогательные исповедания веры вселенской новопосвященными епископами, эти клятвы и обеты их пребывать верными учению Церкви, – станем послушно под знамя церковное, пребудем с нею в единении до последнего вздоха жизни, не отступим от Богоданных духовных вождей в деле нашего спасения, от архипастырей Церкви, окружим их любовью и послушанием, да с радостью творят дело свое, а не воздыхающе, несть бо полезно нам сие.

В Церкви – наше спасение; в Церкви – мир, радость, счастье и жизнь; без нее не стоит работать, не к чему стремиться, без нее – скажем дерзновенно – не стоит и жить, ибо бессмысленно жить. Итак, будем *в послушании* Церкви.

Пусть послужит нам в этом руководством прекрасное слово древнего библейского мудреца: *«Подставь послушанию плечо твое и, нося его, не тяготись узами его. Путы его будут тебе крепкою защитою, и цепи его славным одеянием»* (Сир. 6:30–31). Будем постоянно добрыми овцами Иисуса Христа и не останемся глухи к голосу доброго Пастыря, Который дает глагол Своей Церкви.

Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец! Аминь.

Поэт – христианин[43]. Памяти В.А. Жуковского

Нынешний, ежегодно совершаемый общий праздник церковно-приходских школ, посвященный памяти первоучителей славянских свв. братьев Кирилла и Мефодия, по распоряжение высшего учебного начальства, соединяется с торжественным воспоминанием пятидесятилетия со дня смерти одного из великих поэтов русских Василия Андреевича Жуковского.

Есть ли связь между этими воспоминаниями? Есть ли родство между святыми славянскими учителями и позднейшим поэтом-писателем, отстоящим от них по времени своей деятельности на целое тысячелетие?

Духовные сокровища вечны и нетленны; оттого в духовном преемстве и наследстве часто ничего не значат века и тысячелетия. Вечное не стареет. А свв. братья Кирилл и Мефодий, обладая сами высоким по своему времени мирским образованием, соединенным с великими дарованиями духа, принесли, однако, славянскому племени не это образование, изменчивое и не всегда верное, а вечные сокровища веры и евангелия Господа Иисуса Христа. Семена, ими посеянные в далекой Моравии, перешли в другие славянские страны, привились и пышный рост дали в благословенной России. Чрез тысячелетие после смерти свв. братьев является в России поэт, чествуемый сегодня. Верен ли он остался этому духовному сокровищу?

Да, В.А. Жуковский был воистину поэт-христианин и человек-христианин. И правдою слова, и правдою жизни он показал, что служил для родины на том самом пути, который некогда указан равноапостольными творцами нашего русского письменного слова. Его поэзия – чиста и безупречна; в ней нет ничего грубого, ничего нечистого. Недаром во времена увлечений нехристианскими началами жизни, среди людей грубых, не признающих ничего, кроме плоти и ее потребностей, Жуковский и его поэзия подвергались и подвергаются осмеянию: это лучшая похвала для поэта. Верно: в сочинениях

Жуковского безбожник и нечестивец не найдут для себя ничего приятного, подтверждающего их желания и убеждения. Зато души набожные, сердца чистые зачитываются стихотворениями этого поэта; любят его существа, отрешенные от злободневных интересов, способные в невинном сердце ощутить веяние всего возвышенного, – разумеем детей, и не напрасно в детских книгах и хрестоматиях стихотворения Жуковского всегда занимают видное место.

Родство духовное с первоучителями славянскими сказалось у Жуковского и в том, что он много потрудился над переводом на русский язык всего новозаветного Священного Писания; здесь сказалось как бы прямое продолжение просветительных трудов свв. Кирилла и Мефодия. Он служил слову русскому, как служили слову славянскому свв. наши первоучители; подобно им, поэт наш старался обогатить родную письменность святыми образами, чистыми мыслями, возвышенными чувствами; подобно им, письменным словом своим поэт звал людей к Богу. Редко можно встретить среди писателей всего мира такой возвышенный взгляд на поэзию, какой мы видим у В.А. Жуковского. По его словам:

«Поэзия – небесной
Религии сестра земная; светлый
Маяк, самим Спасителем зажженный,
Чтоб мы среди житейских бурь не сбились
С пути…
Поэзия есть Бог в святых мечтах земли».

Чем должен быть поэт, по воззрением В.А. Жуковского?

«Крылом могучим,
Подъемлющим родные (ему) сердца
На высоту, зарей, победу дня
Предвозвещающей, великих дум
Воспламенителем, глаголом правды,
Лекарством душ, безверием крушимых,
И сторожем нетленной той завесы,
Которою пред нами горний мир
Задернут, чтоб порой для смертных глаз
Ее приподнимать и святость жизни

Являть во всей ее красе небесной –
Вот долг поэта, вот мое призванье»!

Эти слова отдаленного ученика достойны его святых учителей – Кирилла и Мефодия.

Вера в Бога, смиренная и радостная покорность Его Промыслу, ожидание радостей и утех загробной жизни, любовь к «родине святой», любовь к людям, – вот что занимало поэзию Жуковского. По справедливости, можно сказать, это же наполняло и всю его жизнь.

Глубокая религиозная настроенность поэта с особенною силою сказалась в последние дни его жизни. Окруженный семьёй, с глубокою верою причастился он св. таин и вдохновленный верою, весь просиявший, сказал своим детям чудные слова, вылившиеся из верующей души:

«Дети мои, дети! Вот Бог был с вами! Он Сам пришел к вам! Он в нас теперь! Радуйтесь, мои милые!»

Прошло несколько часов; Василий Андреевич почувствовал приближение смерти. Он подозвал к себе маленькую дочь и сказал ей: «Пойди, скажи матери, что я нахожусь в ковчеге и посылаю ей первого голубя: это моя вера; другой голубь мой – это терпение».

Так пред самою смертью поэт призывал всех к вере, радости и терпению, – к этим возвышенным христианским чувствам.

К тому же призывает он и читателей своими произведениями.

Не так давно укоренился и прочно привился на Руси добрый обычай – поминать писателей словом молитвы всенародной. Но В.А. Жуковского воспоминает русское общество уже второй раз. Да будет это добрым знаком. В наше смутное и тяжелое время, в дни господства грубости, падения любви к родине земной и родине небесной, забвения возвышенных стремлений души человеческой к небу и вечности, – поэзия Жуковского, чистая, возвышенная и христианская, должна быть особенно дорога нашему сердцу.

Тем более она говорит душе нашей в таком знаменательном совпадении имен и воспоминаний, которое мы

видим сегодня в настоящем нашем собрании; детям-школьникам, этой духовной ниве, этим носителям надежд будущего, дорогому достоянию родины, да будут близкими и родными заветы свв. первоучителей славянства и христианских поэтов: заветы веры, любви и смирения, радости и любовной покорности воле Промысла[44].

«Как звезды в синеве далекой,
Как солнце ясное во дни, –
Из тьмы веков седой, глубокой,
Святые братья в наши дни
Нетленной славою сияют.
Хвала апостолам славянства
И нашей грамоты творцам!
В красе духовного убранства,
Они по всем земли концам
Язык наш чудный прославляют.
Слава вам Мефодий и Кирилл,
Слава вам из рода в род!
То, что Бог через вас совершил,
Не забудет наш народ.
Слава! Слава!
И в Грузии единоверной
Сыны единого Царя,
Любовью к нам нелицемерной,
Святою, братскою, горя,
Хвалу вам, братья, воссылают.
Мы, ваши дети, с детьми Нины,
Единой родины сыны,
В единстве веры исполины,
В единстве веры лишь сильны.
Так пусть же здесь вам возглашают
Хвалы в одном согласном хоре
Детей Кавказских голоса
И с ними, в шири и просторе
Святой Руси – ее краса –
Все дети песнь свою сливают
Слава вам, Мефодий и Кирилл,

Слава вам из рода в род!
То, что Бог через вас совершил,
Не забудет наш народ!
Слава, слава!!»

Царская милость духовенству[45]

По благословению владыки, нашего архипастыря, сейчас будет отслужено благодарственное Господу молебствие по случаю радостного известия для пастырей и паствы Русской Церкви, – разумеем высокую милость Государя Императора – дарование прав пенсий за службу всему православному духовенству Российской Империи, а следовательно, и нераздельной с нею Грузии. Святейший Правительствующий Синод, известясь об этом радостном событии, повелел во всех церквах Империи в первый воскресный день по получении Высочайшего указа о пенсиях духовенству вознести благодарственное к Богу моление о здравии и долгоденствии милосердого Государя.

Мы сказали, что событие это радостно и для пастырей и для пасомых Всероссийской Церкви. Радостно оно прежде всего для пастырей: слава Богу, за труд девяти столетий, за постоянную неизменно общую жизнь с народом, за все невзгоды истории, за труды просвещения, за молитвы, за слезы наших вдов и сирот, голодных, бездомных и бесприютных, призрел Господь и призрело сердце Царево на великое и смиренное в подвиге духовное сословие! Увидело око Царево, как при усложнившейся жизни мало-помалу обеспечивались в безбедном существовали все государственные служения и только пастыри Церкви оставались в ином положение, с тревожным и неясным будущим, со взором, беспокойно устремленным в даль неизбежно грядущего, где рисовались ему образы беспомощной старости и лишений, где слышались ему вопли страдающих вдов и детей. В великом служении Церкви и Небу, по естественной немощи, Духовенство раздвоилось между землею и Небом, между миром и царством Божиим, и нередко никло духом, угашало священную ревность свою от этого раздвоения. Теперь не то… Слава Богу нашему, слава великому Царю на святой Руси! Какой вздох облегчения пронесется ныне по лицу нашей родной земли, сколько тревог

успокоится, сколько слез отрется, сколько скорбей и печалей претворится в радость!

И эту радость, несомненно, разделят с пастырями все добрые пасомые, – все, у кого есть хоть искра сочувствия к людям, хоть малая способность проникнуться чужою радостью, и капля заботы о благе и нуждах Церкви Христовой, хоть немного благодарной заботливости о тех, кто Самим Христом поставлены и молитвенниками, и учителями, и воспитателями народа, кто, при всех неизбежных человеческих слабостях и недостатках, все же являются воистину носителями благодати и в широком смысле истинно общественными деятелями. Ибо если необеспеченное будущее духовенства было тяжело для самих пастырей, то не легко оно было, не безразлично оно было и для пасомых. Они не могли не сознавать, как много ограничена Церковь в пользах своих, как много теряет она, имея служителей, подавленных и связанных постоянною мыслью о тревожных днях неизбежной старости и грядущей смерти… *«Никтоже бо воин бывая обязуется куплями житейскими, да воеводе угоден будет»* (2Тим. 2:4). Но слава Господу! Слава великому Государю! Не сразу, не быстро, но несомненно прочными и благими плодами скажется эта Царская милость духовенству, и несомненно, это – только первый шаг, только начало большого дела обеспечения духовенства. Воочию видна милость эта особенно здесь, среди заброшенных в горах бедных служителей Церкви. Воистину, в нынешний день, в настоящем нашем собрании, воля Высшей Власти совпадает всецело с потребностями и запросами нашего сердца, и да будет от души и сердца вознесено наше теплое благодарное моление о здравии Царя и Царствующего Дома, о процветании Церкви Христовой и великого нашего отечества. Тот, Кто обещал не оставить без награды даже чаши холодной воды, поданной во имя ученика, Кто сказал, что приемый, его же послю, Мене приемлет, Кто мир обещал тому дому, в который войдут принятые любовно и гостеприимно служители Христа, – да воздаст Царю и царству русскому миром, великими и богатыми щедротами. В век разлива неверия, посреди государств, нередко враждебных Церкви, в то время, когда в одном из них,

– во Франции, – и самом образованном совершаются насилия над клиром Христовым во имя мнимой свободы, в это время с высоты Самодержавного Престола царства русского изречено знаменательное слово милости к служителям Церкви. Исполнена древняя заповедь, пятая в законе Божием…

Да будет же дано и обетование заповеди мерою полною: да будет благо царству русскому и да долголетно будет оно на земле! Да хранит Господь Царя нашего во славе и долгоденствии! Сильно на земли будет семя Его, и род правых да благословится! Аминь.

Свет духовный[46]

Светильник телу есть око… и далее чтение воскресного евангелия Мф. 6:22–34.

Не нарочно для вас, возлюбленные, читалось это евангелие сегодня, оно положено уставом церковным в порядке воскресных евангельских чтений. Но так широко и всеобъемлюще слово Божие, что кажется, будто прочитанное место евангелия прямо и непосредственно и даже нарочно предназначено в поучение вам, народные учители.

Ваше служение – *просветительное*: и вот вам образное учение Спасителя о просвещении. Нужен источник света; в мире физическом, нас окружающем, таким источником является солнце на небе и особый, как утверждает наука, световой эфир, разлитый в мире, – таинственный, неуловимый, но несомненно сущий. Но и свет этого эфира, и свет солнца – все это совершенное ничто для человека, если у него нет органа и орудия для восприятия света. Слепому – не светит солнце, слепому не чувствителен свет. Око человека воспринимает этот свет и проводить его во всю широту и физической и духовной жизнедеятельности нашей.

Перенесите сказанное в область духовную: ибо не о физических законах света беседовал Спаситель с учениками в прочитанном евангелии, а о духовном свете, для изображения которого Он только взял и указал подобия из видимого и наблюдаемого мира.

Ныне все заняты заботами и думами о просвещении. Станем же прямо и честно у этого вопроса, задумаемся над ним, пользуясь только что приведенным евангельским образом.

Итак, мир твердит о просвещении духовном. Спрашиваем: откуда и где оно? И еще спрашиваем: есть ли у человека орган и орудие для восприятия его? Ибо свет духовный может существовать, но при отсутствии органа его восприятия, он может оказаться тем же, чем является солнце для слепого.

Труден вопрос: откуда и где свет духовный. Но легче вопрос второй. Человек из всех тварей только один рвется к этому

свету духовному: различает добро и зло, ищет нравственного совершенства, ищет томительно, напряженно, помимовольно. И сколько в этом искании его, сколько в этих порывах и благородства, и усердия, сколько радости и горя, слез и молитвы! На всех ступенях жизни, на всех ступенях развития, во всех положениях с первых дней раскрытия сознания он разбирает и различает добро и зло, и даже служа последнему по слабости своей, все же силится прикрыть его хоть видом добра.

Да, один человек на земле есть *существо нравственное*, в том смысле, что он способен к нравственности, и эта способность, вместе с другою – способностью быть религиозным, служит коренною, отличительною, существенною и прирожденною его чертою, резко отделяющею его от мира животного. Один человек на земле имеет прямое положение своего тела, направленное вверх, и недаром только его разумное чело обращено к небу… Ясно, что как для восприятия света солнца ему дано око, так и для различения добра ему дано духовное око, духовный орган: это – совесть человеческая.

Чисто твое око, и ты видишь путь, знаешь, куда направить руку и ногу, не оступишься, не упадешь, не искалечишься. Повреждено твое око: и ты неуверенно движешься, часто попадаешь не туда, куда нужно, не видишь вдаль, не заметишь вовремя опасности. Ослепло твое око: ты совсем беспомощный человек, которому ежеминутно грозит несчастье, увечье, погибель.

То же самое и с совестью. Чиста эта совесть, правильно она различает добро и зло, не смешивает первого со вторым, сильна побуждением к добру, ограждает страхом и муками от зла, помогает человеку в его нравственном восхождении: и тогда вся жизнь его будет чиста и светла и правильна. Испорчена совесть, померк ее свет духовный, закралась ложь и неправильность в ее указующую и судящую деятельность: тогда и жизнь человека исполнена лжи и смешения добра и зла. Но горе, если совесть становится, по слову апостола, сожженною; горе, если свет ее обратится в тьму! Тогда – какова же тьма! Тьма слепца и его положение, близкое к опасности, погибели,

является только слабым подобием духовной гибели и тьмы бессовестного человека, лишенного духовного света.

Вот здесь-то и вопрос тревожный и роковой: откуда и где этот свет духовный?

Совесть должна различать добро и зло. Кто же этому ее научит? Кто даст точное и ясное и правильное понятие о том, что – добро и что – зло? Выходите, люди мира, отвечайте на этот вопрос!

Сошлетесь на природу? Но она знает холодное, теплое, высокое, низкое и т.д., но не знает доброго и злого.

Сошлетесь на науку? Но она знает полезное и вредное, да и здесь-то часто противоречит и ошибается, а в области нравственного и безнравственного, на законах математики и химии немного узнаешь. Да и почему для меня обязателен голос ученых людей, так часто противоречивших друг другу? Да и всем ли доступна наука? А ведь совесть есть у всех. Сошлетесь на общее согласие людей? Но где оно, это общее согласие, если мусульманин считает месть подвигом, многоженство правом, а христианин то и другое почитает за грех? Где это общее согласие, если после зверского убийства беззащитных короля и королевы в наши дни среди христианского народа одни считают это убиение позором и преступлением, а другие – геройством и похвалою? Очевидно, нужен такой источник различения добра и зла, который был бы всем доступен, всегда одинаков и неизменен, который к тому же утверждался бы на непререкаемом основании и авторитете, для всех обязательном. Где такой источник? Он не от людей, а от Бога: он скажет: это – добро, это – зло, и такому высшему голосу ответить тайным созвучием и согласием и голос нашей совести, ибо и она – от Бога. Так свет духовный, как и свет физический, есть нечто таинственное, неуловимое, но он ощутителен властно, он присутствует в мире.

Но, предположим, мы знаем твердо и ясно в голосе и слове Бога добро и зло. Довольно ли, однако, только одного знания? Не часто ли мы действуем вопреки знаний? Не слабы ли мы и не подвержены ли греховности и падениям, как чему-то роковому и мощному? Не вымощено ли дно адово благими

намерениями? Нужны сильные *побуждения* к добру, нужна помощь и поддержка для самой совести, поврежденной и малосильной. Откуда же эта помощь? Не от людей ли? Но бессильный не даст мощи другому бессильному, слепой не укажет света другому такому же слепому... Здесь нужна помощь высшая, от Существа Высшего.

Возблагодарим же Бога, что мы являемся детьми Его Церкви святой! Возрадуемся, что мы – деятели не иной какой-либо, а *церковной* школы. Церковь, опираясь на слово Божие и на все Божественное Откровение, ясно и безошибочно и властно говорит нашей совести и совести просвещаемого нами народа, что – добро и что – зло. Церковь, в руководстве тем же Откровением и в своем вековом педагогическом опыте, правильно укажет *побуждения* к добру, для всех целесообразные: и для высших душ и высшего развития нравственного сознания, и для низшего нравственного развития, одним словом, для всех возрастов духовной жизни.

Церковь же, соединяя нас с Богом, усвояя нам плоды искупления Сына, преподавая нам дар Духа Святого в таинствах, дает нам и всесильную помощь свыше, восполняющую нашу естественную немощь: здесь грешнику дается прощение греха, поднимающее его душевную бодрость, окрыляющее его надеждою, здесь спасение от отчаяния, здесь спасение от гнетущего чувства бессилия и одиночества, ибо мы видим, *яко с нами Бог.*

Будем же сообщать народу этот свет духовный в глубокой, убежденной вере, что мы даем ему чистое и светлое око для жизненного пути его. Будем, не раздвояясь, не смешивая Бога и мамоны, света и тьмы, мира и неба, будем вести себя и других по пути, который, как столпом облачным в пустыне, освещается Церковью Божьею.

Только в Церкви, в церковном сознании, в церковной жизни, в церковном учении, в этом церковном благоухании – наше и народное спасение. В Церкви, и только в Церкви осуществится истинная задача доброго обучения и воспитания, путем церковной школы; только здесь совершен будет Божий человек, на всякое дело благое уготован. Аминь.

Грех[47]

В порядке евангельских чтений св. Церковь в нынешнее воскресенье предложила нам повествование об исцелении Спасителем нашим расслабленного в Капернауме, спущенного сквозь кровлю (Мф. 9:1–8). Верные сыны Церкви, внимательные к ее богослужению, знают и помнят, что это евангельское чтение предлагается верующим дважды в году. Уже это одно обстоятельство показывает нам, как полна назидания предлагаемая священная повесть и как важно для христианина остановиться на ней вниманием. И действительно, что-то особенно властно, особенно глубоко и поучительно говорит нашему духу при чтении и слышании предложенного нам сегодня евангелия.

Не ошибемся, если скажем, что главное внимание наше в нем привлекают кроткие и милостивые слова Господа, сказанные Им в ответ на молчаливую, но трепетную и горячую мольбу расслабленного об исцелении: *«чадо, отпутаются тебе грехи твои»*. И дети, и взрослые, слушая в первый раз эту священную повесть, всегда и неизменно останавливаются здесь с вопросом: разве этого искал больной? разве за этим спустили его к ногам Иисуса?

Но Спаситель знал и видел, чего искал и хотел больной: и намеренно, в поучение присутствующим, в поучение нам, Его последователям, изрек это слово прощения греха прежде слов исцеления болезни.

Здесь подходим мы к самому существу христианской веры, христианского учения, христианского миропонимания. Нам указывается здесь, как тяжел грех *и какие опустошения* сделал он в жизни всего человечества. Грех отравил чашу блаженства, приуготовленную Богом первозданному человеку; грех лишил его рая сладости, отторг от Бога, сделал *странником и скитальцем* на земле, принес голод, болезни, несчастья, поставил человека пред страшным лицом смерти; грех перешел, как печальное наследие грехопадения Адамова, во всех людей – его потомков, обратился для человека как бы во

вторую его природу, сделал человека как бы по естеству чадом гнева и потребовал для своего исцеления величайшей и всемирной жертвы – смерти Сына Божия. Грех и ныне отравляет нам всякую радость, лежит смертельною горечью на дне всякого удовольствия и, как тяжкие гири на крыльях нашего духа, влечет нас долу, от неба к земле, от Бога к миру и диаволу. Это – именуемый в христианском учении *грех первородный.*

С детства известна эта истина каждому христианину, хоть сколько-нибудь вкусившему от христианского учения. И все-таки, к сожалению, она забывается людьми совершенно и до конца, и ее часто-часто нужно напоминать людям во всех поприщах жизни.

Присмотритесь к окружающему нас миру, прислушайтесь к тому, что говорят и пишут. Какая всегда и везде слышится у всех глубокая вера в силы человека и в его нравственные достоинства! Послушаешь иного – как легко всех обратить в святых, а людскую жизнь сделать раем! Послушаешь Толстого, нового лжеименного учителя жизни, нашумевшего на всю Россию: не суди, не сажай в тюрьмы, не наказывай, никого и ни к чему не принуждай; по мнению этого учителя, стоит только человека предоставить себе, стоит только обратиться к нему с добрым словом, и в нем непременно восторжествуют добрые начала, и только они одни. Послушаешь какого-либо новомодного воспитателя: зачем говорят, стеснения для юных, зачем правила, предписания, наказания? Предоставьте, мол, юным полную свободу, и в них заговорят сами собою добрые стремления, добрые порывы.

Послушаешь политика или общественного деятеля, говорящего или пишущего в газете: опять те же речи о свободе, о врожденных добрых свойствах человека, которые непременно в нем воздействуют и дадут ему рай на земле, лишь бы его не стесняли. Какая односторонность, какое заблуждение, какое упорное нежелание видеть самые очевидные истины! Точно какая-то слепота обуяла современных деятелей и мыслителей, точно не видят они, как рядом с добром живет и зло, как все идем мы в жизни среди заблуждений, ошибок и падений

вольных и невольных; точно не чувствуют они в себе самих, как что-то тянет нас на зло при полном сознании и признании, что зло – противно, греховно, отвратительно. Это знали и чувствовали даже древние язычники, наиболее вдумчивые, но особенно хорошо познали это и показали людям истинные и искренние христиане, наблюдавшие за своею духовною жизнью. Павел ли апостол не был велик? Но как он горько и пагубно заблуждался, когда гнал Церковь Божию! Он ли не обладал силою воли, он ли не мог подавить в себе все дурные влечения? Но он-то именно и говорит: *«Знаю, что не живет во мне доброе; желание добра есть во мне, но чтобы сделать его, того не нахожу. Доброе, которое люблю, не делаю, а злое, которое ненавижу, делаю... По внутреннему человеку соуслаждаюсь закону Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоречащий закону ума моего и связующий меня законом греховным, сущим в членах моих. Окаянен есмь человек»* (Римл. VII гл.) Этот вопль апостола есть вопль всего грешного человечества. И пока человек будет пить грех, как воду, дотоле он будет в отчуждении у Бога, от истинной жизни, от истинного счастья, и все эти преувеличенные надежды, и эта вера в добрые силы человека, – все, что так льстит нашему самолюбию, все разлетится в прах и останется бесплодным. Тому свидетельство и доказательство – опыт веков.

Спаситель наш в ныне читанном евангелии и дает всем векам знаменательный урок: *грех* есть начало и корень всех болезней и несчастий.

Кто хочет добра себе и другим, кто хочет истинно служить благу общества, государства, – тот паче всего должен бороться с грехом. Поставим мы себе это за правило: будем бегать греха, будем вдумчиво и зорко стоять на страже своего нравственного восхождения, будем работать Богу и правде: ибо *«скорбь и теснота на всякую душу человека, делающего злое!»* (Рим. 2:9).

И напротив: *блажен, кому отпущено беззаконие и прикрыт грех. Блажен муж, которому не вменит Господь греха его!* (Пс. 31:1–2). Какова была бы жизнь человека, если бы Господь не обещал этого помилования? Что было бы с человеком, если

бы каждый грех, содеянный им от времен детства, тяготел над ним справедливым Божиим гневом? *Мы бы утонули* в этих беззакониях, и они превзошли бы главу нашу. Тогда преимуществом доброго было бы только сплошное и бесконечное страдание. Ибо чем утонченнее совесть, чем глубже вдумчивость и самонаблюдение, тем тяжелее было бы человеку вспоминать все свои грехи и падения.

Но вот за покаяние и веру в искупительные страдания нашего Спасителя нам даруется прощение грехов. Какое забвение прошлого, какое облегчение совести, какая бодрость, одушевление, подъем духа для большего и большего нравственного восхождения! Тогда-то вырывается слово великого и глубокого, но не горделивого, а смиренного сознания человеком своей нравственной силы, – силы, невиданной в мире. *Вся могу*, говорит апостол, *все могу*, но, прибавляет, – *о укрепляющем меня Иисусе!* (Флп. 4:13).

Будем же больше всего на свете бояться греха и будем в покаянии о содеянном грехе искать бодрости и силы: и тогда мы, грехами расслабленные, уподобимся евангельскому верующему расслабленному: милосердый Спаситель и нам скажет, видя веру нашу: прощаются тебе грехи твои. И укрепятся расслабленные колена, чудо свершится: расслабленный встанет и жизнь его, свободная от греха, будет полна и благословенна. Аминь.

Духовная слепота и духовное просвещение[48]

"*Вся елика преднаписана быша – в наше научение преднаписашася*".

Эти слова мы слышали сегодня в апостольском чтении (Рим. 15:4); по-русски они означают, что все написанное, – разумеется, в слове Божием, – написано, и даже преднаписано в наше поучение.

Так ли мы относимся к этому слову Божию? Ищем ли в нем руководства жизни? Слушаем ли даже внимательно? Любим ли читать его, или слушать чтение его в церкви и Дома? Как часто при чтении апостола или евангелия в церкви мы стоим, по-видимому, безмолвно, в молчаливом благоговении, по-видимому, внимательно, а на самом деле священные слова скользят по нашей душе, как вода по стеклу, не проникая вглубь, не трогая сердца. А между тем, недаром пред всяким чтением слова Божия нам говорят: «Премудрость!» Это значит, что в слове Божием – высшая мудрость, – мудрость не человеческая, а Божественная, не земная, а небесная. Нам говорят: «Премудрость про́сти»; «про́сти» – это значит: будем стоять благоговейно, насторожившись слухом и сердцем. Нам говорят: *"Во́нмем"*, т.е. будем внимательны. Это все показывает нам, что слово Божие потому и называется так, что чрез него говорит нам Сам Бог. Оно есть светильник стопам нашим, – светильник, сияющий в темном месте, оно есть зеркало, в котором мы видим свою душу, свои грехи, свою жизнь; оно есть свеча яркая и блестящая, с которой мы спускаемся в глубину нашего духа, нашей совести. Весь год мы слышим и читаем слово Божие; каждый год в известные дни, в известные праздники и воскресенья мы слышим в церкви одно и то же евангелие. Но удивительное дело, – всегда в слове Божием есть что-то новое. Меняемся мы сами, стареем, улучшаемся, или ухудшаемся, переносим то страдания, то болезни, то радость, и в каждом возрасте, в каждом душевном настроении – в евангелии и в прочих святых писаниях мы находим все новые отклики, объяснения, наставления. Мы должны читать и

слушать евангелие, как говорили древние наши отцы, не по чернилу, а под чернилом, и тогда оно станет постоянным зеркалом души. Итак, что же нам сегодня предложено в евангелии?[49]

Тяжело положение слепцов, и великое благодеяние оказал им милосердый Спаситель. Но есть, братие мои, другая слепота, которая гораздо опаснее, гораздо тяжелее, чем слепота наших глаз. Был в древнее время один муж святой и очень ученый – старец Дидим. Он был слепой. Однажды он горько жаловался на свою слепоту, на свое несчастье. Преп. Антоний сказал ему в ответ: «ты жалуешься, что у тебя нет глаз, которые имеют и бессловесные животные и даже самые маленькие мошки. Оставь жалобы: ведь ты имеешь глаза херувима, ибо ты знаешь Бога, ты знаешь Его закон, ты видишь ангелов, ты видишь то, что не увидит самый зрячий обыкновенными человеческими глазами». Таким образом, можно при слепоте телесной быть зрячим духовно, но и наоборот, – можно быть зрячим телесно, иметь глаза и видеть свет, и в то же время быть духовным слепцом. И Господи, – сколько таких слепцов на свете! Все эти неверующие, маловерные, незнающие Божественного закона, незнающие добра и нелюбящие Его – все это слепцы духовные! Смотрите, как сжалился Спаситель над слепцами: Он привел их в дом, Он исцелил их. Но еще более Он жалел слепцов духовных, их Он учил целыми днями и ночами по каждому поводу, для них избрал апостолов, для них объяснял Свящ. Писание, за них пострадал, для них основал Церковь Свою, дал пастырей и учителей. И нам, пастырям и учителям, Он прежде всего повелел: *«идите и учите все народы, крестите их во имя Отца и Сына и Св. Духа, учите их соблюдать все, что Я заповедал вам»* (Мф. 28:19–20). Итак, если мы хотим подражать нашему Спасителю, то мы должны всею душою возненавидеть тот грех, который живет в нас, то неверие и маловерие, которым мы страдаем; мы должны всеми силами души стремиться к свету, – к тому, чтобы просветить себя и других. Справедливо говорит пословица, что ученье есть свет, а не ученье – тьма. Но справедлива, братие, и другая пословица, что не всякое ученье

душе во спасенье; да, не всякое ученье душе во спасенье… Где же найдем настоящее и доброе ученье? Прежде всего в Церкви Христовой и в храме Божием. Здесь священники говорят не свое, а Божественное, здесь мы, пастыри, хотя сами мы люди простые, часто грешные, недостойные, дурные, – из них же первый я, – но мы передаем вам слово Христово, вечное, небесное слово. Итак, сюда приходите чаще, сюда приводите своих детей, здесь учитесь всему доброму и душеполезному учению. Как одним дымом не натопишь дома, так отдельными собраниями, без церкви и пастырей, не согреешь души. Камень холодный, но когда станем бить камень о камень, и он станет горячим. Так и люди, когда все вместе в церкви. И помните, что согласно с уроками слова Божия только то, что не против Церкви и что ею благословлено, что согласно с ее наставлениями, – это и есть настоящее учение. Такому учению помогайте и сочувствуйте. Будут ли читать хорошую книгу, откроют ли библиотеку, читальню, будут ли народные чтения, – если все, что там видите и слышите согласно с учением нашей веры, если там не подрывается христианство, всему этому сочувствуйте всею душою и всему помогайте[50]. Вам внушают, что никогда не поздно учиться и надо учиться всю жизнь: это верно. Но все же трудно учиться взрослому. Поэтому особенные заботы надобно прилагать о детях. Их надо приучать к церкви, их надо посылать в школы. Вам, взрослые, вам, станичники-общественники, надобно помнить это. Не нужно щадить средств, грешно скупиться, когда дело идет об обучении детей, о содержании школы. Вот была бы вам честь и хвала, если бы по краям вашей многолюдной станицы (до 10.000 населения) основаны были вами церковные школы, если бы вы помогли своими жертвами от общества церкви и духовенству устроению этих школ ради ваших собственных детей! И здесь относительно школы помните, что не всякое ученье душе во спасенье и не всякая школа заслуживает участия и поддержки. Если детей учат знать Бога и Его закон, почитать власть, уважать пастырей духовных, любить и уважать родителей и старших, то это истинная школа и истинное ученье. И пусть ребенок хотя и меньше знать будет, меньше разовьет свой ум, но выйдет

хорошим сыном и честным человеком. Но если в школе не учат страху Божию, если все внимание обращается только на ум, то, право, лучше совсем остаться без ученья! Оттого, что он умный, да злодей, никому не будет тепло, напротив, умный злодей опаснее глупого. Это надобно помнить в заботах о просвещении. Но самое главное – в заботах о просвещении детей надобно помнить, что настоящее воспитание, настоящее просвещение ребенок получает дома, в своей семье. Что из того, если в школе его учат молитвам, а дома у него никто не молится? Что из того, что в школе ему говорят, как дурно пьянствовать, а дома он видит отца и братьев пьяными, а мать распутницу? Что из того, что ребенку в школе будут говорить *«люби ближнего»*, будь кроток, обходителен, будь терпелив, а дома он видит, как изверг-отец колотить жену – его мать, или как дома все живут в ссоре, в злобе, в постоянной распре? Что из того, что ребенку в школе будут говорить *"не укради"*, а дома он видит, что вокруг все воруют и от воровства наживаются? Что из того, что ребенку в школе говорят *«не обманывай»*, а дома он слышит сквернословие, обман, клевету и всякое гнилое слово; если в школе учат: *"чти отца"*, а дома его отец обижает деда, бабку, своих братьев и сестер?[51] Вот о чем, вот об этом домашнем и семейном просвещении надо позаботиться!

Мы должны просвещать себя и других, как Спаситель просветил слепых, о которых мы сегодня читали в евангелии. И слепцы исцеленные признали Бога и Спасителя. И для нас самый верный путь просвещения есть наши дела и верность учению Спасителя. Самый верный путь слова апостола: *«братие, ходите, как чада света»* (Еф. 5:8), и слова Христа: *«тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела и прославят Отца вашего, Который на небесах»* (Мф. 5:16). Аминь.

Поклонение святыне[52]

Чесо изыдосте в пустыню видети? (Мф. 11:7).

Впервые эти слова были сказаны Господом Спасителем в той беседе Его с учениками и народом, в которой Он воздал высокую похвалу великому пустыннику древности – святому Предтече Иоанну, привлекшему своею проповедью в пустыню множество народа.

Чесо изыдосте в пустыню видети? – можно было обратить вопрос к народу, приходившему с незапамятных времен, в течение минувших 14 веков, и к этому священному месту, к одному из последователей жития Иоанна Предтечи – к преподобному Антонию Мартмкопскому – и при его жизни, и после его смерти[53].

Чесо изыдосте в пустыню видети и вы, возлюбленные братья, гости и богомольцы обители преподобного, сошедшиеся ныне на торжество обновления его храма?

Воистину, пред нами вечно-поучительное явление! Вот почти полторы тысячи лет назад, среди народа еще недавно христианского, еще не успевшего стряхнуть с себя грубость язычества, в пустыне, на уединенной горе явился здесь смиренный инок, пришлец из далекой земли. Изможденный телом от пустынных подвигов, отчужденный от общения с людьми, незнакомый с делами житейскими[54], он, однако, сделался светильником, сияющим в темном месте, он умел влиять на окружающий мир, разбудить спящие души, зажечь холодные сердца, вдохнуть обаяние добра и святости. К нему, жителю пустыни, приходят за указаниями люди житейские, искушенные долговременным и многообразным опытом, сложными жизненными отношениями, нередко зачерствевшие в пороке, в служение себялюбию, приходят и, подобно слушателям Предтечи, спрашивают у него: «Что нам делать?» И каждой душе рассказал он ее печальную историю, в каждой душе зажег он священный огонь покаяния, указал путь ко Христу, – к небу, вечности и спасению. Совершается странное, по-видимому, явление: отшельник, ищущий уединения, человек,

живущий внутреннею жизнью, весь отдавшийся тихому созерцанию духовному, затворившийся от суеты мира в уединенном столпе, влечет к себе оставленный мир, приковывает властно суетные, житейскими заботами отягченные сердца.

Умер этот инок, но ни имя, ни образ его, ни могила не остались забытыми. Со времени его смерти, в течение полторы тысячи лет, сколько пронеслось событий над этим краем и народом, сколько было великих и славою увенчанных царей, правителей, полководцев!.. И что же: народ забыл их имена, изгладились следы и памятники их жизни и смерти, а гроб преподобного Антония, смиренного инока-молитвенника, подвизавшегося на уединенном столпе, хранится с благоговейным почитанием, имя его славно, обитель его как бы недоступна ни врагам, ни сокрушающему времени, постоянно возникая и обновляясь из развалин. Что это значит? Присмотритесь к истории, к окружающей жизни, к литературе – выразительнице жизненных течений… Из мрака пустынных пещер, из уединения гор и лесов не воссияли ли над миром великие подвижники? Перенеситесь от благословенной Грузии к благословенной России. В лице небезызвестного старца, выведенного в последнем произведении нашего знаменитого писателя (Достоевского) и, говорят, списанного с действительности, в укромных, пустынных местах богомолений, в людных центрах общенародных паломничеств не повторяется ли постоянно и теперь отмеченное явление? Не наблюдается ли оно с особенною силою и в нашем православном русском народе, который отличается изумительною наклонностью к поискам святыни, стремлением к идеалам, который не нашел лучшего и более высокого прозвания своей родине, как*святая* Русь? И теперь старцы, затворники и подвижники (Серафим Саровский, Амвросий Оптинский, Феофан Вышинский и друг.), люди религиозного склада, совершенно отказавшиеся от забот о себе, в роде известнейшего пастыря Кронштадтского, – все они влекут к себе сердца, собирают около себя множество людей самых разнообразных положений и состояний. Палестина и Афон, Киев и Москва, Сергиева лавра и Почаев,

Соловки и Валаам, Чернигов, Задонск, Воронеж и Иркутск, Саров и Оптино, – все сколько-нибудь замечательные монастыри постоянно наполнены богомольцами. Из далеких русских губерний идут богомольцы и к нам на Кавказ, в Новый-Афон, ко св. Нине в Бодбийской обители. Еще так недавно и здесь, у преподобного Антония, побывали дорогие, издалека пришедшие богомольцы – тамбовские крестьяне[55]…

От многих, и притом часто от образованных людей, можно услышать то холодное, то озлобленное осуждение этого явления, признание его бесполезным или даже вредным. А между тем, эти богомоления, эти хождения ко святым местам и к благочестивым людям не прекращаются, а, по-видимому, растут и заставляют признать явление это жизненным и необходимым.

Что же, в самом деле, оно означает?

А означает оно, братие, бессмертную и несравненную и превосходнейшую красоту добродетели и святости, который влекут к себе сердца людские властно и неудержимо, которые, по самой природе человеческой души, дарованы и назначены ей, как блага высочайшие и для нее единственно желанные. И пока человек останется человеком, он будет всегда искать святости, искать напряженно и томительно, будет кланяться святыне, будет стремиться жить в ее духовном благоухании. *Ибо лучше день един во дворех Бога паче тысящ во дворех грешничих* (Пс. 83:11), ибо и воля Божия о каждом из нас есть святость наша (1Сол. 4:3). В нравственном величии, в духовной силе и красоте – разгадка того, что пустынники, подобные преподобному Антонию, отрешенные от мира, собирают вокруг себя и при жизни и по смерти несметные толпы народа.

Урок всем нам: урок ценить и любить не внешний блеск силы и власти, не внешнюю приманку успеха и мирской славы, а внутреннюю, неувядаемую и вечную красоту добра и святости, пред которыми всякие земные отличия являются ничтожным тряпьем, жалким и негодным, ничтожною и дешевенькою мишурою. Учит и святой апостол: не внешние уборы, не золото и серебро, не красота одежды, но потаенный

сердца человек в нетленной красоте непорочного духа – сие есть угодно пред Богом (1Пет. 3:3–4).

И благо нам, если и нас влечет к себе неудержимо всякая духовная красота, без тени разлагающего критиканства, тайной зависти и недоброжелательства; благо нам, если мы не утеряли чутья и вкуса духовного, не утеряли этого возвышающего и облагораживающего стремления поклониться нравственному величию, радоваться виду святости, искать ее, ей кланяться, жаждать ее общения и в ее предстоянии спрашивать, в голосе сердца, в глубине совести: что нам делать? Умрут эти стремления, замолкнут, ослабнут, порвутся эти душевные струны – умрет тогда и человек, как человек, и останется в нем только умный зверь, останется одна пищеварительная машина. Горькое, устрашающее знамение в том, что почитаемая всенародно святыня не удерживает алчности грабителя, что святая обитель не останавливает поднятой руки разбойника; недаром ужас объял сердца при вести о недавнем ограблении этой святой обители и о возмутительном насилии во время богослужения над беззащитными иноками и богомольцами. И напротив – добрый знак, что православный люд наш так привержен к богомолениям и паломничествам.

Добрый знак, что и вы, братья, пришли сегодня к преподобному.

Ищите же всю жизнь святости, кланяйтесь ей духом и телом, как пришли поклониться сегодня! И да будет у нас пред духовными очами образ преподобного Антония, великого носителя святости, нравственного величия, красоты духовной и благодати. Такие люди, умирая телом, живы вечно духом, побеждают самое время и чрез тысячелетия освещают и согревают людские сердца. Один из учителей церковных (Симеон Метафраст) говорить о них: «это звезды путеводные на небе духовном».

Взирая на звезды эти, позаимствуемся и мы от света их. Аминь.

Женщина и женское образование[56]

Не без чувства смущения услышал я призыв со стороны достопочтенных устроителей этого вновь открываемого учебного заведения – совершить сегодня здесь священнодействие молитвы и учительного слова. Не без чувства смущения я выступаю для проповедания слова христианской истины и в настоящие глубоко важные и торжественные, а для открываемой прогимназии – поистине исторические минуты. В эти минуты, столь важные, в этом собрании, столь необычайном, хотелось бы коснуться и вопросов не временных и случайных, не частных и мелочных; хотелось бы затронуть основные и важные интересы современности, в их отношениях к образованию и воспитанию вообще, и в частности – к образованию и воспитанию женскому. Но в наше тревожное время, при господствующей среди нас прискорбной разноголосице мнений и воззрений, кто способен достойно сказать об этих вопросах, сказать и с должною силою авторитета, и с должною силою одушевления и покоряющей убедительности? Религия и наука; религия и воспитание; религия и школа; стремления сделать человека сыном неба – со стороны одних, а со стороны других – ожесточенно настойчивые желания указать человеку место только на земле и заставить его совершенно забыть о небе; христианство и современность; дух царства Божия и дух мира; евангельское учение о нравственном достоинстве и назначении женщины и стремления современного феминизма, – все эти вопросы как бы сразу теснятся в сознании при открытии нового женского учебного заведения у всякого, кто вдумчиво прожил последние десятилетия нашей общественной жизни. Вопросы тревожные, насущные, глубоко важные!

Вот только что мы прослушали сейчас старую и известную, но вечно юную и трогательную историю благословения Спасителем детей, возобновили в сознании Его благостные слова о малых сих. В пору полного и, по-видимому, окончательного падения семьи, в век, когда воспитание детей

считалось занятием унизительным и передавалось в руки раба, как бы новый ток жизни внесен был в одряхлевший и гибнувший общественный строй древнего человечества прочитанными сейчас евангельскими словами. Дети в христианском мире стали не только равноправными членами царства Божия, но и предметом особо нежных забот и попечений. Первые христиане резко отделились от языческой жизни прежде всего своим семейным строем и воспитанием детей. Но и в составе семьи, и в общем строе жизни никто не почувствовал такой заметной и благодетельной перемены, как *женщина. Ее возвышение, признание за нею духовной ценности и ее равноправность* с мужчиной в области духа, – все это впервые и провозглашено и осуществлено было христианством. Мы проходим намеренно молчанием попытки греческих философов поднять до себя женщину (гетеры) Эти попытки, притом единичные и исключительные, имели в виду только умственное развитие женщины, от которой требовалась при этом слишком тяжкая жертва: потеря стыдливости, нарушение целомудрия и чистоты, оскорбление общественной нравственности. Лучшая часть женского мира не в силах была решиться на такую жертву, которая, в конце концов, могла и должна была принести обратные желаемым результаты и унизить женщину еще более. Не то было в христианстве. Инстинктивно почувствовала это женщина, и пошла навстречу небесному благовестию, новому учению жизни с тою горячностью чувства, с тою беззаветною преданностью, на которую способно только женское сердце. И откуда только брались силы у этого слабого, доселе презренного и как бы стоящего вне жизни и деятельности существа? Она проповедует христианство наравне с апостолами; она первая спешит на церковное собрание; она же первая в благотворительности и служении ближним; она бестрепетно умирает за Христа на кострах и публичных казнях; она тихою и неприметною работою воспитания молодых поколений подготовляет будущих крепких и надежных воинов *царствия Божия*. «Ах, какие женщины у этих христиан!» – вырвался невольно восторженный клик у одного из самых ярых и притом образованных врагов христианства (философ

Ливаний). Равная мужам в труде и подвиге, равная им в обязанностях, женщина, естественно, становится равною им и в духовно-нравственных правах. Уступая мужчине в физической силе, уступая ему в тех поприщах общественной деятельности, которые, естественно, были недоступны для нее в силу физического ее неравенства с мужчиной, женщина в главном и существенном является равною мужчине великим религиозно-нравственным равенством пред Богом, – равенством своей духовной природы, богозданной и богоподобной, имеющей те же силы и средства, то же достоинство искупления и благодатных даров и те же нескончаемые, вековечные идеалы, которые дарованы и мужчине. Ярче всего нравственное достоинство и духовное равенство женщины с мужчиной выступает в образе той Преблагословенной Девы, рождение Которой сегодня светло празднует св. Церковь. У нас мало вдумываются в Ее образ и в значение Ее жизни и особенно – девического обета. Среди народа, который указывал женщине только одну обязанность и одно достоинство – чадородие, в век, когда вне семьи, вне рождения детей, как будущих воинов и граждан, женщина считалась и называлась «праздною», существом лишним и негодным, – является Девушка, Которая без шума, но твердо, вопреки общим взглядам и обычаям, отказывается от замужества и посвящает Себя особому роду – духовной жизни, который избирали только лучшие из мужчин. Обет был выполнен до конца, и этим наглядно и для всех ясно показана была полная духовная равноправность женщины с мужчиною, как существа духовно-нравственного; стало ясно, что и вне семьи, независимо от каких-либо внешних определений, сама по себе, по своей духовной сущности, женщина имеет цену и достоинство пред людьми и Богом. Когда же Благословенная в женах по окончании земного поприща исповедуема была вселенскою Церковью, как честнейшая херувим и серафим; когда Она достигла той высоты святыни, до которой не достигал никто из земнородных: тогда пред лицом всего мира, пред лицом всех верующих было поднято значение женщины и ее нравственное достоинство до высоты поистине невиданной, невообразимой, недосягаемой. Не мужчина, а

женщина достигла этой высоты, и посему Дева Пречистая есть украшение, защита, хвала и радость для женщины всех веков и всех народов.

Не то ли говорит нам все прошлое христианских народов? Посмотрите на европейские народы, сменившие в историческом преемстве одряхлевший мир греко-римский: сколько веков держалось и держится там особо благоговейное почитание Мадонны! И разве это всеобщее, особенное почитание ее не отразилось на положении женщины? Посмотрите на наш народ святорусский! Вот среди тьмы его языческой жизни забрезжил впервые свет христианства. Что же мы прежде всего видим в народе, жившем в грубости и многоженстве, строившем свой семейный быт на умыкании жен и девиц? В Киеве, матери городов русских, первый и главный храм, святыня всенародная, устраивается в честь Богоматери; это факт огромной важности в отношении к предмету, о котором у нас речь. Отливает потом русская жизнь к северо-востоку, – опять и стольные Владимир с Москвою, и другие постепенно возникающее центры русской государственности и гражданственности (Кострома, Нижний, Казань) имеют главными святынями храмы Богоматери, и призыв: «постоим за дом Пресвятыя Богородицы» становится всенародным кличем на святой Руси. Нетрудно понять, что это означало и какое действие производило на семейную жизнь народа, и нетрудно видеть, как постепенно, под влиянием христианства, должно было подниматься значение женщины, по крайней мере, в сознании лучших представителей общества.

Что бы ни говорили ярые последователи феминизма, женщина, вне духовного своего склада, духовной красоты и нравственного достоинства, предоставленная только животной, беспощадной борьбе за существование, как несомненно слабейшая физически, должна была бы уступить мужчине поле жизни. Вне религиозного освещения, вне духовной своей равноправности, она быстро низвелась бы до положения первобытного рабства и унижения, из которого никогда не могла бы подняться. Сила ее – нравственная, духовная сила. И чем выше в духовном отношении то или другое общество, чем более оно способно ценить силу и красоту духовную, тем выше

и почетнее будет среди него положение женщины. Но духовные сокровища, дающие женщине цену и возможность не только сравняться с мужчиной, но, как нередко бывает, и превзойти его этими духовными сокровищами, вообще впервые оценило и, в частности, ярко осветило их в женщине христианство. Отсюда понятно: и в том, что есть несомненно верного в современной борьбе за права женщины, существенное и главнейшее принадлежит христианству; чтобы окончательно убедиться в этом, стоит только вспомнить о положении женщины в древнем и современном язычестве и мусульманстве; последнее в своей религиозной догме даже не отводит женщине места в загробной жизни. Правда, многие из современных защитников прав женщины отошли от христианства и в своих воззрениях исходят как будто из других начал, но это только по-видимому: в том, что есть истинного и ценного в их воззрениях, они только повторяют то, что давно провозглашено христианством; только повторяют они это в иной, нередко изуродованной форме. Это – река, об источнике которой забыли; это – сумерки, что светят отраженным светом солнца, которое уже скрылось и не видно за горизонтом…

Каково же поэтому должно быть отношение женщины к религии и вере Христовой? Каково же должно быть по направлению образование и воспитание, которое дается женщине и дома, и в назначенной для нее школе? И каково безумие, и какова неблагодарность, обуявшая некоторых ревнителей женских прав и образования, которые указывают женщине путь к равноправности и возвышению в безрелигиозности и отпадении от Церкви!

Есть научный закон, непреложно и неизменно наблюдаемый в природе, – закон согласования с образцом, с типом. По этому закону каждое существо воспроизводит в жизни то, что могутно заложено в его типе; следование этому закону обеспечивает существу жизнеспособность; отступление от него влечет неминуемое вымирание. Тот же закон и с тою же непреложностью повторяется и в мире духовном; отступление от основных начал человеческого духа, сущность которого есть богоподобие, деятельно развиваемое и осуществляемое, влечет

за собою медленное, но неуклонное вырождение… Примените это к женщине. Ее сила и сродная сфера – область чувств, живых и глубоких; среди этих чувств главные везде и всегда – чувство религиозное и чувство нежной любви, доходящей до самоотвержения. Выполнение этих начал делает женщину сильною и бодрою, потому что она чувствует себя тогда в сродной и естественной сфере, как птица в воздухе или рыба в воде; отступление от этих начал, напротив, влечет за собою слабость, бессилие, вырождение и душевное уродство. Трудно представить себе что-либо противнее этого уродства – безрелигиозной женщины… К несчастью, встречается оно ныне нередко. Зло, как и добро, и даже иногда более, чем добро, отличается стремлением подчинять себе окружающее и как можно шире распространяться… И вот, в виду этого-то и теснится в душе тревожный вопрос: что-то принесет обществу это новое учебное заведение? Радость или горе? Свет или тьму? Станет ли оно на стороне добра или зла? Время ведь переживаем мы, поистине, тяжелое!

Пожелаем же, чтоб отмеченное уродство духовное далеко было от этих стен и чувствовало бы себя здесь чуждым и одиноким. Пожелаем, чтобы бес неверия и противогосударственных воззрений, к прискорбию, ныне слишком близко подходящий к нашей молодежи, находил себе здесь постоянный могучий, победоносный отпор в твердых религиозно-патриотических чувствах как учащих, так и учащихся. Пожелаем, чтобы свет религиозной веры никогда не померк в этом новом рассаднике знаний научных. Пожелаем, чтоб образ Богоматери, лучшей и святейшей из женщин, был бы не только изображен здесь художеством на этой иконе, но чтоб он был глубоко начертан и в сердцах тех девочек, которые будут получать здесь образование и воспитание.

Мы переживаем знаменательное время. Во дни, когда в одной и притом передовой нации во имя свободы грубым насилием изгоняют религиозных женщин из религиозных школ, в это время с высоты самодержавного престола русского раздался призыв к руководителям школьного дела вести воспитание подрастающих поколений на твердом основании

христианской веры. Мы разумеем последний рескрипт Государя Императора министру народного просвещения. Воистину, благовременное сказано слово; тревожные события последних лет властно заставляют в него вдуматься. Да будет благословенно имя боголюбивого Царя, да будет сильно и действенно Его благое слово, и пусть оно отрезвит неразумных. Ибо есть, без сомнения, и в среде нашего образованного общества лица, которые не прочь выразить сочувствие и словом и делом отмеченному проявлению европейской лже-свободы и воздвигнуть меч и в жизни и в школе против Христа и Его служителей. Если где, то уже около школы и в школе таковым *нет места!* В русском царстве, где *элементы религиозные и государственные* переплелись и срослись между собою, как нечто цельное и единое, у кормила правления школьного не могут стоять люди безрелигиозные и враждебно настроенные против Церкви. Да, им здесь не место, и слава Богу, что словом царским властно сказано этим одушевленным служителям зла: руки прочь!.. Если в них есть хоть немного самой простой порядочности; если они не обратились в совершенно бесчестных людей; если они не лукавые и низшие предатели, самым фактом службы делу народного образования показывающие принадлежность тем началам, которые на деле они предательски разрушают; если в них есть хоть сколько-нибудь добросовестности, – они должны отойти от святого дела обучения и воспитания детей. Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, яко тает воск от лица огня! Ибо на все века сказано народам христианским слово Спасителя: *«оставьте детей приходить ко Мне и не препятствуйте им»* (Мф. 19:14).

Милые дети! К вам последнее слово: Поздравляем вас с открытием прогимназии и с началом учебных занятий! Радуемся за вас и молим и желаем вам радостей и светлого будущего. Растите, милые, Богу нашему во славу, родителям на утешение, Церкви святой Божией, дорогому отечеству нашему на славу! Вот сегодня миллионы христиан воспоминают рождение маленькой девочки Марии, Дочери Иоакима и Анны. Смотрите, это была такая Дочь, что за Нее и доселе, почти 2000 лет, христиане прославляют Ее святых родителей; мало того: о

рождении Ее говорится в песнях церковных, что оно возвестило радость всей вселенной. Вот и сейчас пред вами, дети, Ее образ; он будет здесь постоянно у вас пред глазами. Будьте же подражательницами Пречистой Девы! Несите радость всем окружающим вас; вырастайте и учитесь для того, чтобы всем около вас было радостно, тепло и светло. Но помните, что одними знаниями наук вы этого не достигнете. Оттого, что вы хорошо выучите грамматику или арифметику, никому около вас не станет ни светлее, ни теплее. Нужно, чтобы ваши знания были согреты верой Христовой, любовью к Богу и Его закону, усердною молитвою. Видели ли вы зимою солнце? Оно ярко светит, да не греет. Это вам подобие науки без веры. Видели ли вы летом знойное солнце в безводной местности. Оно и греет, оно и знойно, но без влаги вместо того, чтобы оживлять растение, оно убивает его. Это вам подобие человека, очень умного, много знающего, но не имеющего доброго сердца, не знающего и не исполняющего закона Христова, закона любви к ближним.

Растите же, милые, учитесь и учитесь, богатейте познаниями и становитесь все более и более умными, учеными; но становитесь вместе с тем и все более и более верующими, набожными, добрыми, кроткими, любящими! Как некогда евангельских детей, да благословит и вас, дети, Христос Спаситель и да осенит вас Своим покровом Пресвятая Богородица! Аминь.

Труд[57]

Повторим в сознании нашем, возлюбленные дети, слышанную сегодня за литургией евангельскую притчу[58].

Так погиб богач для вечности и спасения. За что же ему такое наказание? За что он пострадал и удален от Бога навеки? Когда вдумаешься в притчу, то видишь, что изображенный в ней богач был лучше многих других: ничего не сказано, чтоб он нажил богатство нечестно, чтоб он был убийца, или грабитель, или обманщик; не сказано, чтоб он обижал своих ближних. Многие ли из современных богачей позволили бы нищему Лазарю лежать у ворот их роскошных домов и питаться крошками от их стола? Богач евангельский был добрее их и ничего злого бедняку он не сделал. За что же, однако, он осужден? Неужели за то только, что он был богат? Так нередко думают и говорят большею частью бедняки в порыве завистливого озлобления.

Но так рассуждать, значит – рассуждать не по-христиански. Слово Божие нигде не говорит нам, чтобы богатство было само по себе грех, а бедность – добродетель. Если бедность не порок, то и богатство – не укоризна; если бедные не спаслись в царстве Божием только за свою бедность, то и богачи не погибнут только за свое богатство. Яркий пример и наглядные тому доказательства представлены в притче же: Авраам был богат при жизни, очень богат, имел стада, – много скота, имел много серебра и сотни рабов; однако, по изображению рассказа, он утешается в раю, а богач притчи – в аду.

Было бы долго выяснять подробно вины богача, но для назидания и научения, особенно вашего, дети, остановимся только на одной мысли. То правда, что Господь не запрещает богатства, не запрещает радости, веселья и ликованья. Но вместе с тем Господь заповедует человеку труд и труд: шесть дней делай и твори в них все дела твои. А в другом месте слово Божие говорит: кто не трудится, тот пусть и не ест. Таким образом право на радости и удовольствия дает труд. Итак, не за то осужден богач, что роскошно одевался и имел богатство, не

за то, что веселился, а за то, что он веселился каждый день, непрерывно, за то, что не снимал с себя никогда порфиры, за то, что не трудился на земле, и поэтому прожил жизнь человеком лишним, ни для кого не нужным и для всех бесполезным. Он украл у мира и у бедных ту огромную пользу, которую мог бы принести своим трудом и добрым употреблением богатства.

Так, дети: трудиться – это долг всякого. От этого долга не свободен никто: ни богатый, ни бедный, ни знатный, ни убогий; все должны работать, каждый имеет обязанности, сообразные возрасту, званию и положению. Праведный Иов был очень богат, богаче всех в своей земле, но вот что говорит он: «как птица создана летать, так человек создан трудиться». Только невозможность и бессилие освобождают от этой обязанности; таковы: люди старые и маленькие дети, больные, калики. Но тем более должны трудиться молодые и здоровые, чтобы доставить все нужное не только себе, но и для тех несчастных, которые сами не могут своими трудами заработать хлеба.

Сильным и здоровым оставлен нищий, сироте они должны быть помощниками, – так говорить слово Божие (Пс. 9:35). И вот, леность производит другой страшный порок, за который осужден и богач: немилосердие к бедным, нуждающимся в нашей помощи.

Вы, дети, теперь подрастаете и готовитесь к жизни. Сами видите, что жизнь готовит человеку труд, и в труде-то и будет заключаться жизнь. Приучайтесь же теперь к труду. И дома, в своей семье, каждый трудись чем можешь и на что указывают старшие, и в школе старайся трудиться и трудиться. Удовольствия, игры и радости не уйдут, есть и на них время; да и самый ваш возраст, ваше здоровье есть уже удовольствие и радость. Радость еще увеличится от труда: чем более потрудитесь, тем радостнее будут ваши игры, забавы и удовольствия. Если же теперь не приучитесь к труду, то, помните, на всю жизнь останетесь бездельниками, а от безделья – голод и несчастье, от безделья – все пороки. Но предположим, что от родителей получите вы богатство, которое и при лености даст вам возможность прожить и безбедно и

радостно. Таким устрашение и урок в богаче, о котором рассказано в сегодняшнем евангелии. Не угодна Господу и влечет погибель бездельная жизнь; люди бездельные – лишние люди.

Вы знаете, многие уходили и уходят от мира для постоянной молитвы и спасения в обителях, или, как было в старину, в пустыни. Но и там нужен труд и труд. Однажды величайший из подвижников – преподобный Антоний, подвизаясь в пустыне, вопросил Господа: что мне делать, чтобы спастись. И тотчас он увидел пред собою человека, очень похожего на себя: человек этот молился, потом трудился, снова молился, и снова принимался за труд. Из этого св. Антоний понял, что Бог требует от нас постоянного труда и постоянной молитвы.

Молитесь, дети, и трудитесь, трудитесь и молитесь, и тогда вы будете не лишними людьми в жизни, тогда вы будете угодны Богу и избегнете той тяжелой участи, которой подпал евангельский богач, изображенный в слышанной сегодня притче.

Господь говорит нам: Блажен человек, который возьмет ярем свой – труд свой от юности своей. Аминь.

Воинское дело и звание[59]

«Приходили к нему воины и спрашивали: Что нам делать? (Лк. 3:14).

Священное писание рассказывает нам, что на предрассветной заре христианства явился великий пророк-проповедник, приготовлявший людей к принятию Спасителя. Как только вышел он из своего пустынного уединения и стал на великом и людном пути иорданском, тотчас же огненное слово его потрясло сердца слушателей, и «приходили к нему и Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность иорданская» (Мф. 3:5), приходили люди всех возрастов, званий и состояний, повинуясь врожденному и неистребимому в человеке влечению к нравственному и совершенному; приходили и вопрошали пророка о пути жизни, богоугождения и спасения. В числе других приходили к нему и подобные вам, братие, – воины и также спрашивали Иоанна Крестителя: «а нам что делать?» Простые жизненные и удобопонятные ответы давал пророк всем искавшим у него наставления; такой же ответ дал он и воинам, применяясь к их тогдашнему быту и господствовавшим в то время среди них порокам и недостаткам: «никого ни обижайте, не клевещите и довольствуйтесь оброками вашими». Это означало: «не употребляйте во зло вашей силы, не употребляйте ее для низкой корысти, исполняйте ваш долг и призвание, а призвание ваше – защищать других от обид, а не быть обидчиками, способствовать порядку и устройству, а не расстройству жизни».

Окончил свое земное поприще великий пророк, и вот вышел на дело учительства и спасения людей Сам Господь Спаситель, им проповеданный. Во днях Его плоти, в трудах Его земного служения, в числе первых последователей около Него стали прежде всего ближайшие ученики Иоанна Крестителя, как наиболее подготовленные к слушанию и проповедованию нового завета и царства Божия на земле. В их числе и одним из первых был впоследствии любимейший апостол Иисуса Христа Иоанн Богослов, память которого сегодня празднует св.

Церковь. Божественный Учитель всегда был окружен ищущими глаголов живота вечного; были среди них, несомненно, и воины, и о некоторых таких ищущих правды вечной воинах, в назидание нам, сохранились указания в евангелиях. Так, сотник в Капернауме проявил такие нравственные силы, такую веру, любовь и смирение, что пред всем народом удостоился высокой и редкой похвалы из уст Спасителя, причем здесь же Господь благоволил указать на него, как на образ бесчисленных избранников из всех народов, которые придут и возлягут на пиршестве веры в новом и вечном царстве Христовом. Знаем из евангелия и о другом сотнике, который стоял на страже у Креста Иисусова и в час Его смерти исповедал веру свою в Спасителя мира.

Прошли с тех пор века христианской истории, и на протяжении всех этих веков христолюбивое воинство водружало кресты на своих знаменах, сражалось и умирало за веру и из своих рядов дало и исповедников, и мучеников за Христа. И Церковь, благословляя воинство, молилась о нем и в лики святых внесла многих, многих, которые были добрыми воинами и слугами царей земных и в то же время добрыми воинами и слугами Царя Небесного.

Но вот уже в наше время пронеслось над умами и сердцами иное веяние, которое объявило воинство, любовь к отечеству и защиту родины позором, разбоем и преступлением. Мы не стали бы о нем и говорить, но оно прикрывается именем христианства, а один из его провозвестников, автор новой веры и нового евангелия, объявивший себя самозвано учителем мира, можно сказать, забросал нас текстами из евангелия и священного писания и всего более из посланий апостола любви – св. Иоанна Богослова, ныне нами прославляемого. Прельстившись этим видом благочестия, забыв, что и дьявол, искушая Спасителя, тоже ссылался на священное писание, и, однако, был далек от истины, забыв, что можно быть великим художником слова, но плохим мыслителем и религиозным учителем, к новому, лжеименному учителю приходили многие и многие и, странное дело, – он уверенно и властно давал им ответы о пути и смысле жизни, которую он, по собственному

признанию, сам провел безумно и беспутно, и о воле Бога, в Которого, как в личное и волящее существо, он, лжеименный учитель, сам не верил… Приходили к нему, в числе других, и воины, и готовящиеся быть воинами, вопрошая его: «Что нам делать?» И вот раздался ответ, который скоро обратился в озлобленную и страстную проповедь по всему миру; проповедь гласила: «не нужно самого воинства, воинство есть позор и преступление; воин есть разбойник, а защита родины есть разбой». И здесь, в пределах этой страны, в виду рассеянных здесь всюду могил славных и безвестных героев, кровью поливших этот рубеж России, не среди врагов наших или инородцев, а среди коренных русских людей раздалась эта смутительная и в государственном отношении самоубийственная речь; она поколебала темную, невежественную массу, и 8.000 русских людей ушли из Русского царства, навсегда погибли для Церкви, для родной страны[60].

Не знаем, может быть, вы, воины, занятые своим делом, своим долгом, не замечаете и не слышите озлобленного отрицания, направленного против вас и самого вашего существования, но мы видим и слышим его в окружающей жизни и в отразительнице жизненных явлений – в литературе. Впрочем, не могло оно пройти мимо вас незаметным, и мы знаем воинов, которые перенесли много нравственных пыток, много мучительных сомнений и колебаний, разрешая роковой для них вопрос: быть или не быть им в рядах защитников родины; мы знаем многих ваших родных и близких, которые страдали за вас, разрешая все тот же вопрос, в который внесено столько тьмы и смуты новым лжеименным учителем жизни.

Не смущайтесь, возлюбленные! Воинство – не шайка разбойников, защита родины – не разбой, смерть за веру и отечество – не позор, как бы красно, как бы искусно ни силился опровергнуть эту истину наш барствующий философ, возомнивший и объявивший себя учителем жизни! Если справедливо присловье: «скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты», то не менее справедлива и обратная мысль: «укажи мне твоих врагов, и я тебе скажу, кто ты».

Посмотрите же, откуда идет это отрицательное, озлобленное веяние? Откуда идет эта страстная проповедь против воинства, это стремление подорвать в основе любовь к отечеству и сделать невозможною защиту родины? Идет это из лагеря врагов всякого порядка, из кружков анархистов, которые силятся уничтожить всякие крепкие организации, чтобы на развалинах порядка создать свое личное благо. Среди этих организаций Церковь в духовной области и воинство в области внешнего устроение жизни являются главными и основными. И это вполне естественно. Не только всемирная, но и предмирная история в горнем мире духов открывается борьбою добра и зла; борьба эта переходит и в мир разумно-нравственной твари на земле, и с тех пор борьба добра и зла красною нитью проходит в истории человечества и составляет одушевляющее и движущее ее начало. Для борьбы с мировым злом приходил на землю Сам Сын Божий, да разрушит дела дьявола, и в первые же дни Своей земной жизни Он был пророчески объявлен знаменем, около которого до скончания веков будет происходить ожесточенная борьба верных и неверных. В сокровенной и невидимой области духа эту борьбу добра и зла ведет Христова избранница и продолжательница Его дела на земле – святая Божия Церковь; ведет она борьбу и из окружающего мрака зла видит в светлом грядущем победу; бодрость, силу и веру дают ей отрадные и вечные слова обетования ее Главы – Христа: *«созижду церковь Мою и врата адовы не одолеютея»* (Мф. 16:18).

А в области внешнего и видимого обнаружения зла ведет с ним борьбу христолюбивое, христоименитое воинство. Естественно, если оно хочет быть победоносным, если оно желает осмыслить высшим смыслом свое существование, оно должно быть в единении с тою несокрушимою духовною силою, которой обетована навеки победа и неодолимость силами зла и ниже вратами ада.

Неудивительно поэтому, что Иоанн Креститель дал обычные наставления воинам, заповедал им избегать пороков, распространенных в их среде, но не отрицал самого звания воинского и не приказывал им оставить его. Неудивительно, что

и Спаситель, похвалив нравственные достоинства капернаумского сотника, не повелел ему сложить воинские доспехи, не повелел ему даже, как другим, оставить дела житейские и следовать за Собою, но оставил его у долга его служения. И было бы, напротив, удивительно, если бы ученик Иоанна Крестителя и ученик Иисуса Христа – Иоанн Богослов, как хочет навязать нам современный лжеименный учитель и автор самоизмышленной веры и евангелия, был, вопреки голосу двух своих Учителей, врагом воинства и противником защиты веры и родины. Неудивительно, далее, что первые христиане охотно и во множестве служили в рядах войск и если оставляли воинское звание, то в том только случай, если их заставляли кланяться кумирам и признавать за божество цезаря; неудивительно, что при императорах-язычниках состояли целые легионы из воинов-христиан и среди них знаменитый legio fulminatrix при Марке Аврелии; известно, что из воинов вышло много мучеников за Христа, много великих благотворителей, много святых, которых доныне чтит св. Церковь. Один из недавно умерших русских писателей, мыслитель-христианин[61], делает даже такое замечание: «Посмотрите, – говорит он, – в числе наших святых все больше или монахи или воины». И действительно, цари, князья-воители, умиравшие за веру, сражавшиеся за веру и отечество, и Константин Великий, и Владимир Святой, Борис, Глеб, Игорь, Довмонт, Андрей Боголюбский, Михаил Черниговский, Михаил Тверской, Александр Невский и друг., – все эти воины почитаются в Церкви, как святые, наравне с величайшими преподобными подвижниками.

Неудивительно, наконец, что и доныне Церковь благословляет христолюбивое воинство. Великая, величайшая, несокрушимая сила в этом единении Церкви и воинства: когда Церковь воодушевляет и подкрепляет воина в исполнении долга его звания, в его готовности умереть и пострадать за избранную идею, и когда воин эту идею берет у Церкви и в своей жизни и деятельности исполняет задачи Церкви на земле. Это – тело, соединенное с духом, живое, действенное и мощное; это – мощь, способная победить все препятствия,

страшная для царства зла[62]. Знают это темные силы зла, и поэтому со всею злобою и страстностью восстают против союза христианства и государства, Церкви и воинства и объявляют его противоестественным.

Противоестественный союз христианства и государства. Но кто же ратует здесь за христианство? Или потомки и единомышленники распявших Христа, или люди, которым по безрелигиозному направлению так же пристало распинаться за христианство, как Иуде пристало бы отстаивать верность и бескорыстие.

Противоестественный союз Церкви и христолюбивого воинства! Но не противоестественно ли было бы обратное явление? Возьмем самый простой и наглядный пример. Вот пред нами разбойник, грабитель и многократный убийца, приведенный и представленный на суд, и вот пред нами георгиевский кавалер, проливавший кровь на поле брани, со следами ран, увечий и пережитых страданий. Неужели в нравственном отношении их можно поставить на одну доску? Отчего против такого сопоставления возмущается здоровое нравственное чувство? Отчего оно никак не укладывается ни в голове, ни в сердце? Дело очень простое. Оттого, что один шел убить, а другой шел и умереть; один идет во имя свое, во имя личной пользы, узкой корысти и себялюбия, а другому, напротив, личное-то себялюбие подсказывало убежать с поля брани, но он шел во имя Бога, за Церковь, за родину, за других, за ближних прежде всего, а не за себя. Просто и убедительно выяснил это различие один из святых первоучителей славянских, равноапостольный Кирилл, в мире Константин-философ. Когда в споре с неверными последние указывали ему на видимое противоречие христианства, заповедующего любить ближних и в то же время допускающего войну, св. Кирилл спросил их: «какую, по вашему мнению, заповедь нужно прежде всего исполнить: большую или меньшую?» Ему ответили: «большую». Тогда святой сказал: «правда, Христос заповедал любовь к ближним, но Он дал и другую заповедь, которую Сам же и назвал наибольшею: *«больше сея любви никто же имать,*

да кто душу свою (жизнь свою) *положит за други своя»* (Ин. 15:13).

И где же, как не здесь, на этих окружающих нас в эти минуты удолиях и высотах, поучаться этой истине? Не здесь ли мы стоим, воистину, *на "кровях"*, как выражались наши предки? Не здесь ли полегли костьми тысячи и десятки тысяч безвестных героев-мучеников, страдальцев за веру и отчизну, не здесь ли они обагрили кровью эту чужбину, эти скалы и камни, эту негостеприимную землю? Они шли, готовые на смерть, неведомые безвестные герои, совершая подвиг в тайне своего духа только пред лицом Бога, шли умирать и знали, что там за ними стоит благословляющая их родная Церковь, которая без их подвига померкнет и поникнет пред неверным полумесяцем, стоит и родимая Россия, которая привела их сюда, исполняя богоуказанную мировую свою и христианскую задачу на Востоке. Разве их не тянуло домой? Разве не тянуло их к свету, теплу и покою, в мирные и дорогие семьи? Разве в последние предсмертный минуты не представлялись им близкие и родные образы?

О, не забыть мне до гробовой доски тех чувств и впечатлений, который я испытал на другом таком же братском кладбище, в нашем многострадальном Севастополе. Вот на историческом холме раскинулась и разрослась зеленая роща – жизнь на месте смерти. Какая священная тишина, какой царит мир! Идешь в этом безмолвии посреди бесчисленных могил и в онемении чувств читаешь знаменательные и поражающие надписи: такой-то и там-то убит, смертельно ранен, разорван на части... Братская могила в 100, 200, 300 человек... Братская могила в 500, 700 человек... Да, кто хочет учиться уважению к воинству, кто хочет понять и оценить его труд, подвиги и заслуги, тот должен идти на братское воинское кладбище!

Вот оно и сейчас перед нами. Двадцать пять лет минуло с тех пор, как засеяна эта Божия нива. Кругом уже не чужбина, а святая Русь, кругом уже не громы войны, не бранные клики, не шум оружия, не залпы орудий, а тихая и мирная молитва о почивших. Надвинулась русская государственность, закипает мирная гражданская работа, насаждается просвещение,

блистают кресты на храмах, и стройно клирное несется пение, и дым кадил, и фимиам молитвы возносятся к этому ясному и прекрасному небу, и первосвятитель обширного края, представитель великой и славной русской Церкви, мирно свершает архипастырский путь по умиренному краю и в сослужении сонма священнослужителей свершает сейчас молитву о вас, почившие здесь, доблестные воины…

О, спасибо вам, спасибо с доземным поклоном вам, православные воины, родимые герои-мученики безвестные! Все, что мы видим здесь кругом, это – пышные всходы и плоды на ниве, которую вы полили потом и кровью! В небесных селениях, в стране невечернего света и незаходимого солнца, слышите ли вы, родимые, наши благодарные хвалы? Согреют ли вас в сырой земле, в холодных могилах наши слезы, наша любовь, наши молитвы? Пожнете ли радостью вы, сеявшие слезами и горестями? Чувствуете ли вы, что кругом вас уже не чужбина, а Русь святая, православная раздвинулась над вами, что склонилась над вами с нежною любовью, с материнскою молитвою родимая Церковь, с ходатайством о вас пред Вечною Правдою, пред Христом, вашим Господом? Чувствуете ли вы, что вокруг вас все, что вы любили в жизни, что было вам близко, дорого, за что в труде и смертном подвиге на этом самом поле чести вы некогда положили ваши души?

О, Боже духов и всякия плоти! Ты скорбящих мир и Нуждающихся отрада, дыхание живых и мертвых жизнь и воскресение! Призри с небесе, Боже, и виждь на ниву эту, на которой еще так недавно косила неумолимо страшная коса смерти, и всем почившим здесь, их же имена Ты, Господи, веси, пошли небесную радость, мир, упокоение и вечную память! Аминь.

Домашняя церковь[63]

Поздравляю вас с совершившимся над вами священным таинством брака. Знаю, что вы оба – люди, глубоко в смирении сердца верующие, и поэтому уверен, что и вы сами в том, что над вами совершилось, видите не один обряд, не исполнение только требования закона или общественных условий жизни, а воистину священное таинство. Во имя этой-то веры вашей, во имя излиянной на вас сейчас благодати Духа Святого, я обращаю к вам в настоящие минуты слово нашего Господа: *«где двое или трое во имя Мое, там и Я посреди их»*. Вот вы двое соединились теперь вместе на жизнь совместную навсегда, во образ союза Христа и Его Церкви, и, по слову обетования Господня, Христос теперь посреди вас. Велико это обетование, великое, величайшее значение дано браку: он уподобляется Церкви Христовой. И апостол в писаниях своих брачную жизнь и семью прямо называет *«домашнею церковью»*.

Домашняя церковь!.. Этим сказано все и этим определяются и наши вам благожелания. Да будет у вас в вашей жизни, в вашей предначатой семье домашняя церковь! И как в Церкви все полно веры и упования, все полно благоуханья молитвы так пусть будет светло и отрадно в вашей жизни. И как в Церкви все основано на любви, на любви ее ко Христу, бесконечной любви к ней Спасителя, положившего за Церковь душу Свою, так и у вас начало и, главное, все продолжение вашей жизни да исполнится духом любви взаимной. Люди мирские видят любовь в начале брака, и «брак по любви» есть идеал брака. Не так думают люди церковные. Они не удовлетворяются этой любовью и полагают ее только в первую ступень дальнейшего и безграничного восхождения любви. Это потому, что в ней есть на первых порах много страстного, плотского, одностороннего, иногда затемняющего, а не просвещающего жизнь духа. В брачной жизни, после таинства Духа Божия, любовь должна чем далее, тем более одухотворяться, очищаться, проясняться и возвышаться;

завершение ее – в слове апостола: «тайна сия велика есть, аз же глаголю во Христа и в Церковь.»

Живите же в таком христианском восхождении любви. Пошли вам Бог, по мудрому присловью русского народа, мир, любовь и совет! Восходите в меру возраста исполнения Христова. Храните данную вам тайну благодати в вере, чистоте и целомудрии.

Отец, Сын и Святый Дух да благословит вас.... и да сподобит вас обещанных благ восприятия молитвами Богородицы и всех святых! Аминь.

Единение всех положительных сил жизни[64]

Сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем (Лк. 16:8).

Во дни торжеств церковно-общественных, – а таков именно день нынешний, – естественно, пред сознанием и слушателей церковно-поучительного слова, и в сознании его проповедника сами собою встают вопросы о благе, устроении и интересах общественных, государственных. Поэтому не будет безвременным или излишним в настоящем собрании мужей, облеченных полномочиями и доверием от Верховной власти и поставленных трудиться на различных поприщах служения благу отечества, коснуться в церковном слове одного из условий этого блага, – такого условия, без которого невозможна никакая плодотворная работа и которое, в виду особых знамений переживаемого нами времени, требует настойчивого напоминания и глубокого размышления. Оно всем известно и не представляет какой-либо новости; о нем говорят и повторяют нам с детства: но слово церковное и не задается целью представлять уму и сердцу нашему только одно новое и неведомое. Подобно тому, как на службе государственной требования закона не только объявляются вновь, но весьма нередко напоминаются к сведению и исполнению, точно также и вечное слово закона Божия и наставления Церкви преподаются нам чаще всего для напоминания и предостережения в потребных случаях.

Как ни странно это, и как ни больно сознаться, но и нам иногда бывает полезно учиться приемам борьбы со злом в лагере совершенно противоположном, в лагере самого зла. Впрочем, и в истории нашего отечества бывали случаи, когда воины одной стороны учились воинскому искусству у стороны противоположной, учились у врагов их приемам успешной и победоносной брани, учились горькими уроками – поражениями и разочарованиями. В высшей степени образно и поучительно говорит об этом явлении и святое евангелие в известной и глубокой притче о неправедном домоправителе (Лк. 16:1–9).

Нельзя было похвалить неправедного домоправителя за его нечестные деяния, но его догадливость и находчивость, его усердие и одушевление в делании и сокрытии зла поставлены сынам света в образец их служения добру и вообще в сродной им деятельности (Лк. 16:8).

Борьба служителей тьмы и сынов света – борьба вековечная. Слово Божие, прозревая тайны веков и приподнимая завесу грядущего, насколько можно и полезно знать и видеть его сотворенному оку, говорить нам, что *тайна беззакония деется* (2Сол. 2:7) непрерывно, и что *лукавые человеки будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь* (2Тим. 3:13).

Правда и то, что добро также явит силу устойчивости и одушевления; оно также найдет себе служителей, и вечеря царствия Господня не останется пустою. Но соразмерно росту добра будет усиливаться зло; так будут расти вместе на ниве мира и плевелы, и пшеница до последней жатвы, до последнего суда Божия. Необходимо сынам света следить за сынами тьмы.

Что же делают ныне и как действуют ныне предуказанные апостолом *лукавые человеци?*

Один из глубоких русских мыслителей и вдумчивый наблюдатель всемирной и нашей отечественной жизни (В. Соловьев) так был поражен открывшеюся пред его взорами силою зла, отрицания, разрушения и безумно-горделивой, сатанински-злобной борьбы против Бога, что открыто и мужественно выступил пред изверившимся образованным нашим обществом с проповедью о близком времени пришествия антихриста, а пред смертью заявил: «магистраль всемирной истории, видимо, приближается к своему концу». А сила зла и тайна успеха беззакония – в том единении носителей зла, которым они проникнуты. Не станем следить за историей и жизнью всемирной; довольно наблюдений для выводов мы видим у себя дома, в нашем отечестве. Только слепой или не желающий быть зрячим не видит, как на наших глазах силятся объединиться все отрицательные и разрушительные течения жизни. Они явно желают сплотить все недовольное и всех недовольных и озлобленных, без различия причин

недовольства; явно желают слить отдельные ручейки зла в огромную и бушующую реку, которая с бешеною и всесокрушающею силою должна пронестись по лицу России и снести, уничтожить всех сторонников и защитников положительных начал жизни: религии, нравственности,твердого и устойчивого порядка жизни, твердой и несокрушимой власти, исторически-зиждительных условий нашего церковного и гражданского строя. И посмотрите, с каким лукавством, с какой изворотливостью и лицемерием все это делается! Евангельски неправедный домоправитель кажется ребенком пред этими одушевленными служителями зла и «карьеристами смуты», как выразился о них один современный писатель. Как ночные пернатые хищники, они видят только во тьме; их сродная стихия – злоба, смута, измена и возмущение; здесь они, как рыбы в воде; их время – ночь; их промысл – хищничество и духовный разбой; их враги – солнце и свет, которые режут им глаза и заставляют прятаться в темные гнезда и норы. Они присосутся всюду, где только есть повод для чьего-либо озлобления; они как из земли вырастут везде, где только представляется удобная почва для сеяния недовольства, возмущения, измены и грязной клеветы на все высокое и положительное в жизни. Они среди возмущенных рабочих, – эти люди, которые сами никогда не работали: здесь они представятся глашатаями гуманности, защитниками угнетенных; они среди недовольной учащейся молодежи – безразлично, права ли она, или неправа, лишь бы было недовольство, – эти люди, никогда и ничему серьезно не учившиеся: здесь они защитники свободы, защитники науки. Безбожники – они представятся и религиозными, если это только полезно в их целях и стремлениях.

Какое им дело до крестного знамения, до двух или трех перстов, до сугубого или трегубого аллилуйя? Но они присосутся и к старообрядцам-раскольникам, чтобы воспользоваться ими, чтоб обратить наивных и простосердечных людей в орудие борьбы против ненавистного им государства. Нужно ли водное крещение или не нужно, нужны ли молитвы за умерших, нужны ли храмы и какие нужно принимать таинства? Они давно умерли для этих вопросов, но

охотно идут к сектантам, и в то время, как последние часто искренно и глубоко болеют всеми этими запросами, томительно ищут их разрешения, и без авторитета Церкви остаются бессильными и беспомощными, – они и здесь совершают свое черное дело озлобления и смуты... Допускается ли евангелием присяга, допустима ли война, допустима ли брачная жизнь, ядение мяса, употребление вина и табака, оправдываются ли евангелием собственность, суд, государство... Все это для них – пустые звуки и до евангелия им нет дела. Но они, проживая с блудницами, играя в карты, поядая мясо, упиваясь вином, пользуясь государственным строем, войском, судом, полицией, деньгами, последними иногда от службы тому же государству, – однако, проповедуют сочувствие духоборам и толстовцам, для которых перечисленные вопросы суть вопросы жизни; они идут к сектантам, пишут им, шлют им ободрение, восстановляют против власти, против отечества, тайно помогают их бегству из родины, агитируют, пропагандируют... Они забыли, когда посещали храм, когда слышали богослужение; но как они будут распинаться за права того или другого языка или порядка богослужения, лишь бы внести смуту в среду различных народностей и повредить государству! Они давно утеряли всякое чувство патриотизма и бичуют его всеми видами насмешки и презрения, но они готовы поддержать всякий лже-патриотизм, если только он гибелен для положительных сторон жизни и способен внести раздор в умы и сердца, разделить сторонников и защитников родины и ее верховного управления. Зло извивчиво, зло желает приспособиться везде и ко всему, лишь бы объединить все темное и выдвинуть его на борьбу со светом.

Что же делают сыны света? Что же делаем мы, желающие остаться верными сынами отечества и сынами православия? Объединяемся ли мы в виду врага злобного? Неужели все так же относится к нам слово Господа Иисуса Христа, почти 2000 лет назад со скорбью засвидетельствовавшего, что *«сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем»*? (Лк. 16:8.) К сожалению, к несчастию, это так; верно меткое слово одного из наших архипастырей-проповедников: «Зло

организовано, а добро кустарно». Нет слов, нет слез, чтоб осудить и оплакать это явление! Мы разделены, мы не понимаем друг друга, мы в постоянной борьбе и взаимных распрях, если не из-за мелочей, то во всяком случае из-за вопросов второстепенных и третьестепенных. А ведь по существу все мы служим одному делу, одной идее. Но мы не умеем объединиться принципиально в единстве идеи, мы взаимно ослабляем друг друга, на радость нашим врагам. Говорить ли о низменных мотивах этого разделения: об оскорбленном самолюбии, о мелких счетах, об озлобленной зависти при виде чужих способностей и чужого возвышения, о корыстолюбии, этой язве, которая подрывает под человеком почву и толкает его на ряд унижений и позорных сделок с совестью? Оставим этот поток зла и греха личного, но и в вопросах высших, в принципиальной области, мы не умеем спеться, и среди нас царит такая разноголосица мнений, понятий, стремлений и намерений, что удивительно еще, как мы держимся. Воистину, своя своих не познаша, свои в беседах и совместной работе со своими же не знают, «какому Богу», какой идее они служат! Сочувствуют врагам; прельщаются блестящею фразою, идущей из лагеря зла; топнут и преследуют своих, верят всякой лжи и клевете, пущенной о них врагами, – верят охотно и злорадно; осуждают, бесславят, обессиливают их давлением общественного осуждения… Улыбкою и одобрением приветствуют врагов, если только они прикрылись модной фразой и модным течением мысли. Не научившись у врагов единению, мы научились только одному разъедающему критиканству, которое способно погубить всякую жизнь в корне, потому что носит в себе источник постоянного разделения людей.

При разногласице и отсутствии единодушия что же выйдет? Выйдет то, что люди истинно добрые, деятели искрение, горячие, даже самоотверженные, при всех благородных усилиях принести пользу обществу и государству, останутся не только бесплодными в работе, но принесут даже вред. Вообразите себе, что за деревом ухаживают несколько садовников и усердных, и ученых, но несогласных между собою в вопросе о

культуре дерева; каждый будет по-своему его пересаживать, обрезывать до тех пор, пока оно не погибнет[65]. Представьте себе, что больного, даже не тяжко больного, лечат несколько врачей и умелых, и ученых, и горящих желанием помочь страждущему, но несогласных между собою ни в диагнозе болезни, ни в способах врачевания. Можно сказать с уверенностью, что дело их будет не только бесплодно, но и вредно: чем усерднее они будут лечить больного и чем охотнее и исправнее больной будет принимать лекарства, ему предлагаемые то одним, то другим врачем, тем ближе и неминуемее будет для него смерть.

Не то же ли самое может случиться и с обществом, и с государством? Не подобны ли слуги его упомянутым сейчас врачам, если не будут объединены и согласны между собою? Не даром и слово Царское всего несколько лет назад с высоты престола во всеуслышание всех слуг Царевых призывало их к единодушию и взаимному согласию всех ведомств. Да, нужно, чтобы, по примеру течений отрицательных, сил тьмы и зла, все силы положительные, – а их у нас много, очень много, – объединились между собою. И Церковь, и государство, а в частности и отдельности и служители Церкви, и деятели школы, семья, общество, суд, администрация, воинство, – все должны взаимно поддерживать друг друга, все должны сознавать, к какой единой цели, к какому единому благу стремятся, с каким врагом злобным и опасным борятся. Апостол нас умоляет: *«дополните мою радость: имейте одне мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны»* (Флп. 2:2). Неужели ждать, что нас образумят только грозные удары судьбы? Неужели терять добровольно свою собственную силу? А сила эта, сила наша – воистину велика и мощна при согласии и единодушии всех сторонников и защитников религии, нравственности и государственного порядка. Этих сторонников и защитников положительных начал жизни – великое множество: вся Россия; сыны тьмы – это только болезненный нарост на здоровом организме народном, стоит только всем положительным течением жизни объединиться: и как воск от лица огня, как легкий иней, как утренний туман при первых

лучах теплого солнца, расточатся враги общества и служители тьмы.

Но где же, спросите, сила объединения? Где источник единодушия – сильный, властный, авторитетный для совести, могущий дать человеку решимость подавить в себе собственную самость, подчиниться общему и единому во имя высшего блага и высших велений?

Не обинуясь, скажем, что сила эта – в нас и среди нас: это – религия и Божия Церковь. Здесь и источник безошибочного ведения добра и зла; здесь, в церковном исповедании, и сила авторитета, предупреждающая, подавляющая бесконечные и беспокойные блуждания мысли и чувства по распутиям и самоизмышленным теориям; здесь и побуждения, истинные и самые глубокие побуждения к одушевленному служению добру; здесь же, наконец, – и это главное, – в вере, в священных таинствах дается нам и помощь свыше, даются силы благодатные, *вся божественные силы, яже к животу и благочестию* (2Пет. 1:3), столь нужные нам при нашей слабости в борьбе с себялюбием, грехом и соблазном.

Нужно ли еще выводить и нравоучение из сказанного? Но оно без слов, само собою и слышимо, и понятно!.. Аминь.

Пустите детей ко Христу[66]

Нынешний день есть по преимуществу праздник детей и праздник семьи. Посмотрите только, братие и дети, на эту икону празднуемого ныне священного события, перенеситесь к нему мысленно, и вы увидите умилительное, трогательное зрелище, чисто-семейную картину. Престарелые родители Иоаким и Анна приносят в дар Богу то, что сами они получили, как дар, – единственную малолетнюю Дочь свою. Юная Мария, пока еще разумеющая только разумом родителей, разлучается с близкими родными и послушно вступает в церковь Божию *воспитатися пред Господем*, как сказано в песни церковной. Ее окружают юные девы-подруги. Маститый первосвященник ее приемлет и, весь объятый святым вдохновением, благословляет и родительский обет и детское послушание и вводит богоизбранную Отроковицу в неприступное и таинственное святая святых.

Но святая семейная радость выступает за тесные пределы семьи и охватывает весь мир и видимый и невидимый: горние ангели вхождение Пречистые зряще удивишася, и Церковь земная доселе славит и празднует его светло и радостно. И есть чему и удивляться и радоваться. Кто мог знать, кто мог подумать, что здесь, в тиши храма, в скромном семейном торжестве, совершается событие, величайшее по своим неисчислимым благотворным последствиям для человечества? А между тем здесь было *благоволения Божия предображение*, здесь уже и предносилась и предчувствовалась несказанная тайна боговоплощения. Один из святых отцов Церкви образно говорит, что не может корабль, нагруженный бесценными сокровищами, пристать к берегу, если не найдет удобной пристани: так и бесценное сокровище искупления и боговоплощения как бы искало в Деве Марии пристани, достойной святыни, чтобы быть переданным людям и принятым на земле. И вот, ныне *одушевленный храм – Богородица в храм Господень приводится Тому воспитатися в Божественное жилище*, как говорится в слове песни церковной; здесь, во

храме, достигла Она той нравственной чистоты, которая привлекла к Ней милость Бога и соделала достойною быть Матерью обетованного Спасителя. С тех пор история мира движется по другому пути, чем каким она шла до сего времени; с тех пор небо и земля соединились, человечество примирено с Богом, вход на небо открыт и вечное спасение людям даровано. Понятно теперь, почему событие введения во храм Богородицы радостно и торжественно празднуется святою Церковью, как одно из величайших проявлений Божия смотрения – божественного промышления о мире.

Но если отдельное событие из жизни одной семьи может вырасти до значения всемирного и премирного, то и наоборот: событие всемирное может быть полно уроков и назиданий для всякой отдельной семьи. Иначе говоря, сегодня – не только праздник родителей и детей, но вместе с тем и наставление им, подаваемое свыше.

И прежде всего к вам обращаем слова, дорогие дети-девочки. В отдаленной древности, сквозь таинственный сумрак грядущих веков богоотец Давид пророчески видел славного и великого Царя-Бога, высшего царей земных, видел около Него и превознесенную пред всеми Царицу – Матерь Божию и так говорил о Ней: *Приведутся Царю девы вслед Ея, ближния Ея приведутся в храм царев, внутрь скинии Божией* (Пс. 44).

Ближния Ея, девы грядущие вслед Ея, это – вы, милые дети! И вы посвящены Богу, по образу Приснодевы; и вы введены внутрь скинии Божией, Церкви Христовой; и вы поставлены здесь, у алтаря Господня, *воспитатися пред Господем*. Вспомните же каждая ваших Иоакима и Анну – ваших отцов и матерей, вспомните их молитвы, их слезы, их заботы, труды, лишения, воздыхания о вас, и по образу юной отроковицы Марии, явите детское послушание их воле. Вспомните, что в эти светлые минуты вашего храмового и школьного праздника там вдали, в селах и деревнях, в горных поселениях, среди снегов, среди непроходимых ущелий, по всему лицу вашей родины ваши отцы и матери ждут от вас доброго плода учения. Исполните же любовно и охотно то, за чем они привели вас сюда. Учитесь в наказании и учении

Господнем, со страхом Божиим, вырастая не в ожидании грядущих благ, не в сознании ваших будущих прав и преимуществ, а в предведении и предчувствии приближающихся к вам великих и святых обязанностей. Как будущие работницы в Церкви, как будущие и наиболее образованные члены общества, как будущие члены семьи, как будущие и наиболее сознательные носительницы заветов отшедших и отживших поколений, заветов веры, любви, чистоты, смирения, скромности, – вы нам милы и дороги, вы привлекаете к себе надежды не только ваших родителей, но и общества, и государства. Не оттого ли с такою чуткостью, с таким болезненно-напряженным вниманием относятся к делу воспитания детей люди самых различных направлений. Печально зрелище борьбы этих направлений около школы и невинных детей, когда одним хочется воспитать их, по примеру Богоматери, под крылом Церкви, напоить их благочестием, внедрить и вдохнуть в них начала любви к Богу, к ближним, отечеству, любви и послушания Матери-Церкви, – а другим хочется оторвать детей от родной почвы, воспитать на началах чуждых и для этого прежде всего отчуждить и оторвать от Церкви. Печально зрелище этой борьбы; но да будет благословенно имя незабвенного почившего Царя-Миротворца, да будет благословенно имя нашего здравствующего возлюбленного Государя: Их воля о воспитании детей в нашем отечестве ясно и твердо высказана. Отечество нуждается в таких деятелях, которые воспитаны будут в духе православия и под кровом храмов Божиих. Растите же и вы, дети, под этою благостною сенью, живите, по примеру Богоматери, здесь, у храма Божия. Она провела свои детские годы при храме в трудах и молитве: молитесь и вы, трудитесь и вы, не будьте белоручками, обузой семьи и общества; Она начала свое воспитание полным послушанием воле родителей: сделайте то же и вы; Она закончила свое воспитание обетом всецело посвятить Себя Богу: обещайте и вы отдать *сами себе и друг другу и весь живот свой* Христу Господу – служить добру, бороться со злом, отдаться долгу, какой Господь укажет в жизни, всецело, безраздельно. *«Никто, возложивши руку на плуг и*

озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия» (Лк. 9:62). А вам что сказать, родители, старшие, воспитатели? Пред вами Иоаким и Анна, приведшие Дочь свою ко храму Господа. Ему они вверили и отдали выпрошенное и вымоленное сокровище, бесценное, бесконечно дорогое, как только может быть дорого дитя отцу и матери. Слышите ли и вы голос нашего Спасителя: *«пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им»?* (Мк. 10:14.) Видите ли кругом в жизни, что народились или, лучше сказать, выродились люди, к которым прямо и буквально обратить можно это гневное предостережение Господа?

О, пустите детей приходить ко Христу, и во имя истинной любви к ним, во имя их блага не препятствуйте им. Вступит некогда ваше дитя в возраст, окружит его многошумная и многосложная жизнь людская, – и придут, придут дни печалей и скорбей, настанут дни горя и туги сердца и будут надрывать молодую грудь; зависть вокруг него сплетет свои сети, ненависть наточит свой нож... Пустите ребенка теперь ко Христу, и он в будущем не озлобится, не останется одиноким без утешения; он будет знать, куда и к кому обратиться: в храме, в котором услаждался он дитятей, обратится он к Богу, хранителю своего детства; во святых алтарях Его, как бесприютная птица, найдет он себе храмину успокоения, и как бездомная горлица – гнездо свое... (Пс. 88:4). Будут скорби, будут болезни и страдания, – он скажет с царственным пророком: *ты скроешь меня, Господи, в селении Твоем в день зол моих* (Пс. 25:5). *Объяли меня муки смертные, и потоки беззакония устрашили меня; цепи ада облегли меня и сети смерти опутали меня; в тесноте моей я призвал Господа и к Богу моему помолился, и Он услышал от чертога Своего голос мой и вопль мой дошел до слуха Его* (Пс. 17:5–7).

Уходили многие от веры и Церкви и долго, и много бродили по распутьям мира; но в кладенцах сокрушенных – в безводных колодцах мира они не могли утолить жажды своего бессмертного духа, не находили утешения, не могли заполнить пустоты души и сердца и в тоске, в унынии на пути своих скитаний иногда случайно попадали в Божий храм... И вдруг

мановением чудной власти открывалось пред ними все прошлое, вспоминалось им далекое и милое детство с его горячею верою, осеняла их тихая радость, в душу входило чувство близости к Богу[67]: и не раз бывало, что плакали сладко скорбные очи, трепетали молитвой закрытые для нее прежде уста, сами собою сгибались непослушные прежде колена, и приходили опять к вере и истине блудные дети Церкви...

А мы с вами, братие? Счастливы мы, если сохранили частицу детской веры, детских чувств, если умеем молиться по-детски! Детскими чувствами, в самозабвении слышим и мы тогда здесь, во храме, как бы бесшумный шелест чьих-то риз, как бы веяние и трепетание чьих-то крыл, чье-то невидимое, но осязательное и сладостное присутствие: то Христос коснулся души нашей, воспламененной детскою верою, то ангелы глянули нам в душу и приникли в тайники ее... Хотите ли детям этого счастья на всю жизнь, хотите ли, чтоб они не испытывали никогда ни мрачного отчаяния, ни ужасов мертвящего безверия, ни страха духовного одиночества, ни мук и терзаний блудного сына: тогда пустите их приходить ко Христу и не препятствуйте им! Пустите их, по примеру Иоакима и Анны, к вере, ко храму Божию и молитве, к религиозному научению и воспитанию; не препятствуйте, напротив, помогайте им в этом деле и словом, и лаской, и примером собственной жизни!

Милые дети! Счастливы вы, что введены во храм вашими родителями и воспитателями, по образу Приснодевы. Ее именем и радостью нынешнего праздника мы просим вас и молим: останьтесь детьми пред Богом навеки! Сохраните детскую веру, детское послушание Церкви, детские чувства и детское умиление молитвы, и, введения во храм Господень, останьтесь в нем духом навсегда, до последнего вздоха вашей жизни! Аминь.

Православные народы во всемирной истории[68]

Мы переживаем год знаменательных воспоминаний. Ардаган, Карс, Баязет, Эрзерум, Плевна, Шипка, Адрианополь, София и Сан-Стефано – это только особо выдающиеся и памятные имена, говорящие об исключительно блестящих страницах из истории минувшей четверть века назад славной русско-турецкой войны.

Удивительно быстро живет русское общество, движется русская жизнь! Четверть века – небольшой промежуток времени, но за эти годы как много мы пережили, как много видели и на печальной памяти берлинском конгрессе, и на Балканах, среди болгар и сербов, и у себя дома, во внутренней жизни России... Довольно сказать, что за это время мы переживаем третье царствование; довольно сказать, что тот мощный, всеувлекающий объединительный взрыв благороднейших чувств русского народа, пред объявлением войны Турции всколыхнувший сердца, заставивший смолкнуть все домашние мелкие счеты и неурядицы, – все это теперь представляется нам в чудной идеализации как бы давным давно пережитого прошлого.

Да, мы многое пережили после знаменитой войны и, можно сказать, уже отходим от нее в даль исторической перспективы. При таких условиях и наши суждения о ней, и наши впечатления от нее будут, если не так живы и непосредственны, зато более глубоки и осмысленны: мы имеем возможность теперь смотреть на нее в связи событий, в общем плане истории, с высших, объединительных точек зрения.

Вчера помянули мы молитвою на брани убиенных плевненских героев. Сегодня благодарим Бога браней и Господа воинства за дарованную 25 лет назад победу; еще раз благодарно вспоминаем почивших героев; воздаем хвалу оставшимся в живых; хвалу благодарную свидетельствуем русскому воинству; радостно сознаем, что есть чем утешиться, есть чем питаться и возрастать нашему законному

патриотическому чувству. Все это прекрасно и всему этому надлежит быть.

Но то, что случилось после войны: и берлинский конгресс, и события среди балканских народов, успевших удивить мир неблагодарностью, не омрачает ли нашей радости? Всеобщий подъем духа в России пред войною не сменился ли унынием и разочарованием? Стоила ли война тех жертв, что она поглотила? Не напрасно ли мы и доныне несем в области экономической жизни ее тяжкие последствия?.. Раздавались и раздаются ведь нередко эти голоса уныния и разочарования!..

И вот, стоя теперь на отдалении, нам виднее, нам понятнее события прошлого. Нет, истинно великого дела и истинно высокого подвига никто и ничто не умалит: ни кажущиеся неудачи, и никакие осуждения! Нет, не напрасно русский народ предпринял свой подвиг! Нет, не обмануло его сердце! И не даром принесли вы жертвы жизнью и кровью, почившие герои наши!

Над жизнью временною властны законы вечности; над событиями местными, единичными высятся планы и законы истории всемирной. Во имя этих-то законов, во имя своей мировой задачи, повинуясь своему высшему долгу, своему всемирному призванию, и подъял русский народ все тяготы минувшей войны.

К глубокому, к глубочайшему прискорбию, при несовершенном порядки жизни, в котором мы живем, войны неизбежны. Но есть войны корыстные, предпринимаемые ради узкого блага народного, ради захвата, ради обогащения. Этими войнами полна история Западной Европы. Есть другие войны – войны идейные; они не несут народу корысти, они часто, с точки зрения выгод государственных, понимаемых в грубом, материальном смысле, по-видимому, вредны для народа; но они подымают дух, они осмысливают существование народа, они дают ему право на почетное место в общечеловеческой жизни. Такими войнами богата русская история, и особенно история всего минувшего девятнадцатого столетия. Осуждать ли за это народ, с высших, нравственных точек зрения? Считать ли это, попросту говоря, нашею глупостью, как это нередко

повторяем мы, русские люди, вообще слишком склонные к самоосуждению? Но тогда и в жизни отдельных лиц нужно признавать умными только людей холодного рассчета, а глупыми – всех, способных на порыв, на великодушие и самопожертвование. Против этого, однако, возмутится всякая здравая совесть.

Глубоко воспитало православие в русском народе эти благородные порывы самопожертвования, жалости к обездоленным братьям. И не даром Провидение из всех народов, исповедующих православие, избрало Русь во главу их, чтобы чуткое сердце ее болезненно отзывалось на всякое страдание в православном мире. Мы намеренно говорим, что воспитало в этом духе народ наш именно православие. Давно протоптана русскою ногою дорога и на Дунай, и к Черному морю, и к самому Цареграду. Более тысячи лет мы знаем эту дорогу; она усеяна костями, напоена кровью наших предков. Но иначе ходили туда Олег и Святослав – язычники; и иначе ходили новые наши витязи и благоверные Императоры, кончая приснопамятными Николаем I, Александром II, Александром III. Не спорим, у людей государственных было историческое желание «овладеть проливами», но о нем если и думали, то думали единицы, а миллионы народа в течение столетия посылали на смерть лучших сынов своих, жертвовали кровными копейками, проливали слезы в молитвах, чуждые всякой мысли «о проливах», руководясь исключительно возвышенными христианскими чувствами. Это не клич «объединение Германии»; это не желание обладать золотыми рудниками в Африке или выгодными морскими путями и судовыми стоянками… Нет, здесь была вековая борьба света и тьмы, креста и полумесяца, начала христианства, несущих жизнь миру и спасение, и начал мусульманства, несущих ему дикость и озверение.

Стоит только бросить беспристрастный вгляд на прошлые судьбы мировые, на судьбы культурного и образованного человечества, чтоб убедиться в сказанном, чтоб увидать, какое великое, всечеловеческое значение имело наше святое, бесконечно дорогое нам православие. В знаменательную пору

истории его приняли славянские народы. То было время, когда восточная половина мира христианского, исповедующая православие, освященная стопами Христа и Его апостолов, с древними и славными церквами, стала видимо склоняться к упадку пред налетевшею страшною грозою; она лишается силы, теряет область за областью и, наконец, совсем подпадает власти турок. Но умирающая Византия из недр своих изводит равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия, и сокровище веры и истины находит новое хранилище среди молодых народов славянских, полных жизни, сил и способностей. Они должны были вступить в мировое призвание православия, они должны были и креститься огненным и кровавым крещением, которое судил Господь Своей избраннице – Церкви православной от первых дней ее существования, в залоге ее славы и величия. Ибо что мы видим в дальнейшей истории?

Западный мир, свободный от врагов, удаленный от Турции, развивается и зреет умственно, приняв от гонимого турками Востока все сокровища образованности (в эпоху возрождения наук и искусств); народы его совершенствуются, постепенно формируются в благоустроенные государства, развивают науки и искусства, вырабатывают социальные отношения: все то, что называется европейскою культурою, европейскою цивилизацией. Какая, скажете, завидная доля! Какое захватывающее дух зрелище пышного расцвета и духовной жизни, открытий, изобретений, успехов! И какое невыгодное сравнение с восточными православными народностями, отставшими от этого умственного движения, от этой блестящей цивилизации!

Да, это верно. Но, братие возлюбленные, не спешите произносить укоризненный суд над нашим дорогим православием. Оно было велико в другой области, – в области терпения, страдания и подвига; оно, чуждое гордыни, веками доказавшее уменье воспитывать в своих сынах дух самоотречения и смирения, приготовило в православных народностях то, без чего погибла бы на заре жизни блестящая культура Западной Европы. Мы, православные народы, спасли ее своею кровью, своими вековыми, ужасающими страданиями;

мы отстояли от врагов общечеловеческое всемирное сокровище культуры и образованности. Кровавым полукругом страданий оградили с востока и юга европейскую жизнь православные народы. Проследите мысленно по карте мира. Там, на востоке и северо-востоке Европы, своею грудью встретила *православная* Россия дикие полчища монголов, скоро принявших изуверный ислам; ценою собственной свободы, ценою задержки своего духовного роста и внутренней жизни она остановила их на пути в Европу у ворот Киева и Галицкой Руси. Своею кровью здесь, на юго-востоке, залила родную землю *православная*Грузия; ценою вековых страданий и беспрерывных разгромов удержала она напоры фанатичных и жестоких персов и турок. В долгой мучительной агонии умирала *православная* Византия с ее *православными* народностями – греками, сирийцами, арабами, коптами; умирала под гнетом дикого, изуверного народа, простирала руки к Западу, звала на помощь, но осталась одинокою; отдавала она врагу область за областью, отдала и престольный Царьград, красу мира, столицу христианства, потом умерла, великая и в самой смерти своей… А дикий враг шел все дальше и дальше, к пределам образованной Европы. Вот он уже в виду Вены, у сердца Европы… Что было бы с нею, с этой образованной Европой? Было бы то, что сталось с Египтом, Сирией и Малой Азией, где вместо древней блестящей образованности царит теперь глубокий умственный мрак, где на месте древних цветущих городов, бывших центрами и родиной просвещения, лежат одни развалины… Было бы то, что сталось с древней Византией, где под пятой ислама погибли веками накоплявшиеся духовные и материальные богатства, где убита творческая мысль, где умолкло свободное и образованное греческое слово, где безжалостно разбита и поникла в бессилии главою великая и славная Церковь, краса христианства, мать величайших отцов, глубочайших богословов, христианских философов, златословесных учителей. Эта судьба после Византии постигла бы и Европу, если бы на пути разрушительного шествия врага христианства и цивилизации в мученическом подвиге не полегли на полях Коссовых, на берегах Дуная, под стенами городов и монастырей, в горах и на

равнинах *православные* молдавы, *православные* болгары, *православные* сербы, *православные* черногорцы…

Они задержали разрушительный поток, но надолго потеряли свою политическую самостоятельность. Залитые кровью, задавленные врагом, отрезанные от Европы, народы православные в рабской доле отстали духовно от образованности европейской, но не потеряли ни уменья чувствовать по-христиански, ни своей духовной самобытности. Это сохранило для них православие. И пришла к ним пора светлых надежд и возрождения! И пришла бы эта пора к ним и раньше, если бы спасенная ими Западная Европа не вступила в позорный, противоестественный союз с врагом христианства, если бы она не давала Турции оружия, войска и денег, если бы она не заливала кровью нашего Севастополя, если бы она, например, устыдилась хотя бы в первый день св. Пасхи бомбардировать беззащитную Одессу (11 апреля 1854 г.)…

Первою стряхнула с себя рабство Русь. Стала расти она, как сказочный богатырь, стала шириться и теснить врага христианства и в Казани, и Астрахани, и в дальней Сибири, и на Кавказе, и в Крыму. Все ближе и ближе она подходила к вратам адовым, именуемым блистательною Портою, и вытеснила ее с переднего Кавказа, вытеснила ее, а вместе и Персию из Грузии, огнь и меч вносила она в сердце зверя – губителя христианских народов. Народ русский смотрел на себя в этом деле, как на исполнителя воли Божией; в течение двух последних столетий он только и знал, что приносил жертвы за жертвами на войны с Турцией за Гроб Господень, за единоверные народы. Русский народ не мог отделить от своего бытия злой задачи. И вот, все угнетенные народности Востока к нему стали протягивать руки, у него привыкли искать защиты; имя России сделалось славно по всему Востоку. И стало завидно образованной Европе: и явно и тайно становилась она на пути русского богатыря; и явно и тайно, то союзами, то конгрессами, то угрозой войны, то открытою коалицией держав, то интригами среди православных народностей, то интригами внутри России среди ее домашних врагов, получающих из-за границы поддержку и сочувствием, и деньгами, – она старалась подорвать и ослабить великий

подвиг России. Отсюда севастопольский погром, отсюда берлинский конгресс, отсюда, главным образом, и наши внутренние нестроения, отсюда и балканская смута даже до дне сего.

Но Россия ведь и не искала корысти в своих войнах с Турцией. Россия только исполняла свой долг. В страданиях – залог будущей славы, силы, величия. Вечно слово: *кто душу свою* (жизнь свою) *хочет спасти, тот погубить ее, а кто погубить душу свою* (жизнь свою) *ради Христа и евангелия, тот спасет ее* (Мк. 8:35). Но и заклятые враги наши не посмеют отрицать того, что русский народ, действительно, шел в прошлую войну освобождать единоверных братьев только во имя Христа и Его евангелия.

Поэтому ничто не может омрачить радостного юбилея славной войны, беспримерной по благородству побуждений к ней. И в нынешний день, смотря на русских воинов, мы чтим в них не только мужественных ратников, не только храбрых защитников отечества: мы чтим в них и видимых совершителей невидимых судеб Божиих, исполнителей того, чего в продолжение столетий пламенно ожидали народы Востока, что составляло веру и упование их мучеников и страдальцев. И Церковь православная достойно и праведно радуется сегодня, ибо в указаном нами ходе всемирной истории она была одушевляющим и объединяющим началом жизни страдающих народов Востока.

Пусть же никогда не померкнет в нашем сознании мировое призвание Руси православной! Пусть не уныние, а сознание исполненного долга и заветов всей минувшей истории – вот что вдохновляет нас в переживаемых воспоминаниях минувшей войны; все, что было после войны горького и неприятного, все это – облачко: пройдет оно. Россия стояла на верху высоты всемирной – одна пред лицом Бога и людей; все прочее возлюбило выгоды земные и водилось недостойными рассчетами. Что же удивляться, что это святое призвание потребовало напряжения всех сил и средств народных? Но отказаться от великого и святого подвига – значило бы отказаться от предопределения Божия и *от нравственного*

права на существование. Ясно и твердо это предопределение, и как бы искусственно ни оживляли разлагающийся труп ислама, как бы народы Западной Европы ни поддерживали знамени Магомета, оно ветшает на наших глазах, рвется по частям; ислам разлагается воочию. Это знает и чувствует прежде всего он сам.

Пусть же никогда не умрет в нас и среди нас способность к благородым порывам, к идейным начинаниям и подвигам! Пусть Древо жизни, Крест Христов, нами подъятый над полумесяцем, останется навсегда нашим знаменем и вместе символом спасения от врагов видимых и невидимых: сим победиши! Пусть сознание цены нашего православия растет и в ширь и в глубь в нашей дорогой родине: оно соделало нас великим, *мировым* народом, пусть же пребудет оно во веки веков нашею святынею, источником самых возвышенных и благородных подвигов!

Заключим наше слово словами св. апостола, преисполненными глубокого религиозного трепета и благоговения, – тех чувств, которые так мощно проявлялись в русских сердцах во все наши народные войны:

Братие! «Богу благодарение, всегда победители нас творящему о Христе Иисусе» (2Кор. 2:14). Аминь.

Семя святое[69]

Как от теревинфа и как от дуба, когда они срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее (Ис. 6:13).

Это – слова Господа, обращенные некогда к пророку Исаии при самом избрании его на пророческое служение. В тяжелую пору жизни древнего Израиля к нему послан был великий проповедник и глашатай слова Божия. Тяжело было и пророку исполнить Божественное посланничество. Кругом его в жизни родного ему края и народа как бы развертывался свиток, виденный некогда другим пророком, свиток, на котором вписаны были роковые слова: «рыдание, жалость и горе». Погибал древний богоизбранный Израиль; погибал народ священников и пророков, – народ, который был наследником великих и святых обетований. Отовсюду, как жадные хищники, зачуявшие добычу, налетели на него враги. С севера и юга терзали его безбожные язычники, а внутри царила неурядица, измена веры, побиение пророков, озлобление за всякое слово правдивого обличения. При таком положении чей дух не предался бы отчаянию, чье сердце оказалось бы твердым, полным веры и упования?

И вот Господь при посольстве пророка на проповедь дает ему в напутие, как светлое утешение будущего, как поддержку среди грядущих испытаний и преследований, радостное указание. Как бы так говорить Он: «Не погибнет твой народ, не погибнет твоя родина. Как от терновника, и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так и святое семя будет корнем ее». Срубят враги древо Израиля; безжалостно расхитят его ветви и ствол, но нужно стараться, чтобы остался корень его. И придет пора, наступят счастливые дни, когда от корня побегут могучие отпрыски, обновится как бы замершая жизнь; отрастут снова зеленеющие ветви, вырастет и ствол, радостно зашумит воскресшее дерево, заиграет в нем бодрая и веселая жизнь… И виделось пророку сквозь мглу грядущих веков: вот обновляется новый Иерусалим, крепнет духовно народ; от него исходит слово Божие, слышимое всей земле; явлена будет гора Божия, дом Божий среди него; от Сиона исходит закон и слово

Господне от Иерусалима. Объятый пророческим вдохновением, Исаия восклицает: «Возвеселись неплодная, нерождающая, возгласи, возопий нечревоболевшая, ибо много чад у оставленной, – больше, чем у имеющей мужа» (Ис. главы 2, 54, 60). Свершится это чудо духовного умножения; обновятся алтари, воздвигнутся запустевшие святыни!

Не в смысле плотском исполнилось это заветное предречение и желание пророка, а в смысле духовном; не в обыкновенном политическом смысле воскрес древний Израиль, никогда и прежде не игравший видной и мировой политической роли, а в смысле сохранения и развития того животворного корня, который составляет сущность и основание бытия н богоизбрания древнего Израиля, т.е. веры истинной и всемирных чаяний боговоплощения. Не полководцы и завоеватели, не правители, не служители земного устроения народа еврейского спасут его от гибели; это сделают люди, названные выразительным именем: *семя святое*. Под этим именем в священном писании разумеются люди благочестивые, для которых воля Бога, исполнение Его закона составляет в жизни все; это люди религиозные, набожные, согретые святым огнем горячей, ревнующей веры. Они спасут Израиля. Они сохранять в нем жизнь, они дадут ему духовное бытие, заслугу в очах Божиих, и славу в признательной памяти людей, наследников их великого и святого духовного достояния.

Все это приходит нам на мысль в настоящие торжественные минуты возобновления вековой Ахтальской святыни. По широкому раздолью этой прекрасной страны, в этих горах и долинах издавна жил и живет народ – дорогое достояние Божие, народ верующий, древнеправославный. В цветущую пору его жизни, в расцвет его самосознания, его духовного роста, его веры, благочестия, образованности, усилиями благочестивых царей, заботами святых пастырей, – вольным – во имя Бога, во имя высших задач человеческого существования, – вольным напряжением всех сил благочестивого народа, яркими свечами пред Богом по горам и долам засияли величественные храмы, выросли святые обители, устроились тысячи алтарей и освятили эту землю. Нет

человека, который не отнесся бы к этим священным памятникам с глубоким благоговением; нет человека, который не отнесся бы с почтительным удивлением к народу грузинскому, который так красноречиво, в назидание векам, засвидетельствовал о своем благочестии.

Но пришла для него тяжелая пора – и пусть не смущается этим никакая верующая душа: Бог нередко праведным посылал страдания; Бог нередко, как золото в горниле, испытывал и укреплял в испытаниях веру преданных Своих сынов от Авраама и Иова до мучеников христианских, от первых дней миробытия и до наших дней и до скончания мира. Пришла для Грузии тяжелая пора. Как древний Израиль, народ грузинский погибал от руки врагов. Не с севера только и юга, но и с запада и востока налетели на него монголы, арабы, персы, турки, лезгины – дикие сыны ислама, век за веком заливали кровью эту страну благочестия, избивали ее сынов, разрушали ее храмы и обители, оскверняли ее святыни и, наконец, до дна и совершенно исчерпали, как у древнего Израиля, политическое бытие народа. Умирающая Иверия могла сказать и жаловаться Богу словами древнего пророка: *«Боже, пришдоша язы́цы в достояние Твое, осквернишa храм святый Твой, положишa Иерусалим яко овощное хранилище, положишa трупия раб твоих брашно птицам небесным, плоти преподобных Твоих зверем земным; пролияша кровь их, яко воду окрест Иерусалима – и не бе погребаяй»* (Пс. 78:1–3).

Одна за другою обрублены были ветви древа жизни народной, исчез и самый ствол его: Грузия уже не могла более существовать, как политическое тело. Но остался от нее корень духовной жизни народа, – а дух ведь дороже тела! Он не умер, этот корень, и не иссох; он мог еще дать могучие отпрыски, если бы засияли над ним теплые и ясные дни, если бы склонился над ним кто-либо с заботливою любовию... И пришли для Грузии эти светлые дни. Уже было в смертельной опасности святое святых духовной жизни народа – его вера; уже лежали в развалинах его святыни; уже десятки тысяч его сынов, под влиянием невыносимого гнета врагов, отступили от веры и потянулись к черному морю мусульманства... Но от севера

пришло избавление. Пришел народ святорусский, единоверный, и ценою великих жертв и геройских усилий вырвал Грузию из когтей врага, и спас народную душу ее. Родство по духу и вере выше и крепче родства по плоти: Россия и Грузия соединились и срослись навеки неразрывными узами. Что залечит жестокие раны этой страны? Что принесет ей спасение и обновление жизни? Ответом служат слова пророка: *семя святое будет корнем ее*. Вся забота внешнего устроения жизни – правления, суда, воинствования – взята теперь в сильные и надежные руки. В этом отношении народ грузинский гораздо счастливее древнего Израиля, покоренного врагами силою оружия, а не отдавшегося, как Грузия, добровольно, подчиненного языческому государству, а не соединенного, как Грузия, с единоверным и братским народом. Но настоит теперь забота об оживлении духовного корня народной жизни. Да будут благословенны святые усилия тех, кто желает воскресить веру народную в красоте ее древнего здесь процветания, кто хочет возвратить отпадших от Церкви, кто хочет путем богослужения, проповеди, путем воспитательной школы внести свет во тьму неведения, в религиозное сознание народа; кто возстановляет древние святыни и будит в народе воспоминания о древнем благочестии, кто вносит в жизнь этого края начала христианской веры, кто поддерживает здесь вековую и неустанную денно-нощную труженицу – Церковь святую православную. И слава Богу! Можно воскликнуть с древним пророком: *«возвеселися неплоды нераждающая, возгласи и возопий... яко много чада пустыя паче, нежели имущия мужа!»* Совершается и растет здесь на наших глазах дело Божие, несмотря на противодействия его явных врагов и на иудино окаянство его мнимых друзей и радетелей! Зеленеют отпрыски духовного корня жизни народа, растут просветительные учреждения. Выходите же, выходите вы, истинное *семя святое*, трудитесь над нивою Божиею! Все здесь истинно народное, все церковное во всех областях жизни, все древне-православное, все свято-преданное да будет предметом нашей заботливой любви, охранения, нежного ухода! Здесь и сейчас – живое свидетельство этого. Восстановляется вековая святыня

Ахтальская, увы, пока еще в пустыне, которая 1000 лет тому назад была раем земным, была богата и славна своим многочисленным христианским населением. Но да не смущается сердце наше! Царство Боже подобно зерну горчичному; люди благочестивые – семя святое. Велика жизненная сила зерна или семени. При раскопках древних могил в далеком от нас Египте ученые люди находили зерна в руках засохших трупов мертвецов, положенные туда по старинному обычаю. Пять тысяч лет могильного холода и мрака пронеслись над этими зернами, но когда их посеяли в землю, они в первый же год дали пышные всходы... Еще выше, неизмеримо сильнее и важнее значение *семени святого* в жизни людей: оно мощно, оно живуче и преемственно-вековечно. И смотрите: смолкли здесь стоны убиваемых, отошли, отброшены враги – и где их сила? От монголов остались жалкие останки; Турция и Персия и в телесном и в духовном отношениях – трупы, над которыми уже веют призраки смерти. А православные народности, ими никогда задавленные и порабощенные, живы; а вера Христова не умерла; а будущее православия и православных народов – светло и жизнерадостно. Все это сделало семя святое. И только что оно явилось сюда на развалины этой древней святыни, – как немедленно появились молодые и новые его отпрыски: обновлен и спасен от гибели один храм; освящен сейчас другой; устрояется обитель, приобретает насельников; замышляется устроение школы. А вчера, в буквальном смысле только вчера, волею архипастыря присоединены к обители еще окрестные древние святыни, чудные памятники расцвета здесь православия. И кто знает: быть может, святыни, как грады, верху горы стоящие, стянут к себе окрестных жителей и отсюда изыдет закон и слово Господне во всю страну. Нам не дождаться, быть может, этой поры: но мы сеем в духе, а не в плоть, в грядущее, так же, как в настоящее.

Да будет же благословенно и приумножено в нашем крае семя святое! Истинное счастье Грузии – ее сохраненная вера, истинное отечество ее – православие, истинный корень ее жизни – Церковь Христова. А в Церкви несть эллин и иудей. Кто

бы ни возобновил эту святыню – русский ли монах, или природный грузин, на русские ли даяния от благочестивых сынов внутренней России, или на местные жертвы, – не все ли равно? *Кто бы ни сеял, кто бы ни поливал, возрастит все Бог*, – так говорит апостол (1Кор. 3:6). Лишь бы только возобновлялись святыни, лишь бы укреплялась и возгревалась вера, лишь бы росло и ширилось православие. Кто истинно любит Грузию, кто желает истинного добра ей и всему нашему краю, тот должен служить ей, главным образом, именно в этой духовной области жизни. Ибо семя святое – стояние народа. Не политики, не завоеватели, не управители и устроители внешней жизни обновят и укрепят задавленный историческими невзгодами народ: корень его жизни – духовные, а не плотские сокровища. Пусть сохранятся ветви и ствол дерева. Но если погиб корень, и они погибнут. Иное дело, если жив и силен корень. Тогда по отношению к этой стране действенно будет слово пророка, которым мы и начали и заключаем нынешнюю беседу: *«Как от теревинфа и как от дуба, когда они и срублены, остается корень их, так святое семя будет корнем ее!»* Аминь.

На страже народного блага[70]

Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии; аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий (Пс. 126:1).

Это – слова священной библейской мудрости. Глубоко начертаны они на сердце нашего русского народа, глубоко усвоены всем складом его жизни. Верит народ наш, что всякое дело нужно и начинать, и продолжать, и оканчивать, охраняя его молитвою, не в самомнительной гордыне, не в самонадеянном уповании на собственные слабые силы, а в смиренной мольбе о помощи Божией.

Как отрадно знать и видеть, что, последуя этим христианским убеждениям нашего народа, в благочестивом усердии явились ныне и вы, достопочтенные мужи совета и власти, к алтарю Господню в день столетия существования важнейшего в государственном организме России учреждения, которому вы споспешествуете трудами вашими на этой далекой русской окраине! Да благословит Господь ваше благочестивое усердие, ваши входы и исходы, деяния, словеса и помышления!

Христианство никогда не указывало и не начертывало в точных и определенных формах какого-либо государственного порядка или общественного устройства. Всемирное, вселенское и вечное, сеющее в дух, а не в плоть, указывающее на небо, а не на землю, – оно было чуждо вопросов о государственных учреждениях или о формах общественной жизни. Но, не предписывая в этом отношении никаких определенных установлений, оно, тем не менее, ясно указало их общий смысл и значение и тем возвысило их и одухотворило: оно смотрит на них, как на служебное орудие для достижения нравственных целей, как на средство проведения в жизнь и осуществления христианских начал и заповедей евангелия. Здесь именно глубокий смысл и оправдание его союза с государством.

Каково бы ни было это государство, в какие бы формы ни отливалась жизнь царства человеческого, – по учению христианства, оно прежде всего и главнее всего должно служить задачам царства Божия.

Полною мерою любви, всею горячностью молитвы Церковь призывала и низводила благословение Божие на главы венчанных христианских царей, начиная от равноапостольного Константина и до наших российских боголюбивых Монархов. Из уст апостолов поучалась она воздевать на всяком месте преподобные руки (1Тим. 2:8) и творити молитвы, моления, прошения и благодарения не только за царя, но и за тех, иже во власти суть (ст. 2), т.е. за вас, возлюбленные братья! С проникновенною сердечностью, с глубоким умилением неизменно поминает она в священный час литургии даже в тайных молитвах, неслышимых народу, всякое начало и власть и иже в палате братию нашу (литург. Св. Василия Великого); на торжественных и всенародных молениях вслух верующих просит она Господа, чтоб Он управлял подчиненные Государю правительства на путь истины и правды.

Всего этого желает Церковь для целей царствия Божия, молится она о царь и властях, да и мы в тишине их тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте (1Тим. 2:1). Помнит Церковь Христова, что для этого у власти, по слову Божию, должны быть мужи смысленные, смотреливые, добрые советники (Втор. 1:13); помнит она страшные прещения Божии народам, которым, как величайшее наказание за грех и нечестие, Господь обещает поставить юношей в князья и безумных в правители, т.е. грозит наказать неустройствами государственной жизни (Ис. 3:4).

Итак, если служители земной власти ищут помощи у Церкви и чрез нее, как вы сейчас, приносят смиренные свои молитвы Богу, то и Церковь не может быть чуждою и холодною к ним не потому только, что они – ее сыны, что они, как христиане, ищут ее молитвы, но и потому, что они – служители богоустановленной власти и благословенного Богом государства. И нужно ли долго и много изъяснять, как русская Церковь с величайшими самоотвержением и самоотречением служила государству; как она охраняла Царей и народ, как скорбела она их скорбями и радовалась их радостями, как непрестанно молилась о Царе и царстве, как показывала в своих сынах, в назидание всему миру, здравый образ

верноподданства и благоговения к Помазанникам Божиим? Можно сказать, что союз русской Церкви и русского государства – это единственный и беспримерный в истории союз непрестанной и верной любви и нерушимого мира. Союз их в Господе и для Господа, и посему к нему с полною верою можно приложить слова древнего святого Царя-пророка: «Господь созидает этот дом, Господь сохраняет этот град: оттого не всуе трудишася зиждущии и не всуе бде стрегий».

Здесь бы и конец нашему слову. Но оно невольно простирается далее, при виде современности, и от приведенных сейчас общих соображений и христианских чувствований переходит, в частности и в отдельности, к тому учреждению, представителей которого мы видим перед собою, разумеем Министерство Внутренних Дел. Ни одна другая отрасль государственного управления не служить так непосредственно и часто задачам Церкви, как это, облеченное самыми широкими полномочиями в России ведомство. Здесь охрана государственной и общественной безопасности; здесь борьба с врагами государства, которые, по тесной связи церковного и гражданского начала в России, всегда и неизменно в то же время и враги Церкви; здесь охранение целости народной веры и воспитание народа в духе православия и заповедей евангелия; здесь охранение народной мысли от соблазнов и растления печатного слова, этого обоюдоострого орудия, могущего служить и к великому созиданию, и к величайшему разрушению, смотря по тому, в чьих и в каких руках оно находится; здесь попечение о храмостроительстве, о приходской жизни, о приходском духовенстве; здесь борьба с сектантством; здесь указание нормального положения неправославных исповеданий и их отношений к господствующей Церкви; здесь ясно и неуклонно проводится мысль о том, что православие есть зиждительная сила России. Если позволительно и уместно привести сравнение какого-либо учреждения с указанным в псалме образом бодрствующего стража, то оно всего более приложимо к тому ведомству, представителями которого являетесь вы, достопочтенные слушатели.

Но если когда, то в наше время особенно важно и необходимо и нам и вам стоять во всеоружии на великой страже церковной и государственной; нужно подать друг другу руки, нужно соединиться и объединиться в великой работе и борьбе против грядущей смуты. Смута идет и надвигается со всех сторон, отрицательные течения усиливаются, враги государства и Церкви не дремлют. Да не смущается сердце наше! Пред соединением сил положительных, окрыленных верою и Божиим благословением, побледнеют в бессилии служители зла, сокрушатся и демонов немощные дерзости. Не оскудели мы и мужами смысленными. Во главе Министерства стоит теперь муж испытанной твердости, умудренный сединою лет и широкого государственного опыта, уже явивший мощь духа, твердость и непреклонность русского дела на далекой мятущейся окраине. Не напрасно Державная власть указала ему быть преемником человека, павшего от руки убийцы кровавою жертвою долга своего важного и ответственного служения. Сойдемся же все у алтаря Господня! Возверзем на Господа упования, печаль нашу перед ним возвестим! Разобщенные и разделенные вне союза во Христе и Его Церкви, мы и в силе явимся слабыми; но этот час молитвы, но это священное настоящее собрание наше, эти дорогие минуты взаимного и совместного предстояния Господу говорят нам о том, что мы не разделены, что мы живем и мыслим в единой вере и едином духе. Пусть же и впредь в веках грядущих в жизни России будет крепок союз Церкви и государства: в нем залог крепости и жизненности нашего царства. Да приидет оно «все в достоинство», как выражались наши предки, чтобы Господь созидал дом его, чтобы Господь охранял грады его, чтобы не всуе трудишася зиждущий и не всуе бде стрегий. Аминь.

Значение святой веры[71]

Желанием досточтимой матушки игуменьи я ныне, помолившись с вами и о вас, возлюбленные сестры, и вы, дорогие дети, учащиеся призываюсь к слову поучения церковного. Знаю, что и вы, кое-что слышавши обо мне, может быть, надеетесь из уст моих получить урок особенно глубокий, особенно красноречивый. Таковым скажу, что если св. апостол Павел, этот величайший носитель даров естественных и благодатных, в своей проповеди отказывался от блестящих слов человеческого красноречия, то тем более я не стану и не могу никого удивлять искусством слова. Прихожу я к вам, возлюбленные, прежде всего, не только как грешник и во всем подобный вам человек, но как грешник, кающийся у врат святой обители, как грешник, ищущий обновления духа и примирения с Богом, ищущий покоя усталой душе и усталому сердцу, осуетившемуся в печалях века сего. Таково мое исповедание, которое я готов повторять пред всем миром. И благодарение Богу и вашей святой обители: здесь я услышал в душе моей как бы шелест крыл Христовых, здесь я ощутил как бы трепетанье крыл ангельских, здесь вкусил мой дух отрады и покоя, – и никогда я не чувствовал себя столь мирным и радостным, как здесь, посреди вас, возлюбленные инокини, и посреди этих милых детей, поучающихся закону Божию. После этого исповедания моей немощи и благодарности вам, и слово поучения моего уже будет не мое, а ваше. У вас и от вас возьмем его и продолжим то самое слово, которое неделю тому назад говорил я в вашей обители. Тогда у гроба св. Нины говорили мы о том, как велик и свят подвиг жития монашеского, и как блистает он высшею духовною пользою для осуетившегося мира. Тогда мы напоминали, что благочестие, которому вы служите, по слову апостола, на все полезно, имея обетование жизни и нынешней, и будущей.

Слышите ли, возлюбленные? Каждая вещь в мире имеет какую-либо пользу, а благочестие на все полезно, говорит апостол.

Что же такое это благочестие? Это есть вообще Христова вера, раскрывающаяся в умах и сердцах, в мыслях и в чувствах, в делах и во всей жизни христиан. Нет звания и состояния, нет возраста и положения, нет должности, нет обязанности, куда не входила бы вера со своими правилами и со своим благотворным влиянием. Монахи и мирские, мужчины и женщины, взрослые и дети, пастыри и пасомые – все мы объединяемся в вере, все в ней нуждаемся, и все только в ней находим основу нашей жизни. Вот почему все мы без различия можем предаться размышлению о вере, особенно здесь, где вера Христова, и только она одна, собрала вас в монастырь, где вере же Христовой поучают больше всего и вас, дети нашей монастырской школы. О вере напоминает нам сегодня и апостольское чтение; апостол Павел напоминает нам, что он был некогда гонителем Церкви Божией, но верою прозрел и стал на путь спасения. О вере говорит и нынешнее евангелие, которое рассказывает, как слепец в городе Иерихоне, слыша Христа путем мимоходяща, верою стал призывать Небесного Учителя и, прозрев духовно, удостоился и телесного прозрения.

Был некогда святой великий старец по имени Дидим, который был слеп совершенно. Но и слепой умудрен он был духом, изучил слово Божие – и речи из уст его благочестивых лились, как реки, назидая верующих. Раз в порыве уныния, беседуя с преподобным Антонием Великим, основателем монашеского жития, стал Дидим горько жаловаться на слепоту свою. «Зачем ты жалеешь, – сказал ему Антоний, – зачем ты жалеешь о том, что лишен глаз, которые имеют и животные, и мельчайшие мошки, и насекомые?» «Но ты имеешь глаза херувимские, которыми видишь духовный, мир ангельский, познаешь Бога, разумеешь славу Божию, зришь туда и к тому свету, который недоступен глазам обыкновенным.»

Так, возлюбленные, вера есть свет, вера есть очи души, озаряющие всякую совесть, и истинно говорит пророк: если не уверуете, то ничего не уразумеете. Как свет во тьме светится, светит и вера во тьме жизни, и блажен, кто приник к ней духом, и стократ блажен, кто вере чистой, святой и словом, и делом поучает ближних. Соберите все сокровища земли – они ничто

пред верою; соберите всех мудрецов земли – они ничто пред верующим простецом. Как ребенок днем, при ярком свете солнца, лучше видит и находит дорогу, чем взрослый человек ночью, в темноте глубокой, так простец, необразованный, не умудрённый наукой, но верующий, при свете веры лучше видит и понимает путь и смысл жизни, чем множество умнейших, но неверующих мудрецов. И в этом – заслуга ваша, честные сестры, в этом ваша хвала, ваша честь, ваше служение миру, что вы, последовав всецело единой вере Христовой, ей безмолвно учите других, как бы продолжая подвиг проповеди и благовестия св. Нины. И в этом же – ваше утешение, возлюбленные.

Посмотрите вокруг себя. Кто не понимает, что миру нужны люди добрые, честные, исполнительные, любящие, не завистливые, не злобные, одним словом, – люди нравственные и добродетельные? Кто не понимает, что при отсутствии этих людей нравственных наступит не человеческое, а звериное существование мира? И, однако, что же делает людей нравственными и добрыми? Может быть закон и постановления человеческие? Но какими законами можно установить отношения мужа и жены, родителей и детей, братьев и сестер между собою? И что было бы, если бы вместо взаимной любви, взаимной заботливости и послушания младших старшим родители и дети справлялись с законами гражданскими? Далее: известно, что дурные дела имеют начало в дурных мыслях, чувствах и намерениях. Но какими законами можно запретить нечистый помысел, какой судья может судить за движения зависти, зложелательства, каким законом можно преследовать и покарать нечестивые пожелания? Только вера Христова может говорить совести; только вера может запретить самому желанию, только вера может поставить человека на самый страшный суд пред своей совестью и пред Богом. Такая вера вносит порядок и в житейские отношения, и кто проповедует и служит вере, тот, служа жизни вечной, делает доброю и жизнь временную.

Но может быть, если не законы, то наука и образованность могут сделать людей добродетельными и нравственными? Вы,

учащиеся дети, знаете, что и это есть глубочайшее заблуждение. Помните, что люди великого ума бывают нередко великими злодеями. Помните, что люди весьма образованные и просвещенные часто бывают порочными и ведут себя хуже необразованных поселян. Отчего? Оттого, что они не подчинили себя благому закону Божию, закону веры. Начало премудрости есть страх Божий, а где нет этого страха Божия, там нет и истинной мудрости. И даже напротив: умный злодей гораздо опаснее глупого злодея, потому что он может и изобрести новые преступления, и удобнее скрыть их. Образование ума без образования сердца – это наостренный нож в руках младенца: неизвестно, куда он направит его. Ножом режут хлеб и кормят детей, ножом занимаются в мастерствах и трудятся на благо ближним, и тем же ножом разбойник на большой дороге лишает жизни невинного прохожего. Мышьяком лечат и исцеляют болезни, и им же отравляют человека. Так и образование есть благо при добром употреблении, и есть величайшее зло при дурном употребление. А доброму употреблению научит только вера и нравственность. Горе народу, который науки предпочитает добродетелям! Горе народу, который, желая образовать юношество, заботится только о просвещении ума его, оставляя в тени и в пренебрежении учение веры и нравственности. Горе народу, если он оставил свои храмы, перестал чтить святыни, перестал чтить тех, кто служит святыни и кто проповедует веру словом и жизнью! Вам, учащиеся здесь дети, это – завет на всю жизнь. Попадете ли вы в семьи или в школу, – где бы вы ни были, чем бы вы ни были, – прежде всего старайтесь научить вере порученных вам детей, и знайте, если вы дадите им веру, вы дали им все, а не дадите им веры, – это значит, вы не дали им ничего, и что бы вы ни делали, что бы ни говорили – писали на воде и ничему не научили. Это значит – вы послужили гибели своего народа. Ибо без веры нет счастья народам; об этом громко свидетельствует и настоящее и прошедшее, – а ведь из них родится и будущее!

Нужна народу крепкая власть правительства, – только вера внушает ему, что власть установлена Самим Богом и ей нужно повиноваться не только за гнев, но и за совесть; нужно в

народе, уважение и законность, – вера учит нас, что и закон начертывается под влиянием Промысла Божия; нужно народу единение, мир, любовь и согласие, – вера внушает нам любить друг друга и даже самих врагов, терпеливо и кротко сносить неприятности, избегать гнева, вражды и распрей. Так вера есть душа общественного благоустройства!

Разве не о том же говорит нам и прошлая история человечества? Вера Христова прекратила человеческие жертвы, противные самой природе. Под влиянием веры князья и цари изменялись, делались отцами и попечителями народов, уменьшались опустошения и войны, смягчались военные обычаи, подданные стали покорнее, победители – умереннее и благороднее. И все, что есть теперь лучшего между людьми – в нравах, обычаях, в законах, в международных отношениях, в гражданском и семейном быту, – все это сделала вера Христова. Но особенно много сделала вера для вас, мои возлюбленные слушательницы, для вас – женщин. Недавно Бог привел мне побывать в странах чужих – в Персии и Турции, в странах мусульманского зловерия, – и я собственными очами видел, в каком положении находится там женщина.

Без преувеличения можно сказать, что женщина там поставлена хуже собаки, хуже последнего животного, она – как бы самое негодное из всех существ. Там даже по учению веры женщина – несчастный, изверженный человек, ее не пускают в дома молитвы, ей даже не указано места и в загробной жизни. А ведь Христос научил нас почитать женщину, Пречистую Богородицу выше всех из людей и выше херувимов и серафимов. Вера Христова поставила рядом с учениками Христа – жен-мироносиц, рядом с апостолами – святых Елену и Нину, рядом с Владимиром – Ольгу, рядом с мучениками – Софию, Веру, Надежду, Любовь, Екатерину, Варвару, Анастасию, Потамнину, Перепетую, Евфимию и др. Да, только вера Христова научила нас почитать женщину. Да, повторяем, только вера есть душа общественного благоустройства!

Судите же сами, как полезны подвиги тех, кто обрек себя служению вере Христовой в мирных обителях монашеских, как благотворна школа, в которой дети и сами поучаются Закону

Божию и приготовляются к тому, чтобы в будущем учить детей своего народа словесам спасения. Судите, как благотворно их влияние на все окружающее. А ко всему этому прибавьте молитву; если мы – христиане, если мы верим в силу молитвы, то как же нам не благоговеть пред подвигами тех, которые среди суеты мира, среди забвения Бога и высших интересов ежедневно воссылают молитвы о царе и царстве, о властях духовных и гражданских, о мире всего мира, о благостоянии Божией Церкви, о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных, о всякой душе христианской скорбящей и озлобленной, милости Божией и помощи требующей?! Посему-то, пока будет стоять на земле христианство, пока будет стоять Церковь Божия, – будут стоять на земле и устроятся святые обители для ищущих подвига жития иноческого. И ничто не может искоренить их!

Бозлюбленные сестры! Небесный Дому владыка насадил плодовитую ниву нашей родимой русской земли пшеницей чистой благочестия. Русь во всем мире называют *святою* Русью, народ наш среди всех народов славится своим благочестием и набожностью, но за грехи наши, когда мы, Богом поставленные пастыри, спали, пришел враг и посеял плевелы посреди пшеницы. Разлив неверия в современной жизни ужасает душу, устрашают растущие секты и расколы, заставляют трепетать увеличивающиеся пороки и преступления.

В таких тяжких обстоятельствах только от веры Христовой можно ждать обновления и спасения.

Усугубим же веру свою, возлюбим ее всем сердцем; пастыри, увеличим ревность служения; учащие и учащиеся, будем гореть любовью к слову Божию, к учению веры и добродетели; граждане, деятели народа, понесем народу святую веру, а в святых обителях усугубим труд, усугубим усердие и подвиги, усугубим молитвы, Да сохранит Господь нашу землю святорусскую от духовной слепоты, от помрачения и оскудения веры. В том задача обителей, задача пастырства и школы, в том наша бессмертная заслуга, чтобы всем и каждому, всем всегда и везде напоминать не умолкая, что общество не может стоять без законов, а законы не сильны без

нравственности, а нравственности нет и быть не может без веры и благочестия!

Благочестие же на все полезно, имея обетование жизни и нынешней и грядущей. Аминь.

1903 г.

Пред лицом прошлого и будущего[72]

Под сенью храма Божия, с этого священного места церковного проповедания, поздравляем вас, братие, с новым летом Божией благости! Поздравляем и вместе призываем вас усердно к молитве Господу. Ибо чем приличнее начать новолетие, чему отдать и посвятить его первые мгновения? Каждое верующее сердце подскажет на эти вопросы верный ответ.

Время само по себе всегда одно и то же, и день похож на день, и ночь подобна другой ночи: между ними нет разницы. Но по условленному согласию людей, из ровного и однообразного течения времени выделяются дни особые, дни святых воспоминаний, дни посвященного Богу отдыха, наконец, и день новолетия, служащий как бы поворотным пунктом от одного года к другому. Немного таких дней новолетия переживет человек сознательно в течение своей жизни: пятьдесят, шестьдесят, и это далеко не всегда. В эти дни ближе к нам серьезные и глубокие вопросы жизни; невольно останавливаемся мы на них мыслью и чувством, невольно предстает тогда пред нами прошлое и будущее, невольно хочется подвести тогда счеты прожитому и определить, наметить план предстоящей жизни. Но если прошлое в нашем распоряжении для суда и поучения, то будущее – кто исследит, кто скажет, каково оно будет, и сколько его осталось? *Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих кое есть?* (Пс. 38:5). Так невольно углубляется дух наш в тайну грядущего и, пред нею смиряясь и благоговея, разрешается в молитву.

Собрались и мы в эти минуты пред лицо Господне. Не станем осуждать тех, которые теперь иные в веселье, иные в пустоте встречают новолетие: мы знаем, что в торжественную и важную минуту встречи нового года и их сердце затрепещет и дрогнет смутным чувством, похожим на безмолвную и неясную молитву. Да будет и с ними, и над ними, и над всем миром Божье благоволение! Обратимся лучше к себе.

Вот мы стоим сейчас на грани прошлого и настоящего. Что говорит нам прошлое, какие чувства оно подсказывает нам для молитвы? Мы живы, мы сохранены для земли, для работы, для покаяния, для спасения. О, *благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его! Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его!* (Пс. 102:1–2).

В этот миг новогодней молитвы возблагодарим Отца Небесного, щедрого и милостивого, о всех, ихже вемы и ихже не вемы, о всех благодеяниях, бывших на нас: за свет дня, за покой ночи, за каждое биение сердца, за радость осмысленного труда, за уроки нужды и страданий, за сладость молитвы, за отрадное и светлое чувство, за бодрость духа жизни, за то, что мы видехом свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную. Слава Богу за все! Сколько раз мы были у опасности, сколько раз занесена была над нами коса смерти, каждый день, каждый миг мог быть для нас роковым и смертельным, но добрая невидимая Рука Господня отводила опасность и сохранила нас для жизни, для будущего!..

Стоит и оно, это будущее, теперь пред нами. Что же оно говорит нам? Придет пора, и будущее станет прошедшим, тем прошедшим временем, о котором некто сказал выразительно: «О, мое прошлое! заглянешь в тебя, – засмеешься радостно, в другой раз посмотришь, – и закроешь от стыда лицо руками». Дай же, Господи, дай, Господи, чтобы будущее наше не сокрывало в себе нашего греха, не готовило нам падений и позора, чтобы, сделавшись прошлым, оно не заставляло нас от стыда закрывать лицо руками. Довольно этого стыда и греха было в прошлом нашем: да простит нам Господь вся грехопадения, в мимошедшее лето зле нами содеянная, и да поможет прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати: вот другая молитва новогодняя. А над всеми молитвами – чувство преданности в волю Божию.

Были и будут печали: пусть они пройдут по душе нашей, как плуг на пашне, разрыхляя сердце к приятию дождя небесного, – Божьей благодати, к доброму и вечному плодоношению.

Были и будут радости: пусть они будут чисты и одухотворены, пусть они окрылят наш дух верою и упованием.

Пусть и в настоящие минуты только чувство радостной веры заполняет наши души: ведь христианство не есть религия печали и скорби, тоски, уныния и отчаяния, оно – религия радости, светлой веры и вечного упования, яко с нами Бог.

Доверимся же Ему Единому, и в торжественные, много говорящие минуты новолетия нашею молитвою пусть управляют и руководят святые слова апостола: *«Живем ли мы, – для Господа живем; умираем ли мы, – для Господа умираем; живем ли или умираем, всегда мы Господни есмы!»* (Римл. 14:8). Аминь.

Старое и новое[73]

Неистребима в человеке жажда нового. Над нею смеялись и ее обоготворяли, снова осуждали ее и снова пели ей хвалебные гимны; все это показывает только то, что стремление к новому во всех сферах жизни, действительно, прирождено человеку. Но, кажется, никогда эта жажда новизны не охватывала с такою силою человечество, как в последние десятилетия его жизни. Это понятно: минувший XIX век так богат изобретениями, открытиями, так глубоко, вследствие этого, изменил условия существования обществ и государств сравнительно с еще недавним прошлым, что, по необходимости приспособляясь к ним, пришлось человеку искать новых и новых форм жизни. Создавались на этой почве самые разнообразные теории и формулы прогресса, который, как научная проблема, никогда так не занимал умы, как в минувшее столетие, особенно во вторую половину его. Убеждения, намерения и действия новаторов иногда были столь стремительны, настойчивы и смелы, если не сказать больше, что готовы были разрушить решительно все установившиеся формы жизни и в замен обещанных новых и новейших установлений, как последнего слова науки, грозили возвратить людей к очень и очень старому строю и к старым временам, – к условиям жизни первобытной дикости. Стоит только припомнить здесь проповедь анархических учений, отрицание культуры и науки в самое последнее время. Не в одной области общественных отношений и государственной жизни сказались эти стремления: в философии, положительной науке они, можно сказать, подавили нас разнообразием систем, положений и выводов; в искусстве сказались поисками новой красоты, в поэзии выродились в декадентство, и в области нравственных учений создали целый хаос теорий, взаимно противоположных. Мы остановимся на этой последней области нравственных учений, интерес к которым, после временного ослабления и упадка, за последнее время пронесся над умами с необыкновенно мощною силою. Человек нашего времени, проживши сознательно последние 30

лет, следовательно, принадлежащий к поколению, еще не отжившему, мог наблюдать явление, положительно невиданное в истории. Нравственные запросы неистребимы в человеке; недаром философ, подвергнувший разрушительнейшей критике все содержание духовной жизни человека, остановился пред нравственным его инстинктом, как пред «императивом категорическим». И вот, пред человеком, чутким и отзывчивым на все вопросы высшего порядка, проходят самые разнообразные учения, из которых каждое претендует на новизну и на значение последнего слова науки. Стоит только подумать о теориях позитивных, утилитарных, материалистических, о законе борьбы за существование, в применении к нравственной области, присоединить к этому агностицизм Спенсера, обновленное христианство и «волю Божию» гр. Толстого, экономический материализм Маркса, полный имморализм Ницше, пессимизм Шопенгауэра и Гартмана, проповедь основ буддизма, обоготворение насилия и непротивление злу, идеализацию босячества, как обновления общественности, и обоготворение культуры, а рядом мысль о крушении науки и проч. и проч., – стоит только бегло перечислить все эти системы и теории, чтобы представить себе, какая смута, какое хаотическое состояние умов должно было явиться следствием этой погони за новыми и новыми словами в области нравственных норм жизни. Доходили, наконец, и до полного отрицания всяких высших потребностей человеческого духа: религии, нравственности, метафизического мышления и положительного знания. Кажется, не осталось ничего, что не подверглось бы критике и разрушению. В самое последнее время проповедь атеизма и автономной морали в Германии и Франции уживается с призывами к братству, равенству и свободе; в Англии утилитаризм стоит рядом с эволюционизмом и, наконец, объявлена новая, подтверждаемая всеми данными биологии и даже астрономии, система нравственности на основе «солидарности». Еще немного времени, и нужно ожидать, что «La Solidarité», в качестве новейшего «слова», выставлено будет на знамени «научной нравственности» взамен отживающих: fraternité, égalité, liberté. Здесь не место и не

время останавливаться на новой теории подробно и обстоятельно.

Скажем о ней только несколько слов: краеугольным камнем ее является аксиома, что вне общества человек не может существовать; он никоим образом не может быть рассматриваем, как нечто в отдельности ценное и самостоятельное, а только как часть целого. Вне общества и его законов он теряет всякую ценность, и его жизнь, его личные скорби и радости – это ничтожная ненужность, к которой почему-то привыкли относиться со вниманием. Закон солидарности представляет государство и общество акционерною компанией, а граждан – простыми акционерами. Все мистическое, все сантиментальное – в том числе понятие о добродетели, любви, братстве, милосердии – объявляются отжившими тормозами человеческой жизни[74]…

Обо всем этом заговорили мы в день нового года для того, чтоб оттенить, как далеко могут завести человека стремления к новому. Полно, одно ли только дурное в старом? Не безумное ли это возмущение листьев и ветвей против якобы ненужного и отжившего корня? В величественном течении жизни природы, наряду с калейдоскопическою сменою явлений временных и мгновенных, существуют явления длительные, вековые, вечные: так и в духе человека, кроме временных интересов дня, выше текущих интересов общества и государства есть интересы и запросы вечные. Они не всегда вместимы в разум, но значение их безмерно.

Изменчивы только способы удовлетворения вечных потребностей духа человеческого, но не самые потребности: их ни забыть, ни подавить нельзя. Как в природе в течение веков, среди всех изменяющихся явлений ее жизни, действует неизменно закон тяготения, так в жизни и отдельного человека, и целых человеческих обществ, и всего человечества действует тяготение духа человеческого к центру миров – Богу... Неподвижны, вечны, неколеблены и законы нравственной правды, исходящей от Бога, имеющей при этом условии всепроникающее и бесконечное значение. Мы ищем абсолютных заповедей и принципов, и в этом именно и состоит

сущность нравственных исканий. Иная правда, иная нравственность, условная, относительная, временная, никогда не удовлетворит человека: для прямолинейного миросозерцания она вовсе не нужна, для колеблющегося и приспособляющегося она не обязательна и, как таковая, носит в себе начала не упорядочения, а полного расстройства и ослабления нравственных норм жизни. В высокохудожественную форму облекает эту мысль наш бессмертный Н.В. Гоголь: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как пред ним весь был открыт прямой путь, подобный пути, ведущему к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги! Всех других путей шире и роскошнее он, озаренный солнцем и освещенный всю ночь огнями; но мимо него в глухой темноте текли люди! И сколько раз, уже наведенные нисходившим с небес смыслом, они и тут умели отшатнуться и сбиться в сторону, умели среди бела дня попасть вновь в непроходимые захолустья, умели напустить вновь слепой туман друг другу в очи и, влачась вслед за болотными огнями, умели-таки добраться до пропасти, чтобы потом с ужасом спросить друг друга: где выход? где дорога?»

Какой чудный образ, рисующий значение христианства в истории и отношения к нему людей! Все лучшее, что было в появлявшихся различных теориях нравственности, созданных людьми, было заимствовано, в конце концов, из христианства. По удачному выражение даже такого мыслителя, как Дж. С. Милль, в этом лучшем был вечерний свет, отраженный свет зашедшего солнца христианства, хотя уже и невидимого для мыслителей. И наоборот: все, что было в новых теориях «нового», нехристианского, роковым образом приводило человека к эгоизму, который, по меткому старинному выражению, был primum oriens, ultimum moriens во всех исканиях их, исходом и завершением и, доведенный до конца, обещал человеку только возвращение времен древнего варварства сего законом: homo homini lupus. Все ценное здесь было не ново, все новое – не ценно!.. Не лучше других и

новейшая нравственная теория солидарности, с ее языческим взглядом на человека, не как на существо, имеющее значение в отдельности, а как на вещь, принадлежащую обществу, с ее проповедью о новом устройстве жизни, при котором люди погасят в сердцах любовь к себе подобным, в каждом ближнем будут видеть не более, как выгодного или не выгодного компаньона, и взаимные отношения будут определены только экономическими соображениями. При такой «солидарности» человек останется сугубо одиноким… Если же есть что-либо привлекательное в этом учении о солидарности, то все лучшее, все симпатичное в нем, в конце концов, покоится на христианстве. Покойный К.Д. Ушинский прекрасно изображает значение христианства, сравнивая его с облачным и огненным столпом в пустыне: подобно этому небесному путеводителю евреев в пустыне, в их поисках земли обетованной, христианство в истории идет впереди человечества, освещает ему пути жизни, ведет к обетованной земле истины, счастья и правды. Оно, правда, не разделяет веры в спасительное значение учреждений или того или другого строя государственной либо общественной жизни: здесь оно не указало идеалов, не оставило образца государственного устройства, как бы намеренно избегая этой области. Многие ставили ему это в упрек, но на деле здесь-то и видно его величайшее достоинство: оно не связало жизни людей известным, строго определенным и выработанным до мельчайших подробностей строем. Известно, что подобную попытку сделало мусульманство, выработав все формы жизни, начиная от видов власти даже до раздела наследства: но народы, выполнив с течением времени намеченный идеал, или должны были остановиться в развитии и замереть, или разорвать путь и отвергнуть свои религиозные устои. Христианство, напротив, как Божественное благовестие свободы, открыло человеку безграничное поле развития всех форм его жизни и настаивает не на устройстве общества людей, а на нравственном перерождении каждого отдельного человека. Когда человек преобразуется по образу Богочеловека, когда он лично отрешится от зла и себялюбия, когда отдельные личности

будут проникнуты христианскими началами и заветами, – тогда без труда и само собою создастся истинная «солидарность», истинная и христианская общественная и государственная жизнь – «богочеловеческое общество». Обратного хода быть не может, как не может грех путем повторения обратиться в добродетель. Путь восхождения здесь безграничен; человечеству никогда ни изжить, ни исчерпать, ни перерасти христианских идеалов. В постепенном углублении в эти идеалы, в постепенном их усвоении и осуществлении в жизни – вот в чем вечная, неумирающая *новость* христианской жизни. Но эта новость не глумится над прошлым и старым: она только преобразует его свободно в духе по просветленным началам глубже понятого того же прежнего идеала. Так в духовном росте человека и человечества зиждется *гармония старого и нового*, как зиждется она и в природе, – *не в насильственном разрушении*, а в создании путем естественного роста:

Срывая с дерева засохшие листы,
Вы не разбудите заснувшую природу,
Не вызовете вы, сквозь снег и непогоду,
Весенней зелени, весенней теплоты!
Придет пора, – тепло весеннее дохнет,
В застывших соках жизнь и сила разольется,
И сам собою лист засохший отпадет,
Лишь только свежий лист на ветке развернется.
Тогда и старый лист под солнечным лучом,
Почуяв жизнь, придет в весеннее броженье:
В нем – новой поросли готовится назем,
В нем – свежий сок найдет младое поколенье…
Не с тем пришла весна, чтоб гневно разорять
Веков минувших плод и дело в мире новом.
Великого удел – творить и исполнять;
Кто разоряет, – мал во царствии Христовом.
Не быть творцом, когда тебя ведет
К прошедшему одно лишь гордое презренье,
Дух создал старое: лишь в старом он найдет
Основу твердую для нового творенья.
Ввек будут истинны пророки и закон;

В черте единой – вечный смысл таится,
И в новой истине лишь то должно открыться,
В чем был издревле смысл глубокий заключен![75]

«Путь для Господа»[76]

Глас вопиющего в пустыне: уготовайте путь Господень.

Эти слова в евангелии и в книгах древних пророков относятся к Иоанну Крестителю, память которого, в храме, посвященном его имени, мы сегодня с вами, дети, празднуем. Остановитесь на этих словах размышлением: в них много такого, что прямо и даже преимущественно относится к вашему юному возрасту и к вашему положению учащихся.

Мы прославляем ныне Иоанна Предтечу. Чем же его прославить достойно? Похвалами ли? Но если память всякого праведного с похвалами, то Предтече Господнему дана такая похвала, после которой он не нуждается в человеческом слове: ему, как вы пели сейчас, довлеет свидетельство Господне, свидетельство Самого Иисуса Христа, Который сказал, что между рожденными от женщин не восставало пророка, большего Иоанна Крестителя. Лучшее прославление Иоанна Крестителя – это исполнение его слов, последование его проповеди. Вы о ней знаете из уроков Священной Истории. Иоанн Креститель потому и называется Предтечей, что предтек, т.е. пришел пред Христом и убеждал людей покаяться и приготовить путь Господу, приготовить свои души и сердца, чтобы достойно встретить Бога во плоти – Иисуса Христа Спасителя.

Милые дети! К вам обращается слово Иоанна Крестителя: уготовайте и вы путь Господень. Жизнь впереди вас; еще немного – закончится время вашего учения. Старайтесь же теперь уготовать себя для Господа. Гостя обыкновенного встречают, убрав и очистив комнату, а Небесного Гостя, а Бога как встретить? Нужно убрать и украсить свою душу святою верою, знанием закона Христова, святыми мыслями и чувствами, нужно очистить сердца от всего дурного, нужно иметь горячее желание и готовность всегда исполнить с усердием волю Бога. Для того-то вас здесь и учат, для того вас воспитывают в этой школе, у этого храма. Приготовьте путь Господу: Он вошел к вам чрез крещение, Он стоит всегда перед

вами; учитесь прилежно, изучайте Закон Божий, узнавайте волю Божию в воле ваших родителей и воспитателей, различайте добро и зло, полюбите добро, служите ему, избегайте зла и всего дурного, а главное – научитесь всегда молиться, усердно молиться, находить сладость в молитве, и вы уготоваете путь Господу: Он придет к вам и вселится в вас, Он очистить вас от всякия скверны, Он пошлет вам благодать Пресвятого Духа, действующего и укрепляющего душевные ваши силы, и вы, внимая преподаваемому вам учению, возрастете Ему, Создателю вашему, во славу, родителям вашим на утешение, Церкви и отечеству на пользу.

Учитесь, дети, учитесь, молитесь, трудитесь, – и пока вы молоды, пока есть время, пока силы ваши юны и свежи, – уготовайте путь Господень! Аминь.

Твердый характер

Памяти протоиерея о. Иоанна Назарова[77]

Разделения дарований суть, а тойжде Дух… и разделения действ суть, а тойжде есть Бог, действуяй вся во всех, Комуждо же дается проявление Духа на пользу: овому бо Духом дается слово премудрости, иному же слово разума о том же Дусе; другому же вера тем же Духом; иному же дарования исцелений о том же Дусе; другому же действия сил, иному же пророчество… Вся же сия действует едино и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет (1Кор. 12:4–11).

Обозревая бесконечное разнообразие званий и служений человеческих, различие сил и способностей, бесконечно сменяющиеся оттенки в направлениях даже в одной и той же деятельности, апостол разрешает и осмысливает это явление только что приведенными словами. *Комуждо*, говорит он, *дается явление Духа на пользу*: и слово премудрости, и слово разума, и вера, и дарования исцелений, и действия сил и пророчество. *Вся же сия действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет.*

Да, без конца разнообразна жизнь мира и человека и способы созидания неизмеримо разнообразнее видов смерти и разрушения! Один из европейских мыслителей, обозревая мир, уподобил его прекрасной картине, в которой различные цвета, от самого светлого до самого темного, способствуют в своем сочетании только дивной гармонии и красоте картины. Подведите же все под один цвет, самый приятный, самый светлый и ласкающий – и все будет безобразно, не будет картины, не будет красоты, не будет красоты и художества. Тот же закон проходит и в области духовной деятельности человека. Не станем приводить здесь все или многие проявления жизни, возьмем одно: но и в едином найдем непременно разнообразие. Даже в среде Божиих избранников, в одном, определенном круге свыше указанной им деятельности, мы видим, как различно они исполняли свое служение. Ревность Илии – не то, что мягкость Елисея, Давид-воитель – не то, что мирный

Соломон; Исаия, изображающий мирные картины царства Божия, в котором будут пастись вместе волк и ягненок, – и Иеремия с его громовыми обличениями, с его потрясающим плачем; Иона, в патриотической ревности готовый ценою смерти отвести милующую руку Бога от врагов его народа, – и Даниил, служащий царю-поработителю на чужбине ради славы Бога Израилева, – все эти ветхозаветные пророки так непохожи, по-видимому, один на другого, хотя все они служили единому делу Божию. А в Новом Завете? Только один Богочеловек является истинным Сыном Человеческим в дивной и всесторонней гармонии сил и дарований истинно-человеческих: но оттого Он и образец для подражания на все века и для всех людей, из которых каждый найдет в Нем ту сторону, которая в его собственной природе указана Творцом, как данный талант для возделывания. Все прочие деятели Нового Завета – люди, и, как таковые, каждый имеет свой определенный облик, свою отмеренную сферу работы, свое «явление духа на пользу». Апостол Петр, пылкий и решительный, способный на быстрый порыв и столько же на быструю реакции, – не то, что нежный и кроткий Иоанн, не то, что твердый и настойчивый Павел. Четыре всего евангелиста в христианстве, об одном Лице, об одних событиях они пишут, но каждый из них относится к изображаемым событиям по-своему, и получается в общем единое евангелие, а в частностях и в способе отношения к описываемым событиям – четыре различные евангелия. И в жизни последующих деятелей Церкви тот же закон разнообразия. Правитель-епископ Василий Великий, поэт-богослов Григорий, проповедник нравственно-практический Иоанн Златоустый, борец со лжеверием Афанасий, молчальник и подвижник Антоний, любитель пустынного уединения Пафнутий, создатель общежительного иночества Пахомий, – все это различные работники в различных областях одного и того же великого дела Божия. Оттого жива и прекрасна история прошлого, что в ней каждый найдет себе поучение в меру своих способностей и своего духовного склада, в меру своей духовной восприемлемости. Каждому нравится в этом прошлом то, что в его вкусе, т.е. то, что соответствует его духовному складу,

восполняя его положительно или отрицательно; от такой субъективности суда решительно никто не свободен. Картина жизни получается только в общем, а частности ее могут быть непонятны и даже вызывать осуждения. Но вся сия действует един и той же дух, разделяя властью коемуждо, якоже хощет.

Все это хочется сказать и напомнить над гробом умершего собрата нашего в эти печальный минуты его погребения. Нам, рядовым работникам на ниве Божией, конечно, нельзя и помыслить о сравнении с указанными нами великими сосудами благодати – пророками и апостолами, отцами и учителями Церкви. Но закон жизни для всех один и тот же, он применим и к нам, и к усопшему нашему собрату. Жизнь его кончена; его деятельности земной положен предел. Что сказать о нем и какое место указать ему среди деятелей человеческих?

Чтобы понять его, нужно проследить его жизнь, хотя бы в кратком обзоре. Сын беднейшего старинного дьячка, с детства испытал он горе, нужду, а скоро, после смерти родителей, – и сиротство и одиночество; учился он с трудом; по бедности, должен был оставить учение и поступить на бедное место причетника, потом диакона в Тамбовской епархии (в 1859 году) в тяжелое время крепостного права. На миг согрета была его жизнь семейным счастьем, радостью мужа и отца, но счастьем мимолетным, настолько быстро промелькнувшим, что покойный за 40 с лишним лет, прошедших со дня смерти жены, сохранил об этом времени своей семейной жизни самые смутные воспоминания. Порвалась семейная жизнь, и опять началось одиночество. Молодому вдовцу-диакону что было делать? Был момент, когда он заколебался и, по обычаю многих, готов был утопить горе в вине: но это был только момент. Он отдался самообразованию и здесь нашел спасение; одной своей печатной статьею обратил он на себя внимание епископа, знаменитого впоследствии писателя-аскета Феофана-затворника. Благодаря его поддержке, вдовец-диакон уже в пору зрелых лет поступил учиться в семинарию вместе с юношами, успешно кончил курс, поступил затем и в академию (Московскую) и по окончании учения вернулся на родину. Здесь в этих фактах его жизни выступает и выясняется основная черта

его духовного склада, твердость характера, редкая в наши дни; настойчивость в достижений намеченной цели, постоянное присутствие духа во всех обстоятельствах жизни. Эти черты душевного склада, в связи с суровою обстановкою жизни, с постоянным одиночеством и отсутствием тепла и ласки в окружающей его обстановке, сделали покойного человеком не мягким. Будем откровенны: последнее обстоятельство создало ему не мало врагов и поставляемо ему было в один из крупнейших недостатков: пройдем мимо них с молчанием, памятуя, что у гроба, где Церковь молит только о прощении согрешений, не место ни вражде, ни укоризне. Здесь уместно указать только доброе и положительное. Отмеченные особенности духовного склада покойного нашли себе применение на последнем месте его служения в г. Карсе и Карсской области, где после недавнего турецкого владычества пришлось ему упорядочивать церковно-приходскую жизнь края и вводить твердою рукою начала русского церковного управления среди тысячи препятствий, среди постоянного то явного, то тайного сопротивления со стороны невежества и рутины. Здесь блестяще выяснились способности покойного, как твердого и редкого администратора. Трудна, мелочна, раздражительна была эта работа; труд к тому же усложнился тем, что борьба принципиальная, как это нередко бывает, врагами обращена была в личную озлобленную борьбу, сказавшуюся тяжкими обвинениями, не брезгавшую клеветою, бесчестием, так что имя покойного до конца дней было имя пререкаемое. Все это пришлось вынести покойному на склоне лет, страдая тяжкими болезнями, в теле, столь немощном и слабом, что все видевшие дивились, как в нем еще могла теплиться жизнь. Но дух его был тверд среди немощей тела. Мы видели его в самых тяжких обстоятельствах; никогда он не унывал; настойчиво он шел к преднамеченной цели, непоколебим был в отстаивании всего, что, по его мнению, касалось интересов Церкви; это был редкий, железный характер. Плоды его трудов могут быть понятны только тому, кто знает, что было в церковной жизни края до появления здесь

покойного, и кто посвящен был в подробности и мелочи его работы.

Мы сказали, что обстоятельства его жизни и служба не могли его сделать мягким. Но это только в служебных делах. В личных отношениях он способен был на бескорыстную и широкую благотворительность, и есть не мало лиц, которые получали от него помощь.

Нередко, по-евангельски, шуйца его не знала, что делала десница, так что многие его благотворения остались тайными. При жизни многое говорилось об его средствах, а по смерти оказалось, что едва ли есть на что его похоронить.

Спи теперь в мире и в Боге, усталый работник в Божием винограднике! Не нам судить твою работу. Пусть ее оценит Небесный Виноградарь, наш Пастыреначальник Господь Иисус Христос. Не забыть мне твоего последнего разговора со мною, в котором ты, как-то неожиданно, но глубоко убежденно выразил свою сердечную веру в бессмертие и твердую, – как все было твердо в твоем слове и деле – твердую надежду, что за гробом Бог все взвесит, все примет во внимание, простит то дурное, что являлось в нас неизбежным.

Провожаем тебя к Богу с этою твоею верою и надеждою. Благословение тебе передаем пред лицом молитвенного собрания от нашего благостного архипастыря; «сыновний привет уважения» – от одного из епископов, сотрудников архипастыря; прими молитвы и последнее целование от нас, твоих собратий по сану и служению, и окружающих близких, знаемых, пасомых, которые пришли к тебе сейчас в таком множестве. Иди в благодатном мире туда, куда призвал тебя Господь, и да будет блажен твой путь, охраняемый твоею верою и упованием, и нашими молитвами! Аминь.

Уроки инокиням

I. Царство Божие[78]

Оттоле начат Иисус проповедати и глаголати: покайтеся, приблизилось царствие небесное.

О царстве Божием, о царстве небесном говорит нам Иисус Христос в Своем евангелии. В мирной обители инокинь, отрекшихся от земного и мирского ради небесного и духовного, вменившись ни во что человеческое и приявших взамен его все Божеское, и уместно и благовременно слово и размышление о проповеди Христовой, об Его призыве к царству Божию, к царству небесному.

Уместно и благовременно слово это и ради нынешнего торжества – освящения храма, ибо храм есть селение небесное, ибо всякий храм и своим видом, и своим назначением напоминает о небе: в «храме стояще славы, на небеси стояти мним»… говорится в песни церковной.

Наконец, уместно и благовременно слово о царстве небесном и ради памяти того угодника Божия, в честь которого устроен и освящен ныне этот святой храм. Святитель Ювеналий был патриархом Иерусалимским. К нему из далекой страны пришла родная сестра Сусанна с мужем Завулоном, бывшим прежде знатным и воинственным полководцем, и с маленькою дочерью Ниною, впоследствии ревностнейшею просветительницею Грузии. Пришли к нему родные, целою семьею, в горячем искании царства Божия, к подножию Креста Христова сложили они блага и утехи мира, из уст угодника Божия искали услышать благие советы, как обрести желанное благо царства Божия и каков к нему путь, – путь от земли к небу.

И путь был указан – тот самый путь, которым пошли и идете доныне и вы, возлюбленные сестры, т.е. путь жизни монашеской: Завулон ушел в пустыню Иудейскую и окончил жизнь великим подвижником, Сусанна скончала дни при храме Иерусалимском, в служении Богу, Нина в раннем девичестве избрала себе женихом Жениха небесного – Христа Господа, Ему отдала сердце, с Ним сочеталась навеки, Его единого любила,

Его единого искала, Ему единому служила, о Нем отверзала уста и к Нему привела далекую Грузию.

Из многообразных путей жизни, из многообразных путей к царству Божию избрали и вы, возлюбленные сестры, *этот узкий и тесный путь спасения*, указанный святителем Ювеналием, который не только говорил о нем другим, но и сам шел по нему неуклонно, за что и похваляется Церковью, как *монашеского постного жития истовое правило* (служба св. Ювеналия). Но не вам одним: всем проповедано ныне царство Божие словом Христовым. Всегда жаждала его наша душа; ни богатства, ни почести и никакие земные радости не могли и не могут заглушить этой духовной жажды: сердце человеческое среди земного стремится к небесному, среди временного ищет оно вечного, среди видимого жаждет оно невидимого; как дым фимиама, возносится к небу, как пламя огня, поднимается кверху, как растение тянется ветвями своими к свету и солнцу, – так порывается и стремится душа наша к Богу. В царственной силе и славе Давид предзрел Господа пред собою выну и его псалмом может говорить о себе каждая душа человеческая: *Имже образом желает елень на источники водныя, сице желает душа моя к Тебе, Боже!* (Пс. 41:1.)

Ты создал нас, Господи, для Тебя Самого, оттого и ищет Тебя душа наша и тоскует без Тебя, – говорит один из оо. Церкви (Августин). Где же Ты, Господи, и где Твое царство, как его искать, как в него нужно войти?

Недалече, от нас царство Божие… Не за горами и долами, не за морем, не в дальних странах, не в неведомых городах; недалече оно от нас, – оно внутри нас, по слову Христову. И это стремление каждой души человека к Богу, и закон Бога, начертанный на скрижалях совести, *и вера в Христа, действующая любовию*, и благодать, и мир, Им ниспосланные, и радостное сыновство Богу – плод Его искупления, и правда, мир и радость о Духе Святом, – все это дары царства Божия. У одного оно, как зерно горчичное, у другого разрослось, как древо плодовитое и многоветвистое, по изображению притчи Господней, в ином оно только развивается, в другом – возросло, заполнило всю жизнь душевную, так что человек, по

изображению евангелия, все продал, все отверг, и купил себе это царство Божие, как единое неоцененное сокровище; у одних, как у Марфы, оно еще не вытеснило других забот и попечений, а у других, как у Марии, оно сделалось единым на потребу и благою частью вовеки. Так царство Божие внутри нас есть!

И, однако, хотя и внутри нас и в нас находится царство Божие, – его искать надо, искать усиленно и неуклонно. Оно в нас, но мы не видим его; оно в нас, но мы не знаем о нем. Как искра в кремне, сокрыто оно под грубостью нашего сердца; как загрязненный алмаз, пылью и грязью, покрыто оно нечистыми мыслями, дурными желаниями, пороками и нечестием. Как же не искать его, как не заботиться о нем?

Христианин! Ищи царства Божия! Очищай ум свой от предрассудков и заблуждений, чтобы просиял в нем свет Божий; очищай сердце от грехов, чтобы сила закона чистой, невинной и богоданной совести могла иметь свое беспрепятственное действие; очищай веру от сомнения, от уныния, от суеверия и заблуждения, а больше всего очищай любовь к Богу от любви к миру. Тогда семя царства Божия будет развиваться и возрастать в великое древо многоветвистое. Христианин! Ищи царства Божия *усиленно*: ибо оно, по слову Христову, силою берется, и только употребляющие усилия получают его.

Нужно ли проходить путь скорбей и страданий, – не ужасайся ты его: ибо многими скорбями подобает внити в царство Божие. Нужно ли умерщвлять плоть и страсти, – помни, что иже Христовы суть, плоть распята со страстьми и похотьми. Христианин! Ищи царства Божия неуклонно! Нужно ли отвергнуться собственных удовольствий, благ, чести: оставь мертвым погребать их мертвецов, ты же, взявшись за плуг, не озирайся назад, иначе ты не годен для царства Божия.

Но смотри, ищи царства Божия но только усиленно, не только неуклонно, но и с великой осторожностью; берегись, как бы не заблудиться; берегись, как бы не признать за царство Божие нечто другое, противное истине; берегись, как бы не избрать вместо дороги, ведущей к Богу и к небу, другой дороги, удаляющей от Бога и ведущей в преисподнюю, во дно адово…

Это именно и случается со всеми нашими сектантами, раскольниками, лжеучителями, которые, как слепцы, ведущие слепцов, падают в яму и разбиваются. А ты возьми в пути к царству Божию испытанную путеводительницу, испытанную наставницу – Церковь Христову. Ей вверено это дело Самим Царем царства Божия, и она почти две тысячи лет уже ведет к небу и вечности ищущих Бога, и великое, необъятное множество их она управила в царство Божие. А на пути земного шествия Церковь Христова, как гостеприимные покои, устроила храмы Божии: в них она напоминает о Боге; их возвышенною и святою красою говорит нам о небе, в них дает отдых и спасает дух наш, в них она очищает нас от прирожденной нечистоты, в них она врачует нас таинствами, в них она соединяет верующих с Богом.

Возлюбленные сестры! И монашеским житием, и *этою видимою* красою храмов Божиих в вашей обители вам *облегчено шествие к царству Божию*. Эта свобода в употреблении своего времени на занятия душеспасительные; эта близость к храмам Божиим и удобство находиться при богослужениях; эта сохранность мысли, невозмещаемые делами житейскими; это мирное и единодушное сообщество сестер, идущих к одной и той же святой цели, – все это в ваших руках и в вашем распоряжении.

Тако тецыте, о, возлюбленные, – и достигнете! Возлюбите же всею душою святую и мирную обитель вашу, возлюбите ваши святые храмы – и верою, и молитвою, и покаянием, отречением от суеты мира, подвигом взаимной любви, послушанием ищите, ищите царства Божия, и без слов, но громче и красноречивее и убедительнее всяких слов, примером святой веры и святой жизни всех призывайте к царству Божию! Аминь.

II. Значение подвига монашества для мира[79]

Семя свято – стояние его.

Вчера говорили мы вам, возлюбленные сестры этой святой обители, о царстве Божием и об искании его путем вашего монашеского жития и подвига.

Но вот, не слышны ли вам долетавшие до слуха вашего буйные и дерзкие возгласы мира, осуждающие и ваш образ жизни, и самые святые обители? Не слышите ли вы нередко укоры в том, что монашеское житие бесполезно для земли, бесплодно для человека, ненужно и неугодно и Самому Богу? Так именно все чаще и чаще говорит гордый и осуетившийся мир, а между тем слово Божие уверяет нас в другом: оно уверяет нас, что *благочестие на все полезно, имея обетование жизни и будущей и настоящей*, что ищущему царствия Божия отдастся само собою и царство земное, приложатся все блага его; оно поразительные примеры указывает во святых апостолах, которые свидетельствовали о себе: *до нынешнего часа мы и алчем, и жаждем, и наготуем, и страждем, и скитаемся, и труждаемся, делающе своими руками*, и в то же время – *мы нищи, а многих обогащаем, мы ничего не имеем, но всем обладаем*… (1Тим. 4:8; 1Кор. 4:11; 2Кор. 6:10). Кто из богатых мира сего может сказать о себе, что он всем обладает? И кто из нищих, нуждающихся в пище, питье и одеянии, может засвидетельствовать, что он всех обогащает?

Так говорят и могут говорить только те, кто искали и нашли царство Божие. И в ответ на злобные обвинения людей, не понимающих иноческой жизни; в ответ на гордыню и укоры людей душевных, не постигающих людей духовных, в этот торжественный и радостный праздник вашей обители и вы можете засвидетельствовать, что не бесплодно иночество в мире, что и вы, если будете верить своему житию и призванию, можете сказать о себе словами апостолов: мы – как нищие, а многих обогащаем, мы ничего не имеем, а всем обладаем. И больше того: слово Божие постоянно и настойчиво уверяет нас о самом мире, что *семя* свято – стояние его. Это значит:

прекратится на земле род благочестивых и избранных, прекратятся на земле искатели царства небесного, – тогда погибнут и царства земные, тогда не устоять и самому миру, как не устояли Содом и Гоморра, когда в них не нашлось 10 праведников.

Да, велика, благоплодна и для земли служба тех, кто был здесь земным ангелом и небесным человеком, хотя бы от них не было видимой, грубой земной пользы. Их польза – скрытая, высшая, духовная, и доступна и познается она только чрез ум, особенно вдумчивый, и открыта она для сердец чистых, способных к духовной отзывчивости. И бывали времена, когда сами люди мира не словом, а делом во всеуслышание всех признали эту истину.

Перенеситесь мыслью ко временам далеким, когда над землей только что почувствовалось предрассветное веяние христианства. Вот на берегу Иордана явился человек. Тридцать лет провел он в уединении и мрачной пустыне Иудейской в святом подвиге непрестанной молитвы, в постоянной беседе с Богом и в чтении Его слова, в суровых подвигах самоумерщвления и в лишениях пустынной жизни. Он вышел из пустыни и стал на людном пути Иорданском, и здесь раздалось его могучее слово призыва к обновлению духа и жизни и к покаянию. Странен был вид его – в одежде из верблюжьего волоса, странно было слово его – суровое, обличительное слово. И сам он, выросший вдали от мирских дел, незнакомый с их течением, казался не на месте на этом людном и шумном пути, где без конца взад и вперед двигались толпы людей, занятых своими житейскими счетами и мирскими попечениями. Но смотрите, что случилось! Как властно было его слово, как могуче действовала его проповедь!

Каждому сердцу рассказал он его печальную историю, в каждой душе зажег он священный огонь покаяния. Чудо случилось, дивное, непонятное чудо: к нему, жителю пустыни, удаленному от мирских дел, незнакомому с их суетою, идут люди мира, идут и с тоской и с тревогой спрашивают: что нам делать? Идут гордые своей мнимой праведностью фарисеи, приходят кичливые умом и погрязшие в чувственности

маловерные саддукеи, идут мытари – сборщики податей, служители позорного ремесла, погрязшие в нечестивом занятии ростовщичества, идут воины, привыкшие к крови и насилию, идет и движется народ. Иоанн не научил их, как пахать и сеять, как строить города, одерживать победы и завоевывать царства: но неужели его подвиг, его слово были бесплодны? Неужели то обновление душ, то глубокое раскаяние людей, дотоле порочных, та проповедь о высшей справедливости и то напоминание о высшем и последнем суде, – все, что говорил и сделал Иоанн, неужели все это было бесполезно? Но в таком случае мы пользу ограничим одними скотскими потребностями.

Возьмите другой пример. На берегу озера два рыбака моют и чинят сети: они заняты мирским полезным делом. Но вот приходить Некто, – и вы знаете, кто Он, – приходит и говорит: оставьте это, идите за Мною и Я сделаю вас ловцами человеков. И они, все оставив, все бросив, и даже лодки, и сети, и свои семьи, пошли с Ним. Неужели подвигих отречения от мира был бесплоден и ненужен? Но мир, который оставили рыбаки-апостолы, сам пришел к ним, у них смиренно выслушивал уроки небесной мудрости, склонился к подножию креста, и ими проповеданного вечного закона слова Крестного: и когда мир исполнил эти уроки небесной мудрости, когда исполнил он закон слова Крестного, *закон любви*, смирения, всепрощения, самоотвержения, – он был безмерно счастлив и, напротив, когда отвращался от этих законов, тогда впадал в бездну зол и страданий. Так мир признал благоплодность подвига отрёкшихся от мира.

Не такова ли была и ты, чудная святая равноапостольная дева, ради которой мы ныне собрались на святом торжественном празднике у твоей святой гробницы, где телом ты опочила некогда в благоухании святыни? И св. Нина все оставила, приняла имя монахини и странницы, покинула родину, привычный круг людей, отказалась от семьи и мирской жизни. Неужели же жизнь ее оказалась бесполезной для мира и человечества? Нет, светом своих подвигов она просветила всю страну Иверскую, дала ей жизнь духовную, открыла истину, сообщила волю Божию, научила различать добро и зло,

украсила жизнь добрыми нравами, упорядочила нравственный уклад и семьи, и государства, и общества; по слову песни церковной, силою Христовой она соделала сильным царство Грузии, оживив ее жизнь и земную – государственную, и указала ей место в семье великих народов, работавших над великим, мировым делом. Неужели подвиг ее отречения от мира был бесплоден для мира? Повторяем, это была особая высшая духовная польза, непонятная для грубого и плотского ума, для грубого и плотского сердца. Конечно, невежда считает зерно ячменное дороже, чем зерно жемчужное, но тот, кто знает настоящую цену тому и другому, хоть, по слову евангелия, все имение продаст, чтобы купить одну драгоценную жемчужину царства Божия.

И таковы были бесчисленные подвижники и подвижницы и земли русской, и земли грузинской, которые из мрака пустынь, из ущелий гор, из уединения лесов, из глубины вертепов воссияли над миром силою молитвы, славой чудес, потоком милостей Господних, примером доброй жизни, утешением разбитых сердец, обращением грешников, спасением душ!

Им последуя, избрали и вы, возлюбленные сестры-инокини, этот путь жития подвижнического. О, верьте, верьте, возлюбленные, что семя свято – стояние мира. Верьте, что монашество есть цвет христианской жизни, ее поэзия, ее украшение. Посему велик подвиг вашего жития, доходна до Бога ваша молитва, славно и честно звание иноческое, и спасительно оно для мира осуетившегося. Светите же, светите этому миру добрым житием, обращенным к горнему и духовному: *вышних ищите, горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3:1–2).

Нам же влающимся в молве и попечениях града, людям мирским, давайте чаще и чаще вдыхать аромат жизни духовной, дышать благоуханием святыни и вечности, предощущением того немеркнущего света, незаходимого солнца, того светлого, невечереющего дня, где будет всех веселящихся жилище, и празднующих глас непрестанный, и бесконечная сладость зрящих лица Божия доброту неизреченную.

И за этот свет, за этот мир душевный, за ваши молитвы, за труды, за подвиги, за напоминания о небе и вечности скажет вам доброе слово хвалы и благодарности оставленный вами мир. Аминь.

Правда веры и жизни[80]

Во едину святую, соборную и апостольскую Церковь…

Достойно и праведно ныне, в день Православия, с особым чувством радостного умиления воспомянуть и исповедать эту истину нашего священного символа веры. Достойно и праведно в этот день, когда мы празднуем победу и торжество православия над неверием и лжеверием, возблагодарить Бога за то, что мы принадлежим к той единой и спасающей Церкви, которая удержала и содержит ныне в чистоте и сохранности истину святой веры в том виде, как принес ее на землю Христос Спаситель, как возвестили ее миру святые апостолы, истолковали и сохранили на все века богомудрые отцы и учители Церкви на святых соборах: *сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди.*

Правда Церкви нашей есть прежде всего правда веры и исповедания. На нее-то искони и устремлены были козни врагов истины: и гордыня лжеименного разума, и самочинное мудрование в учении Божественного откровения, и нравственная распущенность, как печальное наследие издохшего язычества, и продажные, мирские, недостойные веры расчёты в жизни частной или государственной, – все эти враги силились поколебать чистоту веры нашей и поставить в ней на место Божественного начало человеческое. Сонмы мучеников, сонмы отцов и учителей Церкви с величайшими трудами, жертвами и усилиями, своими страданиями, терпением, кровью и смертью отстояли для нас сокровище веры: да будет им вечная память пред очами Бога и людей, в Церкви земной и небесной!

Велико и неоцененно сокровище этой правды веры и исповедания! Ныне принято умалять его; ныне раздается проповедь новоявленных и самозванных учителей о том, что в христианстве чистота веры и догмата будто бы не важна, и что не только главное, но и единственное его сокровище – это правда жизни. Не верьте, братие, этому обольстительному

учению. Как нельзя жить, не родившись; как нельзя читать и писать, не зная азбуки: так нельзя иметь правды и жизни, не имея правды веры. Апостолы завещали нам твердо звать наше упование и давать о нем ответ вопрошаюшим (1Пет. 3:16), они завещали нам хранить оставленный ими образ здравых словес (2Тим. 1:13), чтобы по нему устроять и располагать свою жизнь: иначе здание нашей нравственной жизни будет построено на песке или, еще хуже, уподобится писанию по воде…

Этим не унижает Церковь правды жизни. Напротив, твердо и неизменно проповедует она учение апостолов, что *вера без дел мертва есть* (Иак. 2:20), что нужно *любить не словом и языком, но делом и истиною* (1Ин. 3:18). И смотрите, поучаясь, как оправдывает ее история веков минувших. История эта гласит нам ясно и вразумительно, что с правдою веры всегда неразрывно связана и правда жизни; с возрастанием или падением одной – непременно возрастает или падает другая. Все общества христианские, уклонявшиеся от единства и чистоты веры, оскудевали духом и скоро являли печальное зрелище нравственного разложения. Где сонм святых в церкви армянской после отделения ее от православия? Она чтит только тех святых, которые жили до разделения церквей, будучи не в силах после потери чистоты веры воспитать сынов своих для святости. Не оскудела ли святыми подвижниками и угодниками и их святыми мощами отколовшаяся от единства веры церковь гордого Рима? Но вот на Западе действиями темной силы явилось новое и великое отступление, нашумевшее на весь мир, гордо объявившее себя реформацией, отвергшее и поправшее по началам лжеименного разума всю древнюю святыню веры. Что же вышло? Нашлись ли там деятели, напоминающие хоть сколько-нибудь величавых святителей христианской древности? Явились ли смиренные подвижники веры и молитвы, осиянные Божией благодатью? Просияли святые, Богом умудренные учители веры, властители дум, целители больной совести, те, к которым стекались бы люди Божии, ища назидания, облегчения измученному сердцу, прощения грехов, обновления жизни? Все застыло там в одной напряженной работе холодного разума в делах веры, которая

главным образом живет в области сердца, и жизнь видна только в одном головокружительно-быстром и страшном развитии крайнего отрицания, в этом бесконечном дроблении сект, которые уже выродились из лютеранства в числе более 800, которые плодятся и доныне, являясь наглядным и страшным нарушением предсмертной и заветной молитвы Богочеловека: *да вси едино будут*… (Ин. 17:21).

Не ради гордыни и похвальбы, а во славу Бога и Христа Его, в благодарное исповедание Божией благости и благодати, свидетельствуем мы о великом сонме святых Божиих в нашей православной Церкви. Не оскудевает сонм этот, растет из века в век, украшая новыми и яркими звездами духовное небо славного христианства. Милостию Божиею не оскудела носителями святости и наша родимая Российская Церковь. И на престолах благоверных князей, и в среде всех сословий верноподданного народа; среди воинов и мирных граждан; на превознесенных престолах святителей Церкви, и в рядах простых мирян и иноков, в тиши обителей, в глубине лесов, в неведомых пустынях, среди льдов далекого северного моря, – везде просияли на земле русские святые угодники, и стала земля наша воистину землею *святорусскою.*

Истекло 19-е столетие христианства на наших глазах; в этот век разлива в мире неверия и нечестия Господь в русской Церкви четыре раза, как бы четырем поколениям, сознательною жизнью пережившим столетие, воздвиг в назидание новых угодников Божиих: святителей Иннокентия Иркутского, Митрофана Воронежского, Тихона Задонского, Феодосия Черниговского. Наступил XX век, и се – у самого порога его мы видим новое знамение милости Божией к русской Церкви, новое свидетельство ее истины, ее православия и целости ее духовной жизни, новый призыв к нам хранить святыню веры и сыновнее послушание Церкви: близится время прославления боголюбивого старца Серафима, Саровского подвижника, нареченного в святых Божиих общим гласом верующего православного народа; ныне запечатлен глас этот решением высшего церковного священноначалия и радостно-умиленным словом возлюбленного нашего Монарха.

Радуйся, Церковь святая православная! Радуйтесь, духом православные люди Божии! Радуйся, старче Серафиме, смиренный подвижник и новый к Богу молитвенник за землю русскую!

В этот день Православия усугубим торжество его, братие, радостью о новоявленном угоднике Божием, свидетеле православия и святости нашей Церкви. Изволением архипастыря сейчас прочитано будет Деяние о сем Святейшего Синода. Выслушаем его в благоговейном внимании. Аминь.

Честный служитель слова[81]

Слово ваше будет солию растворено. (Кол. 6:6).

Неизмеримо велико значение человеческого слова. В чудно-таинственном устройстве человека, этого «малого мира», его светлая мысль родит вдохновенное слово, в нем воплощается, увековечивается; и обратно: слово, в свою очередь, возбуждает и вызывает мысль, развивает ее, совершенствует, вступает в непостижимую связь с чувством, действует на волю, – захватывает, таким образом, всю широкую область человеческой деятельности.

Не напрасно, поэтому, слово представляется глубоко важным не только в отношении эстетическом, литературном, научном и общественном: оно преисполнено и как бы насквозь проникнуто иным, высшим значением, – священным религиозным. Словом Бога создан мир изначала, словом дано откровение, словом глашали истину пророки, Словом благоволило именоваться Божество в воплощении, словом Богочеловек и Его апостолы поведали миру небесную весть спасения.

И блажен тот избранник Божества, одаренный светлою мыслью и чудным даром слова, который не употребит во зло своего дарования, который не продаст за жалкую похлебку мирских благ свое духовное первородство, который не уподобится древнему Валааму, избравшему слово проклятия народу вместо Богом заповеданного слова благословения. Блажен всякий служитель слова – писатель или оратор, поэт или проповедник, и благословенно имя его, если он не избрал это слово орудием лжи, обмана, возбуждения низменных страстей и нравственного растления. Ибо *от слов твоих оправдишися, и от слов твоих осудишися*, – говорит Господь в Откровении (Мф. 12:37). И не даром один из наших художников слова, современник того, кого мы ныне поминаем молитвою, приточным изображением загробной судьбы разбойника и писателя показал нам в назидание, что убийца менее вреден и скорее удостоится прощения предвечною правдой, чем дурной

писатель, этот духовный разбойник, оставивший на земле в своих произведениях семена неисцельного и непрекращающегося зла.

О, как уместно и как необходимо громко и часто напоминать об этом себе и другим в наши тревожные дни! Слово человеческое ныне не хранится, как прежде, в тесном кружке близких людей, а быстро распространяется по лицу земли; его разносит по миру не одна стоустая молва, как прежде, но многочисленные, усовершенствованные и все более развивающиеся орудия гласности – почта, телеграф, телефон, газеты, листки, книги, журналы. Увековечиваются не только слова, но самый тон, выражение и звук голоса… Страшно подчас становится за эту изумительно-могучую силу слова. Страшно становится, когда видишь, как талантливые творцы слова питают изо дня в день читающую и мыслящую часть общества образами порока, греха и соблазна, не вызывая к ним отвращения, нет, – часто оправдывая, даже открыто сочувствуя им. Страшно подумать, что озверевшие подонки человеческого общества возводятся ныне в идеал, объявляются носителями обновления нашей общественности; что, под влиянием модных мыслителей, добро и зло объявляются условными; когда знаменитое – «все позволено» предлагается, как единственная норма и лозунг деятельности; когда поле изображаемой литературным словом жизни занимают нравственные дегенераты, якобы «сверхчеловеки», стоящие «по ту сторону добра и зла», а на самом деле – герои скамьи подсудимых, обыкновенные преступники, с обыкновенными низменными инстинктами, дерзость которых и нравственное бесстрашие принимаются за нравственную отвагу и силу, – достойные, конечно, и снисхождения, и сожаления, но никак не подражания. Страшно становится, когда видишь, что всякое преступление на общественном суде находит себе красноречивую защиту, вознаграждающую вещателей зла то крупною платою, часто из темного источника, то громкою популярностью, – благами, за которыми любители их едут издалека, тянутся, как будто к свету, ко всякому виду громкого преступления, чтобы защитить его прелюбодеянием слова лицемерно-красноречивого и ложно-

одушевленного. Страшно становится, когда разрушительные для религии и общественности учения распространяются словом подпольной литературы, проповедуются подчас между строками и легальных газет, книг и журналов. И прямо ужасно подумать, что все это прививается и усвояется, что всем этим увлекаются ныне до потери сознания границ добра и зла, нравственно-прекрасного и безобразного, что почва для посева и возрастания такого слова человеческого, изменившего своему божественному назначению, с каждым днем становится как будто восприимчивее.

В такие дни, действительно, отрадно остановиться на образе писателя, которого мы ныне поминаем молитвою и затем венчаем заслуженною славою – созданием рукотворенного памятника от имени нашего города. Вот писатель, которые объявил, что со словом нужно обращаться крайне осторожно: «оно, по его выражению, лучший дар Бога человеку». Вот писатель, проникшийся убежденным сознанием религиозного значения слова, который смотрел на себя, как на орудие промысла, как на библейского пророка, глашатая истины; который, рисуя порок, не услаждался им и не услаждал им других; который горьким смехом посмеялся над пошлою стороною нашей действительности не для забавы и глумления, не для пошлого остроумия, а «сквозь незримые миру слезы»: он плакал над язвами нашей жизни, страдал и болел ее страданиями, он приобщился к той мировой скорби лучших писателей-печальников народа своего, которая является как бы отблеском и соучастием искупительного подвига Христова... Вот писатель, у которого сознание ответственности пред высшею правдою за его литературное слово дошло до такой степени напряженности, так глубоко охватило все его существо, что для многих казалось какою-то душевною болезнью, чем-то необычным, непонятным, ненормальным. Это был писатель и человек, который правду свою и правду жизни и миропонимания проверял только правдою Христовой.

Да, отрадно воздать молитвенное поминовение пред Богом и славу пред людьми такому именно писателю в наш век господства растленного слова, – писателю, который выполнил

завет апостола: *слово ваше да будет солию растворено*. И много в его писаниях этой силы, предохраняющей мысль от разложения и гниения, делающей пищу духовную удобоприемлемой и легко усвояемой.

Отрадно и то, что такого писателя ценят и прославляют. Это – доброе знамение времени; это – добрый знак, что не до конца загрязнена и почва, воспринимающая слово, что многих как бы тошнит от той духовной пищи, которую им часто преподносят в современной литературе, и они ищут освежения и обновления в вечных заветах великих творцов слова минувшего времени. Такие творцы по своему значению в истории слова подобны святым отцам в православии: они поддерживают благочестивые и чистые литературные предания. В их заветах можно и объединиться, и сойтись всем представителям такого окраинного и разноплеменного города, каковым является наш Тифлис. Честь и хвала и глубокая благодарность представителям города за это чествование великого писателя земли русской; ведь в его заветах высоких и благородных мы все воспитались в годы учения и духовного-умственного и нравственного возрастания; ведь эти заветы, действительно, сильны объединить всех, кто ищет добра и любит его, кто, без партий и кличек, хочет видеть в себе и в окружающих человека в истинном и высоком значении этого слова.

Пусть же останутся эти заветы руководством и для вас, представители нашего общественного самоуправления! Создавая памятник великому писателю, столь честному в мысли и слове, вы тем самым показываете, что разделяете уроки, оставленные нам этим учителем жизни. Иначе – чествование это было бы только жалким и презренным лицемерием, одною бездушною и показною формою. Да будет и у вас слово ваше солию растворено! Благо общественное вручено заботе представителей общества, и оно выясняется обыкновенно в предварительной усиленной работе слова вашего в законных общественных собраниях. Пусть же слово это будет всегда чисто, здраво и трезво – и пусть оно будет солию растворено, т.е. не гнило, не гибельно. Пусть оно не

служить для рисовки, игры и тщеславия пустым и условным красноречием, пусть не обращается оно в одно словопрение, в орудие задора и раздора, личных счетов, личных или партийных интересов, – в продажный товар, к сожалению, столь часто ныне предлагаемый на общественном рынке.

Тогда и открытое чествование великого писателя созданием ему памятника будет иметь воистину глубокое общественно-воспитательное значение. Аминь.

Переселенческое русское дело[82]

Царство Божие подобно тому, как если человек бросит семя в землю: и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он… (Мк. 4:26–27).

В царствах человеческих, в широком смысле, нередко повторяется и наблюдается то же явление. Есть семя и русской государственной жизни; давно оно посеяно; сменялись те, кому было поручено смотреть за ними и ожидать урожая и жатвы. И бывало не раз, что эти приставники и спали, и вставали ночью и днем, и часто совсем забывали о семени. А оно росло в земли, питалось землею и давало ростки, во многих местах государства достигло и плодоношения. Мы разумеем здесь русскую государственную и национальную идею. Печальна ее судьба в руках приставников народных: то она временно поднимала голову, то никла к земли и казалась обреченною на гибель конечную; но и в краткие промежутки ее жизни ей указывали до бесконечности разнообразные и несогласованные между собою миры и средства для существования и успеха: то призывали европейскую науку и культуру, то указывали меры административного устройства, то хотели ей помочь усилением всяких инородческих элементов, то признавали все и всякие патриотизмы, кроме русского, то кровью, пóтом, трудом и достоянием русского народа созидали благо других народностей, наделяя их землями, правами, школами, и думали, что русская идея чрез это становится всечеловеческою, достойною всемирного признания и преклонения.

Но семя, повторяем, было давно-давно брошено. Семя это – живой, не отвлеченный, а действительно существующий русский народ. Куда он пришел самолично, а не отвлеченной идеей, – там он и насадил блага гражданственности, высшей религии и достойного человеческого существования: от берегов Ильменя и Днепра проник он на берега Волги, создал города, селения, княжества, распространил христианство, дал блага единого русского языка, как средства человеческого общения; проник потом к морю студеному, к Вятке, Уралу, перевалив его,

по необъятным пространствам Сибири дошел до Великого моря-океана, на юге спустился к Каспию, занял Приазовский край, а северный Кавказ, можно сказать, на наших глазах он сделал богатым, людным краем, – краем настолько русским, что трудно даже и представить, что он 100 лет назад был чужим и инородческим. Во все периоды нашей истории Русь коренная, порубежная и зарубежная была сильна живым народом, живым нашим крестьянством.

О, если бы 100 лет назад эта истина сознана была и по отношению к Закавказью! Что мы говорим? Если бы хоть 40 лет тому назад, с освобождением крестьян от крепостной зависимости, живою волною вливался русский элемент в наш край: как бы изменилось теперь лицо его, как переменилось бы общее положение!

Но прочь бесплодные сожаления! Лучше поздно, чем никогда. И может быть, и на русском деле в нашем крае исполнится притча Спасителя: пришедшие в одиннадцатый час работники получат плату наравне с пришедшими в час первый. Это зависит от нас, приставников к государственному нашему делу. Не будем стыдиться русской нашей идеи, русского нашего дела. Не будем бояться, что в ней есть что-то эгоистическое и не христианское. Не будем двоиться в наших убеждениях и действиях, подобно тростнику, ветром колеблемому, подобно морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой; ибо во всей широте, во всей совокупности человеческой жизни исполняется слово апостола: *человек с двоящимися мыслями нетверд во всех путях своих* (Иак. 1:8). Национальное самосознание в народе – то же, что личность, личное самосознание в каждом отдельном человеке. Как нельзя в каждом из нас убить личности, и как сознание своей личности не уничтожает личности в другом человеке, мне подобном: так нельзя убить национальное самосознание; так сознанная национальная идея не уничтожает других народностей.

Мудрость народа замечает, что клин клином вышибается. Вражда против русского дела везде и, в частности, в нашем крае опирается на какую-либо национальную идею какого-либо мелкого племени. Не книжкой, не наукой, даже не школой

можно бороться против этой идеи и смягчать ее крайности; опыт говорит совершенно противное: школа дает мелкому племени полуинтеллигенцию, которая, ставши на ноги при помощи русских средств, начинает кричать о правах своей национальности и борется с русским государственным делом. Где отпор подобным вожделениям? Только в ясно сознанной и нескрываемо исповедуемой русской идее; только в поддержке живого русского потока, направляемого во все окраины нашего царства; только в заботах, самых горячих заботах о просвещении и о культурно-экономическом росте нашего русского крестьянства. Как только эту русскую идею противопоставить идее какого-либо мелкого племени, так сразу самая мысль о борьбе между ними становится нелепою и смешною, и правда истории, правда жизни сама бросается в глаза. Кто здравомыслящий, какого бы племени он ни был, кто скажет, что русскому человеку нет и не должно быть места на Кавказе? Но тогда где же ему место? Куда деться стомиллионному народу? Неужели сидеть около Киева и Новгорода? Ибо на всякой точке русской Империи мелкие народности, начиная от печенегов и половцев на юг до финнов около Москвы и болгар на Волге, могут говорить, что и там не место русскому человеку.

Нет, и нет! Везде в русском царстве ему место, и в нашем крае, в этом новом поселении, он на месте, на *своем* месте; здесь он ничего ни у кого не отнимает и никому не грозит; здесь он, хоть и поздно поселенный, хоть и на остатках богатых земель Закавказья, расхищенных некогда, во дни, когда мы, приставленные свыше стражи земли русской, спали, – он принесет великую пользу и государству, и здешнему краю. И как он шел в своей истории всюду вперед, неся в одной руки крест и евангелие, а в другой – топор и лопату, орудия мирного труда: так он пришел и сюда, и мы сегодня имели высокое утешение заложить для здешних русских людей дом Божий. Буди благословенно сие священное и многознаменательное торжество! Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь!

Имя князя Григория Сергеевича Голицына, начальника нашего края, с благодарностью будет поминаться в истории русского дела на Кавказе; он первый из правителей Кавказа в ясно сознанной и намеченной системе воплотил его в живых людях, русских переселенцах, как носителях русского дела, и указал тщету и ложность порываний и попыток действовать здесь отвлеченными и теоретическими рассуждениями. Не забудет история и ближайших сотрудников князя Григория Сергеевича.

Мы глубоко верим в жизненность того дела, у начала которого мы теперь стоим. Вспоминается нам недалекое время. Шесть лет тому назад здесь приютились всего шесть семейств русских крестьян, и мне в числе других частных, а не правительственных деятелей, привел Бог не раз посетить первых русских насельников. Сколько невзгод пронеслось над ними! Как все единогласно хоронили их дело! Как осуждали даже в большой печати самое намерение поселить здесь русских крестьян! И как мало было оснований надеяться на то, что здесь когда-либо устроится что-либо прочное и крупное в области русского дела! И вот, как вода просасывает мощные пласты и глыбы и бьет струею поверх земли, так правда жизни живою струею пробилась наверх и посрамила маловерных и злобных: мы видим здесь уже людное поселение, которое в недалеком будущем вырастет в сотни семейств, объединенных около храма. Дай Бог, чтобы все это послужило прообразом всего дела русского переселения в Закавказье!

Пусть семя это растет, пусть зреет, пусть расцветет пышным цветом и плод принесет во имя великого русского дела, во славу и благо русского народа! Аминь.

Ожесточение сердца[83]

Днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших.

В величественном псалме Давидовом, по счету 94-м, откуда взято приведенное сейчас изречение (ст. 7–8), св. царепророк вдохновенно призывает народ свой к прославлению имени Господа. «Приидите, воспоем Господу, воскликнем Богу, твердыне спасения нашего! Предстанем лицу Его со славословием, во псалмах и песнях воскликнем Ему! В Его руке глубина земли и вершины гор – Его же; Его море, и Он создал его, и сушу образовали руки Его. Приидите, поклонимся и припадем, преклоним колена пред лицом Господа, Творца нашего. Ибо Он – Бог наш, и мы – народ паствы Его и овцы руки Его»… Вспоминая при этом все благодеяния Бога не только вообще к миру и людям, но, в частности, и к народу израильскому в Египте, в пустыни Аравии, в земле обетования, вспоминая, как народ еврейский при всех милостях Божиих являлся часто противником воле Господа, роптал, возмущался, – царственный певец-проповедник, обращаясь к народу, вдруг как бы пророчески восклицает: «О, если бы вы ныне послушали гласа Его: не ожесточите сердца вашего!»

Сбылось пророческое опасение св. псалмопевца. Израиль, взысканный щедротами Бога, осыпанный Его благодеяниями, явил на себе в истории устрашающий пример того ужасного, гибельного ожесточения сердца, которое обратило этот народ избрания и благословений, великих и всемирных обетований в народ отвержения и проклятия и привело его – страшно выговорить! – к ужасу и преступлению богоубийства.

В воспоминаниях нынешнего дня мы видим новое и разительное доказательство этого безумного ожесточения сердец древнего Израиля. Пред нами единственное в мире величественное и поразительное чудо воскрешения Спасителем четырехдневного, уже погребенного мертвеца Лазаря. Голос Иисуса Христа, обращенный к мертвецу и вызывающий его из могилы, раздался в недоведомой стране смерти, никогда не

возвращающей своих жертв, раздался, как голос Владыки жизни и смерти, – и Лазарь вышел из гробовой пещеры, обвязанный погребальными пеленами. Евангелие, по свойственному ему тону краткости и спокойствию в повествовании, умалчивает о том впечатлении, которое должно было оказать это чудо на всех присутствовавших: но и без слов оно понятно и живо представляется воображению. В евангелие упоминается только то, что *«многие при этом уверовали в Иисуса»* (Ин. 12:45), и что в числе свидетелей чуда были и враги Спасителя. Что же враги? Казалось бы, что и каменное сердце должно было загореться благоговением к Чудотворцу, что после этого чуда должна была смолкнуть вражда против Иисуса Христа и, по крайней мере, хоть наступающая Пасха должна была пройти для Него спокойно.

Но такова гибельная сила ожесточения сердца: сердце это не смягчается ничем, оно не способно уже к убеждению, оно становится слепо и глухо ко всякой истине, оно всецело отдается злобе и сатане. Что мы видим после чуда воскрешения Лазаря? Враги Иисуса не только не были пристыжены этим чудом, не только не оставили и не умирили своей злобы, но еще больше встревожились и говорили на своем нечестивом совете: Что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него. *С этого дня*, – замечает евангелист, – *положили убить Его* (Ин. 12:47–48, 53). Известно, что этот приговор был приведен в исполнение чрез несколько дней.

Так, даже чудо Божией милости и всемогущества не остановило злобы, не отдалило смерти Сына Божия; так неисцельно-гибельно действие ожесточения, охватившего человеческое сердце.

Насытилось ли оно, по крайней мере, кровью, муками и смертью Сына Божия? Уверилось ли оно в Его Божестве после Его воскресения и целого облака чудес, совершенных Его апостолами? Нет, оно преследовало Его за гробом, оно убило всех Его апостолов и первых последователей, оно гнало дело Христово в мире в течение веков, преследует его и доныне, чтобы подавить его, затмить его ложью, затенить вымыслами,

покрыть клеветою и позором, чтобы поставить на пути его меч, залить кровью его свидетелей, похоронить в их могилах, утопить в воде, сжечь в огне, истребить всеми видами истребления. Вот оно ожесточение сердца! Оно – безумная вражда на Бога, оно – восстание твари против Творца своего. Поистине, это есть сатанинское состояние души, нравственный *мертвый сон* (Еф. 5:4), упорное, сознательное противление истине, при всех яснейших свидетельствах ее, ненависть к свету и правде, – та *хула на Духа Святого*, о которой Само воплощенное Милосердие говорит, что из всех грехов мира только одна эта хула не простится людям ни в сей век, ни в будущий (Мф. 12:31–32). Это – состояние, которое отнимает у человека даже возможность исправления.

Братие возлюбленные! *Все, что написано в слове Божием, в наше научение преднаписано* (Римл. 15:4). Страшен грех ожесточения сердца, и он стоит пред нами, изображенный в истории Израиля, в повествованиях евангелия, как постоянное и грозное предостережение. Не сразу дошел Израиль до этого гибельного состояния, которое, в полном и окончательном своем развитии, привело избранный народ к ужасу богоубийства. Будем же внимательны к себе, чтобы и с нами не случилось что-либо подобное! Будем внимательны: не впадаем ли мы порою в такое же состояние, не стоим ли мы хоть на первых ступеньках того страшного пути сердечного ожесточения, который ведет человека к Иудину окаянству, к вражде на Бога и зрит во дно адово?

Отчего происходит ожесточение сердца? Оно начинается постепенно утратою нашим духом ощущения близости к нам мира высшего, духовного, общения с Богом, притуплением вкуса духовного к религиозно-нравственным запросам и стремлениям, потерею чувствительности к впечатлениям и действиям в нас благодати Божией. Происходит же эта утрата прежде всего от того, что человек начинает давать в своей жизни перевес плоти над духом: пища, питье, увеселения, наслаждения, выгоды, деньги, обогащение, удобства жизни, забота о себе и только об одном себе, о своих материальных интересах, о своем самолюбии, – все это выступает на первый

план, подавляет дух, который без развития, без сродной ему пищи начинает замолкать, как бы хиреть и вянуть. Дух, конечно, не может совсем умереть, не может совершенно прекратить свою деятельность. Но его деятельность становится одностороннею – узкою, жесткою, плотскою, или, по выражению священнописания, *не духовною, а душевною* (1Кор. 2:14), он обращен тогда только к земле, к земной заботе об улучшениях жизни, ее удобств, к одной только грубой материальной пользе; он становится рабом плоти, глухим и невнимательным к вопросам о Боге, о совести, о нравственном совершенстве, о небе и загробных упованиях. Тогда истинно-духовная жизнь, в ее возвышенных и благородных стремлениях, постепенно в нас замирает, человек обращается просто в умное животное, управляемое только себялюбием, а не нравственным законом, одною выгодою, а не голосом долга и совести; естественно, он становится черствым, жестким, неразборчивым в средствах для достижения своих себялюбивых целей; он все более и более наклоняется к земле и, не поднимая лица к небу, не видя там сияющего солнца, голубого небосклона и ярких звезд, начинает сомневаться в самом существовании солнца. При таком настроении он теряет чутье различия доброго и злого, нравственно-прекрасного и безобразного...

Страшная тоска духа охватывает иногда человека в таком состоянии. Чувство жажды духовной становится столь мучительным, что человек готов удовлетворить ее из самого мутного и грязного источника, лишь бы хоть чем-нибудь заполнить пустоту души, лишь бы отвлечься от гнетущей и принижающей среды с ее низменными заботами и интересами. Горе, если жажду приходится утолять, за отсутствием здоровой воды, морскою соленою влагой: чем больше ее пьешь, тем сильнее разгорается жажда. При таком положении легко дойти до последней степени безумия. Так бывает и с тем, кто жажду бессмертного духа хочет утолить земными, конечными благами и несовершенными учениями человеческими, вне откровения Бога, по образу Которого создан наш дух и к Которому он стремится естественно, инстинктивно, помимовольно, как дерево тянется к теплу и свету.

Но блажен, кто откроет в этой пустыне жизни источник воды живой, текущей в жизнь вечную, утоляющей души, страдающие жаждой духовною…

Вот он пред вами, братие, этот источник воды живой – святой Божий храм, зовущий к Богу и небу, дающий пищу и питье духу, освежающий его, освежающий в зное земных забот и в угаре страстей, очищающий нашу душу от праха земного, приразившегося к ней на жизненной дороге. Глас Господень говорит нам здесь всем понятно и доступно. О, братие, днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших! Тяжел ваш труд, ежедневный, утомительный, не знающий часто различия дня и ночи, праздника и будней; труд, оглушающий быстротою шумно несущейся мимо жизни, постоянною торопливостью, грохотом машин, множеством рабочего люда; труд, обращенный к земле, а не к небу, в плоть, а не в дух. Легко здесь впасть в односторонность, очерстветь сердцем, озлобить и оземленить дух.

Но вспомните, возлюбленные, у кого есть что вспомнить: далекое детство, родные села и деревни, родные семьи, родные наши сияющие храмы и в них отрадный благовест, и в них святые Божии службы… Как легко дышалось в этом благоухании храма, как близок был к нам мир духовный, как спокойно текла окружающая жизнь и как легко было на сердце… Придите же сюда, во храм, на Божью службу, обновите душу святыми и чистыми воспоминаниями, вдохните аромат молитвы, поднимите лица к небу, поднимите усталые души к Богу. Придите сюда ко Христу, – и чтобы у вас ни было на душе, какая бы тоска жизни или влияние смерти ни давили вашу душу, Он скажет вам, как сестрам Лазаря: *«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий, верующий в Меня, не умрет во веки»* (Ин. 12:25–26). И когда в сердце твоем раздастся, как пред Марфою, вопрос Господа: *«веришь ли сему?»* – отвечай Ему, как Марфа: *«Так, Господи, я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир»* (ст. 27).

Тогда в храме всегда будет очищаться и подниматься к Богу твой дух, тогда растает здесь всякое ожесточение и озверение сердца.

Впрочем, не одно плотское направление жизни может привести разумное существо к этому ожесточению сердца: диавол совсем бесплотен, совсем свободен от житейских и земных попечений, и, однако, он является изначальным врагом Бога, яростным, совершенно ожесточенным и нераскаянным. Так же может случиться и с человеком, если он вступит на путь сатанинский, если духовную жизнь его всецело захватит и поработит какая-либо страсть, как это случилось с диаволом. Гордость, зависть и злоба сделались господствующими в сатане и обратили его в противника Богу, уготовляющего себе вечную погибель. Сеет он и доныне страшные семена этих страстей в мире среди людей, и сеет их так же, как некогда в саду эдемском пред первозданным человеком: вкрадчиво, льстиво, убаюкивая мнимою убедительностью, потакая живущей в нас гордости, обещая ложное счастье, возбуждая против Бога, охудшая Его заповеди…

Да, раздаются ныне всюду эти обольстительные речи, обещающие свободу от всякого закона, подрывающие уважение к вере, к Церкви и к Богу, объявляющие уничтожение всякой власти, повиновение, порядка, собственности, сулящие обогащение чужим достоянием[84]… Трудно иногда разобраться в этих речах простому человеку: так они хитро сплетены и придуманы, так они вкрадчивы и красноречивы, так заманивают они богатыми обещаниями, так льстят они всему дурному в душе человека – гордости, злобе, зависти, ненависти, грубому себялюбию. Голова пойдет кругом, если слушать их ежедневно. И стоит только немного отдать себя во власть этим речам, стоит только сделать первый шаг по пути противления, зависти и озлобления к высшей власти, чтоб очутиться на наклонной плоскости нравственного растления, падать все ниже и ниже, ожесточаться сердцем все более и более. Тогда – один шаг до Каинова озлобления, а за ним уже кровь и убийство… Тогда легко дойти до очерствения сердца фараона египетского и до того душевного состояния нравственной безнадежности, о котором Сама воплощенная Любовь сказала: *не давайте святыни псам, не метайте бисера пред свиньями* (Мф. 7:6). Таких людей охватывает безумие греха; как пьяница требует

водки, так душа их болезненно жаждет крови и преступления. О таковых Слово Божие говорит, что у них *слава в студе их*, т.е. они даже хвалятся тем, что на самом деле стыдно (Фил. 3:19), и что они не *уснут, если не сотворят зла* (Притч. 4:16).

Страшное состояние! Оно нераскаянно и безнадежно, оно может уступить только силе, но не убеждению, оно, вместо мер нравственного воздействия, прямо требует только прещений и наказаний Божиих.

Где же найти спасение от него?

Вот спасение – святой Божий храм. Приходили в него некогда мытари, блудницы, закоренелые грешники, и выходили из него обновленные, очищенные, спасенные. Здесь, во храме, в слове священного писания, в богослужении и поучении раздается перед нами глас Божий. О, братие! Днесь, аще глас Его услышите, *не ожесточите сердец* ваших! Здесь найдете указание истинного пути жизни, предохранение от соблазнов; здесь – проба и проверка всякого человеческого слова путем сличения его с зеркалом слова Божия; здесь благодатная помощь таинств Церкви в борьбе со страстями и естественною немощью нашею; здесь и возгревание сердца радостью и миром о Дусе Святе; здесь непрестающая проповедь временного и вечного спасения. И как легко здесь разобраться при всяком ветре человеческого учения! Стоит только подумать и спросить: а можно ли это учение проповедать во храме? одобрит ли его Церковь? примет ли его за Свое и благословит ли его Христос?

Если да, – следуй смело этому учению; если нет, – отвергни его, как бы оно ни казалось умным, красивым и заманчивым. Под знаменем храма, под знаменем Христова учения мира, любви и благодати должна объединиться священная дружина верующих, добрых людей и противостать всякой кучке и партии вражды, злобы и беспорядка. Ибо заповедано христианину: Бог не есть Бог неустройства, но мира (I Кор. 14:33); ищи мира и стремись к нему (I Пет. 3:11); держись правды, веры, любви, мира со всеми (2Сол. 3:16). Не смущайтесь, что многие из вас просты, некнижны, неучены, что многие не можете дать достойного ответа и возражения словам и натиску льстивого

зла. Помните и запомните как можно тверже только одно: подобно тому, как ребенок при дневном свете яснее видит и безошибочнее покажет дорогу, чем взрослый человек в глухую, темную ночь, – так простой, некнижный, но верующий человек, при свете веры, гораздо яснее и безошибочнее увидит и изберет себе и другим истинный путь жизни, чем многоученый, но неверующий мудрец…

От всей души приветствуем вас, возлюбленные братья, с освящением храма Божия, этого источника света жизни, мира и спасения. В новоосвященном храме обращаем к вам увещание святого апостола: *«Смотрите, братья, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу»* (Кол. 2:8). Да хранить вас храм Божий от заблуждений и пороков и от гибельного окаменения и ожесточения сердец; да очищает он ваши души от суеты мира, да возносит вас к Богу и вечности.

И пусть звон колокола этого храма, призывающей к молитве, будет действительно, по нашему русскому выражению, отрадным *благовестом* для душ и сердец, гласом, зовущим нас в дом Отца нашего небесного. Днесь, аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших! Аминь.

Память о предках[85]

Христос Воскресе!

Да, воистину воскресе Христос, воистину восстал Господь наш из мертвых, Своею смертию разрушил, уничтожил смерть и сущим в гробах даровал жизнь! Смерть и тление не удержали Начальника жизни, и ад встретил в Нем Разрушителя ада. Приходили к Нему, как мертвому, жены-мироносицы, но встретили Его живого и услышали великое и мировое слово: *радуйтеся* (Мф. 28:9). Приходили ко гробу Его убитые горем апостолы, – и видели, полные веры и радости, что гроб Его пуст.

Слышали и мы, братие, о пустых гробах. Слышали – в светоносный день Пасхи, когда златословесное проповедание миру горнему и дольнему, некогда вылившееся из уст златословесного учителя, вещало нам, что с воскресением Христовым жизнь жительствует и мертвого нет ни единого во гробе. *Ибо Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших* (1Кор. 15:20); первенец Христос, а за Ним мы, Христовы (ст. 23). Он – Глава тела Церкви (Еф. 4:15–16), мы – ее члены. Но когда пробудилась к жизни Глава тела, тогда члены его не могут быть безжизненными. Он – лоза плодовитая, как Сам Он Себя называл, а мы – ветви (Ин. 15:1). Но когда лоза весною почувствует свет и тепло, когда в ней заиграет молодая и могучая жизнь, тогда ветви живут ее жизнью, и не могут остаться сухими и мертвыми.

Вот почему в эти светлые пасхальные дни мысль и чувство христианские обтекают всю вселенную, зовут небо и землю к веселию, живых и мертвых в едином сонме подвигают на радость и славословие Богу. Ныне вся исполнишася света, небо же и земля и преисподняя; смерти празднуем умерщвление, адов низложение, иного жития вечного начало; ныне смертное естество наше облечено в неувядаемую и несказанную красоту бессмертия (Пасх. песни). И сия провидя чрез мглу веков, Исаия пророк возопил глаголя: «ад ужаснулся, встретив Тебя в преисподней», – огорчися, ибо упразднися, огорчися, ибо поруган бысть, огорчися, ибо низложися, огорчися, ибо связася.

О, смерть, где твое жало? ад, где твоя победа? Последний враг – истребится смерть – и воистину, тогда мертвого не будет ни единого в гробе, и жизнь вовеки будет жительствовать... (Из слова Иоанна Златоуста.)

И чем более утончена и изощрена духовная природа христианина, чем более развито в нем чувство и ощущение окружающего нас иного, горнего мира, тем ближе, наконец, к нам та неведомая, но неизбежная грань, за которою начинается область иного бытия, неземного: тем чаще и чаще останавливается на ней наша мысль, тем ближе и ближе к нам те дорогие покойники, которые упредили наше шествие в путь всея земли, тем ощутительнее потребность и общения с ними. А в Пасху Господню, в чудные дни, когда пред нами Начальник жизни, живыми и мертвыми обладаяй, Своим воскресением осиявший все гробы и сущим во гробех живот даровавший, эти сущие во гробех, эти дорогие покойники становятся к нам особенно близки, близки до ощутительности, они стоят у нашего сердца, взывают о духовном общении с ними.

Отсюда сам собою создался и сам собою держится глубоко трогательный обычай, свойственный решительно всем православным народностям, день радости пасхальной делить с умершими, и молиться о них всенародно и торжественно непосредственно после светлого дня Христова. Пойдем и мы, возлюбленные, сегодня с торжеством, и с пением и с молитвами, во главе с архипастырем, к месту вечного покоя мертвых[86], пойдем, возвестим им о восстании Господа, разделим с ними радость нашу, и скажем им привет святой пасхальный: Христос воскресе!

Неизмеримо важна в духовной жизни христианина память о предках, память о дорогих покойниках, глубоко заложена в сердце человека потребность общения с умершими, проходит она решительно во всех религиях мира и ярко отличает человека от животных бессловесных, не помнящих предков, не чтущих умерших…

И история народов, и наблюдаемая действительность в один голос говорят нам, что народы, почитающие предков и не порывающие с ними духовной связи чрез молитву, крепки духом

и телом, крепки и жизнеспособны. И наоборот: признак смерти народа, когда его прошлое стало для него чужим, древние святилища стали пусты, и его предки, его покойники отошли от него в область полного забвения. Признак хамовой души – презрение к прошлому, брань и неуважение к старой жизни родины. Кто бы ни были наши предки, как бы они ни были малы и незначительны: они наши, они нам близки, они нам дороги.

Благодарение Господу! Вам, возлюбленные слушатели, вам, сынам древне-православной Грузии, есть кого и есть что вспоминать, есть у вас прошлое, которое стоит пред вами, не умирая, залогом светлого настоящего и будущего; есть предки, есть славные покойники, которых не стыдно назвать пред целым светом. Страна, издревле христианская; страна, по благочестивому преданию боголюбивого народа, избранная в удел Пречистой Богородицы; страна, по самому виду своему и горному устройству так близко напоминающая благословенную землю обетования, – вся она усеяна святыми памятниками святой ревности ваших благочестивых предков. На том кратком пути, который сделал вчера архипастырь, направляясь к вашему городу, он с умилением взирал на многочисленные храмы и обители, приютившиеся то над головокружительными стремнинами, то около уединенных пещер, то среди человеческих жилищ, то посреди обитания иноков. Все это памятники благочестия ваших предков. Вступайте почаще в духовное с ними общение; напитывайтесь их высоким духом, проникайтесь их святою ревностью, учитесь их благочестию, храните их заветы преданности вере и Церкви Божией. Их спасала воодушевленная вера, их воспитала и привела в жизни от земли к небу святая Церковь, – и были они сильны, и тверды, и славны посреди множества врагов, посреди невообразимых страданий. Ваши дни счастливее: нет врагов, нет борьбы; мир и спокойствие царствуют в градах и селениях, стоят пустыми прежде грозные крепости, не слышно грома битвы и орудий, и долины, и горы, прежде дымившиеся кровью сынов этой страны, ныне вкушают веками неиспытанный покой под могучим покровом и великодушными усилиями благословенной Российской Державы. В тишине этих дней, по слову апостола, и

мы тихое и безмолвное житие поживем, во всяком благочестии и чистоте (1Тим. 2:2), взирая на пример доблестных предков крестоносной и боголюбивой Грузии.

Но, кроме этих великих покойников, праотцев, отцов и братий наших, о которых ныне трогательные моления высылаются Церковью, у каждого из нас есть свои близкие покойники, которых мы помнили живыми, которые только вчера были с нами и около нас. Неразрушим союз любви! Освятим же его верою и радостью воскресения! Во Христе Воскресшем объединимся с умершими и отрадно будет наше свидание с ними. Помолимся о них; посетим их у гробов, как посетили некогда гроб Христов жены-мироносицы. Наш подвиг не будет ниже подвига их, ибо Сам Христос обещал принять всякое усердие к братьям нашим как бы за усердие к Нему, нашему Спасителю: *«что сотворили вы единому из братьев Моих меньших, то Мне сотворили»* (Мф. 25:40). Аминь.

Любовь ко Христу[87]

И минувшей субботе Мария Магдалина и Мария Иаковля и Саломия купиша ароматы, да пришедше помажут Иисуса. И зело заутра во едину от суббот приидоша на гроб… (Мк. 16:1–2),

По руководству св. Церкви, сегодня, возлюбленные братие, мы воспоминаем этот изображенный в евангелии подвиг святых жен-мироносиц. Достойно и праведно памяти их и прославлению отведено одно из первых воскресений после светоносного дня Пасхи. Великий подвиг любви и преданности ко Христу, в назидание векам, показали они миру и не напрасно об одной из таких усердных жен, помазавших Господа Иисуса драгоценным миром еще при Его жизни, он Сам засвидетельствовал: *где только будет проповедано сие евангелие царствия во всем мире, сказано будет и о том, что сделала она в память ее* (Мк. 14:9).

Велик подвиг любви св. жен-мироносиц! Вот после позорного суда ведут Господа на пропятие. Здесь грубые воины-распинатели и палачи, здесь кругом озлобленная толпа, здесь властные, знатные и сильные враги Христовы. Трудно было и мужчинам в это время следовать за Страдальцем, опасно было хоть малейшим знаком выразить свое сочувствие Осужденному; все ближние и друзья сбежали от Иисуса Христа; оставили Его и апостолы. Но ничто не могло удалить от Христа жен-мироносиц. Вместо телесной силы и крепости, – у них горящая любовь ко Христу, и эта любовь превозмогает все, и они все время неотступно с возлюбленным Господом. Они оплакивают Его осужденного и идут вслед за Ним на Голгофу, они стараются всячески облегчить Его страдания, стоят бесстрашно у Его креста, не боясь высказать пред всеми сочувствие Ему; присутствуют при Его смерти, бесстрашные и в те минуты, когда меркло солнце, колебалась земля; они участвуют и в Его погребении… Они смотрят на Погребаемого хоть издали, замечают место Его могилы (Мк. 15:47; ср. Мф. 27:61), замечают каждую подробность погребения… И при виде этого погребения, в душе они переживают мучительное беспокойство и тревогу:

миром Он, дорогой и любимый, не помазан; вековые, священные обычаи погребальные не все над Мертвецом исполнены[88]... А завтра – день великой субботы, день безусловного покоя, предписанного строжайше строгим законом, когда ни купить, ни достать ничего невозможно. И вот, до захода солнца, когда начинается предписанный законом покой, они бегут от погребальной пещеры в город купить дорогие ароматы, они не считают трудов, не жалеют никаких средств, – эти большею частью бедные женщины, богатые только любовью, оставившие свои дома и семьи и удобства жизни и последовавшие за Христом. И только купили они ароматы, и только успели возвратиться домой, – надвинулась ночь над Иерусалимом, и субботний покой на целый день приковал их к месту.

Провели они в слезах и скорби и эту ночь и самый день великой субботы; пришла и опять ночь, и вот, вечерняя заря погасла, утренняя на небе еще не загоралась, а они бодрствуют и вперяют нетерпеливые очи в предрассветную мглу, и рвутся сердцами, и трепещут от мысли, что вот-вот к утру они пойдут на дорогую могилу, увидать Господа любимого хоть мертвым… Придут они на гроб, припадут к холодному могильному камню, обольют слезами бездыханное тело, помажут миром, покроют ароматами, – и это одно хоть малое даст утешение их пламенной любви к Умершему. Утру глубоку, сущей тьме и в мрак глубок идут-бегут мироносицы к гробу Христову. Кругом их ужасы и страхи: вот безлюдные улицы, страшные для робких одиноких женщин; вот дома распинателей Христовых; вот стражи римские, грубые обидчики; вот ужасная Голгофа, где высятся и чернеют во мраке ночи три окровавленные креста, где веют тени умерших, где, может быть, сидят теперь, сокрывшись, разбойники, товарищи казненных… Бегут-текут жены-мироносицы, подавляя в душах страх и ужас и смятение; еще не знают они, что ко гробу приставлена стража, и заботятся только об одном: *кто отвалит нам камень от двери гроба?* (Мк. 16:3.) Бегут-спешат мироносицы, зовет их и окрыляет любовь ко Христу, а в душах-то загорается робкая надежда: О, Владыко! Неужели все кончено? Неужели смерть осилила Тебя,

воскрешавшего и других из мертвых? Ты же говорил, что по триех днех возстану, Ты же говорил, что имеешь и другим дать жизнь вечную, Ты же – Сын Бога Живаго…

Вот, наконец, темный, весь благоухающий и цветущий весною сад Иосифа, а в нем дорогой гроб, дорогой Умерший. И видят они в смятении и чудятся в предчувствии радости: камень взят от гроба…

И се, – за любовь, за усердие, за слезы, за труды и подвиги преданности им первым светозарный ангел приносит весть о воскресении, и только они побежали домой всем рассказать об этом, явиться апостолами-благовестницами для самих апостолов, к ним первым и Сам Иисус приблизился Воскресший и сказал великое и мировое слово: *«радуйтеся»* (Мф. 28:9).

Вот в кратких словах начертанный образ жен-мироносиц.

Все ли и всегда ли умилялись этим образом бестрепетной и самоотверженной любви, все ли поражались этою готовностью на самозабвение, подвиг и жертву?

Нет! Когда еще до смерти Иисуса Христа одна из преданных Ему жен, та самая, которой воздал Он хвалу и обещал всемирную известность и славу, возлила на Него драгоценнейшее миро, уже сказано было о ней слово укоризны и осуждения. Иуда, впоследствии предатель, таивший в душе корыстолюбие, как семя предательства, выступил тогда с рассуждением, в котором звучали скрытые зависть и корысть, прикрашенные мнимою заботою о нищих. «Зачем, – говорил он, – зачем такая дорогая трата? Лучше бы масло это продать и деньги отдать нищим»… (Ин. 12:5). Спаситель, мы знаем, не одобрил этого рассуждения Иуды.

Но как в то время, по сказанию евангелия, некоторые и из верных апостолов увлеклись мнимо-разумною речью Иуды (ср. Мф. 26 и Мк. 14), так и ныне эта речь повторяется даже и среди верных христиан на разные лады и приводит многих в смущение…

Есть и будут всегда подражатели святых жен-мироносиц. Есть и будут всегда христианские души, горящие любовью ко Христу и ради этой любви все оставившие: они все мирское драгоценное отдают Христу по любви к Нему; все внешние дары

природы, все внешние дары мирские, как мироносицы свое драгоценное миро, они блюдут, сохраняют и ценят, но только для Христа, как жертву Ему, Его Церкви, Его царствию, ради Его славы и Его владычества: эти дары для них не цель, а только средство для иных, высших и духовных целей.

Не то же ли именно мы видим и здесь, в этой чудной обители Нового Афона? Богатые и прекрасные храмы; везде дорогое художество и разнообразное искусство: воздвигнуты величественные постройки, всевозможное мастерство, чудные сады, образцовое хозяйство... Но всему этому богатству нет собственника и хозяина среди насельников обители: все это Христово, все Ему отдано и существует ради Его прославления, ради службы Ему Единому.

Многие восхищаются всем этим видимым довольством, цветущим хозяйством, благоустроенными угодиями, мастерствами, ремеслами, но восхищаются по-мирскому, и смотрят на видимое благоустройство монастыря очами мирян, как будто бы здесь какое-то промышленное или хозяйственное заведение. Но тогда для чего же насельники обители принимали обеты иночества? Зачем тогда эти храмы и службы Божии? Не явятся ли они второстепенными, а то и совсем ненужными?

Многие, напротив, осуждают это видимое благоустройство обители и ставят ей в упрек якобы неразумную трату времени и средств на внешнюю сторону жизни, и повторяют вслед за Иудой: Чесо ради трата сия бысть? Не лучше ли все это продать и раздать нищим?

Не правы те и другие. Разъяснение истины мы и найдем в примере св. жен-мироносиц. Покупают и хранят они драгоценное миро, это благороднейшее произведение труда рук человеческих, но не себе, не для своего украшения или удовольствия, а для Господа любимого. Этого ищет наше сердце, – оно требует жертвы, требует внешнего знака служения и угождения любимому существу: и пока мы на земле и живем с телом, этой потребности души выражать внутреннее посредством внешних знаков нельзя ни подавить, ни заглушить никакими рассуждениями.

И Господь не запретил благ мирских и внешних, Им же для человека созданных, но запретил злоупотреблять ими, делать их целью жизни, главным предметом забот и ставить их на первый план. Он Сам сказал: *«ищите прежде всего царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам»* (Мф. 6:33).

Прилагалось «все сие» и боголюбивым инокам земли русской. Сами они жили в трудах и лишениях, в простоте, часто и в убожестве[89], но Господу Богу они воздвигли богатейшие лавры Киевскую и Сергиеву, Почаев, Соловки, Валаам и Саров со всем их великолепием. Искали они жизни будущего века и славы небесной, но верою, молитвою, доброю жизнью и благословенным трудом рук своих они благоукрасили и в сем веке земное русское царство, населили дальний и дикий север и восток России, пронесли имя Христово среди дикарей обширной русской равнины, убелили и удобрили костями своими в мученическом подвиге далекие пределы нашего царства, провели дороги, устроили города, заселили дремучие лиса и пустыни, завели промыслы и торговлю, слили в единстве веры и исповедания с русским народом многочисленные инородческие племена, воспитали наш народ в христианстве, выковали его духовный лик, показали ему дивные подвиги, развили вкус к благолепию церковному, к торжественному чину священнослужения, к чтению и пению церковному, хранили самую науку и письменность, создали и сохранили ее в написанных иноками книгах, устроили и первые школы, воспитали и первых ученых людей.

Верим: еще немного, и стародавний Афон все более и более будет становиться русским; верим: и Новый Афон сослужит на Кавказе стародавнюю службу русского монашества. Только ищите, возлюбленные братие, ищите прежде всего царствия Божия и правды его; только не служите миру, не увлекайтесь его духом, только храните любовь к Богу и к Нему Единому, ту любовь, что привела вас в святую обитель, к обетам монашеским. Растите, ширьтесь, благоустрояйте обитель, возделывайте, по заповеди Бога первозданному человеку, возделывайте и храните эту землю, этот рай, что расстилается кругом обители: *но все для Бога.* Горе, если

средство обращается в цель; горе, если внешние дары, внешнее благоустройство станет идолом и кумиром жизни. Тогда каменностроительство подавит и убьет строительство душ к царствию Божию, тогда воцарится настоящее язычество и все обратится в служение золотому тельцу; и наоборот: любящим Бога все поспешествует во благое (Римл. 8:28), и это видимое довольство и благоустройство только облегчит иноков в их служении Богу «в разуме и во всяком чувстве», при посредстве этих чудных храмов и этого благолепия церковного.

Растите же духовно; возделывайте и храните веру и благочестие; проливайте свет духовный на всех окружающих, будьте градом, верху горы стоящим, будьте подражателями древних русских святых иноков. Пусть народ, несущий сюда телесное, приемлет от вас в изобилии все духовное: веру, молитву, поучение, примеры доброй настроенности и доброй жизни; пусть и окружающая дикая страна приобщается к вашему духовному деланию, приобщается и к великому русскому народу. Несите ей просвещение духовное и учение Христово: на сие вы и призваны сюда.

Смотрите, как ущедрил Господь вашу обитель! Сколько знамений Его благоволения за это короткое время существования обители, выросшей из ничтожества в это великолепие, сколько чудес, воистину чудес Его милости! Это – за любовь к Господу вам, говорит Он, как древле мироносицам: *«радуйтеся»!*

Да услышим оный блаженный глас и в невечернем дни Его царствия! Аминь.

Единение[90]

Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе (Пс. 132:1).

Это, братие, слова седой библейской мудрости. Идут они от того отдаленного времени, когда человек горьким опытом ежедневной жизни приходил к сознанию необходимости крепкого единения между людьми во всех проявлениях и сферах жизни человеческой – семейной, племенной, общественной, государственной. Идут они к нам от того времени, когда одна физическая сила, не опирающаяся на нравственную связь людей между собою, оказалась несостоятельною, когда одиночная жизнь первобытного варварства никак не могла возвысить человека над окружающею природою, когда врожденный человеку и неистребимый инстинкт общественности заговорил в нем особенно громко и особенно властно. Живо представляются воображению эти отдаленные времена: растет сознание необходимости единения людей между собою, усиливаются связи семейные, возрастают и крепнут связи родственные; долго эти семейные и родственные привязанности являются единственными, необычайно сильными, связуя крепкими узами родовой быт. И чем дальше развивался этот быт и вырастал до союза племенного, государственного и общественного, тем могуче и благороднее становился человек, тем больше восходил он на высоту царственного своего достоинства в мире, господствовал над природою, освобождался от рабства ей и таким образом, естественно, все шире и шире развивал область проявления и воздействия своего духа и вместе с этим утверждал свое могущество в мире, благоустройство в своей общественной и государственной жизни.

Неудивительно, что при размышлении обо всем этом у священного певца древнего Израиля, опытом постигшего благо единства людей и гибель разделения, вырывается этот молитвенно-восторженный гимн: *«Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе»* (Пс. 132:1). И затем

псалмопевец рисует пред нами благословенные плоды этого единения в образном представлении изобилия благ духовных и телесных: *«Яко роса аермонская, сходящая на горы Сионския, яко миро на главе, сходящее на браду, браду Аароню, сходящее на ометы одежды его»* (ст. 2–3).

В истории древнего Израиля, действительно, мы можем наглядно проследить, как осуществлялось и воплощалось приведенное слово псалмопевца. *Одинокий* Иаков в пустыне, бежавший из родного дома, трепещет гнева брата своего Исава, но тот же Иаков, возвращающийся обратно не один, но с семьею, уже принимает почтительный поклон от недавнего врага, а во главе целого рода он с почетом принимается самим египетским фараоном. Рабствовало затем его потомство, пока не объединилось в народе при Моисее; сильно оно, пока верно племенному союзу, своим старейшинам и судиям и удел его – земля обетованная и благословенная, земля, текущая медом и млеком; при царях объединенное в неделимом союзе 12 колен оно уже властно выступает во всемирной истории, и затем гибнет... вследствие разделения!

Не то же ли и в области жизни духовной? Вот пред нами первенствующая Церковь в Иерусалиме. Одна страничка из жизни этой Церкви сегодня раскрыта пред нами и предложена вниманию и поучению верующих в литургийном апостольском чтении из XII-й главы священной книги «Деяний Апостольских». Апостол Петр заключен в тюрьму, закован в колодки, его стерегут воины; его участь решена; определена казнь и смерти ему не избегнуть. Что же делает в таких обстоятельствах община христианская? «Между тем, – сказано в священной книге, – *Церковь всю ночь прилежно молилась о нем Богу»* (Деян. 12:5). И вот, чудом милости Божией апостол освобожден из тюрьмы, приведен, даже помимо воли и сознания к дому Марии, где *все собрались вместе* и молились о нем (ст. 12), и спасен для дела благовестия христианского.

Так в единстве общения религиозного и в единении работы общественной обретали себе силы и залоги успеха великие и святые люди прошлой истории человечества.

В нынешний день нашего церковно-гражданского торжества, когда мысль невольно останавливается в раздумьи над вопросом об успешном развитии нашей общественно-государственной жизни, среди этого торжественного собрания лиц, которым Верховною властью поручено охранение и устроение блага государственного и общественного; среди жителей города, который переживает напряженную тревогу о своем благоустройстве в виду оживления этого чудного края с его роскошной природой, с его загорающимся светлым будущим, исполненным прекрасных надежд; наконец, ввиду такого собрания учащихся, этой надежды и опоры будущего нашей родины: как не заговорить о необходимости того единения, которое служит основным условием развития и расцвета жизни всякого государства и общества?

И какое дано нам прекрасное в этом именно смысли поучение, еще так недавно, – можно сказать, на днях, дано с высоты Престола царского от Государя и Государыни, семейный праздник Которых мы ныне с вами торжествуем. Вот Государь с Супругою и Семьею в Москве, в сердце России, со своим народом.

Здесь Он посреди вековых и заветных святынь народных, посреди седых памятников седой старины, охваченный славными историческими воспоминаниями, делил с народом Свои молитвы в минувшие страстные и пасхальные, великие для всякого христианина дни, и по Его собственным словам (в рескрипте на имя Московского Августейшего Генерал-Губернатора), «в этом единении с народом черпал силы» для несения Своего царственного подвига. Сливается Царь с народом в единстве и покаянной скорби и духовной пасхальной радости... О, крепок, несокрушим этот союз, отрадно до слез это единение, и в такой светозарный и светоносный день верится и чувствуется, что будущее святой Руси от этого единения будет и светозарно и светоносно, что расточатся враги ее, яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня!

Да, велика сила этого единения, если оно получает ответные отзвуки со всех сторон и из всех слоев

верноподданного народа, если среди всех сословий, во всех сферах жизни и деятельности царит единение и согласие.

Слуги царские! Храните это единение в вашей высокой и ответственной работе, в вашей службе государству! Погибнет дерево, если за ним будут ухаживать и усердные и заботливые садовники, по несогласные между собою относительно приемов ухода за деревом, если они будут каждый по своему без конца обрезывать его и пересаживать с места на место. Неминуемо погибнет больной, если его будут лечить несколько врачей, усердных, даже любящих больного и горящих желанием поставить его на ноги, но совершенно несогласных между собою и в определении болезни, и в способах ее лечения. Чем усерднее они будут предлагать больному свои лекарства и чем усерднее и исправнее будет он принимать предлагаемые ему пособия, тем ближе и вернее его смерть. То же самое может случиться и с государством, если слуги его и деятели будут каждый по-своему служить отечеству и понимать его благо, не подчиняя своей воли общему закону, не подавляя своих личных воззрений во имя общих и вековых воззрений народных. Но не напрасно ли слово наше?! Не обращаем ли мы обращенных? Не знаем… Знаем только, что слово это благовременно в виду наблюдаемых фактов современности.

Когда ребенку в семье внушают одно, в школе говорят другое, а в жизни требуют третьего: то благовременно пожелать единства воспитания семейного, школьного и общественного. Когда смена лиц в той или другой отрасли управления общественного и государственного так часто знаменует собою и смену идей, смену направлений и изменение во взглядах на задачи деятельности: тогда благовременно пожелать единого регулирующего начала жизни. Когда личные воззрения и тенденции даже правящих лиц дерзновенно касаются таких основ жизни, как религия, а в нашей родине – православие, эта зиждительная сила России и ее краеугольный устой; когда, по веянию моды и по слову последней прочитанной книжки, иногда служитель государства начинает свысока относиться к православной Церкви, полагая и заявляя, что это – его чисто личное дело и касается исключительно, его личных воззрений,

тогда благовременно указать на пример Царственной благочестивой Четы, Которая черпает для себя силы для служения своему долгу в молитвенном единении с народом[91].

Пусть же государственное дело, опираясь на ваше единение, растет и крепнет здесь и, по старинному русскому выражению, «да придет оно все в достоинство». Не стыдясь пред целым светом, русский народ приобрел себе право на эту благодатную землю, и если сюда пришли во множестве и поселились самые разнообразные народности, о которых справедливо можно сказать: «инии трудишася, а вы в труд их внидосте», – то тем более почетным и первенствующим должно быть здесь место историческому труженику, пролившему здесь пот и кровь, – народу русскому.

Позвольте обратить слово и к вам, разноплеменные представители населения этого края! Храните единение между собою и с великою Россией, нашей благословенной общей родиной. Не силою орудия, нет, сама и вольной волею потянулась эта страна в объятия великого русского народа, который красноречивым свидетельством пролитой крови своих сынов, истраченных здесь миллиардов народного достояния доказал пред лицом Божиим и пред лицом всего мира и бескорыстие, и плодотворность своей работы на этой окраине. Не понять, не оценить таких жертв, не полюбить такого народа, не стремиться к единению с ним и к полному политическому и государственному слиянию с ним было бы признаком хамовой души и нравственного вырождения… Не чужда русской истории эта страна: ее с незапамятных времен посещали русские витязи, и с незапамятных времен она просвещена тою самою православною верою, которую впоследствии из тех же уст и рук Византии приняла Россия, *приняв вместе с тем и историческое наследие и мировое призвание Византии*, следовательно, и эту страну, входившую издревле в область Византии. Храните же единство с Русью святою, споспешествуйте и помогайте выполнению ее великой мировой задачи на этой окраине: эта задача теперь – и ваша, эта работа – теперь наша работа общая. При таком только объединении ждет этот край прекрасная будущность.

Вам же, представители города, единение между собою – надежный якорь спасения в переживаемых вами обстоятельствах. Загорается заря новой жизни для вашего края, поднимается его культура, населяется побережье моря, купившее, наконец, покой дорогою русскою кровью после вековых терзаний и хищничества; появляются новые насельники, несущие сюда средства и труд, ожидаются новые пути сообщения, имеющие дать необыкновенное развитие всему краю, богато одаренному от природы, но не возделанному. Нужно вам явиться достойными доброго и светлого будущего, нужно суметь стать выше своекорыстных видов и рассчетов, предпочесть общее частному, объединиться во имя блага общественного и государственного. Все создаст единение, – и разительное доказательство этого вы видите в соседней монашеской общине, возбуждающей удивление своим благоустройством, достигнутым в короткое время, знающей только труд и молитву, духовно сплоченной во имя высшей идеи около единой и твердой власти игумена. Напротив, все погибнет от разъединения: и тогда готовящееся благополучие пройдет мимо вас, не заглянув к вам в город, как корабль, нагруженный сокровищами, не сможет подойти к берегу, на котором не имеется удобной пристани. Только при условии всеобщего единения во имя духа, этот дух человека и подчинит себе окружающую прекрасную природу, и она процветет чудным раем Божиим, данным издревле в удел и обладание человеку.

Будем же все хранить единение духа в союзе мира (Еф. 4:3); будем помнить и хранить древнее слово: брат от брата помогаем, аки град тверд! Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе! Аминь.

Истинное благополучие и счастье[92]

В порядке евангельских чтений св. Церковь сегодня предложила нашему вниманию, братие, повествование св. Иоанна Богослова о беседе Иисуса Христа с женщиной-самарянкой (Ин. 4:5–42). Беседа эта касалась самых глубоких и важных вопросов жизни и богоугождения, и она навсегда будет привлекательна и поучительна для каждого христианина. И как Спаситель наш в оное время, для проповеди глаголов жизни вечной, беседовал и в чертогах богачей, и в хижинах бедняков, и в великолепном храме Иерусалимском, и в поле, и в лодке, и у берега моря, и на горе, и в пустыне, и на камне около колодца Иаковлева с женщиной-самарянкой, – так и доныне, во всех положениях, во всех местах, во всяком возрасте, везде и всегда уместно говорить о глаголах жизни вечной, везде и всегда и сам человек хочет, напряженно хочет узнать о пути жизни, о счастии жизни, о средствах спасения и богоугождения. Уместно слово об этом и здесь, в этом здании, где в иное время совершается напряженный труд, постоянная и неустанная работа для улучшения общей жизни людей и для приобретения куска насущного хлеба для усталого рабочего.

Жаждет человек лучшей жизни, жаждет того, что принято называть счастьем, блаженством, благополучием. И никто никогда не осуждал этого желания счастья: оно законно, оно естественно, как дыхание, как питье и пища; оно вложено в человека Самим Творцом его. Весь вопрос только в том, что почитать за настоящее, а не поддельное счастье, что признавать за истинное и действительное, а не призрачное и обманчивое блаженство? А обмануться в этом деле, значит – обмануться во всей жизни, которую, как известно, сызнова не начнешь, прожитую – ничем не вернешь, не повторишь.

Говорила со Христом о жажде и женщина-самарянка. Она все повторяла одно и то же, все думала об одном: о простой колодезной воде, которую ей каждый день приходилось с трудом доставать из глубокого колодца, ходить за нею с хлопотами из дома далеко за город. И Спаситель говорит ей о

воде, но иной воде – о *воде живой*. Женщина обрадовалась и думала, что Иисус Христос предлагает ей воду *ключевую*, бегущую, живую. А Спаситель опять говорит ей о другой воде: *всякий, пьющий воду эту, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать во век, но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную* (Ин. 4:13–14). Что яснее этого? И разве непонятно, что Спаситель говорит образно, иносказательно, разумея под водою нечто другое? Но женщина опять не понимала и думала, что если она теперь напьется предлагаемой воды, то уже больше никогда не будет приходить к колодцу и черпать воду...

То же самое непонимание и упорство часто повторяется и с нами, когда мы рассуждаем о нашем счастье и благополучии. Позвольте объяснить это некоторыми примерами из нашей обыкновенной жизни. Вот мы видим ребенка на руках у матери. Как часто этот ребенок, прельщенный ярким блеском свечи, тянется к ней ручками, чтобы взять ее огнем в рот! Как часто малютка желает обнять и прижать к себе кипящий на столе самовар, ярко вычищенный и привлекающий своим блеском неразумного ребенка! Какая мать исполнит желание малютки? Пусть он кричит и плачет горько-прегорько, не мать, а разве только лиходейка позволит ему исполнить его желание. То же, возлюбленные, часто-часто случается и с нами в нашей погоне за счастьем и благополучием: мы под видом счастья ищем себе только погибели, и ропщем, и горюем, и бранимся, и волнуемся, что нас удерживают от опасности...

Но скажете: одно ребенок, а другое – взрослый, понимающий и умный человек. Вот здесь-то чаще всего и терпит крушение прославленный ум человека. На всякого мудреца, говорят, довольно простоты! Что бы вы сказали о человеке, который едет к себе на родину на постоянное житье, а на проезжей станции, где он случайно по пути остановился, вдруг вздумал строить дом себе для временной остановки? Что сказали бы вы о человеке, которому предстоит отправиться в далекое морское путешествие, по глубокому и бурному морю, а

он, сидя на берегу, оснащает лодочку, годную для плаванья только около берега?

А нечто подобное делаем и мы, когда рассуждаем о нашем счастье.

Земная жизнь наша временна, за нею будет жизнь иная, небесная и вечная. Земная жизнь есть только приготовление к небесной. Вот одна из основных истин христианских. Кто думает иначе, тот не христианин, не верующий, тому и не место в этом молитвенном собрании, тот пусть и не слушает нашего слова. Скажем больше: кто думает иначе, кто всю жизнь ограничивает только землею, тот и не человек; это животное, может быть, очень умное, смышленое, но все же не человек, а животное; ему чужды вопросы о добре и зле, о нравственном и безнравственном; он знает только вредное и полезное, приятное и неприятное.

Но мы, христиане верующие, твердо исповедуем учение апостола: *«не имамы зде пребывающего града, но грядущего взыскуем»* (Евр. 13:14); мы и в нашем символе веры постоянно говорим: чаю (ожидаю) воскресения мертвых и жизни будущего века.

Вот если мы будем всегда помнить об этой жизни будущего века, об ожидающем нас грядущем граде, – то мы, сообразно с этим, изменим и свой взгляд на земную жизнь и на земное счастье. Ищи, возлюбленный, счастья земного, ищи земного благополучия, но только такого счастья и благополучия, которое не отняло бы у тебя счастья вечного, обещанного Богом любящим Его закон и Его повеления. Обманом, убийством, грабежом и насилием, конечно, легко приобрести все нужное для земного благополучия, но угодно ли это будет Богу? достойно ли это будет христианина?

Когда нас много, когда мы сильны, когда мы безнаказанны, – конечно, легко бить всех, отнимать чужое, захватывать себе: так рассуждать легко. Но будет ли это жизнь человеческая? Так поступают звери, которые, и при желании знать, не знают ни страха Божия, ни воли Божией, а люди знают это издетства, ибо вера в Бога, страх Божий запечатлен в нас, в наших душах и сердцах от рождения. Неужели это все для нас непонятно?

Неужели нужно доказывать, что добра нельзя достигать посредством зла, что высокое и чистое нельзя получить посредством низкого и грязного образа действий? Неужели мы этого не понимаем?

Вот Спаситель беседует с самарянкой; под водою живою, текущею в жизнь вечную, Он разумел Свое святое ученье, Свои святые заповеди. А самарянка упорно не понимала слов Христовых.

Что же, неужели и мы будем подобны ей? Неужели почти за 2000 лет, протекших после Христа, люди не научились понимать и любить Его слово?

Нет, возлюбленные! И самарянка, после долгой беседы со Спасителем, с грустью заметила: *знаю, что придет Христос; когда Он придет, то возвестит нам все. Иисус говорит ей: это Я, Который говорит с тобою* (Ин. 4:25–26).

Нам с вами не нужно повторять этой истины. В Христа мы веруем; Он наш Учитель, наш Бог, наш Спаситель. За Ним пойдем, а не за теми, которые вместо пути истины и спасения предлагают нам путь лжи и погибели. Его учение мы будем слушать, учение мира, любви, согласия и порядка, а не самозванных учителей, призывающих к раздору, вражде, беспорядку и бунтам. У Него найдем счастье и спасение в жизни земной, временной и в жизни вечной, а не у тех, которые, уподобляя нас неразумным животным, указывают нам только на землю и здесь, как зверю в его берлоге, полагают и начало и конец жизни и весь смысл существования.

Знаем, братие, что кроме слова Христова, и вопреки ему, часто ныне раздается слово смуты, и соблазна, и раздора. Не будем унывать: всему этому и быть надлежит, чтобы нам, христианам, утвердиться в добре, сделаться крепче, сильнее, чтобы в этой борьбе обратиться в твердых воинов Христовых, достойных получить от Царя небесного и вечного венцы и награды вечные. И Спаситель говорит: *горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам, но горе человеку тому, чрез которого соблазн приходит, лучше бы ему не родиться на свет* (Мф. 18:7; ср. Мф. 26:24).

Не будем же ни соблазнять, ни соблазняться, но с твердою верою будем отражать искушения, исполняя в жизни Закон Бога и повторяя слово, сказанное Господом жене-самарянке: *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершать дело Его!* (Ин. 4:34).

Пусть и каждое наше дело будет – дело Божие!

И если мы уразумеем и полюбим ту воду живую, о которой говорит Спаситель самарянке, – Его учение, Его заповеди, Его слово, то с нами повторится то, что случилось в конце концов с женщиною-самарянкой. Она пришла к колодцу за водою, о воде простой заботилась, о ней думала и, несмотря на беседу с Христом, никак не могла отвлечь своих мыслей от этой грубой и обыкновенной воды. Но в конце беседы ее со Спасителем что мы видим? Она, как сказано в евангелии, оставила свой водонос у колодца, а сама побежала в город, чтобы всем рассказать о Христе, и впоследствии сделалась усердною проповедницею имени Христова, и Церковь чтит ее доныне в лике святых под именем Фотины.

То же случится и с нами. Мы никак не можем отрешиться от нашего грубо понимаемого земного благополучия. Но под влиянием учения Христова, полюбив слово Его и Его воду живую, и мы оставим пустыми свои водоносы: оставим грубые мечты и стремления и побежим, что есть силы, чтобы другим возвестить о сладком и святом учении Христовом, и сами выполним его в своей жизни.

Только тогда мы получим истинное счастье и истинное благополучие; тогда наша жизнь вся засияет неземною радостью, и радости нашей, по слову Спасителя, никто и никогда не отнимет от нас! (Ин. 16:22). Аминь.

Уроки школьного Кирилло-Мефодиевского праздника[93]

Поздравляем вас, дети, с нынешним праздником! Желаем и просим вас, чтобы вы хранили память о святых Кирилле и Мефодие не только в годы школьного учения, но во всю вашу жизнь. Вы, конечно, знаете, кто такие были Кирилл и Мефодий, что сделали и за что прославляет их святая Церковь; вы знаете, что они своими трудами принесли великому славянскому племени свет правой веры Христовой, свет грамоты, учения, образованности. Вы видите, что здесь, в православном народе грузинском, также за равноапостольные труды просвещения верою Христовою почитают и прославляют святую Нину.

Итак, вот вам урок на всю жизнь: почитайте и любите тех, кто вам сообщил и сообщает учение веры Христовой, кто вас учил, учит и будет учить и грамоте, и знаниям. Для вас это сделали Церковь и церковные пастыри; они продолжали для вас дело святых Кирилла и Мефодия, подражая, сколько были в силах, их святому подвигу. Почитайте же Церковь православную и ее пастырей, и будьте учениками Церкви до вашей смерти. Тогда вы, действительно, покажете себя *церковными* и детьми школы *церковной*, тогда вы не окажетесь неблагодарными к Церкви, вашей матери и благодетельнице, тогда вы воистину будете учениками и почитателями и подражателями святых Кирилла и Мефодия.

А затем, можете подражать святым равноапостольным братьям и в их просветительной деятельности, в их трудах проповеди слова Божия. Для этого не нужно идти в чужие страны на голод, опасности, мучения и смерть. Для этого нужно, чтобы вы в своей жизни были верны учению Христовой Церкви. Вы знаете, что всегда были дурные люди, враги истины, враги Христа и Его Церкви. Есть они и теперь, они соблазняют и смущают многих слабых. Вот этим смутителям и этим слабым нужно наше твердое слово веры, наша открытая любовь к Церкви и наша добрая жизнь по заповедям Христовым. Смотря на нас, и они укрепятся. И как враги не могли подавить и

уничтожить слова Кирилла и Мефодия, подкрепляемого их святою жизнью, то же будет и с нами.

Дай, Господи, всем нам достигнуть этого! Помолимся, дети, святым Кириллу и Мефодию, помолимся и будем просить себе и всему великому роду славянскому и великому царству славяно-русскому небесной их помощи и покровительства! Аминь.

Смысл Царского коронования[94]

Вознесох избранного от людей Моих; елеем святым Моим помазах его. И истина Моя и милость Моя с ним, и о имени Моем вознесется рог его. Той призовет Мя: Отец мой еси Ты, Бог мой и Заступник спасения моего (Пс. 88:20, 21, 25, 27).

Немного лет прошло с тех пор, когда наш Царь, как бы во исполнение приведенных слов царя-псалмопевца, в Своей древней столице, посреди Своего народа, во имя Божие приял помазание на царство и отдал Себя и народ Свой Богу, Его заступничеству и спасению, Его истине и милости.

Живо у всех нас в памяти это священное торжество России и, видимо, живо и глубоко запечатлелось оно в сердце Царя. За эти немногие годы, протекшие после коронации, уже два раза Государь являлся в Москву для царственного богомоления; здесь возгревал Он в сердце Своем святые помыслы и чувствования, святые верования и моления, – все, чем охвачена была душа Его в ту минуту, когда от Бога, а не от людей принимал Он царственную державу, и от Бога выслушивал веления о великом православно-христианском народе, врученном Его царственному попечению.

С Царем вместе во время Его пребывания в Москве и верноподданные вновь переживали те думы, чувства и моления о Царе, которые теснились в душах и сердцах в день помазания Его на царство. Еще так недавно переживали мы эти чувствования; еще не смолкли в храма те дивные песни церковные, песни воскресения, которые предначаты были в Москве, в сердце России, в личном присутствии Царя, окруженного народом, и продлились эти песни до самого дня памяти Его коронации.

При таких обстоятельствах нынешнее празднество становится более, чем когда-либо, знаменательным; память царского коронования является особенно живою и властно *будит* в душе пережитые когда-то мысли и чувства по поводу этого события.

Ни в одном народе, кроме русского, не сохранилось в такой торжественности, в таком блеске, и, – скажем, самое главное, – в такой полноте смысла и значения помазание царей на царство. В том виде, как оно совершается в России, в этом обилии молитв, в несказанном подъеме народной веры и всенародного благоговения, от него веет не только благочестными преданиями цветущей поры христианства, не только духом православной Церкви вселенской в Византии и ее благочестивых автократоров, начиная от равноапостольного Константина, но и духом седой библейской древности, с ее богооткровенным пророчеством: и мнится, елей царского помазания изливается и доныне на царей наших из того благословенного рога, из которого некогда Давид, царь по сердцу Божию, приял помазание от Святого посреди братьев своих: *И ношашеся Дух Господень над Давидом от того дне и потом* (1Цар. 16:11–13).

Несомненно, только близорукость, невежество или тенденциозность могут упускать из виду тесную связь, всегда существовавшую и существующую между государственными и общественными учреждениями народов и их религиозными верованиями.

И несомненно же, глубоки смысл и важное значение царского помазания в России обусловливаются ее православием и ее самодержавием. Оттого и сохранился в этом торжестве дух библейской древности и заветы цветущих веков христианства, его святых отцов и учителей, – оттого, что в мире одна Россия православна и одна Россия самодержавна.

Не станем говорить подробно о государственном значении самодержавия для нашего отечества, с его особенной историей, географическим положением, огромным пространством, разнообразием климатических условий, этнографическим составом, разноплеменным, разнокультурным, разноверным, с его государственными границами, инородческими окраинами, с его положением по отношению к народам Европы и Азии, с его расовыми славянскими особенностями, с его мировыми задачами и мировым призванием и проч. Здесь каждая мысль требует особого обсуждения, которое увлекло бы нас слишком

далеко, да это и не входит прямо и непосредственно в круг проповедного церковного слова.

Но есть в священном помазании православных царей сторона, теснейшим образом связанная с тем, что называется религиозною и христианскою идеей. Ясно, что если мир не случайно произошел и не бессмысленно живет, если он управляется Промыслом, то Промысл Бога воздвигает в нем и царей, избирая потребного царя народу в то или другое время его существования. Эта мысль, общерелигиозная, прежде всего и исповедуется Церковью в священном помазании царей. В христианстве эта мысль еще более расширяется и углубляется и приобретает иное, мировое значение. Осуществление и утверждение среди области земной, временной и человеческой иного царства – царства небесного, вечного, царства Божия: это составляет заветную цель христианства. Об этом чудно предрекали издревле пророки, об этом предвещал Предтеча Христов, об этом градам и весями всему миру проповедывали Спаситель и Его апостолы. Достигать чрез царство человеческое целей царства Божия, осуществлять в жизни государства и посредством государства задачи христианства, – религии любви, мира, искупления; проводить путем государственности христианские нравственные начала; обратить царство Божие в цель, а царство человеческое в средство, слить их воедино, как душу и тело, – вот идеал и заветы, вот сокровенные стремления и чаяния наши! Над ними задумывались глубоко самые избранные и великие, самые благородные души из мира верующих; над ними трудились и в том полагали цель своей деятельности лучшие и благороднейшие правители народов – равноапостольный Константин, великие Феодосий и Юстианин, святой Владимир Великий, Александр Невский, благородный Владимир Мономах, кроткие Феодор, Михаил, Алексий, до последнего нашего боголюбивого Царя-Праведника, Царя-Миротворца. И это же все в тайниках души своей тысячелетней истории русский народ воплотил в свое государственное мировоззрение, соделал непререкаемым членом символа своего государственного и народного бытия. Мысль, что государство должно служить целям религиозно-нравственным,

народ наш, конечно, не формулировал ясно, но она лежит, как подпочва, как несокрушимый устой и фундамент, в его мировоззрении. Ибо, по народному представлению, праведниками и мир стоит... Зато в лице носителей и представителей власти русское самодержавие с течением веков и в ряде поколений постепенно как бы познавало себя, уяснялось, очищалось от всего наносного и постороннего, просветлялось от света высшего. В этом процессе просветления и созревания русско-православного государственного мировоззрения величайшее значение имели торжества священного помазания государей от времен российских князей и царей и до времен императоров и до наших дней. Эти торжества будили мысль, заставляли задумываться над существом и смыслом нашего государственного строя, озаряя сознанием то, что лежало в неясных предчувствиях и преданиях народа.

Что такое священное помазание царей на царство?

Это не простой торжественный обряд для впечатления на зрителя, не простой знак царского и государственного величия; кто думает так, тот слишком неглубок, слишком легкомыслен в суждении. Это и не одна молитва царя к Богу о помощи свыше, о наитии благодати, о даровании сил к служению, о просветлении царственного разума.

Нет, здесь больше того: здесь боговенчанный царь вступает в священно-таинственный союз со своим народом, не при посредстве избрания или договора, всегда предполагающего взаимное недоверие, а при помазании от Духа Святого. Чему уподобить этот союз, как его изобразить? Думается, лучше всего изобразить словами древних евреев, обращенными к царю Давиду после его воцарения: «вот мы все пред тобою – *кости твои и плоть твоя*» (2Цар. 5:1). Здесь самое сравнение взято из слов первозданного Адама о жене своей (Быт. 2:23). Так царь и народ как бы сливаются в один могучий духовно-нравственный союз, подобный идеальной христианской семье, не мыслящей разделения, не допускающей недоверия, не допускающей иных отношений, кроме взаимной любви, преданности, самоотвержения и заботливости. И как в

семейный союз нельзя ввести холодных отношений договора и усчитывания прав каждого из членов семьи, а все здесь зиждется на взаимной любви и доверии родителей между собою, родителей и детей, братьев и сестер, – так точно и в идеальном христианском государстве. Отсюда – истинный христиански-отеческий характер власти и властвования, отсюда же и истинно-христианский, не рабский и принудительный, а сыновий и свободный характер повиновения. Велик такой союз царя и народа; он могуч и несокрушим, он наследит землю и будет исполнен успеха мерою полною, утрясенною…

Но и сказанного мало. В помазании царя на царство слышится нам то слово Божие о царе, которое положено нами в начале нашего нынешнего поучения: «Вознесох *избранного* от людей Моих; елеем святым Моим помазах его. *И истина Моя и милость Моя с ним*, и о имени Моем вознесется рог его. *Той призовет Мя: Отец мой еси Ты*, Бог мой и Заступник спасения моего»[95]. Так священное помазание для царя является таинственным приятием непосредственно от Бога особых, ему только одному свойственных высших полномочий, отделяющих его от прочих людей: царь в помазании становится избранником Бога; ему вверяются от Бога правда и милость; ему усвояется право сыновства Богу; ему обещана и непосредственная помощь свыше в его царском служении. Царь является орудием Промысла в управлении народом и насаждения в жизни его начал царства Божия. Эту истину религиозную, таинственную можно принять только верою; ее и принял и исповедует наш народ, когда говорить издревле на своеобразном языке в народных присловьях: «Царь – от Бога пристав»; «Правда – Божия, а суд – царев».

Таким образом, в священном помазании царей наших сказалось торжество идей, в своем источнике богооткровенных, но до такой степени усвоенных духом нашего народа, что их можно назвать истинно народными, русскими. Здесь выразилось все существо русского государственного строя; его не поколебать никаким ветром занесенных из чуждых стран учений, и под красные знамена с надписями об изгнании «долой» этого строя можно привлечь только или гниль и

отбросы народные, или сынов народа обманутых, введенных в заблуждение и кричащих «долой» только по недоразумению…[96]

Что же сказать нам в заключение слова? Вознесем прежде всего молитвы о царе и царстве; возгреем в сердцах любовь и благоговение к Царю, Божию Помазаннику! Но вместе с тем мы, именно мы, избранные и доверенные служители государства и слуги царевы, поставим у сердца и сознания библейское и наше народное воззрение на царя, как на орудие Божественного управления народом, на государство же, – как на средство осуществления в нем и чрез него царства Божия на земле. Не одной грубой пользы государственной должны мы искать: этого искало и языческое государство. Не одна простая служебная исправность требуется от нас: и это еще не христианская нравственность. Нет, заветы святой веры нашей, святые заветы христианства должны проникнуть не только в наши личные, но и в общественные и государственные стихии, народ наш должен вырастать в народ Божий, и наше царство человеческое – в царство Божие. Поэтому и Церковь в день благодарного моления о Царе просит Господа подать в благословенной державе Царя: пастырям – святыню, правителям – суд и правду, народу – мир и вере – преуспеяние. Истинной же вере нельзя указать границ ее влияния; она захочет проникнуть в наши семейства, в суды, в училища, в правительственные учреждения; она захочет все знать и везде быть; нет закона, который бы остался чужд для нее; нет ни одной стороны жизни, которая так или иначе, прямо или косвенно, не подверглась бы суду ее и влиянию. И невозможно себе представить, чтобы христианин-судья, учитель, законодатель, государственный или общественный деятель оставил свою религиозную совесть за дверью того места, где он обсуживает дела. Ибо слова Христовы – не смерть, не есть нечто неподвижное, а начало приснодействующее, они – *дух и живот* (Ин. 6:63). Они осмыслили и одухотворили всякую земную жизнь, они же осмыслили, одухотворили государство и государственную деятельность. Христианство достигло этого путем возвышения своих религиозно-нравственных целей над целями чисто государственными. Оно, правда, указывает государственной

жизни второстепенное место, выдвигая на первый план сторону религиозную, духовную; но оно этим не отрицает государства, как это думают так называемые нынешние «новые христиане»; оно указывает государству и положительные задачи, признает за ним деятельный, прогрессивный характер: призывает его к борьбе с злыми силами мира под знаменем Церкви; призывает его проводить в политическую, общественную и международную жизнь нравственные начала и участвовать вместе с Церковью в великом деле пересоздания и возвышения мирского общества До высоты христианского идеала.

Пусть же никого не смущает это возвышение христианства; оно благотворно для самого государства, сообщая ему высший смысл и значение: «чем выше солнце над землею, тем более оно согревает и освещает землю!» Аминь.

Уроки прославления святых[97]

Праведность возвышает народ, а беззаконие – бесчестие народов (Притч. 14:34).

Отрадно нам исповедовать эту истину в день прославления праведного. Кроткий и смиренный, называвши себя при жизни не иначе, как «убогий», благоговейный старец Серафим, 70 лет тому назад на крыльях молитвы от земли переселившийся к небу и вечности, ныне всенародно признается и прославляется в лике святых, нареченный уже давно угодником Божиим общим гласом верующего народа, засвидетельствованный чудесами и знамениями.

В день, когда глас народа ныне запечатлен решением высшего церковного священноначалия и радостно-умиленным словом возлюбленного нашего Монарха, в благочестивом усердии соорудившего многоценную раку для святых мощей преподобного, – в день, когда сыны Церкви объединены в признании святости угодника Божия и в общей, впервые торжественно и всенародно возносимой во храмах молитвы к нему, постараемся поставить пред собою и крепко напечатлеть в сердцах уроки нынешнего радостного церковного торжества.

Праведность возвышает народ, а беззаконие – бесчестие народов, – так говорит слово Божие. Много мы знаем и видим доказательств этой истины в священных событиях истории Ветхого и Нового Завета.

Вот к Лавану приходить гонимый и преследуемый родным братом праведный Иаков, и здесь находит себе гостеприимный кров. Не укрылось от Лавана, что с пришествием праведника видимо благословенье Божие почило над всем домом его – в достатке, в благополучии и счастье, и он прямо заявляет Иакову: *«усмотрех, яко благослови мя Бог пришествием твоим»* (Быт. 30:27 и д.).

Вот кроткий и верующий Иосиф, безжалостно проданный братьями, попадает в Египте рабом в доме вельможи; сам господин его, неверующий язычник, видит и убеждается, *яко Господь Бог с Иосифом, и елика творит, Господь*

благоустрояет в руку его; и бысть благословение Господне Иосифа ради на всем имении его, в дому его, в селех его (Быт. 39:3, 5). Возьмем еще пример.

Долго Господь хранил избранный народ Свой, долго призывал его к покаянию величайшими чудесами милости, голосом пророков и проповедников, долго и много раз грозил народу Своим гневом, обещая разрушить Иерусалим, отнять царство, лишить родины, наказать пленом. Упорным и нераскаянным оставался Израиль, как бы смеялся он над долготерпением Господа, и имя святое Его отдавал на позор язычникам. И приблизились дни гнева Божия, приспел час падения святого города. Но и тогда мы слышим великое слово Господне о праведниках: обыдите, и воззрите, и познайте и поищите на улицах Иерусалима; *и если найдете мужа творящаго суд и ищущаго веры, Я милосерд буду к Иерусалиму!* (Иерем. 5:1–2; ср. гл. VII).

Так велико в очах Божиих значение одного праведника для целого народа.

И в истории Нового Завета мы видим, как ради одного праведника, св. апостола Павла, во время морского путешествия его на корабле, спасены были от неминуемой гибели все плывшие с ним спутники; ангел при этом сказал апостолу: *Бог даровал тебе всех плывущих с тобою* (Деян. 27:24).

Почему же так важно пребывание праведных среди народа? Прежде всего потому, что они являются показателями и свидетелями духовной жизни и духовного роста народа; они своим существованием показывают, что народ не умер для Бога, для святости и для духовной жизни; что среди него есть люди, достойные благоволения Господа, – *и что таких людей не мало*. Прославленные праведники, угодники, чудотворцы, – это как бы высочайшие горные вершины. Здесь, в области духовно-благодатной, наблюдается то же, что и в области видимой природы на земле. Горные высочайшие вершины никогда не стоят совершенно одиноко и особняком на равнине; около них всегда поднимаются меньшие, но все же

возвышенные горы, целые цепи гор, целые горные пространства.

В области духовно-благодатной видим то же: около великих святых есть меньшие, но добрые и высокие души: их почитатели, ученики, подражатели, люди, напоенные единым с ними духом, единою верою, единым благочестием. Праведники не бывают совершенно одиноки; вот почему прославление праведного есть признак, что в обществе, где он жил, воцарилось не одно зло, что, напротив, в обществе этом есть живые духовные силы; вот почему, далее, прославление праведного есть радость Церкви, которая видит, что она не бесплодно молилась о сынах своих, не бесплодно учила их вере и благочестию и, действительно, ведет их к небу и блаженной вечности. Так, у св. Серафима была высокого благочестия мать, щедродательный брат, были же добрые люди, от которых в детстве и отрочестве он получил расположение к вере и благочестию и святым подвигам; были и в обители Саровской не один, а много-много таких людей, которые сочувствовали св. Серафиму: многие из иноков обители, и в их числе ее начальники, имена которых сохранились в житии св. старца, многие послушники, монахини соседнего женского монастыря, посетители и почитатели старца, которых также было великое множество. И то обстоятельство, что память святого старца не умерла в народе, и свято хранилась, что не заросла дорога к его могиле, что имя его из скромной обители, из лесной глуши пронеслось и призывается с верою на протяжении всего великого царства русского, – это все приносит сердцу отрадную уверенность, что родная Церковь наша, Церковь русская православная, спасает своих чад, что не оскудела она духом и святынею, что не мертва она, а жива и действенна, и что *уходящие от нее уходят от источника жизни и спасения*. Пусть подумают об этом наши несчастные заблуждающееся братья, сектанты и отступники, которых, к прискорбию, так много в нашем крае и в нашем городе, и которые так упорно закрывают очи и не хотят видеть истины православия нашей святой Церкви.

Почему еще так важно пребывание праведных среди народа?

Потому, что мы в них имеем предстателей и ходатаев пред Богом. Св. апостол Павел, постигши глубины таин Божиих и таин духовной жизни человека, говорит нам, что из всех духовных дарований вековечное и не умирающее есть любовь: *"Любовь,* – говорит он, – *никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится»* (1Кор. 13:8).

Но святые Божии в земной своей жизни и водились и жили именно любовью к Богу и ближним. До какой высоты самоотречения доходила их любовь к людям, видно из молитвы Моисея о согрешившем родном народе: *«О, Господи, народ сей сделал великий грех, сделал себе золотого бога; прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал»* (Исх. 32:31–32).

Такова же была и молитва апостола Павла о своих соплеменниках, которые убили Христа и ничего не дали самому апостолу, кроме клеветы, преследований и кровавых гонений: *«истину говорю во Христе, не лгу, что великая для меня печаль и непрестанное мученье сердцу моему; я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, т.е. израильтян* (Римл. 9:3).

Вся жизнь св. Серафима также была исполнена деятельной самоотверженной любви к людям; она светилась в его взоре; она изливалась в словах его привета ко всем посетителям: «радость моя»; она проявлялась в его частых поклонах до земли своим ближним и лобзаниях; она давала ему изумительное терпение при беседах с тысячами посетителей, выслушивать их печали, сомнения, исповедь грехов, ободрять словом утешения, вразумления и прощения грехов; она одушевляла святою мудростью его наставления тем простым и верующим душам, что тысячами ежедневно приходили ко св. старцу; она пламенела в его молитвах за людей, она, наконец, мощно и благодатно действовала в том дивном даре чудесных исцелений больных, который ниспослал ему Господь в конце жизни.

Неужели эта любовь должна прекратиться после смерти старца? Неужели святые, сильные в молитве о ближних при жизни, и немы и глухи по смерти? Неужели душа их после смерти тела уже не объята любовью, и к скорбям земных братий они вдруг станут равнодушны, они, которые, живя на земле, готовы были все свое и себя самих принести в жертву ради блага ближних? Так именно рассуждают и наши сектанты, удаляющие себя от почитаний святых и от молитв к ним.

Но ведь против этого вопиет и разум и сердце, против этого говорит и слово Божие, уверяющее нас, что *любовь никогда не перестает*. Вот почему апостол Петр обещал христианам заботиться о них и после смерти (2Петр. 1:14–15); вот почему это же обещали все святые, обещал и ныне прославляемый преподобный отец наш Серафим Саровский: «Когда меня не станет, – говорил преподобный, – ходите ко мне на гробик, ходите, как вам время есть, и чем чаще, тем лучше. Все что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все, придите, да мне на гробик, припав к земле, как живому, и расскажите. *Я услышу вас*, и скорбь ваша пройдет. *Как с живым, со мною говорите, и всегда я для вас жив буду*".

Да, жив ты у Бога, святой, любвеобильный и благоговейный старец, жив ты в Церкви Божией, жив и славен, как праведник, в родном тебе многоплеменном православном русском царстве!

Хотите ли, братие, приобщиться к этой его жизни? хотите ли быть сродными его духу, его вере, его любви и благочестию?

Хотите ли явить доказательство, что и вы духовно слились с тою Церковью, в которой обрел спасение и святость новоявленный угодник Божий?

Тогда войдем ныне все в радость и молитвы св. Церкви, приблизимся духом к святому Серафиму, перенесемся мыслью и воображением к тем десяткам тысяч богомольцев, которые сегодня в отдаленном Сарове стоят вокруг мощей преподобного, горят к нему любовью, прославляют его, и с ними, и с Церковью Божиею воскликнем от всей пущи: *Преподобие отче Серафиме, моли Бога о нас!*

Но будем помнить, братие, что бывает страшное душевное состояние и отдельных лиц и целых народов, такое состояние

греха и нераскаянности, что отвращает совершенно от людей лице Господа, и делает бездейственными о них даже молитвы святых: тогда молитва их, по слову пророка, в недра их возвращается (Пс. 34:13). Так было с нераскаянными иудеями, о которых молил пророк Иеремия; и сказал ему Господь: *«Не молися ко Мне о людех сих во благо. Хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил, душа Моя не преклонится к народу сему; отгони их отлица Моего, пусть они отойдут»* (Иерем. 15:1). Так случилось, наконец, и с Иерусалимом: сам Господь плакал о нем и жалел его, но все же осудил его за конечное ожесточение и упорство его сынов.

Это для нас – устрашающие образы и примеры. Будем не устами только почитать святого угодника Божия Серафима, но и делом и всею жизнью являть с ним духовное единение: будем иметь его святую веру, будем всею душой преданы святой Церкви, к которой он принадлежал; освящаться ее таинствами, которыми он освящался; исполнять в точности и с любовью все ее уставы; будем искренно почитать его совершенства и добродетели и отображать их в своей жизни, отдав ее труду и молитве, по мудрому и меткому наставлению старца: «дело в руках, а молитва на устах»; будем служить, чем можем, с любовью нашим ближним, – одним словом, будем подражать житию угодника Божия, чтобы явиться братьями его не только по плоти, но и по духу! Ибо и апостол, заповедывая почитать праведных, поучает нас: «*ихже взирающе на скончание жительства, подражайте вере их*» (Евр. 13:7). Иначе и почитание их будет бесполезно и лицемерно. В день прославления праведного запомним крепко и поставим у сознания и сердца слово Божие: *праведность возвышает народ, а беззаконие – бесчестие народов*. Аминь.

Врачуйся прежде недуга[98]

Возлюбленные братие! По долгу христианской любви и пастырского попечения, по обязанности сограждан в едином отечестве, обращаемся к вам с настоящим словом поучения церковного в переживаемые нами тревожные дни. Наступает тяжкое время общественного бедствия: в нашем отечестве появилась холерная зараза.

Что делать нам и как себя вести? Заботливое правительство уже приняло и будет принимать меры к борьбе с нею: очищение городов и селений от грязи и нечистоты; назначение везде врачей и их помощников в усиленном составе; оповещение всего населения чтениями, листками, книжками о том, как обращаться с пищею, питьем и с жилищами во время холеры; будут открыты по местам чайные; во многих местах можно будет получать кипяченую воду; заготовлены будут лекарства и расширены помещения в больницах. По городам и линиям железных дорог откроют действия так называемые санитарные комиссии, т.е. особые совещания лиц сведущих, из всех сословий призванных с целью объединить и упорядочить все меры, предпринимаемые для борьбы с бедствием. Не без добрых людей на свете: явятся добровольно многия лица из городов и селений, которые примут на себя обязанность помогать начальству и врачам в святом и общем деле.

Все это хорошо и все это должно вызывать у нас только чувства благодарности к тем, которые заботятся о благе общественном, и чувства спокойствия за это благо. Все это вполне согласно и со словом Божиим, которое говорит вам вразумительно: прежде недуга врачуйся (Сир. 18:19). Оттого-то люди и научились теперь бороться с повальными болезнями, оттого-то, как все замечают, и холера с каждым разом теперь все становится слабее и уже далеко не так гибельна и опасна, как это было прежде.

Но все это – советы и указания для тела; христианин же никогда не может и не должен оставлять забот и о душе своей.

Впрочем, доброе настроение души и доброе христианское поведение, как говорят и настойчиво уверяют сами врачи, служат лучшим спасением и от болезней тела. Врачи уверяют нас, что во время повальных болезней первыми жертвами их падают люди малодушные, унылые, затем люди невоздержные в жизни, иначе сказать, те, которые нарушают христианские заповеди. Видите, возлюбленные, как до конца исполняется слово Божественнаго Писания, которое поучает нас, что *благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей: слово сие верно и всякого приятия достойно* (1Тим. 4:8–9).

И воистину, братие, воистину слово это всякого приятия достойно. Чем спастись от уныния, страха и малодушия, столь пагубных во время повальной болезни и столь позорных и унизительных для человека? Только глубокою и искреннею верою в Бога и горячею к Нему *молитвою.*

Какие великие утешения дает человеку вера! Какие назидания сообщает ему вечное слово Бога! Оно уверяет нас, что *Господь причиняет раны, и Сам обвязывает их, Он поражает*, и *Его же руки врачуют* (Иов. 5:18), что *Господь мертвит и живит, низводит во ад и возводит* (1Цар. 2:6), *Он убиет и жити сотворит, Он поразит и исцелит, Он наказует и милует* (Тов. 13:2). Как отрадно слушать исповедание древнего псалмопевца-царя: *Щедр и милостив Господь, долготерпелив и многомилостив, не до конца прогневается и не во век враждует* (Пс. 102:8–9). Как радостно читать уверение библейского мудреца, что *милость Божия* так же *беспредельна*, как и *Его величество* (Сир. 2:18). И как осмысливает настоящие события святой апостол, когда уверяет, что, наказывая наши неправды бедствиями, Господь врачует и воспитывает наши души, поступая с нами, как нежно любящий отец со своими детьми; *Господь, кого любит, наказывает, бьет всякого сына, о котором благоволит; если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами; ибо есть ли такой сын, которого не наказывал бы отец!* (Евр. 12:6–7). И какая уверенность, какое спокойствие и какая преданность и покорность воле Господа и Его ведущей и воспитывающей

деснице вливаются в душу, когда мы, по слову того же апостола, знаем и исповедуем, что *Бог не попустит нам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и облегчение, так, чтобы вы могли перенести* (1Кор. 10:13).

Итак, *призовем Бога в день скорби нашей* (Пс. 49:15) и к Нему обратимся с молитвою. Ибо, если, по наставлению апостола, мы *всегда должны молиться и непрестанно* (1Сол. 5:17), то тем более теперь. Так поступили в подобных же обстоятельствах, во время страшной моровой язвы в среде еврейского народа, царь Давид и старейшины Израилевы, *падши в молитве* пред Богом *на лице свое: и послушал Господь земли и отнял язву от Израиля* (2Цар. 24:25).

Нам же, сынам нового завета, искупленным Кровию Сына Божия, на всякое моление, приносимое с верою, всегда отвечает наш Спаситель: *«Я с вами; не бойтесь!»* (Ин. 6:20).

И чего в самом деле бояться верующим? Болезней и страдания? Но всякое страдание, переносимое терпеливо и вдумчиво, и во имя Бога, есть богатый вклад в нашу душевную сокровищницу и делает дух наш зрелым и близким к Богу. Бояться смерти? Но смерти ли бояться христианину, когда он знает, что этот враг истреблен Воскресшим Спасителем, и ныне гроб есть только лествица к небу!

Не убойтесь убивающих тело (Мф. 10:28), – говорит наш Спаситель. Но вот чего нужно бояться: бояться того, что убивает душу и что послужило истинною причиною и смерти тела. *Ведь Бог смерти не сотворил* (Прем. 1:13), но счастливую, бессмертную жизнь человека отравил и погубил грех. Вот почему, братие, с верою в Бога и с усердною к Нему молитвою в эти тяжелые дни несчастья должно быть соединено искреннее покаяние во грехах, исправление всей нашей жизни. Без этого Господь скажет нам так, как говорил некогда древнему Израилю чрез Исаю пророка: *«Когда вы простираете ко Мне руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу»…* (Ис. 1:15).

Не помните ли и из евангелия, что Спаситель, когда принесли к Нему расслабленного, не сказал ему: *«встань и ходи»*, а отпустил ему грехи его, и тогда само собою

совершилось и чудо исцеления (Мф. 9:2). Это урок для нас в нынешних обстоятельствах. Очищая жилища наши от всякой грязи и нечистоты, очистим прежде всего души наши от накопившейся на них нравственной нечистоты; воздерживаясь от той и другой пищи ради сохранения от болезни, воздержимся более всего от грехов и пороков; страшась заразы и избегая ее всеми средствами, устранимся духовной заразы – греховного настроения ума и сердца; обратив особое внимание на борьбу с болезнью, обратимся особенно к подвигу борьбы со всяким нравственным злом, опустошающим нашу жизнь и причиняющим нам смерть душевную. По слову апостола, *очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием* (2Кор. 7:1). Так поступили даже древние язычники в городе Ниневии под влиянием проповеди пророка Ионы: *и Господь помиловал их* (Ин. 3:5–8); тем более должны это сделать христиане.

Совершим же святыню: усугубим молитвы; чаще будем посещать богослужение; принесем покаяние во грехах; соединимся со Христом Спасителем в тайне Его Тела и Крови; исправимся от грехов, – и так приуготовленные станем пред лицем Господа в полной преданности Его воле в полной надежде на Его милосердие, зная, что Он и желает и даст нам гораздо более благ, чем мы сами себе пожелаем; скажем Ему словом великой и святой молитвы: да будет воля Твоя, *яко на небеси и на земли…*

Но скажут и спросят: что же врачи и медицинские пособия? Не лишнее ли это дело? Действительно, бывают случаи, когда врачевство является лишним, и не только лишним, но и греховным: когда люди, из ложного преклонения пред человеческою силою и человеческим разумом, только и надеются на искусство врачей да на силу лекарств, забывая и отвергая Бога. Тогда эти безумцы более доверяются законам, чем Законодателю, более верят твари и творениям, чем Самому Творцу. Тогда гнев *Божий грядет на сынов противления*; тогда и врачевания, как это мы видим на примере ветхозаветного нечестивого царя Асы (2Пар. 16:12), не приносят

никакой пользы, потому что они в этом случае обращаются в орудие неверия и в знамя вражды против Самого Бога.

Но мудрое и доброе пользование врачебным искусством не только не отвергается, но признается и даже предписывается нам словом Божиим. Вот что говорит нам библейский мудрец: *Сын мой, в болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя; оставь греховную жизнь и исправь руки твои и от всякого греха очисти сердце. И дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен* (Сир. 38:9–12). Господь не требует, чтобы мы отказались от своего ума, от сил духовных и телесных, и от тех благ мира, которые Сам же Бог сотворил и даровал человеку в полное обладание (Быт. 1:28). Кто думает, что грешно пользоваться лекарствами, тот должен отказываться от воды и от пищи, потому что питье и питание тоже, как и лекарства, суть средства сохранения нашей жизни и предохранения от голодной смерти. И как разум и телесные силы помогают человеку в сохранении и поддержании его жизни и в добывании средств для пропитания себя и своих близких, так точно разум человека помогает ему отыскивать и нужные лекарства от болезней для той же цели, т.е. для сохранения жизни. Древний библейский мудрец говорит, что *Господь от земли создал врачевания, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими* (Сир. 38:4). Поэтому тот же мудрец советует: *Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его, и от Вышнего врачевание, и от царя он получает дар. Знание врача возвысит его голову, и между вельможами он будет в почете. Для того Господь и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его: ими Он врачует человека и уничтожает болезнь его. Приготовляющий лекарства делает из них смесь, и чрез него бывает благо на лице земли* (1–8). И смотрите, поучаясь, как и в ветхом и в новом завете люди святые не пренебрегали внешними пособиями для исцеления ближних от болезни. Моисей и словом чудодейственным мог сделать воду в пустыне здоровою, но он находит для этого особое древо, которое вложил в воду и сделал ее сладкою и тем прославил имя

Божие и спас народ от смерти (Сир. 38:5; ср. Исх. 15:5); царю Езекии пророк, посланный к нему для исцеления, накладывает на больное место *пластырь* и спасает его (Ис. 28:23; 4Цар. 20:7). Ангел, посланный исцелить Товита от слепоты, указывает для сего сыну его лекарство – желчь от рыбы, и ею возвращает больному зрение (Тов. 3:10, 6:3–9). Спаситель наш исцелял болезни словом, но нередко употреблял и видимые средства исцеления: слепому возвратил зрение плюновением и возложением рук на очи; другому помазал очи брением и повелел умыться в купели Силоама; глухому и немому возложил перст в ухо и коснулся языка его (Мк. 8:22; Ин. 9:6). Один из евангелистов – св. апостол Лука был врач; он помогал врачеваниями другому великому апостолу – Павлу в его немощах (Кол. 4:14), много святых были врачами: Косьма, Дамиан, Кир, Иоанн, Пантелеймон… Все они, имея дар чудотворного целения болезней, весьма часто для исцеления болящих употребляли и земные врачевства. Таким образом, служение врача есть по преимуществу служение милосердия и самоотвержения. Часто и предписания врачей вполне совпадают с наставлениями слова Божия; особенно это нужно сказать о *воздержании* в пище и питье, о чистой и целомудренной жизни, о подавления в себе гнева и страстей. Всего этого требует от нас врачебная наука в полном согласии с заповедями Божиими. Невоздержание гибельно в такой болезни, как холера: но давно за этот грех и Господь наказывал евреев в пустыне (Числ. 11:33). Вот почему поистине слез и негодования достойны те люди, которые, как показывает опыт прошлого, в тяжелые годины холерных и других болезней стараются возбудить в народе недоверие и вражду к врачам, к этим незаменимым помощникам страждущих и самоотверженным деятелям, нередко умирающим в цвете лет на своем высоком посту от заразы и истощения сил. Неудивительно, если это делают враги общественного порядка, которые всем готовы воспользоваться, лишь бы внести смуту в народе, которые никого и ничего не жалеют, лишь бы достигнуть своих преступных целей; их слушать, конечно, не должен никакой благоразумный человек. Но удивительно, когда эти

безумные мысли разделяют и повторяют, разумеется, по простоте и невежеству, люди религиозные и благонамеренные. Это стыдно и грешно. Что же их возмущает? Чаще всего то, что заболевших обязывают непременно идти в больницы. Но ведь за это благодарить надо; это делается для того, чтобы зараза не распространялась. Недовольство высказывают и за то, что по распоряжению начальства гробы умерших от холеры сейчас же закрывают, не заносят в церковь, заливают в могилах известью; зараженную одежду умерших сжигают. Как ни тяжело это, но следует с любовию подчиниться и таким распоряжениям ради любви к людям, ради общей пользы, ради предохранения здоровых от заразы. Ведь все это не вредит мертвому: ему нужна милость Божия, наша любовь и наша о нем молитва, а этого никто и ничто не может отнять у наших дорогих покойников.

Итак, если слово Божие повелевает нам всегда *повиноваться всякому земному начальству Господа ради* (1Пет. 2:13), то теперь видимо для всех и ясно, – мы должны повиноваться распоряжениям начальства и ради нас самих, и ради ближних. В такие тяжкие времена, когда нас постигают заразительные болезни и вообще какие бы то ни было общественные бедствия, и долг пред Богом, и требования совести, и долг гражданский, и требования благоразумия, – все заставляет нас быть единодушными, согласными, покорными власти и вместе ее распоряжениям относительно мер борьбы с бедствием. Тогда, с помощью Божиею, мы скоро достигнем того, что бедствие прекратится.

Вот, возлюбленные братья, все, что нам хотелось сказать вам по случаю переживаемых нами тревожных обстоятельств. Заключаем слово наше священным словом евангельским: *Имеющий уши слышать, да слышит*. Аминь.

Радость миру[99]

Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенней (Троп. праздн.).

В день, когда воспоминается рождение Пресвятой Богородицы, св. Церковь не находит других слов для восхваления Ее, как эти только что приведенные слова: рождение Твое, Богородица Дева, принесло радость всей вселенной. Не сразу эта радость объяла весь мир. Первые минуты самой высокой и святой радости были пережиты, как и при рождении всякого ребенка, родителями новорожденной. Отец и мать Пресвятой Богородицы, праведные Иоаким и Анна, в глубокой старости, после усердной и слезной молитвы удостоились рождения ребенка. Они первые и радовались этому рождению. Но скоро радость, которую принесла Новорожденная Мария тесному кругу родителей и родственников, все больше и больше расширяется, все больше и больше исполняет сердца всех окружающих. Она – радость и утешение священников и благочестивых женщин в те дни, когда росла и воспитывалась при храме Иерусалимском. Она – радость и утешение старца Иосифа, которому Она была обручена, как жена, и которому, не будучи на самом деле женою его, Она по обычаям того времени служила, как своему господину, в его бедном доме, в его старости, в его потухающей и умирающей жизни. Она – радость и похвала всей семьи Иосифа, для которой Она трудилась, не гнушаясь никакими работами, ведя бедное и незатейливое хозяйство своими руками. Она – радость и похвала всех окружающих в городе Назарете, где Она цвела и благоухала чистотою, скромностью, кротостью, милосердием. Она, радость и украшение семьи, города, становится радостью для всего мира, когда святостью жизни и чистотой души привлекла к себе милость свыше и избрана Матерью Спасителя мира. И чем больше сияла слава Ее Божественного Сына, чем больше и больше расширялось на земле Его царство, чем больше число людей веровало в Него, тем больше радости приносила миру Богородица. И при жизни

Спасителя Она, кроткая и молчаливая, открывала уста свои только тогда, когда нужно было просить милости нуждающимся, например, на браке в Кане Галилейской. После же Его смерти Она вся отдалась благотворению и молитве, а после своего отшествия от земли на небо, явившись апостолам, Она обещала не оставить мир молитвою, милосердием и заступлением. И поныне Она – радость и утешение христианскому миру. Сколько Ее храмов, сколько чудотворных икон, сколько чудес милости, особенно в нашем православном царстве русском! Не напрасно величают Ее, как и вы в каждое воскресенье величаете: «Заступница усердная, нагих одеяние, ненадеющихся надежда, немощствующих врач, обуреваемый, пристанище, христиан всех заступление и вспоможение»[100]. Так воистину, рождество Богородицы и жизнь Ее радость возвестили всей вселенней.

Братие возлюбленные! Для каждого из нас, если мы только не напрасно и не лживо почитаем Богородицу, для каждого из нас поставлена та же задача: и мы должны сеять кругом себя радость, и мы должны жить на радость окружающих нас людей. Конечно, мы не можем даровать радости вселенной, – мы для этого слишком слабы и слишком незначительны. Но, по крайней мере, в той среде, в той местности, где мы живем, среди людей, с которыми мы соприкасаемся, мы должны водворить и насадить радость. Тогда из малого в общей сложности совершится великое. Если маленькие снежинки зимою, падая одна рядом с другой, покрывают всю землю снежным сплошным покровом, если вода, капля за каплей падая из туч, затопляет землю, наполняет и образует ручьи, реки и моря: то тем более радость и отрада, добро и любовь каждого из нас, соединяясь вместе, наполнят всю землю и обратятся во всемирную радость. Так мы все вместе сможем быть подражателями Богоматери.

Так ли бывает на самом деле?

Братие, каждый из нас в свое время родился, был маленьким ребенком, подобно родившейся Богородице. И наше рождение в мир по большей части внесло радость в тесный семейный круг: порадовался отец, улыбнулась мать, забыв муки

и скорби рождения, и радостью наполнилось ее сердце; поздравляли ее и отца родные и знакомые, приходил служитель Церкви и именем Божиим ввел нас в стадо Христово, нарек христианское имя, крестил во славу Пресвятой Троицы. Бог послал каждого из нас в мир, окружил в семье любовью и радостью и повелел, чтобы мы и сами возрастали в любви на радость нашим близким, на радость семье, на радость людям, на радость нашей дорогой родине – святой и великой Руси, на радость общей Матери нашей – Церкви Православной. Бог послал нас в мир для этого, и каждому дал силы и способности, дал круг людей, место и время жизни и повелел творить Его волю. Что же сделали мы?

Видели ли вы, братие, богатое поле с обильным и прекрасным урожаем? Стоит на нем хлеб стеною, колосья гнутся до земли, отливая золотом, ожидая и призывая жатву и косьбу. Стоит пред этим полем хозяин его и радостью полно его сердце; он ждет обильной жатвы, он раскидывает умом будущие доходы. Но вдруг проносится над землею жестокая буря, стала градовая туча, полил дождь, выпал град и в одну минуту избил, опустошил дорогое поле: полегла на землю богатая нива, избило градом золотые колосья, жалко стоят одинокие оставшиеся избитые былинки… Что чувствует хозяин при виде этого погибшего поля, его надежды и кормильца, – вы сами знаете. Наша жизнь – то же избитое и опустошенное поле. Бог послал нас в мир творить волю Его, нести радость людям и всему Божьему миру; сколько надежд возлагали на нас родные, чего-чего не ждала от нас Церковь Божия!.. Трудиться бы нам только, да работать, исполняя Божьи заповеди, сохраняя себя в чистоте и святости: но вот пришла юность, пришло мужество, налетела буря страстей, пьянства, распутства, злобы, воровства, зависти, сквернословия, – и побило градом нашу духовную ниву! Погибли цветы нашей жизни – невинность, кротость, смирение, незлобие, и вместо радости вокруг нас стоном стоит горе и злосчастье: плачут жены от драки и брани пьяных мужей, плачут отцы и матери, престарелые и слабые, слыша грубость, видя побои от детей, повыплачут они очи, не хотят смотреть на свет, просят себе смерти и раскаиваются, что

породили в мир таких беспутных детей; плачет хозяйство у пьяного хозяина, плачет без корма и ухода бессловесный скот, плачет сама земля-кормилица с полями и деревьями, которые являются жертвами дурного обращения дурных людей. Не жизнь, а смерть и разорение, не достаток, а одну нищету сеет вокруг себя грешник. А что в общественной жизни? Взаимная зависть, злоба, обман, недоверие; друг на друга клевещут, друг другу завидуют; постоянные ссоры, везде несогласие, нет общего труда, нет общей заботы о делах! Вот что сеем мы вокруг себя, вот чем отплачиваем Господу за то, что Он призвал нас в мир рождением! А смотря на нас, в тех же грехах выростают и дети: им ведь для подражания нужны не слова, а дела наши. Если же дела наши – одно зло, то и дети учатся одному злу. Так мы не только сами не даем радости миру, но отнимаем и убиваем ее и в будущем в лице наших детей.

Пусть же все это станет у нашего сердца в нынешней день прославления Богородицы. Она рождением своим принесла радость всей вселенной. Постараемся подражать Ей. Постараемся доставлять радость всему окружающему; будем, подобно Богородице, тверды в вере, в исполнении заповедей Господних, будем кротки, трудолюбивы, трезвы, будем относиться к людям с любовью и расположением, – и тогда мы воистину будем подражателями Богородице, тогда и наше рождение в мир и наша жизнь в мире принесут радость и счастье людям. Аминь.

Христос и дети[101]

Вы слышали сейчас, дети, священный рассказ евангелия о том, как Господь Иисус Христос любил и ласкал детей, как Он Своим апостолам и всем верующим указывал на детей и повелел, чтобы и взрослые люди были по вере, чистоте и незлобию похожи на детей. Что же и мы другое можем сказать вам после этих слов Христовых? Если и взрослым приказано подражать детям, то дети должны быть самими собою, т.е. именно детьми как можно дольше. Что прилично детям? Слушать старших, с доверием к ним относиться, учиться, и учиться усердно, быть кроткими, незлобивыми. Дети охотно шли к Иисусу Христу от своих матерей, любили слушать Его, любили быть с Ним, около Него. Идите и вы ко Христу, слушайте Его слово, будьте поближе к Нему: вы найдете Иисуса Христа в Церкви, в молитве, вы услышите Его в евангелии и в изучении Закона Божия в школе, вы не только будете вблизи Иисуса Христа, но соединитесь с Ним в молитве, в св. таинствах, особенно во святом причащении. Во дни Иисуса Христа, когда к Нему подходили дети, взрослые им препятствовали. Теперь, напротив, вас и сейчас привели ко Христу и будут постоянно приводить к Нему. Если же, чего Боже сохрани, кто из взрослых стал бы мешать вам, то и власть церковная, и царская твердо скажет им такими словами Господа: «Оставьте детей приходить ко Христу и не препятствуйте им!»

Вы начинаете учение в праздник рождения Богородицы; о Ней церковная песнь воспевает: Рождение Твое, Богородице Дево, принесло радость всей вселенной.

От души желаем и вам, чтобы и ваше рождение, которое было так недавно, и ваше учение принесло только радость вашим родителям, вашей семье, станице, родине нашей и св. Церкви. Будьте добрыми и хорошими детьми, будьте хорошими и добрыми учениками и товарищами друг другу; тогда вы будете со временем хорошими и добрыми людьми и деятелями, и принесете радость окружающей жизни.

Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Вечная победа веры[102]

Сия есть победа, победившая мир, – вера наша (1Ин. 5:4).

Это слова св. апостола Иоанна, – глубокие вековечные слова! Остановимся на них сегодня вниманием и ради их глубокого смысла, и ради применения к переживаемому времени, и ради памяти св. апостола, изрекшего их Духом Божиим. В храме, посвященном его имени, они особенно знаменательны.

Когда были сказаны эти слова? Они были сказаны в то время, когда христиане переживали дни гонений и преследований, когда одно название христианина уже грозило пытками и смертью, когда новорожденная Церковь Христова крестилась огненным крещением, а мир, в котором жили и действовали апостолы, переживал глубокий перелом, весь охваченный борьбою старых начал издыхавшего язычества с новыми началами небесного благовестия Христова. Тяжелые то были дни и тяжело вспоминать о них! Кровь христиан лилась рекою, их жизнь и смерть были омрачены всеобщим презрением, отравлены клеветою и преследованиями. Мир, о котором говорит апостол в приведенном изречении, – подразумевая под этим словом все враждебное, во зле лежащее (1Ин. 5:19), противоположное святым и чистым заветам Царства Божия на земле, – этот мир всеми своими силами обрушился на христианство: императоры и правители истязали христиан судебными преследованиями, мечом воинов, ограничительными законами и кровавыми карами; поэты и ученые и устно и в письменных произведениях высмеивали христианское учение, а все это вместе взятое разжигало народ, руководимый жрецами отживающей религии, разжигало дикую толпу, всегда склонную к легковерию и жестокости; эта толпа измышляла, принимала на веру и распространяла самые нелепые клеветы на христиан, влекла их на судилища, бросала в цирки и театры на позор, на съедение зверям, на издевательства палачей и тюремщиков, на все виды казни.

Несчастные в жизни и несчастные в смерти, – так говорили о христианах язычники.

Но не здесь было главное препятствие для христианства, для дела благовестия апостольского. Главное препятствие лежало в глубине самого духа человеческого, в его греховности, в его склонности ко злу, в его бессилии подняться к свету и правде. Как поднять общество, погрязшее в грехе и пороке? Как пересоздать его? Как среди привычного себялюбия, жестокости, грубой чувственности, среди царящего рабства, насилия и безправия заговорить об узком пути царства Божия, о чистоте, великодушии, любви, самоотречении? Как в обществе, где великодушие считалось слабодушием, а милосердие – глупостью, проповедывать о христианском смирении, о любви и жалости к меньшим братьям? Как проповедывать, например, что блаженнее давать, чем принимать, когда это означало упразднение всего строя жизни, ниспровержение всех ее веками освященных основ, за которыми следовало разрушение тысячи видов благосостояния, установившихся положений жизни и проч. Вот где была трудность благовестия Христова, и естественно, что «мир» встретил его враждебно и ополчился против него ожесточенно.

И все-таки мир этот был побежден. Силу, которая совершила победу, и указывает св. апостол: *Сия есть победа, победившая мир, – вера наша*. И до Христа человечество знало эту силу, потому что она прирождена существу человека, но несомненно, только Спаситель показал, как велика эта сила и что она может сделать; в этом смысле Он как бы воссоздал и открыл ее в человеке. Кто хочет убедиться в этом, тот пусть прочитает или прослушает только одну страницу евангелия.

И воистину, святая вера явилась христианским всеоружием. В личной жизни христиан она дала им необычайную ясность духа, твердость исповедания и жизненного оправдания и исполнения Христова евангелия, породила сонмы мучеников, украсила для них радостью мучительные часы пыток, облегчила, даже облаженствовала самый час смертный. Чтобы идти на пытки, на костры, на мучения и смерть не только твердо и спокойно, но с радостью, для этого нужно было иметь силу

нездешнего мира; ее давала вера. В жизни же Церкви, в ее бескровной борьбе с налегавшею тьмою язычества, с языческими тлетворными и греховными началами, вера наша, действительно, явила чудеса победы! Она дала силы бессильным, она украсила человечество великим сонмом святых, она пересоздала людские отношения; не прошло полных трех веков со дня ее проповедания в мире, как гордый мир склонился пред нею; от хижин рабов, от подонков общества, от всего худородного и немощного, где на первых порах и нашло себе последователей евангелие, она проникла во двор кесарей, возсела на их престолах и в знамении креста Господня осенила, возвеличила и осмыслила венцы и скипетры державных царей. И много-много в течение последующих веков св. вера наша явила знамений победы. Не раз людские сердца, охваченные отчаянием, томились пустотою и были близки к погибели; не раз общества человеческие переживали времена разложения и падения, – и всякий раз, если они не забывали веры, то и отдельные лица и целые общества в ней одной находили спасающее начало, возрождались, очищались, становились способными к новой жизни.

Что сказать о переживаемом нами времени? Жизнь личная каждого из нас никогда не свободна от горестей, слабостей, падений, не свободна от гнетущего чувства уныния, туманом застилающего душевный мир, когда руки опускаются пред жизнью и деятельностью и сердце охватывает гнетущее отчаяние.

Что сказать о жизни общественной? Она усложнилась до чрезвычайности, она вызывает на печальные размышления. Кажется, что и мы переживаем глубокий перелом. Произошли коренные перемены в отношениях сословных, резко до неузнаваемости изменяются материальные условия жизни; неспокойно стало кругом, многое замутилось; новые учения, противные евангелию, проповедуются громко и открыто, новые понятия вторгаются в умы людей и широко распространяются в мире. Всмотришься, вдумаешься в них, и видишь: ведь это старые знакомцы! Это «належащая мгла языков», о которой упоминается в сегодняшней церковной песне в честь апостола;

это языческие начала жизни, не издохшие окончательно даже чрез двадцать веков христианства. Они приняли только иной облик, приспособились к времени, получили только иное название, а по существу остались неизменными. Эта анархия, революция, социал-демократия, о которых не хочется даже упоминать в этом священном месте; эти бунты и попытки насильно сделать общими имущества имущих; эти тайные и явные убийства, возводимые в геройство; это господство капитала и золотого тельца; это учение о необходимости стать вне, по ту сторону добра и зла и сделаться сверхчеловеком, как ныне принято выражаться; эти насмешки над жалостью и милосердием и преклонение пред наглою силою и дерзостью зла, преступления и чувственности, что мы видим и читаем у современных модных писателей, нередко и открыто проповедующих о «воскресших богах древности», – все это не иное что, как отродившееся язычество, однажды уже показавшее, что оно не в силах благоустроить жизнь людей; все это законы жизни животной, а не людской. *По плодам их узнаете их* (Мф. 5:16). Посмотрите на эти плоды в современной жизни: вас поразит разлив преступлений, диких, ужасающих, непонятных по жестокости; вас испугает принижение нравственного чувства, при общем возвышении рассудочных знаний, при умножении школ всякого рода; вас изумит наблюдаемое духовное одичание современного человечества, при всех видимых успехах его внешней жизни.

Падать ли духом и предаваться ли отчаянию при виде всего этого? В день памяти апостола перенесемся ко времени апостолов. Ведь они и наши учители. Выслушаем же их бодрящий призыв и заветный урок: *сия есть победа, победившая мир, – вера наша*. Что бы ни случилось в нашей личной жизни, как бы ни было тяжко кругом нас в жизни общественной и государственной: будем хранить веру в Бога, веру в Его Промысл, ведущий людей к совершенству и счастью, веру в созидательную и животворную силу Христова благовестия. Как бы ни была темна налегающая мгла язычества, – о, света, даже и самого незначительного, она не задавит, и свет этот из искорки всегда может разгораться в

яркое пламя при благоприятных условиях! А условия благоприятные – наша твердость в вере и ее жизненном осуществлении. В день памяти апостола, при виде этого сонма чтущих его христиан, его учеников и последователей, в этом молитвенном собрании да будет на устах и в сердцах наших и молитва апостольская: *Господи, умножь в нас веру*! (Лк. 17:5). Ибо знаем мы и исповедуем: победа, побеждающая мир, во зле лежащий, есть вера наша! Аминь.

Журналист, служитель добра[103]

Умер труженик печатного слова, четверть века прослуживший русской журналистике. Не долог век русского литератора: это общеизвестный факт. Поэтому двадцать пять лет работы в области печатного слова для нашей русской жизни есть срок не малый и во всяком случае совершенно достаточный для того, чтобы вполне выяснились направление и облик литературной деятельности писателя, чтобы определились те залоги высших и светлых чаяний, с какими естественно приступить к заупокойной молитве об умершем.

Каковы эти залоги и что они говорят нам в настоящие молитвенные минуты?

Как речь умирающего должна быть правдива и чужда посторонних для истины соображений, так и речь о покойнике пред молитвой о нем, пред лицом Бога живых и мертвых, пусть будет правдива и искренна, пусть будет чужда лести и условных похвал.

В старое, хотя и не очень далекое время, русские литераторы были большей частью людьми, особо отмеченными перстом Божиим: это часто были гиганты мысли, властители дум, духовные вожди современных им поколений, люди, одаренные крупными талантами, с печатью гения, люди, имена которых нередко означали эпоху в истории общественной мысли, в родной литературе. Не таково переживаемое нами время. В наши дни крупные писатели слишком редки, в наши дни, напротив, главным образом преобладает работа рядовых газетных и журнальных деятелей, большею частью незаметных и не пользующихся широкою известностью, работающих изо дня в день, пишущих о предметах обыденных, на темы злободневные. Можно назвать тысячи тружеников, десятками лет работающих пером честно и неустанно – и не создавшись ни одного крупного и яркого произведения, которое было бы связано с именем автора навеки.

Покойный не был крупным и выдающимся писателем; он принадлежал к последнему из указанных разряду литературных

работников. Что же, умаляет ли это его работу? Дает ли кому право отказать ему в признании заслуг, в положительной литературной и общественной оценке?

Но помимо высочайшего и трогательного учения нашего Божественного Спасителя о том, что каждый из нас ответствен пред судом высшей правды в меру данных ему талантов и в меру работы сообразно этим талантам, помимо этого, – самое занятие текущею литературою газетною и журнальною, самый труд рядовых и простых работников печати, несмотря на кажущуюся и видимую его простоту и незначительность, достойны внимания и имеют огромное значение в жизни. Литература такого рода – меч обоюдоострый. Отмечать и заносить на страницы прессы, в летопись общественной жизни, факты и явления современности, группировать их, освещать, истолковывать – это значит каждый день занимать внимание читателей и их постепенно *воспитывать* в том или другом мировоззрении. Каждый более или менее опытный читатель, каждый потрудившийся газетный работника хорошо знает, что значит «читать между строк», каждый знает, что иногда умолчание о том или другом факте или явлении несравненно красноречивее, чем подробное его обсуждение… И каждый же знает, какую страшную силу общественного созидания или общественного разложения имеет такая неуловимая тенденция газеты… Да, здесь, не высказываясь прямо и открыто, можно с равным успехом служить и началам жизни положительным, и началам отрицательным, разрушительным.

Поминаем усопшего труженика печатного слова, нашего соработника, собрата по органу печати; сегодня и сейчас вдали от нас опускают в могилу его бездыханное тело, а мы, его близкие, здесь, в духовном общении с ним, собрались помолиться о нем Богу живых и мертвых. Что же мы чувствуем пред этою молитвою в виду только что сказанного нами о значении и направлении печатного слова? Каким началам: положительным или отрицательным служил покойный в своей литературной работе? Чему он посвящал свое перо: созиданию или разрушению? Подчеркивал ли он одно зло, замалчивал ли добро? Группировал ли и освещал ли факты и явления жизни в

целях озлобления, смуты умов и сердец, или сеял вокруг себя семена веры, добра, любви, согласия и мира? От того или другого ответа на эти вопросы зависят наши о нем чаяния и надежды: изыдет ли он, по слову евангелия, в воскрешение живота, или в воскрешение суда (Ин. 5:29).

Мы знали покойного, мы читали написанные им строки, мы следили за органами печати, которыми он руководил. И мы можем засвидетельствовать пред лицом Бога и людей: он служил посредством пера добрым, положительным началам жизни, он служил русскому церковному и государственному делу в меру сил и разумения, он способствовал укреплению в умах и сердцах заветов веры, повиновения власти, любви и мира. В этом залог дерзновения нашей о нем молитвы и залог светлых о нем надежд в жизни загробной.

Да простит его Господь в вольных и невольных его прегрешениях, да покроет его Своею милостью, любовным ходатайством Церкви Христовой, молитвами и любовью добрых людей, его присных и знаемых! Мир его праху и вечный покой его доброй душе! Аминь.

Вера и неверие[104]

Свет нам ярче и дороже после мрака, тепло – после холода, радость жизни и здоровья – после тяжкой болезни. Вот почему св. Церковь, чтобы ввести нас в дух и смысл и в высокую радость нынешнего торжества, как в последние дни пред праздником, так отчасти и сегодня обращает наше внимание на время до рождества Христова, на праотцев и отцев Ветхого Завета. Она следует в этом наставлению св. апостола Павла, который писал современным ему христианам: *припоминайте себе то время, когда вы были без Христа* (Еф. 2:11–12). Теперь, после того как христианство воспитывало человечество в течение веков, когда ясны плоды его в истории мира, еще поучительнее будет исполнить завет апостола. Последуем же мудрому водительству Церкви, и в образах священных лиц – праведников Ветхого Завета, найдем для себя источник благоговейных чувств и поучительных размышлений в нынешний праздник.

Какой величественный многочисленный сонм представляется духовному взору нашему при этих воспоминаниях! Сколько разнообразия представляется в этих священных лицах, начиная от Адама и кончая последними праведниками, жившими непосредственно пред временем рождения Богочеловека! Вникнем, однако, в их духовные образы, присмотримся к ним глубже и внимательнее: не найдем ли в этом многочисленном сонме, во всех этих отцах и праотцах, чего-то единого и общего? Это единое и общее указывает нам св. апостол Павел в том месте своего послания к евреям, которое, по церковному уставу, предлагается нам в литургийном апостольском чтении последнего пред праздником воскресного дня (Евр. 11 гл.). Высоким воодушевлением, вдохновенно звучит слово его, когда он говорит здесь о духе и основе всего Ветхого Завета; образ за образом проходят пред нами в его изображении эти праотцы и отцы народа богоизбранного, и у всех у них видится одна печать на челе, и

огненными буквами начертано на ней одно священное слово: *вера.*

С тех пор, как падшему праотцу людей в час скорби и покаяния, в час, когда прошлое отходило от него в светлых, невозвратных воспоминаниях, как светлая надежда для неизвестного и темного будущего, как отрада жизни, дано первоевангелие о Христе-Мессии: с тех пор, все усиливаясь и развиваясь, просветляемая и восполняемая Божественным Откровением, пламенная вера в этого Мессию сопровождала древнего человека на всех путях его. Авель, Сиф и Ной; Авраам, Исаак и Иаков; Моисей и судьи; благочестивые цари и пророки, – все они жили верою в грядущее, и среди превратностей жизни, среди всех ударов судьбы, среди всех несчастий, этого печального наследия греха и преступления, неизменно обращали свои взоры к тому светлому и великому будущему, в котором им виделось написанным имя обетованного Мессии. Прекрасно и образно представлено это у пророка Исаии: кругом нависла над человечеством темная, непроглядная ночь; пророк стоит на страже и слышит нетерпеливый вопрос, – вопрос томительного, напряженного ожидания: *Сторож! сколько ночи? Сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: еще ночь, но приближается утро...* (Ис. 21:11–12). Так было с народом, но в его представителях, в носителях его веры, в избранниках Божиих это ожидание Мессии в полном смысле слова и с особою силою заполняло всю душу, все помыслы, все интересы жизни.

Мессия! Мессия!.. Нужно представить, каким огнем воодушевления загорался взор Израиля при этом благословенном имени! Какая жизнь и радость, какой свет и утешение наполняли душу при благовести о Нем! И в каких только умилительных образах не предносилось Божественное Лицо Его взору и чувству Израиля! Язык истощался, не находя достаточно слов и выражений: Примиритель, Пророк, Эммануил, Звезда от Иакова, Ангел завета, Свет, Желанный, Обетованный, Царь мира, Бог крепкий, Отец будущего века... Как непрерываемый светлый поток, как источник самых светлых надежд, укрепляя, созидая, воспитывая народ, вера в Мессию

сохранила в подзаконном еврейском мире все доброе и ко дням Нового Завета дала цвет и плод в лице Захария и Елисаветы, Иоакима и Анны, Преблагословенной Девы, Иоанна Предтечи, смиренных пастырей Вифлеема, Симеона и Анны, первых апостолов и других благочестивых лиц, последних праведников отходящего Завета Ветхого, которые в числе первых окружили и встретили верою родившегося Богочеловека. Но до этого счастья дожили немногие; все прочие отцы и праотцы древности представляются, как скорбные образы: *"все они,* – говорит апостол, – *умерли в вере, не получив обетований* (в исполнении), *а только издали видели их и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле»* (Евр. 11:13). Но из глубины времен, из-под тягости горя возводили они слезящиеся очи к Мессии, – и в этом находили силы жизни и подвига, радость надежды, залоги светлого будущего.

Братие христиане! При мысли об этих праведниках Ветхого Завета, живших верою в Мессии грядущего, не припоминаются ли вам слова Мессии пришедшего и воплощенного, сказанные ко всем Его последователями *«Ваши блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат. Ибо истинно говорю вам, что многие пророки и цари и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали»* (Мф. 13:16–17; ср. Лк. 10:24).

Да, мы явились наследниками пламенных ожиданий древнего Израиля и всего древнего мира! И если вера в Грядущего преисполняла силами и бодростью и делала радостными странников и пришельцев на земле, то какою светлою радостью должна исполнить вера нас, сынов Нового Завета! О, тысячекратно блаженны мы, христиане, сыны Божии *верою* о Христе Иисусе (Гал. 3:26), мы чрез веру – наследники неба (Гал. 4:7), мы чрез веру – члены того малого стада, которому нечего страшиться! (Лк. 12:32). В век, когда мысль человеческая как бы покусилась на самоубийство, потеряв надежду когда-либо узнать истину, в век, когда философия после господства целого ряда учений, взаимно друг друга уничтожавших, пришла к сознанию своего полного бессилия, –

Иисус Христос заявил, что Он на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать *об истине* (Ин. 18:37). Он не только объявил, что возрождение человека возможно, но и указал, как осуществить его; Он создал нравственную силу, которую мало знал одряхлевший языческий мир, – силу, которая в состоянии волновать сердца людей до самой глубины и делать их способными на самые возвышенные подвиги; и эта сила есть *вера*. Ею Христос, действительно, облагодетельствовал человечество; ею Он, действительно, возвратил на путь благочестия столько падших людей, что числа их невозможно перечесть. Где философия, в самых высших проявлениях своих, никогда не могла создать прочных убеждений и, заставляя человека мучительно вращаться в области предположений, догадок и вероятностей, осуждала дух его на вечное томление, – там вера явилась, как возрождающая сила, и миллионам людей дала прочную и вековечную основу мысли и жизни: осветила прошлое, осмыслила настоящее, открыла будущее, дала покой и твердость душевного настроения среди тревог, страданий и превратностей жизни, объяснила смысл самого страдания, тайну жизни и тайну смерти... Посмотрите и теперь вокруг себя, бросьте взгляд на пройденный человечеством путь: скажите, создал ли кто хоть что-либо великое без веры? Один путешественник, которому удалось пройти почти все страны, объехать почти все моря, говорит нам о силе веры, свойственной даже самым диким народам: «С этою верою негр находит себе защиту от врагов; с нею он бесстрашно пускается на гнилой доске в открытое море, уходит в глубину лесов, вступает в неравный бой с тигром и, возвращаясь, ложится под открытым небом. А когда он испускает дух в когтях зверя, он поднимает взор к небу, ища там примирения» (слова Ливингстона). Так среди диких. Еще в большей степени сила веры проявилась и проявляется в истории образованного человечества. Без веры религиозной невозможна никакая другая вера во что-либо доброе. Но никто без веры в себя, без веры в будущее, в добро, в человечество, в истину не только не мог создать какого-либо великого дела, но даже приступить к нему. Всякий деятель науки и школы,

общества и государства, всякий, принимающейся за самое малое дело без веры, заранее осужден в своей деятельности на смерть, на бесплодие, на полную неудачу и отчаяние. Но тем и велик человек в ряду тварей земных, тем и одарен он превыше всех, что он может путем веры восполнять свои знания и верою постигать образы иного, высшего, бытия, вещи высшего, незримого и непостижимого мира; путем веры он может чужой опыт делать собственным достоянием и, развиваясь в этом направлении, никогда не найдет предела своему духовному росту и совершенствованию. Лишите его веры – и он никогда не поднялся бы из состояния животного. Но, повторяем, над всеми видами веры стоит вера религиозная, как их основа, первоисточник и оправдание.

К вере, к бодрой, светлой и радостной вере призываем мы вас, братие, в виду родившегося Спасителя, обновившего мир верою, в виду праотцев и отцев Ветхого Завета, спасшихся верою. *Стойте в вере, мужайтеся, укрепляйтеся!* (Кор. 16:13). Пусть угрюмое и подозрительное неверие и разъедающее сомнение не омрачает жизни и деятельности призванных к вечной жизни! Где явилось оно, это роковое неверие, там веет холодом могилы: там жизнь даже при видимом блеске идет назад и, выдыхаясь, постепенно замирает, налагая печать мертвенности и на все окружающее; там, лишенное веры, выростает дряблое, бессильное поколение, с гниющею сердцевиною, заживо осудившее себя на смерть духовную, а часто и на насильственно-телесную; там даже те, которые искренно, бескорыстно и увлеченно хотят сеять вокруг себя жизнь, добро и радость, сеют смерть и отчаяние… Пусть в своих немногих мрачных представителях неверие вооружается на веру: тщетный труд, безумные надежды, напрасные старания! Слепой крот, копающийся в земле, конечно, будет уверять орла, что нельзя подняться и на вершок над землею: это не помешает орлу взлететь высоко высоко и распустить там могучие крылья…

«Сколько бы ни уклонялись люди от благого ига веры, сколько бы ни восставал против него мир со своими мнениями, страстями, соблазнами, враждою: вера Христова царствует и

будет царствовать в целом мире, будет учить мир, будет управлять миром. Она имеет сама в себе жизнь Божественную, неистощимую, которая ни в какое продолжение времени, ни в каком пространстве мест, ни в какой борьбе с миром иссякнуть не может; она имеет в себе Божественное предопределение о судьбах мира, которого никакие усилия человеческие изменить не могут... Не послужил ли мир вселенскому распространению веры, когда гнал ее по всей земле? Не в самые ли бурные времена, когда мир в своих лжеучениях, кознях, открытых преследованиях истощал все усилия, чтобы поколебать веру, она достигла наибольшей силы и торжества в мире?»[105]

Да сохранит же нас Господь от оскудения веры! К ней призваны все: не одни знатные, мудрые и сильные мира составляют опору ее могущества, но и все сердца простые, кроткие и смиренные служат ей и, окружая верою Богочеловека Христа, составляя из себя Церковь Его, устрояют на земле царство неба, среди людей – царство Бога.

И царствию Его не будет конца! Аминь.

1904 г.

Тяжкие предчувствия[106]

Услышати имате брани, и слышание бранем; зрите, не ужасайтеся: подобает бо всем сим быти… Будет бо тогда скорбь велия, яковаже не была от начала мира доселе... И аще не быша прекратилися дние оны, не бы убо спаслася всяка плоть. Избранных же ради прекратятся дние оны (Мф. 24:6, 21–22).

Глубокое раздумье и самые разнообразные чувства и предчувствия вызывает день нового года у каждого человека. Стоять на грани времен – прошлого и неизвестного будущего, приблизиться еще на один год к неизбежному умалению сил, а затем и к смертному исходу, видеть в прошлом падения и ошибки, а в будущем ожидать их последствий и возмездия, – все это не может не навести нас на ряд размышлений самых глубоких и поучительных. И несомненно, было бы очень назидательным в нынешний день церковное проповедное слово, изъясняющее личные чувства христианина в виду нового года.

Но при *общественном*богослужении, но в этом многолюдном собрании представителей государственной власти и общественных учреждений, но в виду переживаемого нашим отечеством тяжкого и тревожного времени, нам кажется, что с высоты церковной кафедры уместнее ныне иное слово, слово о думах и чувствах, касающихся не лично каждого из нас, – да будет это предметом уединенных и тайных молитв наших перед Богом, – а касающихся нашей великой, горячо любимой русской отчизны.

Что готовит и что принесет тебе новый год, дорогая родина? Какими думами омрачено твое чело, какими чувствами исполнено твое много испытавшее и много перестрадавшее сердце? В тревожных и смутных обстоятельствах встречаешь ты день новолетия, и кажется, при виде их, будто бы прямо к тебе обращено изречение евангельское, которое мы поставили ныне во главе нашего слова: *«Услышите о войнах и военных слухах. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежит всему тому быть…*

И если бы не сократилися те дни, то не спаслась бы никакая плоть; избранных же ради прекратятся дни оны».

Еще раз великое мировое историческое призвание России и ее географическое положение на рубеже востока и запада требуют от нее страшного напряжения сил и, может быть, великих жертв…

Давно, за много веков до христианской веры, в том, что называло себя миром, вселенною, произошло разделение; постепенно вырастали, созревали и формировались два начала, два уклада жизни и мысли, и как бы два особых и различных мира: Восток и Запад. И давно между ними возгорелась и тянется борьба.

Много в этой борьбе было, конечно, мирского, корыстного, животного, много было низменных желаний обладать и землями, и богатствами; но с течением времени все более и более открывался в борьбе иной, высший смысл, и она все более и более становилась великим ратоборством духовным, ратоборством невежества и знания, дикости и культуры, плоти и духа, животности и человечности, язычества и христианства, мусульманства и христианства и, в конечных выводах, зла и добра… Впервые с особенною яркостью перед нами выступает великое и мировое ратоборство – это в лице древней Греции и Персии, и затем оно передается железному Риму, наложившему на Восток властную руку. Но в вековом напряжении изжил гордый Рим свои силы, а главное, изгнил нравственно, не познал – в христианстве – времени посещения своего, раскололся внутреннею борьбою и пал, успев, однако, передать великое призвание свое Риму второму, христианскому, царственному граду равноапостольного Константина.

И снова потянулась борьба Цареграда с языческой Персей, потом с мусульманством арабов, турок и монголов. И снова же в самой Византии нравственная гниль подточила ее устои… Когда же стала она явно клониться к упадку и, можно сказать, была уже охвачена предсмертным томлением, Господь воздвиг и вызвал к мировой истории новый народ – русский народ, который и географически, и исторически, преемствуя Византии в православии и ее мировом призвании, стал на рубеже Запада и

Востока. Единственное по величию, необычайное, захватывающее дух, истинно мировое предназначение дано было России: перед нею расстилались необозримый равнины восточной Европы и всей Азии, куда она должна была нести свет евангелия и блага христианской культуры; пред нею черным-черным морем зловеще лежал насыщенный злобным и крестоненавистным фанатизмом мир мусульманский, с которым Россия должна была стать лицом к лицу. Предстояла ей борьба не из-за мирских благ: нужно было отстоять блага духовные – христианство и культуру от напора дикого язычества и мусульманства. А в веках отдаленных впереди надлежало России могучею внутреннею духовно-творческою работою создать, так сказать, духовный синтез Востока и Запада, как примирение и слияние двух начал, столь много взаимно враждовавших; для этого даны ей были средства в чистом христианстве, неповрежденном и православном, которое она прияла из рук Божиих, как неоценённое сокровище, как зиждительную и спасительную силу для себя и для всего мира, в особенностях и в дарованиях славянского духа, духа мира, любви и кротости.

Великая предлежала задача, но как мало дано было средств для ее осуществления! Новые народы западной Европы сели на местах вековой римской культуры, в удобных географических и климатических условиях; Россия же приняла в наследие край дикий, с суровым климатом, с редким населением, покрытый лесами и непроходимыми болотами… К глубокому сожалению, культурные центры отстояли от нее далеко, а народы Европы, для которых Россия служила передовою крепостью и которых она первая защищала от нашествия диких полчищ, никогда не понимали, что им и нравственно-обязательно и просто выгодно поддерживать Россию, и вместо помощи воздвигали на нее не раз грозные нашествия, не уступавшие нашествиям дикарей Азии. Одинока стояла святая Русь пред своим великим призванием, и не было ей помогающего.

Но воистину, сила Божия в немощах наших совершалась! На заре государственного бытия Россия уже вышла на

предлежащий ей подвиг, когда из глубины Азии поднялись к западу бесчисленные полчища монголов. Веками несказанных усилий и страданий отстояла она и спасла Запад от нашествия Востока, свергла иго дикой татарщины. Но оставили века рабства тяжкие последствия в духовной жизни нашего народа, сделали его нищим, выбили его из культурной жизни, оставили, как изгарь и грязь, после себя дикие нравы, жестокость, нравственное растление бездомных бродяг, беспокойные элементы в общественной жизни. Все это, как гнилая сыпь, высыпало на народном теле и долго-долго, уже после прекращения татарского ига, пришлось России бороться со своими внутренними недугами, которыми не преминули воспользоваться соседи, народы Запада, поляки и шведы, чтобы погубить и поработить Россию.

Однако, благополучно вышла она из «смутного времени», поборола и переработала дурные соки в своем народном теле и, имея в челе царственный дом Романовых, возникла к новой жизни. Не прекращалась, однако, борьба с Востоком. С Петра Великого пред нами вырос мусульманский мир Турции и Персии, а с Запада – опять обессиливала нас вражда тех, кого мы же отстаивали грудью. Начались турецкие войны XVIII века, в которых Россия опять была одинока. А между тем, отродившееся еще раз в западной Европе язычество, прикрываясь возрождением наук и искусств, переходя в реформацию, чрез рационализм и деизм Англии и Франции, породило, наконец, в Европе кровавую революцию; она породила отпрыск в лице Наполеона, захватившего все народы Европы и с ними двинувшегося на Россию, которая стояла тогда одна оплотом веры и нравственного порядка. И опять сила Божия в наших немощах совершилась, и ею, силою веры и упования, спаслась наша родина… Три раза потом, еще вела Россия восточные войны, опять одинокая, опять при явном и тайном противодействии Европы.

Минуло четверть века со времени последней войны нашей на Ближнем Востоке, и вот с Востока Дальнего, как в века былые, грозит нам призрак нового нашествия, поднимается зловещее желтое облако, как кровавое зарево далекого

пожарища, слышно бряцание оружия, несутся злобные угрозы… Народ-язычник, народ, вчера еще ничтожный, воспринявший верхушки внешней культуры Европы, но в сущности ей глубоко враждебный, – потому что культура Европы в своих внутренних основах есть культура христианская, – народ этот, охваченный самомнением и гордынею, дерзко мечтает ныне поднять и объединить всю Азию и двинуть на запад целый мир… На пути его рокового движения лежит Россия, оплот всемирного мира и спасения, – Россия, а не иная какая-либо держава, как это изображено на одной картине царственного художника в Европе… И снова Россия одинока, и снова в Европе разделение, и снова тайными и явными путями христианские народы самоубийственно, из-за минутных интересов текущего дня, не представляя по близорукости страшного назревающего будущего, готовы помогать желтому язычнику!

Да, не из-за присоединения той или иной области, не из-за расширения сферы влияния на ту или иную страну назревает и готовится великая борьба. В глубочайших основаниях вопрос должен быть поставлен иначе: вопрос в том, склониться ли христианскому миру пред языческим Востоком, поступиться ли заветами веков, святыней христианства, приобретениями глубокой внутренней культуры, христианским нравственным укладом, отступиться ли от мирового призвания. Уступки могут принести лишь временное успокоение: они потребуют новых уступок, а к роковому вопросу в конце-концов подойти все-таки нужно…

Впрочем, да будет здесь остановлено наше слово. Проповедник церковный – не политик. Будет ли или не будет война, – судить и предрешать не наше дело. Но есть здесь область, которой не может не коснуться пастырь Церкви. Мы внимательно читаем и следим, как высчитываются на Дальнем Востоке силы наши и силы врагов: число кораблей, количество войск, преимущества одной и другой стороны. Долг проповедника слова Божия в том состоит, чтобы вспомнить и напомнить в нынешний день о другой силе, которая единственно делает народы могучими и жизненными. С нею народ и не богатый деньгами и не обладающий огромным

войском может остаться твердым, и устойчивым, и победоносным; без нее не спасают ни деньги, ни войска, ни умелые правители. Силу эту указывает нам слово Божие; оно говорит: *праведность возвышает народ, а упадают племена чрез грехи*, (Притч. 16:34). Если народ потерял веру и духовно опустился, если он загнил нравственно, – откуда тогда взять воодушевленных вождей, храбрых воинов, самоотверженных сынов отечества, откуда почерпнуть решимость и радостную готовность терпеть все невзгоды за родину, приносить все жертвы, не страшиться мук и смерти?

Изумительно могуч этот закон правды, указанный в приведенных словах священнного Писания. Да, правда делает слабые народы сильными, а грех и нечестие могущественных обращает в ничтожество. В Св. Писании, в поучение векам и тысячелетиям, открыт нам день падения одного из величайших царств древности. С детства знакома нам эта поразительная картина. Пир идет в царском дворце: в упоении могущества, славы и богатства, окруженный вельможами, среди всех видов ликующего порока и бесстыдства, беспечно веселится царь Вавилона, того Вавилона, который за жестокое могущество и беспощадную силу прозван был *молотом всея земли*, а за нечестие и пороки стал нарицательным именем разврата, гордыни и всякого нравственного непотребства. Вино льется рекою из драгоценных сосудов; пьяные уста глаголют мерзости… и вот, дошло до кощунства над Господом-Иеговою. И вдруг, показались персты незримой десницы и писали на извести стены таинственные слова: «мене, текел, перес», которые, по изъяснению пророка, означали: исчислил, взвесил, разделил… В ту же ночь царь вавилонский был убит, и царство его бесповоротно рухнуло.

Не потому ли разделен был потом и погиб Рим первый, погиб и Рим второй, не потому ли, что число его, по виду великое, имело нравственный вес слишком легкий?..

Что же сказать теперь нам о нашей русской действительности? В каком нравственном всеоружии мы можем встретить испытания, если Господь пошлет их России? Прочны ли наши нравственныя силы? Крепок ли дух нашего народа?

Царство наше стремится ли стать царством Божиим? Государственность наша является ли орудием нравственного восхождения народа к вершинам христианства и вечного спасения?

Мрачным пессимизмом веет со страниц нашей периодической печати, этого зеркала общественной жизни. Прежде только верхние слои нашего общества были заражены неверием и быстро неслись в каком-то безумном вихре увлечений от одной крайности к другой. Чего только, в самом деле, мы не пережили в области духовно-нравственной за последние десятилетия! Каким только кумирам не поклонялись! Материализм, дарвинизм, борьба за существование, социализм, призывы к революции, потом – с легким сердцем – непротивление злу, возрождение идеализма, интеллигентное сектантство, агностицизм, потом опять марксизм, экономический материализм, сверхчеловечность Ницше, декадентство и, как последнее страшное знамение дней наших, так называемый аморализм, полное нравственное идиотство, – целое наводнение идей и фактов, а в результате: усталость духа и уныние, беспочвенность и духовная беспомощность! Но в прежнее время по крайней мере простой народ наш жил вне этой тревожной жизни: он был младенцем веры, послушным сыном Церкви; в вековом предании и в освященном верою строе жизни он находил для себя устои быта и существования. Ныне не то. Худые нравственные соки как бы просочились сверху в народ, до самого дна русской жизни, и если в образованных слоях унаследованная воспитанность и умственное развитие давали хоть какой-нибудь противовес нравственному упадку жизни и предохраняли ее от роковых крайностей, то в народе, если он развратится, не будет и этого сдерживающего начала. И видим мы, в изображении печати: брожение религиозной мысли в народе, мужицкий нигилизм, грубый и беспощадный; босячество и отвратительное хулиганство, разврат, дурные болезни, падение семьи, падение авторитетов и уважения к власти; растущую эпидемию дерзостей, грабежей, уличных оскорблений, необъяснимых убийств. Среда дает своих прорицателей, новых пророков

Ваала и бесстыдной Астарты. И вот, пред нами в книгах современных писателей возглашается проповедь, что не нужно бояться греха, что разнузданный босяк – господин положения и даже обновитель общественности; пред нами идеализация разврата и преступления и возведение порока в признак силы и сверхчеловечности. Ко всему этому – широко разлитое всюду недовольство, праздность мужика, мотовство; тунеядство, попрошайничанье и обнищание; волнения рабочих, политическое брожение в инородцах, революционная и сепаратистическая пропаганда, убийства и кровавые покушения на представителей власти. Молодое поколение – носитель надежд будущего… Но оно измельчало даже в своих волнениях и беспорядках, обратившихся в какую-то дикую моду и пагубное поветрие; оно оторвано от национального самосознания, оторвано от преданий веры. Из молодых людей, получивших высшее образование, ныне уже выходят босяки и хулиганы. Сам министр просвещения еще так недавно подтвердил факт падения дисциплины и воспитания даже в среде детей на гимназической скамье.

Так изображает нашу действительность ежедневная пресса. Мы назвали ее зеркалом жизни. Конечно, зеркало часто дает неправильно или ложно освещенные отображения.

Все сказанное, взятое нами со страниц прессы, без сомнения, слишком мрачно, слишком преувеличенно, часто, может быть, даже и намеренно преувеличено, в дурных целях сеяния смуты и уныния, из ненависти к русской жизни, ради клеветы на нее.

Но, несомненно, много во всем сказанном, много и горькой правды. Как вопль негодования, как призыв усугубить внимание, воодушевиться в работе, оглянуться, покаяться, исполниться энергией – вот как должно звучать теперь слово бытописателя нашей жизни!

Слово же церковного проповедника опирается на слово Христово. Вы ныне его слышали; оно говорит нам: *Зрите, не ужасайтеся; подобает бо всем сим быти*… и еще: *избранных же ради прекратятся дние оны*…

Побольше веры и бодрости, побольше избранных! Страшно, если жизнь обращается в Вавилон, но еще страшней потеря веры в себя, но еще страшнее уныние, но пока есть живые люди, пока Бог дает свет и день, наш долг – молиться и работать, и опять работать и молиться, поднимать жизнь, исполнять честно долг свой, объединяться и неразрывным союзом укрепляться в созидательной работе, просвещать и поднимать духовно массы, хранить верность Церкви и государству. Горе унывающим! Горе малодушным! Много язв в нашем народном организме, но здоровый организм, пока он здоров, выталкивает из себя все инородное и вредоносное, заживляет и затягивает раны, и часто самые раны эти и наружные сыпи служат признаком того, что наружу выходят дурные соки, исцеляя и оздоровляя внутреннюю жизнь тела.

И не одни притом отрицательные явления мы видим в жизни: ведь часто переполнены наши храмы, ведь нередки примеры честности и героизма, ведь не замолкло твердое и разумное слово, ведь не иссякла вода в источниках народного духа, ведь не исчезли люди, любящие родину! Примкнуть нужно к этим положительным течениям веры, чести и права; они живы, они целы в русской жизни! И тогда живою стеною богатырей духа, как в оны древние дни около Киева, окружим мы землю русскую неизмеримо крепче стены Китая; и если придут на нас дни испытаний, то даст нам Господь хребет нечестивых и неверных супостатов; победим мы этот язык, бесстуден лицем, по выражению Свящ. Писания, одним путем они придут на православную Россию и седмью путями побегут из нее…

Слуги царевы! Народ Божий! Сыны России! К бодрой вере, к одушевленному труду, исполненному надежды, к подвигам горячей любви к родине, к подвигам долга и чести и бескорыстной службы России, службы до самозабвения и самоотвержения, призывает вас день нового грядущего года, загорающийся ныне в мутных и зловещих облаках. Облако часто прошумит, погрозит и пройдет мимо; но и вылившееся в грозе военной и бранной буре пусть оно не заставит нас опустить руки…

Да будет же ныне, в день новолетия, горяча и одушевленна молитва наша к Тому, Кто времена и лета положил во Своей власти и по воле Своей вся творит в силе небесной и в селении земном: да благословен будет венец нового лета, как венец благости Господа; да утвердится благословение свыше на Державе Российской и ее Венценосном Вожде; да в благочестивой Державе Его подаст Господь пастырям святыню, правителям – суд и правду, народу – мир и тишину, законам – силу и вере – преуспеяние! Ибо избранных ради прекращаются дни печали... Да оградит Господь нашу родину от этих дней печали, а нас да научит и да подаст нам силы оградить ее живою верою и Божьей правдою, бодрой силою и благословенною, благочестною жизнью! Ибо праведность возвышает народ, а упадают племена чрез грехи. Аминь.

Значение религии[107]

Всякого, кто слушает слова мои и исполняет их, уподоблю его мужу благоразумному, который построил дом свой на камне. И пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне (Мф. 7:24–25).

Как замутилась жизнь в наше время! Как редки стали ныне люди, особенно в среде нашего образованного общества, представителей которого мы сейчас и видим пред собою, – как редки люди цельные, положительные, с ясною душевною жизнью, с твердыми убеждениями, не потерявшие под собою духовной почвы, не выбитые из душевного равновесия сомнениями, колебаниями!

Блажен, кто дом души своей построит на камне: он устоит против напора враждебных стихий мира! Его душа не пойдет на убыль, не сведется к страшной роковой пустоте, как это мы видим у многих духовно-дряблых сынов нашего века, сделавшихся «лишними» людьми, так метко и скорбно изображаемыми в нашей литературе.

Чувствовали ли вы когда-нибудь жгучую тоску по этому блаженству? Испытывали ли вы, после бесконечных колебаний духа, когда ум наш бросался от одного мировоззрения к другому, после целого ряда горьких опытов и уверений в нашей слабости, в нашем полном бессилии избавиться от ошибок и заблуждений, после самых осязательных доказательств того, что истина, открываемая только умом человека, относительна, что от ошибок не застрахованы самые выдающиеся мудрецы, что вы подавлены и совершенно не можете разобраться в массе противоречивых и друг друга уничтожающих фактов и мнений? Испытывали ли вы захватывающую все существо наше, жгучую, как мучительная жажда, потребность узнать, наконец, истину твердую, ясную, определенную, всегда себе равную, вечную и неизменную? О, я убежден, что слова мои в эти минуты находят живой отклик в ваших душах, братие, что все мы в духовном возрастании переживали это смятение души, и готовы были не

раз с воплем крепким взывать евангельским словом: верую, Господи, помози моему неверию!

Если же так, то вам, конечно, близки, и дороги, и понятны приведенные мною сейчас слова Спасителя о муже благоразумном, построившем дом свой на камне, на камне веры и послушания, – любовного, детского, безраздельного и всецелого послушания словам Христовым, т.е. святой нашей религии.

Уместно остановиться нам размышлением над этим предметом в нынешний день открытого торжества нашей религии, в день нашего исповедания христианского, которое так ярко и видимо проявляется в построении и освящении этого храма[108].

Да, воистину, религия – это самое дорогое сокровище человека, его царственный венец в мире, его самая крепкая и надежная опора в жизни. Может быть, мы, каждый в отдельности, не всегда достаточно ясно сознаем эту истину, зато сознается она и громко исповедуется целыми народами, всем человечеством, которое с тех пор, как помнит себя, постоянно и неизменно, с удивительною напряженностью неудержимо стремилось к Богу, служило Ему, строило храмы, воздвигало алтари, приносило жертвы, посвящало Ему все лучшее, искало общения и единения с Ним.

Пока мы живем малосознательной жизнью, не всматриваясь хорошенько во все окружающее, не подмечая связи и не постигая смысла происходящих в мире и человечестве событий и явлений; пока наш ограниченный ум не остановился в ясно сознанной немощи пред каким-либо неразрешимым вопросом мысли или жизни, пред делом, превосходящим наши силы; пока удовлетворяют нас мелкие интересы и привязанности: до тех пор значение религии не может представляться человеку в надлежащей ясности в полноте. Но кончится, мелькнет, как сон, наша молодость, пройдут дни беспечности, и жизнь обступит нас со всех сторон и понесет бурными и мутными волнами. Здесь мы переиспытаем самые разнообразные положения в семье и в обществе, – в богатстве и бедности, в славе или неизвестности; здесь переиспытаем горе и радости, увлечения и

разочарования, обаяние успеха, тяжесть неудачи, горечь несправедливости, возвышения и падения, – всю бесконечную смену душевных чувств, настроений и движений. Здесь, говоря образным языком святого евангелия, пойдет над нами дождь, и разольются реки, и подуют ветры и устремятся на дом души нашей. Придется вскрыть смысл окружающего, не довольствуясь внешнею, поверхностною и малосознательной жизнью.

И бывают случаи, – более или менее у каждого человека, – когда рушится обычный ровный порядок жизни, когда внешние и самые дорогие привязанности разрываются и гибнут, когда смерть заглянет в душу и повеет в ней холодом могилы, когда утрачиваются и теряют цену привычные радости... Жизнь посылает человеку тяжелые испытания, вводит его в такие трудные столкновения, представляет ему такие сложные задачи, пред которыми человек явно чувствует всю недостаточность своего ума и полную слабость своих сил.

Но чем умнее, чем талантливее человек, чем сильнее и возвышеннее по душе, тем больше он сознает эту слабость свою, тем ближе к смирению.

Только безнадежная ограниченность может питаться всю жизнь горделивым самодовольством.

И вот тогда-то чувствуется потребность и необходимость глубже войти в душу и в ее сокровенных глубинах поискать крепкой опоры для мысли и жизни, для сердца и воли, – той опоры, в которой доселе как будто не представлялось особой нужды. И счастье человеку, если он найдет тогда в душе эту опору, свет и руководство во святой религии: она указывает ему путь к Божеству, дает ему правильное отношение к разнообразным явлениям жизни, вознося его выше всего земного, и не оставляя человека одиноким в мире; она в своих отрадных обетованиях и твердых нравственных началах дает смысл и горю и радости, и жизни и смерти. У такого счастливца, – а им может быть всякий верующий, – бури не разметают по частями волны жизни не снесут дома его, основанного на камне. Естествоиспытатели говорят, что как бы ни волновалось, как бы ни бушевало море на поверхности, если оно глубоко, то в своих

внутренних, сокровенных недрах, внизу, на глубине, в своих основах оно всегда мирно и спокойно. Это образ души, имеющей опору во святой религии. Нет этой опоры и глубины – и душу мелкую ветры жизни, как жалкую лужу, сразу взволнуют и всколеблют до самого дна, до последней капли, а холод всю ее обратит в сплошную мертвую и неподвижную льдину. В такой душе, в конце концов, окажется все пусто, шатко и смутно, холодно и беспросветно, без веры; тогда самая жизнь теряет смысл и цену и становится страшною, неразрешимою загадкой, тяжелым бременем, невыносимою карою и бессмысленным проклятием судьбы.

Впрочем, да не подумает кто, что религия нужна человеку только для случаев скорби и испытания… Здесь она только заметнее для наблюдающего взора и ощутительнее для человека среднего духовного уровня, мало вдумчивого и не глубоко чувствующего. Людям более глубоким и вдумчивым ясно видно, что религией, законом веры его просветляется и устрояется вся жизнь человека, возвышаясь на степень жизни существа разумного, богоподобного, созданного для высших и вечных целей. И всякое дело человека получает больше значение, когда оно совершается не из-за личных только побуждений и временных целей, а ради Бога, ближних и вечности. И всякая радость жизни чувствуется и переживается полнее и живее и осмысленнее, когда человек принимает ее, не как случайную ласку слепой судьбы, а как знак милости и любви Небесного Отца. И всякое горе жизни, всякое испытание и страдание не только успешнее преодолевается, но, перенесенное с религиозным терпением и в нем осмысленное, становится дорогим и богатым вкладом в душевный капитал, и принимается не с тупым, бессильным и ожесточенным озлоблением, а как урок, поучающий и воспитывающий. И всякое недоумение, всякое сомнение и колебание, всякий душевный разлад легче разрешается, когда человек в законе Бога имеет для себя светлое и твердое руководство жизни. «Религиею, – говорит один ученый пастырь, – разрешаются все глубочайшие вопросы, все важнейшие задачи, все труднейшие противоречия жизни. В ней для человека – неисчерпаемый

источник самых лучших помыслов, самых высоких стремлений, самых отрадных надежд, чистых восторгов, сладких утешений»[109]. От дней самых древних и до нашего времени, от самых низких ступеней человеческой жизни до самых вершин культуры религия вдохновляла человека на все высокое и благородное, и сколько проистекло из этого источника самых возвышенных дел и великих подвигов, что этого никому пересчитать и представить невозможно: это необъятное море добра, невместимое в наш разум! Не даром же столько великих умов и сердец и столько талантов в обширной области зодчества, живописи, ваяния, музыки, поэзии, литературы и науки, во всех высших и прекраснейших сферах чисто человеческой жизни посвятили себя служению религии!

Не о том ли проповедует и этот прекрасный храм?

Но самое главное, в религии для человека не только свет, освещающий темные пути жизни, но вместе и сила, – живая, и крепкая, надежная сила, незаменимая помощь, восполнение немощи нашей для делания добра, для победы над слабостью и раздвоением внутри нас и над искушающим злом вне нас, для правильного выполнения жизненных задач, для достижения высших целей существования. «Потому-то с нею не только сильные духом, великие умом и особенно избранные личности, но и слабые, самые простые и обыкновенные люди становятся способными к подвигам мужества, терпения, воздержания, самообладания, любви и самоотвержения». Скажем больше: подобно тому, как ребенок при ярком дневном свете гораздо лучше видит и различает дорогу, чем взрослый темной ночью, так при свете веры христианской простой человек лучше и безошибочнее постигает смысл и путь жизни, чем великоученый, но неверующий мудрец. Поэтому-то все лучшее в жизни дает религия, – и сама наука, и сама культура, о которых мы так много читаем и говорим, постольку ценны и истинно человечны, поскольку они религиозны. Нет самого незначительного уголка жизни, где бы ни светил свет религии; ею освящаются и устрояются все важнейшие наши отношения: личные, семейные, общественные и всякие другие. И если хотите, есть только одна проблема во всей мировой истории, и один только

узел всей человеческой жизни; вера и неверие и борьба между ними… И если хотите, весь захватывающий вопрос о счастье человеческой жизни и ее лучшем устроении, весь, покоится на одном пункте: служение религии, или удаление от нее… Религия, истинная, живая религия, в которой с сердечным стремлением к Богу соединяется исполнение воли Его, с разумным пониманием жизненных обязанностей соединяется живое и искреннее выполнение их, – такая религия дает человеку и человечеству лучших отцов и матерей, лучших детей, братьев и сестер, лучших мужей и жен, начальников и подчиненных, граждан и правителей, лучших благороднейших и бескорыстных начинателей и совершателей всякого дела. Такие люди крепки, такие люди надежны и они, только они и могут быть названы в истинном смысле положительными деятелями и созидателями в великой семье человечества.

Нужно ли говорить, что только религия и делает человечество этою семьею?

Нужно ли говорить, что она неизмеримо и несравненно крепче всяких других связей объединяет людей между собою?

Нужно ли напоминать, что она нужна для духовной жизни народа так же, как известная территория для его жизни физической?

Нужно ли говорить, что необходимость этого единения нигде так не чувствуется нами, как вдали, на окраине, посреди враждебных к нам замыслов и настроений?

Нужно ли говорить, что вам, возлюбленные, здесь особенно нужно это объединение в вере, любви и надежде под священною сению этого храма?

И нужно ли, наконец, делать выводы и указывать вам уроки из всего сейчас нами сказанного?

Но они и без нашего слова сами собою всем слышимы и всем понятны… Аминь.

Условия победы[110]

Аще возможно, еже от вас, со всеми человеки мир имейте (Рим. 12:18).

Святая Русь всеми силами и всеми зависящими от нее мерами и средствами старалась исполнить заповедь о мире. Об этом вслух России и вслух всего мира с таким достоинством и сознанием нравственной правоты России возвещает ныне манифест Государя Императора.

Долго и терпеливо русское правительство вело переговоры с языческой Японией; не раз оскорблено было при этом достоинство России, как великой державы, и тоном и притязаниями Японии, вторгавшейся в чуждую ей область и в державные права нашего отечества. Христианская Россия явила миру языческому высокий образ поведения истинно-достойного, истинно-христианского, образ терпения, благородной сдержанности и миролюбия. Еще так недавно, когда уже видно было, что враги наши теряют терпение и с трудом сдерживают охватившее их кровавое безумие, Государь Император в новогоднем поздравлении войскам Дальнего Востока выразил им привет Свой пожеланием и благословением мира.

История, без сомнения, в будущем оценит и прославит это миролюбие России, и Господь Правосудный, веруем, воздаст ей благословением.

Но и в настоящее время отечество наше в народной душе и совести имеет полное право чувствовать поднимающее дух наш нравственное удовлетворение, а в грядущем кровавом столкновении двух народов, двух религий, культур и рас – имеет за собою все права на нравственное преимущество и пред судом Высшей Правды, и пред лицом всего человечества.

Аще возможно, еже от нас, мы хранили мир. Не мы жаждали крови, не мы начали брань. Враг первый внес огонь и меч в наши пределы, враг ищет нашего достояния. Враг наш в способе ведения переговоров и войны презрел не только все высшие нравственные и Божеские законы, но посмеялся и над всеми человеческими договорами и условиями, над всем, что

называется и чтится у людей образованных и во всем мире, как общепризнанное международное право. С неслыханною дерзостью Япония прервала дипломатические сношения с великой державой без всякого повода, не дождавшись даже ответа на ее предложения, как бы опасаясь, что ее лишат повода к войне. С неслыханным, чисто языческим коварством, которое знали только кровожадные варвары, да и то давних времен, не в честном бою, а из-за угла и предательски она напала на мирные еще суда в крепость нашу, не объявивши войны, не сказавши даже по-язычески честно: «иду на вас», – чтобы этим недостойным путем коварства предвосхитить успех брани.

Итак, на начинающего Бог! Господь мира и Господь браней да благословит успехом правое оружие наше!

Но война есть великое испытание и великая школа не для одного воинства. За войском стоит Царь и правительство, а за правительством – весь народ. Только в полном их согласии и полном единении – залог успеха; только в общем высоком и всезахватывающем патриотическом подъеме всей страны побуждение воинству на подвиги и жертвы. И смерть, и страдания примет воин бестрепетно, и умрет с геройскою решимостью и даже с радостью, когда он знает, что позади благословит его подвиг и смерть и молитвою проводит родимая святая Церковь, что оценить его и прославит и поблагодарит мать – дорогая, святая отчизна!

Пусть же всколыхнется вся Россия, как один человек, высоким и святым воодушевлением, как в оны дни, когда бывало раздавался на Руси клич Мининых: «Заложим, если нужно, жен и детей!» Пусть понесутся к престолу Государя выражения горячей преданности и верноподданства и беззаветной готовности всех стать на защиту родины и за славу ее! Пусть польются обильно, рекой широкою пусть польются жертвы на народное дело. Пусть пастыри усугубят молитвы и обратят к пасомым громкий глас призыва к подвигам и жертвам; пусть труженики слова – писатели, мыслители, поэты, – вот, духовные вожди народа, пусть все, все объединятся в сознании опасности, угрожающей России, и постараются создать на всем

протяжении великой земли русской могучее, единодушное и крепкое непоколебимым патриотизмом общественное мнение!

Господь и зло обращает в орудие добра; пусть же ниспосланное нам испытание сплотит и соединит нас, всех сынов России, всех без различия центра и окраин, званий и состояний, мест и положений в государстве! Вот случай засвидетельствовать о верности Царю и царству, вот случай показать, что горе и раны великой нашей родины отзываются в сердце нашем, как наши собственные, вот случай и побуждение слиться всем воедино в святом братстве и святом воодушевлении!

За крест! За Русь! За родину! И за Царя! Аминь.

Воинам напутствие на бранный подвиг[111]

Господь разрушает советы язычников, уничтожает помыслы народов. Блажен народ, у которого Господь есть Бог, – племя, которое Он избрал в наследие Себе. С небес призирает Господь, видит всех сынов человеческих (Пс. 32:10–13).

О, призри с небес, призри с небес, Господи, на народ наш Святорусский, который Ты избрал в наследие Себе! Разруши, Господи, советы язычников, уничтожь враждебные на нас помыслы народов!

Да, братие, без малого полная тысяча лет прошла с тех пор, как наша Русская земля стала христианскою, православною и сделалась наследием Божиим. Тысячу лет народ наш почитает Крест святой и грудью защищает его от неверных. Сколько крови пролил он в защиту Креста, сколько войн он вел за веру Христову, сколько выказал безграничного мужества, сколько жертв самых тяжких принес он на это великое и святое дело!

И Господь благословил наше царство: разрослось оно больше всех других царств на свете. Долго и тяжко строилось оно слезами, трудом, великими подвигами и многою молитвой, и стало теперь сильнее всех государств в мире. Позавидовали России далекие язычники, кланяющиеся идолам; позавидовали и другие народы и стали втайне помогать неверным; захотели они ослабить наше царство, отнять у нас наше достояние, отнять то, что нами приобретено трудами и кровью. Боятся они святой Руси: знают, что она везде и всегда стоит за правду! Ненавидят они Россию за ее силу и величие. А пуще всего ненавидят они Христа, нашего Спасителя, и честной Крест Его, и вот почему ополчились теперь язычники со всею злобою на крещеное царство наше. Похваляются они теперь на весь свет извести нашу родину, побить наше воинство, а сами, между тем, коварно, обманом, не объявивши войны, в глухую полночь, как воры, напали на нас на Дальнем Востоке. Видно, честного-то бою испугались...

Туда теперь отправляетесь вы, братья, грудью постоять за Крест и веру православную, защитить честь и славу Царя и родины.

Итак, славная кавказская армия не осталась в стороне от завязавшейся борьбы христианства и язычества, и вы, братья, в числе первых ее представителей, идете на правую брань. Завидная ваша доля! Все кавказские войска готовы были бы принять эту долю, все они рвутся на Дальний Восток; слышно, нет добровольцев и охотников: все до одного горят готовностью идти на бой с врагами.

Идите же, славные кавказцы, на брань; идите и помните, что от Черного моря до Каспия, от всех Кавказких гор, от ущелей и пропастей, от неприступных скал и твердынь, от заоблачных высей, от прежних грозных крепостей, покоренных здесь некогда силою русского оружия, – из всех уголков Кавказа, отовсюду несутся к вам и провожают вас в дальний путь преданья бессмертной, немеркнущей славы русского воинства! Здесь, на Кавказе, в оны дни, еще недавние русские воины на каждом клочке земли явили чудеса неустрашимости и победоносно сражались за Крест Иисуса Христа, за святую Русь, рядом со многими доблестными сынами Кавказа, здешними уроженцами; могучими орлами взлетали они на высокие горы и недоступные твердыни, не зная устали, не ведая страха, не считаясь с препятсвиями. И пока стоят и высятся горы Кавказа, не замолкнет и не померкнет их громкая слава! Здесь они совершили такие богатырские подвиги, которым открыто и искренно удивлялись сами враги наши и которые теперь могут казаться сказочными и невероятными. Здесь герои кавказские, одушевленные любовью к Церкви и родине, шли всегда не на сражение, а на верную победу; здесь именно не любопытствовали знать «сколько врагов?» а только об одном спрашивали: «где враги?»

Вот каковы ваши воинские здесь предки, дорогие братья! Постарайтесь же вы быть их достойными! Там, на дальних морях и горах, не посрамите седой славы кавказской армии; покажите ее вашим братьям, боевым товарищам, которых вы

там встретите, и покажите и врагам-язычникам. Пусть помнят и долго не забудут.

Идите смело, друзья и братья! Идите, твердые и бесстрашные, на грядущее испытание, и знайте одно, что вам предстоит и назначено или победить, или умереть: другого выхода не знали славные русские воины.

Идите и помните, что вы защищаете Христа Спасителя и Его Церковь святую, она – мать ваша; она крестила вас, она духовно вас питала; она дала вам святую веру, учила жить праведно, прощала грехи; Телом и Кровью Христовой вас питала в жизнь вечную; она молилась о вас и будет вечно молиться за живых и умерших. За нее от руки язычников умирали с радостью и славятся вечною славою бесчисленные святые мученики. Не страшны за нее смерть и мучения и для русского человека!

Вспомните же, родимые, в минуту боя, в страшный час испытания, вспомните Христа и Крест Его и Его Церковь! Вспомните Царя-Батюшку, утешьте Его скорбное теперь сердце; вспомните, дорогие, ваши села и деревни, мирные поля, родимые семьи, престарелых дедов, отцов и матерей, жен, детей, родных и знакомых: не отдайте их, братцы, в обиду и разорение врагам-язычникам! Пред вами слово Евангелия: *«больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положит за други своя»...* (Ин. 15:13). Вспомните, братцы, наши дорогие святыни, наши обители, чудотворные иконы, мощи святых, гробы преподобных угодников, – небесных заступников земли русской; вспомните ваши родимые храмы, дорогие могилы ваших покойников: они ждут, чтобы вы защитили их от осквернения и поругания неверных врагов.

Вспомните, милые, всю Россию, всю великую Россию! Русские люди будут следить за каждым вашим шагом, будут чувствовать всю радость ваших побед и геройских подвигов; будут везде – в городах, в деревнях, в шумных собраниях, в тихих беседах, будут везде с гордостью рассказывать о вашей храбрости, будут радоваться вашему геройству... И хотя бы о вашем подвиге мы услышали или прочитали только два-три слова: «умерли, мол, смертью храбрых столько-то человек в

бою», и тогда слава ваша велика пред Богом и родиной. Что честней пред Госдодом, что для сердца радостней, как сложить головушку за родимый край и знать, что наградой за смерть и за подвиги, за кончину храбрую ждет нас светлый рай!

Идите, идите светло и мужественно на подвиг и возвращайтесь назад, дорогие наши друзья и братья; возвращайтесь назад увенчанные славой, благословением Церкви, любовью Царя и благодарностью России! Возвращайтесь и возвестите родине и всему миру, что *сказа Господь спасение Свое, пред языки откры правду Свою.*

Идите, осенив себя с верой и упованием крестным знамением: С нами Бог, разумейте язы́цы и покоряйтеся, яко с нами Бог! Аминь.

Борец за русское дело на Кавказе[112]

Не в первый раз совершается в Тифлисе общественная заупокойная молитва о безвременно почившем Василии Львовиче Величко: добрый и отрадный знак. Если бы это было только обыкновенным проявлением любви человека к человеку, разрешившейся в молитву, то и в таком случае наше собрание утешало бы сердце, как наглядное доказательство живущих в нас добрых человеческих и христианских чувств.

Но мы видим сейчас гораздо большее. Ведь многие из присутствующих здесь совсем не знали покойного, или знали очень мало, как человека и знакомого. Очевидно, пред нами побуждения к молитве и выражению сочувствия к почившему Василию Львовичу иные… Мы видим здесь любовь и сочувствие к тому делу, которое он поставил себе задачею жизни и которому служил всеми силами своей богато одаренной души. Мне не нужно называть это дело и подробно говорить о нем; вы все его знаете: это – русское дело, народное, государственное русское дело в широком смысле этого слова, – не война только, не внешняя защита России от врагов, а тяжкая, продолжительная внутренняя работа лучших сынов России, имеющая целью слить и спаять духовно с Россиею то, что приобретено ею путем внешних войн. Не легко в наши дни выражать этому делу даже простое сочувствие; так много у него врагов, врагов злобных и решительных, действующих тайно и явно. Да, так много у него врагов, что даже открытые молитвенные собрания для поминовения покойного служителя русского дела не безопасны в смысле возможности бескровного, конечно, преследования за них, давления и осуждения со стороны сознательных или бессознательных врагов русского дела. Можно судить поэтому, как тяжка и часто до трагизма тяжка была самая работа покойного Василия Львовича. К этому прибавить нужно и то, что Бог привел ему служить своей задаче в нашем крае, где нет старых культурных преданий; где относительно неразборчивости в средствах борьбы дальше идти некуда; где минувшие века рабства, крови, мусульманских

насилий, бесправия, подкупов, измен, убийств и предательства ввели в обиход жизни и как бы узаконили в сознании все орудия и способы сведения счетов с неугодными и неудобными людьми…

Сколько обвинений печатных и устных сыпалось на него, и каких только проследований не пришлось ему переиспытать! Воистину, с точки зрения врагов русского дела, у Василия Львовича немало было грехов смертных и незамолимых. К счастью, друзья его и друзья русского дела могут назвать эти грехи с чувством любви к покойному и законной гордости, как лучшую похвалу поминаемому писателю и деятелю в минуты заупокойного о нем моления. В чем же его вины?

Он был виноват за то, что был отмечен печатью высокого ума и богатых, выдающихся дарований, и ко всему этому горячо любил Россию и верил в ее мощь и светлое будущее. Да, в этом отношении в нем как бы воплотились чувства и доблести его предков, из которых один, деятель времен гетманской Украины, Самуил Величко, состоя в высоком звании, при известном Мазепе, не согласился быть единомысленным изменнику и остался твердым в верности России, обнаружив и как бы завещав своим потомкам высокий государственный смысл.

Василий Львович виноват был, далее, за то, что считал Кавказ, залитый русской кровью и русскими деньгами, неотъемлемою частью великого нашего царства. Да, он громко и смело говорил, что политическое и государственное слияние Кавказа с Россией должно быть поставлено и проведено твердо и неуклонно.

Он был виноват за то, что громко исповедывал и делом доказывал и проводил в жизнь те задачи, которым служит прекрасный кружок русских людей, ныне совершающий это заупокойное моление о своем член-учредителе и самом горячем работнике. Да, он утверждал, что на Кавказе и для русского человека должно быть место. Он был виноват, больше всего виноват за то, что так был непохож на многих рядовых сынов нашего народа, ленивых, беспечных и недальновидных, которые начинают сознавать опасность и убеждаться в действительном ее существовании лишь тогда, когда она

принимает огромные размеры и притом внешнего характера, в роде войны; которые, по мудрому присловью народному, лишь тогда перекрестятся, когда грянет гром: Василий Львович силою творческого ума, скажем более – силою поэтического прозрения умел провидеть опасность в то время, когда она еще назревала в еле заметных течениях мысли и смутных настроениях; он предчувствовал ее, когда она проходила в области фактов и явлений обыденной жизни, по-видимому, спокойной и тихой или чуть-чуть колеблющейся, как почва на вулкане…

Передергивать и преувеличивать можно все, – и вот, русский государственный смысл у Василия Львовича объявлялся преследованием и травлею народностей, русское самосознание – узким и корыстолюбивым национализмом и т.д.

Но он был страстным, резким; он ошибался… кричали его обвинители. Да, умоляя о милосердии к нему Высшую Правду, мы не можем быть неправдивыми. Признаем и сознаем: он был страстным и горячим человеком. Но он сам метко ответил на это обвинение ровно четыре года тому назад в эти самые дни: дело его было таково, что его нельзя было вести с безоблачным челом. И почему же, скажите, не осуждается громко, а молчаливо обходится дикая и животная страстность не слова, а самого дела у врагов России, – страстность, доходящая до кинжала и крови, до наглой клеветы, низких подкупов и тайных убийств, а защитникам русского дела не прощается даже страстность слова? Разве только потому, что оно слишком правдиво и что правда глаза колет?

Он часто ошибался… Да, он был человек и ошибался. Говорят, что он видел не всю опасность, а только часть ее; говорят, что он был односторонним, что иногда в борьбе он не различал своих от чужих, друзей считал врагами и врагов его дела – друзьями… Что же? Может быть, он не всегда мог прозреть в козни сатаны, который, по слову Писания, иногда преобразуется в образ ангела светла и в виде близкого и друга может явиться, чтобы удобнее и коварнее разделить ряды единомышленников около знаменоносца…

Но ведь все это временно, все это так мелко и ничтожно сравнительно с тем, что сделал покойный. Но ведь не

ошибается только тот, кто ничего не делает. Но ведь ошибка, как свойство несовершенной природы человека, ошибка искренняя, добросовестная не заграждает человеку дверей в царство Божие.

А Василий Львович был человеком и работником убежденным и искренним. Это доказал он и принятыми добровольно страданиями, и принесенными жертвами.

Он не продал своего первородства, хотя в наше время, не как в древние дни, конечно, заплатили бы ему за это не чечевичною похлебкою, а гораздо дороже, – многими благами, вещественными и невещественными... О, если бы он служил иному знамени: не знал бы он тогда ни клеветы, ни ожесточенной травли, не подвергался бы он столь частым оскорблениям, не сделал бы он своего имени столь пререкаемым, не горел бы он в нервном возбуждении ежеминутно, не надорвал бы прежде времени своего могучего организма... Но и помимо этого, ведь он мог прельститься и другими, в сущности невинными перспективами счастья: он имел полную возможность, пользуясь материальною обеспеченностью состоятельного помещика, посвятить свой досуг и свои, бесспорно, недюжинные дарования спокойной работе в области художественного творчества; мог бы составить себе имя и мог быть в числе не последних писателей времени. Но он пожертвовал всем этим родине; он видел и знал, что тревожно переживаемое время, что нравственно невозможно теперь удалиться в область чистого художества; что нужно смелое и горячее слово любви к отечеству; что от писателя требуется теперь больше внимания к потребностям и реальным интересам русской жизни. И вот, он сошел в могилу, не оставив векам своего имени, как крупного писателя, не оставив по себе заметного и выдающегося произведения... Величие этой жертвы, скажем больше, – трагизм этой жертвы дано понять и оценить далеко не всякому...

Но своему времени он послужил в полноту сил! Он служил прояснению русского самосознания; он служил укреплению в жизни здоровых и положительных начал веры, патриотизма, церковности и здоровой государственности; он был зорким

стражем интересов своего народа. Он служил Богу и родине, главным образом словом, своим вдохновенным русским словом. Но *у писателя слова – это его дела*. А дела человека, по уверению слова Божия, идут вслед за ним по ту сторону гроба. И в этом – наша отрада в переживаемые нами теперь молитвенные минуты, в этом уверенность и твердый залог загробных о нем чаяний.

Простят ему и люди его ошибки и заблуждения; время сгладит их и смягчит, будущее предаст их забвению, как нечто несущественное и случайное в его личности и деятельности, и вместе с признанием правды его идей сохранит за ним его заслуги, оценит его благородную любовь к России и веру в нее, его ревность, горячность, его труды, страдания и жертвы за русское дело. А Господь милосерднее людей… О, если люди простят, то Господь будет ему более милостивым Судиею!

Помолимся же Ему, да подаст Он благодатный мир и покой настрадавшейся душе почившего, да укроет его милостью и прощением грехов. Мы же, возглашая Василию Львовичу вечную память, будем помнить, что лучший знак любви к нему – служение его делу. Слава Богу, покойный не был одинок: это молитвенное собрание наше, и притом не первое, служит ясным тому доказательством. Пусть же сознание понесенной утраты вызовет только любовь к почившему, благодарность к нему и молитву о нем, но никак уныние. Елисей некогда просил Илию: *да будет дух, иже в тебе, сугуб во мне*. И хотя просьба эта показалась самому пророку преувеличенною, но Господь исполнил ее ради необходимости воздействия на современников Елисея, которые слишком удалились от пути истины и требовали чрезвычайных проявлений пророческого дара и слова для своего вразумления.

Жив Господь; вчера и днесь Он Той же и во веки! Будем призывать и просить всею горячностью молитвы и всею любовью сердец наших, да не оскудеют в нашем народе «мужи желаний», подобные поминаемому ныне рабу Божию Василию, – смелые духовные борцы за правду русскую: они нужны нам не менее, чем герои-храбрецы на поле брани; будем просить, да не замолкнет среди нас твердое и разумное русское слово; да

ширится и растет русское дело и «приидет все в достоинство»; да будет дух покойного, – дух самоотверженной любви к родине и служения ей, сугуб во многих и множайших сынах нашей родины! Чу, мы слышим их клики геройские на Дальнем Востоке!.. В этой доброй и светлой надежде вместе с нами да возрадуется и утешится ныне почившая в Боге душа покойного! Аминь.

Верный слуга России на Кавказе[113]

Глас радости и спасения в жилищах праведников, десница Господня сотворила силу! (Пс. 117:15).

Не наше только время разделило и в горе и радости жилища праведников и жилища нечестивцев, и не на одну только какую-либо область жизни простирается это разделение. С тех пор как только помнит себя человечество, оно в своих горячих желаниях устроит жизнь свою по началам высшей правды, неистребимым в духовной его природе, стремилось, по врожденному инстинкту общественности, к созданию организаций, сообществ, – будет ли это семья, род, племя, будет ли это, наконец, в высших проявлениях истинно-человеческой жизни, государство и церковь. Тяжким, неустанным тысячелетним трудом и напряжением всех сил, усилиями и самопожертвованием благороднейших представителей человечества созидались и возрастали эти общества и организации, для церковного же устроения оказались недостаточными силы человеческие, и явлены силы высшие, Божественные.

В тяжком труде своем самые благородные, самые одухотворенные деятели и государственного и церковного строения всегда встречали препятствия, идущие из жилищ нечестивцев: сынам тьмы нестерпим был яркий свет, ночным хищникам ненавистен был светлый день, служителям зла, смуты и беспорядка чуялась гибель в торжестве добра. Отсюда борьба их против представителей государства и Церкви, – борьба неразборчивая в средствах, кровавая, беспощадная и преступная, тем более озлобленная, чем более на глазах нечестивцев укреплялись положительные начала общественного строения, чем более стесненною становилась злая воля служителей тьмы. И вот, всегда так случалось, что герои и труженики из жилищ праведников почитались врагами в жилищах нечестивцев и обрекались на смерть, злодеи же, убийцы и разбойники в преступных сообществах возвеличивались, прославлялись и объявлялись героями.

Естественно поэтому, что когда раздавался «глас радости и спасения в жилищах праведных», в темных подпольях нечестивцев воцарялись сатанинская злоба и уныние.

Кто побеждал в этой борьбе: сыны света или сыны тьмы?

Победа, как всегда и во всем, зависела от того, на чьей стороне было больше воодушевления и единства, больше сплоченности, идейной любви к делу, готовой жертвовать личным благом во имя блага общественного, готовой трудиться, лишаться, бороться изо всех сил. А на стороне добра, ко всему этому верим мы глубоко, была всегда готова и помощь Божественная: она не подается людям насильно, но, приемлемая в доброй воле верою и любовью, призываемая молитвой и смирением, она являла в мире чудеса победы и всегда посылала глас радости и спасения в жилища праведных. Если же наследники и потомки оказывались недостойными своих предков, передавших им тысячелетними трудами блага общественных установлевлений, хотя бы и Богом освященных; если они предавались нравственной спячке и апатии, теряли единение, ревность, воодушевление и готовность с самоотверженною любовью трудиться для блага общественного: тогда и Господь, после вразумлений и напоминаний свыше, то грозных и устрашающих, то милующих и спасительных, попускал торжествовать злу, ибо не в свойствах Всеправедного и Премудрого спасать насильно. Тогда, к позору народа, кучка злодеев иногда овладевала государственным строением, наводила кровавыми преступлениями ужас на его сынов, погруженных в спячку и привыкших к бездеятельности, подавляла в них силу, – и государство гибло, в назидание и устрашение векам и поколениям. Не станем ссылаться на примеры истории человечества; они людям образованным и без наших слов понятны и памятны.

Служителю Церкви естественно обратиться к истории библейской, к истории народа богоизбранного, который хоть на короткое время явил миру образ совершеннейшего правления и устройства общественного, так называемой теократии, в истинном, широком и высшем значении этого понятия. Когда человеческое начало жизни всецело проникает начало

Божественное в их взаимодействии, когда человеческое общество добровольно является средою для Божественного откровения и всецелого Божественного водительства, – тогда самое государство получает нравственное оправдание своего бытия и высший смысл существования: оно представляет собой не военный стан, живущий и дышащий насилием, не собрание лиц, связанных взаимными выгодами, и не внешне-полицейское установление, а союз людей, как нравственно разумных существ, руководимых Богом в земных условиях к высшим и духовным задачам своего существования. Это – идеал жизни человеческой, идеал богоправления, в земных условиях только предначинаемый и намечаемый и имеющий обратить царство Божие на земле в вечное царство Божие на небе.

Пред нами царь Давид, царь-избранник Божий и избранник сердца народного. В тяжкую годину народной жизни пришлось ему насаждать в ней начала богоправления, и много-много жертв и страданий пришлось ему переиспытать на этом пути: были возмущения неразумной части подданных, были измены и предательства – печальное наследие старого рабства; были оскорбления со стороны таких лиц, которые были обязаны ему одною благодарностью. Не раз смерть стояла над его головою, не раз только бегство спасало ему жизнь. И вот, в одну из минут счастливейших, когда мимо него пронеслась чаша смертная, когда все существо его было охвачено радостью только что спасенной жизни, из уст его излился дивный, вдохновенный псалом благодарения Господу.

«Славьте Господа, ибо Он благ, ибо в век милость Его. Да скажет ныне дом Израилев: Он благ, ибо ввек милость Его. Да скажет ныне дом Ааронов (священство Израилево): Он благ, ибо в век милость Его. Да скажут ныне все боящиеся Господа: Он благ, ибо в век милость Его. Из тесноты воззвал я к Господу, и услышал меня, и на пространное место вывел меня Господь. Враги окружили меня… обступили меня, как пчелы (сот), и угасли, как огонь в терне.. Сильно толкнули меня, чтоб я упал, но Господь поддержал меня. Господь – сила моя и песнь; Он соделался моим спасением. Глас радости и спасения в

жилищах праведников: десница Господня сотворила силу!» (Псал. 117:1–15).

Так ликовал Давид, так славил чудо своего спасения. Но зрелище чудесное видим мы и вокруг Давида; весь дом Израилев, и дом Ааронов, и все боящиеся Господа вместе с ним славили Бога и окружили любовью и сочувствием Давида, как представителя общего святого и высокого, всем дорогого дела государственного и общественного строения. Следствием было то, что царство крепло и возрастало, и не только Давид видел дни славы его и процветания, но и преемнику завещал его в полном благоустройстве.

В наши дни, на наших глазах десница Господня ныне сотворила силу. Видим и мы, что и наш дом Израилев, и дом Ааронов и все боящиеся Господа славят Его милость; слышим и мы общий глас радости и спасения в жилищах праведников. Только в жилищах нечестивцев, в среде сынов тьмы и служителей зла и смуты могут ныне царствовать молчание и злобное уныние… Именно в этом гласе радования или в унылом молчании – теперь пробный камень и верный показатель, где сыны света и где исчадия тьмы. Слава Богу! Это общее сочувствие к главному начальнику края, это участие в его страдании, эта радость за его спасение, эти поздравления отовсюду по священному зову Самого Монарха, эти молитвы по всему краю о чудесно спасенном от смерти князе Григории Сергеевиче, – все это – добрый знак. И сам князь с полным правом может повторить и применить к себе приведенные нами слова благодарного псалма Давидова. Да, окружили его враги с злобным желанием его смерти, обступили его, как пчелы с смертоносными жалами, и угасли, как огонь в кустах терновника. Сильно толкнули его, чтоб он пал: но Господня десница сотворила силу! Действительно, кровь холодеет, негодование и ужас охватывают всякого, у кого не погасла последняя искра порядочности, при мысли о совершившемся злодейском покушении на жизнь представителя Верховной Власти на Кавказе. Какова дерзость и какова низость! Каково предательство и коварство Иудино – вонзить кинжал вслед за приветливым поклоном! Сколько здесь характерного для

злодеев и для их тайных вдохновителей! И на кого же поднялась адская злоба? И за что на него обрушилась? Что сделал лично князь такого, что достойно кровавого возмездия, чем озлобил злодеев? Что сделала, чем заслужила это горе, это страшное потрясение княгиня? Семь лет перед нашими глазами князь Григорий Сергеевич стоит во главе управления краем, семь лет мы видим его жизнь, его деятельность и можем сказать с полным правом и полною уверенностью: у него не может быть личных врагов. Вставая каждый день до восхода солнца, вступая в свой рабочий день раньше последнего простолюдина, трудясь не покладая рук, невзирая на седьмой десяток лет, отказывая себе часто в необходимом отдыхе и покое, князь Григорий Сергеевич жил и живет только для России. С истинно княжескою щедростью он с княгинею Марией Феодоровной широко благотворит и материально, отпуская без счета жертвы и пособия и частным лицам на их нужды, и церквам, и общественным и благотворительным учреждениям. Благодарность и признательность должны возрасти вокруг княжеской четы, а не личная злоба. Злодеи, покушавшиеся на князя, и не только те, которые явились, быть может, слепым орудием сатанинской злобы и уже пожали достойное наказание на месте преступления, но и те, что стояли за их спинами, быть может, с монетами, похожими на сребренники народных «первосвященников» Анны и Каиафы, – это не личные враги князя, *а враги России!*

Князь Григорий Сергеевич явился на Кавказ в предшествии громкой славы человека государственного, человека испытанной твердости и преданности престолу, бесстрашного, прямого и решительного. Право и пред Богом и людьми русское дело на Кавказе, – в стране, омытой трудовым потом и кровью русских людей, утучненной их жертвами и костями, усыпанной русским золотом. И князь прямо и открыто и бесстрашно вступил на служение этому правому делу. Русское дело не ищет здесь захватов, не ищет чьего-либо порабощения, не ищет подавления того, что дорого всякому народу, – его веры, его языка и духовного строя; обвинения в этом, всегда заведомо ложные, создаются и распространяются только служителями

лжи и смуты из своекорыстных видов. Но и по Божеским, и по человеческим законам, государственное и политическое слияние с Россией этого края, купленного столь дорогою ценою, должно быть возвещено и поставлено твердо и неуклонно, как того требуют величие и мощь, нравственная правота России и польза самого многоплеменного Кавказа. Здесь все должно быть исполнено справедливости, которой тысячелетиями не ведал этот край, терзаемый хищниками; здесь всем народностям должна быть оказана равноправность пред лицом Венценосного Вождя России и пред лицом закона. Но вместе с тем все должны служить России: нет племени, нет и не может быть сословия, каково бы оно ни было, которое могло бы требовать одних прав и отказывалось бы от обязанностей. Это основной закон справедливости и в личных отношениях людей, и в государственном строении. И так именно строилась Русь, и если кто принес больше всего жертв на это строение, то именно русский народ: Церковь русская ради такого строения поступилась патриаршеством, и многими древними особенностями своего строя, и огромными имуществами, которые в свое время охватывали чуть не половину всей великой русской земли и которых во всяком случай нельзя отстаивать ни с евангелием и канонами св. отец в руках, ни тем более с мечом, ибо меч Господь повелел апостолу вложить в ножны; дворянство русское ради того же государственного строения оставляло покойные места жизни и обращалось в служилый класс, посылаемый во все концы России; крестьянство наше, это геройское сословие, великое в своем труде и смирении, ради государственной крепости себя безропотно закрепостило и пожертвовало свободою; купечество русское несло тяготы и подати нередко в то время, как иностранные и инородческие, в том числе и кавказские купцы, были от них свободны. И когда этими общими жертвами всех сословий возвеличилось русское царство, возросло и стало могучим, тогда потянулись к нему под покров и защиту от севера и запада, юга и востока другие племена, потянулся и Кавказ с его многочисленными народностями, над которыми по отношению к России совершилось евангельское слово: *иные*

трудишася, вы же в труд их внидосте… т.е. воспользовались плодами их трудов. История мировая на всем протяжении веков не знает государства или народа, который относился бы к другим племенам с таким великодушием, самоотвержением, самоотречением, как это мы видим в отношениях России к Кавказу[114]. Чрез сто лет беспримерных жертв на пользу Кавказской окраины Россия была в праве пред Богом и людьми заговорить здесь и о своих законных государственных интересах, которые доселе нередко великодушно приносились в жертву интересам местным.

Время для этого назрело, дело говорило само за себя. Появление во главе управления краем князя Григория Сергеевича было встречено общими надеждами на то, что русские государственные интересы не останутся забыты и будут поставлены на началах полной справедливости.

Действительность вполне оправдала эти надежды. Не время теперь делать всестороннюю оценку деятельности князя, но можно сказать с полною уверенностью, что будущий историк нашего края отметит за время управления Кавказом кн. Г.С. Голицына не один акт высокой государственной важности.

Но Кавказ еще недавно, сравнительно, находится под благотворным правлением России. Раньше России здесь веками господствовал произвол Турции и Персии, истощали край взаимные распри мелких правителей, освящен был в народных представлениях разбой, царило бесправие и рабство. Но рабство и господство права сильного одинаково развращают и раба и господина. На этой почве бесправия и отсутствия законной власти, постоянных смен правления и правителей и питалась веками склонность к изменам, интригам и предательству, необходимым спутникам рабства. И вот, когда во всей стране воцарились теперь мир и покой под сенью крыл русского орла, когда племена Кавказа в огромной массе остаются и возрастают в чувствах глубокой преданности России, благодеяний которой нельзя не ценить, как нельзя не замечать света и солнца, – кое-где и иногда, как отзвук старых болезней, проявляется разбойничья склонность воспользоваться одними правами и выгодами русского

управления и уклониться от обязанностей, необходимо лежащих на всяком верноподданном, проявляется желание помешать русскому государственному делу и дикая месть его представителям за то или другое законное требование правительства.

Отсюда – и покушение на убийство князя Григория Сергеевича, отведенное рукою Господа. Повторяем, враги князя – враги России; он пострадал, как русский государственный человек, за русское дело на Кавказе.

Что же следует из этого?

Отрадно, что столь трогательно и единодушно несутся отовсюду свидетельства о сочувствии князю, везде возносятся благодарные молитвы за его спасение. Но этого мало. Мало отнестись к князю, как к личности, как к пострадавшему человеку. Необходимо и не словом, а самым делом выразить и проявить сочувствие ему, как государственному человеку, как носителю государственных начал и интересов на нашей окраине. Это наш стыд, наш позор, что среди нас совершилось такое ужасное дело, как покушение на жизнь начальника края, представителя Русского Царя! Нужно нам подняться в воодушевлении, нужно противопоставить кучке озлобленных злодеев, врагов России, спокойное, но могучее общее настроение, – такое, при котором враги России почувствовали бы себя бессильными, беспочвенными, одинокими и презираемыми и изгибли бы, как туман, как легкий иней пред теплыми лучами солнца. Нужно смелое слово на устах, нужно крепкое содружество, крепкое и идейное единение всех положительных элементов жизни. Нужно окружить государственную власть и уважением, и сочувствием, и общею готовностью содействовать ей в исполнении ее тяжкой работы на окраине. Злодеи хотят наполнить страну кровью, ужасом и террором. Позор и стыд тем, кто на совершающиеся события и на попытку замутить жизнь государственную будет смотреть с малодушием, боязливым молчанием или легкомыслием и беспечностью, или только с преступным любопытством, как на какую-то потеху!

Пусть, по выражению псалма, весь дом нашего нового Израиля, и дом Аарона, и все боящиеся Господа соединятся теперь вместе в одном гласе радости и спасения и осуждения злодеям: тогда жилища праведников будут исполнены деятельной работы, а жилища нечестивцев да будут пусты!

Мы должны ясно сознать и твердо исповедать правоту русского государственного дела на Кавказе, мы должны крепко верить, что в России всегда найдутся на всех поприщах жизни деятели, подобные князю Григорию Сергеевичу, которых *ни подавить, ни закупить, ни запугать невозможно* в исполнении ими государственного долга и патриотических задач.

Дай Бог каждому из нас в своей области быть таким деятелем! Дай Бог скорого выздоровлевния князю Григорию Сергеевичу, давшему нам в труде и крепком стоянии за дело государево доблестный пример, и явившемуся исповедником русского дела на Кавказе! Да пошлет ему Господь скорое избавление от недуга и много лет крепости духа и тела на служение дорогой и богохранимой России! Аминь.

Блудные сыны нашего времени[115]

Грустную историю рассказывает нам слышанная сегодня за литургией в евангелии притча о блудном сыне. Сын любимый, сын младший стал тяготиться жизнью у любящего отца и зависимостью от него, восстал против его власти, не пожалел его седин, не пощадил его сердце, не оценил его любовь; дерзко и с бесстыдством он потребовал у отца *свою часть* имения, как будто и в самом деле он ею владел по праву, возмечтал о свободе – и ушел на страну далече за призраком счастья и свободы, оставив отца в горе, в слезах и унынии. И что же? Вместо счастья и довольства – у него голод и лишение; вместо радости – горе; вместо свободы – грех, а в заключение рабство; вместо желанного возвышения и мнимой самостоятельности – ряд унижений и, наконец, уподобление свиньям. Грустная история эта, впрочем, кончается утешением: в себя пришел несчастный, раскаялся, возвратился к отцу, искренно смирился – и принят был снова в отеческий дом.

Братие! Не слышите ли вы и в наши дни воплей нынешних отцов и горьких слез и стонов матерей чуть ли не по всему лицу земли нашей? Это нынешние блудные сыны внесли слезы и горе в недра семьи! Посмотрите на них, на этих современных блудных сынов, особенно в нашем образованном обществе; их дерзость и бесстыдство, воистину, превысили всякую меру. Живут ли они дома в семье: их тяготит, не говорим уже – надзор или руководство, нет, тяготит их самое существование старших и сожительство с ними; учатся ли они: им не нравятся правила и порядки школы; на службе ли они или на какой-либо работе: для них тяжко и обидно всякое подчинение, невыносимо всякое стороннее руководство.

Чего же они хотят? Как евангельский младший блудный сын, и они хотят свободы, смешивая ее с необузданным произволом; о свободе они печатают, о ней всюду проповедуют. И вот, во имя этой свободы мысли и жизни для себя, они требуют, чтобы старшие, родные и близкие отказались от своей свободы; чтобы эти последние жили и действовали не по своей

воле, а по воле и указке младших и детей; чтобы зрелые и опытные люди уступили им, юным, место в обществе и государстве; чтобы юноши правили царством; чтобы учителя и воспитатели учились у учеников и их слушали; чтобы школою управляли не наставники, а наставляемые; чтобы вообще в жизни, в службе, в семье и в школе все отказались от своей свободы и воззрений ради свободы подростков и юных преобразователей семейного, школьного, общественного и государственного строя.

Но ведь, скажете, есть же меры воздействия, вразумления, наконец, и наказами! Так подсказывает здравый смысл. Но здравый смысл оставляет наших блудных сынов, как оставил и евангельского блудного сына. Воздействий, вразумлений и наказаний они не признают, потому что они – враги всякого «насилия». И вот, чтобы не было над ними этого насилия, они сами употребляют насилие решительно по отношению ко всем, кто с ними но согласен: к родителям, бросая их, оскорбляя и признавая с ними одну связь, по которой родители должны присылать детям на жизнь и содержание деньги; к начальникам, издеваясь над их распоряжениями и доходя в безумии до кровавых покушений и убийств министров; к учителям, запугивая их шумными волнениями на уроках и всякими угрозами и оскорблениями; наконец, к собственным товарищам, подавляя их волю и разум стачками, угрозою позорного изгнания из своей среды и бесславия, а то и физическим воздействием. И слышим каждый год, и читаем с грустью: там волнения молодежи, там прекращение занятий, закрытие учебных заведений. Кругом столько работы, жизнь не останавливается, а требует умных, образованных тружеников, взывает к молодому поколению, – но что до этого блудным сынам? Им нужна только пресловутая свобода. Для нее можно осквернить и храм Божий; для нее можно кричать и волноваться из-за того или другого устава школы в то время, когда кругом миллионы родного народа голодают; для нее можно поднять в историческом храме красные флаги с требованием уничтожения таких-то правил и чуть не потоптать ногами священные трофеи 1812 года… Что для них этот год, Отечественная война, великая

эпопея благородной борьбы нашего народа с насильником и поработителем мира, и что для них слава родины! Им нужно, чтобы не было в школе правил, стесняющих их свободу. Что дня них тяготы родины, когда государство наше изнемогает теперь под тяжестью явных и тайных врагов: когда, пользуясь нашими затруднениями, нас хотят подавить экономически торговыми договорами, когда нас лишают векового влияния на единоверное и единокровное славянство, когда подрывают наше влияние там, где мы его купили реками крови, связывая нас задором желтой расы, рвущейся к тому, чтобы внести огнь и меч в наши пределы? Блудные сыны устраивают в это время только собственное благо…

Но ведь для того, чтобы жить в столицах и больших городах и заниматься, как важным делом, волнениями и разговорами о разных преобразованиях школы и жизни, нужно же есть и пить, иметь жилье и одеваться… Откуда же взять на это средства? О, и на это готов ответ евангельского блуднаго сына и повторение его дерзкого, бесстыдного требования: *отче, даждь ми достойную часть имения* (т.е. следующую мне по праву), как будто и в самом деле дети владеют, как собственностью, частью имения родителей и могут по праву требовать то, что им не принадлежит и ими не заработано.

Таково часто наблюдаемое ныне положение дел. Неудивительно поэтому, что стон ныне часто стоит в семьях, что сердца отцов замирают от страха при виде подростающих детей и представлении близкого времени их воспитания, что матери часто не осушают очей от слез и горя, что дети, наконец, нередко становятся не благословением, а тяготою и горем семьи.

Что же делать при виде этого ужаса? И где его причина?

Пред нами, братья, жизнь открыта для наблюдений. Позвольте некоторыми из них поделиться с вами в ответ на постановленные вопросы.

Мы видели отцов, убеленных сединами, – отцов, которые сами некогда были блудными сынами в молодости, много блудили и безумствовали, и которые, не имея сами в душе положительного содержания, не имея ничего, что могли бы

противопоставить задорным разговорам и заблуждениям молодых людей, жалко заискивают пред молодежью, не смеют ничего сказать ей и больше всего на свете боятся в ее глазах прослыть отсталыми, и потому молчат, делая вид, что соглашаются, с ее заблуждениями.

Мы видели отцов и матерей, которые по ложной ли любви, по слабодушию ли и непростительну легкомыслию, молча и спокойно выслушивают дерзкие выходки и безумные суждения детей о Боге, о Церкви, о Государе, о всем святом и высоком, и не находят у себя смелого и властного слова, а иногда и вызванного святым негодованием и заслуженного детьми окрика, чтоб остановить безумие юных, а то и любуются ими: «вот, мол, какие дети наши! они умнее других, они так сильны и свободны!» Вот уж любовь неблагословенная!

Мы видели семьи, где у родителей, в присутствии учащихся детей, брань и порицание их учителей служат, так сказать, ежедневною приправою к семейному обеду; где дети, приходя из училища, при веселом смехе старших, на потеху и на раннее развращение младших братьев и сестер, изображают в уродливом виде своих наставников; где всякая строгость или взыскание школы к своим питомцам объединяет и детей и родителей в ненависти к школе и в желании обмануть ее всеми видами общей семейной стачки и общей лжи по взаимному уговору.

Мы видели семьи, где старшие у родители без стеснения, но с злорадством и наслаждением повторяют при детях все грязные и возмутительные сплетни, подхваченные с улицы или со страниц нечистой печати, о государственных властях, об архипастырях и пастырях, о начальниках и о всех власть имущих, втаптывают в грязь свою Церковь, свою родину и ниспровергают в глазах детей все авторитеты.

Мы видели отцов и матерей, которые в присутствии юношей, чтобы понравиться им, восхваляли других юношей-бунтовщиков, юношей, высланных за беспорядки, выражали им сочувствие, возводили в герои, посылали и собирали им пособсия и жертвы…

Если завелась нравственная гниль в семье, то может ли уберечься от нее и школа? Ведь деятели школы не с другой какой-либо планеты являются, а выходят из того же общества. И удивительно ли, что иногда и учители юношей внушают им дикие бредни, льстят их самолюбию, ищут их похвал? Удивительно ли, что даже в начальных школах стали раздаваться книги возмутительного содержания и стали предлагаться чтения, призывающие к бунтам, как это засвидетельствовано недавним правительственным сообщением вслух всей России?

Да, неудивительно, если *оправдася премудрость в чадах ея*; неудивительно, а естественно и понятно, что, воспитывая детей в своеволии, в распущенности слова и мысли, подрывая при них все авторитеты, мы прежде всего сами падаем в их глазах, теряем уважение и обаяние родительской и всякой иной власти, и вместо сынов послушания получаем в детях чад противления, нынешних блудных сынов.

Нужно, чтобы в недрах и во внутренней жизни семьи создалось, действительно, святилище; чтобы здесь царило уважение ко всему высокому и святому; чтобы здесь господствовала чистота и сдержанность слова и мысли; чтобы здесь образовались добрые навыки и священные семейные предания; чтобы детям явлена была в родителях твердость религиозных и патриотических убеждений, уважение к освященному Церковью семейному строю, благоговение к Церкви, к Государю, к отечеству. Нужно, чтобы среди нас, взрослых, не господствовала по всем этим вопросам гибельная путаница понятий и нынешнее разделение и разноголосица мнений. Нужно, чтобы в среде нашей образовалось доброе, крепкое и согласное, воистину, *общественное* мнение, осуждающее буесть и блуд юности и поклонение ей, как какому-то кумиру; чтобы блудным сынам приходилось встречать одно осуждение своим мыслям и поступкам; чтобы им стыдно было быть блудными сынами; чтобы их состояние мятежности заклеймено было в общественном мнении, как позор и грех, а не возводилось бы в какое-то дикое геройство…

Другие средства искоренения зла все будут слабы. Но искоренять его нужно, необходимо нужно, иначе вся жизнь обратится в блудную. Не все ведь блудные сыны кончают так, как это изображено в евангельской притче: часто они гибнут и губят окружающую жизнь, как гангрена заражает все тело.

Нужно нам, взрослым, одуматься, нужно семьям и родителям подняться, исправиться, раскаяться. К этому зовет нас все: и закон Бога, и голос Церкви, и долг пред родиной и обществом, и любовь к собственным детям и, наконец, любовь, – врожденная нам любовь к себе самим! Аминь.

Вечность[116]

В началех Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку Твоею суть небеса. Та погибнут, Ты же пребываеши, и вся яко риза обветшают, и яко одежду свиеши я, и изменятся. Ты же Той же еси, и лета Твоя не оскудеют.

Этими словами псалма Давидова начинается апостольское чтение нынешнего дня: редкое и необычное начало апостольского слова! Недоумение вызывает и то, что именно в нынешний день предлагается чтение это нашему чувству и вниманию. А какие величественные слова! Какая глубина мысли и красота образа!

В начале Ты, Господи, основал землю, и небеса – дело рук Твоих. Да, как ни прекрасны и чудны небо и земля, но они появились во времени. Не вечны они по началу, не вечны и по концу: они погибнут, но Ты во век пребывавши, и все, как риза, обветшает, и как одежду Ты свернешь их и изменятся. А Ты все Тот же Вечный и Неизменный, и лета и годы Твои не изменятся и не оскудеют. Вот вкратце содержание псалма. Он знаменателен был в устах Давида и древнего Израиля, жившего посреди язычников, которые боготворили природу, почитали небо и землю вечными и божественными. Израиль в этом псалме громко исповедывал пред целым миром, что один Бог только вечен и неизменен, а земля и небо – творение Его.

Но и в наши дни, и до конца времен полезно людям держать в памяти приведенные слова, и Церковь особенно советует нам делать это в дни Великого поста. Слишком уже мы увлекаемся временным и изменчивым, слишком забываем вечное и высшее: в пост, во дни говения и покаяния, когда это вечное становится к нам ближе и ощутительнее, когда душа жаждет отрешиться и очиститься от земного и воспрянуть к небесному, уместно остановиться над этим нашею мыслью и чувством.

Вечное, неизменное… О, как стремится душа наша в эту возвышенную область! Как неистребимы и неподавимы ничем, ничем порывания наши к этому горнему и заповедному миру!

Вечное и неизменное... Нет из нас ни одного человека, кто бы не испытывал усталости от земной суеты, кто не сознавал бы всей мелочности и ничтожности наших ежедневных интересов, желаний, вспышек чувства, забот и помыслов. И тогда-то в усталой душе поднимается и растет желание войти в область вечного и слиться с ним…

И вот вам, возлюбленные, здесь и сказывается значение веры и Церкви. Здесь именно *небо* на земле, здесь, и только здесь, вечны и неизменны они посреди временного и изменяющегося мира. Меняются люди, их страсти, их мысли, их горделивые успехи в науках, искусствах, в жизни. Сегодня – одно, завтра – другое.

А в вере и Церкви один и тот же Бог, одна вера, одно учение, одна молитва, одни таинства... все едино и вечно. Зайдите в храм на службу, вдумайтесь, вслушайтесь: ведь все говорит о вечности. Начальный возглас: Благословен Бог наш всегда, ныне и присно *и во веки веков*.

Диакон, орарем поводя пред народом, в образе круга знаменует вечность Церкви; тут же и словом он заключает: и во веки веков; и каждый возглас кончается словами: *и во веки веков*, и в конце литургии, заключая молитву, показуя чашу народу, ничего высшего и лучшего ни придумать, ни сказать не может священник, кроме слов: *всегда, ныне и присно иво веки веков*. Да, вера и Церковь есть область вечного, и дух, ищущий вечного, только здесь найдет источник жизни.

Но если где особенно напряженно сказывается стремление к вечному, то именно в среде монашества. Что такое иноки и инокини? Это люди, которые отказались по возможности от всего земного и временного и избрали вечное и небесное: отошли от семьи, от отцов, матерей, братьев и сестер, от земных радостей и забот, и больше всего, и выше всего поставили служение Богу. Оставив хлопотливую Марфу с ее земными заботами, они, подобно Марии, сидят в созерцании у ног Христовых, по слову Спасителя, – благую часть избрали, которая не отнимется от них, ибо она вечна и нескончаема.

Итак, в нынешнем нашем молитвенном собрании вполне уместно слово апостольского чтения о вечном и неизменном

Боге. И сам собою слышится урок: будем искать больше всего и прежде всего вечного и неизменного. Горняя мудрствуйте, а не земная, – учит апостол. Вышних ищите, идеже Христос, одесную седя Первосвященник наш во веки. Но скажете и спросите: а как же земное? Как без него обойтись? Господь ответствует нам поучением слов молитвы: хлеб наш насущный даждь нам *днесь*, только днесь, только сегодня, а далее я и не хочу думать о временном, а ищу вечного. Так должно думать христианину. Самый хлеб, одежда и жилище, без чего нельзя обойтись, это – не цель, а только средство к иной, высшей цели, т.е. к удобнейшему и беспрепятственному служению вечности. Посредством земного ищи небесного, посредством временного приобретай вечное, – вот истинная евангельская купля. С этой точки зрения и оценивать должно все, что мы видим в жизни и вокруг себя. Все для вечности и все цени с точки зрения вечного.

Вот теперь все помыслы наши прикованы к войне. Если мы будем желать побед русскому народу только для обогащения и славы, – это будет и недостойно и не по-христиански; это будет искание грубого и временного. Но в этой войне иной смысл: борется христианство с язычеством, борется Крест с драконом, борется евангелие с баснями языческими. Россия чрез победу благовествует далекому миру вечное евангелие о вечном Боге и Его Сыне Искупителе. О, тогда оружие наше, как некогда оружие царя Константина венчается Крестом и служит ему, тогда и Бог говорит русскому народу: «Сим победиши». Значит, и здесь чрез земное мы ищем вечного, и потому горяча должна быть наша молитва о Царе и России, ибо с царством русским расширяется и крепнет царство Христово, вечное царство Божие.

Вот и школа пред вами, в ней учатся дети; из нее выходят учительницы, – по-видимому, тоже забота о временном. Но если так, пусть лучше и школы не будет. Нет, школа добрая, школа церковная должна именно вести народ к вечному, напоминать ему о Боге, указывать ему небо, напоминать о нем постоянно, поднимать в нем унывающий и падающий дух. Горе народу, который забыл о небе: он недостоин жить и на земле; его существование будет животным и звериным.

Но пусть он поднимет глаза к небу, пусть в душе служит Богу: и жизнь его будет и полна, и человечна, и осмысленна. Будем же, возлюбленные, искать вечного и служить ему! Где же оно это вечное и где его сыскать? Вот и ответ апостола: «В началех Ты, Господи, землю основал еси и дела руку Твоею суть небеса. Та погибнут, *Ты же пребываеши*, и вся яко риза обветшают, и яко одежду свиеши я, и изменятся, *Ты же Той же еси, и лета Твоя не оскудеют»…* Аминь.

Права и обязанности[117]

Трудно представить себе другое евангельское чтение, более соответствующее времени поста и покаяния и переживаемым нами настроениям среди нашего общества, чем то, которое мы сегодня слышали за литургией. Остановимся на нем вниманием.

Господь Иисус Христос – при конце Своего земного служения. Злоба врагов Его достигла высшей степени; близко время, когда злоба эта достигнет своей цели и предаст Божественного Учителя на смерть. Временными удалениями Иисуса Христа в пустынные места, как это было доселе, уже нельзя успокоить врагов; всякая попытка придти в Иерусалим уже видимо грозила Спасителю смертью, и об этом засвидетельствовали сами ученики Господа в ответ на высказанное Им желание идти в Иудею (Ин.11:8). При таких-то обстоятельствах Иисус Христос отправляется в Иерусалим. Он идет молча впереди, весь преисполненный ожиданием мук и смерти, а сзади за Ним следуют ученики Его, следуют со страхом, как замечает евангелие. При таких-то обстоятельствах и происходит замечательный разговор Спасителя с учениками Своими. Он подзывает их и говорит: *«Вот мы восходим в Иерусалим и Сын Человеческий предан будет в руки грешников, и поругаются над Ним, и оплюют Его, и убьют Его, и убиен быв, в третий день воскреснет»*. В словах Спасителя слышится желание предохранить учеников от грядущего соблазна: пусть знают они, что совершенно ясно Учитель их предвидит страдания, что совершенно добровольно Он идет на эти страдания, что сила Божества Его все-таки восторжествует над спасенным миром.

Христос говорил о Своих страданиях и унижении, – а ученики помышляли о славе Его земного царства, которого они упорно ожидали, вопреки всем указаниям Господа. Мать сынов Зеведеевых, т.е. апостолов Иоанна и Иакова, а потом и сами они обращаются здесь к Спасителю с необычною просьбою: дай, чтоб один из нас сел по правую, а другой по левую сторону

в царстве Твоем (Мк.10). Так просят они, а другие апостолы негодуют на них, но не за то, что просьба их неуместна, а за то, что Иаков и Иоанн себе одним просят благ, на которые рассчитывают и прочие апостолы.

Все они глубоко заблуждались, думая, что царство Христа есть царство земное, и можно себе представить, как горько было на душе и сердце Спасителя, когда Он видел, что ближайшие Его ученики не понимали Его. И вот здесь-то Он и сказал им вечныя слова: *«Вы знаете, что князья владеют людьми и сильные господствуют над ними и благодетелями называются; у вас же пусть будет не так, но кто хочет быть из вас первый, да будет всем слуга, а кто хочет быть старшим между вами, пусть будет всем раб»*.

Вот содержание нынешнего евангельского чтения. Как оно применимо к переживаемому времени! Да, скажут: тут наставления царям и правителям. Нет, друг, это тебе наставление! Сказано: *кто хочет*, а мы-то больше всего этого и хотим… Не станем говорить о людях властных и сильных, так ли они понимают и исполняют свои высокие обязанности. Среди нас нет таковых властных; пусть же они сами и дадут ответ пред Богом, и не нам судить их, хотя, правду сказать, в наше время очень любят заниматься этими пересудами.

Посмотрим лучше на себя самих. Как часто в себе и в подобных нам людях мы видим именно то, что было в просьбе Иакова и Иоанна! Да, в наши дни уже не старшие, а младшие, подчиненные, часто совсем дети стремятся к властителъству, забывая о подчинении. Высоко было призвание апостолов, но Спаситель указал им на их *обязанности* в то время, как они помышляли только о *правах.* Но апостолы впоследствии уразумели свою ошибку и вёнцом мучеников доказали, что они усвоили и исполнили учение Христа. У нас не то. Спросите, чего мы больше хотим: прав или обязанностей? Но ведь на правах все ныне помешаны, и сознавать свои права, добиваться их во что бы то ни стало – и силою,и злобою, и преступлением и кровью – считается ныне признаком особого развития и умственной высоты. Естественно, при этом у других видят только обязанности, и одних обязанностей от них требуют, а

себе приписывают одни права, чаще всего преувеличенные до безумия. И видим: рабочие хотят управлять хозяевами, ученики – учителями, младшие – старшими, а юнцы, которым нет и двух десятков лет, желают управлять всем царством и поучать Царя и правительство. Что значат эти бунты рабочих, грубости детей, волнение молодежи, беспорядки и возмущение против власти, грубость прислуги, высокомерное обсуживание действий начальников и старших? Вот главное зло нашей жизни и отступление от заветов Спасителя! С малых лет мы в наших детях развиваем неуважение к Церкви, к ее служителям, при них смеемся над всем высоким и начальственным. Что же мудреного, что они начинают свои грубости с родителей, переводят их потом на учителей, а потом гибнут навеки.

Посмотрите, сколько этих учащихся и подростающих детей здесь перед вами; можно подумать, что это местечко обращено в большую школу. Дети – надежда будущего. И хочется сказать этим детям, припоминая сегодняшнее евангелие: Милые дети! Слышите ли, чему учит нас Спаситель? Нужно прежде всего помнить об обязанностях, а не о правах, – права придут сами собою. Помните, что жизнь не есть веселый и беспечальный праздник. Жизнь есть подвиг труда, терпения, страдания и смирения, и нужно миллион раз выслушать и исполнить чужую волю и чужое приказание, прежде чем исполнить волю свою. Горе тому, кто не умеет повиноваться: он недостоин права повелевать. Учитесь же в усердии, воспитывайтесь в смирении, запасайтесь уменьем повиноваться. Начиная от Спасителя, у всех великих работников царства Божия слава являлась после уничижения, воскресение – после страдания.

А нам взрослым урок: не уподобляться матери сынов Зеведеевых, не развивать в себе и в других чувств гордости и искания только власти и богатства: ведь если все будут искать этого, если все будут желать власти, то кто же будет повиноваться? Что было бы, если бы теперь войско не повиновалось в войне начальникам? Ведь тогда погибло бы государство. Точно так же погибнет вся жизнь, если в ней не хватает духа повиновения.

Но будем в повиновении искать и видеть не только силу и спасение жизни, не только исполнение заповеди Спасителя, но и высокое наслаждение. Не так давно один старец митрополит, чрез 50 лет высокой архиерейской власти, прибыл в тот монастырь, где он давно-давно был простым монахом и послушником, исполняя самые черные работы. Возведенный в самый высший сан митрополита, он принимал теперь этот монастырь в управление. Собрались монахи, ждали поучения. Старец-митрополит сказал: «Пятьдесят лет назад в этой обители нес я первые труды послушания. Как хорошо тогда мне было: все ясно, определенно все указано, ни за что не отвечаешь. Потом 50 лет я был архиереем и все приказывал, да наказывал. И вот, перед гробом говорю вам: лучше повиноваться, чем повелевать»…

Да, лучше повиноваться, чем повелевать!

И если теперь у нас нестроения в жизни, то причина одна: все желают повелевать, и никто не хочет повиноваться.

И если бы Бог восхотел наказать нас в теперешней войне, или в последующем мире: то это выразится именно в том, что мы забудем об обязанностях, и помнить будем только о правах…

Но ведь на таком основании никогда и нигде не строилась жизнь!

Пред нами образ Спасителя в нынешнем евангелии, и слово Его: Он пришел не для того, чтоб Ему другие послужили, но чтобы послужить и отдать жизнь Свою для избавления многих. Аминь.

Вечное торжество правды[118]

Христос Воскресе!

Да, Он воскрес на радость ученикам и миру, Он воскрес, несмотря на злобу врагов, уже торжествовавших над Ним победу, несмотря на охрану римской стражи, несмотря на тьму охватившей Его гроб ночи! Смерть не удержала в своих объятиях Начальника жизни, ад встретил в Нем своего Разрушителя.

Он воскрес, – и как гибнет тьма пред лучами восходящего светила, все одушевляющего и оживляющего, как бежит ночной холод пред теплом солнца, так гибнет пред вестью воскресения всякое уныние и веякие страхи; Он воскрес – и вселил этим в мир такую радость, бодрость, веру и жизнь, что пред ними померкла область самой смерти, и сущии во гробах оказались живыми! Яко исчезает дым, яко тает воск от лица огня, так исчезают из души, веруюшей в воскресение, последние сомнения, бегут колебания и всякие попытки врага истины поселить в ней смертные тени недоверия к добру и правде, неверия в их окончательную победу над миром злобы и лукавства.

Он воскрес... О, чудная, всеоживляющая весть! О, святая, дивная, всерадостная ночь воскресения! В волнах житейской суеты, когда смотришь на тебя издали, ты кажешься обыкновенною в среде других ночей года. Но пришла ты, светозарная, но заговорила своим властным языком, заглянула в душу, – и все осветила, всем завладела в глубинах сердца, и не уйдет от твоего возвышающего и обаятельного воздействия самая зачерствевшая в неверии душа! Недаром поэты всех времен и народов сложили в честь Воскресения Христова дивныя песни; недаром один из титанов нашей русской мысли, Ф. Достоевский, признается, что в эту ночь воскресения он впервые после горячего спора с атеистом, при первом ударе колокола к пасхальной заутрене, «реально опознал Бога»...

Конечно, прийти к этому дано не всякому. Только детство, с его непосредственною верою и свежестью чувств, видит, как в

этот день солнце на небе играет и переливается, да народ, этот великий ребенок веры, знает в непоколебимом убеждении, что врата рая в эти дни не затворяются и души умерших в чудный праздник Пасхи в небесном полете в горния блаженные обители не встречают себе никакой препоны.

Но чем дальше живешь, чем более вдумчиво относишься к окружающему, чем шире опыт, тоньше совесть и ближе последняя неизбежная грань бытия, – тем более чувствуешь всю неизмеримую глубину истины воскресения, именно в нем также как бы «реально опознаешь Бога»... Жизнь полна противоречий, зло торжествует так часто и так нагло, чувство собственного бессилия так тяжко, смерть так неизбежна и ужасна: куда укрыться от всего этого, где найти бодрость и радость? В воскресении нашего Божественного Учителя! Воистину, Он воскрес и по страдании Своем живым явил Себя ученикам Своим. Что было бы, если бы Он не воскрес? Тогда Пилат, и Иуда, и Анна с Каиафою, и лжесвидетели, и озверелая толпа, и завистливые книжники, – все бы они были хозяевами мира и были бы оправданы суровою правдою жизни. Но Он все-таки воскрес, доказал Свое Божество, оправдал Свое искупительное дело, восторжествовал над злом во всей его совокупности, умертвив самую смерть, – это зло коренное и самое страшное. Кто верует в Него, – а как в Него не веровать? – тот из уст Его в евангелии особенно часто слышит настойчивое, без конца повторяемое слово: во Мне ты имеешь жизнь вечную. Итак, пусть торжествует иногда зло, льется кровь невинная, поднимает голову Иудино окаянство; пусть мир полон несовершенства и противоречий, пусть человек нарушает нравственную гармонию мира грехом и падениями: Он все-таки воскрес, наш Учитель и Господь, Он смерть попрал, Он дал залог и надежду на окончательное торжество Правды вечной. Он и живым и мертвым возвестил о спасении от зла. Да, и мертвым: ибо с Его воскресением мертвого нет ни единого в гробе и «жизнь жительствует» во всем необъятном Божьем творении!

Как же не радоваться Его восстанию? Небу и земле несется ныне отрадный благовест, так хорошо в эти дни

символизируемый целодневным звоном в храмах. Христос воскресе! – так говорит миру, как живой, этот медный голос.

Донесется ли он до вас, наши дорогие братья-воины, хранящие мир наш? Или вы встретите и в этот святой день праздника коварного врага, великие труд, опасность, муки и смерть? О, с вами, с вами, дорогие, в этот день вся наша Россия во главе с Царем, и вся Церковь, сияющая и радостная верою в Воскресшего и смерть Поправшего! Где бы вы ни были, что бы с вами ни случилось – и в страдной жизни, и в геройской смерти, и по ту сторону могилы шлет вам привет святая родина; Христос воскресе! Победитель ада и смерти грядет к языческому Востоку, сидящему во тьме и сени смертной. Вы являетесь Его дружиною, отстаивающею жертвами и кровью Его достояние. Скоро ли забрезжит там вера в Воскресшего? Но слово Его не пройдет мимо: будет проповедано евангелие Его Царствия во свидетельство всем народам, и вся земля поклонится Ему, поклонится имени Его всякое колено земнородных! И тогда все друг друга обымем, рцем: братие, и ненавидящим простим вся воскресением... Свершится ли это чудо нравственного перерождения мира? Чтобы ответить на этот вопрос, надо дать вопрос другой: думалось ли бегущим к Мертвецу в цветущий сад Иосифа мироносицам и робким апостолам, думалось ли унылым путникам эммаусским, заплаканными глазами не узнавшим Воскресшего Учителя, – думалось ли им, что верующих в Воскресшего на земле будет столько, сколько мы их видим теперь?

Не думалось умом, но ясно гласилось в сердце Духом Божиим.

Сокрыты от веков и родов тайны Божии. Но одна тайна открыта: добро победит зло и Господь положит врагов Христа в подножие Его…

Ибо Христос воскресе, воистину воскресе! Аминь.

Свидетельство о Христе[119]

И будете Мне свидетели во Иерусалиме же и Самарии, и Иудеи и даже до последних (пределов) земли.

Свидетелями Господа Иисуса Христа повелено быть ученикам Его. До последних пределов земли завещано им возвестить принесенное на землю с неба евангалие царствия Божия, которому надлежит быть проповеданным всему миру и в слух и во свидетельство язычникам…

Великое посольство апостолов в мире! Велико им и обетование Господа: *«Я с вами во все дни до скончания века»*. Не потому ли они, как сказано в евангелии, и возвратились *с радостью* с горы Елеон в Иерусалим, хотя расстались с Господом, хотя, по-видимому, должны были печалиться, ибо видели собственными очами Его восшествие от земли на небо, ибо получили в завещание подвиг проповеди, за который, как и Сам их Божественный Учитель предрек им, им готовились беды и напасти, гонения, раны, темницы, мучения и смерть?

Возлюбленные! Радость обетования Господня при Его вознесении дана не одним апостолам; она со всеми верующими, а следовательно, и с нами со всеми во веки. Когда говорил Он Марии Магдалине: *«Восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему»*, – Он говорил тогда всем верующим в мире. Когда Он обещал пред вознесением: *«Я с вами во вся дни до скончания века»*, – Он обещал это всей Церкви, Им основанной, всем ученикам Своим, кто бы они ни были, где бы и когда бы они ни жили. Оттого-то и взываем мы радостно в сорокадневный праздник Воскресения: «О, божественного, о, любезного, о, сладчайшего, твоего гласа! С нами бы неложно обещался еси быти до скончания века, Христе, его же вернии, утверждение надежды имуще, радуемся».

Но с радостью вечного пребывания со Христом имеем мы пред глазами и Его завещание: будете Мне свидетелями – до последних земли. Не к одним только апостолам относилась и эта заповедь. Ибо было собрание до 500 верующих, когда Он

явился им на горе Галилейской и всем, и на все века сказал: *шедше научите вся языки*... И всем заповедано в молитве Господней просить Отца Небесного о том, чтобы святилось и славилось имя Его, и чтобы пришло Его царствие...

Как же, спросите, как мы можем быть Ему свидетелями? Как можем проповедывать евангелие Его царствия? Разве это лежит на обязанности не одних пастырей и учителей? Как простые люди, не призванные к учительству, неученые, бедные, безвестные, уединенные от мира, мы можем поучать мир?

О, воистину, безмерно широка и многообразна проповедь о Господе! И кто знает, кто больше содействовал и содействует ей: люди ли словесного и даже златословесного учительства, или простые сердца, простые верующие, которые в века былые широкою рекою благовестия, выраженного самою своею жизнью, пронесли по всему миру славу и силу имени Христова! Неисповедимы судьбы Божии, и в мироправящем Промысле все устроено так, что и так называемое великое и малое направлено к единой и вечной цели. Так в сложной машине и маленький винтик, и большое колесо – все рассчитано, пригнано и примерено, и все важно для дела. То же самое – все члены Церкви.

И мы, как бы ни были просты, как бы ни были бессильны: все мы, каждый в своем кругу! каждый по своим силам и по обстоятельствам, служим Христову благовестию.

И каждый самый простой иерей, возглашая: «Благословенно царство Отца и Сына и Св. Духа», – совершает апостольское дело. И самый препростой диакон одним кратким призывом: «миром Господу помолимся» уже свидетельствует о Господе. И последний клирик, взывая «Господи, помилуй», и молчаливый страж в церкви, возжигая свечу, убирая храм, подавая кадило и ударяя в колокол; и последний мирянин, устроив дома икону и лампаду, научив детей вере, исполнив долг исповеди и причащения, и каждый самый скромный труженик школы, заронивший в душу ребенка семя веры, и каждый самый скромный ученик, с усердием слушающий в школе слово благочестия, и самая безвестная из вас монахиня, совершающая свое молитвенное правило, и последний

прохожий, только перекрестившись около храма: все, все мы и каждый в отдельности, чрез это приобщаемся к апостольскому делу проповеди и свидетельства о Христе пред всем миром. А вот еще всем и всегда доступное высшее и лучшее свидетельство: свидетельство жизни благочестивой и богоугодной, наглядное приложение и исполнение заповедей евангелия!

Апостол в послании к коринфянам пишет современным ему христианам: немногие из вас мудры, немногие знатны. Но эти немудрые и незнатные силою примера высокой христианской жизни без слов так красноречиво проповедали евангелие, что через три столетия, несмотря на гонения и преследования, весь мир, и все мудрое, и все знатное склонилось к подножию Креста Господня, и он засиял на короне державных царей, недавних гонителей христианства. Позвольте в пояснение привести лишь один пример из жизни древних христиан.

Было однажды страшное моровое поветрие в языческом городе, люди умирали тысячами, все были объяты страхом. Забыв милосердие и братолюбие, язычники заботились каждый о себе. Больные лежали без призора; свои близкие, боясь заразы, оставляли их на произвол судьбы, лишая кружки воды и куска хлеба; мужья оставляли жен, дети бросали родителей и наоборот; мертвые без погребения валялись по улицам города. И вот тогда-то явились на помощь несчастным прежде гонимые в этом городе христиане. Они бескорыстно стали служить больным, хоронили мертвых бесстрашные в своей любви к гонителям. И что же? Когда окончилось моровое поветрие, не нужно было уже проповедывать Христа, – без проповеди, без убеждения город весь стал христианским.

Это было истинное и самое сильное и решительное свидетельство о Христе пред язычниками, во исполнение слова Господа нашего и Спасителя: *«Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, иже есть на небесех»*.

Итак, да не смущается никто заповедью относительно свидетельства о Христе: оно всем и всякому доступно в Церкви.

Но есть, возлюбленные, есть целые народы, несущие во главе с царямя своими дело апостольское, есть народы, как бы особенно избранные для того, чтобы свидетельствовать миру о Боге Истинном, а язычникам – о Христе, об Его Церкви, об Его спасении. Таков в Ветхом Завете был народ Израильский. В Новом Завете – вы сами узнаете этот народ: это – святая Русь. Испокон веков несла она Крест и проповедывала евангелие и на далеком Севере, и в равнинах Европы, и в глубине Азии; испокон веков отстаивала она Крест Господень от нападения врагов, и только Господь Единый ведает, сколько крови пролила Русь святая в защиту веры!

И теперь такая точно война ведется Россией на Дальнем Востоке. Полчища язычников, за которыми дремлют, но готовы пробудиться новые необозримые их миллионы, устремилась на православную Россию. Мы не хотели и не ждали войны, и потому она особенно тяжела для нашей родины.

Но Россия ведет войну в защиту Креста, во свидетельство языком – до последних земли. И молим мы: да благословит Господь оружие Крестоносного Императора нашего, день рождения Которого мы ныне празднуем. В нынешний день и в настоящие минуты Государь находится далеко от Своей столицы – среди войск, отправляющихся на войну. Он благословляет Свое воинство на брань. Да станет с ними над ним вся благословляющая Россия, а над ними – Сам благословляющий Христос. Призовем всеми молениями сердец это Божие благословенье Царю и России. Много крови наших братьев прольется, много и долго будут литься в России в городах и деревнях горючие слезы об убитых сыновьях, мужьях и братьях...

Господи! Призри на скорбь народную, призри на слезы вдов и сирот и оставленных престарелых родителей! Вниди, Господи, в воскликновении и в гласе трубном, пройди пред лицом воинства нашего! И как в дни былые Ты дал нам хребет нечестивых супостатов и даровал нам водрузить Крест над мусульманским полумесяцем, так и ныне сподоби Русь святую вознести сияющий Крест Твой и над гордым языческим знаменем Восходящего Солнца! Аминь.

Царь, Россия и война[120]

Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася эиждущии; аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий (Пс. 126:1).

Это, братие, исповедание древнего царя, избранника народа, «царя по сердцу Божию». Полное религиозной веры, полное глубочайшего смирения и всецелой преданности высшему, Божьему мироправлению, оно разделялось всем его народом и передано, волею Духа Божия, в завет и руководство народам грядущих времен на веки вечные.

Глубоко напечатлел в своем сердце этот завет наш русский народ и с трогательною верою, с полным послушанием урокам небесной мудрости осуществил его и в частной жизни, и в своем тысячелетнем государственном строениии. Наглядный тому показатель – это благочестивый обычай на Руси всякое дело начинать молитвою; наглядным тому показателем служит и наше нынешнее молитвенное собрание; но в особенности, но главнее и величественнее всего таким показателем является событие священного помазания Царя нашего на царство, которое сегодня воспоминает, торжествуя, вся великая и святая Русь.

Ибо что такое священное торжество Царского коронования, как не яркое проявление религиозной идеи, всецело проникающей русскую государственность? Что такое священное коронование Царей, только в одной России сохранившееся во всем внешнем величии своем и во всей глубине сокрытого в нем смысла, как не всемирное исповедание русского воззрения на Царя, выраженного метким народным словом: «Царь- от Бога пристав»? Что это, как не торжественное выражение глубоко христианского верования, что царство земное должно быть воплощением и осуществлением вечных планов, задач и законов царства Божия, небесного? Когда Царь приемлет избрание и помазание от Святого, когда власть, силу и державу приемлет Он не от людей, не по жалким и шатким договорам с ними, а от Бога, тогда самая власть получает характер религиозно-отеческий, т.е. изначальный и существенный вообще

для власти; тогда и ответствует Царь и царство пред Богом; тогда между законом Божим и законом царства не может быть протнворечий; тогда самое государство принимает характер религиозно-нравственный, сливаясь с Церковью, ибо законы Бога суть правда и святость.

Велико значение этой религиозной идеи, ясно сознанной и последовательно осуществляемой в жизни и исторической деятельности народа. Она освещает ему жизнь яркою путеводною звездою; она осмысливает его прошлое, его настоящее; она дает ему мерило и руководство для определения будущего. Но как в жизни отдельных личностей бывают моменты, когда сознание высшего религиозного долга и высшего призвания проясняется и вспыхивает особенно ярко в человеке и становится повелительною силою, руководящею его в жизни и деятельности, властно определяющею его поведение в данный момент, так и для целого народа, для целого государства бывают особо величественные моменты жизни, когда пред народом открывается величайшее дело, величайший подвиг, правильное разрешение и исполнение которого возможно только при ясном сознании им своего высшего мирового Божьего призвания и религиозно-определенного долга. Тогда исторический долг народа повелительно определяет ему поведение, и он не может отступить от высших велений, какого бы труда, напряжений и жертв ни потребовал от него подлежащий ему подвиг: пред ним меркнут и отходят на второй план все прочие интересы жизни.

Но спросят: все ли ясно понимают эту религиозную идею народа, все ли сыны его ясно представляют свое мировое высшее призвание? Конечно, не все. Но как в теле принято относить разумно-сознательную работу к голове, которой как бы повинуются прочие члены, так и в народе: представители его мысли и жизни, его вожди должны сознавать и особенно в выдающиеся моменты истории должны исповедывать делом и словом призвание народа и им руководиться. И как в теле многое и притом самое важное для его жизни и благополучия совершается бессознательно или малосознательно, как в жизни тела часто и притом безошибочно действует врожденный и

Творцом вложенный в человека могучий жизнеохранительный инстинкт, так и в народе: многое он понимает, не умея только выразить этого ясно и точно, а ко многому он стремится в своей исторической жизни, руководясь не ясно сознанными полями, а смутным чувством, безошибочным инстинктом, воплощенным в народные предания. Определить и уяснить себе такое движение народа можно только в исторической перспективе; с этой именно точки зрения, при взгляде назад, на пройденный Россией тысячелетний путь, становится ясным и разумным, планомерным и целесообразным величественный ход и движущие начала ее жизни: Киев, Новгород, борьба за северные реки и южныя степи, путь к Черному и Белому морям, походы в Цареград чрез «Русское» море, Волга, Ока, Вятка, Казань и Астрахань, Урал и Сибирь, Кавказ и Крым, – и эта загадочная, таинственная тысячелетняя тоска песни преданий и мечтаний народа, живущего на суше, о синем море, эти порывания к дальнему морю-океану... Здесь намечен нами только внешний рост России, указано только средство, данное ей свыше для достижения призвания неизмеримо важнейшего; оно – в утверждении царства Божия по пути всего этого великого движения от берегов Днепра и Ильменя до берегов всех морей и океанов; оно – в водружении креста и проповеди евангелия, по завету Спасителя, до последних пределов земли (Деян. 1:8). Призвание это, мировое и великое, – наша честь и слава, и наше нравственное право на бытие, но оно – вместе с тем тяжкий долг наш пред Богом и человечеством; оно выстрадано русским народом, полито его кровью, потребовало много тяжких жертв и, конечно, потребует много этих жертв и в будущем. Оно обвеяно его поэзией, его ясновидящими преданиями, мистическими предчувствиями. От него мы не можем, не смеем, не в силах отказаться: это было бы не только позором, не только изменою высшему предназначению и царству Божию, но и отказом от самого нашего бытия.

Повторяем: бывают моменты в жизни народа, когда его призвание выступает пред ним особенно ярко и властно, когда религиозно определенный долг народа поставляет его пред великим и тяжким подвигом. Такой именно момент переживаем

мы теперь, в настоящее время войны на Дальнем Востоке, к которой приковано все наше внимание, и думы дня и видения ночи… Религиозная идея царства нашего, столь величественно выраженная в священном помазании наших Царей, высшее предназначение России и ее исторический долг, – вот чем должны теперь определяться все наше поведение, наши помыслы, взгляды и настроения. Пред этим мерилом мысли и жизни пусть умолкнут голоса трусости и малодушия, презренные вопли и шопот злоречия и шипящей сплетни, что иногда омрачают, к сожалению, благородный подъем народного духа в наши дни.

Мировое призвание России определяет цену нынешней брани. Не будем много говорить о том, что мы не начинали войны, и что в своих непосредственных отношениях к Японии Россия никогда и ничем ее не обижала, ничего у нее не отнимала.

Но спросим: кто и с кем воюет? Россия прожила тысячу лет и за это время много поработала для всемирного блага и общечеловеческого счастья: сломила восточное варварство; спасла от разгрома европейскую цивилизацию, заслонив собою нашествие диких орд; освободила православный Восток, подавила истребительный разлив мусульманского фанатизма; дала политическое существование не одной народности, образовала Империю, в которой нашли себе жизнь и покой множество племен, прежде занимавшихся взаимным истреблением; наконец, на огромном протяжении территории, равной $^{1}/_{5}$ всего света, она насадила порядок блага, культуры и мирной жизни, основанной на христианстве, воспринятом в самое существо народного русского духа. Что же сделала Япония для мира? Существует она, если верить ее кичливым историкам, целых три тысячи лет, и что же, кроме горя, слез и страданий, принесла она всем, кто имел несчастье с нею соприкасаться?

И мы воевали, но наши войны все были идейными, а японские войны для Кореи и Китая были только разбойничьими набегами. Теперь Япония тянется к мировой роли и нескрываемо ищет приобрести для себя мировое значение. Но

ведь такое значение основывается и вырастает не на властительстве, а на жертве; его надобно *выстрадать,* чтобы приобрести на него право нравственное, а не насильническое. За кого же в этой брани может стать мыслящий и честный человек, кто будет прав пред лицом Бога и истории? Неужели права будет Япония, и только за то, что в течение последних 30 лет она, в дополнение к азиатскому коварству, овладела верхушками европейской цивилизации, переняв из нее тайну стрелять хорошо из пушек и подводить разрушительные мины?

Религиозная же идея дает смысл и нашему патриотизму, нашему воодушевлению, дает смысл и жизни, и смерти наших воинов. Удивительно, как в великие моменты истории ярко вдруг сказывается основной тон жизни народа. Царь напутствует молитвою и св. иконами отправлякщияся на брань войска. Народ во всех своих сословиях не нашел иных способов выразить свои благожелания главным вождям армии и флота, как поднесением им таких же религиозных символов. В геройском морском бою на палубе судна видим мы священника, не отходящего от места, где рвутся снаряды, где льется кровь и носятся грозные тени смерти, и с иконою в руках благословляющего умирающих. На судне, где погиб с дружиною верных сподвижников главный вождь наших морских сил, гибнет вместе с другими и служитель Церкви. В страшном неравном бою на суше во главе геройского полка также идет священник, бестрепетный, решительный, сознательно приготовившийся к смерти молитвою, и несет пред лицом воинства Животворящий Крест Господень. Наш солдат умирает спокойно и величественно, и сами враги свидетельствуют о нем, что он терпеливо переносит все муки и в последния минуты жизни его коснеющие уста шепчут молитву, а глаза устремлены к горнему небу. Что может противопоставить Япония этому святому воодушевлению? Храбро сражаются ее сыны и бесстрашно умирают: но что, какая высшая сила осмысливает этот патриотизм? Ведь патриотизм имеет смысл и нравственное значение лишь в освещении и освящении религиозной идеи и в сознании высшего Божьего призвания отечества; вне этого он не выше простого зверства и самого обыкновенного грабительства

и себялюбия. И неужели смерть того японца, который, видя неминуемую гибель своего судна, закурил сигару на виду у врагов и так погрузился в волны морские, – неужели эта бравада и рисовка пред вратами вечности выше христианской смерти русского солдата, который освящает себя великими таинствами покаяния и причащения, надевает чистую рубаху, крест – благословение матери, и с крестным знамением, с верою в правоту своего дела и в жизнь небесную оставляет жизнь земную?

Религиозная идея и сознание мирового призвания России должны определять теперь и наше настроение, и наше отношение к войне и военным известиям. Только в свете этих руководящих начал мы найдем силы для терпения, мужества и спокойствия. Всего бывает на войне, и она не обходится без жертв и неудач. Но ведший народ способен выслушать и горькую правду; его сила – в спокойствии и терпеливом ожидании, вытекающих из веры в правоту и торжество своего дела и в Божье благословение. Не за военными лаврами, не за добычею посылает теперь Царь Свои войска на дальнюю окраину России, а для того, чтобы защитить отечество от коварного нашествия врага и, если нужно, умереть за него. И не своей славы ищет Россия, а славы Бога и Христа Его: *«Не нам, не нам, а имени Твоему даждь славу»,* взывает она словами древнего царя-молитвенника (Пс. 113:9).

Поэтому нам не нужны, как детям или больным, ложные подбадривающие известия; нам не страшны должны быть никакие неудачи войны; в наших сердцах не место малодушным опасениям за судьбы отечества, если только мы веруем в Бога, в Россию, в религиозный и освященный в святом помазании союз Царя и народа и в мировое призвание нашей великой родины. И смотрите, как сказалось все это на наших глазах. Минувший третий месяц войны был полон для нас тяжких потерь. И что же? В эти пережитые нами безрадостные дни люди, по преимуществу холодные к вере и Церкви, не имеющие связи с народом, они-то и потеряли голову, нервничали, преувеличивали опасности, сочиняли нелепые вести и сами им со страху верили… Но тяжкий млат, дробя стекло, кует булат.

Величаво спокоен наш верующий народ. Он готов принять безропотно ниспосланное нам Провидением испытание, он готов до конца исполнить долг свой в тех именно условиях, в каких застала нас война, никого не осуждая, не ища злобно виновных, не теряя присутствия духа, – а засим все предать воле Божией; он верит, верит глубоко, что *«Господь крепость людем Своим даст, Господь благословит люди Своя миром»* (Пс. 28:2).

Возлюбленные братья, сыны России! Утвердимся в этих мыслях и чувствах и станем ныне все с нашими молитвами и с горячею любовью около Царя нашего, на плечи Которого выпало теперь тягчайшее бремя войны! Возложим упование на Господа, тысячу лет хранившего нашу верующую Россию. *«Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии, аще не Господь сохранит град, всуе бде стрегий»*… Будем же верить, что не даром Господь создал дом нашего царства и охранял его грады! Будем тверды и спокойны, будем исполнены веры в правоту нашего мирового призвания, нашей государственности, нашей нынешней брани, и в союзе с боговенчанным Царем нашим, при Божьем благословении, нам дано будет и видеть, и принять участие в совершении великого народного дела: станет наша родина на высоте своего великого, Богом указанного призвания, водрузит Русь святая Крест Господень над языческим знаменем восходящего солнца, как некогда водрузил его народ наш над мусульманским полумесяцем. *«И будет в день оный»* народ святорусский *«возстаяй владети языки; на того язы́цы уповати будут, и будет покой его – честь»*… (Ис. 11:10). Аминь.

Радость храмоздания[121]

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь (Пс. 117:24).

Только на святую Пасху поют эти слова в церкви. Но не удивляйтесь, возлюбленные, что и сегодня ради торжества освящения вашего храма мы в слове церковного поздравления и поучения вам приводим и повторяем те же слова торжества и радости духовной: *«Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь».*

Есть чему радоваться, есть от чего веселиться: ныне в этом храме *с нами Бог!* Только каменное сердце, только ледяная душа не поймет и не восчувствует, какое великое благо приносит людям дом молитвы, дом Божий, ясно глаголющий в сердца наши, что *с нами Бог*. Только совсем потерянный человек не встрепенется душою, зная и видя, что около него и для него явлена богодарованная святыня.

Вспоминаются нам древние времена.

Вот евреи, после 70 лет тяжкого плена в чужой Вавилонской земле, возвратились на родину, в святой Иерусалим, от которого остались для них одни развалины. Что же они делают прежде всего? Нет домов, нет улиц и площадей, нет у них полей, садов и огородов; народ питается кое-как, живет под открытым небом, ютится около развалин, его печет солнце, его мочит дождь, мучит стужа… Однако, что же делает народ прежде всего? Раньше всяких других зданий он на свои скудные средства, на последние средства, вынесенные из плена, строит храм Божий в Иерусалиме. И какая радость была для всех, когда пред их глазами вознесся к небу величественный храм, место Божьего обитания!

Вот древние христиане ищут величайшую святыню свою – Крест Господень, на котором некогда распят был наш Спаситель. Долго их гнали, мучили, предавали смерти; долго лилась их кровь в свидетельство веры и любви их к своему Господу; долго не смели они и помыслить приблизиться к Голгофе и предпринять поиски в глубине земли, чтоб обрести

сокрытый в ней Крест, чтоб облобызать бездонную святыню и ей поклониться. И только вступил на престол равноапостольный царь Константин, – его мать Елена, ревностная христианка, и с нею тысячи верующих стали искать прежде всего святой Крест и постарались даровать миру эту святыню. И когда она обретена была в недрах земли после чудодейственных знамений, и когда вознесен был Крест Господень пред очами великого множества народа: какая радость объяла все сердца, какие глубокие чувства веры, любви, покаяния всколыхнули все души и вырвались и воплотились в краткой, но вечной, и глубокой, и единственно приличной для грешника молитве: *Господи, помилуй!*

Сия радость и для вас, братие, ныне исполнилась. Долго вы воздыхали о святыне, о своем храме; давно заложили его основание; давно томились душами увидеть этот день, и вот в праздник равноапостольных Константина и Елены, коих защите и покрову вы вверили себя с первых дней пришествия сюда и теперь посвятили самый храм, посылает вам Господь давно желанную радость. Отныне священнодействием архипастыря и его сослужителей утвержден здесь престол Господень, явлена вам величайшая *святыня!* Отныне освящен для вас этот храм и в нем будут совершаться святейшие таинства, спасающие грешную душу любовью и искуплением Спасителя, прощением грехов и соединением с Богом; отныне будет совершаться здесь богослужение, возносящее дух наш к небу на крыльях молитвы; отныне будет здесь возглашаться слово Божие, – сама истина, просвещающая наш слабый разум знанием Бога и Его закона... Отныне открывается здесь святое училище для малых и старых: приходите, почерпайте здесь обильно пищу и питие духовное!

Воистину может прийти к вам и радость оная, юже имяше блаженная Елена, егда обрете святый Крест, – при виде этой святыни; воистину, в сей день освящения храма не чужда вам радость древнего Израиля, воздвигшего храм Господу в Иерусалиме после томительных 70 лет пленения.

Благодарение Господу за Его великие благодеяния!

Благодарение возлюбленному нашему Государю Императору, от щедрот Своих даровавшему пособие вам,

малому стаду, на сооружение храма!

Благодарение нашему доброму и заботливому архипастырю, экзарху Грузии архиепископу Алексию: столько заботился, столько трудился он для того, чтобы увидать сей храм начатым в постройке после давней закладки фундамента; столько расточал он к вам слов поучения и просьбы и похвалы и укоризны, и снова просьбы и поощрения, пока не увидел сей храм оконченным! Благодарение главному начальнику всего нашего края и представителю власти Царской князю Г.С. Голицыну, который дал вам щедрое пособие на последнюю достройку храма!

Благодарение благочестивым ревнителям и жертвователям на нужды и благолепие вашего храма!

Благодарение тем из вас, братие, которые здесь трудились, возили материал, помогали в работах; тем, которые верили в окончание святого дела, несмотря на нужды и недостаток средств, слушались советов и просьб нашего архипастыря, и вот теперь дожили до того дня, когда ваша вера и надежда не посрамились, но восторжествовали над опасениями и унынием!

Но одних слов благодарности мало: благодарность в делах, а не на словах. Надо послужить, надо самым делом отблагодарить тех, кто оказал вам благодеяния.

Чем послужите Господу, даровавшему вам эту святыню? Будьте ее достойны доброю верою и правою жизнью. В храме *с нами Бог:* нужно, чтоб и мы были с Богом. Храните же православную веру, держите твердо церковные обычаи, неопустительно посещайте храм, учитесь Закону Господню! Когда на дворе темно, в доме зажигают свет. Смотрите же: кругом вас растет духовная тьма, народ наш часто впадает в пороки, в пьянство, в пагубное сектантство. Зажигайте же свет в своем доме духовном, – в душах ваших зажигайте свет веры, возгргевайте и пламенную ревность по вере. А охраною для вас будет служить этот св. храм и совершаемые в нем таинства и богослужение. Исполняйте же долг христианского говения, освящайтесь покаянием и тайнами Христовыми; освящайте дома молитвою церковною, поминайте умерших, молитесь о живых; во всем и всегда поступайте, как истинные христиане,

по-Божьи, по-православному. Мало вас: но тем более нужно вам под сенью этого храма, под руководством пастыря собраться и сплотиться в единый дружный и крепкий *приход* и беречь и любить все приходское: церковь, богослужение, школу. Школу вам дали и щедро при ее устройстве помогли: пусть же она будет полною. Слышите, вот вам приказание, и просьба и завет нашего архипастыря: чтоб у вас ни один мальчик, ни одна девочка не остались без ученья, всех непременно посылайте в школу! Стыдно вам будет, если вы измените Богу, измените храму: это будет незамолимый грех Иудин. Стыдно вам будет, если вы не оправдаете забот и тревог о вас духовной власти.

Чем воздадите и чем послужите Всемилостивейшему нашему Государю, столь щедро вам благодеявшему?

Молитесь о Нем, возлюбленные, особо усердною молитвою! Молитесь прилежнее теперь, в эти тяжкие дни войны, когда сердце Царя нашего полно тревог печали! Будьте добрыми верноподданными и исполнителями Царского закона, и любовь, преданность Царю завещайте детям и внукам в роды родов. Трудитесь здесь честно в вашем звании; храните и возделывайте землю вашу; покажите пример домовитости, порядка, доброхозяйственности. Живите правильным сельским обществом, выполняйте добросовестно все общественные обязанности, будьте дружны, согласны, берегитесь пьянства и всякаго вида раздора. Пусть все общественное, как и все церковно-приходское, будет у вас в порядке: и вы будете верными слугами своему Государю. Пусть все окружающие вас жители здешнего края видят, что вы не напрасно сюда переселились, что вы вполне заслуживаете заботливости Царя и начальства. Пусть они видят в вас образец труда, порядка, согласия, трезвости, чистоты семейной и исполнения законов. И пусть никто и никогда не пожалеет о том, что вас сюда переселили.

Вот вам благожелания наши в нынешний день.

Господь даровал вам святыню: будьте ее достойны.

Государь оказал вам милость: заслужите ее и оправдайте вашею жизнью.

А в заключение – поздравляем вас, братие, от всей души с торжеством вашим!

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь! Аминь.

Единение в церкви[122]

Евангельское чтение предложило нашему вниманию священный рассказ о исцелении Спасителем слуги сотника Капернаумского. Великую, редкую похвалу воздал Спаситель этому сотнику и, очевидно, в этой похвале и заключается главное нравственное поучение предложенного нам чтения. Вдумаемся же и всмотримся в евангельский образ, извлечем для себя отсюда нравственный урок и вывод. Этот образ поражает своею определенностью и цельностью. Мало о нем сказано в евангелии, но из этого малого совершенно ясно вырисовывается образ человека, в духовном отношении совершенно созревшего. Вера, любовь и смирение – вот истинные черты его духа.

Велика его вера, велика и мужественна. Он, сотник римский, начальник стражи, живет среди народа еврейского, к которому иные в его положении относились только с презрением. Но он духовно сжился с этим народом, прозрел в истину исповедуемого им богопочтения и богоугождения, сделался прозелитом не на словах, не в душе только, но и самым делом, ибо выстроил для города синагогу. Видимо, он уразумел лучше даже многих израильтян и самую сущность богооткровенного ветхозаветного закона: ожидая Спасителя, стремился к Нему всем существом и узнал Его, пришедшего. Он, невзирая на неверие книжников и фарисеев и авторитетных руководителей религиозной жизни народа, с которым он слился воедино по своим верованиям, узнает Спасителя, верует в Него, обращается к Нему всенародно с просьбою, в которой звучит такая глубина веры: *«Господи, отрок мой лежит в дому люте страждет: но рцы токмо слово, и исцелеет отрок мой!»* Слышите ли просьбу сотника? В ней сказалось истинное воспитание в законе Божием, в заповедях Моисеевых, в ней сказалось сердце, глубоко любящее. Не о себе, не о своих родных, – нет, за своего слугу просить сотник Господа Иисуса. Чтобы понять величие души сотника, нужно знать и ясно представить себе время, в которое он жил. Это было время

господства рабства, это было время, когда личность человека ценилась ни во что, когда раба продавали наравне с домашними животными, когда рабов убивали и мясом их кормили животных в зверинце или рыб в садках, чтобы сделать мясо их вкуснее. Это было время, когда близость к рабу почиталась унижением, а жестокость считалась признаком благородства, силы воли и надлежащего поведения, достойного звания настоящего господина и человека. При таких-то условиях сотник Капернаума показывает нам пример истинно человеческого отношения к своему слуге и обращается о нем с мольбою к Спасителю.

И как смиренно он просит! Он считает себя недостойным принять И. Христа в дом. Он верит, глубоко верит, что стоит только Спасителю изречь слово – и исцелеет его отрок!

Вера, любовь и смирение наполняют все существо сотника, которая на все века является образцом этих чисто христианских добродетелей. Когда всмотришься в его образ, видишь и чувствуешь, что не напрасно он удостоился великой похвалы Спасителя.

Но есть в сотнике еще одна черта, на которую следует обратить внимание вам, наши слушатели.

Наше время есть время крайнего развития так называемого национализма и всяких плёменных счетов. Сколько на этой почве выростает несправедливости, злобы, подозрительности, сколько вырастает препятствий для христианского общения людей между собою! Сколько несправедливого преувеличения своих плёменных достоинств и чужих плёменных недостатков.

Братие! Во всяком языце делаяй правду пред Богом приятен Ему есть. Есть родство между людьми высшее, чем родство по крови и племени: союз духовный, религиозный, родство и единомыслие душ и сердец в Боге. Сотник таким именно союзом сродства с чуждым ему народом еврейским перешел чрез все препятствия и возможные насмешки, презрения соотечественников, и шел только к правде и свету, к которым стремилась душа его.

Пусть это послужит примером для нас, братие, в таком многоплеменном крае, как наш Кавказ. Вера Христова у нас

одна, одна Православная Церковь, одна духовная сущность, – и ваша задача, народные учители, подчеркивать эту духовную сущность единую и неделимую. Только тогда наша духовная жизнь пойдет прямым и уверенным путем и приведет нас к тому, что Христос Спаситель назвал царством Божиим, тем царством, в которое призвал Он весь мир, все народы, дальних и ближних, дабы соделать из всех одно и устроить царстве Свое.

И царствию Его не будет конца. Аминь.

Помощь больным и раненым воинам[123]

И принесоша к Нему расслабленна жилами, носима четырьмя…

Немногие, быть может, знают, какое воспоминание совпадает с нынешним воскресным днем. А воспоминание это полно глубоких знаменований и как нельзя более соответствует переживаемым нами событиями.

Около 200 лет тому назад Россия вела тяжкую войну. Стоял пред нею вопрос: быть или не быть ей государством в Европе; стоял вопрос еще более важный: остаться ли на свете хоть одному православному царству, потому что Византия к тому времени пала, Грузия была порабощена исламом, а славянские древне-православные царства лежали в развалинах. Долго неудачи преследовали Россию; против нее направили оружие самый искусный полководец того времени и самое сильное в то время государство в Европе. И вот под Полтавой в тяжком и кровавом бою Господь благословил оружие наше. Россия была возрождена этой победой к новой жизни, она заняла свое место пред западным миром и его народами, она могла сохранять и отстаивать свое мировое призвание – удержать святое православие, подать руку единоверным братьям, отстоять Крест Господень пред полчищами неверных.

Неудивительно, что и Церковь и государство чтили и чтут день 27 июня, день Полтавской победы, воспоминая великое значение милости Господней к России.

Прошло два века, и сказались плоды богоданной победы: Россия выросла в великое государство, и гордые народы гордого Запада должны были признать и ее силу и ее величие.

И вот, в наши дни снова Бог судит нашему отечеству пережить такую же опасность, но уже с Востока. Опять подымаются на нас полчища врагов; опять самый воинственный народ Востока вторгается в наши пределы, пользуясь миролюбием русского народа, не готовившегося к войне, верившего в чужую добродетель и в честность слов и намерений Японии. И опять льется кровь, и опять решается

вопрос: быть или не быть России великим государством пред лицом Востока, и еще важнее: что победит, Крест, или языческое восходящее Солнце, кто восторжествует, Христос, или древний Дракон, и дано ли будет России исполнить свое мировое призвание – нести имя Христово до последних пределов земли? Неудивительно, что и теперь Церковь и государство всем вниманием прикованы к этой великой борьбе..

Можем ли мы оставаться равнодушными к переживаемым событиям? Но для этого нужно иметь каменную душу и ледяное сердце. В этом случае нет и не может быть никакой разницы между различными племенами, населяющими Россию: кто бы они ни были – грузины, армяне, татары, евреи и т.д., – все они укрылись под могучими крыльями русского орла, все они связаны самыми кровными своими интересами с Россией; ее счастье – их счастье, ее сила – их сила, ее ослабление, бедность, падение отразятся и на них несчастьями и слабостью.

Но мы – не военные люди; мы – мирные граждане и труженики. Как же мы выразим участие наше в войне?

В прочитанном сегодня евангельском и апостольском чтениях мы найдем ответ; нам указана возможность послужить ближним и в слове и в деле. Мы слышали в евангелии, как исцелил Спаситель расслабленного больного, простив ему грех за веру его и за веру тех, которые принесли его. И эти четверо, – друзья больного, безвестные люди, что взяли и, за невозможностью пробиться сквозь народ к Спасителю, подняли больного на кровлю, прокопали потолок и спустили его к ногам Иисуса, – какие это добрые люди, как достойны они подражания!

О, сколько и теперь таких расслабленных, больных, раненых, страдающих на дальних полях Маньчжурии! И как они нуждаются в нашей помощи! И как велико пред Богом и людьми это служение болящим и страждущим!

Воспоминается величайший постник и пустынник подвижник Макарий. Однажды посетил он больного пустынника-монаха и в беседе участливо спросил его: «Чего тебе хочется, брат?» «Пастилы», – отвечал больной. И что же? Оставивший давно мир, отвыкший от городов и людных селений, идет Макарий

десятки верст по знойной песчаной пустыне, подвергаясь всевозможным опасностям, – идет в огромный город Александрию, покупает пастилу и приносит больному брату.

Позвольте занять ваше внимание рассказом и о другом случае в древней монашеской обители. Умирал молодой инок; около него собрались в смущении и тревоге братья обители и смутны были их души, боялись они за загробную участь умиравшего: умиравший поздно являлся в храм, не выстаивал всенощных молитв, не отличался подвигами поста и воздержания. Во главе собравшихся у одра умирающего стоял игумен обители, знаменитый святостью, уважаемый старец. И вот что вдруг говорит старец умирающему иноку: «Иди, брат, в мире; дух твой будет зреть славу Бога Трисиянного; тебе уготовано блаженство Христом Господом». Удивились и смутились иноки похвале брату, который казался им нерадивым и даже недостойным. Старец разъяснил им: «Досифей, – это было имя умирающего, – Досифей не нес подвигов воздержания, сохраняя силы телесные, чтобы служить больным; ради них он опаздывал к общей молитве, ради них он оставлял наши всенощные бдения. Скажите, какому больному он отказал в помощи, скажите, каким больным или какою болезнью он погнушался? А ведь Господь сказал: Я был болен, и вы посетили Меня, а что сделали вы одному из братий, то сделали Мне. Почему и уготован Досифею венец славы».

Вот как смотрели древние отцы и учители на подвиг служения больным.

Стоны наших больных и раненых братьев несутся теперь по России: слышите ли их вы, возлюбленные, не слухом, а сердцем? К нам протянуты руки тех, которые за нас проливали свою кровь, которые жизнью отстаивали покой и процветание нашего отечества в настоящем и будущем. Отзовемся же на их стоны и мольбы, как отозвался милосердный самарянин в притче Господней: когда он не мог сам ухаживать за несчастным, он вынул два сребренника и, передавая гостиннику, сказал: «Поухаживай за ним, и если ты что истратишь лишнее, я по возвращении отдам тебе».

Пусть на поле брани сестры и братья милосердия, наша благородная молодежь, наши многие-многие добрые женщины, а в последнее время, как слышим, и монахи и монахини самым делом подражают тем четырем евангельским друзьям расслабленного, которые принесли его к ногам Иисуса. Мы поможем им из нашего далека и сочувствием, и молитвами, и посылкою денежной помощи. Ознаменуем этим добрым делом нынешнее торжество взаимной молитвы с архипастырем, ознаменуем этим и день воспоминания Полтавского боя. Слово же поучения нашего закончим словами святого апостола, глаголющего:

«Братолюбием друг ко другу любезни».

Сейчас я пройду за сбором пожертвований по храму. Узнав об этом сборе, один добрый человек, пожелавший остаться неизвестным, передал мне 50 рублей, которые я и полагаю на это блюдо. Господь да воздает милостью Своею доброму жертвователю. Аминь.

Уроки прошлого[124]

Что сказать с церковной кафедры в поучение незнакомым слушателям? Какой предмет избрать и где найти повод для церковно-учительного слова?

Вот вопросы, которые естественно могут занимать и смущать душу того, кто призван в настоящие минуты говорит с высоты этого священного места. Но неисчерпаема область христианского поучения, и оно, это поучение, само просится в ум и сердце и само ищет вылиться в слово при первой же попытке вдуматься в переживаемые нами обстоятельства.

Пред нами, братие, архипастырь, ныне вступивший в общение молитвы, в это великое таинство единения с пасомыми, живущими в отдаленной окраине вверенной его духовному водительству обширной епархии. И прежде всего, самый этот край, его минувшие судьбы, его кровавая история, – все это уже служит предметом глубоко-вразумительного поучения.

Это – край светлых воспоминаний древней Месхетии, где счастливо жили лучшие представители Грузии, где процветало просвещение, где красовались многочисленные храмы и обители, где пышным цветом росло и благоухало и плод приносило древо православного христианства. Это – край, куда некогда блаженная царица Тамара безопорно и безраздельно простирала свою власть, объединяя в вере и уповании сынов впоследствии разделенной и растерзанной Грузии. Это – край, откуда она, опираясь на церковное и государственное единство Грузии, выражаясь меткою народною речью грузин, «межевые знаки поставила в море, Эрзерум сдала в аренду». Да, было здесь некогда державным святое православие, был могуч и счастлив и христианский народ, объединенный в христианском царстве, подчиненный не за гнев, не по страху, а за совесть единой царственной власти вместе со своими местными правителями, которых называли прекрасным, выразительным и знаменательным именем атабеков, т.е. правителями-отцами. И все это сделала одна только благодетельная сила: святое

единение. И, однако, какая горькая судьба постигла этот цветущий христианский край! Чье сердце не содрогнется и чья не содрогнется и не ужаснется душа, при одном представлении этой злой судьбины! Из глубины минувших веков восстает она пред нами полная грозных предостережений, полная суровых и укоров, и уроков. Не одной силой Турции объясняются бедствия этого края. Были на то и местные причины, и местные виновники. Раздушилась единая Грузия при царе Александре; захотели и здешние правители-отцы в своем маленьком уголке небольшой Грузии полной самостоятельности; разобщили себя от единства христианского царства, и вот, разразились над краем этим бедствие за бедствием. Местные правители, ослабив Грузинское царство, уже не могли найти у него помощи, когда пред ними восстала опасность. И вот, разрушительным потоком пронеслись по этому краю враги Креста; пришли неверные в наследие Божие, осквернили храмы, разорили обители, пролияли кровь сынов этой страны, как воду, положили трупы их в пищу птицам небесным и зверям земным, и не бе погребаяй. Поникла главою к земле, как скошенная трава, цветущая христианская Церковь, замолкли голоса славословия Богу, замолкло ученое слово, погибло просвещение, померк Крест пред полумесяцем, истреблен духовный вождь народа; наконец, исчезли святыни, народ под тяжким игом изменил вере отцов, и только развалины многочисленных храмов да небольшая горсть оставшихся героев веры, обреченных на мученичество, напоминали о том, что здесь некогда было. И вместо правителей-отцов здесь воцарились правители-звери, турки-мусульмане, обратившие быстро страну в пустыню. Все это сделала одна только злая сила: губительное разделение.

Так продолжалось до тех пор, пока волею Божией не восстал другой Александр; Александр I-й, Царь Русский, соединил разрозненное во единство гораздо более великое, могучее и прекрасное, чем прежде: истерзанная Грузия отдала себя России и ей же вверила права на все то, что некогда ей принадлежало. Тогда-то началось движение соединенных сил двух православных народов и по этому отторгнутому краю и, наконец, 75 лет тому назад снова засиял в нем Крест Господень

и он возродился к новой жизни. И опять спасение принесла одна только сила: святое единение. Нужно ли теперь долго доказывать и изъяснять, какой урок ныне напрашивается нам в душу сам собою? Нужно ли говорить о том, что единение наше есть залог и нашего душевного спасения и земного благополучия?

Да хранится же это святое единение и прежде всего и главнее всего в духе, в области святой веры. Показатель его – нынешнее торжество наше, это умилительное и величавое богослужение, эта общая молитва православной паствы во главе с архипастырем. Не все в этом крае принадлежат к единому стаду: то, что сделано для разделения в течение трех веков, того не переделать в 75 лет. Но, по крайней мере, сыны единого православия да будут в общении любви, да будут горячими в вере, единомысленными и сплоченными в Церкви, преданы всею душою ее уставам, ее интересам. Смотрите, что сделала Турция, объединив край в мусульманстве: она наложила печать на душу и на тело народа – на веру, на язык, и на быт, и на одежду и на всю жизнь здешних насельников, чуждых по племени Турции, но доселе к ней тяготеющих. То, что сделал ислам, неужели не в силах произвести вера Христова? О, братие, стойте в этой вере, мужайтеся, укрепляйтеся, возьмитесь за знамя церковное, объединитесь под его водительством, – и чудо свершится: чудо нового просвещения и объединения всей страны этой в вере Христовой. Говорят, при взятии Ахалцыха русскими войсками 15 августа 1828 года, первое русское ядро сбило луну с мечети, водруженную на месте бывшего креста: это великий символ и показатель будущего направления жизни в этом крае.

Но если мы еще не видим воссоединения религиозного в этом крае, то политическое, государственное единение его с Россией должно быть предметом нашей всецелой и убежденной заботливости. Оно неисчислимо по своим последствиям, в нем – все для этого края. Особенное же чувство единения с Россией должно проявляться и утверждаться теперь, в дни тяжкой брани нашей на Дальнем Востоке. Неизмеримо религиозное и государственное значение переживаемой войны. Укажем,

однако, только самое близкое ее значение для нас. С Россией и ее судьбою связаны самые жизненные интересы всех населяющих ее племен, без всякого различия верований. Слава и могущество государства – это наша слава и наше могущество, кто бы мы ни были.

Пусть же растет и ширится и крепнет, все объединяя и скрепляя, это государственное единение, которое, воистину, принесет счастье и этой стране, взамен тех бед и несчастий, которые она претерпела некогда в веке безначалия, безправия и разделения. Воспитывать, возгревать вокруг себя эти патриотические чувства, проявлять их во всех доступных формах – вот наша обязанность.

Их можно и должно проявить и сегодня. На войне умирают и страдают наши братья; тысячи больных и раненых воинов терпят нужду духовную и телесную: им нужны знаки нашего внимания, нашей любви, нашей благодарности за труд, страдания и подвиги; им нужны и все пособия медицины, нужно удовлетворение всех потребностей больного и измученного организма.

Принесем им нашу посильную лепту. Ознаменуем этим нынешнее торжество общей молитвы с архипастырем, с благословения которого и будет сейчас произведен сбор в пользу больных и раненых воинов. Это будет лучшим разрешением нашей взаимной любви и единения и умилостивлением Господа пред молитвою о даровании побед нашему воинству в тяжкой брани. Аминь.

Царственный отшельник[125]

Вкушая вкусих мало меду, и се аз умираю… (1Цар. 14:43).

Ровно пять лет тому назад в эти самые дни июля месяца и в этом самом храме предстоял алтарю Господню гроб безвременно почившего, дорогого всей России покойника, о котором молитвенное воспоминание ныне мы творим, о котором – в его скорбной судьбе, в его ранней кончине – можно сказать приведенными сейчас словами Божественного Писания: *«Вкушая вкусих мало меду, и се аз умираю»…*

Жизнь его, со дня рождения, ярко отмечена была в ряду многих и многих человеческих жизней. Рожденный в Царственном Семействе, одаренный от природы богатыми способностями и силами ума и сердца, изощривший природные дарования основательным образованием, воспитанный Царственными Родителями, нравственная высота которых и чистота семейной жизни бесспорно признана всем миром, возвеличенный, наконец, именем Цесаревича и Наследника престола обширнейшего в мире самодержавного царства, – он, по всем человеческим соображениям и надеждам, готовился пройти в истории мира надолго заметным путем, испытать и пережить всю бесконечную смену трудов, усилий, подвигов, борьбы, упехов, влияния на судьбы своей родины и всего человечества.

И, однако, трудно найти в том кругу, к которому он принадлежал по рождению, трудно найти другую жизнь, столь бедную внешними событиями, как жизнь покойного Цесаревича. В ранней молодости несчастная случайность причинила ему болезнь, которая тяжким гнетом давила молодое существование, нередко приковывала к одру болезненному, заставляла оставлять и родину, и горячо любящую и им любимую семью, принудила, наконец, в поисках исцеления, удалиться на эту окраину России и целых семь томительных лет провести здесь почти безвыездно, вдали от власти и влияния и от той работы, к которой он призван был царственным рождением и положением. Мимо его где-то вдали шумно

протекала жизнь, которой он не мог быть чуждым; совершались события, которые не могли не касаться его и его судьбы: страдал предсмертною болезнью Царственный Родитель, угасая в недальнем от него южном полуострове России; восходил на престол нежно любимый Царственный Брат и с Ним восходили и поднимались новые царственные замыслы и державные труды; изменялось многое в близком ему круге людей, интересов и всей привычной ему жизни… А он не мог оторваться от места, к которому его привязала болезнь, и проводил здесь жизнь в вынужденном бездействии, один со своею болезнью и с неотступною о ней мыслью.

И какой глубоко скорбный и потрясающий конец! Ни горячая, редкая любовь Царственной Матери, ни заботы царственных родных, ни благодатный климат этого чудного местечка, ни медицинские пособия, которые все были к его услугам, ни принесенные им жертвы удаления от родной среды ради сохранения здоровья, – ничто не могло отвратить от него развития роковой болезни, принесшей ему столь раннюю смерть. Воистину, он мог сказать о себе: *«Вкушая вкусих мало меду, и се аз умираю».*

Когда поминают усопшего, когда говорят о нем посмертное слово, обыкновенно останавливаются на его внешней, всем видимой жизни. Что же, поминая нашего дорогого усопшего, Августейшего Цесаревича, неужели мы должны умолкнуть в виду того, что жизнь его, как мы сказали, прошла в удалении от показной деятельности и так бедна была внешними событиями? Неужели мы не имеем иных залогов светлых о нем чаяний?

О, нет! Не напрасно, не напрасно протекла эта короткая жизнь. Не напрасно она была вызвана к бытию, хотя и рано приведена к земному концу. Не напрасно везде так любили почившего Цесаревича, так грустили и плакали и молились о нем при скорбной вести об его смерти; не напрасно в этой местности, где он провел долгое время, его образ обвеян такою любовью, такими светлыми воспоминаниями; не напрасно и весь край наш знал о нем и доселе с любовью хранит о нем благодарную и святую память. Когда наш архипастырь, ныне предстоящий сему молитвенному собранию, вступил в

Боржомское ущелье, – это был день смерти покойного Великого Князя. В первой же церкви и первую службу архипастырь посвятил заупокойному о нем молению, и нужно было видеть это великое молитвенное собрание, это усердие молитвы о покойном, в которой слились воедино все присутствовавшие, без различия званий, положений, племен и возрастов.

Бывают личности, у которых чем беднее внешняя жизнь, тем богаче и полнее зреет, совершенствуется и возвышается жизнь внутренняя. Таков именно и был покойный Цесаревич. О нем, изменяя несколько слова Писания, можно сказать: *вся красота сына царева внутрь*. Только этой полнотою и цельностью внутренней жизни и духовною его красотою и можно объяснить то высокое обаяние, которое он на всех и всегда производил.

Как о благоверном Царственном Отце его, и о нем можно сказать, что жизнь его была «исполнена веры, любви и смирения», а эти качества души в совокупности дают удивительно целостный и чудно-привлекательный нравственный образ.

Трогательна была его вера – тихая, скромная, обратившаяся в коренной устой его жизни. Это ежедневное чтение им нескольких глав из Евангелия; эта любовь и благоговение к богослужению, к которому он всегда спешил, чтобы не опустить его начала; эти заботы о древнем Зарзмском храме, о котором он говорил и помышлял за несколько часов до смерти; наконец, устроение этого храма, в котором мы сейчас стоим и в котором он накануне смерти слушал последнюю в жизни литургию, – все это говорит об умиленно-набожной душе почившего. А сколько было его тайных молитв и из глубины воздыханий, сколько было в нем незримого в тайниках души благоговения к Богу: об этом ведает Тот Единый, Которому предстоит ныне почивший.

Трогательна была и его любовь ко всем окружаюшим. Как бы можно озлобиться, находясь в его положении, и как часто болезнь, и особенно его болезнь, делает людей нестерпимо раздражительными! И как легко, при его высоком и властном положении, озлобленность и раздражительность могли бы

беспрепятственно проявляться в окружающей его среде… И вот, не слышал никто гневного возгласа от покойного, но все испытывали обаяние его задушевности, ласки, предупредительности, простоты и доступности, заботливости о всех близких и о самых меньших братьях во Христе. Об его доброте и деликатности говорил весь Кавказ, не исключая простого народа. Говорили и говорят, что его любовь и заботливость простирались даже на животных… Никому он не хотел причинять страдания, но во всем живом Божьем творении он желал видеть только счастье и довольство.

А сколько и скольким помог он явно и тайно, об этом надо расспросить душу народную, которая все поведает в день оный Господу!

Трогательно и изумительно было и его необыкновенное смирение. Он не любил выдаваться своим высоким положением; он стеснялся всякими проявлениями почета, какой ему естественно воздавался, как сыну и брату Государя. Он настолько избегал всякой показности, что тяготился простым вниманием народа, и обыкновенно, как рассказывают, даже из церкви старался уйти незамеченным. Чудно блеснуло это свойство его души в последний день жизни, когда, отправляясь в прогулку, он ни за что не хотел беспокоить других и отказался наотрез от услуг провожающих. И даже в момент смерти простую женщину, случайную и невольную зрительницу его смертельного изнеможения, он с обычною своею застенчивою кротостью и всегдашнею скромностью просит не беспокоиться… В пределах возможного, он «трудолюбно возделал данный ему свыше талант», обратив труд не на внешнее делание, а на внутренний свой мир. И он достиг того, что внутренний мир его был цельным и прочным; это и проявлялось во всех его действиях. Оттого можно сказать о нем словами Божественного Писания: *вмале пожив, он исполнил лета долга, и угодна была Господеви душа его, и он восхищен был от земли живых* (Прем. 4:10–14). Как зрелый плод, он сорван был Господином вертограда и положен в небесное хранилище. Вкушая вкусил он мало меда, – но он сам обратился духовно в сладость для Господа.

Тихим ангелом кротости прошел он в своей Царственной Семье: ангелом мира, любви, милосердия пролетел он среди людей и надолго оставил по себе светлый след и светлую память.

Теперь, когда острая печаль его ранней смерти притупилась, отрадно в минуты заупокойного о нем моления вспомнить и засвидетельствовать, что в нравственных свойствах покойного Цесаревича мы имеем залоги светлых о нем надежд и упований, что воистину *уготовано место упокоения* его страдальческой душе, что *дела его пошли вслед за ним*, и что в молитвах Церкви и в очах Божиих ему уготована вечная память…

Блажени мертвии, умирающии о Господе; ей, глаголет Дух, да почиют от трудов своих. (Апок. 14:13). Аминь.

Лицемерие и бесцельность политических злодеяний[126]

О, меч! О, меч! Доколе сещи будеши? Доколе не упокоишися? Вниди в ножны твоя, почий, и успокойся! (Иер. 47:6).

Вот тяжелый стон, вот горький вопль, что готов вырваться ныне у каждого истинного сына России в эти переживаемые нами, воистину, горестные дни. И не только в России, но и далеко за ее пределами, у ее друзей, у друзей мира и порядка, нарастает впечатление какого-то ужаса и негодования при виде гнусных действий обезумевших преступников, которые теперь, во дни войны, настолько подавили в себе всякий голос совести, настолько извратили всякие понятия о нравственно добром и злом, настолько подавили в себе всякое патриотическое чувство, что проливают на улицах столицы и других городов России кровь верных слуг Царя и родины.

Да, не с дальних только пределов Маньчжурии несутся к нам оглушительные громы выстрелов и взрывов, и не на полях только вынужденной брани льется неповинная русская кровь; в столице государства, среди белого дня, посреди мирной обстановки, раздается взрыв предательской бомбы, от которого гибнет доверенный министр Государя, верный слуга России. В короткое время в столице убивается уже третий министр; взрыву бомбы предшествуют и вторят выстрелы в Финляндии, и у нас в городах Закавказья. Кровавое безумие, видимо, охватило врагов государственного порядка.

Стыдно и больно за это нравственное одичание хотя бы и незначительнейшей части нашего общества. А между тем, послушайте их, когда они говорят и пишут, когда они вербуют себе сторонников и пособников обыкновенно в той среде, где ни семейным, ни школьным, ни общественным воспитанием не привиты молодым людям ясные правила и принципы строго-нравственной и истинно-государственной жизни. Ведь у них не сходят с уст громкие фразы о нравственности, о свободе, о праве, о культуре…

Нравственность! Но какая же это нравственность, которая не только не испытывает ужаса и омерзения, но еще цинично радуется пред пролившеюся кровью? Во всем цивилизованном мире общественное чувство давно добивается от законодательства такого строя жизни, при котором все даже международные вопросы, не говоря уже о вопросах внутреннего распорядка государств, управления, суда и проч., разрешались бы спокойно и мирно, во всяком случае с полным упразднением ответственности кровью. И вот, пред нами новые деятели, люди по преимуществу молодые, для которых ничто заповедь: *не убий*, для которых нет этого непреложного и непререкаемого запрета на кровь. И во имя какой нравственности, религиозной ли или так называемой автономной человеческой, действуют эти гордецы, возвращающие нас к духовному варварству, в котором ниспровергаются и перепутываются самые достоверные и общепризнанные положения ума и самые основные и незыблемые требования сердца?

Свобода... Какою горькою и злою насмешкою звучит это слово в устах людей, которые с легким сердцем пускают бомбы и пули против всякого, кто не согласен с их государственными и социальными воззрениями! Ведь это все равно, если бы Иуда стал вопить и кричать во имя верности и бескорыстия!.. Сколько самого низкого и презренного фарисейства в этом постоянном и намеренном развращении народа, в разжигании самых грубых и низменных инстинктов рабочих масс, которым во имя свободы и права рекомендуют отнять чужое достояние, *принудить* к исполнению тех или других своих требований, избить, уничтожить и тем заставить замолчать всех несогласных подчиниться кружковщине и действовать с нею заодно! Хороша свобода: внушить свои убеждения и заставить принять их под страхом пули или кинжала! Но на таких основах сближаются не люди обиженные и обойденные, не «пролетарии всех стран», которых злодеи в своих листках зовут «соединиться», а заведомые разбойники, грабители и обидчики...

И при этом осмеливаются говорить о *праве*... Какое право выше и священнее жизни, как общего дара Провидения! Кто смеет отнять ее ради каких-то человеческих и притом узко

партийных соображений, мотивов и оценок? Какое право разрешает счеты и людские отношения гнусным убийством из-за угла? И о каком праве может говорить убежденная теоретическая и практическая анархия? И кого хотят ввести в заблуждение громкими фразами?

Говорят об «обществе», об «общеотвенном движении», о культурно-общественных запросах…

Но какое истинно-культурное общество оправдает подобные злодеяния? Обществу они внушают ужас и отвращение, и оно не может и не должно их терпеть ни минуты. Оно тогда только останется на высоте своей, если наистрожайше разделит деятельность человека и жизнь его и последнюю навсегда и на все случаи возьмет под свою охрану, давая отпор всяким попыткам покуситься на нее. Иначе оно всегда подпадет под власть злых сил и быстро спустится до уровня животного варварства. Правда, общество может быть судьею, но *нравственным судьею* и только, да и в этой области, как говорит и убеждает горький опыт всей прошлой человеческой истории, оно тысячу раз ошибалось и нередко осуждало самое лучшее и светлое и самых лучших и светлых людей…

И как можно говорить об обществе, без связи его с государством?

Что же требуют от государства эти злодеи, проливающие кровь его служителей? Они требуют гораздо большего, чем тот внешний враг, который теперь ведет с нами войну на Дальнем Востоке; в существе дела они требуют, чтобы государство отказалось ни более, ни менее, как от своей самостоятельности. Ибо если власть, служащая России, будет вынуждаема под страхом смерти повиноваться требованиям всяких кружков и партий, в данное время существующих, – а их может существовать бесчисленное множество и видоизменяются они без конца, – то может ли быть речь о независимости власти, а за нею и о независимости государства! Но какое жалкое безумие думать, что убийствами можно достигнуть этой цели! Разве на войне не убивают? Разве не убивают лучших людей? Разве, наконец, убивают их единицами? И, однако, можно ли хоть на мгновение допустить мысль, что из страха пред убийством даже

сотен тысяч воинов и их начальников Россия откажется от самостоятельности? Сколькими бы жертвами и преступлениями ни запятнали себя и внутренние враги России, будь это свои или инородцы, домогательства партии гнусных убийц останутся тщетными. Террор, на который они рассчитывают, может существовать лишь самое короткое время, пока он имеет за собою иллюзию силы и действия. Когда общество и государство видят, что плоды самых добросовестных трудов и размышлений государственных людей гибнут под фанатическим ударом первого, кто вообразит себя иначе и лучше понимающим интересы России, или вздумает присвоить себе дикое право, во имя мщения, убивать слуг Царя и отечества; когда жизнь государственных людей не ограждена от покушений на нее, совершаемых во имя частных кружковых, племенных или партийных страстей и целей, и в стране становится невозможною никакая правильная государственная работа: тогда в обществе и государстве неизбежно усиливается инстинкт самообороны, объединяя вчера еще разрозненных и беспечных сынов родины; тогда здоровый государственный организм вытолкнет и сам собою удалит вошедшее в него инородное, грозящее опасностью явление. Партия порядка всегда будет и сильнее и больше партии поклонников беспорядка и озверевшие служители анархии всегда будут каплею в море среди духовно-здоровых членов здорового общества.

Служители тьмы не достигнут убийствами своих темных целей, не запугают всех честных людей, и в России на место каждого безбожно убитого верного слуги Царя и родины найдутся тысячи других таких же слуг. Но на совести убийц, кроме преступления и крови, лежит и другая тяжкая ответственность: они хотят задержать поступательный ход общественной и государственной жизни; они хотят помешать доброй и плодотворной деятельности власти, отнимая у нее и время, и силы на борьбу с врагами порядка. Этого, однако, они никогда не достигнут.

Будем же покойны в виду тяжких событий переживаемого времени и, каждый в своей области, приложим все старания,

чтоб уврачевать и пресечь общественное зло.

А теперь почтим заупокойною молитвою, почтим и словом благодарной хвалы честного и мудрого слугу Царя и России, погибшего и умершего мучеником.

О нем поистине можно сказать словами поэта: «Немного было бы у него врагов, когда бы не твои, Россия». Для них-то, для врагов России, и были страшны выдающиеся способности покойного, глубокий ум, обширные познания, разносторонний и долгий опыт в государственном управлении, знание слабых сторон врагов России и умелая борьба с ними. Да будет тих и безмятежен его горний полет к Богу и небу, да будет ему уготовано место упокоения, да будет ему вечная память! Дела его пойдут вслед за ним свидетельствовать пред Высшею Правдою об его трудах, об его самоотверженной любви и преданности православному Царю и православной России, об его заслугах в деле утверждения в народе начал веры, правды и добра, об его мученической кончине, которой он, несомненно, сознательно ожидал. Но эти дела его останутся и здесь на земле; они не умрут; политые его кровью, они пышно возрастут и останутся в завет и руководство грядущим деятелям нашей родины в их служении России и в их борьбе с темными насильниками, врагами нашего отечества.

Воздохнем в эти минуты пред Богом и о Царе нашем, о нашей России, о нас самих…

Господи! да мимо идет нас горькая, горчайшая чаша этих страданий родины! Да мимо идут эти громы и выстрелы убийств, да мимо идет эта грустная и темная полоса нашей общественной жизни! Да престанет литься кровь неповинная; да придут к нам времена мира и отрады и спокойной работы слуг Царя и отечества для блага и преуспеяния родины!

О, меч! О, меч! Доколе сещи будеши? Доколе не упокоишися? Вниди в ножны твоя, почий, – почий и успокойся! Аминь.

Борьба христианского общества с политическими преступлениями[127]

Тяжелое испытание ниспослано нашему отечеству. Тяжелые минуты дано пережить каждому искренно любящему сыну его. Трудно оторваться мыслью от гнусного преступления, совершенного неделю назад в нашей северной столице; трудно не говорить о нем в настоящем молитвенном собрании, в среде представителей государственной власти в нашем крае.

При первом известии о смерти доверенного министра Государева, верного и преданного слуги Престола и родины, при первом заупокойном молении о нем мы говорили о всей гнусности совершеннего преступления, о безумии партии убийц, о полной несбыточности лелеемых ими надежд.

Ныне, после того как получены газетные известия о подробностях злодеяния, об его юном виновнике, о силе взрыва, о количестве жертв, – еще более охватывает нас чувство ужаса и негодования. Но вместе с тем восстает сам собою грозным укором пред совестью неотразимый вопрос: как могло совершиться, как могло быть допущено это злодеяние, и кто виноват в нем?.. За короткое время третий министр падает жертвою злобы обезумевших крамольников; кровавые покушения и политические убийства совершены на наших глазах и в других городах России; последнее преступление, видимо, было задумано давно и осуществлено с сатанинскою энергиею и выдержкою, так сказать, выношено в развращенном уме и лукавом сердце целой партии преступников. Очевидно, есть у них организация; очевидно, есть у них пособники, друзья... Как могло все это случиться, как могла преступная партия с такою сравнительною легкостью и возникнуть, и организоваться, и приводить в исполнение свои безумные замыслы.

Слышим и читаем иногда жалобы на то, что у нас не умеют хорошо выследить преступников, вовремя схватить их, предупредить злодеяние и представить его суду и заслуженной каре…

Но не это мы разумеем. Если человек болеет головой, находясь в комнате, наполненной угаром, то внешние медицинские пособия бессильны дать ему облегчение, если больной не выходит из угарной комнаты. Так внешние меры предупреждения и карания преступлений никогда и нигде не являлись и не являются главными и всеисцеляющими. Важнее всего то внутреннее нравственное состояние и настроение общества, которое способствует или препятствует развитию в его среде преступных склонностей и преступных деяний. Внутренние враги России, враги всякого порядка, люди без правил и нравственных убеждений, приветствующие самое гнусное насилие в своих действиях, но возмущающиеся всяким законным проявлением суда и власти в государстве, объявляющие его насилием, – эти люди вышли от нас; условия, благоприятствующие их деятельности, созидаются нами же и в нашей среде; пособники и пособничество они находят в том же обществе.

К глубокому сожалению, русское общество в своей жизни обнаруживает два прискорбнейшие свойства: во-первых, оно вызывается из своего равнодушия к деятельности и размышлению только грозными и ошеломляющими ударами судьбы, как, например, громом войны или выдающимся из ряда вон преступлением; во-вторых, оно редко предвидит окончательное развитие и плоды той или другой мысли, того или другого факта. А эти-то мысли и факты, разделяемые и одобряемые обществом, литературой, школою, сплошь и рядом приносят самые тяжкие последствия и плоды, неожиданные для людей духовно близоруких, живущих минутою, но вполне естественно ожидаемые людьми, умеющими смотреть вперед, соображать и провидеть результаты жизненных явлений.

Гром теперь грянул. Кровь льется не на поле брани только, но пролилась она и внутри России, в самой ее столице. В короткое время выхвачены из рядов государственных деятелей наших в Финляндии и Петербурге два человека, о которых воистину плачет сердце Царя и родины, сокрушаются даже заграничные друзья наши и вообще друзья порядка.

Время теперь и обществу одуматься, отрезвиться и оглянуться на себя.

Что нужно для образования и существования государства? Прежде всего, конечно, нужна известная территория земли для поселения: целость этой территории, обыкновенно, ее насельники защищают и отстаивают от врагов жертвами крови и ценою смерти. Но ничуть не менее нужна для государства единая и цельная, так сказать, *духовная территория*: общность религиозных, нравственных, патриотических, бытовых и культурных, исторически сложившихся устоев, воззрений, стремлений. Целость этой духовной территории и крепость ее достигаются не сразу: над ними работают ряды поколений и тысячи самых лучших и выдающихся представителей Церкви, государства и общества; и ее также отстаивают от покушений врагов ценою жертв, крови и смерти. За нее умирают такие люди, как недавно убитый министр; на нее ополчаются внутрение враги, а из внешних – те, которые понимают, где и как можно принести самый чувствительный и гибельный вред врагу. Отсюда, например, поддержка на заграничные деньги русского сектантства и образование за границей особых фондов и обществ для его развития и распространения; отсюда горячая агитация заграничных газет в пользу толстовства в России, как явления глубоко анархического и разлагающего весь государственный наш строй, и в то же время заметное полное отсутствие всяких практических попыток осуществить его дома, в Англии или Германии; отсюда материальная и нравственная поддержка, – и опять из-за границы, – наших студенческих волнений, рабочих стачек, бунтов всякого вида и проч. Все это – факты; материальная помощь, например, нашим закавказским сектантам от заграничных обществ и регулярная раздача денег заправилам сектантства – это факты, которые мы можем подтвердить с неопровержимыми документами в руках…

Что же делала и делает наша общественная жизнь для борьбы с этими грозными явлениями и с этими покушениями на духовную целость нашу? Фактами же нужно отвечать на этот вопрос.

Когда Церковь русская, после долгих-долгих лет терпения, в самой снисходительной форме осудила толстовство, – это ужаснейшее учение, отрицающее Живого Бога и Божественное достоинство Спасителя, т.е. ниспровергающее все христианство, отрицающее также и всякий государственный строй, как отнеслось тогда к этому наше общество? Как тайно и явно осуждали тогда власть церковную за мнимую жестокость! Как ловили всякие глупые письма и стихотворения, направленные против постановления Святейшего Синода!..

А между тем, бомбы и взрывы, – смело об этом говорим, – это еще нечто невинное, сравнительно с тем, что таит в себе толстовщина, эта умело и соблазнительно проведенная в теории до конца анархия: в ней, в случае ее последовательного развития, несмотря на подкупающее многих учение о непротивлении злу, столько будет крови, насилия и кровавых преступлений, сколько не сделал бы их самый отвратительный тиран-насильник. Недаром же около толстовщины, по-видимому, непонятно, а в самом деле совершенно естественно и с логическою последовательностью и необходимостью сгруппировалось в едином общем сочувствии к ней все враждебное Церкви и России: ее хвалят в один голос религиозные сектанты, безбожники, революционеры и социал-демократы, вся наша печать радикального и просто либерального оттенка и наши мечтатели пресловутого правого порядка. Общество наше как будто бы не заметило этого и своим сочувствием толстовству повинно в том духовном разъединении и разброде, которые послужили почвою для кровавых преступлений внутри России.

Когда в университетских городах происходили беспорядки, и наши молодые люди, наши блудные сыны, производили, во имя свободы, обструкции, буйство, насилия над товарищами, имевшими мужество им не сочувствовать, осквернили исторический храм и его святыни, оскорбляли начальников и стреляли в министра, как к этому относились ежедневная пресса и общество? Много ли нашлось газет, который не обошли этих грустных явлений низким и малодушным молчанием? Многие ли даже родители твердо и властно

произнесли слово осуждения своим беспутным детям? Самое осуждение не выливалось ли в такую отвратительную форму, в которой слышался страх пред молодежью прослыть «отсталыми»: «хотя, мол, вы и благородны и правы, но, знаете ли, еще рано, еще вы не доразвились» и проч.? И таким рабским отношением к дикому и повальному увлечению молодежи, не желавшей трудиться и учиться, а желавшей поскорее управлять государством и руководить обществом путем насилия и буйства, разве не была нравственно подготовлена почва для последнего злодеяния, совершенного молодым человеком, почти юношей?

Нужно ли говорить о том, с какою жаждою ловятся и с каким доверием принимаются у нас всякие рассказы улицы, рисующие в непривлекательном виде представителей церковной и государственной власти? Разве это воспитывает молодежь в уважении к законности и порядку? Разве воспитательно действуют на нее эти вызванные завистью и мелочными счетами сплетни, клеветы и грязные обвинения, которые слуги одного и того же церковного и государственного тела часто распускают один про другого?

Нужно ли, далее, говорить о том, что учащаяся в средних и низших учебных заведениях молодежь наша дома от родителей только и слышит осуждение школьных программ и, к явному удовольствию родных, сама занимается дома только вышучиванием и издевательством над своими учителями и начальниками? Разве это подготовляет из нее будущих надежных слуг государства? Разве это подавит в ней развитие гордыни и той противной самовлюбленности и требовательности, которые делают нынешних молодых людей невыносимыми ни в семье, ни в жизни, ни в службе и толкают их на путь насильственного отстаивания и добывания себе тех или других мнимо попранных их прав? Впрочем, сама школа, высшая и средняя и низшая, всегда ли, не говорим уже дает, нет, – всегда ли даже хочет дать учащимся воспитание на основе религиозно-патриотической? В ответ на этот вопрос можно было бы раскрыть такие страницы из жизни наших учебных заведений, которые заставить могут содрогнуться наши

сердца, и которые покажут, что враги государства нередко прямо подготовляются у нас в школе и школьными деятелями. Довольно упомянуть о факте общеизвестном: что даже в начальных школах в последнее время открыто ревизиями существование складов революционных книг и брошюр…

Пресса ежедневно и постепенно настраивает общество. И общество, обратно, поддерживая нравственно и материально прессу того или другого направления, тем ясно показывает, что можно и чего нельзя писать и печатать.

Но довольно. Что следует из сказанного?

А следует то, что мы своею беспечностью, беспринципностью и разъединением, своим молчанием и трусостью помогаем врагам государственного порядка; что мы – виновники разброда нашей религиозной и общественной мысли; что мы, по выражению пророка, хромаем на оба колена; что мы, наконец, нашим молчанием и бездеятельностью развращаем молодое поколение и вводим его в заблуждение, давая ему понять, будто враги государства правы, а мы, бессильные, уповаем на молодежь, которая якобы по благородству и честности должна идти передовыми бойцами за какие-то мнимо-высокие государственные идеалы.

А между тем, на самом деле, как много истинных сил в нашем народе и обществе! Как много вполне преданных сынов Церкви и государства! Так много, так много, что ничтожная партия убийц и крамольников есть в истинном смысле и буквально капля в море.

И если бы мы были объединены, энергичны; если бы мы, сторонники веры, Церкви, Государя и государства, согласно заговорили, то, как иней пред лучами горячего солнца, расточились бы враги наши.

К этому единению и зовет нынешняя и всякая церковно-общественная молитва. Она будит в нас нашу совесть, она говорит нам о нашем гражданском долге, она повелевает вам стать, во всеоружии веры, бодрости и любви к отечеству, на стражу общественного спокойствия, в бодрый труд и в бодрую борьбу со всем, что так или иначе способствует, хотя бы в самой отдаленнейшей степени, всякой попытке внутренних

врагов России растлить общественную мысль, смутить и затемнить общественную совесть, или дерзнуть на злодеяние убийства слуг государевых.

Пора заговорить против партии беспорядка иной партии, – партии порядка, если только можно ничтожную кучку злодвев – с одной стороны и необъятную Россию – с другой назвать этим избитым именем партии. Пора обнаружить нам свою духовную мощь и показать дерзким злодеям единодушное и общественное осуждение и презрение к их преступной деятельности.

И пусть только услышится твердый тон в семье, в школе, в литературе и обществе; пусть только громко раздастся смелое слово и обнаружится смелая деятельность каждого из нас: сгинут тучи, которые теперь темною полосой протянулись над нашим небосклоном, сгинет этот туман, *имеющий вид силы и значения, а на самом деле ничтожный и жалкий*. Если же этого не будет сделано, то, конечно, враги нашей родины убийствами не достигнут своих целей, не запугают верных слуг Царя и отечества и их усилия разобьются пред непоколебимою нравственною мощью и верностью нашего народа Царю, но мы-то пред лицом Высшей Правды, пред родиною и пред совестью нашею, – мы, каждый из нас, будем виноваты в злодеяниях и будем им причастны. А в особенности и по преимуществу в этом будут повинны те, кому Церковь, государство и общество вверили управление народом и облекли доверием, санами, чинами, силою и правами. Ибо непреложен навеки нравственный закон: *«Кому много дано, с того много и взыщется»* (Лк. 12:48). Аминь.

Подвиг и призвание христианского народа[128]

Какие знаменательные и исторические сближения и какие уроки сами собою просятся в душу при этих священных воспоминаниях 1-го августа, в связи с переживаемыми нашим отечеством событиями.

В 1164 году Андрей Боголюбский, великий князь Владимирский, пошел войною против неверных болгар, живших по Волге и постоянно теснивших и разорявших русские области – Ростовскую и Суздальскую. Во время похода князю сопутствовали святыни и среди них – Животворящий Крест Господень, как знамя христолюбивого воинства, надежда его, сила, покров и одоление. Силен был враг, многочисленно было его ополчение, но помощь свыше воочию всех явлена была русскому народу: огненные лучи исходили от Креста Господня и от образа Спасителя и видны были сражающимся; кровопролитная была сеча; много христиан пали смертью храбрых, но слава полной и окончательной победы венчала воинство благоверного русского князя в день 1-го августа.

Это было на Руси. А далеко за ее пределами, в единоверной Византии в тот же день 1 августа 1164 года император Мануил со своим войском сражался с христоненавистными сарацинами. И у него знаменем был Крест Господень, предводивший воинством; и его войско видело те же чудные лучи от образа Спасителя и от Креста Господня; и он, подобно Андрею Боголюбскому, укрепляемый силою свыше, нанес врагу решительное поражение.

Одновременно, повелением церковной власти, и в Россиии в Византии на нынешний день 1 августа учрежден праздник в честь Креста Господня.

Так ярко сказалась общность мирового призвания Византии и России: вести борьбу с неверным Востоком, отстаивать Крест от бесчисленных врагов его; кровью и жертвами засвидетельствовать пред Богом и людьми свою верность Христу и имя Его пронести до последних пределов земли. Религиозный элемент проникал всецело всю историческую

жизнь России, особенно с тех пор, как после падения Византии она осталась единою на земле защитницею православной истины христианской и хранительницею ее – в вере, в мысли, в совести и жизни христианской. Пусть сыны мира сего, обуявшие в своей гордыне и объюродевшие в своем лжеименном разуме, пусть они думают, что эта черта в исторической жизни России является чуть ли не преступлением ее пред человечеством. Мы, христиане, твердо веруем и проповедуем, что только тот народ достоин земли, который думает о небе; мы твердо веруем и проповедуем, что с того момента, как в народе начинает иссякать святое одушевление веры и служения Богу, он подписал себе смертный приговор и его погибель – только вопрос времени; мы твердо веруем, что времена, когда народ идет на защиту веры и религиозного знамени, – это времена повышенной жизни народа, чреватые богатыми дарами Духа, и несут ему залоги грядущего духовного обновления и расцвета; что в такие времена принесенные народом жертвы своим достоянием, кровью и жизнью своих сынов, потоками слез, огненными страданиями и горестями, – все эти жертвы не напрасны; они достойны своего назначения, они свидетельствуют о высоте народной души, они и должны быть приносимы с мужеством и терпением, самоотверженно и великодушо, как бы они ни были тяжки, ради великого будущего.

Яркий пример, высокий образец такого самоотвержения и преданности своей вере завещаны векам святыми мучениками Маккавейскими, их матерью Соломонией и учителем – старцем Елеазаром. Их память сегодня празднует святая Церковь. В 166 году до Рождества Христова царь Сирийский Антиох Епифан, покорив Иудею своей власти, приказал ввести в ней греческую языческую религию. В Ирусалиме престарелого Елеазара, священника и учителя народного, убеждали хоть для вида вкусить мяса от языческой жертвы, но напрасно: Елеазар скончался в страшных мучениях, но не изменил истине своей веры. Нашлись у него ученики и подражатели. При открывшемся страшном и кровавом гонении царь обратил внимание на семь сыновей женщины Соломонии; они были молоды; младший был еще отроком. И вот употреблены были все усилия поколебать

твердость юных исповедников и материнское сердце Соломонии; на ее глазах истязали ее детей, рубили им руки и ноги, вырезали языки, сдирали кожу, жгли на раскаленных сковородах. Что же мать? Она боялась только того, что какой-либо из ее сыновей, или внимая льстивым речам и обещаниям мучителя в промежутки между пытками, или из страха мук и смерти ослабеет духом и изменит Богу. Она подкрепляла детей в подвиге; указывала на Бога, на небо, на жизнь загробную; говорила об истине веры богопреданной и о лжи язычества; она заклинала детей своею старостью, своими сединами, болезнями чадорождения, материнским лоном и молоком, которым их питала, и убеждала презреть льстивые обещания, угрозы, муки и смерть, но не отказаться от сокровища веры и верности Богу. Терпя в материнском сердце мучения, трудно вообразимые, она с любовью подбирала истерзанные члены своих детей, их отрубленныя руки и ноги, но не учила их малодушию. Достойная мать имела достойных сыновей; никто из них не поколебался, все до конца остались мужественными, все скончались за веру, а после них умерла в мучениях и сама Соломония.

Проходят века и тысячелетия, жизнь человечества, по-видимому, без конца разнообразится, видоизменяется и, уходя вперед, теряет связь с прошлым. Но это только по-видимому. Под иными формами сущность остается та же. И доныне сокровище веры есть главная святыня народа. На наших глазах совершаются события, смысл которых тот же, что во времена Андрея Боголюбского и императора Мануила. Россия ведет брань на Востоке, и эта брань опять возглавляется Крестом Господним. От него идут лучи; они освещают Русь светом небесным и осмысливают переживаемые события. Тяжела брань и тяжки жертвы. Как Соломония, терпя несказанные муки материнского сердца, склонилась теперь Россия над своими милыми сынами и видит: тысячи их убитых, раненых, истерзанных врагами; видит, что торжествующий язычник издевается и ругается над умирающими и над самыми их телами, режет руки и ноги, уродует тела, вырезывает языки, совершенно так, как некогда делал это свирепый Антиох. Что

же? Отступить от мирового призвания Божия? Отдать Крест, изменить христианству, покорить его в поругание язычеству ради сохранения жизни и земных интересов?

Как жалко и ничтожно письмо русской матери, опубликованное в одной газете, где мать призывает прекратить брань, отдать все врагу только потому, что сын ее, ее сын дорогой – в Порт-Артуре и может погибнуть... К счастью, эта мать, так непохожая на Соломонию, вероятно, одинока на Руси.

Нет, борьба требует напряжения всех наших сил, требует всех и всяких жертв. Не погибнет Россия, не погибнут ее сыны. Близится день, когда Господь воздаст нам радостями за дни тревог и печали. Порукою в том – этот Крест, который вынесен ныне на средину храмов, который мы чтим и лобызаем, который отстаиваем тысячу лет. В нем – наша сила и крепость. И пока мы будем ему верны, пока он будет водружен на наших воинских знаменах и на всем здании нашей государственной и общественной жизни, дотоле мы будем под его Божественною защитою. Ибо Христу, на нем распятому, по непременному слову Бога, подобает царствовати, доколе Он не положит всех врагов своих в подножие ногам Своим.

Да будет же и сильна и действенна молитва нынешнего праздника в наших устах и сердцах:

Вознесыйся на Крест волею тезоименитому твоему новому жительству (т.е. христианскому православному народу) щедроты твои даруй, Христе Боже! Возвесели силою Твоею благоверного Императора нашего, победы дая ему на супостаты, пособие имущу твое оружие мира, непобедимую победу! Аминь.

Молитва[129]

Во время оно, поят Иисус Петра, Иоанна и Иакова, взыде на гору помолитися. И бысть, егда моляшеся, видение лица Его ино, и одеяние Его бело блистаяся (Лк. 9:28–29).

О молитве, о чудном преображающем действии молитвы говорит нам нынешний праздник и пример Господа Иисуса. К молитве же призывает ныне наш Государь всех Своих верноподданных словами прочитанного сейчас торжественного манифеста по случаю рождения Наследника Всероссийского Престола Цесаревича и Великого Князя Алексия Николаевича.

Что такое молитва? Каковы ее виды, правила, цели? Нередко задают подобные вопросы и нередко ими занимаются. Может быть, в целях образовательных или научных и нужно это, но для верующего в простоте сердца христианина, но для непосредственного религиозного чувства такие вопросы – вопросы лишние. Кто верует, кто религиозен, для того молитва так же близка и естественна, как свет для глаза, как мысль для ума или добродетель для совести: она сама собою возникает и поднимается в душе, она сама собою и выливается пред Богом, как выливается слово, чувство – общение любви у ребенка по отношению к горячо любимой матери. А кто не верует и не религиозен, для того и молитва и самое слово о ней – непонятны, как непонятно объяснение белого и красного цвета для слепого от рождения; для такого человека излишни и не нужны, бесполезны и безрезультатны самые красноречивые и высокоученые рассуждения о молитве…

Впрочем, это уродство духа, это печальное извращение человеческой природы, к счастью, бывает чрезвычайно редко; случаи такого нравственного идиотства еще реже идиотства умственного.

Вообще же, в человеческом сердце глубоко и неистребимо заложена Творцом потребность молитвы, и это служит и утешением, и бодростью, и радостью для нас, людей верующих, это побуждает нас восходить в подвиге молитвы от силы в силу: мы не можем отказаться от молитвы, как не можем отказаться

от нашей природы, от духа, от ума или совести. Побеседуем об этом подробнее.

Говорят иногда о древних язычниках, как о людях будто бы безрелигиозных, живших без общения с высшим, духовным миром. Но говорят так или по невежеству, или по лукавству души, ищущей оправдания для своего нечестия. Кто знаком с историей и жизнью древних народов, тот не может не остановиться пред ними в изумлении: близкие к природе, чуткие к голосу ее, свежие по своим душевным силам и запросам, они оставили нам самые верные свидетельства и наглядные доказательства усердия к своей естественной религии; они украсили горы, дубравы, пустыни, города и селения храмами и жертвенниками в честь божества, которому они приносили все дорогое; тысячами тысяч их жертвы курились по лицу всей земли и пред ними в молитве поднимались руки грешных и смертных сынов земли… Можно сказать, нет страницы в книгах, оставленных нам в наследие древними, – нет страницы, на которой несколько раз не встречалось бы имя божества. Они, эти древние язычники, были далеки от истины богопознания, которая дана только в Божественном Откровении; подавленные бременем первородного греха, они были бессильны сами, без помощи свыше, прозреть в эту истину: но они к ней стремились, жаждали ее, о ней воздыхали, и в молитве искали просветления и примирения, покоя духа и того общения с Богом, без которого душа человека вянет, сохнет и гибнет, как тело без воды, в мучительной жажде. «Обойдите всю землю, – так приблизительно говорит один древний языческий мудрец, – вы найдете города без стен, встретите людей, совсем не имеющих домов и живущих в пещерах, не знающих может быть и употребления огня, но вы не найдете народа, не имеющего жертвенников и не знающего о богах» (Плутарх). С этим свидетельством древнего наблюдателя сходится заявление одного новейшего и знаменитого путешественника: «Я исследовал все земли, – говорит он, – я побывал на всех морях, и могу сказать, что вера в Бога, надежда на Него и молитва к Нему не оставляют человека на самой низшей ступени развития; с нею дикий негр уходит в дремучие леса; на

гнилой доске бесстрашно отправляется в бурное море, и, умирая в когтях льва или тигра, на берегах Нила, он устремляет взор свой к небу, ища там примирения» (Ливингстон).

Но оставим эти сведения, доступные и известные лишь людям науки. Обратите внимание еще на одно замечательное явление, которое может наблюдать решительно всякий из нас, без всякого различия в степени образования. Обратите внимание: из всех земных тварей только один человек молится, умеет молиться и может быть научен молитве. Есть животные умные; есть животные, о которых неумеренные их хвалители рассказывают, будто у них можно найти даже проблески совести; есть животные, отличающиеся, и вправду, верностью, преданностью. Но нет из них ни одного, которое могло бы молиться. Только человек имеет тело, обращенное вверх; только его разумное чело поднято к небу; только его богоподобный дух одарен высокою и святою способностью в молитве обращаться к Богу и в молитве жить с Ним непрестанно.

Итак, молитва есть постоянная, всеобщая потребность человеческого духа и в то же время она есть признак жизни истинно человеческой. Без молитвы, поэтому, жизнь человека идет на ущерб, умаляется, вянет, замирает и приближается к жизни животного; без молитвы человек – это зверь, быть может и умный, очень умный, но все же человеком он называется только по недоразумению, по одному внешнему виду, а не по внутренней сущности.

Господь Иисус был Бог и человек совершенный. Но посмотрите, потому именно, что Он – человек совершенный, в Нем и горел так ярко святой огонь молитвы. Младенцем Он приносится в храм; отроком Он три дня подряд не может расстаться с домом молитвы; в годы божественного учительства Он, всегда и со всеми кроткий, только раз воспламеняется священным гневом, и это было при виде оскорбления храма; в сорокадневном подвиге поста, пред выступлением на дело Своего служения, Он молится в пустыне; молится Он часто на горах и в уединенных местах; молится целыми ночами; молится и пред совершением чудес милосердия Своего; в молитве

просветлело и преобразилось на Фаворе Его тело; в молитве же просветлел и дух Его в Гефсимании; с молитвою Он восходит на крест; с молитвою предает и дух Свой Богу...

Молитву же Он завещал всем Своим последователям; молитву завещали нам и апостолы, продолжатели Его дела спасения людей и воспитания их для царства Божия; наставлениями подобного рода полны их жизнь и писания, а один из них оставил в заповеде нам едва вместимое слово: *непрестанно молитеся* (1Сол. 5:17).

Чему всегда учила Церковь в течение веков? Прежде всего молитве. Что делала она сама? Прежде всего молилась, а затем уже учила, благотворила, управляла духовно жизнью и проч. И только люди грубые, духовно ограниченные и духовно-слепые, все рассматривающие с точки зрения самой грубой и животной пользы, неспособные подняться выше пожеланий и представлений о пище, питье и внешних удобствах жизни, могут думать и говорить, что бесполезен и не нужен подвиг молитвы. Таким довольно ответить словами Евангелия: *«не о хлебе едином жив будет человек»* (Мф. 4:4); таким довольно ответить, что место их низменной философии – скорее среди четвероногих, а не в среде людей.

Конечно, высокие степени молитвы не всем доступны, или, правильнее сказать, доступны редким из людей; они – удел особо избранного духа и даются не даром: он требуют великих усилий, долговременного духовного труда и особого, высшего самовоспитания; они роднят человека с миром ангелов, у которых вся жизнь есть непрестанная молитва, непрестанная хвала и благодарение Творцу.

Но все же бывают моменты, когда, можно сказать, весь народ охватывает одно чувство и одна потребность молитвы. Такой именно момент мы теперь переживаем. Трудное время ныне для России; внешний враг, злобный и хитрый, давно изготовившийся к брани, вторгся в дальние пределы нашего отечества «в силе тяжкой»; он пришел туда, где великая Россия является воистину *малою* за невозможностью сосредоточить там все свои силы. Среди тревожных и смутных, порою безрадостных вестей, идущих с войны, нас поражают события,

ясно говорящие, что и внутренние наши враги не дремлют. Льется русская кровь; падают Царские слуги; гибнут миллионы народного достояния, вся жизнь огромного государства ушла на борьбу со врагом. Где спасение от уныния и малодушия? Где надежда, непоколебимая надежда на светлое будущее и благополучное окончание тяжкой брани? Напряжение всех сил души народной может и должно прежде всего разрешиться в молитву. Только она одна сохранит нам ясность духа, бодрость, мужество и то непоколебимое спокойствие, которое всегда проявляла Россия в виду самых тяжких испытаний и которым был силен и непобедим наш народ, воспитываемый в течение веков в духе молитвы православною Церковью. Настоящее тяжко; будущее неизвестно, оно может быть исполнено всевозможных случайностей: *"молитесь*, – говорит нам Спаситель, – *молитесь, да не внидете в напасть»* (Лк. 22:46); *"молитесь,* – учит апостол, – *молитесь, да исцелеете»*... (Иак. 5:16).

Но вот среди грозы военной непогоды и бранных тревог светлым лучом всенародной радости пришла весть о рождении давно жданного Наследника Царского Престола. Радость Царя – наша радость; и опять здесь для нас побуждение к молитве, – к молитве хвалы и благодарения Господу за сохранение Царского рода, за преемственность Царского престола, за охрану спокойствия нашей родины в будущем. Но не эта одна молитва просится в душу. Благоговеть должно пред каждым рождением в мир человека, как пред великим и непостижимым таинством жизни; и пред каждым новорожденным стоит тревожный вопрос близких и родных: *что убо отроча сие будет?* (Лк. 1:66). Но здесь близкие и родные – вся многомиллионная Россия; здесь с жизнью Первородного Царского Сына столько может быть связано для нас в будущем интересов, столько событий, самых важных, самых глубоких и жизненных!..

О, молись, Россия! Молись, чтоб эта радость, пришедшая к тебе во дни печали, разгоралась все ярче и ярче. Молись, чтоб этот новый отпрыск жизни в Царственной Семье, родившийся посреди ужасов и вестей о смерти, знаменовал бы собою жизнь

для России и, воистину, принес бы ей в будущем жизнь полную, бодрую, достойную, блещущую всеми красами бытия и всеми силами и дарами духа!

Ведь он, этот Царственный Младенец, и сам как бы повит молитвою от дней зачатия и рождения. Два года назад, ровно два года, в памятные дни месяца июля Государю Императору угодно было воспомянуть молитвы и труды великого и чтимого всероссийского молитвенника старца Серафима Саровского; по Царскому благочестивому желанию, было доведено до конца начатое в Святейшем Синоде дело о прославлении преподобного. Прошел после того год, и в июле же месяце прошлого года в Сарове сотни тысяч православных торжествовали прославление праведника, а с ними и во главе их Царь с Царицею.

Мы знаем, как принято было это событие в народе и как истолковано: народ верил и говорил единогласно, и не сомневался в том, что Царь с Царицею прибегли к молитвам преподобного и просили себе сына… И могло ли быть иначе при виде великого подъема народной веры, при виде многочисленных чудес у мощей угодника? Прошел и еще год, только что минуло торжество годовщины открытия мощей преподобного Серафима, на которое опять Царь наш отозвался чутким сердцем и одушевленным словом, – и вот, в исходе июля, как новый Самуил, «выпрошенный и вымоленный у Бога», в осенении молитв преподобного угодника, как дар веры и молитвы Царственной Четы, рождается ей первородный Сын, надежда и опора Царя и царства. Воистину, от всех этих совпадений веет духом и образами Библии, и сердце загорается высоким религиозным настроением, и чудится перст Божьего Промысла, и на уста просится молитва…

Сам Царь наш ныне призывает нас вместе с Ним вознести молитвы к Богу об Его первородном Сыне-Наследнике. Возлюбленные братие и соотечественники! В торжественный сей час *Господу помолимся!* Помолимся, да возрастает и крепнет Царственный Младенец, *исполняяся премудрости, в любви у Бога и человеков!* (Лк. 2:40). Да будет Он, новый Самуил, истинным Самуилом нашей родины, обтекая грады и

веси ее судиею мира, благоволения и молитвы! Рожденный во дни испытания России, да возрастет Он в царственной красе и крепости, мужая с летами, и да воспрянет оживить надежды великого нашего народа! Аминь.

О бессмертии[130]

Памяти убиенных на брани

Святая вера христианская учит чад своих истинам небесной мудрости, главным образом, не словами и рассуждениями, а делами и событиями, – *фактами* самого глубокого внутреннего значения. Жизнь Спасителя, Богоматери и святых Божиих полна такими именно уроками, и оттого-то, несомненно, таинственныя истины веры, высочайшие веления христианской нравственности, несмотря на полную отрешенность их от естественного и врожденного человеку греха и себялюбия, становятся как бы понятными и близкими не отдельным только и избранным лицам, а целым народным массам, и притом глубоко проникают в их жизнь и миропонимание.

Что возвышеннее учения о бессмертии, о котором так много вразумительно проповедует событие *Успения* Богоматери, «и по смерти живой», как говорит песнь церковная?!

Какие великие умы древности осмеливались едва только подойти к этому учению! Сколько написано о нем и оставлено миру ученых и глубоких рассуждений! Сколько заблуждений и бессплодных исканий переиспытал человеческий разум, остававшийся вне Откровения и Божественного руководительства, сколько тревог и мук переиспытало человеческое сердце в разрешении рокового вопроса: что там, за этою земною нашею жизнью, и есть ли жизнь по ту сторону могилы и гроба? Древний Восток отвечал на это увериями, что жизнь нашего сознания погасает со смертью тела и будущее человека есть лишь вечный покой и беспробудный сон. И вот, под влиянием этого учения, весь Восток, с его некогда живыми и способнейшими народами, погрузился и здесь, на земле, в беспробудный сон и погиб для мировой жизни и деятельности, как это мы и видим на примере далекой Индии. Язычество греков и римлян ответило на роковой вопрос увериями, что, при всей несомненности загробной жизни, она будет жалкою и ничтожною, так что лучше в земной жизни быть свинопасом, чем в загробной царем над умершими: это представление

выродилось в обожание земной жизни и произвело такой разлив чувственности, пороков и порочных удовольствий, что погубило исповедников такого учения. Отвечало на тот же вопрос о бессмертии и мусульманство и перенесло на небо все пороки земли: оно привело народы мусульманские к современному их жалкому состоянию, которое можно назвать постепенным издыханием.

Вы видите, братие, что от решения вопроса о жизни будущей зависит облик и жизни настоящей, и в зависимости от того, как мы представляем небо, разрешается вопрос, как мы устраиваем и землю.

Как же ответило и отвечает на роковой вопрос о бессмертии христианство?

Оно не рассуждало, как древние философы; его проповедники не писали об этом пространных «разговоров» и ученых рассуждений. Оно ответило на великий и важнейший для всякого человека вопрос фактами, самыми верными и действительными, неопровержимыми фактами, засвидетельствованными и подтвержденными словами многочисленных их очевидцев: воскресением Господа Иисуса и успением Богоматери, которое ныне Церковь наша торжественно прославляет.

Как бы так говорит нам наша святая вера: «Что рассуждать о бессмертии? Вот оно пред вами в живых и глубоко убедительных образах и событиях». И, конечно, так же непосредственно должно воспринять эту истину и христианское чувство и поставить ее руководством и опорою всей жизни. Пусть ученое благочестие доказывает ее всеми соображениями разума; это дело почтенное и должно вызывать благодарность верующего сердца; но оно не заменит того, что служит основой для самой учености в данном вопросе, и без чего рухнули бы все самые красноречивые убеждения: разумеем прирожденную человеку уверенность в бессмертии, непоколебимую и ничем неистребимую. Мы знаем, что если в мире не погибнет ничтожная пылинка и где-нибудь осядет на земле; если не исчезнет миллионная часть капли воды или росинки и где-либо во вселенной будет существовать в виде пара или опять

жидкости: то тем более не может погибнуть и исчезнуть однажды возникшая мысль, однажды возникшее чувство, однажды возникшая духовная жизнь. Не будем здесь приводить текст Священнаго Писания. Возьмите сами евангелие и весь Новый Завет; читайте внимательно и скажите: есть ли там хоть одна страница, – нет, найдется ли хоть одна строка, написанная без предположения о загробной жизни христианина? И довольно здесь сказать только слово Христово, освещающее весь вопрос: *«Бог не есть Бог мертых, но живых»* (Лк. 20:38). И довольно припомнить, что Сам Спаситель называл Себя всегда *жизнью* и жизнь, вечную жизнь Он обетовал Своим последователям. Да, слово жизнь почти всегда в евангелии разумеется, как *вечная жизнь*, и всегда в одном и том же смысле: это – блаженство, назначенное нам от Бога, состояние, ради которого мы и вызваны из ничтожества. Так Бог сотворил нас для бытия, и притом для бытия вечного и блаженного.

Богу угодно, чтобы мы существовали; Он дал нам жизнь не для того, чтобы прекратить ее. Но в каком состоянии должны мы существовать и какова должна быть данная нам жизнь?

Благодарение Богу: Он открыл нам и Свои планы и Свою волю. Этот план указан нам в том, что Бог сотворил нас по *Своему образу*, который есть образ чистоты, святости и совершенства; эта воля ясно выражена в словах апостола: *«Воля Божия о вас есть святость ваша»* (1Сол. 4:3).

Итак, вечная жизнь есть *святая жизнь*. Над дверьми царства небесного и вечного положено надписание, какое мы и читаем в Откровении Иоанна Богослова: *Ничто нечистое и скверное не войдет сюда* (Откр. 21:27).

В этом, именно, братие, и состоит главное поучение в нынешний праздник, так ясно и внятно в успении Богоматери говорящий и проповедующий нам о вечной жизни.

Вечно только святое и то, что может быть в нас освящено, – все наше существо, созданное Творцом, или, выражаясь словами апостола, *и дух, и душа, и тело* (1Сол. 5:23); это – разум, воля, чистые привязанности, чистые радости, – все, чем живет и волнуется наша душа; это – вытекающие из душевных движений наши дела в их бесконечном разнообразии; это,

наконец, – и самое тело наше, которое также войдет в жизнь вечную, но очищенное, преображенное и нетленное. Только грех не войдет в царство вечности, ибо грех есть уклонение от истинной жизни духа и тела, а не самая жизнь; поэтому все, что в жизни духа и тела заражено грехом и злом, недостойно этого царства; и если человек всего себя отдал греху и весь им проникся, то само собою не по внешнему ведению или наказанию, но по внутреннему закону нравственному, еще более непреложному, чем законы физические, он сам удаляет себя от вечной жизни; он не может быть соединен с царством Божиим, как не соединяются свет и тьма, огонь и снег, восток и запад.

Но если все, способное быть освященным, принадлежит вечности, то и вечность некоторым образом начинается еще здесь, на земле. Все высокое, чистое и благое, все, что угодно Богу, угодно Ему всегда и везде, и во веки.

Будем же, братие, ходить в постоянной мысли о вечности и жить в постоянном ее предощущении и даже в общении иного, ожидающего нас горнего мира. Будем вечностью измерять и оценивать и избирать все временное, и небесным освящать и осмысливать все земное. *Горé имеим сердца* – и тогда, как изменится весь облик жизни! Станут ли привлекать нечистые радости, когда мы знаем, что они гибнущие и отверженные?

Станут ли убедительны и действенны другие побуждения, кроме требований долга и христианского закона, когда мы знаем, что все, нарушающее долг и закон, недостойно вечности и нас от нее удаляет?

Вечная жизнь предстанет тогда пред нами во всей обаятельной красе и сделает прекрасною и жизнь временную, земную. Ею подвинется слабый сын земли на всякое добро, и ею он утешится пред всякою скорбью; больному она укажет покой вечности; умирающему откроет жизнь вместо смерти; духу, возмущенному при виде зла, греха, порока, несправедливости, царствующих в мире, она обещает *новое небо* и *новую землю, где будет жить вечная правда* (2Пет. 3:13); и всякому страданию она укажет страну радостей нескончаемых; и всякому сомнению она обещает вечную и

неколеблемую истину; и всякой жажде, и всякой тоске души она укажет источник услады, успокоения и полного удовлетворения в Боге, Который в царстве вечности будет нашим Солнцем, Покровом, Источником разумения, блаженства и полноты духовной жизни. *То, что око не видело и ухо не слышало и на сердце человеку не восходило,* – все это уготовал Бог любящим Его (1Кор. 2:9).

О вас теперь неотвязная дума и о вас тревога любви, наши дорогие воины, кровью и жизнью защищающие теперь наш покой, нашу безопасность, нашу честь и достояние! Быть может, в настоящие минуты, когда мы в этом множестве, одетые празднично[131], спокойные предстоим алтарю, когда там, за стенами храма, шумно течет жизнь беззаботности и веселья, порою кощунственного в эти дни, вы, наши защитники, сотнями и тысячами переходите в страну вечности и бесстрашные смотрите в глаза смерти. Знаем, что уже многие-многие отдали жизнь за родину, за ее великое будущее… О! пусть приосенит вас небо вечности, – всех вас, безвестные мученики, исполняющие заповедь любви: ибо *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя* (Ин. 15:13); ибо после веры и ее законов, после Церкви и ее заповедей – отечество, возлюбленное наше отечество, святая родина наша, – вот что должно внушать нам самые чистые привязанности, самую горячую и самоотверженную любовь, а честь родины, ее слава, безопасность и процветание стоят всех усилий наших и всех и всяких жертв! Страна вечности да примет в свои кровы тех, кому судил Господь в брани отдать жизнь за отечество; святые предстатели за землю русскую, бесчисленное множество отшедших ранее в жизнь вечную сынов нашей родины, ее святые, мученики, подвижники, преподобные, ее герои, защитники, страдальцы, труженики – пусть встретят их молитвою, и радостью небесною да вознаградят их за труды, жертвы и мученическую смерть! Теперь все они нам дороги, особенно близки; пусть будет для нас особо близкою и жизнь вечная, которою они живут. Может быть, потому Господь и поставил теперь эту жизнь так близко у нашего сознания и потому так страшно и вразумительно в грозных знамениях

брани напомнил о ней, что в годы покоя и безопасности мы слишком о ней забыли и от нее отдалялись. Подъемом веры, горячностью покаяния, напряжением благочестия, верностью евангелию, преданностью Церкви, любовью к отечеству и верностью ему в мысли, слове и деле, – вот чем станем мы достойны тех мучеников-воинов, что умирают ныне за нас, и приблизимся к той вечной жизни и вечной нашей небесной родине, которая для них и для нас должна быть так же единою общею и святою, как едина и обща для нас наша родина земная! Аминь.

Правительство и общество[132]

Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит (Мф. 12:25).

Закон нравственный вековечен и всеобъемлющ. Приведенные слова Спасителя нашего, столь решительные и устрашающие, имеют полное применение не только к той религиозно-нравственной области, о которой говорит евангелие, но и ко всей безграничной человеческой и даже мировой жизни, во всех ее сторонах и отправлениях. Единство сил стремится изыскать наука даже в сфере явлений чисто физических. Тем более оно должно быть признано самым главным, единственным и насущным условием порядка и жизнеспособности там, где по преимуществу требуется разум, доброе чувство и добрая воля в деятельности человека, в его жизни общественной и государственной. И если есть самое достойное поприще для приложения порывов благороднейшего патриотизма и пламенного желания служить благу общественному, то его можно указать именно в объединении, слиянии и взаимоскреплении всех сил и начал, которыми живет наша родина. Высшее и совершеннейшее единение – есть идеал даже премирный: соединение неба и земли, царства человеческого и Божьего, наконец, соединение человека и Бога. *«Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в нас едино»* (Ин. 17:21), – вот завершение молитвы Искупителя, которую Он вознес к Небесному Отцу в виду Гефсимании и Голгофы, в тягчайший час Своей жизни; вот нравственное завершение всего миробытия. Начало же этого единения полагается в нашей жизни земной, в идеалах и задачах нашей семейной, общественной, государственной деятельности. В этом смысле сегодняшнее торжество, на котором мы сейчас присутствуем, является глубоко знаменательным и имеет важное поучительно-общественное значение. Частное Общество наше, собственно благотворительное, в формах исконно русских, молитвою и

поставлением святой иконы, благодарно воспоминает избавление и спасение представителя правительственной власти от смертельной опасности, от руки врагов России. Это явление нашей общественной жизни наводит на глубокие думы и как нельзя более отвечает самым назревшими жизненным потребностям нашего времени и нашего отечества. Горе государству и обществу, которое живет раздором составляющих его сил: этот дом, разделившийся в себе, не устоит. Для вдумчивых наблюдателей нашей русской действительности не тайна, что такое именно горе до некоторой степени грозит и дому нашей государственности и общественности. Скрывать это или замалчивать и неразумно, и непатриотично. Раскол народа и образованных классов; разъединение их в идеалах и началась церковной и государственной жизни; давши раздор «отцов и детей», ярко отмеченный в русской семье нашей литературой, – все это явления тревожные. Но есть нечто еще прискорбнее. Будем и здесь говорить до конца откровенно. Часть русского общества, или так называемая интеллигенция, выросшая на чужих идеалах, оторванная от народной русской почвы, не понимающая и не разделяющая бытовых, религиозных и государственных основ народа, как он проявились в тысячелетней нашей истории, давно уже стала противополагать себя правительству, незаконно присвоив себе название «общественных сил». Без сомнения, совершенно несправедливо отождествлять ее с истинными и действительными общественными силами. Но нередко самозванцам удается пристроиться к силам общества действительным и внести в них смуту. И не раз наблюдалось у нас явление, достойное глубокой жалости: мнимые представители общества говорили приблизительно так: «мы – общество, а там-то государство, мы – земство, а там-то правительство; мы хотим одного, государство желает другого; наша задача – легально или нелегально бороться с правительством»... Эта «игра в наших и ваших», недостойнейшая, позорнейшая и опасная игра, имеет за собою целую историю: она опирается на ту нами упомянутую часть интеллигенции, которая привыкла жить так называемою

оппозицей правительству, и притом только ради самой оппозиции. Одному царствованию она оппонировала ради другого, минувшего, что вчера она преследовала и с кем или с чем боролась, то сегодня она уже выставляла своим знаменем для борьбы. Сегодня, например, недовольство реформами 60-х годов и требование увенчать их здание, завтра – те же реформы – уже знамя для борьбы с национально-государственною работою 80-х годов; сегодня приветствие активной борьбы с правительством, чуть ли не одобрение деятельности социал-революцюнеров и анархистов, сношения с ними, поддержка и братание вплоть до цареубийства 1-го марта, а вслед за этим – непротивление злу; еще немного – возрождение идеализма; в следующей момент – экономический материализм; потом – обновленное христианство; потом – ницшеанство и так далее, переход от одной крайности в другую в области мысли и общественного уклада. Единым и связующим началом во всем этом брожении служила и служит лишь оппозиция существующему в данное время строю государственной жизни, какой-то больной зуд оппозиции, которая является и сущностью, и программою, и содержанием всей работы упомянутых лиц, занятием всей их жизни. И довольно малейшего повода, чтоб отовсюду появились эти карьеристы смуты с жалкими словами об их мнимом угнетении… Все мы знаем, не так давно произнесено вслух России нисколько не новое, а обычное слово о доверии к общественным силам, которого никто и прежде не отнимал, если, конечно, здесь разуметь истинные общественные силы, задававшиеся положительными задачами и служившие созиданию, а не разрушению. И что же видим и слышим? Вдруг поднялась газетная шумиха фраз и ни весть откуда всплыли якобы обойденные и задавленные общественные силы. Мы знаем и твердо уверены, что силам разрушения все равно впредь и никогда не будет места в государственной работе, но поднятая ими хотя и временная тревога и суета все же внесет смуту в слабые души и как нельзя более неуместна именно теперь, в тяжкие дни нашей борьбы с внешним врагом. Иной голос, иной призыв мы слышим в нынешнем нашем скромном торжестве, и

этот призыв назрел, он необходим и спасителен. Доверие к государственной власти, преданность и послушание правительству; желание соединиться под его знаменем, дружная творческая работа вместе с ним и под его руководством, вместо бесплодного пошлого критиканства, слишком разъедающего наш образованный класс; способность и готовность на всякие жертвы, способность стать выше мелочного самолюбия и мелочных интересов, – вот что, вот что теперь для нас всего нужнее! И не одна война настойчиво зовет к единению всех сил страны; о том говорят нам красноречиво и наши внутренние неурядицы; о том же говорит нам убедительно то прискорбное событие, которое случилось не так давно в нашем городе, – разумеем злодейское покушение на жизнь представителя Государя и правительства на Кавказской окраине. Если враги в злобе своей будут сильны и сплочены, а сыны отечества равнодушны или разделены между собою, считая себя одни – в лагере общества, другие – в стане правительства, тогда кто же станет работать для государства, тогда как устоять царству нашему? Разделившееся само в себе, оно опустеет. А этого и нужно врагам России, видам которых и служат деятели нашей пресловутой «общественной оппозиции». Нет, пусть именно общественные свободные силы окружат власть государственную почетом, доверием, уважением, общим сочувствием и общею готовностью содействовать ей в тяжкой работе ее и на окраине, и везде в России. В этом смысле и поучительно значение благородной решимости нашего частного Общества воспомоществования русским переселенцам собраться ныне на молитву, соорудить эту святую икону и выразить наше сочувствие и преданность государственной власти и ее представителю в нашем крае! Аминь.

По поводу войны с язычниками[133]

Апостоле, Христу Богу возлюбленне, ускори избавити люди безответны! Приемлет бо припадающа, иже падша на перси приемый, Его же моли Богослове, и належащую мглу языков разгнати, прося нам мира и велия милости (Троп. праздника).

Какая чудная молитва апостолу и как она просится на сердце и уста при нынешних обстоятельствах, переживаемых нашим православным отечеством! Належащую мглу языков разгнати свыше указано России с того вечно славного и памятного дня, когда при святом Владимире в волнах Днепра крестился народ наш и в своей исторической жизни призван был осуществить великий завет Христов: проповедать имя Господа Иисуса до последних земли, пронести Его Крест к северу, востоку и югу до граней, омывающих наш могучий материк морей и океанов. Жребий, воистину, равноапостольный!

Налегла на нас и ныне мгла языков; кровь льется, – драгоценная кровь наших братьев на Дальнем Востоке; мира и велия милости просит наша родина у Господа предстательством великого апостола. Но этот мир должен служить к славе и чести имени Христова, а не в позор и уничижение; этот мир должен быть осуществлением нашего великого призвания и равноапостольного удела, верностью ему, а не малодушным отказом, не изменою.

Где же найти нашему воинству и всему народу нашему, где найти силы стать теперь на высоте свыше даннаго подвига, – силы мужества, крепости и того безграничного величавого и спасительного терпения, которое, при неизмеримых тяжестях внезапно открывшейся брани, оказывается, нам теперь всего нужнее?

В вере и любви почерпнет наша родина эти силы, – в вере и любви, т.е. в тех именно святых добродетелях, которые и словом, и житием, и письменами завещал нам ныне прославляемый апостол любви Иоанн Богослов.

И благодарение Господу! С чувством отрады несказанной и благоговейной признательности мы можем теперь воспомянуть

о своем воинстве. Оно ли не исполнено веры? Оно ли не взирает на Крест? Бессмертны приказы славного защитника нашей Порт-Артурской твердыни: они громкую славу вещают Господу браней; от них веет духом древних псалмов, одушевлением древних судей библейских. Бессмертны подвиги наших пастырей, никогда еще в годины браней не явивших в среде своей в таком множестве самоотверженных героев: с крестом в руках они стоят впереди сражающихся, ободряют воинов, напутствуют умирающих. Вера в Бога, в правоту своего дела, вера в Россию, в ее могучие силы, – вот чем живет и движется наше воинство в настоящие минуты.

Оно ли, далее, оскудело в любви? Но это геройство, эти захватывающие дух подвиги, эта решительность на смерть, – чем все это вызвано, как не горячею любовью к отечеству? Сколько приходится нести трудов и лишений воинам, сколько трудов и лишений выносят врачи, санитары, слабые женщины в лазаретах и в госпиталях, ухаживающие за больными и ранеными! Все это цвет и плод горячей любви к отечеству и ближним, готовой на все по слову Христову: *«Больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положить за други своя»* (Ин. 15:13).

Братие! Верою и любовию, по заветам св. апостола, должны жить и мы; верою и любовию должны мы ответить на подвиги нашего воинства; пусть сольются эти чувства наши и наших братьев, ведущих за нас тяжкую брань, воедино, и ничто, ничто не одолеет тогда этого священного единения. К вере призывает нас и Церковь Божия, и каждый праздник теперь влагает нам в уста трогательные и горячие молитвы к Богу о даровании побед нашему христоименному воинству. Будем стекаться в храмы с особым усердием; будем возносить эти предлагаемые моления с особою верою и горячностью, и пусть в душах наших, исполняя нас упованием, твердостью, мужеством и терпением, раздастся немолчно священная песнь древнего пророка, видевшего свою родину на краю погибели, однако, с верою взывавшаго: «С нами Бог, разумейте, язы́цы, и покоряйтеся, яко с нами Бог; услышите до последних земли, яко с нами Бог; могущие покоряйтеся, яко с нами Бог; аще бо паки

возможите, и паки побеждени будите, яко с нами Бог, и иже аще совет совещеваете, разорит Господь, яко с нами Бог; и слово, еже аще возглаголите, не пребудет в вас, яко с нами Бог; страха же вашего не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог; Господа же Бога нашего Того осветим и Той же будет нам в страхе, яко с нами Бог; и уповая буду на Него и спасуся Им, яко с нами Бог!»

Не убоимся страха, не смутимся: вот что в жизни нашей будет плодом веры. Будем верить в правоту нашего дела, в святое одушевление и великую мощь нашего воинства, будем верить в силу и правду Святой Руси православной, в святость и величие ее мирового призвания! Пусть далеко бежит от нас всякий вид уныния и сомнения, этих спутников малодушия и мелкодушия, которыми в годины тяжких испытаний люди, лишенные веры и истинного патриотизма, причиняют обществу и народу более вреда, смуты и расстройства, чем самые испытания! Не будем скрывать, – есть таковые люди и в нашей среде. Пусть их навевающие смуту вопли и страхи разобьются о нашу веру, твердость и терпение! Здесь хочется повторить слова ныне прославляемого апостола: *«Возлюбленные! не всякому духу верьте, но искушайте духи, от Бога ли они»*… (1Ин. 4:1).

Нужно ли говорить и о любви нашей к отечеству? Но когда же и возгревать ее, и питать, и проявлять, как не во дни бранных тревог? Когда же и близка нам родина, как не в годину испытаний? Когда же и почувствовать, что мы все – братья, единая семья у единой матери-родины, как не во дни общей опасности? Когда же и разгораться сердцу чувством самоотвержения, готовности на всякие жертвы, как не теперь? И когда же, когда же и проникнуться благодарною любовью к нашим героям-воинам, умирающим за нас на полях брани, к раненым, больным, и придти к ним с посильною помощью?

Братья и соотечественники! В этот день торжественного праздника, в эти священные минуты молитвы за Царя и Отечество, у ног учителя любви – св. Иоанна Богослова дадим место в своем сердце чувствам горячей и все покоряющей любви к родине и ее избранным и излюбленным сынам, каковыми по праву теперь являются наши воины. Вспомним,

что в эти минуты, когда кругом нас так тихо и спокойно, когда праздничные песнопения оглашают наш слух, там, далеко от нас, наши братья на войне: у них вся жизнь теперь – один сплошной подвиг, труд, тревога, лишения, беспокойства, а для многих – грядущая смерть или тяжкая и мучительная болезнь от ран и увечий. И у них у каждого есть в году свой праздник родного храма; но увидит ли он этот праздник в кругу односельчан, на милой родине, где дорог каждый шаг земли?.. И у них у каждого – свои отец, мать, близкие родные, а у иного – жена и дети, ждущие его с поля брани, как опору жизни… но увидит ли он родной очаг, родные лица? И упреждая время и пространство, в часы редкого отдыха от бранных трудов, в тяжкие минуты пред страшным боем, в грозный миг смертельной опасности, наконец, прямо пред лицом смерти несется мысль воина к родимому дому, и тревожно сжимается его сердце за будущее жены и детей. А что, если жена будет вдовою, а дети сиротами?.. Пусть же святая родина заменит сиротам убитого отца и кормильца; пусть те, которые, будучи защищены грудью героев, проводят жизнь мира и покоя, придут на помощь к раненым и больным воинам и к семьям и сиротам убитых на поле брани и чести.

Ознаменуем, братья, наш праздник молитвою за воинство, а также посильною помощью раненым героям и семьям героев убитых; ознаменуем этот праздник в честь апостола любви подвигом любви. И да будет горяча наша молитвенная песнь небесному покровителю этого храма, песнь Церкви, в которой слышится нам теперь как бы моление всего дорогого нашего отечества.

«Апостоле, Христу Богу возлюбленне! Ускори избавите люди безответны!.. Его же моли, Богослове, и належащую мглу языков разгнати, прося нам мира и велия милости!» Аминь.

Смерть души и воскресение[134]

Среди церковных молитв есть одна, которая служит живым и назидательнейшим поучением в настоящий воскресный день.

Она знакома всем усердным богомольцам и читается в умилительном акафисте Господу Иисусу: *«Видя вдовицу, зельне плачущу, Господи, якоже тогда, умилосердився, сына ея, на погребение несома воскресил еси; сице и о мне умилосердися, Человеколюбче, и грехами умерщвленную мою душу воскреси»*… (Конд. 2-й).

Об этом именно чуде воскрешения сына вдовы сегодня мы слышали в евангелии. Таким образом, указанная сейчас молитва церковная, как видите, братие, переносит наше внимание от смерти и воскресения тела к смерти и воскресению души. Но могут спросить: разве может душа умереть так точно, как тело? И что значит воскресение души? Разумеется, душа не может разложиться и истлеть, как тело; душа, по существу своему, бессмертна. Но ведь и тело по смерти своей не уничтожается совершенно, и части, его составлявшие, после смерти тела по-прежнему продолжают существовать в мире в виде земли, воды, пара и проч. Однако, части эти перестали быть телом, которое потеряло по смерти свой вид, свои силы и свое назначение. Умерло тело; по-видимому, – по крайней мере это должно сказать о первых днях после смерти, – остается все прежнее: та же голова, те же глаза, уши, руки, ноги… Но глаза не видят, уши не слышат, руки не двигаются, и мы говорим: это труп, мертвое тело, потому что оно не выполняет своего назначения. Представьте себе человека в столь глубоком обмороке, что все сочли его за мертвеца, стоит, однако, ему открыть только глаза или поднять руку, и все признают его живым, ибо тело его исполняет свое назначение, следовательно, живо, а не мертво.

Применим сказанное к душе. Душа создана по образу Бога и всегда к Нему стремится. Как тело ищет пищи и питья, так душа ищет свойственного ей духовного питания: она ищет Бога, стремится к правде, к добру, к святости. Как тело мучится от

голода и жажды, так душа страдает и мучится без сродной ей пищи, без веры и добродетели. Как в теле мучения голода и жажды можно *на время*, только на время успокоить и обмануть, что нередко и делают сильно голодные люди, проглатывая вместо хлеба что-либо непитательное, вредное – бумагу, тряпки, даже землю, или выпивая во время жажды на море соленую морскую воду: так и душу можно занять вместо истинной ее пищи – веры, молитвы и добрых дел – удовольствиями и забавами пустыми или греховными. И, наконец, как тело без правильной и здоровой пищи, хотя бы и заменяемой указанными вредными веществами, все-таки непременно умрет, так и душа без Бога, без веры, без молитвы, без слова Божия и добрых дел вянет, делается безжизненною и как бы умирает; она не исполняет своего назначения и в этом смысле умирает.

Вот почему людей грешных и забывших о Боге и Спаситель называет мертвецами: *«Предоставь,* – говорил Он одному Своему последователю, – *предоставь мертвым погребать своих мяртвецов, а ты иди и возвещай царствие Божие»* (Мф. 8:22; ср. Лк. 9:60). Но это состояние души человека не безнадежно; она может ожить и воскреснуть. Поэтому и апостол, обращаясь к грешнику, призывает его: *«востани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос»* (Еф. 5:14). Лишь только душа сознает тщету и неправду греха и пагубность удаления от Бога; лишь только она обратится к молитве, к Слову Божию и доброй жизни; лишь только она вступит в общение с Искупителем в таинствах и коснется благодати Божией: она вдруг исполняется чудных неведомых и невидимых могучих сил, и из мертвой делается живою, ибо исполняет свое призвание и свое исконное назначение.

Итак, хотя воскрешением сына вдовы Господь Иисус Христос уверяет нас прежде всего в истине всеобщего воскресения и поучает нас готовиться к нему, но и ранее этого воскресения, еще живя в теле и на земле, мы должны, братие, стараться оживлять наши души и, если они умирают или умерли, воскрешать их от мертвых. Чем оживлять и воскрешать? Общением с Богом, первообразом души и

источником ее жизни, истиною и добром, этою пищею нашего духа. Общение же с Богом – в молитве; истина же – в вере и слове Божием; добро же – в святой жизни и последованию слову Божию при помощи благодати Господней. Воскрешение же души после греховной смерти дает нам покаяние тайное ежедневное перед Богом и явное в определенное время пред Церковью и ее служителем. А без всего этого, грешник, ты услышишь грозное слово Господа, записанное в Откровении: *«Знаю твои дела; ты носишь имя, будто жив, но ты мертв… Вспомни, что ты принял… и покайся»*… (Апок. 3:1, 3).

Но как воскресший телом не захочет умирать, так и душою воскресший от греховной смерти иди к жизни, к Богу, к истине, к добру и святости, а не к смерти и диаволу. Велика и неизмерима милость Божия, и нет греха, ее побеждающего: но милость Божию обращать в повод и поощрение ко греху, в беспечность, распущенность и легкомыслие, это – кощунство, безумие и оскорбление Божества. *А Бог поругаем не бывает*… (Гал. 6:7).

Видя вдовицу зельне плачущую якоже тогда умилосердився сына ея, на погребение несома воскресил еси; сице и о мне умилосердися, и грехами умерщвленную мою душу воскреси, Человеколюбче! Аминь.

Храм – училище любви и единения[135]

Вот вышел сеятель сеять…

Святая Церковь, братие, сегодня поучает нас чтением притчи Спасителя о сеятеле. Глубоко поучительна для нас эта притча, столь простая и ясная. Вышел сеятель сеять. И когда он сеял, одно зерно упало при дороге и было потоптано птицами; другое упало на камень, чуть-чуть покрытый землею; оно быстро взошло, но, не имея корня, скоро увяло, засохло от солнца и не принесло плода; иное же упало в терновник, и взошел терновник и подавил семя; а иное упало на доброй земле и принесло плод сторичный (Мф. 12; Лк. 8).

В евангелии мы слышали, как Спаситель объяснил ученикам Своим эту притчу. Сеятель – это Сам Господь Иисус, наш Божественный Учитель; семя – это слово Божие; дорога, камень, терновник, добрая земля – это души людские, которые различно принимают слово Божие: одни сейчас же все забывают, и слово Божие в этих душах и сердцах совсем не принимается и не растет, как семя на дороге; другие принимают слово Божие, но скоро при первом искушении забывают его и оставляют, потому что не имеют в себе глубины и корня,- настойчивости, постоянства и усердия; у иных же рядом с словом Божиим живут и действуют пороки, страсти, которые, как терновник семя, заглушают рост слова Божия и не дают ему принести плод; а у иных на доброй душе при усердии и терпении и постоянстве слово Божие приносит богатый урожай и плод веры, молитвы, добрых дел.

Вот притча. Ее закончил Господь наш возглашением: «*имеющий уши слышать, пусть слышит*!"

Желаем ли мы, братие, слышать и знать слово Божие, это святое семя жизни вечной и счастья вечного? Без сомнения, желаем; мы научены Спасителем: *«Блажени слышащии слово Божие и творяще е»* (Лк. 11:28). Мы знаем, что если не посеешь на пашне, то она или останется пустынною, дикою, или покроется вместо хлеба дурными и сорными травами; душа наша – пашня; если не посеешь на ней семени слова Божия, то

она или будет пустою, дикою, ничего не знающею, или чаще всего она зарастет дурными мыслями и неправильными понятиями, дурными чувствами, дурными пожеланиями.

Вот почему с чувством глубокой и живейшей радости наш архипастырь поспешил приветствовать и благословить молитвою ваше намерение, братие, поскорее иметь в этой местности обширный и для всех доступный храм, это святое место сеяния слова Божия. Выше всяких самых высших школ, выше и нужнее всякого какого угодно ученого и благотворительного учреждения – храм Божий. Кто устроил храм, тот сотворил дело, самое угодное для Бога и самое нужное для людей. Это ведь лучшая школа для людей, где они поучаются молитве, единомыслию, союзу веры и любви, где они получают неисчерпаемые посевы небесных истин в души и сердца; это – врачебница душ от грехов; это – самое высокое благотворение для людей, ибо что выше и дороже вечного спасения? А оно-то и подается чрез таинства святые в храмах Божиих. Мы знаем, далее, что в нравственной жизни выше всего Господь завещал Своим последователям любовь между собою. Он сказал: *потому и узнают, что вы Мои ученики, если вы будете иметь любовь между собою* (Ин. 13:35). Но для укрепления любви нужно собираться вместе, нужно иметь что-либо высокое и святое для всеобщего объединения; все это и дает храм; здесь *едина у всех вера, едино крещение*, едина истина, единые таинства, *един Бог и Отец всех* (Еф. 4:4).

Не напрасно поэтому, если враги задумывают погубить нас, то они прежде всего захотятъ разделить нас и лишить общего дома Божия, т.е. храма Божия. Когда на дворе темно и холодно, тогда-то мы и постигаем всю цену своего дома, своего теплого и светлого уголка, где мы с родными и милыми сердцу проводим жизнь безопасную и спокойную, хотя бы за стенами дома ревела и бушевала буря. Теперь именно и переживаем мы такое время, когда нас, православных, хотят разделить и лишить нас согревающего и спасающего нас дома Божия. Воистину, кругом нас будет страшная буря.

Среди здешнего населения, вы сами знаете, есть, по выражению апостола, *братья, безчинно ходящие* (2Сол. 3:6).

Давно о них говорил св. апостол: они оскверняют плоть, они восстают на высокие власти, отвергают начальства, они обещают всяческую свободу; они зовут к бунтам и изменам; это облака, которые шумят, но не дадут живительного дождя; это деревья дважды умершие, бесплодные; уста их произносят надутые слова – и только. Так их изображает св. апостол (Иуд. 1 гл.), и вы сразу узнаете их по этому изображению. Они-то прежде всего идут против всего святого, религиозного, для них и храм Божий не нужен и ненавистен; они поэтому и верующих чад Церкви хотят отторгнуть от Церкви и храма.

Есть и другие враги наши духовные в этой местности. И о них давно сказал св. апостол свое осуждающее слово. Это отделившиеся от Церкви *непокоривые* и *своим умом прельщенные*, помешавшиеся на своей гордости сектанты, которыми, по слову того же апостола, *надлежит уста загражда́ти* (Тит. 1:10). И от них вы услышите укоризненные слова о храме, и они не хотят видеть здесь дома Божия…

Берегите же, братие, ваше духовное сокровище, святой храм, место сеяния слова Божия! Старайтесь сплотиться, соединиться вместе крепко-накрепко, не жалейте ни средств, ни усердия, чтобы создать себе и своим детям согревающий и освещающий дом, дом Божий, где вы можете укрепиться от житейских бурь, от духовного холода, от духовной тьмы.

Все, все сделает единодушие, и с благословением архипастыря на закладку вашего храма Божие благословение низойдет и на это дело и на все дела рук ваших. Как крепость спешно и усердно укрепляют в виду врагов, как дом спешно возводят в виду холодного времени: так и храм, эту духовную крепость нашу и спасительный дом, возводите вы скоро, усердно и успешно в виду духовных врагов нашей веры, в виду холодности в церкви, которую хотят везде распространить враги нашего святого отцепреданного православия.

Когда же воздвигнется здесь храм Господень, тогда мы можем с особым смыслом и с особым чувством сказать словами ныне слышанного евангелия: *«Се изыде сеяй да сеет»*. И дай вам, Господи, воспринимать семя слова Божия на добрые души,

с упованием на плод духовный, плод веры, молитвы, святости и вечного спасения!

Имеяй уши слышати, да слышит! Аминь.

Уроки чудес Христовых[136]

Если Моисея и пророков не послушают, то если кто и из мертвых воскреснет, не поверят (Лк. 16:31).

Эти слова Господа Иисуса Христа взяты из притчи Его о богаче и Лазаре, которую мы сегодня слышали за литургией в евангелии. Не станем теперь вновь повторять ее подробно, как всем достаточно известную. Остановимся вниманием на самом окончании притчи.

Богач, мучимый в аде, просит Авраама, чтоб он послал Лазаря на землю: *«ибо у меня пять братьев, пусть он засвидетельствует им, чтоб они не пришли на это место мучения»*. Но Авраам отвечает, что о загробной жизни, о загробном воздаянии, о жизни земной, как приготовлении к небу, для братьев погибшего богача достаточно учения и проповеди Моисея и пророков: *«пусть слушают их»*. Богач же сказал: *«Нет, отче Аврааме, но если кто из мертвых придет к ним, покаются»*. Тогда Авраам сказал ему: *«Если Моисея и пророков не послушают, то если кто и из мертвы воскреснет, не поверят»* (Лк. 16:27–31).

Вот, воистину, устрашающее слово, истина которого несомненна, ибо его изрекла Сама Воплощенная Истина, ибо его подтвердил опыт веков и тысячелетий. Как ясно говорит оно, что не в отсутствии доказательств веры причина неверия, а в развращенности сердца, в дурном направлении воли: так, ленивец не оттого предается праздности, что у него пред глазами мало примеров гибельных последствий ее; так, и пьяница не оттого отдается вину, что не знал и не слышал, к чему приводит оно, – но оттого, что ни тот, ни другой не хочет вступить в борьбу со своими порочными склонностями… *Сердцем веруется в правду*, говорит св. апостол (Римл. 10:10); в сердце же и источник неверия. Напрасно поэтому говорить, что ныне оскудела вера потому, что оскудели чудеса; евангелие уверяет нас в обратном: оскудевают чудеса от оскудения веры… Напрасно поэтому надеются чудом привлечь к вере того, кто потерял ее; и Сам Господь не творил чудес там, где видел одно

упорное и озлобленное неверие или вместо веры праздное любопытство, или, наконец, даже искушение Господа... Он не претворил камней в хлебы, Он не сошел со креста, Он и по воскресении являлся ученикам Своим, а не фарисеям и саддукеям... Жители Его родного города, услышавши, что Он много сотворил чудес в Кане и Капернауме, ждали от Него гораздо больше чудес на родине. Евангелист по этому случаю кратко, но выразительно замечает: «И не совершил там чудес *по неверию их»*... (Мф. 13:58).

Наоборот, мы не раз видим в евангелии, что чудеса, совершенные пред людьми упорно неверующими, еще более озлобляют их. Ибо нет чуда, самого великого, нет знамения, самого поразительного, которого не объясняло бы какими-либо естественными причинами упорное в злобе и неверии сердце. Припоминается евангельская история исцеления слепого от рождения: допрашивают исцеленного фарисеи, допрашивают соседей и родителей его, несколько раз слышат, Кто исцелил, как исцелил, убеждаются самым осязательным образом, что исцеленный есть тот именно, которого все много лет знали и видели слепым, просящим милостыню; наконец, опять допрашивают исцеленного. Расследование произведено полное, всестороннее; сделано все для убеждения в истине чуда: оказалось, нет ни малейшей причины в нем сомневаться. Читая евангелие, ожидаешь, что, наконец-то, восторжествует добро, наконец-то, все признают в Иисусе Христе Божественного Посланника. Что же? Вместо этого слышим приговор: *«не от Бога сей человек»*... (Ин. 9).

Вот воскрешен Спасителем Лазарь: чудо, разительнее которого трудно и представить! Умерший четыре дня во гробе и уже разложился; Иисус Христос не присутствовал ни при смерти его, ни при погребении. Он подходит к пещере, не зная даже места могилы; Его окружает народ; враги Его следят за каждым Его движением... Слово Иисуса оказалось словом Владыки жизни и смерти и возвратило из челюстей ада мертвеца четвородневного к жизни. Нет и не может быть места сомнениям; остается одно: идти за Христом. Что же видим? С этого дня Синедрион еврейский положил убить Его... (Ин. 11:53).

Сам евангелист с удивлевнием замечает: *«Столько чудес сотворил Он пред ними, и они не веровали в Него... Народ сей ослепил глаза свои и окаменил сердце свое»* (Ин. 12:37, 40; ср. Ис. 6:10). Нет ничего упорнее, пристрастнее и несправедливее неверия!

Возьмем еще пример из истории. Первые века христианства; верующих мучат и предают смерти; часто не берет их огонь, не сечет меч, не умерщвляют дикие звери. Но еще чудеснее высота духа мучеников, их преданность Богу, верность убеждениям, готовность на страдания и смерть. Видим: воины, палачи нередко здесь же, на месте и во время казни принимают христианство, свидетельствуя кровью искренность своего обращения. Что же правители и судьи? А они только озлобляются более и более, обвиняют христиан в колдовстве и безбожии и, видя недействительность одного способа казни, измышляют другой, более мучительный.

Чудеса для неверия – только суд правый и правое осуждение; они ясно говорят, что Господь дал для неверных и злобных все, чтобы привлечь их к Себе, что Он не хотел их погибели; безответно неверие пред судом Божиим и его слуги сами себя губят, *зане любве истины не прияша во еже спастися им* (2Сол. 2:10).

Но для тех, кто веровал, для апостолов и учеников Христовых, для христиан всех последующих времен эти чудеса, виденные ими или открытые в слове Божием, служили и служат подкреплением веры, утешением в страданиях, радостью о Господе. Они сообщали и сообщают верующим такую силу убеждения, такую преданность Спасителю, что делали союз с Ним крепче смерти и исторгали из уст и сердец вдохновенные и восторженные слова, – слова исповедания для всякого горячо верующего сердца: *«Что нас разлучит от любви Божией? Скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или беда, или меч? За Тебя умерщвляют нас всякий день, как овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, никакая*

тварь не может разлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе Господе нашем» (Римл. 8:35–39).

Братие! Сегодня и мы с вами стоим лицом к лицу пред чудом, которое совершилось на земле русской 17 октября 1888 года, когда явил Господь любовь Свою и милость к Помазаннику Своему – нашему Царю с Его Семейством, когда, говоря словами ныне чествуемого Церковью пророка Божия Осии, *от руки адовы избавил Его и от смерти искупил Его* (Ос. 13:14).

Пусть глумится и глаголет нечестивую хулу злобствующее неверие: подобает и сему быти; пусть надменное легкоумие придумывает естественные причины события, когда среди всеобщего разгрома и бушующих стихий, среди смерти и разрушения, Ангел Господа, по воле Его, явился хранителем Царя и Его Семьи и даровал их России невредимыми. Но для нас, для верных сынов Церкви, для верных сынов отечества и Государя, здесь чудо; здесь великое чудо милости Божией к России, ибо страшно даже и подумать, что было бы с нашим отечеством, если бы 17 октября 1888 года Царский Дом наш погиб в крушении поезда. Пусть же чудо это не пройдет для нас бесследно, пусть не будет среди нас людей, подобных евангельским фарисеям, что в неверии своем приготовили себе гнев на день гнева и откровения страшого суда Божия. *Днесь аще глас Его услышите, не ожесточите сердец ваших!* (Пс. 94:8; ср. Евр. 3:8, 4:7). Пусть исполнятся сердца наши радостью о спасении царя, веры, преданности, благодарения и славословия к Богу-Промыслителю!

Утвердимся же прежде всего в той мысли, что не отвратил Господь очей Своих от нашего дорогого отечества, от Руси святой, православной; что не иссяк в ней род праведных, семя святое, которым стоит всякое царство (Ис. 6:13); что при всем разливе неверия довольно на Руси таких ревнителей веры и Церкви, которые не преклонили колен и не кадили пред современными ваалами, какими бы именами они не прикрывались; сильна Русь покровом Божиим и благочестием многих сынов своих.

Утвердимся в той отрадной мысли, что в Церкви, к которой мы имеем счастье принадлежать, в церкви православно-русской

пребывает благодать Божия, Спасителем обетованная, и проявляется в спасительных и чудесных знамениях; следовательно, это и есть та самая Церковь, о которой изречены Спасителем великие обетования, что врата адова не одолеют ей: в ней полнота истины, путь спасения, источник святости, сокровище благодатных даров Духа Святого.

Возрадуемся и о первородном и почтительном Сыне нашей родимой Церкви, – о нашем воистину благочестивейшем Государе, – укрепимся в убеждении, что власть Его – власть от Бога и сохранена нам Богом в Его чудесном спасении; проникнемся чувствами горячей верноподданнической любви к Нему, готовой на всякую службу, на всякий подвиг и жертву. Спасенный чудесно, избавленный от челюстей смерти, отмеченный перстом Божьего Промысла, Он бесконечно дорог русскому сердцу. Господи! дни на дни приложи царю и лета на лета, сохрани над ним Твой вышний покров, даруй Ему благоуспешное во всем и долгоденственное царствование!

Утвердимся, братие, в вере и преданности Промыслу Божию, бодрствующему над Россией, в эти тяжкие дни войны, когда среди нас не мало унылых, слабых, маловерных и малодушных.

Как бы ни было тяжко на брани, какие бы тревожные и тягостные вести ни неслись оттуда: *се не воздремлет ниже успнет храняй Израиля!* (Пс. 120:3–4). Там, где не останется надежды на силу и помощь человеческую, явится помощь Божия, тем более вразумительная и несомненная, чтобы мы в гордыне своей не приписывали себе ничего, но все воздали бы Богу. *Не нам, Господи, не нам, но Имени Твоему даждь славу* (Пс. 113:9).

Так, окрыленные верою и упованием, в виду чуда Божия, призовем и ныне благословение Господа и вышний покров Его на Царя и Россию в наши тяжкие и скорбные дни!

Господи, силою Твоею возвеселится царь, и о спасении Твоем возрадуемся зело. Господи, спаси Царя и услыши ны, в оньже аще день призовем Тя! (Пс. 20:2, 19:10). Аминь.

Царь-Праведник[137]

Память его в род и род

Десять лет сегодня минуло с того скорбного дня, когда вся Россия потрясена была от края и до края вестью о смерти незабвенного Государя Императора Александра III-го. Время ослабило эту скорбь; в истекшие десять лет произошло столько событий, занявших внимание России, столько радостей и печалей, что, по ограниченности человеческой природы, русское общество, конечно, жило и живет главным образом интересами настоящего дня. И тем не менее, память о покойном Государе не умирала в России и, верим, не умрет никогда. Время отдалит от нас его образ: но в отдалении он будет еще прекраснее, еще привлекательнее и целостнее; история выдвинет новые события и новые интересы: но связь настоящего с прошлым никогда не прекратится; она будет выступать пред взором живущих все ярче и определеннее, наглядною, осмысленною, и в этом прошлом имя и образ Императора Александра III-го неизменно будут вызывать только чувства благодарности и преклонения. Это не был рядовой бесцветный человек, сливающийся с миллионами своих современников и скоро исчезающих из памяти потомков; это не был и рядовой исторический деятель, чрез несколько десятилетий только числящийся в списках правителей и не оставивший яркого следа *в народной жизни* и в народной памяти. Император Александр III-й занял в истории *свое* место, сказал *свое* слово; он ответил заветным желаниям истинно-народного идеала Царя, заветным думам и порывам истинно-народной души.

«Царь по сердцу Божию» и по сердцу народному, он вполне осуществил слова царя-псалмопевца: *Он сошел, как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие жаждущую землю. И будет жить… и будут молиться о нем непрестанно, всякий день благословлять его. Доколе пребудет солнце, будет передаваться имя Его* (Пс. 71:6, 15, 17).

Память его в род и род... Во дни печали народной будут вопрошать: как бы поступил в этом случай незабвенный Царь-

Праведник и какой исход указал бы народной жизни? Во дни радости будут видеть, как он подготовил ее мудрым проникновением в глубину народных нужд и предусмотрением грядуших судеб царства. А всегда и во всем будут учиться у него, как надо любить свою родину, как надо верить и верить в нее и как надо жертвовать для нее всем и всем, не исключая и жизни своей. Тем именно он и дорог и близок нам, тем именно и привлекает он к себе благодарные сердца, что это не был только мудрый и трудящийся правитель; это был сын, истинный сын России, это был Царь-отец своего народа и, наконец, он был *жертвой* за Россию.

Да, жертвой. Стоить только вспомнить, при каких обстоятельствах он вступил на царство. По окровавленным ступеням, залитым кровью его отца, злодейски убитого, пришлось ему взойти на свой царский трон. Кругом неистовствовала общественная смута и помрачение, воочию показавшие всю силу и весь ужас зла, если ему нет преград и твердого противодействия. Внешние и внутренние враги России пророчили ей скорый конец, ждали ее гибели, злорадством, клеветою, отчаянием устрашали верных сынов Царя и царства. Пред этим ужасом смущались самые мужественные умы и сердца, да и чье сердце не поколебалось бы при виде торжествующего зла, в сознании недостаточности средств борьбы с ним… Но не смутился покойный Государь. Исполненный глубокой религиозной веры, горячо любящий Россию, он один из немногих прозрел, что сила зла – кажущаяся сила, что смута умов и сердец есть только грязная пена на поверхности глубокого и цельного океана истинно-народной жизни. Твердою рукою взял он кормило государственного корабля, твердым словом воззвал он к своему народу, и вдруг услышался ответный могучий отклик из всех нетронутых глубин народного духа, из всех здоровых слоев народной жизни, и все почувствовали сразу и силу, и спокойствие, и уверенность… Разлетелся мираж близкой гибели России, поднялся народный дух, укрепилось русское самосознание, присмирели враги. В короткое время царствования своего покойный Государь любовным и заботливым оком заглянул во все уголки

государственной жизни и всюду внес порядок и спокойствие. Ни голод, ни холера внутри России, ни оскорбления и вызовы врагов совне не вызвали его из величавого и неустанного труда царского, непоколебимо покоившегося на вере его и на любви. И чудо воочию свершилось: он передал царство своему Сыну в таком порядке, в каком не передавали его преемнику ни один из русских государей.

Но только Бог единый знает, сколько трудов, усилий невероятных, полного самоотречения и скрытых страданий пришлось вынести покойному Царю для блага России. Только впоследствии, и то случайно, узнали русские люди, что не раз жизнь покойного находилась в опасности, что не раз внешнее враги готовились нанести смертельный удар России и что Царь их, наделенный богатырским здоровьем и сложением, краса и гордость их, не доедал, не досыпал, не имел достаточного отдыха, – и сошел в могилу буквально подавленный бременем труда, непосильного ни для какой человеческой природы.

Воистину, вся его жизнь и его преждевременная кончина были жертвою за русский народ, за наше благо и счастье.

Но и смертью не кончается его служение России. *Умер праведник, и яко не умре*: вот что, повторяя слово Писания, можно сказать о нем. Он вдохнул веру в Россию, в ее силы и в ее предназначение; он завещал нам твердость и мужество в испытаниях; Он показал, как неизмеримы и неисчерпаемы силы святой Руси, которой страшно и гибельно только одно, только одно несчастие: оскудение веры и христианского благочестия.

В нынешнюю годину тяжкой брани отрадно помянуть молитвою почившего Царя, помянуть его заветы и исполниться его духа, – духа веры, упования и мужества. Отрадно вспомнить, что все благодетельное для нас в нынешней войне сделано и предусмотрено почившим: если бы не начатый им железнодорожный путь чрез Сибирь, дающий возможность собраться нашим войскам в течение месяцев в таком количестве, для которого потребовались бы, при отсутствии дороги, буквально годы; если бы не воссозданный им русский флот; если бы не упорядоченные им государственные финансы: то, может быть, Россия уже навеки потеряла бы огромную часть

своего достояния в Азии... Но теперь она может смотреть смело в будущее и рано или поздно, и после победы и даже после поражения, – выйти с честью и сохранною из той брани, которую предательски начал против нее языческий враг.

Помянем же, братие, горячею молитвою в Бозе почивающего незабвенного Государя Императора Александра III-го! Будем верны его священным заветам веры, труда, молитвы и горячей любви к отечеству, будем верны его дорогой памяти, да возрадуется и выну радуется душа его о Господе в горних селениях, в невечернем дни царствия небесного, к которому восшел он от трудов царства земного! Аминь.

Бодрая вера в Россию[138]

Обступили нас ужасы брани. На полях Маньчжурии две огромные армии стоят одна пред другою, в зимнюю стужу, в тяжких условиях жизни, готовые ежеминутно ринуться в кровопролитное сражение, которое обещает затмить собою все, что знает история браней. А у берега незамерзающего моря, на самой крайней точке полуденных пределов России, отрезанный от всего мира гарнизон крепости ведет беспримерную геройскую борьбу с сильнейшим врагом, удивляя мир подвигами мужества и чести, и, истекая кровью, просит себе благословения своего Государя на все, что судит Господь: на брань, на подвиги, на муки и смерть... Дальним, кружным путем, на пространстве десятков тысяч верст, прорезая волны чуждых морей, посреди ежеминутных опасностей и предательства, посреди шипящей злобы, готовой на всякое коварство, медленно движется русский флот, направляясь все туда же, на Дальний Восток, к Великому морю-океану, до которого, наконец, в шири и размахе народного гения докатились волны могучей русской государственности, на зависть и страх языческой Японии и ее низкодушных, жадных и завистливых союзников в Европе и Америке. Беспрерывною живою рекою переливаются из внутренней России к дальней Сибири, направляясь на поле брани, полки за полками: то идут в величавом спокойствии и в геройской решимости на подвиги и смерть наши братья, на которых выпал жребий стать в ряды защитников родины. Тысячи их уже положили жизнь свою за отечество и отошли к вечному покою; десятки тысяч томятся больные и раненые. А между тем назревают новые планы войны, во всю ширь развертывается организация русского воинства, нарождаются новые армии, собирается и растет невиданная по численности, грозная русская рать вокруг испытанного трудами бури боевой архистратига нашего воинства...

Мысли и сердца наши прикованы к дальней окраине отечества. И в нынешний день церковно-государственного праздника о ком же думать нам и молиться, о ком, как не о вас,

наши доблестные воины, наши мученики и герои, что храните и отстаиваете честь и целость и великое мировое будущее России ценою жертв и страданий?

Но что это мы слышим порою от этих героев, когда они, больные или раневые, возвращаются с поля брани в мирную обстановку жизни внутри России, когда они прислушаются и присмотрятся к тому, что здесь говорят и пишут, чем здесь заняты и интересуются? К стыду нашему, не раз по этому поводу раздавались их горькие сетования вслух всей России, а один из них мягко выразился в печати, что он снова тяжко «ранен на родине»… В самом деле, там, в армии, бодрый труд, жертвы, лишения и, несмотря на них, крепкая и твердая вера в окончательное торжество России; а здесь, в России, – нередко малодушие, уныние, шипящая злобная сплетня, ложные слухи, мелкое и жалкое критиканство действий наших войск со стороны непризнанных главнокомандующих, осуждение армии, ее героев и руководителей. Там, на поле брани, все помыслы, все силы и старания направлены к тому, чтоб увенчать славою начавшуюся вынужденною нашу брань и приготовить отечеству великое будущее; а здесь, – здесь господствуют такие интересы, поднимаются такие счеты, что кажется, будто воюет собственно армия, а не русский народ, не русское государство… Нашли же теперь время спорить о доверии или неверии к силам общественным; удосужились высчитывать обиды прошлого, рассматривать счеты служилого класса и общества; под гром войны вздумали мечтать о внутренних преобразованиях, поднимать с особою невидимою силою вопросы о фондах и жертвах на народное образование… Но самое главное, самое нелепое, позорное и даже преступное во всем этом шуме и смятении – это какое-то дикое непонятное самоуничижение, какая-то фанатическая брань всего своего, родного, милого русского прошлого и настоящаго. В годину войны нашли время вселять в народ презрение к себе, угашать его дух и самосознание, развенчивать его отчизну, за которую он должен сражаться. Воистину, это мог сделать и придумать только враг Росии… И в чем только ни обвинили русский народ?! Во всем он оказался виновным: виновен в том, что в его стране не светит

яркое солнце юга; что берега его земли не омывает лазурное море; что на почве его северных полей и лесов не произрастают роскошные плоды тропических стран; что в своей обширнейшей стране не успел он народить густое население; что его история исполнена великих испытаний; что он выступил в истории на 500 лет позже народов Европы, да и занял пустыни, леса и болота, а не насиженные места древней римской культуры, которые достались галлам и германцам; что по этой причине он не успел, не мог развить ни просвещения, ни промышленности, ни богатой торговли, – всего, чем богаты счастливые обитатели счастливых южных приморских и густо населенных стран Европы... Ведь это похоже на то, как если бы Петра Великого обвинять, что он не провел железной дороги от Москвы к Петербургу... Обличения русскому народу льются неудержимым потоком, и дошло до того, что журналисты, поучающие тысячелетний народ, создавший великое государство, вдохновляемые нередко то инородческими вожделениями, то неисцелимым преклонением пред всем иноземным, то увлечением модными последними словами, то жаждой популярности, то просто построчною платою, объявляются ни более, ни менее, как равными древним пророкам, вдохновляемым на слово истины Духом Божиим... Бесспорно, что в среде этих писателей немало людей почтенных, честных и разумных, но и они – все же люди, способные заблуждаться, увлекаться, впадать в односторонность, и сравнивать их с библейскими пророками – не только неправильно, но и прямо кощунственно. Крайность за крайностью, – и в некоторых газетах отечество наше объявлено уже не заслуживающим любви ни со стороны купечества, ни со стороны крестьянства; народ признан несчастнейшим из народов, уже теряющим и чувство патриотизма, идущим в разброде с «постылой» родины, а русские вообще признаны издавна, «со времен Тацита», стоящими ниже всех народов и в умственном, и в нравственном отношениях... Что касается образованного класса, то о нем заявлено, что он возвращается с Запада Европы, «как с богомолия», с чувством благоговения; что дома, в России, ему

тесно, душно, безотрадно, что он вместе с народом задавлен, задыхается[139]…

Дальше идти в самоуничижении уже некуда. Но вместе с тем и больших и убедительнейших свидетельств и доказательств полной неправды таких речей тоже искать нечего: они сами произносят себе приговор и ясно показывают, что перешли грань, за которою начинается уже не разумное слово, правдивое и сдержанное, а сплошная брань и крайность увлечения. Да, в нашей жизни много недостатков, и верно, что война особенно резко и заметно открыла и подчеркнула эти недостатки, но искоренять их нужно не с злорадством и чувством какой-то злобной мести за прошлое, а с любовью и смирением, которое, однако, не исключает в христианине ни сознания собственного достоинства, ни сознания достоинства отечества. Но главное, – ведь всему свое время. Необходимо нам, например, – необходимо, как воздух, просвещение. Но время ли для воззваний о жертвах на это дело, когда пред глазами – ужасы войны, прежде всего требующие напряжения всех сил, всех и всяких жертв? Что бы вы сказали о матросах, которые, видя опасность, грозящую кораблю, стояли бы около подзорных труб, предаваясь изучению астрономии? Астрономия – великая наука, но матросы те – все-таки безумцы. Что бы вы сказали о жильцах дома, которые, видя, что дому грозит опасность пожара, что дым и пламя прорываются в окна и на крышу, продолжали бы читать ученые книги, пополняя свое образование? Образование – великое дело, но жильцы те едва ли могут быть признаны людьми здравомыслящими.

Придет желанный час, даст Господь нам мир, – о, если бы это был прочный и долгий и *достойный*, главное, *достойный* мир, – и тогда само собою наступит время для новых вопросов внутренней нашей жизни, на которую обратится вся энергия и все силы, что уходят теперь, естественно и необходимо, на внешнюю брань с врагом.

Но и тогда, и теперь злобные хулители России, забросавшее ее печатною грязью, – это клеветники родины, это неблагодарные и неблагородные ее сыны!.. Они хотят оправдать пустоту своих душ и сердец, холодных к родине, тем,

что отечество будто бы недостойно их... Нет, наоборот, они недостойны отечества, они, эти жалкие рабы ложно направленного просвещения, взявшие напрокат чужия слова и мысли, эти несчастные духовные безродные, «непомнящие» родства... скитальцы, – иного имени им нет. И слава Господу, что их – ничтожная кучка. Велик коренной русский народ, – не одно крестьянство, нет, – все классы русского народа, которые своими действиями в эту войну показали воочию всю низость той печатной клеветы на Россию, которая нашла себе место в последнее время на страницах некоторых газет.

Это для крестьянства-то стала «постылою» родина, – для крестьянства, давшего из среды своей бестрепетных матросов «Стерегущего» и бессмертной памяти Василия Рябова?! Это крестьянство-то перестало любить «безприютную» отчизну, – то крестьянство, которое дало десятки тысяч героев во всех сражениях?! Это оно теряет патриотизм, – оно, которое в своих представителях в Порт-Артурте удивляет мир чудесами героизма?! А подвиг пастырей на войне? А сестры милосердия, о которых нельзя ни вспомнить, ни говорить без сердечного умиления? А врачи и санитары? А доблестные офицеры армии и флота? А представители общедворянской и общеземской организации помощи больным и раненым? А разве купечество не посылает на войну своих сынов? А разве оно не принесло миллионных жертв на нее?

Стыдитесь, клеветники России! Остановите грязный поток изрыгаемой вами на нее хулы, остановите ваш похоронный лицемерный плач о ней! Она жива, Россия, и жив народ, ее создавший; она не брошена своими детьми, она ими любима и будет любима вовеки; она имеет таких защитников, таких детей, которые с радостью отдадут ей все дорогое, до последней капли крови, до последнего биения сердца, до последнего вздоха жизни.

И страдающая, подавленная нуждою, горем, даже униженная, окруженная злобою врагов и низкою клеветою, – даже побежденная врагом в этой трудной, в сущности колониальной войне, она еще более мила и близка сердцу народному!

Послушаем, как даже иностранцы удивляются несокрушимому патриотизму и твердости духа русских солдат, которые всякую неудачу объясняют одним: «не пришла еще Россия»[140]. Послушаем, что пишет посетивший на днях нашу страну представитель далекой епископальной церкви из враждебной нам Америки[141]. Он печатно, во всеуслышанье заявил, что дух христианства всецело проникает русскую жизнь, и что он навеки сохранит самые лучшие воспоминания о русском народе, который поразил его своим высоким христианским настроением.

Послушаем и русских наблюдателей нашего воинства; из них один, которого, судя по прежним его литературным трудам, трудно заподозрить в преувеличении достоинств русского народа, пишет, как бы извиняясь за громкую хвалу ему: «Что я видел, то видел. А насмотрелся я на русскую душу в чистом ее виде. Оторванная войною, подвигом, страданиями, близостью к смерти, сознанием своего подвига, своего достоинства... эта душа являет себя такою милою, такою детски-чистою, такою раскрытою для всего доброго, что не поверить в нее, не полюбить ее – нельзя»[142].

А в назидание и поучение в нынешний день, нам хочется предложить один самый простой и естественный вопрос: кто же воспитал эту душу, кто воспитал этих героев, которые во все века русской истории являлись у нас нескудно, которые в войны Отечественную, севастопольскую русско-турецкую и в настоящую русско-японскую снова воскресили в глазах мира былую славу русской отваги, самоотвержения и высокого патриотизма?

Кто воспитал? Школы? Научное знание и просвещение? Народные дома? Театры? Общественные организации? Ничего этого не было в России в течение веков; эти учреждения, на которые возлагаются теперь столь великие надежды, или явились недавно, или только предположены в будущем. Между тем, уже сто лет лучше русские писатели в своих произведениях рисуют нам идеальных людей из простого народа и зовут образованное общество идти и учиться у этого народа смирению, терпению, мужеству, глубокому пониманию

христианского духа, бесстрашия пред смертью, способности к подвигу, великодушию, милосердию, любви к отечеству и житейской трезвой мудрости.

Кто же воспитывал наш народ в течение веков?

Одна религия. Вера была его единственною движущею силою; пастыри Церкви были его единственными учителями; храмы – единственными училищами, а богослужение, книга церковная – всею совокупностью его просвещения. Не говорим, что с этим и должны навсегда остаться, а все другое – школы, науку, промышленность и проч. – выбросить вон. Но утверждаем, что святая вера должна остаться главною воспитывающею силою в нашем народе: «Все остальные воспитательные средства, какими располагает общество, лишь распределяют нравственную силу, порождаемую религией, могут ее разумно сберегать и направлять, могут угашать и искажать», но нового источника этой силы создать не могут. «Вне религии у человека нет притока нравственной силы, нет и источника сознательной и добровольной дисциплины. Без религии общество имеет в своем распоряжении только слепую привычку, да чисто принудительную дрессировку. Но оба эти средства способны только некоторое время поддерживать, а не порождать нравственную дисциплину»[143]. Во всяком случае, они не дадут народу героев на протяжении тысячелетий.

Верою и теперь живет наш народ. Верою и теперь он бодр, силен и смело смотрит в будущее России. Верою он осмыслил настоящую войну, которая для него – продолжение мирового призвания, свыше указанного, борьба христианства и язычества, правды и неправды, Креста и древнего дракона, что символически изображено и на его государственном гербе. Верою он, повторяем, осмыслил великие совершающиеся события, которых никак не уразумеют образованные классы: последние не понимают, зачем эта война, эти жертвы, они унывают и малодушествуют, говорят «о победимости» России, готовы на унизительный мир и вместе с тем требуют побед, – в то время, как народ, сильный верою, которая даст ему равновесие духа и жизни, идет путем, указанным ему Провидением, и близок-близок теперь к тому часу, когда – во

гласе ли победы, с громким славословием Господу мира и Богу браней, или, если так судит Бог, и в смирении после неудач войны, после безрадостного мира, – он воспрянет к могучей работе мира, в чаянии великого будущего, которое уготовано ему Провидением.

Сольемся, братие, с этою могучею народною верою и вознесем ныне горячие молитвы о Царе нашем и Его Царствующем Доме, о дорогой нашей родине, о нашем бесконечно дорогом всероссийском христолюбивом и победоносном воинстве! Аминь.

Благодарность[144]

Не десять ли очистились, а девять где? Как они не возвратились воздать славу Богу, а только иноплеменник сей? (Лк. 17:17).

В прочитанном сегодня за литургией евангельском сказании пред нами – иноплеменник-самарянин, удостоенный высокой похвалы нашего Спасителя. Известна всем его история. Каждый раз, когда мы собираемся на молитву возблагодарить Господа за какое-либо благодеяние Его, явленное нам в жизни ли общественной или личной, Церковь првдлагает тогда в назидание молящимся трогательную повесть об этом благодарном иноплеменнике.

Раз, когда входил Иисус в одно селение, за пределами его встретили Господа десять прокаженных мужей. Они не смели войти в селение, потому что их оттуда гнали из страха заразы; они не могли идти за Христом и вне поселений вместе с народом, потому что, по закону, не имели права иметь какое-либо общение со здоровыми людьми, которых могли заразить. И вот, стоя издали, они взмолились к Чудотворцу, о Котором, конечно, много слышали, в Которого и уверовали по слухам только и рассказам, – уверовали своими скорбными сердцами, жаждущими чуда и милости.

Оставленные, изгнанные из общества людей, несчастные, обреченные на медленную смерть, неужели они будут отвергнуты новым явившимся Пророком, в Котором вера заставляла их видеть обетованного Мессию? «Иисусе, Наставниче, помилуй нас», взывали они издали в надежде исцеления. И желанное исцеление им было дано. «Идите, покажитесь священникам», ответил Господь на их вопль; это значило, что проказа с них снята и, по закону, они должны были получить от священников удостоверение в том, что выздоровели и что им разрешено возвратиться в города и селения. Счастливые пошли они туда, куда послал их Иисус, но один из них, увидев себя исцеленным, забыл радость личного спасения и безмерного счастья жизни, забыл все на свете и

отдался только порыву благодарности, охватившему все его существо. И он возвратился назад. Невзирая на то, что не получил он свидетельства священников, забыв, что ему нельзя еще быть среди здоровых людей и в населенных местах, что нельзя ему, по закону Моисееву, даже прикасаться к здоровым людям, он пал к ногам Иисуса с гласом велиим, воздавая Ему хвалу пред всем народом. Глубоко он тронул милосердое сердце Спасителя. Но этот благородный и благодарный был не иудей, а самарянин.

Это был иноплеменник, это был сын племени, враждебного иудеям.

И тем не менее, в его сердце нашла себе место вера истинная, и она привела его к познанию Спасителя. Да, иноплеменник, даже враг иудеев, он, однако, уверовал в Бога Израилева, признал данное этому народу Божественное Откровение, проникся верою в ожидаемого Спасителя и узнал Его пришедшего лучше и скорее многих настоящих иудеев. Вера и смирение сделали его доступным высшим добродетелям души, что и видим мы в истории его исцеления. И благодарный и верующий, он приял от Спасителя свидетельство хвалы и обетование Спасителя: «иди, вера твоя спасла тебя», сказал ему Господь.

Один ли он явил свидетельство благородной благодарности иноплеменников к Израилю? Вдова из Сарепты Сидонской во дни Илии; сириец Нееман во дни Елисея; жена-хананеянка во дни Спасителя, – все это примеры того же чувства, которое явил благодарный самарянин.

Братья и дети! Проходят века и тысячелетия, изменяются обстоятельства и условия жизни людей, но закон нравственный, но потребности сердца, но запросы души постоянны и вековечны.

Знаменательные сближения восстают в душе по поводу сказанного при наблюдении над тем краем, в котором вы живете. Новый благодатный Израиль, милостью Божиею это – народ святорусский. Он – хранитель и носитель истинной веры христианской и православной, и царство его – единственное православное царство в мире. Подобно древнему Израилю, и

русское царство призвано к великому, мировому, вселенскому служению. Подобно древнему Израилю, но в неизмеримо большей степени, оно привекло к себе взоры и надежды многих миллионов иноплеменников, из которых многие вкусили от него не только блага телесные, земли, угодья, мирную жизнь, но прияли и духовные неоцененные сокровища: веру православную. Таков именно и здешний край. Он упорядочен трудом русского народа; он умиротворен его потом и кровью и жертвами его сынов, приявших здесь смерть в борьбе с врагами этого края; он обогащен и от его щедрот, а больше – от его скудости и самоотречения. Батум и Поти залиты кровью русского воина; Сухум защищен его грудью; в Гаграх обрек себя на смерть геройский гарнизон заброшенной и отрезанной от мира крепости; рядом с великим городом в Бомборах долго стояло русское воинство, отстаивая безопасность этой страны; Архип Осипов – это только один из сотен и тысяч самоотверженных русских героев. За кого и за что они умирали? Они умирали за чужой край, за чужой народ, они несли сюда своею кровью и страданиями – евангелие, крест, учение Спасителя, мир, порядок и довольство. Они обеспечили эти дороги, эти поселения, монастыри, города, торговлю; они приобщили этот край к жизни мирной и счастливой. О, спите в сырой земле по всему Черноморскому побережью, спите, наши безвестные родимые герои, бесстрашные, безропотные, смиренные и покорные жребию жизни и смерти! Спите в мире и отраде в этой земли, отныне навеки русской; мы же ваш подвиг почтим благодарною молитвою и благодарным словом. Или мы не уподобимся благодарному самарянину? Или иноплеменники, живущие здесь, не имеют причин и оснований благодарить Россию, и не спасены ею и не спасаются от своего рода особой заразы? О, есть проказа худшая проказы телесной: это духовная проказа неверия, лжеверия, иноверия, чем богат был здешний край; это – тьма невежества, дикости, животной и злобной жизни, которая охватывала эту страну и заставляла ее в этом земном рае жить, как в аду. И вот, великая Россия принесла сюда мир, порядок, проповедь евангелия, школьное просвещение, дала войско, устроила управление, провела

дороги, учредила торговлю, привлекла своих русских капиталистов, предпринимателей. Неустанно льются милости ее на край этот.

Будем же, братие, подобны благодарному самарянину в наших чувствах к великому русскому отечеству. В этих чувствах воспитывайтесь и вы, юноши и дети, питомцы школы, украшающей этот городок. Будем покорны власти, будем способствовать ее видам и начинаниям, ответим горячею любовью на щедроты, изливаемыя Россией на этот край. И как благодарность самарянина привлекла к нему новую милость Господа после исцелений, так будет и с вами, братие и дети, если вы будете возростать и жить в этом благородном чувстве к великому русскому царству. Оно в долгу никогда не оставалось и явит этому краю в будущем великие блага телесные и духовные. Неблагодарность же есть свойство души Хама, по изображению Библии, а на языке людей неблагодарных есть свойство самого грязного, самого нечистого и смрадного животного… Не уподобимся ему!

Но слово Божие велит нам любить не словом и языком, а делом и истиною. Есть сегодня к тому и повод, и случай. Там, вдали от нас, спасая и защищая честь и целость России, сражаются и умирают наши братья-воины, потомки, продолжатели дела и подражатели тех, которые во дни былые на этих берегах Черноморья также умирали за Россию и за ее мировое призвание. Тысячи среди них больных и раненых. Придем же к ним с посильною помощью! Вспомним, что в то время, когда мы здесь сыты, довольны и безопасны, они там на стуже, часто в голоде, под пулями, в постоянной опасности страданий и смерти.

К раненым и больным пойдем мы с помощью, следуя примеру милосердного Спасителя. С благодарностью все безразличия, русские и не русские, отнесемся к нашему доблестному воинству, к нашим братьям больным и раненым. Сейчас супруга начальника округа пойдет среди нас за сбором даяний. Ее рука протянута за дальних наших братий. Рука просящего протянута. Да не оскудеет и рука дающего! Аминь.

Мир на земле[145]

Ныне силы небесные, к земле сошедшие, взывали: Слава в вышних Богу и на земли мир…

На земли мир… Но, Господи, где же этот мир, о котором в час рождения Искупителя возвестили измученной грехом и злобою «погибельной», т.е. обреченной на гибель, земле святые небесные вестники? Где же, где же этот мир, если на наших глазах еще так недавно лилась кровь в тяжелой войне, дымились развалины истерзанных городов и крепостей, если и ныне готовятся и зреют новые бранные замыслы, грозящие смертью тысячам жизней?

Где этот мир, когда вокруг нас, мы видим, мятутся в озлоблении люди, изрекая хулы на все, что выше их и сильнее, требуя насильем изменения всего государственного и общественного строя и грозя смертью всем и всякому, кто не угодил их видам, несогласен с их желаниями и воззрениями?

И все-таки, братие, как ни насыщен кругом нас как бы самый воздух злобою и враждою, стоит вовеки непреложно и действенно слово святых небожителей. *Слава в вышних Богу и на земли мир…*

Да, есть мир на земле, – и этот мир от Бога. Жизнь людей нередко сравнивают с бурным морем. Люди науки, изучающие тайны природы, рассказывают нам, какие бывают на море бури и волнения. В открытом океане, говорят, волны достигают страшной высоты – 7 или 8 саженей. Смотря на эту неудержимо движущуюся, ревущую и грозную стихию, кажется, что все море до самого дна всколеблено бурею, и нет в нем ни единой спокойной капли воды. И однако, все это только *кажется*. Как ни сильна буря, как ни велико волнение, оно только бороздит, только рябит чуть-чуть поверхность океана, а самые глубины его всегда устойчивы, недвижимы, неизменны: мир и покой вечно царят в них.

То же самое, братие, и мир, который принесен на землю с неба нашим Примирителем и Искупителем и о котором радостно воспели ангелы в час Его рождения: Он неизмеримо глубже и

могучее океана, и его сокровенные глубины не поколебать ни злобе людской, ни самому отцу и начальнику злобы – диаволу; его козни, волны злобы и греха – не более, как волны поверх океана.

«Христос есть мир наш» (Еф. 2:14), – говорит апостол, – говорит в то время, когда кругом его и против него кипела страшная злоба врагов. И Сам Спаситель, прощаясь с учениками, когда кругом царила безудержная злоба, когда Синедрион искал лжесвидетелей, когда один из приближенных учеников Христовых, дошел до ужаса богопредательства, когда мир готовился увидеть и пережить величайшее зло, величайшую неправду и преступление, беспримерное, единственное и ужаснейшее, именно – богоубийство, а за ним в течение столетий кровавые костры, казни, гонения, сотни тысяч замученных за Христа жизней, – посреди и ввиду всего этого видимого разлива торжествующей злобы Спаситель ясно и решительно с царственным спокойствием поучает и завещает: *«Мир Мой даю вам, мир оставляю вам»* (Ин. 14:27).

Итак, значит, может быть мир на земле, принесенный и оставленый нам Спасителем, – невзирая на все зло жизни.

И прежде всего это есть примирение людей с Богом и земли с небом, дарованное нам в непостижимой тайне искупления грешного человечества рождением, жизнью, учением, страданиями, смертью, погребением, воскресением, сошествием во ад, вознесением нашего Господа, ниспосланием нам Духа Святого и вечным пребыванием Спасателя посреди верующих в Церкви, руководящей нас к вечной жизни, к той жизни, где будет *новое небо и новая земля* (2Пет. 3:13), куда не войдет ничто нечистое (Апок. 21:27), где не будет ни браней, ни злобы, ни неправды. На сие и родился и пришел в мир Сын Божий.

Естественному уму это непонятно, но верующему сердцу христианскому здесь все исполнено и света, и ведения, и мира, и отрады. Кто хочет углубиться в тайну сию, слушай апостола, который ныне громогласно вещает, что из врагов Бога люди сделались Его любимыми сынами, наследниками всех Его обетований, и все это только за веру, ради того, что *егда приде*

кончина лета, посла Бог Сына Своего Единородного, рождаемаго от Жены, бываема под законом, да всыновление примем (Гал. 4:4–5). Так что теперь мы – не рабы Богу, а дети. Прощен грех и прощены грехи многие; открыто сердце Божие для человека; грешник может идти к Отцу Небесному с верою, покаянием, со смирением, в готовности исполнять волю Его, – и он не будет отвергнут, но приемлется с любовию. Открыта и самая воля Божия, и тайна Божества, и даны заповеди, и дана помощь свыше для их испытания; открыто и обещано прощение согрешающему и падающему, – разве это не мир, не радость, не спасение? Разве не повторит с ангелами всякое сердце и не воскликнут всякие уста: *Слава в вышних Богу и на земли мир, в человеках благоволение!?*

О, придите, по гласу Церкви, придите, возрадуемся Господеви, настоящую тайну сказующе: средостение ограды разрушися. Пламенное оружие плещи дает, и херувимы отступают от древа жизни, и мы райской пищи причащаемся… (Стих. вечерн.).

О, приидите, возрадуемся Господеви и поклонимся, как смиренные пастухи, и дары принесем, как мудрые волхвы, за этот чудный свет великого познания, – познания Бога, познания этого мира, принесенного искуплением, познания жизни, смерти и того, что после смерти. Ибо, воистину, рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума!

Где же нам найти сей свет разума, где найти и получить и усвоить тайну примирения и искупления, благодать Духа Святого, доступ к Божеству, прощение грехов безошибочное и верное руководство жизни, где мы можем сказать с упованием: *С нами Бог*, Великого Совета Ангел, Чуден, Советник, *Князь мира*, Властитель, Отец будущего века? (Ис. IX гл.).

Где и когда, исполнившись этого ведения, соединяясь с Богом и Искупителем, мы можем иметь в душе тот *превосходящий всяк ум* мир (Фил. 4:7), который, невзирая на видимую суету, злобу и коварство в среде людей, подобно глубинам морским, всегда и неизменно верен себе и не колеблется?

Не в царствах человеческих! О них сказано иное слово, которое услышим чрез несколько минут: *Услышати имате брани и слышание бранем*. И еще: *Подобает бо всем сим быти* (Мф. 24:6). *Царство Христово*, как Он Сам сказал, *не от мира сего* (Ин. 18:36). *Оно внутрь нас* (Лк. 17:21), в правой вере, в искреннем благочестии, в чистой совести, в приобщении к Богу, *в правде и мире и радости о Духе Святом* (Рим. 14:17). Оно отчасти и вне нас, и хранилище его есть *Церковь Христова*. Здесь в Церкви, – надежное убежище от всего, нарушающего душевный мир, здесь люди хвалились даже скорбями и радовались даже в страданиях, здесь они были мирны и покойны духом во всех лишениях, здесь вечно будет возсылаться слава Богу на небе, отсюда вечно будет изливаться мир на землю, здесь всегда можно сделаться людям чадами благоволения Божия.

А вне Церкви и евангелия – вечная буря, волнение и мятеж. Эту истину подтвердила история людей яснее дня.

Да не смущается же сердце наше видом неустройства в жизни человеческой: и среди них и невзирая на них будет возрастать непрестанно царство Божие, слава, мир и благоволение. Его нельзя ввести и насадить насилием, нельзя насильно заставить яблоню сразу дать плод; оно, по слову Христову, подобно закваске, которую женщина положила в тесто (Мф. 13:33), пока оно все не поднимется медленно и постепенно. Его рост – рост нравственный и духовный и захватывает каждого отдельного человека, а чрез это постепенно преобразует и поднимает, как закваска тесто, и все человечество. Прильнем с детским доверием и любвью к Богу и Его закону, к Спасителю нашему, Его Святой Церкви, к Духу Святому и Его таинствам: и мир, глубокий, неотъемлемый мир будет уделом нашим посреди видимых неустройств земной жизни.

В светлый день рождения Богочеловека исполнилось древнее библейское слово: *Тихому бо молчанию содержащу вся, и нощи во своем течении преполовляющейся, всемогущее Слово Твое, Господи, с небес от престолов царских… в средину погибельныя земли сниде»* (Прем. 18:14–15).

Да, ныне, с рождением Бога-Слова земля наша уже не погибельная, а спасенная, не царство злобы и проклятия, а царство Божией любви, славы, мира и благоволения.

Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение! Аминь.

1905 г.

Годы великих скорбей[146]

Услыши ны, Боже, Спасителю наш; упование всех концев земли и сущих в мори далече. И милостив, милостив буди, Владыко, о гресех наших и помилуй нас! (Молитва из молебна).

Наболела в душе и просится на сердце и уста эта умилительная молитва Церкви. В этот полуночный час, когда мысленно пробегаешь все пережитое в минувшем году, когда стоишь перед неизвестностью событий нового года, под удар сердца, как тяжкий стон, как вопль крепкий, вырывается она сама собою у каждого из нас…

О, какой тяжелый год минувший послал Ты, Господи, пережить России! Неожиданная война, ряд тяжких неудач на брани; гибель многих лучших сынов России; потеря флота; падение нашей твердыни на берегу незамерзающего моря на грани Дальнего Востока; плен десятков тысяч наших героев; открывшиеся недочеты во внутренней жизни России; брожение и недовольство в образованных классах, как бы задавшихся целью удивить мир недостатком или даже отсутствием патриотизма; озлобленное требование переустройства государственной жизни под гром пушек и предсмертные вопли раненых и умирающих, а в нашем крае, в довершение всего, начало холерной эпидемии, грозным признаком устрашающего будущего стоящей и теперь перед нами, и еще хуже холеры – революционное брожение в Закавказье: вот какое печальное наследие передает старый год новому. Что несет и обещает хорошего год грядущий?

По человеческим соображениям, очень мало... На конце земли русской собрана огромная наша армия, готовая ринуться в бой со врагом, но армия врагов не меньше, если не больше ее, и притом поставлена во многих отношениях в гораздо лучшие условия, чем наша. В мори далече плывет наша морская рать, наш русский флот; но ему грозят невероятные опасности в сражении с сильнейшим врагом, и притом без возможности иметь какое-либо пристанище.…

Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концев земли и сущих в мори далече братий наших... Пошли нам новое лето Твоей благости; воздаждь нам радость спасения Твоего; подними наши усталые и скорбные сердца, исполни мужества и упования наши трепетные души! Но прежде всего пошли нам, Господи, дух смирения и покаяния, незлобия и кротости; утверди в нас сознание того, что праведен Господь и праведен гнев прещения Его на грешников... Ныне обуяла всех злобная страсть искать виновников наших неудач; с злорадною поспешностью указывают имена этих действительных или мнимых виновников и топчут в грязь. Полно, остановимся! Гнев мужа правды Божией не соделовает (Иак. 1:20). Под диктовку злобы и мстительности, под влиянием криков и шума толпы нельзя создавать реформ и преобразований жизни, хотя бы и крайне нужных: они, естественно, при этих условиях выйдут непродуманными, неосновательными, односторонними и недоконченными. Полно искать виновных; виновные налицо; это – все мы, – мы, блудные сыны нашей святой Церкви и нашей дорогой родины. И в самом деле, мало ли русские люди восставали на Бога и Христа Его? Мало ли оскорбляли и попирали Его святой закон? Мало ли сквернили и бременили землю своими грехами, вопиющими к небу? Вот в лице первенствующего русского писателя и мыслителя произнесена вслух всего света хула на Бога, переделано евангелие, отвергнута Святая Троица, искажено Его учение, осмеяна Его святая Церковь, осмеяна низко и гнусно святейшая тайна Его тела и крови. И что же, разве не нашлось у этого модного кумира, застывшего в гордыне своей, разве не нашлось у него подражателей, читателей и последователей? Тысячами они заполнили землю русскую, осквернили ее хулою на Бога и Христа, в то время, когда русское общество или малодушно безмолвствовало, или, следуя моде, сознательно сочувствовало антихристову кощунству.

Вот украли и уничтожили чтимую вековую святыню всенародную[147]. Что же, нашли святыню? Заговорил ли народ? Потрясло ли его это преступление гневом и горестью и предчувствием кары небесной? Нет, казалось порою, что дело

идет как бы о простой пропаже, и самую Церковь обвинили в плохом бережении святыни на страницах той самой печати, которая особенно злобно возмущается в других случаях «хранительною стражею» в делах церковных.

А секты и расколы, возстающие на Церковь? А пьянство, разврат в самой Сибири, и особенно в дальней Маньчжурии, и, наконец, в среде самой армии, как о том засвидетельствовал в укорительном послании тамошний Сибирский архиерей? А глумление печати по поводу сего послания?.. А невиданный разлив пороков и преступлений внутри России? А открывшиеся случаи возмутительно бесчестного отношения к общественному и государственному достоянию? А открывшиеся позорные случаи злоупотреблений и возмутительного небрежения к долгу службы, приведшие нас к целому ряду несчастий на войне и создавшие поражающую неподготовленность всех и всего в нынешних тяжких обстоятельствах? А погоня за наживой и житейскими благами, за удовольствиями и развлечениями, которые и теперь навязываются народу, как признак высшей образованности, как «спасение от невежества»? А это ослабление патриотизма, неуважение к власти, падение всех авторитетов, расслабление всюду дисциплины, попустительство всему худому в молодом поколении?.. Долго пришлось бы нам развертывать в эти минуты бесконечный свиток наших вин и прегрешений перед Богом и Россией; вывод – один и он яснее дня: есть за что тяжко покарать нас Господу. Но самое главное все же не в этих грехах. Грешили русские люди и прежде, но грешили и каялись, в грехе не считали себя праведниками, зла не называли добром, тьму не величали светом, в пороке не видели похвалы и добродетели… Теперь – не то, и это вот всего страшнее. Ныне считается отсталостью и признаком невежества осуждать нарушение целомудрия и неверность в брачной жизни; ныне считается позором и рабством духа следовать повелениям и учению Церкви в деле веры; ныне считается отжившим чувство любви к родине; ныне являются люди, объявляющие для себя необязательным всякий нравственный закон и еще похваляющиеся этою диавольскою свободою… Воистину, похвала их в студе их, по слову апостола; они хвалятся тем,

чего нужно стыдиться, грешат и еще гордятся и превозносятся гнусностью и скверною... Вот где хула на Духа, вот где противление Богу Живому и упорное отвержение истины и Божественного призыва ко спасению.

Верным сынам Церкви и России теперь надлежит не преклонять колен ни перед какими модными и современными кумирами мысли и жизни, как бы они ни были заманчивы; не преклонять колен пред новыми Ваалами, подобно семи тысячам древних израильтян во дни Илии, во дни повального увлечения идолопоклонством. Нужно сознать грехи свои; нужно очистить землю русскую от накопившегося зла не злобною хулою всего высокого и святого, а чистыми и святыми слезами покаяния; вместо криков о свободе нужно прежде всего искать свободы от греха и диавола, свободы чад Божиих и помнить слово Христово: «познайте истину и *истина сделает вас свободными»* (Ин. 8:32); вместо фанатической веры в одну только силу человеческих учреждений, будто бы способных исправить зло жизни, нужно верить в силу Божию, в религиозно-нравственную силу людей и помнить, что прежде всего религиозно-нравственный подъем каждого отдельного человека обусловливает возрастание общества и человечества во всех отношениях. А путь к нему от греха, от многих пороков и преступлений один и единственный: личное и всенародное покаяние.

И милостив, милостив буди, Владыко, о гресех наших и помилуй нас!

Прислушайтесь далее к умилительным молитвам Церкви в день новолетия: они сейчас возгласятся пред вами, братия, в молебном пении. Господу помолимся! И молитва веры, смирения и покаяния пройдет небеса и услышит Господь моление людей Своих, и грехов наших не помянет к тому, и милостив будет к неправдам нашим. И если найдутся среди нас, как во дни Авраама, хоть десять праведников, то и тогда ради их праведности устоят наши грады и веси, ибо *семя свято стояние царств человеческих* (Ис. 6:13).

Возложим же на Господа печали наши, пролием пред Ним молитвы и скорби наши пред Ним возвестим! Пусть эти горести

и печали послужат в пользу и нам лично, и всему нашему отечеству, как горький, но спасительный и вразумительный урок, свыше данный, как поприще возрастания и воспитания духовного! Будем тверды и мужественны! Станем на страже нашей нравственной чистоты и нравственного обновления: только при этом условии может обновиться вся наша общественная и государственная жизнь и будет плодотворна и благословенна грядущая работа преобразований в нашей государственной жизни, объявленная в самом исходе минувшего года с высоты Царского престола. И может быть, скоро имеющая заблистать на небе первая заря нового года не предвещает нам ничего устрашающего, но загорится над нами вестницею победы над врагом внешним, или, по крайней мере, не унизительного мира с врагом, умиротворения внутренних врагов, общественного и государственного обновления нашей родины, – мира и Божьего благоволения. О сем молим и просим Господа в этот знаменательный час, молим и просим всею горячностью веры, со всею силою покаяния и всею любовью сердец: Услыши ны, Боже, Спасителю наш, упование всех концев земли и сущих в мори далече! И милостив, милостив буди, Владыко, о гресех наших и помилуй нас! Аминь.

Облечение во Христа[148]

Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.

В праздник Крещения Господня, в праздник Иоанна Предтечи и Крестителя Господня естественно вспомнить, братие, и о нашем крещении. Святая Церковь сегодня особенно настойчиво напоминала нам об этом. Ибо и над нами некогда были разводящиеся небеса, и над нами нисходил Дух Святый в водах крещения и нас некогда Отец Небесный именовал возлюбленными сынами. Мы не видели и не слыхали этого, не видели и те, которые окружали нашу купель крещения: но в том уверяет вера и святая Церковь, совершающая тайну крещения над верующими, по вековечной заповеди Самого Спасителя. Мы не помним, когда и как совершено над нами самое крещение, оно совершено во дни нашего самого начального детства: но что оно было, в том порукою наши родители, восприемники, наши родные и близкие, в том порукою всеобщий обычай и святая Церковь, которая не оставила бы нас без этого великого таинства.

И вот, сегодня Церковь напоминает нам об этом, как бы требуя отчета и поставляя пред нами те обязанности, которые налагает на нас крещение. Замечательно, что это она делает в самые торжественные праздники, при самых многолюдных молитвенных собраниях верующих, именно – в Рождество, Пасху, Крещение, на Троицу она и возглашает многократно эти священные слова: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся*.

Вникнем же поближе в эту священную песнь, что она значит и чему нас учит?

Песнь эта взята из слова Божия, из послания св. апостола Павла (Гал. 3:27) и по-русски, просто ее нужно передать и сказать так: *Те, которые во Христа крестились, во Христа оделись*.

Первая половина ее всем понятна; ясно, что здесь говорится о тех, кто крещен, о всех христианах, о нас с вами, возлюбленные братие. Но что значит вторая половина песни

этой? Что это значит *во Христа одеться!* Разве Христос – одежда? Разве можно Им или в Него одеться?

Всякий благомыслящий поймет, что здесь дано нам *сравнение.* Так и Спаситель наш учил притчами, уподоблениями и сравнениями, так делает Церковь Божия, так делаеми мы в обыкновенных разговорах, чтобы проще, ближе и яснее понять какую-либо истину. Нужно понять сравнение Христа с одеждою, нужно вникнуть в смысл его, нужно разъяснить себе ту истину, которую желает Церковь внушить и истолковать нам, когда приказывает нам *во Христа одеться*.

Откуда одежда и для чего она назначена? Слово Божие рассказывает нам, что одежда впервые явилась у людей после того, как они согрешили в раю. Им сделалось стыдно наготы своей, и им дана была одежда из листьев смоковных, чтобы сокрыть их от этого стыда.

Посмотрите же, сколько постыдного и позорного, сколько низменного в нашей душевной жизни: постыдные мысли, скверные желания, нечистые похоти, позорные дела. Что защитит нас от всего этого? Какою одеждою покроемся? Защитит нас Христос Спаситель; одежда наша – Христос Спаситель. Он научил нас отличать доброе от худого; Он повелел, нам бегать всего постыдного, возлюбить правду и возненавидеть беззаконие; Он и падшим и грешным даровал убежище: благодать, покаяние и прощение грехов, омываемых в водах крещения, в чистых слезах исповеди. Итак, если хочешь, христианин, одеться во Христа, подавляй в себе все постыдное, нечистое, срамное: пусть не будет у тебя ни одной скрытой и тайной мысли, ни одного скрытого и тайного чувства, желания, или поступка, ничего такого, чего бы ты не мог сказать открыто пред Богом и пред людьми.

Для чего еще дана и назначена одежда? Она защищает нас от многих враждебных нам так называемых стихий природы, вредных для нашего тела и здоровья: от зноя, от стужи, от вредного ветра, от губительной сырости. И Христос Господь защищает нас, как одежда тело, защищает душу нашу от *стихий мира*, вредных и гибельных для нашей душевной жизни и нашего вечного спасения. Сколько кругом нас и в нас этих

стихий мира, этих душевных опасностей! Бурею налетает на нас гнев, ярость, ненависть; огнем нас жжет обжорство, пьянство и блуд; стужею и морозом сковывает нас зависть, отчаяние, скупость и жадность; как промозглая сырость, губят навеки душу леность, тунеядство, неверие, равнодушие ко всему высокому и святому. Христианин, ищи спасения у Христа от этих стихий мирä: Он укроет тебя в Церкви святой, Он подаст тебе благодатные, высшие небесные силы, восполняющие нашу естественную немощь, на борьбу со страстями. И если мы, христиане, укроемся от страстей при помощи нашего Спасителя, значит, мы воистину облеклись и оделись во Христа, по слову песни церковной.

Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.

Одежда в жизни обычной служит *украшением* для человека: в торжественные праздники, в великие и памятные дни нашей жизни, или бывая в многолюдных собраниях, мы стараемся надеть лучшую одежду и ею украсить себя. И Христос спаситель – наша одежда, наше светлое и лучшее украшение, конечно, не для тела, а для души. Какая похвала человеку самая высокая, почетная и святая? Часто хвалят человека: он умен, дельный, умелый, энергичный; он способен, талантлив, гениален. Но такая похвала, – ничто пред другою, высшею; высшая похвала о человеке, это сказать: *он истинный христианин*. Такому человеку все доверяют, на него все положатся; около такого человека, истинного христианина, всем хорошо, тепло, светло, уютно, и он оставит по себе в жизни людей самый светлый след, самую добрую и долгую память. Христианин, старайся украситься Христом и христианством, старайся снискать похвалу и звание *истинного христианина* и тогда ты, по слову песни церковной, облечешься во Христа. К этому званию стремился и святой апостол: *«забывая заднее,* – говорит он, – *и простираясь вперед, стремлюсь к цели к почести вышнего звания во Христе Иисусе»* (Флп. 3:13–14).

Одежда, наконец, отличает человека в обществе; по одежде мы судим о поле, возрасте, звании, должности и положении человека в среде людей. О, если бы Христос был в этом отношении нашей одеждой! О, если бы в среде

мусульман, евреев, неверующих нас сразу замечали, как христиан, по нашему поведению, по словам, отношениям к ближним, по духу любви христианской, по силе и ревности веры. *«По тому узнают, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»*, – вот что говорит нам Спаситель (Ин. 13:35). Этим сильны были древние христиане; о них именно сказано слово апостола, что *они сияли, как светила в темном месте* (Фил. 2:15); они сразу и наглядно отличались от язычников и неверных. В среде язычников, бывало, – пьянство и разврат: христиане воздержны, чисты и целомудренны; у язычников – падение семьи, нечистота в супружеских отношениях, жены меняют мужей и мужья жен: у христиан – целомудрие, семейственность и строгость нравов; язычники идут в театры, цирки, в шумные и пьяные празднества: христиане – в церкви; язычники шумно распевают дикие и непристойные песни: христиане воспевают псалмы; у язычников – ссоры, зависть, ненависть, казни и козни, кровь и убийство; у христиан – мир, взаимная любовь и взаимная помощь; преступники в тюрьмах – все из язычников: из христиан там нет ни одного. Сами языческие цари, наконец, заметили и сознали, что христиане – самые лучшие отцы и матери, самые дружные братья и сестры, самые честные судьи, самые трудолюбивые работники, самые верные подданные и самые честные граждане и преданные долгу воины. Таким образом, видно было сразу для всякого, кто христианин: это и значило, что древние христиане как бы *одевались* во Христа.

О, если бы и у нас, в нашем разноверном и многоплеменном крае мы так же отличались своим христианством от всяких других религий, если бы своим поведением мы ясно показывали, что принадлежим к числу учеников Христовых! Но если наши мужья и жены так ведут себя, что мусульмане сторонятся и боятся нас; если православные русские люди так пьянствуют, что с ними все боятся иметь какое-либо дело; если в среде православных царят ссоры, сплетни, осуждение, взаимная подозрительность и разделение, в то время, как прочие племена дружны и сплочены: если мы, православные, холодны и равнодушны к

своей вере, а иноверцы за свою веру стоят горой; если наши храмы пусты, а синагоги и мечети полны; если мы не уважаем своего духовенства, сочиняем про него разные грязные и глупые рассказы, вечно ссоримся с ним и осуждаем его, а у католиков и лютеран священник – самое почетное и влиятельное лицо, – если все это так, то скажите: оделись ли мы во Христа? Христиане ли мы по существу, не по имени ли только мы – христиане? Если мусульмане и евреи часто говорят нам: «вера ваша хорошая, святая и высокая, да сами вы никуда негодны», – то это значит, что мы совсем наги от христианства и как бы раздеты от Христа…

Отчего так? Оттого, что мы не живем с Христом единою и всецелою жизнью. Ведь Он Сам сказал: как ветвь виноградная не приносит плода, если не будет на лозе, так и вы ничего не можете творить без Меня… (Ин. 15:5). И в этом отношении Христос – наша одежда. Одежда плотно и тесно облегает тело, и самого тела не видно, а видна только на человеке одежда: так тесно мы должны соединиться со Христом; мы должны иметь *ум Христов* (1Кор. 2:16), как говорит апостол; Его учение и жизнь должны повториться в нас, Он Сам должен в нас *вообразиться* (Гал. 4:19). И тогда не будет в нас ничего нашего, а все Христово; тогда не будет в нас внешнего, естественного, ветхого, греховного человека, а будет постоянно расти в нас человек внутрений, благодатный, новый и святой, обновляемый на всякий день, созданный по Богу в правде и преподобии истины (Еф. 4:24).

Вот что значит облечься во Христа! Торжественно и радостно, без укора и обличения звучит песнь церковная: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся…*

Но не звучит ли она укором и страхом в наших сердцах? Не зовет ли она нас к отчету?

Есть в старинных добрых и благочестивых семьях обычай беречь и хранить крестильные ризки членов семьи до самой смерти. Конечно, ризки не спасут человека, но образ здесь исполнен глубокого смысла: мы должны беречь и хранить чистыми и незапятнанными одежды крещения до последнего вздоха жизни. Загрязним их, запятнаем: услышишь тогда в

небесной вечери грозный голос – *как ты вошел сюда, не имея брачного одеяния?* (Мф. 22:12).

Но, братие, ведь мы все повинны, все мы изменили обетам крещения, все пали, все загрязнили чистые одежды крещения. Что же нам делать? Есть ли нам спасение? Не все ли погибло? Не впадем ли в отчаяние?

Есть, братие, *второе рождение*. Проповедью о нем и предначал свое служение ныне прославляемый Иоанн Предтеча, исшедши на людный путь к Иордану и взывавший: *«покайтеся, ибо приблизилось царствие Божие»* (Мф. 3:2). О нем же прежде всего проповедывал и Сам Господь наш и Спаситель по всем градам и весям родной земли: *Покайтеся*, приблизилось царство небесное (Мф. 4:17).

И блаженны те, которые, сохранив обеты крещения, возродившись вторично в покаянии и всею жизнью следуя Христу, могут без укора и страха, но с радостью и упованием слушать и воспевать вечную и святую песнь Церкви: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся!* Аминь.

Беспредельная преданность Богу[149]

Ты же отыдеши ко отцем твоим в мире, препитан в старости добрей (Быт. 15:15).

Как будто сегодня и как будто именно о почившей матери Нине сказано это библейское слово. В глубоком мире, в старости честной и доброй отошла она к отцам своими к отцам своего народа. И если смерть каждого человека-христианина полна назидания, если назидательна и смерть младенца, то тем более исполнена глубочайших поучений и самых памятных уроков смерть почившей старицы-монахини. Станем же, братие, у ее гроба, выслушаем ее последование, безмолвные уроки.

Отошедши к Господу в глубокой старости, приложившись к отцам своего родного народа, и видимо еще пребывая среди нас сегодня в последний раз своим телом, она является теперь как бы вестницею иного, горнего мира, голосом предков, обращенным к живущим и имеющим жить поколениям. Неразрывна эта таинственная связь прошлого с настоящим и будущим; разорвать, прекратить ее невозможно, – все равно, что признать несуществующими у пожилого человека его детство и юность, все равно, что пересечь одно живое тело пополам и ожидать продолжения его жизни. Непреложной этой истине, живой духовной связи настоящего с прошлым в его самых лучших и святых заветах и служила в долгие годы своего жития покойная в этой древней обители древнего Мцхета, хранящего в себе столько великих и святых преданий. И вот ныне дух ее предстал пред многими и многими святыми душами на небе, некогда украшавшими древний Мцхет, сиявшими на этом самом месте, где мы с вами, братие, сейчас предстоим святому алтарю. Предстала духом почившая пред святою и равноапостольною Ниною, имя коей она носила, на месте жития и подвигов которой и она подвизалась; узрела она святых и блаженных Мириана и Нонну, первых благоверных царей Грузии; узрела святых и благочестивых их царственных преемников; узрела сонмы первопрестольников в Иверской Церкви, блаженных архипастырей и пастырей, подвижников, мучеников,

героев народных, кровью своею запечатлевших здесь во дни нашествия врагов свою верность родной Церкви и родной стране.

Что она скажет им? С полным правом скажет она им: «Вы завещали народу Грузинскому Крест Господень, вы оставили ему веру святую, православную, нерушимую, вы заповедали ему закон Господень, вы дали ему слово Божие, вы устроили храмы и честные обители, вы повелели сынам вашего народа всем сердцем, всею душею, всем существом любить Бога и Его Единого, в вере искать своего спасения, счастья и смысла всей жизни. Я исполнила ваши заветы, сколько было сил; во все дни моей долгой жизни я помнила их и им служила. Вот моя седая голова, столько пережившая, столько переиспытавшая: она с молодых лет кланялась только Богу Единому, о Нем Едином помышляла. Вот мое сердце, теперь переставшее биться; вот мои уста, теперь на земле безмолвные; вот мое тело, ныне мертвенное и недвижимое: всем, всем существом моим я уневестилась Христу моему, служила вере, святому православию, как престарелая евангельская Анна-пророчица, дщи Фануилева, яже не отхождаше от церкве, постом и молитвами служащи день и нощь; я презрела мое княжеское имя; я оставила мир, который некогда и мне улыбался, и меня манил к себе; я послужила Богу и исполнила святые заветы предков моих в том монашеском чине, который во дни моего земного жития подвергался такому глумлению, таким насмешкам и гонениям, каких не видела Церковь святая от первых дней своего бытия. Никто не знал, никто не видел, как мне в моем монастыре, славном знатностью и святыми воспоминаниями, пришлось вести жизнь подвига и молитвы и богомыслия часто в скудости и нужде, часто в недостатке хлеба насущного на завтрашний день для меня и моих сестер, как мне приходилось заботиться о том, чтобы не разошлись от голода овцы моего стада... И только по смерти моей узнали, что у меня ничего не было из благ мирских, что меня и похоронить почти не на что.

Ныне я окончила мое земное поприще и преселилась к граду Бога Живого, Иерусалиму небесному, к торжеству и

Церкви первородных, на небесех написанных, и к духом праведных, совершенных, и к тьмам ангелов, и к Судии всех Богу и Ходатаю Завета Нового Иисусу (Евр. 12:22), моему Жениху Небесному».

Что же ответит новой пришелице на небо святой сонм небожителей? Узнают ли ее предки святые, признают ли ее своею близкою, родною? Они узнают ее по той святой вере, которой служили они и служила она; они узнают ее по преданности тому православию, той Церкви Божией, ее уставам и заповедям, которыми водились в жизни земной они и которыми и она жила и существовала.

И верим мы, святые небожители, молитвенники за землю Иверскую, примут почившую в свой светлый круг, и Небесный Жених скажет ей великое слово: прииди, наследуй уготованное тебе блаженство; в малом была ты верною, над многими тебя поставлю; сеявшая слезами, пожни теперь радостью; в дому Отца Моего есть тебе обитель…

Здесь и нам поучение у этого гроба. Монашество не всем доступно и не все к нему призываются: только могий вместити да вместит.

Но то, что составляет душу монашества, есть душа и христианства. Стремление к постоянному духовному совершенству; всецелое подчинение Богу и Его закону; распинание плоти со страстьми и похотьми; подчинение чувственности духу; обновление в себе образа Божия; отречение от себялюбия и всех его страстей плотских и духовных; стремление к богообщению; соединение со Христом; постоянное богомыслие, память и приготовление к вечной жизни: разве это не обязательно для каждого из нас? «Основа монашества – смирение, душа его – любовь, и конец – непрестанное возрастание в духе и в любви к Богу и ближним, в любви чистой, святой, свободной от всего низменного и страстного»[150]: разве это не указание пути в царство Божие для каждого христианина?

Услышим же голос любви и посмертного назидания от этого гроба. *Уста мои молчат, но сердце вещает*: так учит нас почившая. Оно вещает: подобни мне бывайте; отдайте жизнь

вашу всю безраздельно, всю без остатка Богу и Его закону, Церкви и ее святому водительству. В этом найдете вы мир, которого ищете и не имеете; в этом богатство, которого ни червь, ни тля тлит, которого воры не подкапывают и не крадут; в этом ваше счастье на земле, к которому вы идете без веры, без Бога, без молитвы и поэтому никогда не найдете; в этом существо жизни и истории вашего родного народа; в этом ваша связь с отжившими поколениями славных предков, связь живая земли с небом, и в этом ваше вечное спасение на небе!

Не слышится ли вам, братие, и еще мольба почившей? Она гласит: я любила эту святую и древнюю обитель, для нее жила, о ней заботилась, и что вы видите здесь благоустроенного, все это я создавала трудами и заботами, испрашивая средства у добрых людей. Поберегите же, сохраните мое сокровище, не дайте ему погибнуть, поддержите вашею любовью и ревностью к вере и к дому Божию! Оно ведь и ваше сокровище, ваша честь, слава, ваша родная святыня!

Поклон тебе до земли, мать всечестная, за твои уроки и назидания, поклон благодарный и наши от души молитвенные желания.

Иди, благодатная душа, иди в мир, туда, куда позвал тебя Господь Бог, иди к Жениху твоему Небесному, и да будет покой твой – честь.

«Блажени мертвии, умирающии о Господе; ей, глаголет Дух, да почиют от трудов своих»… (Апок. 14:13). Аминь.

Вечной памяти воинов-мученников, в Порт-Артуре убиенных[151]

Их было одиннадцать тысяч убитых! Одиннадцать тысяч полегли они костьми за честь родины, верные долгу, послушные призыву и законам отечества, полегли они на окраине России, столь отдаленной, столь недавно вошедшей в состав ее земель, что она казалась чужбиною, с непонятным именем Порт-Артура, еще вчера ничего не говорившим русскому слуху.

И вот, теперь этот далекий город, политый русскою кровью, уже занятый торжествующим врагом, стал до боли близким каждому русскому человеку. Отныне с именем Порт-Артура восстает пред нами отрезанная от всего мира крепость, с запертым в ней русским воинством, геройски сопротивлявшимся сильнейшему врагу до последней возможности; встает пред нами крепость, где погублено столько жизней, похоронено столько надежд, где пролито столько слез и крови, где вынесено столько неимоверных страданий, где на дне океана упокоился погибший русский флот. Отныне это великое кладбище русских мучеников стало близко десяткам и сотням тысяч русских отцов и матерей, детей-сирот, братьев и сестер, родных и близких, потерявших дорогих сердцу под стенами Порт-Артура; оно близко и дорого стало и каждому русскому сердцу; никто и ничто теперь не вычеркнет его из памяти и сознания русских людей и со страниц русской истории: оно куплено слишко великою кровавою жертвою одиннадцати тысяч убитых, страданиями пятнадцати тысяч раненых и больных воинов, невероятными лишениями и трудами оставшихся в строю защитников крепости, вынесших такие тяжелые дни и ночи в долгие месяцы осады, что участь убитых и умерших казалась им завидною.

Из дальнего плена, из вражеской страны оставшиеся в живых вернутся когда-нибудь на родину и поведают нам во всех потрясающих подробностях, как жили порт-артурские узники и что они вынесли. Но и теперь, и без их рассказов мы можем ясно представить себе их положение при беспрерывных боях,

когда приходилось сражаться буквально дни и ночи без перемены даже для короткого отдыха; когда недостало ни боевых снарядов, ни жизненных припасов, ни лекарств для больных и раненых, в то время, как цынга, тиф и другие болезни косили косою смерти поредевшие ряды защитников крепости, как бы вступив в союз с внешним врагом; когда не успевали и не могли хоронить тысячи убитых, и они гнили на открытом воздухе, заражая его ужасающим зловонием; когда больных бросали без призора, и они, едва держась на ногах, продолжали сражаться; когда раненые по нескольку раз возвращались в строй до новых тяжких ран или смерти; когда «люди стали тенями», и одни падали мертвыми у орудий от полного изнеможения, а другие от страшной усталости переставали понимать человеческую речь и слова команды; когда, наконец, страдальцам, отрезанным от мира и оставленным, уже не виделось впереди никакой помощи и спасения…

И все-таки больные выздоровеют, живые возвратятся домой; они услышат привет родины, почтительное удивление всей России, благодарное слово и награду от Царя; имя их будет славно, и до конца дней для каждого из них одно слово: «я был и сражался в Порт-Артуре» будет честью и бесспорною похвалою. Они увидят родное небо, родное солнце, родную природу, родных людей, родные храмы…

Но что сказать вам, одиннадцать тысяч убитых?!! Кто теперь прольет слезу над вашими дальними безвестными могилами? Кто утешит вас и восхвалит за пролитые слезы, за голод и жажду, за страдания и кровавые горящие раны? Где теперь, милые, ваша родина, ваше небо, ваше солнце, где ваш храм и где вы служите Богу, Которого возлюбили?

Видел некогда новозаветный Тайнозритель Иоанн: «Взглянул я, – говорит он, – и вот, великое множество людей, которого никто не мог перечесть, стояло перед престолом и Агнцем в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках своих… И начав речь, один из старцев спросил меня: сии, облеченные в одежды белые, кто они и откуда они пришли? И… сказал мне: *это те, которые пришли от великой скорби*… За это они пребывают ныне пред престолом Бога и служат Ему

день и ночь в храме Его, и Сидящий на престоле будет обитать в них. Они не будут уже ни алкать, ни жаждать, – и не будет палить их солнце и никакой зной (Апок. 7:9–16). И отрет Господь всякую слезу от очей их, и смерти уже не будет, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее все прошло (21:4). Для них уготован на небе новый и великий город, святой Иерусалим… Господь Бог Вседержитель – Храм его и Агнец; и город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его и светитильник его – Агнец. Ворота его не будут запираться днем, а ночи там не будет. И принесут в него славу и честь народов» (10:22–26).

Вот где покой ваш, родные наши герои, павшие смертью храбрых, вот ваш новый город и ваша вечная новая родина!

Но и в царство вечного вашего покоя проникнет к вам молитва любви с вашей родины земной. И слезы, горючие слезы ваших вдов и сирот-детей, отцов и безутешных матерей, родных и близких сольются со слезами вашего родного народа: океаном горя народного поднимутся они до самого неба, достигнут вечного града вашего, вашей новой отчизны и предстанут, безмолвные, пред Сидящим на престоле и будут умолять о вас Вечную Правду... Долго-долго будут они литься по скорбному лицу вашей земной страдающей родины: разве не просочатся они и до ваших земных могил, разве не омоют они ваших страдальческих костей?

Господи, Ты приял к Себе одиннадцать тысяч убиенных братий наших… Больно нам, горько нам, Господи! Услыши стон самой земли нашей и вопль народа, на котором от лет древних наречено имя Твое: прими души убиенных с миром и оком благоволения призри на их кровавую великую жертву! Вечная благодарная память им на земле родной, и вечная, вечная им память в молитвах Церкви и в очах милующего их Бога! Аминь.

Грозные знамения[152]

Горе тебе, Хоразине, горе тебе Вифсаидо! Яко аще бы в Тире и Сидоне явлены быша силы, бывшия в вас, древле убо во вретищи и пепеле покаялися быша! (Мф. 11:21).

Не те кровавые силы и знамения, которыми Господь ныне поражает Россию, разумел Спаситель, когда предрекал горе упорным и окаменелым жителям Хоразина и Вифсаиды. Но силы и знамения Божии, как ни различны по виду и существу, будут ли они грозными и устрашающими, будут ли они полными милости и благоволения, имеют цель одну: воспитать людей для царства Божия, приблизить их к Богу, попалить в них все терния греха, заставить одуматься, остановиться в греховном падении. И, видно, слишком окаменело наше сердце, видно много грехов отяготело над русскими людьми, если «глас хлада тонка», – глас милости и благодати Господь переменил на громы гнева и прещения. Видно, нас могут разбудить и отрезвить только грозные удары несчастий…

Выстрел за выстрелом, взрыв за взрывом, кровь за кровью и убийство за убийством на русской земле. И вот еще пролилась кровь, благородная кровь ближайшего Сродника Государева... Не в честном бою, не пред лицом открытого ополчившегося врага, а от злодея, из-за угла поджидавшего жертву, от фанатика, исповедующего убийство во имя жизни и насилие во имя свободы, пал Царский Сродник и Слуга. Последняя ли это кровь верных сынов России?

Люди русские, одумаемся! Знамения Господни зовут нас к этому. Зовут покаяться, очиститься, *объединиться* в вере в Бога, в преданности Церкви, в любви к родине, *объединиться* против врагов внешних и внутренних. Государство в опасности, люди гибнут на войне и внутри страны, презренное и гнусное убийство вышло из темных углов и нагло показывается на улицах, а сыны народа, почитаемые его мыслящею частью, как будто ничего не случилось, твердят и твердят о своих мечтательных и заморских идеалах, своими писаниями плодят и плодят недовольство в стране вместо успокоения, несут

разделение, раздоры вместо мира и согласия. Идет горячее обсуждение внутренних вопросов жизни в кругах правительственных, и в особенности на страницах печати; одно поражает в этой работе – это желание везде поступиться и пожертвовать прежде всего одними интересами вечными, высшими, святыми, религиозными, небесными ради земных, это намеренное замалчивание о Боге, о Церкви и о душе народной жизни – его святой православной вере.

Люди русские, одумаемся! Суд при дверях. Господь близ. Жертвы кровавые перед нами.

Поминая молитвою эту новую и страшную жертву – убиенного Великого Князя Сергия Александровича, восплачем о нем, восплачем о растерзанном сердце Царя, о несчастной, терзаемой России, восплачем и о себе самих!

"*Думаете ли вы*, – говорит Спаситель, – *о жертвах убийства своего времени, – думаете ли, что эти убитые галилеяне были грешнее всех галилеян, что так пострадали: нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете!*« (Лк. 13:2–3). Аминь.

Благо в смерти[153]

Обратися, душе, в покой твой, яко Господь благо сотвори тебе… (Псал. 114:7).

Благослови, преосвященнейший владыко, благовестителя слова любви и почитания к тебе, от лица твоих близких, сослужителей и подчиненных, в последний раз благослови, преосвященнейший владыко!

И прежде всего приими благовестие от слова Божия, коему измлада ты научился, умудряясь во спасение (2Тим. 3:15), коему поверял ты свою жизнь земную и всю свою деятельность. Благовестие тебе из уст святого пророка, из глубокой древности вещающего, в чаянии богоявления Христова, к нам милостивно бывшего: *«Исаиа, свет видев невечерний, из нощи утренневав, взываше: воскреснут мертвии и возстанут сущи во гробех и еси земнороднии возрадуются»* (Кан. Велик. Субб. при погреб. иереев, песнь 5-я). Да будет же тебе посохом в путь всея земли это слово пророка, посреди тьмы и сени смертной, в предведении и ожидании света невечернего.

Благовестие тебе от святого апостола: *«Никтоже бо нас себе живет, и никтоже себе умирает. Аще убо живем, Господеви живем; аще же умираем, Господеви умираем: аще убо живем, аще умираем, Господни есмы. На сие бо Христос и умре, и воскресе, и оживе, да и мертвыми и живыми обладает»* (Римл. 14:7–9).

Да будут тебе и нам светильником эти слова, уясняющим недоуменную тайну твоего раннего от земли отшествия.

Но превыше всего благовестие приими от Того, Кто есть *Свидетель верный* (Апок. 1:5), свидетельство Которого есть *ей и аминь* (2Кор. 1:20), Кто Сам был мертв и *се жив есть во веки веков* (2Кор. 1:8), Кто есть *путь и истина* (Ин. 14:5), и *воскресение и жизнь* (Ин. 11:25); Свидетель сей говорит тебе: *сущии во гробех услышат глас Сына Божия и, услышавше, оживут* (Ин. 5:25).

Да будет тебе слово это венцом славы и радости, вечным благовестием вечного Бога во стране и царстве вечности.

Благослови, преосвященнейший владыко, благовестителя и земного человеческого слова любви и утешения, при виде твоего гроба. И это слово берет начало от слова Божия:

Обратися, душе, в покой твой, яко Господь благо сотвори тебе.

Благо сотворил тебе Господь, пославши к тебе ангела смерти в эти тяжкие дни, нами переживаемые. И если всегда нужно памятовать, что *мир*, тобою покинутый, *весь во злележит* (Ин. 5:19); если всегда нужно помнить, что *земля и яже на ней дела сгорят* (2Пет. 3:10), что *плоть и кровь царствия Божия не наследят* (1Кор. 15:50): то особенно все это само собою напоминается нам ныне, при виде повсюдной смуты, при этом широком разливе нечестия, при этом восстании против Бога и Христа Его, – что очи наши наблюдают в окружающей жизни. Знал ли ты об этом горе Церкви и родины, ты, удаленный от мира своею долгою и тяжкою болезнью? О, не только знал и страдал, когда в священный час наречения в епископа, как бы прощаясь с прошлою жизнью и службою, поминал горячим словом любви твоих бывших прихожан-крестьян далекой русской деревни, твоих наставников в высшей школе, подаривших тебя светлыми радостями, и твоих питомцев, утешавших тебя успешным духовным возрастанием. Ты пророчески рисовал себе трудности предстоящего времени и предстоящего служения архипастырского. Ты говорил тогда:

«Несравненно труднейший путь жизни предстоит мне в будущем, ибо приведется уже иметь дело не столько с доверчивым простым народом, сколько с людьми разных состояний и направлений, часто с врагами Церкви Христовой, которые в настоящее время, особенно, подобно хищным волкам (Мф. 7:15), со всех распутий лжеименного разума устремляются на нее, постоянно волнуют ее и производят в ней смуты и нестроения. *Дние наши лукавы* (Еф. 5:16). Страшная гордость, самомнение и себялюбие, прикрываясь отчасти целями облагодетельствования человечества материальными благами, а во многих случаях прямо, неприкровенно, *во имя свое* (Ин. 5:43) собрались на Господа и Христа Его, чтобы расторгнуть узы Их и свергнуть с себя иго Их (Пс. 2:3). И не только против веры

Христовой и Церкви православной гордость и себялюбие так настойчиво ратуют, но для них ненавистен и всякий порядок гражданский, способствующий «тихой и безмятежной жизни во всяком благочестии и чистоте» (1Тим. 2:2).

Ты угадал тогда, владыко, грядущие скорби. Разве не болело твое верующее сердце, разве не страдала твоя архипастырская ревность при виде нынешнего восстания на Церковь? Разве, не терзалась душа твоя при виде скорбей родины? И удивительно ли, что когда ты умер, когда весть о твоей кончине достигла слуха твоих близких и любящих, – удивительно ли, если после молитвы о тебе, они единодушно высказали мысль, что ныне воистину *блажени мертвии* (Апок. 14:13), а не живые, очи которых лучше бы не видели того, что творится вокруг? *Отнюдуже глас Иова услыши глаголюща: смерть мужу покой есть*… (Погреб. свящ. блаженны).

Благо сотворил тебе Господь, воззвав от земной юдоли во страну вечности, туда, куда так стремилась душа твоя. Ты был мужем пытливого ума, ты был *муж желаний*. Наука, чтение, размышления, умственные занятия наполняли весь досуг твой. Твое богатство и твои друзья – книги; они только и бросаются в глаза в твоем скромном жилище. Ты искал в них истины, правды, ведения, ты вдал душу твою взыскати премудрости. Но разве земля и все земное могли бы дать тебе удовлетворение? Разве приложивый разум не умножает здесь болезни (Еккл. 1:18)? Увы! – мы видим здесь истину только, яко зерцалом в гадании, мы ныне разумеем только отчасти… (1Кор. 13:12). Обратися же, душа благодатная и жаждущая Истины, Добра и Красоты, обратися в покой твой богоданный: ныне разрешится твоя жажда ведения в полноту обладания истиною не прикровенно, а лицем к лицу; ныне познаешь ее, якоже познан был (1Кор. 13:12); ныне падут мучительные колебания и сомнения, мучительное сознание немощи и слабости духа в познаниии сущего; ныне узнаешь то, *их же око не виде, и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша*… (1Кор. 2:9). Имже образом желает елень на источники водные, сице желала душа твоя к Богу крепкому, живому, когда явишься лицу Божию (Пс. 41:1–2); возлюбленны были для тебя селения Господа сил,

желала и скончавалась душа твоя во дворы Господни (Пс. 83:2–3): вниди же ныне, раб благий и верный, в радость Господа твоего (Мф. 25:23), и осияет тебя свет истины небесной, и вечных благих, и бесконечные, блаженные жизни наслаждение! Ты вступил ныне в мир высший, духовный, в котором с большею свободою раскроется все, что есть в душе нашей высокого, вечного и божественного, «где истина без покрова, добродетель без борьбы и венцы без терниев»…

Благо сотворил тебе Господь, положив смертью конец твоим земным страданиям. Бедность детства и юности; слабость здоровья от самой молодости; недолгая семейная жизнь, а потом беспрерывная тяжкая болезнь, постоянная, упорная, изнуряющая, лишающая покоя, препятствующая работе, к которой ты стремился; сознание слабости сил и недостаточности труда, который ты мог вносить в дело служения; тяжкие и мучительные последние месяцы жизни, месяцы беспрерывной борьбы со смертью: вот равномученический подвиг долговременных скорбей и страданий твоих. Кончились ныне смертью твои страдания; крест, тебе данный, с верою, терпением и упованием ты донес до общего всем предела. И воистину, ты получил ныне удел лучший и совершеннейший, по слову Василия Великого: «Несть убо, Господи, рабом Твоим смерть, исходящим нам от тела и к Тебе, Богу нашему приходящим, но преставление от печальнейших на полезнейшие и сладостнейшие, и на упокоение и радость» (Из мол. Пятидес.)

Разорилась земная твоя храмина (2Кор. 5:1), умерло твое настрадавшееся тело, но от сна смертного возстанет оно некогда и в новой силе, и в новой красе: *«Сеется в тлении, возстает в нетлении; сеется не в честь, возстает в славе; сеется в немощи, возстает в силе; сеется тело душевное, возстает тело духовное»* (1Кор. 15:42–44).

Но и чрез это немощное и слабое тело, которое причинило тебе столько страданий и ныне отказалось служить орудием твоего светлого духа, Господь благо сотворил тебе. Оно страданиями приуготовило тебя к вечности; вмале пожив, ты исполнил лета долга (Прем. 4:13), и наследуешь жилище на

небесах, дом нерукотворенный и вечный (2Кор. 5:1). Отпала ныне солома, чтобы отделилось зерно чистое и дорогое, которое готово стало для небесной житницы; созрел грозд твоей жизни для Небесного Виноградаря. Какую печать красоты душевной наложили на тебя страдания! Они приучили тебя к уединению, к необыкновенному воздержанию, к сознательному терпению, к покорности воли Божией, в которых воспитывался и созревал для Бога и неба дух твой; они соделали сердце твое столь широким в любви и благожелательности, что в нем никому не было тесно (2Кор. 6:12); они дали тебе ту превознесенность над всем мирским, над всякою мелочностью и суетою, которая в связи с твоим прямодушием, искренностью и правдивостью являла тебя пред нами в такой высокой красоте истинного и обаятельного благородства духа. Если бы нужно было написать на этом гробе твоем изречение, всецело и лучше всего рисующее твой образ, то оно готово и изречено в святых словах евангелия: *«Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят»* (Мф. 5:8).

И когда твое сердце страданиями усовершилось и очистилось до способности боговидения, ты взят был от земли живых. В твой далекий путь *пойдут вслед за тобою дела твои* (Апок. 14:13): твоя глубокая вера, твоя горящая ревность по дому Божием, твоя преданность долгу, твоя любовь, благородство, правда слова и дела и чистота сердца. Прости нас, преосвященнейший, в чем мы повинны пред тобою, и, в лицезрении вечного Бога, помяни в любви твоей нас скорбных и ныне во многих обстояниях сущих.

Обратися, душе, в покой твой, яко Господь благо сотвори тебе. Но в твоем могильном покое, почивая в благоухании святыни этого векового храма, ты будешь здесь всегда слышать молитвенное слово, отрадное для твоего духа, и верим, оно услышано будет и Богом; слово это сонм священства будет тебе гласить: *Архиерейство твое да помянет Господь Бог во царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков*. Аминь.

Верность Распятому[154]

Желанием и призванием достопочтенного начальника этого учебного заведения и его ближайшего помощника я призван сказать вам сегодня, учащиеся юшноши, проповедное церковное слово. Но, странник и пришелец, случайный гость и проезжий, что бы мог я сказать вам истинно-учительного и полезного, кроме общих мест и общих пожеланий? Поэтому не без смущения принял я слово предложения. Но то было только в первый момент неожиданности. Я вспомнил, что мы с вами – родные и близкие по общности воспитания и обучения, по общим задачам и призванию жизни. Я вспомнил, что сам я – питомец духовного учебного заведения, и целою вереницею вслед затем обступили меня воспоминания молодости и времени учения. И я увидел, что нам, хотя и незнакомым людям, есть о чем побеседовать с вами с церковной кафедры. И самое слово и даст и укажет нам Тот, Кто изображен на этом св. Кресте, что Церковь изнесла ныне на поклонение верующим в преполовение Четыредесятницы.

Поминай Господа Иисуса Христа (2Тим. 2:8), – говорит св. апостол всякому верующему. И не только в подкрепление и утешение в дни поста, но и во всякой печали, во всякой радости, во всяком подвиге, во всех и всяких обстоятельствах христианин у Креста Господня найдет и подкрепление, и вразумление. Мне думается, что по обстоятельствам переживаемого времени и по настроению современных духовно-учебных заведений уместно и благовременно нам сегодня у Креста Господня вспомнить изречение этого Божественного Страдальца незадолго пред крестными муками: «Вот, наступает время и настало уже, что вы рассеетесь каждый в свою сторону *и Мене единого оставите»* (Ин. 16:32). Стоя пред этим Крестом Господа Иисуса, не слышите ли вы, юноши, как укором звучит для вас слово Его, и не говорит ли вам Спаситель: и ныне есть время, да разыдетесь кийждо во своя и Мене единого оставите?..

Исполнилось буквально это предречение Господа. Когда Синедрион объявил Его вне закона, и каждому последователю грозил отлучением, Господь остался почти один: оставил его и 38-летний расслабленный, и воскрешенный сын вдовы Наинской, и исцеленные слепые, хромые и прокаженные. Он восходил в Иерусалим одинокий, ученики ближайшие только сопровождали Его, но следовали за Ним далеко позади и в страхе. Вот Он в Иерусалиме; здесь готовится уже предательство; Его Пасха, торжественная Пасха, делается вечерей *тайною*, после нее тайно же и скрытно идет Он на молитву в Гефсиманию. Но все же еще с Ним хоть вдали ученики; все же враги боятся схватить Его при народе; робко и скрытно идут воины на безоружного, тревожатся преступные первосвященники. Но вот Он схвачен, и тогда все более и более исполнялось слово Его: *и Мене единого оставите*. Ученики бежали; двое восхотели видеть кончину: но один теряется и бледнеет от вопроса служанки и оставляет Учителя, другой следует издали, как безмолвный свидетель происходящего. И на Голгофе нет учеников Его; пока было зрелище крови, пока раздавались стоны казненных, лилась кровь, слышались вопли одного и проклятия другого разбойника, извивались в страшных муках распятые тела, – кровожадная толпа стояла и смотрела. Но вот стали стихать стоны, приближался конец, надвигалась ночь смерти над несчастными, – и толпа оставила Голгофу. Дольше всего оставались у Креста Господня любовь и дружба: ибо мироносицы, как сказано в евангелии, стояли издалеча зряще, где Его полагаху, но после погребения уже все быстро оставили Его во гробе, на покой великой субботы, и все близкие Его были в горе, страхе и трепете, разрозненные, рассеяные; они не знали, что же делать дальше и не видели никакой возможности продолжать дело Христово, которое для них вместе с Телом Иисусовым казалось навеки заключенным во гробе. Так буквально исполнились слова Христа: все вы рассеетесь каждый в свою сторону и Мене единого оставите.

Что же, будем ли осуждать робость учеников? Но ведь они действительно были растерзаны сердцами; у них отнято было

их сокровище, и думалось, что оно зашло во гробе навеки, и все кончено, и все потеряно. И все же, когда осиял их свет воскресения, они все собрались и объединились, они жизнь отдали Христу, они благовествовали Его до последних земли.

Не будем осуждать их. Лучше обратим внимание на себя самих. И мы видели свет Его воскресения, мы знаем уже и силу и славу Распятого; мы видели исполнение слова Его: если Я буду вознесен от земли, всех привлеку к Себе. Мы взываем, как и вчера взывали: Твоим Крестом, Христе Спасе, смерти держава упразднися и диавола крепость упразднися... Мы видели исполнение слов Господа: если зерно пшеничное, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то мног плод принесет... Мы видели, какой воистину великий и мног плод принес Христос на землю, подняв жизнь людей до высоты духовной недосягаемой.

Что же мы? Не оставляем ли и мы ныне Христа единым? Духовные юноши, юноши, готовящиеся для служения Церкви, о Христе ли помышляют, Ему ли единому желают посвятить свою жизнь? Скажите вы, юноши, пред Крестом Иисуса: о чем вы мечтаете, о том ли, чтобы продолжать на земле дело Христово, быть пастырями и учителями Его овец, или о жизни мирской, удаленной от Иисуса Господа?

Вот толпа кричала и вопила: распни Его; вот ученики бежали от Него страха ради иудейска; вот Пилат, не найдя в Нем вины, услыша крики, тоже отказался от Праведника и отдал Его на пропятие. Все они испугались толпы и ее криков, – того, что теперь принято называть общественным мнением. И Пилату казалось, что он уступил этому общественному мнению. Не видел он и не знал, как между народом ходили подстрекатели от Синедриона, как они грозили, что жизнь Иисуса есть смерть еврейского племени, как они внушали крики «распни» той самой толпе, которая всего несколько дней назад еще кричала Христу: «Осанна». Не таково ли и ныне общественное мнение? Не плод ли это часто работы немногих крикунов, прикрывшихся громкими фразами и благом народов и племен? И не такова ли ныне сила общественного мнения? Не опустошает ли оно ряды служителей Бога, не действует ли оно, именно оно в среде

духовных воспитанников, которых тянут к бунтам, волнениям и забастовкам, чтоб они не отстали от других, которым внушают отвращение к будущему духовному служению, которые поголовно тянутся к миру, в светское служение, в светские школы, лишь бы подальше от ограды Христовой? Вспоминается мне, – простите за это отступление к личной жизни, – вспоминается время молодых лет по окончании учения в духовной школе. Жизнь мира не только тянула к себе, но открывала широкую дорогу службы... И вот, в душе возникла тяжкая борьба: куда идти?.. В минуту душевной тревоги, стоя в церкви в этот самый воскресный день Великого поста, я услышал слово нынешнего апостольского чтения, которое слышали и вы сегодня: И никтоже сам себе приемлет честь, но только званый от Бога, якоже Аарон... Это слово решило сомнения, и в тот же день указало мне путь к священству. С тех пор мне не пришлось ни разу покаяться в принятом решении!

Возлюбленные юноши! Да подаст вам Господь преспеяние премудрости, жития и веры и разума духовного! Помните, что вы званы от Бога, якоже Аарон: званы своим воспитанием духовным и предназначением от лет детства. Позорна всякая измена, но измена Богу и служению Его и Церкви Его, измена только по соображениям себялюбия и корысти, стократ позорнее! Не увлекайтесь общественным мнением и стадностью, не поддавайтесь громким фразам оправдания: я, мол, не имею призвания идти на служение Церкви... Большинство повторяющих эти фразы о призвании ничего о нем на деле не думают и находят его в том, что из врачей душ людей обращаются в врачей скотов, или мечтают о службе по измерению водки и спиртных напитков: и это называют призванием!.. Забывают, что если рассуждат о недостоинстве быть служителем Церкви, как о причине отказа от этого служения, то ведь надо так же рассуждат о недостоинстве быть христианином и, следовательно, отказаться и от христианства... Тогда в полном смысле исполнится слово Христа Иисуса: Мене единого оставите.

Твердость и верность, благородство и мужество познаются в испытаниях. В нынешнее тяжкое время, когда молодежь из

учащейся обратилась в неучащуюся, когда ее осаждают соблазнители и совратители, когда ее толкают из духовной школы на широкие мирские распутия мысли и жизни, на путь беспорядков и всякого рода «требований»: сохраните, возлюбленные, верность Христу Распятому, покажите твердость духовных сил ваших, покажите твердость ваших верований и убеждений и умение стать выше стадности, покажите твердость святого решения служить Ему в Церкви Его – духовным просвещением во тьме седящих! Поминайте Господа Иисуса Христа! В этом усматривайте ваше призвание!

Не оставьте Его единого!

Никто же сам себе приемлет честь, но званый от Бога, якоже и Аарон! Аминь.

Предостережение от народной смуты[155]

Мы выслушали сейчас, братие, в двенадцати евангелиях святую повесть о страданиях, смерти и погребении нашего Спасителя. Но прежде чем разойтись отсюда по домам, с этими возженными свечами, зажжем мы и закрепим в умах и сердцах своих хоть один урок святого повествования, сообразно обстоятельствам переживаемого нами времени. В прошлый раз, в Вербное Воскресенье, с этого самого священного места мы говорили о слезах нашего Спасителя, о злосчастной судьбе неверующего Иерусалима и всякого нечестивого земного царства и народа, говорили о превратности народа еврейского, который после торжественных восклицаний: «осанна» всего чрез несколько дней опозорил и погубил Себя навеки дикими воплями: «возьми, возьми, распни Его!» Сегодня в евангелиях мы слышали эти вопли и крики. Слышали и о том, как испугался их судия-Пилат, и как он предал на мучения и смерть Иисуса Христа, хотя и сам считал Его Праведником и не нашел в Нем никакой вины. Пилат и вправду подумал, что слышит истинный голос всего народа...

Не знал он и не видел, как среди толпы бегали подосланные слуги первосвященников и старейшин, врагов Иисуса, как они подучали народ требовать смерти Спасителя, то запугивали, то уговаривали и убеждали благом народным, а по местам и сами, прикидываясь представителями народа, вопили и кричали: «возьми, распни Его». И Пилат поддался обману, и народ поддался обману – и изрек роковое, страшное слово: *«кровь Его на нас и на детях наших»*.

Не так ли, братие, бывает иногда и теперь, и среди нас? Особенно в наши тревожные и смутные дни появилось множество людей, которые желают вовлечь народ в обман различными слухами, дурными речами, возмутительными призывами к бунтам, подметными листками, а то и дурными газетами, дурными книгами! Чаще всего эти речи направляются против Бога, против Церкви и ее служителей, против Царя и Его слуг, против России, нашей дорогой и любимой матери.

Слушает эти речи простой народ, да и не один простой народ! – слушает эти речи, и часто смущается, сбивается с толку, верит злым людям, а того не знает, что все это делают враги Бога и Церкви, враги нашего отечества, желающие погубить его нашими же собственными руками. В последнее время стал народ наш грамотным; он ищет истины, он жаждет прочитать хорошую книгу; он привык уважать все напечатанное; он верит каждой печатной строчке. Но составители листков, газет и книг часто дают народу вместо хлеба – камень и вместо рыбы – змию, они печатают нередко злые речи, они нередко вводят читателей в обман. Читает простой народ такие дурные книжки и газеты, и смущается душою, а того не знает, что есть хорошие сочинители, хорошие книги и газеты, а есть дурные и вредные; того не знает, что как нельзя верить всякому слуху и всякому слову, так нельзя верить и всякому печатному листу. В прежнее время власти строго следили за книгами и газетами и не допускали печатать ничего вредного, но это, оказалось, мало помогло делу, ибо злые люди ухитрялись обходить закон, они и без разрешения пускали в народ много книг и листков злонамеренных и запрещенных, а народ, думая, что все напечатанное дозволено и одобрено, мог еще легче поддаваться обману. Поэтому правительство желает теперь дать полную свободу печати, чтобы все могли печатать что угодно. Пусть же добрые и разумные люди разбираются теперь сами в том, что хорошо и что худо, что полезно и что вредно, где истина, а где ложь и обман. Нужно помнить, что газеты, листки и книги – все равно, что и неписанныя слова, все равно, что улица. На улице можно услышать и слово правды, а можно услышать и слово лжи, смотря по тому, кто говорит, как и святое евангилее учит: *благий человек от благого сокровища сердца своего износит благая, а лукавый от лукавого сердца своего износит лукавое. Ибо от избытка сердца глаголют уста* (Лк. 6:45); от доброго сердца говорится умное, доброе, мирное, полезное слово, а от злого сердца говорится слово гнилое, лживое, слово клеветы и раздора, бунта и измены. Так случилось во время суда над Иисусом Христом: злые люди подучили еврейский народ, народ послушал их – и сам на себя

призвал проклятие. Так бывает и теперь. Злые люди, враги нашей родины, ненавидящее Христа, ненавидящие и Россию за то, что она почитает Христа, издают и печатают такие газеты, листки и книги, распускают такие слухи, которые явно подучают народ кричать то против Царя Небесного, то против Царя земного: «распни, распни Его». И правду нужно сказать, – чаще всего такие самозванные и зловредные учители принадлежат к тому самому еврейскому племени, которое некогда распяло и Христа, а ему вторят сбитые с толку, то подученные, то запуганные, и сами христиане.

Как же беречься от такого обмана? Как разбирать учителей истинных от ложных и опасных? Как различать учение правое от пагубного и лживого? Как разобраться, где хорошо и правильно написано и напечатано, а где ложно? А ведь осторожность очень и очень нужна!

Мы обыкновенно стараемся уберечься от всякого обмана и в быту житейском. Мы испытаем лошадь, когда ее покупаем; мы испробуем товар, когда его берем; мы даже деньги стараемся распознать, не фальшивые ли они. Тем более мы должны разбираться в том, что касается нашего ума и сердца, должны знать пробу и мерку для всякого учения, для всякого учителя. Такая проба дана нам. Вот мера и проба: слово Божие в святом евангелии и писаниях святых апостолов; учение святой нашей Церкви; голос ее пастырей, а затем любовь наша к родине, слово закона и голос нашего Царя. Что согласно с этою меркою, то истинно; что несогласно, то надобно отвергнуть. Что говорит о вере в Бога, о послушании Церкви, о любви к царю и отечеству, то достойно веры, а что против всего этого, того не следует и слушать.

Во многих местах нашей родины народ, слышавши не раз злых учителей и распознавши их злонамеренность, стал в озлоблении бить их и насильничать над ними. Но это и не по-христиански, и грешно, и неразумно. Здесь чаще всего вместо виновных можно обидеть правых, как нередко и бывало; здесь – одно самоуправство, вредное и пагубное, и противное закону. Лучший способ бороться с злыми учителями и злыми учениями

– это *не слушать их*: тогда поговорят они, поговорят, да и перестанут.

А если будем слушать их, то и случится с нами то, что было с народом еврейским, который о Сыне Божием, о своем Господе и Спасителе кричал: «распни Его»; случится с нами то, что было с Пилатом, который Праведника отдал на распятие. Избави нас, Господи, от этого ужаса и несчастья!

Избави нас, Господи, от человек некоторых, и от бесов, и от всякие иные неподобные вещи! (Из молитв вечерних). Аминь.

Объединение во дни опасности государственной[156]

Христос воскресе!

Воистину воскресе!

Да, воистину воскресе, братие, воистину воскресе Христос! Но кто вас научил отвечать этим торжественным уверением на священный возглас св. Пасхи? Кто вас убедил, кто уверил вас в том, что воистину воскресе Христос? Откуда, от кого вы узнали эту радостную и святую весть?

Говорили мироносицы, возвестили апостолы, проповедало евангелие, изъяснили отцы и учители, закрепили веру нашу миллионы миллионов верующих христиан. Мало того, подтвредили и враги Христовы: рассказали воины, стерегущие Его гроб; молчанием многое показали первосвященники, пристыженные и испуганные рассказом воинов. А вот сегодня евангелие поведало нам, что веру учеников Христовых и всех верующих подтвердило само неверие, – неверие ученика Христова Фомы.

Оно, святое евангелие, переносит нас к первым дням после воскресения нашего Господа. Что видим? *Сущу позде, в день той, и дверем затворенным прииде Иисус и ста посреде учеников Своих и глагола им: мир вам* (Ин.20:19). Возрадовались ученики, увидевши Господа. Он же преподал им Духа Святого: *приимите,* – сказал Он им, – *Духа Святого. Как послал Меня Отец, так Я посылаю вас*… Таким образом, Господь в первое же явление Свое по воскресении подтвердил апостолам те великие обетования, которые они слышали от Него во дни Его земной жизни.

Но что это мы видим в малой тогда Церкви, в малом обществе учеников Христовых? Все ли объяты радостью? Все ли в одном настроении, в одних чувствах?

Фома же, говорит евангелие, один из двенадцати, не был тут с ними, когда приходил Иисус… Промыслительно, смотрительно было это отсутствие! Фома страдал, мучился, томился в то время, когда все радовались; Фома объят был мучительными и томительными сомнениями, когда все

веровали. И в таком положении был он дотоле, пока чрез неделю снова не явился Иисус Воскресший, когда все ученики были собраны, и Фома с ними. Тогда-то и он приобщился ко всеобщей вере и радости. Тогда и он воскликнул: *Господь мой и Бог мой!* Тогда и он своим бывшим неверием, которое превратилось в горячую веру, проповедал всему миру и на все века о воскресении Господа. Так показано нам, что значит единение духа, и что значит разделение.

Урок здесь вечный и всем людям, и не только в области веры, но и в области всей нашей жизни. Урок этот звучит особенно явственно в такие дни, когда мы видим вокруг разъединение, разделение, несогласия, вражду, споры, когда слышим о господстве злобы в жизни, о различных счетах одних сословий против других, об угрозах, бунтах, восстаниях, когда слышим вокруг речи, призывающие не к единству жизни, а к разделению. А таковы именно переживаемые нами теперь дни. Единство теперь нужно нам, православным русским людям, – нужно больше, чем когда-либо.

Злоба врагов – иудеев, суд язычника Пилата, распятие Господа и Его погребение, – все это как будто показывало торжество врагов Христовых. Но торжество врагов только на краткое время навело страх и уныние на апостолов, разоряло их, но не разъединило учеников Христовых, а напротив, потом, по воскресении Господа, еще более сплотило их. Злоба врагов-язычников на Дальнем Востоке, ополчившихся против русского народа, их видимая победа над нами, их торжество, – пусть это не разъединит русского народа, а напротив, сплотит его воедино. Между тем, то, что мы видим и слышим теперь вокруг себя, то, что делается теперь везде в России, к сожалению, мало приносит в этом отношении утешительного.

Государь и подданные, пастыри и пасомые, начальники и подчиненные, отцы и дети, добрые семьяне, честные труженики, земледельцы, ремесленники, рабочие, – все, все добрые и честные люди должны теперь соединиться, быть вместе, быть во взаимной любви, дружбе, доверии, чтобы дать отпор врагам и внешним и еще более опасным врагам внутренним. Отчего пришла к нам эта напасть внутренних замешательств и

волнений? Отчего мы в страхе и смятении? Оттого же, отчего и ученики Христовы были в страхе: временно они были рассеяны, не собраны вместе. Воскресение Господа сразу их всех объединило, и тот, кто дольше всех был один, больше всех и страдал, именно Фома, пока не соединился со всеми.

Не будем же и мы повторять на себе и в своей жизни такие печальные дни сомнений и недоумений, ибо и нам есть около чего сплотиться, объединиться.

Есть у нас *Церковь Христова*, это вечное пребывание с нами Христа и апостолов. Что находим в Церкви? В Церкви – *правая вера*; небесный Домовладыка засеял плодовитую ниву нашей родной земли пшеницею чистого православия, чистого благочестия. Гоните же от себя всякие соблазны раскола и сектантства, всякие рассуждения, которые клонятся к подрыву и ослаблению веры, всякие сомнения, всякое неверие. В Церкви – храмы и богослужение, – *общественное*, всех соединяющее вместе богослужение. Худой тот ученик, который не ходит в школу, худой воин, если он не является в войско, худой служащий, если его никогда нет на службе, худой торговец, если он никогда не бывает на месте своей торговли: худой и тот христианин, который не посещает храма, худой сын Церкви, богоучрежденного *общества* верных последователей Христовых, если он не бывает на *общественном*богослужении, где Бог и верующие входят в общение, где глаголется: «*миром* Господу помолимся» и: «возлюбим друг друга», где единственно во всем мире есть равенство, о котором теперь так много говорят, где царь и подданный, богач и бедняк, мужеский пол и женский, эллин и иудей, при условии единой веры и молитвы, равны пред Богом, где всяческая и во всех Господь. В Церкви – пастыри и пасомые. Пусть пасомые будут преданы пастырям! Пусть сгорят те листки, которые, я знаю, распространяются и среди вас и которые силятся очернить, оклеветать, уронить пастырей в глазах пасомых. Пусть умолкнут клеветы незатыкаемые уста тех последователей и подражателей Хама, которые желают с злорадством открывать наготу отчую, рассказывать веселые небылицы о пастырях, смеяться над ними греховным смехом. Пусть устыдятся те, кто

постоянно высчитывает, сколько он дал на содержание пастырей, которым и Христос повелел питаться от алтаря. Есть недостатки у пастырей, ибо и они – люди. А у пасомых разве одни достоинства? Итак, в Церкви возлюбим друг друга, объединимся, будем хранить единение духа в союзе мира. Так заповедует святой апостол.

Есть у нас *государство*. В государстве – Царь и подданные, начальники, от Царя поставленные, и подчиненные. Если бы не было этого, не было бы и государства. А если бы не было государства, то невозможна была бы и общественная жизнь людей, как невозможно из песку выстроить дома, пока песок, глину, землю мы не обратим в кирпичи… Но что это видим? Что слышим? И о Царе начинают судить, и Царя начинают осуждать, и кто же? Иной от земли не виден, мальчик безусый учит Царя, как надо управлять царством; иной, у себя в доме и хозяйстве ничего доброго и полезного не устроивший, пространно рассуждает, как устраивать государство, и других смущает своими суждениями! Какой позор! Какое падение! Какой стыд, и особенно для казаков, для военных людей, знающих, как важно иметь повиновение, понимающих что значит дисциплина, – для казаков, предки которых завоевали в беззаветной преданности царю и государству эти пространные земли у врагов Креста Господня! Но о Царе все-таки осмеливается судить редкй наглец. Зато о начальниках кто теперь не судит вкривь и вкось? Кто не слышал различных обманных, клеветнических о них речей? А если и есть им повиновение, то христианское ли это повиновение? А христианское повиновение есть повиновение не по насилию, не из-под палки и угрозы, а Господа ради, не за страх, а за совесть, «не пред очами только работая, но яко раби Христовы от души». Тогда будет у нас в государстве настоящее единение. В государстве – родная земля, родной народ, родная жизнь, родные нравы и обычаи, родной и исстари сложившийся и привычный, Церковью освященный и предкам заповеданный государственный строй. Пусть же не будет раздвоения, пусть не слышатся призывы подражать в этом отношении чужеземцам,

пусть не будет постоянных указаний на иноземные образцы. Иначе жизнь расколется, мы разъединимся.

Есть у нас *общество*, общественная жизнь. Пусть общественная жизнь, этот плод единения людей, идет к тому, чтобы укреплять это единение, а не губить его: выборные ваши пусть неленостно и честно несут свои обязанности, пусть не уклоняется никто от общественных должностей, пусть никто не употребляет их в свою пользу и для своего личного обогащения и благополучия, пусть каждый стремится к общественному благу, а те, которые не призваны к общественной деятельности, пусть не завидуют тем, кто призваны, пусть прекратят распространять о них тревожные слухи, без которых теперь в буквальном смысле не проходит дня. Иначе общественная жизнь не устоит и рассыплется.

Есть у нас *семья*. Крепка она была у нас некогда, – крепка взаимною любовью, согласием, общим трудом. А ныне, – о, Господи! – что слышим: мужья бьют пьяные своих жен, сыновья избивают престарелых родителей, жены уходят от мужей и открыто живут с другими, только что поженившиеся сыновья прежде всего стремятся отделиться от стариков и жить отдельно, и это отделение происходит после целого ряда ссор, споров, взаимного препирательства, и после отделения опять вызывает надолго вражду родных и единокровных. Все беднеют, все ослабляются, а над жизнью такою разве будет исполнение Божьего обетования, что благословение родителей утверждает домы чад? Не слышится ли иное слово: клятва матери разоряет их до основания? Так мы дошли и до самого источника наших разделений. Оттого и беды на нас, и напасти, оттого и так называемые государственные реформы и преобразования нам не помогут и не помогают. Слышим Царские манифесты 12 декабря прошлого года и недавний, 18 февраля, об укреплении законности, суда, о созыве лучших русских людей для суждений об общественном благе. Теперь-то и надобно нам быть достойными Царских призывов, теперь всем добрым, честным, верующим, благоразумным людям надо соединиться на службе Богу, Церкви, Царю, государству; каждому сословию, званию, каждому отдельному человеку надо

честно делать свое дело, не завидуя другому, не мешая никому. Теперь пусть пронесется над нашею землею слово Христово, сказанное апостолам: мир вам! Тогда только мы обновим наше государство после тяжких неудач и несчастий войны, после всех этих еще более тяжких внутренних замешательств и волнений, – обновим миром, любовью и согласием, а наипаче усилением веры, молитвы, покаяния и преданности воле Божией.

Но слышу, что мне говорят казаки-старики: что же мы поделаем с дурными людьми и развратителями? Мы-де бессильны. На наши слова отвечают бранью, угрозами. «Лучше быть в стороне, пусть их, Бог с ними!»

Но это – голос или лени, или трусости. Что если бы апостолы так рассуждали о врагах Христовых, и умолкли? Но пред ними стоял во вражде и злобе буквально весь мир и иудейский, и языческий, а они пошли и словом своим, при помощи Божьей, победили его. Что если бы так же рассуждала святая Церковь? Она была гонима, ее обуревали ереси, расколы, секты, разномыслия. Но она не стала в стороне, а боролась духовным воинствованием, и победила: ереси сгибли, а Церковь Божия стоит и достоит до скончания мира. Что если бы так рассуждали наши предки во время нашествия татар, поляков, шведов, турок, двадцати народов при Наполеоне, и в другие времена? Но Россия боролась, и при великих трудах и страданиях строилась верою, молитвою, слезами, подвигами, напряжением всех сил народных, и все росла и росла.

Не убоимся и мы никого и ничего. Но все соединимся вместе, дружно, любовно, в вере святой, в той вере, которую мы ныне исповедуем, глаголя: «Воистину Христос воскресе!» Объединимся в Церкви, в любви к родине и Царю. Да воскреснет Бог – и Он воскрес, Победитель всякого зла! И расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут! И да будет нам отрадою, и да пронесется над нами вожделенное вечное слово Христа Воскресшего: мир вам…

Мир вам, мир всем! Аминь.

Пастырский голос во дни революции[157]

I. Бога бойтеся

(1Петр. 2:17).

Всякому из нас свойственно желать и искать мирной, довольной и счастливой жизни. Так уж Бог создал человека; Он вложил в его ум и сердце желание счастья жизни, где бы эта жизнь ни протекала: в семье, в обществе, или в государстве. И Бог Милосердный не осуждает этих стремлений человека. Он Сам желает счастья людям, Он дает им все нужное для этого здесь, на земле, и там, на небе, после смерти каждого из нас.

Но если Бог создал человека, то ясно, что, получив жизнь по Его воле, а не сам собою, человек и жить должен по воле Бога, а не сам собою. Без воли Бога, без исполнения закона Его, человек – то же самое, что рыба без воды, или дерево без тепла и света; он погибнет неминуемо и счастливым быть не может.

Вот почему Господь в Своем святом слове, которое Он открыл человеку в Писании, говорит нам: *благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей* (1Тим. 4:8).

И мы сами замечаем, каким душевным миром и спокойствием обладают люди верующие и благочестивые. А кто знает, как люди жили много лет назад, тот может сказать нам, что на земле никогда не было ни народов, ни царств, которые достигали бы прочного, цветущего состояния без веры в Бога. Пока они чтили Господа, они были сильны и счастливы; но как только они забыли Бога и нарушали Его закон, они подвергались порче и разложению и многие погибали ужасным образом. Это ясно и понятно без долгих объяснений: ведь без веры в Бога люди становятся хуже зверей, перестают любить друг друга, не исполняют никаких законов, восстают против властей, перестают трудиться, расхищают чужое имущество, убивают своих ближних; сильные и злые сначала обижают слабых, а потом начинают истреблять и друг друга. Разве при таких порядках можно жить? Разве при такой жизни может быть счастье?

Посмотрите на все живущее в мире. Одно из важнейших преимуществ человека над всеми другими живыми земными существами заключается в том, что только одни люди умеют веровать в Бога, молиться Ему, служить Ему; только одни люди постоянно стремятся к Богу и хотят знать и исполнять Его закон. Посмотрите: много на свете народов, но все народы имеют хоть какую-либо веру в Бога; если они не знают веры истинной, они сами себе выдумывают другую, не истинную, но обойтись совсем без веры не могут. И все самое лучшее люди отдают вере; самые лучшия здания – это храмы, а у других народов – мечети, синагоги, капища. Самые дорогие украшения, самые драгоценные металлы, ткани, самые высокие искусства: строительное, художественное, музыку, пение, – все это люди посвящают и жертвуют Богу на храмы для богослужения. Это значит, что вера в Бога и почитание Его глубоко заложены в самой душе человека; это значит что без веры в Бога человек только называется человеком, а на самом деле он приравнял себя к зверям, которые не умеют веровать и молиться. Оттого-то и жизнь у неверующих людей становится скотскою, а не истинно-человеческою.

Господь отвращает лицо Свое от таких людей, народов и царств, и они сами собою погибают. Ибо народ, не думающей о небе, недостоин жить на земле.

Вот почему предки наши, наши деды и прадеды отстаивали святую веру; в защиту ее они жертвовали всем своим достоянием и самою жизнью, любили молитву, строили храмы и монастыри, почитали служителей Божиих. И как ни тяжело им бывало, но Господь благословлял наш народ, и он возрастал в меру силы и славы, объемля собою окрестные племена и народы.

Но вот, ныне явились новые учители, которые смущают верующий народ наш словами и подметными листками. Они обещают людям счастье без Бога; людей неопытных, чаще всего молодых, не твердых в мыслях и убеждениях, они хотят направить против Бога, против Церкви и ее служителей, против всякой законной власти.

Учат они о каком-то новом будущем («социалистическом») государстве; каждый из них по-своему его изображает, но все сходятся в том, что в этом новом государстве не будет места святой вере и святой Церкви. Обещают они народу сытость и довольство, равную долю пищи, питья и житейских удобств. Не скрываясь, они говорят и пишут, что «царство небесное они устроят себе здесь, на земле». Забыто великое слово Христово: *«Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих»* (Мф. 4:4). Забыто слово Христово, что и *врата адовы не одолеют Церкви Божией*, которая пребудет во век века (Мф. 16:18). Забыто слово Божие, что *Царство Божие не в пище и питье* (Римл. 14:17), что *ради пищи не должно разрушать дела Божия* (ст. 20). Забыта в обещанном новом государстве душа человека: ей, этой душе человека, бессмертной и разумной, будет и голодно, и холодно, и бесприютно среди телесной сытости и житейских удобств. Забыто и последнее, что ждет всякого человека: смерть, гроб, суд Божий, ад и рай на всю вечность.

Нет, подальше от такого государства без Бога и Церкви! Оно пригодно только для животных, которые лишены духовных потребностей, но не для разумного человека. Подальше от таких учителей! У них, по слову Писания, *«Бог – чрево»* (Флп. 3:19).

В других местах нашего отечества мы видим иное: там учат православных и убеждают их оставить веру отцов. И вот, случились события в народе нашем, издревле православном, – события, о которых лучше бы ухо наше не слышало. На западе России нашлись люди, которые приняли чуждое русскому человеку католичество. В других местах произошли отпадения в раскол и сектантство. В свое оправдание соблазнители и соблазненные ссылаются на манифест Государя Императора 17-го октября 1905 года о свободе совести. Эта ссылка – неосновательна. Правда, свобода совести в государстве состоит в том, что каждому безвозбранно разрешается исповедывать избранную им веру; правительственная власть никого не будет впредь наказывать за измену вере. Но совесть ведь остается внутри человека; суд Божий и суд совести не

могут быть отменены никакою земною властью. Сам Государь наш – по-прежнему Сын Православной Церкви и ее Защитник, и вовсе не того Он желал, издавая Свой манифест, чтобы православные отпадали от веры; Он верил и верит, что теперь и без пособия правительственной охраны сыны православия вместе с Ним пребудут сами, по свободе своей совести, в ограде Церкви Православной. Святое православие стало у колыбели нашего царства почти тысячу лет назад и с тех пор оно было и будет ангелом-хранителем России; святое православие объединило русский народ и приобщило к нему по единству веры и другие, не русские племена; святое православие служило связью между разрозненными частями нашего народа, когда он, по несчастным обстоятельствам, разделялся и терял государственное единство под напором врагов наших; святое православие научило русский народ любить свою родину и своих царей, ввело в наш народ великие добродетели духа, сделало его народом христианским и богоносцем, сделало нашу Русь «Святою Русью»; святое православие обогатило наш язык, сообщило нам первые зачатки образования, сохранило их в церквах и монастырях и, в виду нового европейского образования, не отвергая его, поставило пред нашим народом великую заповедь: *вся искушающе, добрая держите*, т.е. все испытывайте, но держитесь доброго (1Сол. 5:21).

Немудрено, что враги русского народа, желая ему погибели, хотели бы лишить его святого православия. Но русские люди, по свободе совести своей, по искреннему убеждению, по сердечной любви и по завету предков, останутся, несомненно, верными святой Православной Церкви.

Наконец, мы узнаем, что во многих местах нашей родины в среде народа православного появляются мнимые радетели его блага, желающие будто бы оградить его от излишних трат и расходов. Не касаясь веры, не отвергая будто бы самого православия, они учат народ, что не надо ставить свечи в церкви, что не надо посещать богослужение, что не следует поддерживать священников платою за их труд. Здесь – хитрый умысел, имеющий целью лишить народ пастырей; здесь,

воистину, речи, внушенные исконным врагом рода человеческого. Священное Писание называет часто диавола хищным и злым волком. Послушайте: волк всегда ищет растерзать овцу, но у овцы есть пастух, который охраняет ее; конечно, волку выгодно, чтобы кто-нибудь отогнал овцу от пастуха и из овчарни; тогда волк, не боясь никого, удобно убьет и съест овцу. Овцы – это мы, христиане, в духовном смысле. Овчарня для людей – это Церковь Христова и храм Божий; пастухи – это священники; поэтому их называют духовными пастырями, а христиан, прихожан, называют паствою, пасомыми. Конечно, диаволу, как волку, выгодно отогнать словесных овец и от храмов и от пастырей; тогда он легко и удобно их погубит. Но осторожная овца, сохраняя свою жизнь, не убегает из овчарни и всюду следует за своим пастухом. Так точно и мы, если желаем быть благоразумными, не должны оставлять храмов и своих духовных пастырей. Сам Христос Спаситель учредил пастырей в Своей Церкви и Он сказал о них, что делатель достоин своей награды, что служащие алтарю должны от алтаря питаться, что служители Христовы должны есть и пить и одеваться на средства тех, кому они служат. Читайте об этом в евангелии от Луки главу X; читайте IX-ю главу 1-го послания св. апостола Павла к Коринфянам – и увидите, что и апостолы святые жили от благовестия.

Скажем в заключение: Никакое истинное учение не может идти против Бога и святых Его, против Церкви и ее служителей. Только гибель и несчастие принесут нам новые учители, если они являются противниками Бога и Христа.

Бога бойтеся, – учит нас слово Божие. Принимайте же только учение, которое не противно Богу, и словом Божиим проверяйте слово человеческое: всякое учение, которое противно слову Божию и учению Церкви, должно отвергать со всею силою. Молитвою, взаимною любовью, союзом с пастырями Церкви ограждайтесь от злых учений и злых учителей. И когда они увидят, что их не слушает никто, замолкнут их безумные речи сами собою.

«Безумными» называем их речи, ибо нет в них веры в Бога: *начало же премудрости есть страх Божий.*

Будем же хранить эту премудрость веры и страха Божия так, как хранили ее наши деды и прадеды и как заповедали нам! Да исчезнут, как тьма пред светом, все враги Божии, забывшие великую и святую заповедь – *Бога бойтеся!*

II. Царя чтите

(1Пет. 2:17).

Вот наставление слова Божия, которое нужно особенно помнить в наши тревожные дни. Ложные учители восстали теперь в среде народа; они, большею частью, ослепленные злобою и ложью, или обманутые своими наставниками – врагами России, иногда же выгнанные за негодность, лень и бунты, а нередко прямо подкупленные врагами нашего отечества (ибо чем же и жить им, и на какие деньги есть, пить, иметь кров и одежду?), – эти ложные учители, желая сами над всеми властвовать, кричат теперь и пишут в подметных листках и на красных флагах, распевают и особо составленные песни, призывая ниспровергнуть царскую власть. Они обещают при этом, что если не будет царя и царской власти, то все скорби и недостатки жизни сами собою прекратятся и излечатся.

Какое безумие! Это похоже на то, как если бы кто, желая вылечить больного человека, отрезал ему голову. Ибо царь – глава народа; без царя, как говорит история и нашего отечества и других народов, всегда государствам грозила гибель.

Впрочем, верные сыны Церкви привыкли учение человеческое проверять словом Божиим, а слово Божие ясно говорит нам, что Сам Всевышний *поставляет царей* на престол (Дан. 2:21). Сам Господь в Ветхом Завете повелел пророкам помазать на царство Саула, Давида, Соломона и других царей и называл их Своими избранниками и помазанниками.

В Новом же Завете Господь Иисус Христос повелел, наравне с обязанностями к Богу, исполнять и обязанности к царю, когда сказал: *воздадите кесарева кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22:21); то же проповедывали верующим и святые апостолы: *Бога бойтеся, царя чтите* (1Петр. 2:17).

Но обратите внимание на то, какие в то время были цари? То были цари-язычники, которые мучили и избивали христиан, такие цари, которых сами язычники называли извергами и изобретателями преступлений. И, однако, даже этим царям Господь повелевает покоряться. Видно, действительно, царская

власть освящена Богом; видно, нужна она для блага народов. Не скрывает никто, что могут быть, и действительно бывали, цари дурные, как наказание Божие народу, как испытание свыше; но восставать против царя и царской власти для избавлевия отечества от тех или других непорядков и несовершенств – это то же самое, что для избавления от болезни предлагать лекарство, которое гораздо гибельнее самой болезни и приносит смерть.

Если же о царях-язычниках и о царях злых сказано в слове Божием, что нужно молиться о них и почитать их, то что же нужно сказать о наших русских царях, православных?

Воистину, великий грех забывать то, что они сделала для нашего отечества!

Самое страшное зло и несчастье испытал народ наш именно во время безгосударное, когда не было царя на Руси, или когда злодеи восставали на царскую власть; народ русский спасся от погибели только избранием Царя из того рода Романовых, который и доныне царствует в России.

И сколько добра сделали народу Цари русские! Они избавили его от внешних врагов; расширили его царство, устроили войско; ввели просвещение; заботились о святой вере, защищали ее во всем мире, освободили и другие славянские племена от полной гибели, освободили крестьян в России от крепостного рабства. И понятно, почему русский народ создал мудрое присловие: «Без Царя земля – вдова, без Царя народ – сирота; Царь – от Бога пристав».

Искони наш народ был царелюбивым. В глубокой древности иностранцы, посещавшие землю нашу, удивлялись этой великой русской добродетели и только ею объясняли, почему Русское царство, которое было самым малым и незначительным посреди других, при множестве врагов, при самых тяжких условиях жизни, как евангельское зерно горчичное, разрослось в великую державу, в великое, многоветвистое дерево, что укрыло и дало покой и счастье многим племенам и народам на огромнейшем пространстве земли. Бог на небе и Царь на земле, – вот, чем жил русский человек.

К горю и стыду нашему, явились теперь в среде нашей лживые учители и сбили многих с пути истины. В те дни, когда Россия вела последнюю тяжелую и несчастную войну, когда сердце Царя нашего болело за Россию, за ее войска, за невинные и тяжкие жертвы войны, – злые люди обманно возбудили десятки тысяч рабочих на бунт в столице; как заразительная болезнь, эти бунты распространились в больших городах, под влиянием ложных слухов, всякой клеветы и обвинения против Царя и правительства, распускаемых врагами России в среде легковерных. Много повредили в войне эти бунты и забастовки рабочих, эти злые слухи; враги нашей родины в несчастьях России и в наших беспорядках черпали для себя силу и смелость.

Но вот кончилась несчастная война, заключен был мир. Царь наш решил все свои силы отдать внутренней работе и заботам об утверждении мира и порядка в земле нашей. Для этого Он издал закон о Государственной Думе; Он восхотел вместе с выборными людьми от всего царства обсуждать все дела. Одновременно объявлены были повеления Царские правительству о том, чтобы крестьянам облегчены были платежи; чтобы для них были облегчены способы приобретения земли, без обиды других землевладедьцев; чтобы рабочие, на случай старости и увечья, имели помощь и обеспечение; чтобы войска получали больше средств на свое содержание; объявлены были законы, которые и крестьянам, и рабочим дали право принимать участие в Государственной Думе и громко заявлять о своих нуждах, обо всем доводить до сведения Царя – общего отца своих подданных, пред которым все равны, которому все подданные равно дороги.

Тут бы успокоиться смуте; тут бы возблагодарить Бога и великодушного Государя; тут бы позаботиться, чтобы в Государственную Думу попали люди истинно достойные, истинно честные, истинно русские и православные и хорошо знакомые с жизнью, нуждами и желаниями нашего народа.

Но этого-то и испугались враги наши. Они увидели, что близок час, когда они откроются пред всеми в своей лжи и клевете; что близок час, когда Царь вместе с народом, в

неразрывном союзе с ним, как встарь, восстанет в силе общенародной, воспрянет, оживит надежды России. И решили враги России помешать этому делу, решили не допустить созыва Государственной Думы. Еще раз они усилились обмануть простодушных своих слушателей из народа и рабочего класса и, к стыду и горю Царя и родины, произвели вооруженное восстание в Москве, в сердце России, и в других местах. Безумные восстания подавлены были верными Царскими войсками. Господь тяжким уроком вразумил легковерных, и все увидели, чего хотят и куда ведут народ непризванные учители и противники Царя и Царской власти.

Братья-христиане! После манифеста Государя 17 октября 1905 года Царская власть в России засияла новым блеском и новою зиждительною силою. Как в самоограничении каждого человека заключена его нравственная сила и высота, так и в добровольном решении Государя издавать отныне законы и управлять царством совместно с представителями и думными людьми от народа – заключена и выражена Его Царская сила и Царственная высота.

В ответ на Его призыв пусть отзовется каждое русское благородное сердце. Сплотимся дружною общерусскою семьей вокруг нашего богоданного Царя!

Послушные слову Божию, призыву сердца, заветам истории и голосу благоразумия, будем любить и чтить Царя, молиться за Него, исполнять Его законы, защищать Его от врагов! И не слушайте, братья, тех лжеучителей, которые желают всеми мерами и способами восстановить народ против Царской власти выдуманными слухами, клеветою и злобою. Поверьте, каждый из этих безумцев, если только он не ослеплен ложью, сам тянется к власти над народом.

Не верьте их многообещающим речам и преступным подпольным листкам, направленным против Царской власти; ибо, по слову Божию, и *сатана преобразуется во* образ *ангела светла* (2Кор. 11:14), чтобы удобнее и скорее обмануть и погубить доверчивых людей.

Царь грозен и должен быть грозен для злых людей; на то Он и поставлен Богом. *Кто же любит чистоту сердца, тому*

царь – друг (Притч. 22:11). Так говорит векам и народам седая и священная библейская мудрость.

III. Власти повинуйся

(Римл. 13:1–8).

Как и откуда появилась первая власть среди людей? Ответить на этот вопрос весьма важно и весьма поучительно.

В то же время на этот вопрос всякий может ответить и ясно и совершенно безошибочно.

Первая власть есть власть родителей над ребенком с той минуты, как только он родился. Что было бы с этим ребенком, если бы над ним не было власти родителей? Что было бы с ним, если бы кто-либо, думая принести ему пользу и дать полную свободу, отнял бы его от отца и матери и оставил бы его одного, не давши ему никакой другой власти? Всякий ясно видит, что такой ребенок погибнет. Но мы знаем, как родители любят детей, питают их, нередко себе во всем отказывая; мы знаем, как мать бросается защищать своего ребенка; как чутко слышит она каждое его движение; как она понимает, что ему нужно, хотя ребенок не говорит ни слова. Кто же учредил такую власть родителей и подчинение детей? Кто? Конечно, Тот, Кто создал и родителей и детей, т.е. Бог. Итак, самая первая власть – от Бога. Это ясно, как день.

Но в жизни во всех областях, везде и всегда, нужна власть: нужны пастыри в Церкви, ибо без них в деле святой веры будет беспорядок и вечные раздоры; нужны судьи в жизни, ибо без них один беспрепятственно будет обижать другого; нужны правители, ибо без них будут бессильны и пастыри и судьи, которых не послушают злые люди; нужны учители в училищах, ибо иначе зачем же собираться и ученикам, которые друг друга ведь ничему не научат; нужны военные начальники, ибо без них не будут знать, куда идти и что делать, и вместо стройного войска будет стадо; а все власти, чтобы быть согласными, чтобы не мешать, а помогать одна другой, должны иметь над собою одну высочайшую: это – власть царя.

Если бы вдруг уничтожить сразу вот эти власти, то получилось бы то же, что с ребенком, если у него отнять родителей и оставить одного: произошла бы гибель всего

народа от беспорядков и замешательства; тогда люди жили бы хуже и несчастнее зверей, потому что и среди животных и даже насекомых мы видим старших и распорядителей: пчелы и муравьи убеждают нас в этом.

Кто же установил власти в народах? Народ – это большая семья. И Тот, Кто установил и освятил власть родительскую в семье, т.е. Бог, Он же установил и всякую другую власть в большой семье – в народе. Слово Божие так ясно и подробно, и убедительно учит об этом, что ни прибавить к нему, ни убавить от него ничего нельзя. Вот что говорит оно в поучение всем верующим: *«Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящиеся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее; ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он – Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести. Для сего вы и подати платите, ибо они – Божии служители, сим самым постоянно занятые. Итак, отдавайте всякому должное: кому подать – подать; кому оброк – оброк, кому страх – страх; кому честь – честь. Ее оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон»* (Римл. 13:1–8).

Видите, как строго осуждает слово Господне всякое противление власти. Больше того: оно запрещает не только дело, противное власти, но даже слово, направленное против нее, и самую мысль о том: *начальника в народе твоем не поноси* (Исх. 22:28), *и даже в мыслях твоих не злословь царя* (Еккл. 10:20).

После сказанного ясно, кто суть новые учители, появившиеся теперь в нашем отечестве и учащие народ противиться власти. Это – враги Божии и враги народа, ибо они своею пагубною проповедью принесут ему только гибель. Не со

вчерашнего дня они явились. Они пришли к нам из чужих земель и давно уже сами разделились на различные дольки и партии. Одни из них отвергают всякую власть: это – так называемые анархисты (по-русски анархизм – безначалие); они учат, что люди будут счастливы без всякой власти, без всякого управления, забывая, что тогда на свободе разгуляются насилие, неправда, жестокость, жадность и хитрость, и эта общая война всех против всех сделает жизнь людей звериною; тогда, воистину, несчастьем будет родиться на свет; тогда человек для человека станет волком. И все-таки нельзя будет обойтись без власти: власть тогда останется за сильными и злобными, только власть эта будет уже гибельною для людей.

Другие ложные учители признают важность и необходимость власти, но желали бы, чтобы не было царя и нынешних правителей. Они обещают республику, в которой не будет царя, а будут выбраны особые правители, причем в этой республике уже не будет никакой религии и никакого различия народностей. В сущности, они сами желали бы властвовать над нами, а чтобы привлечь к себе народ, они обещают, что под их управлением будет на земле рай, что все имущество разделится между людьми поровну, – как будто в самом деле можно переделаться из русского во что-то безнародное, как будто можно и в самом деле у всех уравнять лета, рост, пол, здоровье, силу, способности, уменье, старанье и труд. Этими детскими сказками и обещаниями они привлекают людей легковерных. Такие новые учители похожи на сына царя Давида – Авессалома. О нем рассказано в святой Библии: он возмутил народ против царя-отца, прельстив народ разными несбыточными обещаниями; долго и неприметно он действовал, как изменник и предатель; собрав около себя злых и непокорных, он пошел бунтом против царя в такое время, когда тот был беззащитен, – и все-таки мятежный сын погиб ужасным образом в битве с верными царскими войсками.

Но посмотрите на самих лжеучителей в их преступной деятельности, которая теперь открыта пред всеми после кровавых бунтов ослепленных ими и сбитых с толку несчастных рабочих. Посмотрите: они отвергают власти, учат не платить

податей, не повиноваться начальству. Но стоит им хотя на минуту собраться вместе для своей преступной и разрушительной работы, как у них тотчас же появляются свои власти: у них самих есть комитеты, бюро, распорядители; они собирают насильно деньги и взносы, наказывают своих ослушников, убивают противников. Не ясно ли, что они не могут и сами обойтись без власти? И поверьте, они хотят этой своей власти подчинить народ. Только одна разница: вместо теперешней власти, законной, они хотят дать свою, незаконную; вместо власти Царской, Богом установленной, хотят дать власть свою, самозванную. Этим самым они, вместо мира, принесут нестроения; вместо покойной жизни, принесут стачки, бунты, забастовки, убийства; вместо человеческой жизни устроят звериную; вместо обещанной свободы дадут рабство и запугивание всех, кто с ними не согласен, как они и делали во время стачек; вместо счастья они дадут погибель и слабость, которою воспользуются наши враги. Самые страшные времена были в истории именно те, когда не было законной власти. Кто любит ближних, кто любит свой народ, кто слушается слова Божия, кто хочет самому себе счастья, кто не потерял совсем разума, – тот всеми силами, всею любовью, не по страху, а по совести, свободно и с усердием поддерживай власть, по заповеди Божией, и знай, что безвластие – худшее из всех общественных и государственных несчастий.

Правда, бывают нередко правители неумелые, иногда несправедливые, иногда и прямо худые и вредные. Помнить, однако, нужно, что и правители – люди, а где люди, там всегда и ошибки, и слабости, и пороки. Правители ведь выходят из нашей же среды; каковы мы, таковы и вышедшие от нас, назначенные или выбранные представители власти. И затем: не бунтом, не злобою и не насилием исправляется власть.

Какие правители были при Иисусе Христе? Тогда правили народом злой Пилат, лукавый Ирод; а высшими служителями Бога и святого храма были маловерные тесть и зять – Анна и Каиафа; как бы в насмешку, они звались первосвященниками. И что же? И Спаситель наш и Его апостолы не шли против них с бунтом и возмущениями и не учили тому других. Напротив, Они

подчинялись их распоряжениям и принимали от них суд. Правда, когда Спасителя ударили по лицу на суде у Анны, Он на это возразил словом: *«если Я сказал правду, за что бьешь Меня?»* (Ин. 18:23). То же делали и апостолы на суде у царей и первосвященников: они ссылались на свои права, они искали правосудия и справедливости (см. Деян. 16:37, 23:1–3).

Но этот путь слова открыт и нам, над одними правителями поставлены у нас другие, высшие: земля наша не бессудна; можно указать пред судом и высшею властью на всякую неправду. *А взявшие меч*, по слову Христову, *мечем и погибнут* (Мф. 26:52). Теперь о свободе слова, ищущего правды, объявил и Государь в манифесте от 17 октября; теперь в новоучреждаемой Государственной Думе свободно может раздаваться слово каждого гражданина, кто бы он ни был, и власть должна и обязана выслушать его.

Христианин! По примеру и завету Господа и Его апостолов, власти повинуйся… Из любви к родине, к порядку, к общему благу всех людей – ближних, – власти повинуйся!

IV. Не соблазняй и не соблазняйся

Бывают прилипчивые, заразительные болезни: чума, холера, тиф. Со страшною силою они распространяются среди людей, переходят из одной местности в другую, и всюду после них стоят новые могилы, плачут семьи, страдают невинные сироты. Было время, когда люди не умели бороться против таких болезней, и целые страны нередко обращались буквально в пустыни. Но затем, после многих несчастий, люди научились бороться с заразными болезнями, и теперь они не так страшны для того, кто сознает их опасность и бережется от них.

Но есть другая зараза – духовная: дурные примеры, дурные учения, дурные листки и книги. И как душа выше и важнее тела, так духовная зараза опаснее и гибельнее заразы телесной; она губит человека окончательно и навеки.

Кто не знает, что теперь охватила многих людей страшная духовная зараза ложных, губительных учений? Люди, потерявшие веру в Бога, не признающие Его святого закона, иногда искренние, но ослепленные ложью, а иногда испорченные, ленивые, злые возмутители, – желают, чтобы все были похожи на них: они и примером, и словом, и подметными листками (прокламациями) всех призывают идти против Церкви, против Царя и властей; подговаривают рабочих людей прекращать работы; подучают принуждать к этому не только согласных на их безумие, но и несогласных; производят волнения и бунты; убивают и бьют тех, кто не разделяет их учения, – и при этом они верят сами и обещают другим, что из производимых ими беспорядков выйдет порядок. После таких бесчинств и волнений, как после чумы или холеры, умножаются могилы, стоит плачь в семьях, бедность, скорбь и страдания. К великому горю, многие соблазняются такими учениями.

Воистину, великое горе – соблазнять и соблазняться!

Кто первый соблазнитель? Известный лукавый змей, в образе которого явился нашим прародителям диавол; он соблазнил первых людей в раю и погубил их, лишивши блаженства. Поэтому все соблазнители суть сыны, и слуги, и

пособники диавола. Кто первые соблазненные? Адам и Ева; они, вместо того, чтобы отвратить свой слух от ядовитых речей сатаны, поверили его обещаниям, вздумали быть как боги, возгордились в сердце, нарушили Божию волю и заповедь; за это они и сами были изгнаны из рая, навеки потерявши счастье, и подвергли гневу Божию детей своих, всех своих потомков – всех людей. Вот, как гибельно поддаться соблазну!

А нынешние соблазнители, которые учат народ злу и обещают ему разные блага, – разве они не похожи на этого змея-диавола? И они научают людей стать выше Бога; и они учат нарушать заповедь и волю Божию о почитании Царя и властей, о повиновении пастырям Церкви, о жизни мирной и трудовой, заповедь об удалении от всяких бесчинств и бунтов; они повторяют то же, что говорил некогда сатана первым людям, внушая им гордость против Бога, неповиновение Его заповеди, обещая им счастье без веры, без исполнения долга и закона.

Велик грех – произвести соблазн! Грех этот хуже убийства, потому что убийца губит только тело человека, а соблазнитель губит и тело и душу. Всякий грех можно загладить покаянием, а соблазн как исправить? Сам соблазнитель может прекратить свой грех, свои злые слова и дела; но как прекратить грех в тех людях, которых он соблазнил? Это уже не в его власти. Соблазн его – как брошенное семя: он все растет и растет, от одного переходит к другому, а виновник этого – соблазнитель. Один святой учитель говорит: «Соблазн – то же, что моровая язва. Язва моровая зачинается в одном человеке, а потом весь дом, все село, весь город заражается; так и соблазн: начинается в одном человеке, и от него переходит ко многим». Поэтому понятно, почему Господь так грозно судит соблазнителей: *«Горе миру от соблазнов»*, говорит Спаситель наш в евангелии: *«горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит»* (Мф. 18:7). *«Лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтоб он соблазнил одного из малых сих»* (Лк. 17:2).

О, как много, как много теперь несчастных соблазненных, в сущности невинных, сбитых с пути истины по легковерию и

невежеству! Подстрекатели толкнули их на забастовки, а в некоторых местах – на вооруженное восстание против власти. Когда же наступила опасность и пришлось нести справедливое наказание от законной власти и от верных своему долгу войск, то зачинщики и подстрекатели бесстыдно бежали, ускользнули за границу, избегли правосудия, а несчастных обманутых своих слушателей подставили под пули, обрекли, как жертвы, горю, позору и несчастию. Сколько разоренных семейств! Сколько вдов и сирот! Сколько загубленных жизней! Сколько теперь несчастных раскаиваются в своем увлечении и в ошибках! Страшно и горько подумать об этом. Страшно представить себе, что было в Москве и в других местах нашей родины, где несчастные простецы-рабочие, обольщенные, обманутые соблазнителями, забыв верноподданство, пошли с оружием в руках, по приказу самозванных стачечных комитетов и всяких союзов, против законной власти Царя и правительства.

Вот наглядные, горькие плоды соблазна!

Но как от холеры и чумы научились теперь люди беречься, так еще больше в нашей власти и воле – укрыться от соблазнов. Для добрых людей здесь даже случай укрепить свою веру, показать свою твердость, доказать преданность закону Господа и закону Царя земного. Так и апостолы писали первым христианам, в ограждение их от соблазнов: *«стойте в вере, мужайтеся, утверждайтеся»* (1Кор. 16:13). Когда ты услышишь соблазнителя, то, следуя евангельскому наставлению, обличи и вразуми его наедине; если не послушает, возьми с собою еще одного или двух; если и их не послушает, скажи Церкви (Мф. 18:15–17), а потом уже исполни наставление апостола: *«измите злого от вас самих»* (1Кор. 5:13). Пусть тогда соблазнитель будет тебе, *как язычник* и чужой: отдай его на суд, отдай его власти, чтоб он не губил невинных людей. Во имя Бога и Церкви, во имя Царя, ради народного счастья, ради наших родных и близких, ради нашего собственного спасения, нужно ограждаться от злых: не соблазняться их лживыми обещаниями; верою, молитвою, добрым словом, послушанием пастырям поддерживать и охранять друг друга в добре, в верности Богу, в послушании Церкви, Царю, власти и закону.

Избегать нужно только самосуда и насилия, помня святое наставление апостола: *«Завещаваем вам, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающаго безчинно… но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата»* (2Сол. 3:6, 15).

В чем сила соблазнителей? В том, прежде всего, что они будят и поднимают в человеке самые нечистые и низменные страсти, все худое и греховное, на что грешный человек способен: злобу, ненависть, зависть к чужому добру, жадность, леность. Живущий в каждом из нас грех, греховная склонность представляют привлекательным соблазн диавола, а с грехом и диаволом согласны и ложные учители, соблазнители народа. И думается грешнику: «приятно ничего не делать, отомстить врагу, отобрать у богатого его имение, сделать зло хозяину». Но каждый ведь хорошо понимает, что приятность греха – только на одну минуту, что грех обращает жизнь людей в ад, что грех никогда не остается безнаказанным и, прежде всего, он поражает самого грешника. Грех – это подслащенный яд: начинается как будто сладостью, а кончается муками и неминуемою смертью.

В чем еще сила соблазнителей? В том, что у них находятся хоть немного слушателей. Перестаньте слушать соблазнителей – и их сила пропадет, и сами они исчезнут. Что было бы, если бы вдруг явились люди, которые стали бы учить, что нам не надо есть и пить, не надо дышать? Таких безумцев, конечно, никто не стал бы слушать, и они сами должны были бы замолчать. Но лжеучители нынешние ведь учат в сущности тому же: они отнимают у нас духовную пищу, духовное питье и самое дыхание жизни – веру святую, Божий закон, мир душевный, правильное устройство, правильный порядок жизни церковной и государственной. Без этих благ мы на веки умрем духовною смертью. Чтобы избежать такой участи, мы должны уклоняться от лжеучителей и не слушать их речей.

Помнить надо, что не всякий соблазненный невинен. Невинен и достоин помилования и сожаления только тот, кто поддался злому слову и делу по неведению, кто обманом вовлечен был в соблазн. Если же ты уже знаешь греховность

того или другого слова или дела; если ты хорошо понимаешь, как противна Богу и совести речь соблазнителя, толкающая тебя на насилие, злобу и измену закону, а сам идешь слушать такую речь, услаждаешься ею и готов ее исполнить по душевному согласию со злом, – то ты тяжко виноват пред Богом, пред своею совестью, пред родиною, пред твоими ближними; ты ответишь за это пред судом Божиим.

Раб, не знавший воли господина своего и не исполнивший ее, бит будет мало; но раб, знавший волю господина своего и не исполнивший ее, бит будет много (Лк. 12:48, 47). Так учит святое евангелие.

VI.[158] Доброе слово рабочим людям и земледельцам

Люди рабочие! Свято пред Богом и пред людьми почетно ваше звание. Было время в древности, до Иисуса Христа, когда труд презирали, когда рабочих людей не отличали от животных, когда их покупали и продавали, как вещи. Но Спаситель наш Господь Иисус Христос принес на землю мир и Божие благоволение; Он научил людей правде и милости, Он избавил их от власти зла и греха. И прежде всего Он научил любить бедность, почитать труд. Он Сам жил среди людей простых и бедных; Его мнимый отец Иосиф был плотник; Его Мать занималась трудами домашнего хозяйства; Он Сам помогал Иосифу в трудах его до 30 лет жизни. Его апостолы были рыбаками; святой апостол Павел, позже всех призванный, занимался ремеслом делания палаток.

Так, люди рабочие, стало свято пред Богом и пред людьми почетно ваше звание. Но, – спросите, – как же все это сделалось? Звал ли Христос Спаситель рабов на бунты против господ? Учили ли апостолы людей рабочих злобе, возмущениям, стачкам и забастовкам? Призывали ли они рабочих людей к оружию против законной власти? Учили ли апостолы рабочих людей всего требовать силою и буйством?

Нет и нет! В государствах древних, до явления христианства, рабы часто делали все это, производили бунты и волнения; но чем больше они обращались к силе и оружию, тем хуже становилось их положение; ибо зло родит только зло. Христианские учители действовали иначе. Они учили правде и милости, учили этому одинаково господ и рабов, они смягчали сердце и тех и других; они говорили, что господа и рабы равны пред Богом, потому что иного равенства пред Богом в мире нет и быть не может; они говорили, что свобода настоящая – есть свобода от греха и диавола, и поэтому раб может быть свободным пред Богом, а господин может быть рабом у диавола. Христианские учители прославляли и почитали тех рабов, которые были святы по жизни и страдали за Христа; поэтому христиане-господа почитали молитвами и поклонением

своих рабов, достигших святости. Христианские учители не приказывали насильно господам отпускать рабов, но учили их: *оказывайте рабам должное и справедливое, зная, что и вы имеете Господа на небесах* (Кол. 4:1). Христианские учители не позволяли рабам убегать от господ, хотя они работали на них даром; напротив, они учили их: *рабы, повинуйтесь господам своим; Господа ради, повинуйтесь господам не только добрым и кротким, но и строптивым* (Еф. 6:5; 1Петр. 2:13, 18).

И, однако, что же случилось? Как только цари и правители сделались христианами и стали слушать слово евангелия, начались заботы о рабах: их стали освобождать и отпускать на волю сами господа, без всякого принуждения, по убеждению пастырей Церкви; им дали воскресный день; им облегчали работы, защищали от насилий, а затем со временем уничтожилось и самое рабство, потому что оно, видимо, несовместимо стало с христианством. Людей рабочих стали нанимать, а не покупать; между ними и хозяевами стали вершиться свободные договоры. Конечно, все это сделалось не сразу, а постепенно. Ведь и на дереве плод нельзя вырастить в один день; а если начнешь что-либо делать с деревом, чтобы заставить его в один день дать и листья, и цветы, и плод, то дерево погибнет и плода не будет.

И в нашем отечестве христианские цари и правители всегда заботились о людях рабочих: освободили крестьян от крепостной зависимости; дали им землю; дали самоуправление; назначили на фабриках и заводах особых лиц, призванных заботиться о рабочих; приступлено к страхованию рабочих и обеспечению их старости. Теперь повелением Государя рабочие и крестьяне наравне с другими русскими гражданами призваны участвовать в выборах в Государственную Думу, в законодательстве, в управлении государством; они могут сами громко заявлять пред Царем и целым государством о своих нуждах и желаниях. Приложены заботы о крестьянах: облегчены платежи; решено помочь им, без нарушения чужих прав и без обиды других, приобрести необходимую землю; упорядочены условия переселения.

Итак, дело заботы о рабочих и земледельцах движется вперед и обещает им лучшее будущее. Но этому благому делу могут только помешать те, которые учат крестьян и рабочих собираться в стачки, забастовки, на бунты и волнения. Слова нет, среди таких учителей встречаются люди хорошие по душе, люди, готовые на добро, убежденные в правоте своей, готовые на лишения и страдания за свои убеждения; часто их знают рабочие с хорошей стороны и потому верят их словам. Но ведь часто и хороший человек может быть обманут, ослеплен и идти ложным путем. Ведь и Спаситель, обращаясь к апостолам в прощальной с ними беседе, так говорил о врагах христианства: *«Наступает время, когда всякий, убивающий вас, будет думать, что он тем служит Богу»* (Ин. 16:2). Так и проповедники бунтов и забастовок не замечают, как они из людей, по-видимому, ищущих добра рабочим и крестьянам, делаются врагами рабочих и крестьян, врагами общества и государства. Разве зло и насилие принесут добро? Разве грязное белье можно вымыть и сделать чистым в грязной луже? Кому полезны стачки, забастовки? Они лишают бедных людей работы и заработка; несчастные семьи сидят без куска хлеба; припасы становятся дороже; многого купить нельзя; мяса и хлеба не продают, или продают за большую цену: и денег не заработаешь, да и то, что скопил и припас, скоро истратишь. Все это ложится тяжким бременем на тех же рабочих, на тех же бедняков, которым их руководители в стачках обещают всякие блага, и которых уверяют в своей любви и заботливости. Не говорим уже о том, что наряду с людьми хорошими, но обманутыми, в среде подстрекателей на бунты и забастовки не мало прямо злых людей, сознательных врагов России. Таким нужна только смута; они хотят помешать правительству в его работе. Как вору и хищнику нужна ночь, так им нужно общее недовольство.

Люди рабочие! Вас так любил Христос Спаситель наш и святые апостолы; о вас так всегда заботилась и молилась Церковь Божия; из рабочих людей в древности вышло столько святых и праведных, которых мы почитаем! Не оскорбляйте же Христа Господа изменою Его учению; не ухудшайте своего

положения волнениями и забастовками; не препятствуйте Царю и правительству заботиться о вас и устроять во благо вашу жизнь! Свято пред Богом и пред людьми почетно ваше звание: не делайте его позорным! *«Не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие, ибо они, как трава, скоро будут подкошены и, как зеленеющий злак, увянут. Уповай на Господа и делай добро; живи на земле и храни истину. Утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего. Предай Господу путь твой и уповай на Него… Не ревнуй успевающему в пути своем, человеку лукавнующему»* (Пс. 36:1–5, 7).

Мира и спокойствия ищет теперь наша страдалица-родина, наша земля русская. В мире и покое, с добрым сердцем и добрым разумом нужно приступить к избранию представителей в Государственную Думу, чтоб они, в союзе и согласии с Царем, дали обновленную жизнь России. Не беспорядками создать можно порядок; не насилиями вводится покойная и счастливая жизнь; не грабежом и разгромами чужого добра обогащается народ; не злобные и не завистники принесут нам счастье, а люди набожные, добрые, любящие, трезвые, благоразумные и трудящиеся. Пусть они будут избраны в Государственную Думу и обсудят, что нужно сделать во благо народа нашего. Торопливостью и насилием нельзя достигнуть сразу устройства жизни народа, как, – повторяем еще раз, – нельзя насильно заставить дерево в один день дать и листья, и цветы, и плод. Не верьте тем, кто обещает вам путем насилий сразу жизнь счастливую; такие люди *не знают пути мира* (Ис. 59:8).

VII. Опомнитесь, грабители!

(По поводу погромов помещичьих имений)

Не пожелай дому ближнего твоего… ни поля его… и ничего, что есть у ближнего твоего. (10-я заповедь Закона Божия.)

Неужели до погромов чужого добра дошел православный русский человек? Неужели совесть и разум его не остановили? Неужели думают несчастные погромщики, что они с чужого добра, от грабежа чужой собственности разбогатеют?

Нет, не хочется верить, чтоб это было так! Не хочется верить, что потемнела душа народная, заснула совесть, забыта любовь к родине, забыто слово Божие, забыт страх суда Господня!

Пришли незваные учители, злые и безумные; заговорили дерзкими речами с народом, обещали всяких благ от погромов и грабежей. Сначала, конечно, стали слушать их немногие, давно сбившиеся с пути, такие, которые давно совесть потеряли. А тут кругом нужда и бедность, а тут всякие слухи и разговоры о внутренних беспорядках в разных местах России. И все-таки вера в Бога, Христовы заповеди, учение Церкви Божией, предания благочестивых и набожных предков, да и собственная совесть и благоразумие, – все это непременно остановило бы народ наш от греха. Но чего не сделали злые речи, то сделала водка. Сначала потерянные в совести люди пошли на погром чужого добра, потом пьяные, потом выпившие, а затем безумие охватило и трезвых, овладело и рассудительными, и вот, в конце концов во многих местах мы увидели страшные зрелища погромов и грабежей. Пылают дома и усадьбы помещиков и владельцев; пылают сады, возделанные столькими трудами и стараниями; в ужасе мечутся невинные люди, ожидая смерти; малые дети, матери, женщины, старики и старухи бегут, ища спасения от смерти; озверелые грабители зимою выбрасывают из окон разоряемых домов грудных детей прямо на снег и мороз; подвешивают лошадей и коров и обрезывают у них копыта и ноги по колена; сжигают живыми лошадей и прочий домашний скот, убивают помещиков, управляющих и проч. Что

это такое? К чему эти бесцельные жестокости? К чему эти зверства? Кому полезно разорение страны, – ведь *родной страны?* В христианском ли народе все это творится? Отчего не нашлось никого, кто бы остановил безумцев? Здоровые ли это люди, или все сплошь обезумевшие?

Не везде делались такие зверства, но везде крестьяне забирали хлеб в амбарах и уносили или увозили к себе, а что не могли взять, то уничтожали. Был в одном месте такой случай. Приехали крестьяне на повозках в помещичью усадьбу и стали грабить. Помощи было неоткуда ждать. Помещик отдал ключи от амбаров, а сам стал на крыльце и смотрел на все это безобразие. Видит он, мимо него крестьянин тащит два мешка хлеба, тащит, падает, никак поднять тяжелой ноши не может. Помещик и говорит крестьянину: «Что же ты надрываешься? Положил бы на повозку и довез бы домой». Но оказалось, что у крестьянина нет лошади и повозки, он пришел пешим. Помещик и говорит ему: «А вот стоят же повозки и лошади, отчего же ты не берешь хоть одну?» «Да ведь они чужие!» – отвечает крестьянин. «Ну, а хлеб-то разве свой несешь?» – спросил помещик. Крестьянину вдруг стало так больно и стыдно, что он бросил мешки и поскорее убежал от усадьбы.

Да, братие, вот о чем надо подумать прежде всего: сила – силою, бедность – бедностью, а правда остается правдою, совесть – совестью: дозволено ли, справедливо ли и полезно ли брать чужое?

Мы знаем, что монахи, принимая пострижение, совсем отрекаются от мира, от собственности, и ничего своего не должны иметь. Послушайте, однако, наставления одного из великих учителей монашества – преподобниго Исаии. Он наставлял монахов: «Если брат возьмет *у тебя* какую-либо твою вещь, не напоминай ему об этом и не требуй, чтоб он ее тебе возвратил. Но если брат у тебя в комнате положит *свою* вещь, оставит ее на хранение, то ты не только не смей пользоваться ею, но даже не смей взять ее в руки и посмотреть, если на это ты не получил разрешения от хозяина». Так высоко чтили древние отцы и учители право собственности. Свое отдай, – это твое право и твоя воля; а чужого не касайся, и не

твое дело судить, по праву ли ближний твой владеет своею собственностью. Этому учили древние отцы, последуя наставлению Самого Господа и Спасителя нашего, Который, живя на земле, был беден, принимал помощь от других, но силою не отнимал ни у кого ни хлеба, ни денег, и кроме того, из тех даяний, которые Он получал от верующих и преданных Ему людей, Он Сам помогал нищим и раздавал беднякам. Об этом можно читать в евангелии. Он же оставил нам наставление: *«блаженнее давать, нежели принимать»* (Деян. 20:35). Судите же сами, как преступно *отнимать* силою, да еще с жестокостью и истязаниями! Судите же, как преступно уничтожать, и жечь, и громить чужое добро только потому, что оно чужое!

Вот еще рассказ из благочестивой древности.

Однажды преподобный Зенон в жаркое время проходил мимо огуречного огорода. Он очень утомился и сел отдохнуть и принять пищи. Около росли огурцы; их вид и приятный запах соблазнили Зенона, а голод подсказывал ему желание воспользоваться чужою собственностью. И мысль в нем была: «отчего бы не съесть только один огурец? Что в этом важного и кому убыток?» Но преподобный Зенон отверг лукавый и грешный помысл; мало того, он захотел наказать самый помысл и наперед отнять силу у соблазна. Он сказал себе: «Зенон, ты захотел взять чужое, но ведь воры подвергаются наказанию; так испытай же себя, можешь ли ты перенести наказание?»

Встал Зенон и пять дней простоял на зное, и когда пришел он в полное изнеможение, то сказал сам себе: «Ты не можешь перенести земного жара и наказания, как же перенесешь наказание небесное? Если не можешь, то не воруй, не бери и не ешь чужого».

Слышите ли это вы, безумные любители чужого добра? Или забыли вы заповедь Господню: «не укради»? Или забыли заповедь закона: *не пожелай дому и поля ближнего твоего?* Слышите ли: даже *не пожелай*! А как же смотреть на погром и грабительство? Или забыли вы, как грозно Господь наказывал тех, которые утаивали чужую собственность? Забыли, как

Господь наказал проказою Гиезия, слугу пророка Елисея, за то, что он польстился на чужое добро?

Или вы думаете, что силою и неправедно взятое у ближнего в самом деле обогатит вас и кого-либо?

Нет и нет! Человек питается не грабежом, а собственным трудом. И не земля, не инструменты, не машины, не отнятый хлеб кормят человека, а его собственный труд, труд честный, заповеданный Богом, освященный примером Христа Спасителя, Его апостолов и всех святых. *Кто не хочет трудиться, тот и не ешь*, – вот как строго завещает слово Божие (2Сол. 3:10). Говорят: есть богачи, которые сами ничего не делают и напрасно живут на свете, напрасно пользуются богатством. Так что же? Ты сам хочешь быть таким? Чему же ты поревновал? На что позарился? На грех? Ибо кто богат, но сам не трудится и не работает, тот тяжко грешит, тот Богу отдаст страшный отчет за праздную жизнь. А кто завидует такому богатому и идет на погром его имения и на грабеж его добра, тот вдвойне грешит: во-первых, он сам, значит, желает быть таким же праздным, и тем навлекает на себя гнев Божий; во-вторых, он ворует, грабит, нарушает Божий закон и, таким образом, этим еще усиливает свою вину, усиливает гнев Божий. И кто может быть праведным судьею, кто разберет без ошибки, где правильное пользование богатством, а где неправедное? Тебе же когда, где и кто дал право быть таким судьею? И во что обратится жизнь людей, если каждый будет считать себя в праве грабить чужое имущество? Это будет жизнь звериная, и конец ее – нищета, полная нищета народа.

Да, погромы и грабежи только разоряют народ. Допустив их в одном месте, мы допустим грабеж и насилия во всем царстве, и станем все врагами друг другу. Сегодня ограбят богатого помещика, завтра – купца, а там – богатого крестьянина, и кончится все это непременно н неизбежно тем, что всякий кого только будет считать хоть чуть побогаче себя, того и станет он бить, громить и грабить. Это уже будет, повторяем, не жизнь людей, а жизнь зверей. Да и у зверей имеется хоть какой-либо порядок.

И исполнится над нами слово Христово: *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит»* (Мф. 12:25).

Этого именно и хотят враги России, те злые учители, которые мутят наш верующий народ сатанинскими речами своими о бунтах, изменах, о погромах чужих имений и отобрании чужой земли и собственности.

Но не может же хотеть этой погибели России сам русский народ! Ведь погромы и грабежи губят не отдельных только лиц: они губят Россию, губят нашу дорогую родину, ослабляют ее, делают нищею и ставят в полную зависимость от иностранцев. Ведь погромы эти, не обогащая погромщиков, разоряя помещиков и всю страну нашу, полезны и желательны только для врагов России. Кому же служат погромщики: добру или злу? Свету или тьме? Богу или диаволу?

Братие, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые… потому что дни лукавы (Еф. 5:15–16).

Вот, поистине, самое благовременное наставление апостола в наши лукавые дни. И еще его же наставление: *«Кто крал, вперед не кради, а лучше трудись, делая своими руками полезное, чтобы было из чего уделять нуждающемуся»* (Еф. 4:28).

VIII. Лицемерие

Спаситель в субботу исцелил страдающую женщину, имевшую сухую руку; Он возвратил несчастной здоровье и возможность честною работою добывать себе и близким пропитание, быть полезным и деятельным членом общества. Но зависть и злоба фарисеев нашли и здесь повод к обвинению против Чудотворца. Фарисеи, не смея отрицать или осудить самое дело благодеяния, нашли, что оно совершено не тогда, когда это можно и нужно, а в субботу, в день, в который, по учению фарисеев, следовало воздерживаться от всякого дела, даже и от дела благодеяния ближнему.

Спаситель здесь же, в синагоге, где совершено было чудо исцеления, обличил начальника синагоги за такие рассуждения и назвал его *лицемером*. Лицемер этот говорил не по любви к празднику, не по ревности к славе Божией; он мнимою и показною заботою о благочестии и хранении субботы прикрывал свою ненависть к Иисусу Христу; он искал только повода к тому, чтобы пред народом унизить Иисуса Христа и обвинить Его в нарушении закона. Ибо, если бы он действительно ревновал о славе Божией и о благе ближних, – а об этом и говорит Закон Божий, – то он порадовался бы тому, что в праздник Господень, в доме молитвы, силою свыше, Иисус Христос, во имя Отца Небесного, исцелил несчастную женщину и сделал ее счастливою и довольною.

Страшен грех лицемерия! Он укореняется в человеке постепенно и прочно, он крепко захватывает власть над душою человека и, самое главное, быстро становится неприметным постоянным спутником всех мыслей и чувств, всех отношений к людям и событиям жизни, так что даже сам грешник уже не замечает своей неискренности и своей лицемерной оценки всего окружающего. Спаситель сравнивает этот грех с закваскою в тесте: когда поднялся и испечен хлеб, трудно найти в нем эту закваску, а между тем она, несомненно, в нем есть... Берегитесь, говорит Спаситель Своим ученикам, берегитесь

закваски фарисейской, которая есть лицемерие… (Мф. 6:16, 11; Мк. 8:15; Лк.12:1).

Лицемерие может охватывать всю жизнь человека, но всего позорнее, всего опаснее и ужаснее, когда оно вторгается в область религиозную. И нужно сказать, переживаемое нами время особенно богато, таким именно лицемерием. Укажем примеры.

Нужно врагам родины ослабить или совсем уничтожить значение присяги; не нравится им, что сыны родины, побуждаемые присягою, остаются верными долгу службы и готовы на смерть за Царя и отечество; хочется врагам отечества, чтобы сыны его обратились в изменников и предателей. И вот, раздаются речи о том, будто присяга запрещена Иисусом Христом в евангелии, тогда как мы хорошо знаем из того же евангелия, что Иисус Христос на суде в Синедрионе, когда первосвященник заклинал Его Богом живым и этим приводил к присяге, Сам принес клятву. Но кто же и почему говорит против присяги? Верующие люди? По чувству любви и благоговения к евангелию? Нет, это говорят те, кому и веры не нужно, те, которые и евангелие по своему усмотрению переделывают. Это говорят *лицемеры.*

Нужно врагам родины, преступникам против закона, избавиться от тяжких наказаний, которые они по достоинству заслужили, избавиться от смертной казни за свои страшные злодеяния. И вот они кричат и вопят, что смертная казнь запрещена законом Божиим, что она противна заповеди: *не убий*. Они не хотят знать, что в той же книге Закона Божия, в которой читаем заповедь: *не убий,* – для врагов общества, для врагов отечества положена смертная казнь; значит, в личных отношениях одного человека к другому безусловно воспрещено убийство, но власти законной, о которой апостолом сказано, что она не напрасно *носит меч*, это право предоставлено. Но кто же говорит против смертной казни? Люди, действительно почитающие евангелие и заповеди Божии? Люди, которые сами гнушаются убийством? Нет, это говорят те, которые сами убивают без конца, убивают из-за угла начальников, солдат, полицейских, которые при грабежах денег у артельщиков,

казначеев, в лавках бросают бомбы и убивают десятками людей неповинных; люди, которые не разбирают при этом ни прохожих, ни стариков, ни детей. Тысячи людей они убили, другим грозят смертью; об их кровавых преступлениях знает весь свет. Себе разрешая все, они у законной власти отвергают право наказывать и казнить злодеев за их беспрерывные злодеяния и за беспрерывные убийства невинных людей. Это самое гнусное и самое отвратительное *лицемерие*. И эти же люди, чтобы уничтожить страшное для них войско, верное долгу, верное Царю и родине, стараются доказать, что не нужно ни войска, ни войны, потому что Спаситель повелел любить врагов и не противиться злу. Они умалчивают о том, что Спаситель сотника Капернаумского восхвалил за веру его, но не велел ему бросить службу и идти за Ним. Но кто же это говорит о любви ко врагам? Люди, которые сами любят врагов своих и не противятся злу? Нет, они с теми, кого считают врагами, разделываются кинжалами, револьверами и взрывами такой страшной силы, что от них разрушаются целые здания и гибнут десятки людей; они подстерегают и выслеживают целыми месяцами ненавистных им людей и убивают их из-за угла без всякой жалости; они врываются в дома тех, кого считают врагами, и нередко на глазах жены, детей, родных и близких расстреливают их. Они-то и говорят о любви ко врагам. Это – лицемеры, в тысячу раз худшие тех лицемеров, которых осуждал Спаситель.

Итак, берегись, христианин, слушать лицемерные речи лжесловесников и их указания на евангелие. Им нужна не сила и слава евангелия, – им нужна только своя преступная выгода.

Древний мудрец говорит, что лицемер устами своими губит ближнего своего (Прем. 11:9); следовательно, лицемерие есть духовное убийство. Страшен этот грех пред Богом, и пусть он бежит от нас!

Прямота, искренность и более всего послушание Церкви Божией, – вот что даст нам силу и возможность избавить себя от искушений и обмана лицемеров и самим не впасть в опасный грех лицемерия, которое Спаситель обличает так грозно в св. евангелии.

IX. Слово воинам по поводу мобилизации

Один учитель Церкви говорит: «Бог любит добродушный мир, но Бог же благословляет праведную войну. На земле всегда есть немирные люди, посему нельзя наслаждаться миром без помощи военной. Для охранения мира необходимо, чтобы победитель не дозволял заржаветь своему оружию». Оттого и говорится в слове Божием: *«Благословен Господь, твердыня моя, научающий руки мои битве и персты мои – брани»* (Пс. 143:1). Оттого Бог мира и любви называет себя и *Господом воинств*. Слово Божие свидетельствует, что Господь благословил оружие кроткого Авраама, который пошел на войну, чтобы освободить своего племянника Лота; Господь повелел Иисусу Навину идти с народом израильским на войну против врагов и чудесно даровал ему победу; Господь же повелел народу израильскому завоевать нечестивые языческие народы. Бог благословил оружие первого христианского царя св. Константина и утешил его видением Креста, как оружия победного. И наши предки, наши славные воины с верою и мужеством, с готовностью на смерть, на всякие лишения и страдания шли на войну, побеждали царства, защищали веру, полагали свою жизнь за Церковь Божию, за братьев, за отечество. Итак, воин – Божий слуга, исполнитель самой великой Христовой заповеди: *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15:13).

Господь в своем евангелии предсказал, что в последние времена будут войны и военные слухи, что тогда будет проповедано евангелие во всей вселенной, что войны будут очень тяжелы и много причинят скорби, но претерпевший до конца спасется (Мф. 24:9–14).

Исполняется теперь Божественное пророчество: на Дальнем Востоке ведется война России против языческой Японии, война тяжелая и скорбная. Нужно покориться воле Божией и принять тяжесть войны; нужно не жалеть ни сил, ни средств, ни жизни, чтобы не посрамить Креста Господня; так рассуждали предки наши, когда шли умирать за веру и родину, и

так заповедали поступать нам: *Претерпевший до конца спасется.*

Но в Божественном пророчестве о грядущих войнах Господь прибавил: *«тогда многие лжепророки восстанут и прельстят многих»* (Мф. 24:11). Исполняется и это пророчество на наших глазах. Явились и у нас лжепророки, стали смущать соддат и запасных разными злыми и ложными речами. Появились они и в нашем крае, и подметными листками, в ожидании мобилизации и призыва воинов на войну, уже вперед смущают добрых людей. Они пишут такую «правду о войне», под которою подпишется разве только отец лжи – диавол.

Уверяют лжецы, что войну затеяли Царь и правительство: но весь мир знает, как миролюбив был наш Царь, как Россия не хотела войны и не готовилась к ней, а Япония первая и обманом начала войну.

Уверяют лжецы, что в русском войске перебиты все опытные офицеры, а назначены молодые и незнающие дела, что нет докторов, что в войске голод: но все это низкая ложь; ни в одной войне не было столько заботливости о солдатах, как в настоящую войну.

Пугают лжецы солдат, что в Маньчжурии и жарко, и очень холодно, что война тяжелая, что там горы и пропасти, что у солдат нет казарм. Но разве этим можно запугать честного солдата? Разве бывает на войне безопасно? Разве на войну идут для веселья? Разве на войне строят казармы?

Пугают еще тем, что у солдат останутся дома на родине семьи и дети. Но разве не на всякой войне так бывает? И притом: теперь можно за семьи и детей не беспокоиться, потому что Царь и правительство, как об этом много раз объявлено, твердо решили обеспечить их в случай несчастья.

Учат ложные учители солдат не повиноваться офицерам… А Бог и совесть? А присяга Богу и Царю? Только трус и низкий человек может учить честных воинов такими речами, и только трус и низкий человек послушает таких речей. Как пастырю молитва, как ученому ученье, как земледельцу работа, так *солдату свойственно повиновение*. Без повиновения солдат – изменник и враг отечества. Если каждый будет рассуждать о

войне по-своему, и один будет повиноваться, а другой не будет, то это будет не войско, а собрание бродяг.

Учат лживые учители: нужно требовать скорее мира. Но мир будет после нашей победы или вообще, во время благопотребное, а иначе это будет позор отечества и страшный вред для него: враги возьмут наши земли, отберут торговлю; тогда сократятся у нас работы; наступит бедность и безработица; отечество ослабеет, и тогда со всех сторон на него станут нападать враги. Требовать скорее мира без победы могут только враги наши, которым это выгодно, и наши изменники и предатели-Иуды, которых подкупили враги; таковы вот эти злые учители.

Воины! Крестьяне! Люди рабочие! Ко всем, кому Бог и Царь повелит идти на войну, обращаем слово наше: будьте честными слугами Царя и отечества; исполните свято ваш долг, а смутителей и лживых учителей предавайте власти; эти домашние враги хуже врагов внешних, хуже японцев; это – изменники и предатели, которые достойны только презрения и смерти.

На великое дело зовет вас Господь: одолеть врага-язычника, прославить Крест Господень и заслужить вечную славу и благодарность на родине и вечную память и милость в очах Божиих.

X. Покайтеся

(Матф. 4:17).

Мы переживаем смутные и скорбные времена. Господь посетил наше царство тяжелою войною на Дальнем Востоке, куда так трудно доставлять войска и все необходимое. А внутри России, как ночные хищники, вышли домашние враги и развращают народ наш; они учат его не повиноваться Царю и властям, не почитать Церкви и ее пастырей, отказывать им в содержании за служение алтарю; оскорбляют святыни и богослужение; научают крестьян и рабочих людей всему худому: бунтам, волнениям, беспорядкам, стачкам и забастовкам; злые речи говорят солдатам; не щадят даже малолетних детей. Разве удивительно после этого, что Господь за грехи наши не дает победы воинству нашему, наказывает нас болезнями, например холерою, посылает нам несчастья?

Но все это делает Милосердый Господь, чтобы заставить нас одуматься и покаяться.

«Покайтеся!» (Мф. 3:2), – так начал свою проповедь великий Иоанн Предтеча.

«Покайтеся!» (Мф. 4:17), – так начал проповедь Свою людям и Господь Иисус Христос.

И теперь в нынешних скорбных обстоятельствах слышится нам тот же голос Господень: *Покайтеся!*

И прежде всего: *молитеся, да не внидете в напасть*, по слову нашего Спасителя (Лк. 22:40); *непрестанно молитеся*, как учит святой апостол (1Сол. 5:17). Молитва поднимет нас, ободрит, укрепит; молитва очистит души наши от всего нечистого и греховного, приучит нас к небу, приблизит нас к Богу. Наступает скоро пост; народ православный в России привык свято почитать его: вот время благоприятное, вот день спасения!

Зачем оставили одних служителей Церкви молиться о победе и прощении грехов? Зачем такое равнодушие к бедствиям отечества? Зачем так мало помощи больными

раненым воинам? Зачем так мало жертв на нужды войны? Зачем эти увеселения, и время ли для них?

Всем, всем надо восстать на молитву и покаяние в грядущие дни святого поста. Громом теперь пусть раздается слово пророка: *«Вострубите трубой на Сионе и бейте тревогу на святой горе моей, и да трепещут все жители земли, ибо наступает день Господень, ибо он близок… Обратитесь ко мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему, ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Вострубите трубою на Сионе, назначьте пост, и объявите торжественное собрание. Соберите народ, созовите собрание (церковь), пригласите старцев, соберите отроков и грудных младенцев; пусть выйдет жених из чертога своего и невеста из своей горницы. Да плачут священники, служители Господни, и говорят: Пощади, Господи, народ Твой, не предай наследия Твоего на поругание, чтобы не издевались над ним народы. Для чего будут говорить между народами: где Бог их? И тогда возревнует Господь о земле Своей и пощадит народ Свой»* (Иоил. 2:1, 12–18).

Принесите покаяние перед пастырями Церкви в слезах и смирении; исправьте жизнь; оставьте увеселения: они теперь – преступление пред Богом и родиною.

Милостыня от смерти избавляет, она приходит на память перед Богом (Деян. 10:2). Пусть же направится милостыня наша к бедным и сирым, особенно же к больным и раненым воинам и к их семействам, которые остались без кормильцев. *Тебе оставлен бедный, сироте ты будь помощник* (Пс. 9:34), – так говорит теперь Господь каждому из нас, кто не взят на войну.

Будем, наконец, *хранить единение веры в союзе мира* (Еф. 5:2): способствовать миру и спокойствию жизни, помогать друг другу, утешать малодушных, вразумлять заблуждающихся, охранять их от соблазнов злых учителей, всеми силами помогать вере и благочестию.

Погибали язычники – ниневитяне, но, по слову пророка, покаялись; и Господь помиловал их; погибали не раз в прошлом и предки наши, но молились, каялись, очищали жизнь, и Господь не оставлял их Своею милостью.

Тяжелые времена, неудачи на войне, потери убитыми и ранеными, потери кораблей, гибель миллионов из государственного достояния, – пусть все это послужит нам уроком: нужно долго бить колос, пока отделится пшеница от соломы. *Приимите наказание, да не прогневается Господь* (Пс. 2:12).

Блажен человек, которого обличил Господь, и наказанья Вседержителя не отвращайся (Иов. 5:17).

«Сын мой, не пренебрегай наказания Господня и не унывай, когда Он обличает тебя. Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны. Притом, если мы, будучи наказываемы плотскими родителями нашими, боялись их, – то не гораздо ли более должны покориться Отцу духов, чтобы жить? Те наказывали нас по своему произволу для немногих дней; а сей – для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью, но после наученным чрез него доставляет мирный плод праведности. Итак, укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колена» (Евр. 12:5–12).

«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12:14).

Послесловие ко II-му тому

Во II-й том вошли *напечатанные* в различных органах мои проповеднические труды за последние (с 1901 по 1905-й вкл.) годы моего служения в г. Тифлисе в должности Окружного Наблюдателя церковных школ в епархиях Грузинского экзархата. Время с марта 1905 года и до начала 1906-го, в самый тревожный период внутренних беспорядков в России, я провел в беспрерывных разъездах, в командировках по школам; мною посещены следующие местности: Владикавказская епархия с Осетией, Ставропольская губерния, Кубанская область и специально – горские мусульманские аулы Майкопского отдела, затем епархии Благовещенская, Владивостокская, Северная Маньчжурия, Забайкальская область, Иркутская, Енисейская, Томская, Омская епархии. Тревожные обстоятельства того времени и вообще крайне тяжелые условия этого обширного путешествия, во время которого пришлось много раз совершать богослужения и говорить поучения в различных городах и местах России, препятствовали печатанию проповедей, и поэтому они остаются в рукописях; вот причина, по которой 1905-й год во II-м томе занимает сравнительно мало места. Придется ненапечатанные проповеди впоследствии, если Бог благословит, издать особым дополнительным томом.

С III-го тома начнется печатание проповедей Московского периода моей службы; этот том будет в двух выпусках.

К настоящему тому прилагается подробное оглавление 1-го тома; оно издано отдельно; просим вложить его в конце 1-го тома и заменить им слишком краткое, данное там оглавление.

Примечания

[1] - Статья «Кавказ» 1 января 1901г.

[2] - Слово в день Сретения Господня, 2 февраля 1901 г. Сказано в церкви Тифлисской духовной семинарии.

[3] - Слово в неделю Православия в день тезоименитства высокопреосвященийшего Флавиана, экзарха Грузии.

[4] - Еще не так давно до 1767 года, т.е. до пересмотра «Чина Православия», митрополитом Гавриилом с одобрения Св. Синода в «Чине Православия» число лиц, которым возглашалась вечная память, доходило до четырех тысяч. См. Семенов: «О чине Православия». (Киев, 1856г.) и прот. К. Никольский «Анафематствование, совершаемое в 1-ю неделю Великого поста» (Спб., 1879г.)

[5] - Послан. восточ. патриархов к папе Пию IX-му в 1849 году.

[6] - См. А. Лебедев: «История вселенских соборов», т. II-й. стр. 200–232.

[7] - Из слова Иоанна, епископа Смоленского.

[8] - Речь в торжественном собрании Тифлисского отдела Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III 26 февраля 1901 г.

[9] - Стэд – в книге «Правда о России».

[10] - После одного неудавшемся покушения на его жизнь, только что избавившись от смертельной опасности, он остался совершенно спокойным и в первый же минуты совершенно просто заметил своей пораженной Супруге: «Я готов. Свой долг я исполню, а там будь, что Богу угодно!» В другой раз он сказал: «Господь лучше знает, как устраивать мир; что касается меня, то если Богу угодно завтра положить конец моей жизни, а готов».

[11] - Сказано по поручению Совета Епархиального миссионерского духовно-просветительного Братства в г. Тифлисе в нед. крестопоклонную во 2-й Тифлисской миссионерской церкви. При составлении настоящего чтения

автор пользовался следующими пособиями: Иннокентий, архиеп.Херсонск.: «Последние дни жизни Господа Иисуса Христа». Сочинения, посвященный жизнеописанию Спасителя: протоиер. Буткевича, прот. Иванова, архиеп. Филарета (Гумилевского), прот. Е, Попова, Фаррара, Дидона, К. Гейкн. Лопухин «Библейск, История», т.III (Нов. Зав.).

[12] - Мнениеархиеп. Иннокентия.

[13] - Есть мнение, что сад Гефсимания принадлежал тому же хозяину, вероятно, тайному ученику И. Христа, в доме которого была совершена и тайная вечеря (см. прот. Попова «Жизнь Христа»). Сад этот сохраняется доныне, и среди многовековых деревьев его, может быть, и ныне еще есть немые свидетели молитвы и мук Богочеловека (см. Лопухина Библ. истор. Нов. Завета). Англ. ученый Гейкли в сочинении «Св. Земля и Библия», напротив, решительно отвергает это.

[14] - Дидон: «Жизнь И. Христа», ч. 2, стр. 314.

[15] - Сильная печаль иногда вызывает крепкий сон. Общеизвестен факт, что преступники, с ужасом и скорбью ожидавшие на другой день утром смертной казни, нередко ночью пред этим утром засыпали так крепко, что их приходилось будить непосредственно пред отправлением из тюрьмы на казнь. Помнится, что подобное случилось с Казерио, убийцею президента французск. Республики Карно.

[16] - Замечательно, что догмат о человеческом естестве Иисуса Христа древние Отцы Церкви в спорах с монофизитами часто подтверждали именно упоминанием Евангелия о кровавом поте Спасителя в Гефсимании. Известно, что армянская Церковь, не чуждая монофизитских тенденций, пыталась дерзновенно вычеркнуть из Евангелия это место. См. докторскую диссертацию професс. И. Троицкого: «Изложение веры Церкви армянской»… Спб. 1875 г. Стр. 251. Впрочем, в современном арм. еванг., по крайней мере в изд. Брит. библ. Общ., это место – Лк. XXII, 44 – читается правильно.

[17] - Толков. Еванг. еп. Михаила, ч. I (Мф. XXVI, 36–8),

[18] - Отдел об искушении И. Христа в Гефсимании изложен по вышецитов. сочин. архиеп. Иннокентия.

[19] - Речь при открытии Тифлисского Отделения Общества Востоковедения. Произнесена 5 апреля после молебствия, совершенного высокопреосвяшейнешим Флавианом экзархом Грузии.

[20] - В XI в. хождение преп. Антония Печерского на Афон, побывания в св. земле Феодосия Печерского, странствования инока Варлаама; в XII в. хождение игум. Даниила, путешествие Новгородского архиеп. Иоанна, «Сорок калик, новгородских» в половинеXII в., в конце этого века хождения Антония, архиеп. Новгородского; в XIII в. опять «Дружины калик», путешествие Новгор. ерхиеп. Василия, новгородца Стефана; в XIV в. хождения архимандрита Грефения, Игнатия Смольнянина, Александра дьяка, который, впрочем, по его словам, «ходил куплею», а не по одним религиозным побуждениям, в XV веке путешествие Троицкого монаха Зосимы (так называемый «Ксенос»), гостя Василия, инока Варсонофия и других многочисленных паломников.

[21] - См. Хождение Трифона Коробейникова и Юрия Грекова (XVIв.), казанского купца Василия Гагары с его слугою Гаранькою, черного диакона Ионы Маленького, Арсения Суханова, Сергия Черкашенина и друг. Как пример тогдашних известий, например, о Кавказе, приводим рассказ вышеупомянутого Гагары о Тифлисе: «Близ тое реки Куры есть гора, а на ней просечены четыре окна большие, а жил в той горе людоед, а ел на всякой день по человеку». У самого Тифлиса оказываются знаменитые Гог и Магог, которыми ваша летопись интересовалась еще с XIвека. «Да в той же грузинской земле меж горами высокими снежными и в непроходимыхместах есть щели земные, а в них загнаны изаключены дверьми железными цари (в другом варианте: дикие звери) Гог и Магог, а загнал их в древнем законе царь Александр Македонский. И мнози мне о тех зверех поведоша, что де недавно те звери было, тот Гог и Магог, на тех щелей вон выдралися, и дадианский де царь приходилсо своею грузинскою землею, в те щели велел камением заваляти сверху гор; а кои были у тех щилей двери железные, те двери в землю ушли. А про те щели мне сказывали грузинской митрополит и архиепископ: ходил де их

грузинец за зайцы с собакою, и заяц ушел в те щели, и за зайцем забежала собака. И те было звери в той пещере тое собаку из щели начали хватати, выбиватца, и от дверей внизу камень отбить, и тое собаку хотели ухватите, и собака завещала, и от них ушла, и те звери начали выдиратца, и тот грузинец подал весть грузинцом же, и пришед тех зверей заклали великим камением. А в прежних годех тех зверей не слышеть было и в двери не талкавалися». По таким сведениям можно судить, как велика была наша беспомощность в сношениях с Востоком, что потом так печально сказалось на судьбе русского путешественника по Востоку Аф. Никитина. Был Гагара и около «Ровяни» (Эривани), «на порубежьи земли Турской в Кизилбашской». Арсений Суханов также быль в Тифлисе и в Мцкете, где под столбом «риза Христа Бога нашего цела вся не рушена». «Католикос, архиерей тоя церкви, муж честен, браду имат белую, яко снег и житием добрым украшен, и епископ тифлисский, и инии мнози». Отсюда на Русь шел он чрез Шемаху, Дербенти Тарки.

[22] - Разумеем «Написание Офонаса Тферитина купца, что был в Индии четыре года, а ходил, сказывают, с Васильем Папиным», оно внесено в полном виде в «Софийский временник» под 1475 годом. Отзыв о высоком достоинстве этого «Написания» дан известным Н. Н. Срезневским. См. А. Н. Пыпина «Истор. русск. литерат.», т. II, стр. 259. По словам этого ученого, записки Аф. Никитина не ниже дневника Васко-де-Гама и отчетов Де-Конти. Имя Аф. Никитина для нашего Общества имеет такое же значение, как имя Васко-де-Гама для «Азиатского Общества», основанного в 1783 году в Калькутте, также главным образом с целями востоковедения.

[23] - Слово при закладке храма в селении Голицыне, Елисаветпольской губ. 22 апреля 1901 г. Произнесено в присутствии главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе князя Г. С. Голицына. Селение Голицыно – первый опыт русского православного поселения в Елисоветпольской губернии, в которой до сего времена образовывались русские поселки только из ссыльных сектантов. Прежнее село Ново-Троицкое, оставлено духоборами, выселившимися в Канаду,

заселено православными крестьянами,вызванными из Черниговской губернии, и названо «Голицыно» в честь князя Г.С. Голицына, главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, принявшего в судьбе поселян самое горячее участие. Селение находится в Елисаветпольском уезде в горной местности, в 45 верстах от линии Закавказской железной дороги (от ставнии Далляр), отстоит в 15 верстах от Кедабегского медноплавильного завода; окружено духоборческими поселениями. Здесь уже открыта церковно-приходская школа, назначен причт, совершающий богослужение во временном молитвенном доме. На построение храма Государь Император пожертвовал 5,000 руб. и из сумм Министерства Внутренних Дел отпущено 3.000 руб. В селении предположено образовать 90 дворов; в настоящее время налицо 42 двора. Около селения «Голицыно» предположено образовать еще два русских православных селения (в 5 и 9 верстах от Голицына). Торжество закладки церкви почтили своим присутствием князь-главноначальствующий, Елисаветпольский губернатор и представители администрации. После чина закладки князь-главноначальствующий внес на построение нового храма свою жертву в 1.000 рублей.

[24] - Речь на молебствии при открытие Кавказской юбилейной выставки сельского хозяйства и промышленности, 2 сентября 1901 года.

[25] - 25 сентября 1901 года. По поводу юбилея столетия со дня присоединения Грузии к России.

[26] - Сказано воспитанникам Тифлисской духовной семинарии в неделю о Закхее.

[27] - Слово в день памяти св. Алексея, митрополита Московского, по случаю тезоименитства высокопреосвященнейшего Алексия, экзарха Грузии. Сказано при священнослужении владыки – экзарха в Крестовой экзаршеской церкви к учащимся в духовно-учебных заведениях и церковно-приходских школах города Тифлиса 12 февр. 1902 г.

[28] - Оттуда во второй раз вернулся он, умиротворив Церковь, получив от Константинопольского патриарха, от

которого тогда была в зависимости Русская Церковь, звание митрополита и экзарха Великой России.

[29] - «Как благодарить тебя, святитель Божий? Ты даришь нам мирную жизнь». Такими словами встретил св. Алексия в Москве по возвращении от хана князь Дмитрий Иванович, будущий герой Куликовской битвы.

[30] - Речь, сказанная ученикам Кукийских церковно-приходских школ во время всенощного бдения 16 февраля 1902 г., в канун недели мясопустной.

[31] - Слово в неделю мясопустную пред сбором пожертвовании в пользу пострадавших от землетрясения в гор. Шемахе. В воскресенье, 17 февраля 1903 г., владыка-экзарх совершит Божественную литургию вТ ифл. военном Александро-Невском соборе, при огромном стечении народа, причем в конце службы, после приводимой проповеди былпроизведен сбор пожертвований в пользу пострадавших от землетрясения в гор. Шемахе и его окрестностях.

[32] - Речь памяти Н. В. Гоголя перед панихидой в церковно-приходской школе 21 февраля 1902 г.

[33] - Речь в праздник Входа Господня в Иерусалим пред собором пожертвований в пользу Православного Палестинского Общества 7 апреля 1902 г.

[34] - Послание Досиеся, патр. Иерус, к груз, царю Ираклию I (XVIIв.).

[35] - Груз. царевич Петр (Мурван) в V в. был возведен даже во епископа Маимунского и святительствовал в Палестине (г. Гафа).

[36] - Книга о вере XVII в.

[37] - Еще раньше – в 1847 г. – основана была в Иерусалиме русская духовная миссия; в 1858 г. учреждено там же российское консульство, а в 1860 году учреждена была особая Палестинская комиссия, которая имела целью приобретение земельных участков в Палестине. Палестинское Общество задалось целью прежде всего помогать самим паломникам русским во Св. Земле.

[38] - В 40-х гг. числилось их 40.000, теперь же всего 28.000 человек.

[39] - Пасхальная статья.

[40] - Этот разговор можно читать вполне в «Введении к истории индийского буддизма» Бюрнуфа, стр. 252 и след. См. Навиль: «Христос».

[41] - В. Соловьев: «Пасхальные письма».

[42] - Слово, сказанное в Сионском кафедральном соборе по случаю хиротонии новоначальных викариев Грузинской епархии-епископов Вениамина и Димитрия, 21-го апреля 1902 года, в неделю о Фоме.

[43] - Сказано на акте церковно-приходских школ в Тифлисе 11 мая 1902 г.

[44] - Приводим стихотворение-гимн, который пели дети в этот день.

[45] - Речь пред совершением благодарственного Господу Богу молебствия по случаю объявления Высочайшего повеления о даровании пенсий православному духовенству Российской Империи. Сказана в гор. Душете, в городской церкви, 7 июля 1902 г., при священнослужении высокопреосвящннейшего Алексия, экзарха Грузии, обозревавшего церкви Душетского уезда. Архипастырю сослужили 16 священниковиз горских приходов Душетского уезда.

[46] - В неделю 3-ю; поучение слушател. учительских курсов в гор. Тифлисе.

[47] - Неделя 6-я

[48] - Поучение в неделю 7-ю; сказано за богослужением на родине – в станице Ново-Александровской, Кубанской области.

[49] - Повторение по Евангелию всего евангельского сказания (Мф. IX, 27–35) об исцелении слепцов.

[50] - Сказано ввиду напряженной нигилистической пропаганды образовавшегося, к сожалению, около школы кружка духовных развратителей народа...

[51] - Все взято из жизни, по указанию местного духовенства.

[52] - Слово при освящении храма в обители преподобного Антония Мартмкопского. Монастырь Мартмкопский, основанный в VI веке, около 200 лет назад был совершенно разорен леагинами. Бывший экзарх Грузии Исидор обратил внимание на разрушенную святыню и на пожертвования благочестивых почитателей преподобного Антония, основателя обители, воздвиг каменный храм над гробом преподобного. Пожертвования поступали не только от православных, но и армян, которые и доныне нередко посещают обитель. Храм был окончен иосвящен 22-го августа 1855 года. Древнейший же храм обители посвящен памяти великомученика Георгия и преподобного Антония Мартмкопского. С течением времени воссозданная обитель и ее храмы достаточно обветшали. В настоящее время заботами высокопреосвященного Алексия монастырь приведен в обновленный вид. Освящение обновленного храма высокопреосвященный Алексий, экзарх Грузии, совершил лично 14-го августа 1902 года, при большом стечении народа. Найденные древние песнопения в честь святого на грузинском языке переведены на славянский язык, напечатаны на обоих языках и раздавались богомольцам.

[53] - И в песнях церковных (I-я песня параклиса) преп. Антоний уподобляется св. Иоанну Предтече.

[54] - Самое слово Мартмкоп(ели) с грузинского значит: уединенно живущий, анахорет.

[55] - Русские и задолго до присоединения Грузии к России приходили в наш край для поклонения святыне. См., наприм., «Проскинитарий» Арсения Суханова, путешествие казанского купца Василия Гагары в друг.

[56] - Речь на молебствии при открытии Карсской женской прогимназии 8-го сентября 1902 года.

[57] - Нед. 22-я; сказано ученикам при обозрении школ Грузинской епархии.

[58] - Читается по евангелию (Лук. XVI, 19–22) притча о богаче и Лазаре.

[59] - Речь на панихиде на братской могиле воинов, павших при взятии Карса 6-го ноября 1877 года. Произнесена при

священнослужении высокопреосвященнейшего Алексия, экзарха Грузии, 26 сентября 1902 года, в день св. ап. Иоанна Богослова.

[60] - Разумеем уход духоборов в Америку из Карсской области; они заволновались и были нафанатизированы письмами графа Л. Толстого и проповедью его приспешников.

[61] - Вл. Соловьев в сочин. «Три разговора».

[62] - Мысль эту вполне разделяют оба лагеря – и защитники, и отрицатели воинства. Помнятся речь одного из героев последний русско-турецкой войны, выдающегося русского полководца (генер. Драгомирова) на обеде в день церковного торжества, при открытии мощей святителя Феодосия. Оратор заявил, что он не чужой на этом духовном торжестве, и что в лице присутствовавших высших церковных иерархов он видит собратий в великой борьбе со злом, только в другой, более важной области. А в современной Франции новая жидовствующая ересь, породившая и питающая анархическую клику, злобно кричит, что сабля и ряса подали друг другу руку и вступали между собою в союз. Что же: «горе, аще добре рекут о вас все человеци…»

[63] - Речь при браковенчании.

[64] - Слово в день рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны, 14 ноября 1902 года.

[65] - Взято из поуч. Амвросия, епископа Дмитровского.

[66] - Слово в день Введения во храм Пресвятая Богородицы, 21 ноября 1902 года, в церкви Тифлисского Иоанникиевского епархиального женского училища.

[67] - Приведем захватывающее стихотворение Добролюбова, столь близкое по изображаемой обстановке детям духовенства: «Гимнов божественных пение стройное, Память минувшего будит во мне; Видится мне мое детство спокойное, И беспечальная жизнь в тишине, В ризах священных отец мне мечтается, С словом горячей молитвы в устах, Ум мой невольно раздумьем смущается, Душу объемлет таинственный страх, В воспоминаниях, в самозабвении, Детскими чувствами вновь я горю…. Только уста уж не шепчут моления, Только рукой я

креста не творю!» Что было в тайниках души писателя при конце жизни, его – ведомо Единому, но несомненно, если бы он пожил долее, властные воспоминания и впечатления детства привели бы его, как привели многих, и к открытому исповеданию возвратившейся веры.…

[68] - Слово пред молебствием по случаю двадцатипятилетнего юбилея со дня взятия Плевны, 28 ноября 1902 года. Сказано в Тифлисском военном соборе при священнослужении Его Высокопреосвященства.

[69] - Речь по освящении храма в Ахтальском древнем возобновлённом монастыре Грузинской епархии, при священнослужении Его Высокопреосвященства экзарха Грузии 15 декабря 1902 г. В воскресение, 15 декабря 1902 года, состоялось торжество освящение возобвовленного храма в древнем знаменитом Ахтальском монастырь, при священнослужении высокопреосвященного Алексия, экзарха Грузии. Владыка прибыл в монастырь накануне торжества с поездом Карсской железной дороги и от станции частью в экипаже, частью пешком прибыл прямо в новоосвящаемую церковь к вечернему богослужению. Расстояние от станции Ахтала до монастыря не более 31/г верст, но проехать его, вследствие полной неустроенности дороги и крутых подъемов, очень затруднительно, особенно в дождливую погоду. Но как бы ни была трудна эта дорога, посетитель этой чудной местности вполне вознаградит себя за труди неудобства пути поистине редкими по красоте, восхитительными видами. Прекрасная местность, в которой расположилась обитель, защищенная со всех сторон высокими горами, всюду лес, журчанье ручьев, постоянно меняющийся калейдоскоп видов при путешествии, горный частый воздух, – все это делает путешествие чрезвычайно приятным. Недалеко от обители расположились оставленные теперь шахты и постройки бывшего здесь французского медеплавильного завода. Золотые, серебряные и медные рудники разрабатывались здесь исстари; говорят, содержание их столь было богато, что до последнего времени находили выгоду даже в переработке старого, отработанного шлака, и при этом получали достаточное содержание металла.

Сохранились известия, что грузинские царя получали отсюда ежегодно до 100 фунтов чистого золота. Подаренные Ираклием II-м в Мцхетский храм в 1776 году священные сосуды были, как говорит, сделаны из золота, добытого в Ахтале. Вся местность кругом была густо заселена уже в глубокой древности; кругом видны многочисленный развалины церквей и других строений; но нашествия врагов, монголов, а в последнее время лезгин опустошили эту страну. В последний раз Омар-хан лезгинский напал на Ахталу; жителя в отчаянии искали тогда убежища в обители и ее чудном храме. Теперь величественный монастырь с его знаменитым храмом, этим чудом старинного искусства, лежит в пустыне. Кругом его несколько жалких деревушек греков, бывших рабочими на прежних заводах, – вот и все почти христианское население. Грустное чувство охватывает зрителя при виде красноречивых памятников былой жизни, бившей здесь некогда ключем, былого великолепия… Что за храм! Что за постройка! Пред нами величественное здание, мало чем уступающее по величине знаменитому Мцхетскому храму, выстроенное с величайшим искусством. Прекрасный портал, чудная резьба по камню, целое плетение из камня, как бы кружевное, цветов, крестов, фигур причудливых рисунков; кресты и украшения над алтарной частью и на боковых фронтонах храма просто не поддаются описанию. Торжественная тишина царит внутри храма. Войдете в него – вас поражают остатки былого великолепия: обширный алтарь, седалище учившего здесь епископа, прекрасные фрески, величественные фигуры, еще сохранившиеся, древних святителей, огромный образ Богоматери на алтарной стене, что над горним местом. Какое его было великолепие в свое время, и каких стоило усилий и жертв устроить в этой неприступной и гористой местности такое чудное здание! Купол храма, крыша его, – все было еще недавно в запустении, непокрытый храм погибал от сырости и непогоды. Но, славу Богу, трудами русских иноков, пришедших сюда, очень многое сделано. Устроен теперь временный купол, сделана прочная крыша: храм спасен от разрушения и пригоден для богослужения. Теперь братия монастырская насчитывает в своей среде более 30 человек,

устроены настоятельские покои, кельи для монахов и послушников, трапезная, учреждено правильное богослужение, заведен хор певчих. Неудобно было малочисленному составу братии служить в огромном и холодном храме, особенно зимою; поэтому иноки восстановили и прекрасно отделали небольшую церковь, бывшую в полном запустении; церковь устроена теплая, обогащена чудным иконостасом московской работы, ризницею и утварью. Для окружающих селений нужна была школа, иноки нашли средства и для нее, и школа была открыта в день освящения обновленной церкви. Торжество освящения прошло прекрасно. Вечером в субботу монастырь был иллюминован. Всенощное бдение совершал владыка-экзарх, при пении монастырских певчих. На другой день рано утром, до литургии, архипастырь отправился обозревать все монастырские постройки, делал на месте указания, давал советы относительно будущих зданий. За литургиею сопутствовавший архипастырю протоирей И. Восторгов сказал речь, в которой вылились чувства, навеянные всем виденным в обители и ее прошлою трагическою историей. После службы открыта была монастырская школа, устроена была праздничная трапеза. Владыка затем еще побеседовал с братией монастыря и отбыл в г. Тифлис с поездом Карсской железной дороги. По указанию архипастыря, в виду станции Ахтала, в высокой горе, что около монастыря, поставлен теперь большой, издалека видный крест, как обозначение расположенной около святой обители. По линии железной дороги, по направлению к Карсу, в нескольких верстахот Ахталы, находятся развалины прекрасных некогда храмов, из которых некоторые еще уцелели, а один даже годен к богослужению. Эта святыня теперь приписана к Ахтальскому монастырю.

[70] - Речь на молебствии по случаю столетнего юбилея существования Министерства Внутренних Дел и других министерств. Российской Империи; 30 декабря 1902 года. Сказана в присутствии Главноначальствующего на Кавказе и высших подведомых ему чинов.

[71] - В нед. 31-ю, в Бодб. Обители св. Нины; сказано сестрам обители и учащимся второкл. учит. школы.

[72] - Сказано на полунощном молебствии под 1-е января 1903 года в экзаршеской церкви г. Тифлиса при священнослужении Его Высокопреосвященства.

[73] - Новогодняя статья 1 янв. 1903 г. в газете «Кавказ»

[74] - См. «Жури. жури», 1898 г. Ле-Бон: «Заметки о социализме», т. II и кн. Bourgeois: «LaSolidarity». Par. I898.

[75] - Изкн.«Моск. Сбора.» К. П. Победоносцева

[76] - Поучение детям 7 января 1903 года, по случаю школьного храмового праздника.

[77] - Скончался 11 января 1903 г. от паралича сердца, 66 лет от роду. Сообщаем краткие сведения об его жизни и службе: протоиерей Иоанн Наэаров – сын причетника; по выходе из Тамбовской духовной семинарии до окончания курса, в 1859 году рукоположен во диакона в городе Лебедянь, Тамбовской губ.; в 1864 году поступил для продолжения образования в Тамбовскую духовную семинарию в I866 году кончил вней курс и поступил в Московскую духовную академию, где и окончил курс в 1870 году со степенью кандидата богословия. Возведенный в сане священника, он до 1873 года был преподавателем Тамбовской духовной семинарии и законоучителем Тамбовской женской гимназии; в 1873 году назначен священником в город Козлов, а в 1874 году – в г. Борисоглебск к соборной, потом к кладбищенской церкви; здесь он служил до 1890 г., состоя законоучителем местной гимназии с 1890 г. по 1894 год служил в Крыму – законоучителем Мелитопольского реального училища, откуда и переведен был высокопреосвятеннейшим Владимиром, бывшим экзархом Грузии, школьным товарищем последнего, в Грузинский экзархат протоиереем и благочинным в г. Карс. Награжден был всеми духовными наградами до протоиерейского сана включительно и орденом св. Анны 3 ст. в 1910 г. Печатаемая статья – надгробная речь при погребении усопшего. Отпевание совершено было в г. Карс, в епархиальном соборе, при участии до 24 священников, съехавшихся из благочиния отдать последний долг усопшему.

[78] - В Бодб. женск. монастыре за всенощным бдением в нед. по просвещении в 1903 г, по случаю освящения храма.

[79] - Сказано в Бодбийском женск. монаст. в ту же нед. по просв. за литургией.

[80] - Слово пред чтением Деяния Св. Синода 29 января 1903 г. о прославлении старца Серафима Саровского. Сказано в неделю Православия 23 февраля 1903 г. в Сионском соборе при священнослужении экзарха Грузии.

[81] - Речь на панихиде по Н. В. Гоголе по случаю открытия ему памятника в гор. Тифлисе, сооруженного городским самоуправлением.

[82] - Речь при открытии нового переселенческого села Николаевского в Закавказье.

[83] - Слово в субботу Лазареву при освящении храма в железнодорожных мастерских на станции «Тифлис» 29-го марта 1903 года.

[84] - Разумеется усиленная социал-демократическая пропаганда среди железнодорожных рабочих.

[85] - Слово во вторник Фоминой недели в г. Гори, при священнослужении высокопреосвященнейшего экзарха Грузии архиепископа Алексия в городском соборе, 15 апреля 1903 г., пред всенародной панихидой об усопших.

[86] - После литургии крестным ходом архипастырь шествовал на кладбище и там совершил всенародную панихиду.

[87] - Слово в неделю жен-мироносиц в Пантелеимоновском соборе Ново-Афонского монастыря Сухумской епархии, 20 апреля 1903 г., при священнослужении высокопреосвященного экзарха Грузии

[88] - Анализ еванг. текста взят из поуч. в этот день архиеп. Одесского Никанора

[89] - В Новом Афоне все великолепно, что для Бога,и все скромно и просто, что для людей: чудная роспись в трапезной, но простые и некрашенные столы и лавки для обедающих; чудные храмы – и скромные келлии; везде прекрасные чугунные решетки в церквах и притом собственного изделия монахов, но

простые деревянные перила на лестницах, ведущих в помещения настоятеля и братские келлии… Это бросается в глаза.

[90] - Слово в Сухумском кафедральном соборе в день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Феодоровны, 23 апреля 1903 года. Сказано при священнослужении экзарха Грузии.

[91] - Все это, к сожалению, намеки на факты, взятые из жизни края.…

[92] - Слово в неделю о самарянке, в железнодорожных мастерских на ст. Тифлис, при священнослужении экзарха Грузии, 4мая 1903 г. Рабочие весьма были благодарны архипастырю за внимание его к их религиозно-нравственным нуждам и поэтому пригласили владыку на 4 мая служить у них в день общего ежегодного общерабочего праздника, с которым совпадало двадцатилетие устройства главных обширных мастерских, где и устроен храм (пристроен алтарь). Богослужение совершено весьма торжественно, при сослужении архипастырю 10 священников; присутствовало в мастерских при богослужении более 5000 рабочих. Мастерские внутри были богато убраны цветами и зеленью с отменным вкусом и изяществом. Печатаемое слово имело в виду социально-демократическую пропаганду среди рабочих.

[93] - Сказано учащимся кукийских церковных в г. Тифлисе школ в день памяти свв, Кирилла к Мефодия 11 мая 1903 г.

[94] - Слово в день священного коронования Их Императорских Величеств 14мая1903 г.

[95] - Название Бога Отцом встречается в Ветхом Завете очень редко; замечательно, что в этом месте (Пс. 88, 27) оно обращено к Богу от лица царя, а в другом месте – от лица сирых н несчастных (Пс. 67, 6).

[96] - Намек на явления предреволюционного времени в Закавказьи, в среде рабочих…

[97] - Слово в день прославления преподобного отца нашего Серафима, Саровского чудотворца. Сказано 19 июня в Тифл. Сионск. соборе.

[98] - Поучение по случаю холерной эпидемии. Написано по поручению Особого Совещания по борьбе с холерою в Закавказьи, бывшей в 1903 году.

[99] - Слово в праздник Рождества Пресв. Богородицы 8 сентября 1903 г. в церкви станицы Ново-Александровской, Куб. обл.

[100] - В конце литургии в станице заведен обычай петь «Всепетую» и читать молитву из молебствия Богоматери, помещеннаго в Часослове.

[101] - В тот же день в станичной школе на молебне пред началом учения.

[102] - Слово в день св. ап. Иоанна Богослова; сказано 26 сент. в Иоанно-Богословск. церкви г. Тифлиса.

[103] - Речь при поминовении бывшего редактора газеты «Кавказ» К. Н. Бегичева, 22-го октября 1903 года. Покойный состоял сотрудником «Дух Вести», помещая статьи за подписью К. Б. в 1901 и 1902 гг.

[104] - Слово в праздник Рождества Христова.

[105] - См. еп. Иоанна Смоленского «Богосл. академич. чтения», изд. 1898 года, стр. 138.

[106] - Слово в день нового 1904 года. Сказано 1 января 1004 года в Тифлисском военном соборе, при священнослужении экзарха Грузии. Предчувствия, к сожалению, оправдались. Война чрез месяц была объявлена и оказалась для России неудачною вследствие духовного падения и разлада в русском обществе.

[107] - Сказано в 1904 году 27 января при освящении Николаевского собора в г. Эривани.

[108] - Дальнейшее изложение – по ст. протоиер. Иванцова-Платонова о значении религии.

[109] - Протоиерей Иванцов-Платонов.

[110] - Слово по случаю объявления Высочайшего манифеста о войне с Японией; сказано в Тифлисском военном соборе 29 января 1904 года, при священнослужешии экзарха Грузии.

[111] - Речь при отправлении войск с Кавказа на Дальний Восток на поле брани. Сказана 2 февраля 1904 г. при священнослужении экзарха Грузии.

[112] - Речь при поминовении В. Л. Величко на панихиде, отслуженной членами Закавказского Общества вспомоществования русским переселенцам совместно с членами Тифлисского отдела Императорского Общества в память Императора Александра III-го, 8 февраля 1904 г.

[113] - Голос православного пастыря и гражданина по случаю покушения на убийство Главноначальствующего на Кавказе князя Г. С. Голицына и избавления его от смертельной опасности весною 1904 года.

[114] - Упомянем, например, хотя бы за последние 100 лет такие факты, как отпуск известному А. С. Грибоедову полумиллиона червонцев на переселение армян в Россию из персидского Азербейджана, отпуск казенных денег на тот же предмет при Пакевиче-Эриванском генералу Лазареву, или уплата денег родителям из туземцев Кавказа за то, что они обучали своих детей в открытых на русские казенные деньги училищах.

[115] - Слово в неделю о блудном сыне; сказано в феврале 1904 г. в Тифл. Сионск. соборе.

[116] - Поучение в нед. 2-ю Великого поста в Бодбийском женском монастыре.

[117] - Сказано в 5 нед. в церкви местечка Боржом, Тифл. губ.

[118] - Пасха Христова. 28 марта 1904 года.

[119] - Сказано в день Вознесения Господня и Рождения Государя Императора 6-го мая 1904 г. в Бодб. женск. монастыре Тифл. губернии.

[120] - Слово в день священного коронования Их Императорских Величеств 14 мая 1904 г. Сказано в Тифлессвом военном соборе при священнослужении экзарха Грузии.

[121] - Поучение при освящении церкви в селении Ольгинском, Тифлисской губернии. 21 мая высокопреосвященный Алексей, экзарх Грузии, в сослужении городского и местного духовенства, освятил в русском селении

Ольгинском, отстоящем от города Тифлиса в 12 верстах по Марткобской дороге, вновь отстроенную церковь во имя святых царей и равноапостольных Константина и Елены. Основание этой церкви было заложено еще в бытность экзарха Грузии покойного митрополита Палладия, но ольгинцы долго не могли выстроить ее по своей бедности и малочисленности. В последнее время, благодаря шедрым пожертвованиям Государя Императора, Князя-Главноначальствующего и заботливой попечительности экзарха Грузии, выстроена красивая, светлая, каменная церковь, могущая вместить до 500–600 богомольцев.

[122] - Нед. 4. Сказано в Кук. Иоанно-Крестит. церкви гор. Тифлиса.

[123] - Слово 27 июня 1904 г., в нед. 6-ю; сказано в Ахалцыхе, Тифл. губ., при священнослужении экзарха Грузии.

[124] - Сказано в Ахалцыхе 2 июля 1904 года по случаю посещения города экзархом Грузии, при священнослужении Его Высокопреосвященства.

[125] - Памяти в Бозе почивающего Государя Цесаревича и Великого Князя Георгия Александровича. Слово, сказанное в Аббас-Туманской церкви пред панихидой о в Бозе почившем Цесаревиче, совершенное Его Высокопреосвященством экзархом Грузии 4 июля 1904 года.

[126] - Слово на панихиде по у6иенном министре внутренних дел В. К. Плеве. Произнесено при священнослужении экэарха Грузии в Тифлисском Сионском соборе 18 июля 1904 года.

[127] - Слово в день тезоименитства Государыни Императрицы Марии Феодоровны, 22 июля 1904 года. Произнесено в Тифлисском Сионском соборе при священнослужении экзарга Грузии.

[128] - По поводу русско-японской войны; сказано в м. Боржоме, Тифл. губернии, 1 авг. 1904 г., в празник происхождения честных древ Креста Господне и мучеников Маккавейских, матери их Соломонии и учителя их Елеазара…

[129] - Слово в праздник Преображения Господня и пред молебствием по случаю рождения Наследника Всероссийского Престола Цесаревича и Великого Князя Алексия Николаевича.

Сказано пред торжественным молебствием 6 августа 1904 года, по прочтении Высочайшего манифеста о рождении Наследника Цесаревича, в м. Боржоме, Тифл. губернии.

[130] - Слово в день Успения Пресвятой Богородицы 15 августа 1904 года; сказано в м. Боржоме. Тифл. губернии.

[131] - Имеется в виду многочисленная курортная публика...

[132] - Речь в собрании Закавказского Общества вспомоществования русским переселенцам на благодарственном молебствии по случаю воспоминания об избавлении от смертельной опасности Главноначальствующего на Кавказе князя Г. С. Голицына и при освящении иконы в память этого события.

[133] - Слово в день памяти св. Иоанна Богослова. Сказано в Тифлисской Иоанно-Богословской церкви при священнослужении экзарха Грузии 26 сентября 1904 г.

[134] - Поучение в неделю 20-ю по Пятидесятнице.

[135] - Поучение в неделю. 21-ю по Пятидесятнице по случаю закладки храма в предместье г. Тифлиса – Нахаловке. Сказано 10 октября 1904 года при священнослужении экзарха Грузии. В Нахаловке свила себе гнездо пропаганда соц.-демократ. и сектантская.

[136] - Слово в день 17-го октября и в 22-ю неделю по Пятидесятнице.

[137] - Слово на паннихиде о в Бозе почивающем Государе Императоре Александре III-м 20 октября 1904 года, в день десятилетия со дня его кончины.

[138] - Слово в день рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны, 14 ноября 1904 года. Произнесено в Тифлисском военном соборе при священно-служении экзарха Грузии.

[139] - Разумеем некоторые из последних воскресных фельетонов «Нов. Вр.» и газ. «Право» (№ 41).

[140] - Г. Хендз, английский корреспондент на войне, пишет: «Русские – не просто собрание русских, это какое-то особое существо, могучее, непобедимое. Русский полк может потерпеть поражение, русский корабль утонуть, но все это (в глазах

солдат) не касается России, которая неодолима и неистребима. Россия в глазах русского солдата наделена каким-то особым могуществом, чем-то вроде особой силы природы, неизмеримо превосходящей совокупные усилия отдельных русских людей. Эта вера настолько велика, что ее не могли сокрушить никакие неудачи. Все невзгоды в Маньчжурии объясняются очень естественно, что «не пришла еще Россия». Поэтому все говорят: «война еще не началась, она начнется, когда придет Россия».

[141] - См. письмо Роб. Моргана, диакона англиканской церкви в Америке: «Во всеобщее сведение». («Нов. Вр.», 26 октября 1904 года.)

[142] - Корресп. «Нов. Врем.» Дедлова, Томск 14 октября; там же «Мысли и жизнь» Л. Л. Толстого.

[143] - «Религиозно-философская библиотека» Новоселова, вып. IV, стр. 106.

[144] - Слово в нед. 29-ю по Пятидесятнице в Гудаутской церкви, Сухумской епархии, в присутствии учеников второклассной учительской школы.

[145] - Слово на Рождество Христово 25 декабря 1904 года. Поучение составлено отчасти по руководству ст. архиеп. Иеронима о Рожд. Христовом в Сборн. Барсова.

[146] - Слово на полуночном молебствии в канун нового (1905) года.

[147] - Икону Казанской Божией Матери.

[148] - Поучение в праздник св. Иоанна Предтечи, 7 января 1905 года. Произнесено за всенощным бдением и за литургией; разделено в произнесении на две части; сказано простому народу.

[149] - Слово при погребении престарелой игумении Нины, настоятельницы Самтаврского в Мцхете (в Грузии) женского монастыря, 3 янв. 1905 г.

[150] - Еп. Петра «О монашестве».

[151] - Речь на паннихиде 9-го января 1905 года в Сионском Тифлисском. соборе, при священнослужении экзарха Грузии.

[152] - Речь на паннихиде по убиенном Великом Князе Сергии Александровиче 5 февраля 1905 г.

[153] - Слово на литургии пред погребением преосвященного Вениамина, епископа Горийкого, 19 февраля 1905 г.; сказано в Тифл. Сионск. соборе. Слово эго написано и сказано при особых обстоятельствах: г. Тифлис был охвачен революц. движением, на улицах были войска; собор был пуст во время богослужения и отпевания; сам автор этого слова был приговорен к смерти местным революц. комитетом и шел на службу в собор и обратно под военною охраною... Посему в слове много личных переживаний в виду смерти, которая представлялась почти неизбежной...

[154] - Сказано в церкви Ардовской духовной семинарии, Терской области, в нед. 3-го поста. Составл. отчасти по руководству поучен. протоиер. Гиляровского.

[155] - Поучение в сельской церкви в Великий четверг после прочтения 12-ти евангелий.

[156] - Сказано в неделю Фомину казакам в ст. Ново-Александровской, Кубанской обл., 24 апреля.

[157] - Под таким общим заглавлением печатаем десять листовок, которые написаны были и изданы во множестве для распространения в народе в 1905 г., в дни смуты. Листок по счету V-й отнесен к V тому (1-я часть), как имеющий к нему по содержанию ближайшее отношение (против социализма: «Берегись обманных речей»).

[158] - Под № V издана брошюра: «Берегись обманных речей» (против социализма). Она отнесена к 1-й части V тома настоящего собрания сочинений.